

В. И. ЧЕРНЫШЕВ

II. МЕТАЛОГИКА ОТКРОВЕНИЯ

Книга третья

ПОИСКИ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

«И с ужасом
Я понял, что я никем не видим,
Что нужно сеять очи,
Что должен сеятель очей идти!»

Велемир Хлебников

Санкт-Петербург

2014 - 2018

Второе исправленное издание

© В. И. Чернышев, Сочинения, составление, 2017

Полночь, 19 ноября 2017 г. Это не философия мира, а история моих исканий, но я надеюсь, что она окажется поучительной – я человек, и многое человеческое мне не чуждо, многие соблазны меня искусили, и многие слабости меня одолели, и вот поэтому я могу быть близок и понятен ищущим, не чуждым любви, как и я, ненависти, страстей и хотений. Читатель во мне узнает себя, и чтение будет ему интересно, и вдохновит его на возвышение и на подвиг борьбы за личность и свободу, за правду и Россию. Он многое и без меня знает, но я, возможно, сумел глубже увидеть скрытое за завесами.

С детского возраста жил я с ощущением призвания, это наложило на мою личность необычный отпечаток. Я рисую здесь свой портрет героически, я изображаю Героя, который нам необходим. Не важно, таков ли я в обыденной реальности, я творю Миф, я мог бы назвать героя своих книг другим именем, нежели я сам – но зачем эти ухищрения? Читатель видит, что во мне нет самомнения, я искренен достаточно для того, чтобы меня читать серьезно и без высокомерия. Когда художник пишет автопортрет, он не смотрится в зеркало, он создает Образ. Иначе он пошел бы к фотографу.

Перед вами *герой*, в которого автор превратил себя (чтобы не тратить слишком много времени на фантазии, а время не терпит, корабль наш уже под водой!)

У меня немало слабостей и недостатков, но это как раз и делает меня близким большинству, ибо большинство может о себе сказать то же самое, только пороки и слабости их сильнее и недостатки культуры более вопиющи. И все же читатель увидит, что и я подчас невежествен как и он, а не кладезь мудрости.

И все же, зная не намного более того, что знал Сократ, я с грустью вижу, что большинство не читало Библию, мало читавших Маркса, еще меньше читавших Платона и Аристотеля. Даже Достоевского, Толстого, Салтыкова-Щедрина, протопопа Аввакума, Розанова и Иванова-Разумника...

Очень мало тех, кто способен судить о событиях истории, о тех или иных явлениях жизни. (Правда, *смеют* судить многие, но каковы их суждения!?)

Я слушаю музыку, бываю в опере и на выставках, бывал во многих уголках России – я не кабинетный ученый, не ремесленник и не политик, не проповедник и не торговец несомненными истинами. Среди невежд я один из самых знающих, но перед образованными людьми опускаю голову. Если я превосхожден, то среди посредственных, хотя и среди превосходных не самый худший. Во всем я подобен живому человеку, в слабостях, в желаниях, в страхе и часто в неумении – только равнодушному и предающему я не подобен, остальные же найдут во мне товарища и собеседника, может быть учителя, иногда ученика, страдающий найдет сочувствие, собеседник понимание...

(Красивая женщина найдет во мне восхищение, дитя – любовь...)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Письма
о естественных заблуждениях ума

2005 - 2010

.

ПРЕДИСЛОВИЕ К САМОДЕЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Да не подумает читатель, что я настолько утерять всякое критическое к себе отношение, что надеюсь спорить с философами, почти их не читая и с трудом разбираясь в их рассуждениях! Я и в математике не силен, и иное приходилось мне прочитывать по три раза, чтобы хоть что-нибудь понять. Надеюсь, что вот возьмусь за постепенное овладение философской литературой, и мало-помалу кое-что постигну, а начну с сочинений Гегеля о религии.

Прежде кое что в этом роде мне приходилось читать, в частности, прочитал «Антихристианина» Ницше – увы, очень поверхностное сочинение, и ничего Ницше не понимает в религиозном сознании.

Ну, если и великий Ницше дерзал писать о том, в чем ничего не смыслил, оправданы и мои дерзания.

Итак, несколько лет назад для журнала «Философская культура» начал я писать ряд статей – и хотя не сумел объяснить те проблемы, о которых начал рассуждать, но и глупостей, по мнению Философа, не понаписал.

Посему год назад решил я продолжить свои опыты и изложить представления о Мире как о духовном бытии, подобном житию человеческому, в связанном сочинении. Но недостаток знаний прервал мою работу, и остановилась она почти вначале.

А я в унынии, в духовном упадке, болен, отчаиваюсь преодолеть немощи телесные и духовные и чуть ли не боюсь уже, что дни мои сочтены.

Вот почему провел я ревизию прежде написанного, и из корзины извлек даже сочинение почти тридцатилетней давности. Но, возможно, я и теперь не намного умнее, чем был тогда. Ибо начал перечитывать, и показалось кое-что неплохо написанным. А если позже сумею дополнить представленные в этой книге отрывки и чем-то более глубоким и изящным, то вполне оправдаюсь в своей самонадеянности: предстанет моя доморощенная философия в некотором развитии, и, возможно, любопытной покажется не профессиональному философу, а просто рассуждающему читателю, задумывающемуся о сущности мира и жизни.

Почти двести лет назад И. В. Киреевский писал «Нам *необходима* философия: все развитие нашего ума требует ее. Ею одною живет и дышит наша поэзия; она одна может дать душу и цельность нашим младенствующим наукам, и самая жизнь наша, может быть, займет от нее изящество стройности. Но откуда придет она? Где искать ее?»

Нет уверенности, что русская философия полностью на его вопрос уже ответила, поэтому и мой опыт может оказаться бесполезным, тем более если смотреть на него не из рамок философских систем, а из ряда всех моих книг, относясь и к этой книге как к чисто литературному явлению.

2

Вещественный МИР как *собрание предметов* – и БЫТИЕ – в каких отношениях они находятся друг к другу?

Вероятно, кислород и водород даже не подозревают, что обладают способностью рождать воду. Также и кирпичи не виноваты в том, что из них можно построить тюрьму.

Но само строительство мира (если только и в самом деле он *строился* от того примитивного состояния, когда не было даже светил и сложных химических веществ), должно бы приводить в удивление – появляется только то, что *надо*, что не препятствует дальнейшему развитию, а обладает для него условиями, и не появляется нелепостей – свет летит прямо, питекантропы не растут на деревьях, звезды обзаваются спутниками, рано или поздно, на суше или в океане образуются гады, сначала совсем маленькие, потом большие, а дальше и сам «венец творения» – человек. «Плана не было», говорит материалист, не было даже замысла, и разлетаясь туда-сюда, космическая пыль не имела ни умысла ни воли к построению вот такого славного будущего.

Суть естественного отбора заключается в том, что особи некоторого вида рассматриваются словно элементы множества, находящиеся в некоторой изменчивой природной среде, которая с ними взаимодействует так же, как ветер взаимодействует с песком, случайным образом меняя направление и силу, в силу чего песчаная поверхность так же непредсказуемо меняется. Вот так и природная среда, не имея ни намерения, ни цели, изменяясь, меняет элементы вида. Но каков же механизм этого изменения? Мы все знаем, что изменяются очертания гор, но если геолог не объяснит характер и смысл совокупного влияния ветра, воды, солнца и тектонических сил на горные породы и поверхность гор, в результате чего меняется очертание земного мира, то в чем будет смысл *теории геологических изменений*?...

Изменяясь, и проявляя это изменение как *развитие* (или, по крайней мере, усложнение), мир, тем не менее, не мог обладать волей или *целеустремленностью*, говорит материалист; пройдя гигантский путь от «праматерии» до того момента, когда «зародилась жизнь» – на весьма уже благоустроенной Земле, мир, тем не менее, не содержал ни в себе самой направляющей силы, ни извне ее не принимал; действовали только силы отталкивания, потом еще притяжения, и вот... сами собой пылинки, беспорядочно спасаясь бегством из центра первичного взрыва, не имея ни воли, ни намерения, образовали Космос, потом породили Жизнь с ее волей и намерением, а уже потом сочинили логику и философию.

На этой оптимистической ноте я и закончу свои предварительные рассуждения.

Р. С. Ибо, как в конце концов оказалось, подлинные рассуждения отсюда только начались.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЖИЗНИ

Устал я спорить и поучать, опровергать общепринятые мнения, не имеющие продуманных оснований, и вот наконец явилась мне счастливая мысль – в связи с изданием нового философского журнала привлечь к дискуссии (в отдел естествознания) тех ученых, "физиков и лириков", биологов и математиков, у которых еще остались сомнения относительно некоторых укоренившихся в массовом сознании идей, как то: прогресса, эволюции (по Дарвину и без, в природе и в культуре), первичности материи, относительности времени, теорий Фрейда, Маркса, Адама Смита и т. п.

Пусть ученые сами объяснят, почему они думают, что если сесть около болота на окраине Петербурга и подождать миллиард лет, то в болоте сам собой зародится крокодил, или что вода в нем приобретет свойства взрывчатого вещества. Пусть они спросят себя и ответят хотя бы самим себе, что такое *изменение* и *развитие*, и откуда появляются *новые свойства* – изнутри или извне; и если "*ничто ни откуда не прибывает и не убывает*" в отношении количества (как это сформулировал великий Ломоносов, и принято с тех пор без возражений физиками и химиками), то почему они думают, что новое *качество* прибывает само по себе, даже не рассудив, откуда оно прибывает. Математики, выводя новую теорему из старых аксиом, все еще задаются вопросом, не является ли это новое содержание только новой комбинацией уже известного, и таким образом, не является ли вся математика (как горестно спрашивает Пуанкаре) всего лишь тождеством. Почему бы об этом же не задуматься физикам?

Но достаточно риторических вопросов, попробую высказаться по существу моих претензий к *положительному* мировоззрению.

Представим себе, что мы остановили *внимание* на некотором предмете – понятии, идее, явлении, образе, – и прежде чем *понять* данный предмет, или уяснить, развить, расширить его понятие, произвести из него следствия, мы задаемся вопросом: как данный предмет образовался, находится ли он в мире или только в нашем сознании? Как мы его представляем и познаём, истинно или ложно, возможно ли вообще его достаточное познание, из каких элементов оно складывается (тем более, если речь идет о познании Бога, или – что не менее трудно – о познании самой *познающей способности*, то есть *сознания*, и о содержании знания и акта познания).

Вопросы эти важные, но из внимания к ним, одновременного с вниманием к предмету познания, проистекают некоторые фундаментальные заблуждения, сопутствующие философии и науке,

которыми занято меньшинство, а также обыденным представлениям *молчаливого большинства* (хотя иногда оно бывает чрезмерно болтливым).

А именно.

При доказательстве некоторой теоремы (скажем, № 187), доказательство которой основано на ранее доказанных и признанных сообществом математиков теоремах № 186 и 185, мы следим (и наши оппоненты также) за верностью и непротиворечивостью всей математической совокупности рассуждений, принятой в рамках данной математической дисциплины, и необходимой для разрешения данной конкретной задачи. Исходные же понятия, лежащие в основании математики, считаются при этом уже общеизвестными, и не подлежат именно теперь дополнительному рассмотрению. Так же не требуется выяснение вопроса, как эти понятия появились, образовались, принадлежат ли они к бытию мира, или создавались самим человечеством наподобие того как строится из кирпичей дом, то есть что их изначально не было, а потом они *стали*? (Или же они находятся всегда и предвечно в сознании Бога?) Так же не требуется (при доказательстве теоремы) выяснение вопроса, как по мере взросления конкретного человека появляется и уясняется в его уме то или иное математическое понятие.

Но, предположим, наконец объектом нашего внимания явился и этот вопрос – *что такое сознание*? Или что такое те или иные понятия, которыми сознание оперирует (пользуется) как вполне ясными и определенными, как они постепенно зарождались в уме человечества, как они становились известными уму ребенка, как они кристаллизовались и окончательно прояснялись в уме учащегося?

Однако, и в этом случае надо следить за несмешанностью логической работы. Так, последние два пункта относятся к ведению детской и школьной психологии, и надо твердо уяснить, что если нашей задачей является анализ понятия, то к его содержанию не относится то, как мы сами его уясняем. Например, английский язык – это одно, а степень его усвоения и знания учащимся – это другое. И хотя учащийся создает своего рода копию английского языка в своем уме, он не создает самого языка, английский язык существовал уже раньше и независимо от учащегося.

Не так же ли обстоит дело, например, с понятием числа? Или с понятием геометрической фигуры? Уже в детском саду, узнавая о существовании треугольника и четырехугольника, равностороннего треугольника и квадрата, ребенок сознаёт, что это не он сам их придумал, а только научился их выделять и представлять. Вообще, научение и *образование* (то есть процесс научения и узнавания) никто не истолковывает как "образование" в смысле созидания, *создания*. Образование в смысле личного приобретения знаний о мире, и "образование" как постройка чего-либо – например,

взявшись за руки и становясь в определенном порядке, мы можем *образовать* круг – очевидно разные вещи, и изучая в школе и университете арифметику, алгебру, геометрию, то есть получая математическое образование, мы не создаем, не образуем, не строим саму математику, не создаем впервые числа и фигуры аналогично тому, как, возводя на пустыре дом, создаем его впервые как данный единичный предмет в данном месте, или, сочиняя роман, привносим его в литературу, где именно этого романа еще не было (хотя были другие).

Учащийся узнаёт о существовании числа и фигуры, как и о похождениях Д'Артаньяна, но не он их придумывает.

Еще пример.

Ребенок заучивает стихотворение Лермонтова, и учитель проверяет, насколько точно он его запомнил, насколько правильно понял – при этом учитель исходит из того, что стихотворение уже есть, уже существует, принадлежит к миру (вещей или идей, или чего-либо еще). История же создания стихотворения, последовательность его вариантов – тема другого исследования. И точно так же происхождение самого русского языка и история его развития.

Возвращаясь к математике, напоминаю, что справедливость теоремы №187 устанавливается и проверяется в ходе доказательства, когда считается, что предшествующие ей утверждения уже установлены, определены или *даны* в качестве аксиоматических, когда все споры и доводы принимаются только в рамках математического языка с его правилами, и не принимаются ссылки, например, на постановления партийных съездов или на статьи уголовного кодекса. Разумеется, тем самым не снимается вопрос об обоснованности *математики как таковой* (быть может, она беспочвенна), не отменяются вопросы о характере преподавания, о трудностях изучения, об истории математики, и так же об истории ее первых шагов, первых глав – но необходимо помнить, что содержание математики не зависит от того, как преподаватель строит свой урок, не зависит от того, как, по каким принципам написан школьный учебник (более того, в учебнике несведущий автор может допустить ошибки и противоречия – из этого не следует, что противоречива или ошибочна та часть идеального математического здания, описанию которой посвятил неудачный пассаж неудачливый автор – точно так же свидетель на суде может солгать или напутать, но это не изменяет истинную природу события, о котором он дал неверные показания).

Не всё в математике ясно, не все противоречия устранены – и в рамках математического языка и правил математики мы исследуем неясное и противоречивое и приходим к некоторым последовательным выводам. Вот так же на протяжении более двух тысяч лет возникали разного рода сомнения относительно постулата Евклида о параллельных

прямых, и они были разрешены построением непротиворечивой геометрии (Гауссом и Лобачевским) в рамках иной аксиоматики, нежели та, что лежала в основании привычной геометрии Евклида.

Противоречие по своему содержанию, по своей сущности носило логический характер, относилось к математике (но не к химии или теории права) и было разрешено математическими средствами. Не устраивалось голосование, не испрашивалось мнение отцов Церкви и членов Политбюро.

Оперируя понятиями числа и фигуры, точки и множества, функции и аргумента, математика оперирует ими как математическими понятиями, строго согласованными с сущностью математического метода, с его внутренним содержанием, даже когда понятия аксиоматичны.

При этом русские школьники несколько иначе обучаются, нежели английские, пользуются другими учебниками, и, возможно, несколько иначе постигают важнейшие понятия связности, равномерной непрерывности, предела, нежели их коллеги в Англии. Однако предел у Чебышева и у Ньютона, у Стеклова и у Пуанкаре – тот же самый, иначе не существовало бы универсальной математики, а у каждого народа была бы своя, как танец или песня.

Но тогда спросим: относится ли к содержанию *понятия числа* и то, как считали пленников в древнем Египте, и как измеряли земельные участки в древней Греции? Относится ли к содержанию геометрии то, что с ее помощью производились измерения земли? Относится ли к содержанию интегралов, вычисленных Кеплером, то, что ему они пригодились при измерении вместимости винных бочек?

Постепенное уяснение ребенком и школьником счета от единицы до десяти, и далее – таблицы умножения – не является созданием числа – но а постепенное уяснение того же счета от единицы до десяти и до тысячи древними ассирийцами, индусами и китайцами – оно-то ли создало их? Сочинил ли человек число, человек ли его сочинил и сочинил ли его кто-либо? – в том, как мы пытаемся ответить на этот вопрос, проявляется разность двух противоположных миропониманий, или даже двух типов сознания.

Впрочем, не в том беда, что люди думают неодинаково, а в том, что большинство людей вовсе не умеет думать, и выстраивая картину мира, нагромождает и связывает между собою взаимоисключающие утверждения, идеи, точки зрения. Так, физик, например, твердо убежден, что физика описывает (более или менее точно и полно) объективный физический мир, что в физике не находится каких-либо положений, которых не было бы в мире (хотя, быть может, представление этих положений в физике и не совпадает с тем, как они проявляются в предметном мире), что яблоки падают на землю не потому, что Ньютон придумал Закон всемирного тяготения, и что он его не придумал в том же смысле, в каком мы придумываем планы на завтрашний день. Однако этот же физик читает в школьном учебнике (да и в университетском то

же), что число *придумали* сначала древние египтяне для того, чтобы считать пирамиды, а потом у них эту счастливую выдумку подхватили греки, и Пифагор *придумал теорему о том, что катеты "рождают" гипотенузу*.

Итак, надо тщательно следить за точностью и осмысленностью тех идей, которые мы исповедуем, и если мы, например, верим, что дважды два равно пяти, то хотя бы надо принцип этот выдерживать и далее, чтобы быть последовательными, а не уверять после запятой, что теперь уже мы передумали, и дважды два стало равно семи.

Рассмотрим некоторые из идей, определяющих мировоззрение современного полуобразованного человека – не с тем, чтобы эти идеи опровергнуть, а только уяснить, что именно под ними понимается. Верны ли идеи, правы ли те, кто их поддерживает – это тема для обсуждения в последующих выпусках нашего журнала, и я надеюсь, что выскажутся противники их и защитники.

А пока моя задача – определить их содержание.

Начнем с *эволюции*.

Кажется, еще Гераклит сказал, что "все течет, все изменяется", а потом добавил, что "в одну реку не войдешь дважды" – и я с ним согласен.

Правда, стоит только пристальнее задуматься над идеей изменчивости, и тогда покажется, что это отчасти так, а отчасти не так. Чем мы поверяем бытие – вечностью или временем? А если временем, то – каким?

Рассуждения и оценки исходят из того, что в центре их – человек, они – антропоморфны. Когда мы оцениваем что-нибудь как большое, тяжелое, стремительное, холодное или горячее, то именно человек и является единицей измерения – что-нибудь является больш́им или малым в сравнении с человеком. Естественно и под временем понимать не время вообще, а – время жизни человека. С этой точки зрения *изменчивость* проявляет себя по разному. Реки как текли, так и текут (правда, есть и такие, что меняют свое русло через десять или двадцать лет, и только они воистину непоседливы!). Хотя, воображая тысячелетия, или миллионлетия, заметим, что все реки за миллион лет изменились *как следует* – и всё же, для философствующего наблюдателя река – не образец изменчивости; меняется текущая в ней вода, и именно это метафорически отметил наблюдатель, стоя на берегу реки.

Неподвижно звездное небо над головой, и как в детстве я видел Полярную звезду и Млечный Путь, так и через пятьдесят лет всё то же и там же.

Всё те же несправедливость, зависть, злоба, успех неправедных и унижение праведных – ничто не изменилось, сколько я вижу, и поэтому справедливее сказать, что "ничто не течет, ничто не меняется".

Правда, после некоторых размышлений я соглашаюсь признать, что иное и впрямь меняется, но, увы, в худшую сторону.

В чем же правда? В том, что "все меняется", или в том, что в существенном "все неизменно"? Очевидно, речь идет о разных вещах.

Если уподобить мир Колизею, на сцене которого разыгрываются сцены (происшествия) нашей жизни, то сцены эти беспрестанно меняются, но неизменен каменный величественный Колизей (по крайней мере, при моей жизни).

Итак, напоминаю, что в основе наших умозаключений лежит либо *непосредственное наблюдение* (текущей реки, встающего на востоке и заходящего на западе солнца), и тогда мы говорим, что *всё течет*, и солнце обращается вокруг земли; либо в основе наших умозаключений лежит *умозрение*, и тогда, несмотря на очевидность того, что вечен Колизей, неизменны горы и неподвижны звезды, мы утверждаем, что "ничто не вечно", и не только всё течет и изменяется, но изменяется именно всё, и даже солнце меняет своё положение среди звезд, но это – результат умозрения, в основе которого лежит череда наблюдений нескольких поколений наблюдателей, показания которых мы соединяем умозрительно – в единое временное показание, хотя и лишенное субъективной достоверности.

Меняется и быт и жизнь народов, и многие уже в древности обратили на сие внимание, и создали особый раздел философии – историографию (или историю), и Геродот, Аристотель, Плутарх посвятили ей глубокие исследования. Но, однако, описывая изменения, философ часто затруднялся давать им оценку, происходят ли эти изменения к лучшему, *совершенствуется ли то, что меняется*, хоть в каких-то отношениях, или, наоборот, увядает, умирает (так человек, старея, точно претерпевает ущерб в отношении силы, выносливости, а если это касается женщины, то, как правило, и внешней привлекательности), или, по крайней мере, приводят ли эти изменения к *усложнению* или упрощению? Выигрывает ли меняющееся, развивается, *эволюционирует*, или, наоборот, проигрывает, скудеет, деградирует? Прогрессирует или регрессирует (то есть возрастает или убывает)?

Древние относительно истории человечества полагали, что мы движемся по нисходящей ветви, и сначала был золотой век человечества, затем бронзовый, и наконец наступил худший век – железный. Но о многих вещах, как я уже сказал, не решались заключить окончательно, что к чему движется, и Аристотель в "Политике" полагает, что в образе правления и в общественной жизни прогресса нет – тирания сменяет демократию, олигархия – тиранию, анархия приходит на смену тому и другому, затем все повторяется.

Однако, чтобы "разобраться" с изменчивостью, недостаточно установить время, относительно которого мы ее *наблюдаем* или *умопостигаем*, но и надо разделить объект наблюдения и умозрения на генетически различные части. На что мы смотрим и о чем размышляем? Идет ли речь о природе в узком смысле этого слова, состоящей из растительного и животного мира и среды их обитания, рек и озер,

воздуха, ландшафта и почвы, а так же и человека, неотъемлемого от природы, и звездного неба, и солнца, согревающего и освещающего днем, и луны, освещающей ночью?

Идет ли речь о космосе, в котором даже солнце безлично, а земля – не центр мироздания, а крошечная пылинка, и даже Млечный Путь – заурядное скопление звезд (у космического пивного ларька!)?

Или речь идет о мире в целом, включающем и космос, и природу и человека?

Но вот тут возникает первая загвоздка для положительно размышляющего человека. Если, размышляя о природе, он оглядывается вокруг себя, и верит тому, что видит, и интуитивно, или безотчетно, но полагает, что эта видимая природа и есть, по существу, весь мир (включая и солнце, и *звездное небо над головой*), то, представляя космос (или весь мир – а представление о мире для положительно размышляющего человека по существу не отличается от представления о космосе), положительный человек вычеркивает из этого представления самого человека напрочь, умозрительно он представляет себе трехмерную сцену, бесконечно разверстую во все триединые врата, и мечущиеся по ней звезды, сами по себе не знающие, "сколько их, куда их гонит...", и по собственной ли воле они мечутся.

Пока я только надеюсь пробудить естествоиспытателей к тому, чтобы они внятно изложили свои взгляды, спор наш – впереди.

Поэтому, в качестве преамбулы, начнем с устройства и происхождения космоса. Что с ним будем завтра, об этом поговорим позже. Каков он сегодня – об этом сказано достаточно, и разногласий нет – космос во всех своих частях благоустроен, гармоничен, прекрасен, солнечная система устроена удивительно просто, звезды, как правило, объединяются в группы, (словно для душевного разговора), на небосводе вычерчивают изящные геометрические фигуры и даже, по мнению многих (в том числе и великого Кеплера) влияют на судьбы людей.

Гармонией поражает все: звезды – это огни (или фонари) во вселенной, они горят и светят (а что бы им не быть холодными каменными горами?), межзвездное пространство поразительно чисто, иногда проносится пылинка и сгорает, врезаясь в атмосферу земли, иногда проносится комета, внося беспокойство в умы; и хотя астрономы говорят о туманностях, но это метафорическое название далеких звездных скоплений, воспринимаемых глазом в виде туманного пятнышка.

Итак, космос – это гармония, это даже образец гармонии.

Почему же бездушный мир так гармоничен, так противоположен хаосу, который представляют собою, например, свалки на окраинах русских городов и сел?

Если бы мир (космос) образовался *просто так*, наобум, абы как, случайно и безотчетно, не имея ничего заранее ввиду – был ли бы он

вот таким поразительно соединенным, согласованным, похожим во всех своих частях, имеющим одинаковые физические свойства (как о том мы догадываемся по астрономическим наблюдениям) и даже одинаковое поведение во всех местах? Быть может, именно для ответа на этот вопрос и стали выдвигаться гипотезы о происхождении и сотворении мира и его дальнейшем *развитии*, эволюции.

Первая стройная и всеобъемлющая гипотеза была изложена в Библии (и содержалась в более ранних легендах древних народов), и состояла она в том, что Бог-Творец, всеобъемлющий и содержащий в Себе и время и пространство, и бытие и небытие, создал свет, земную твердь и все окружающее, природу и человека, и женщину для утешения и радости ему, и поскольку творческая энергия была единой, неотрывной от Духа Божия, и не иссякала, то и творение имеет в себе образ Творца, и потому великолепно.

К сожалению, гипотеза эта была отчуждена и ограждена от дальнейших размышлений и обсуждений, и не приобрела глубины теории, хотя и была объявлена истиной в последней инстанции.

После этого, уже в двадцатом веке, в рамках астрономических умозрений, отчасти напоминающих хрестоматийное "Откуда есть пошла..", отчасти мои собственные "полуфилософские" рассуждения и умозрения, появилась гипотеза о возникновении всего ныне видимого космоса (включая и того, кто ныне на него так странно смотрит) из первоначального "ничто", небытия, или словно бы и бытия, но вмещенного первоначально в весьма малое пространство, практически неотличимое от точки, причем и возникло бытие из небытия в результате не творческого акта созидания, а умопомрачительного взрыва.

Правда, вопреки сказанному, исходная точка чем-то *обладала*.

Во-первых, она *была*, следовательно, *обладала* бытием.

Во-вторых, вмещаясь в весьма малые размеры, всё же – *вмещалась*, то есть *обладала пространством*.

В-третьих, так как взрыв произошел именно 19 миллиардов лет назад, то начальная точка, в которой возник мир, являлась началом времени, следовательно, *содержала в себе и время* (или же сочетала свойства времени и безвременья?).

Возможно, время начало быть; возможно, и пространство начало быть; однако, так как после взрыва вселенная расширялась, то она обладала и тем, что расширялось, и способностью к расширению.

Пролив на скатерть вино, мы со страхом видим, как розовое пятно расширяется на белой скатерти – ему есть, на чем расширяться.

Но *в чем* расширялась (и даже до сих пор) вселенная? Отодвигается ли ее граница в ничто? И что значит расширение? Становиться больше можно только *в сравнении* с чем-то. Если сегодня вселенная расширяется (я не спорю), то мы имеем возможность говорить об этом, имея некоторые неизменные эталоны, например, землю, или солнце,

или солнечную систему, или воображаемую длину, которую в течение года пролетает луч света, скорость которого мы полагаем неизменной, а также полагаем, что и время меняется равномерно.

Но с чем можно было сравнить размеры той вселенной, которая, как Кашеева смерть, была заключена в скорлупе, еще пока все было тихо, и о которой мы думаем, что, что она была исчезающе малой? Не сравниваем ли мы ее размеры с землей, на которой мы теперь философствуем спустя 19 миллиардов лет? И с каким временем можно сравнить то время, которое якобы потекло после взрыва, и которое мы оцениваем в ничтожных долях секунды – с тем ли, в течение которого земля обращается вокруг солнца, если тогда еще не было ни того ни другого? С временем ли движения света, если еще не было света, и некуда ему было стремиться, потому что еще не было и пространства?

Поневоле придется отвлечься на почти постороннее рассуждение.

Почему вода, скатываясь вниз под воздействием силы тяжести, не скатилась еще вся к центру земли? Почему и высоко в горах бывают болота, хотя и текут и текут из них ручьи и реки вниз к подножию гор? Почему и далеко внизу, в долинах, есть пустыни, хотя сверху на них изливается вся вода от дождей и рек, скатывающихся сверху вниз?

Об этом, совершающемся ныне, плохо знают даже самые мудрые.

Но проще объяснить причины и состояние того, что во мраке веков, тем паче – в начале мира.

Почему?

Потому что эти "объяснения" никто не может проверить.

Но мы, имеющие способность критически рассуждать, не утратили способность задавать вопросы.

Если теория не отвечает ни на один из них, если она даже их не понимает, если она не в состоянии сама их задать – то что она объясняет?

Акциденции космоса – появились ли они потом из ничто как и сам космос, или уже существовали в этом изначальном "ничто"? Да и сам взрыв содержался ли в нем, как содержится он в динамите (в качестве способности), и как не содержится, например, в обычной воде?

Появляются ли новые свойства? – Этот вопрос требует дополнительного разъяснения.

Натуральный ряд – это последовательность (или множество) чисел $1, 2, 3, 4, 5, \dots, n, n+1, \dots$, где каждое последующее число равно предыдущему плюс единица.

Выбираем из него частичную последовательность (или подмножество): $3, 5, 7, 11, 13, \dots$ – ряд простых чисел.

И вот зададим простой вопрос – содержался ли "Ряд простых чисел" в "Ряду натуральных чисел"? Понятие о *натуральном числе* включает ли

уже понятия о четных и нечетных числах, о числах простых и составных? Или, выбирая подмножество 3, 5, 7, 11, 13, ..., мы уже исходим из нового понятия о простом числе, оно не образуется в процессе выбора, а сам выбор является его реализацией? Трудно предположить, что в том сверхплотном сгустке материи, из которого якобы родился космос, уже содержалось и время и пространство, и дух, и плоть, и даже простые числа – но еще труднее допустить, что изначальное "ничто" породило время, не будучи им беременно (легче думать, что взорвется вода, не обладающая способностью взрываться), а также пространство, а также направление времени, его необратимость, равномерность и масштаб, то есть свойство сравнимости с некоторым временным интервалом (чего, например, лишены комплексные числа). Еще труднее допустить, что именно время порождает развитие (ибо самый закоренелый материалист не будет утверждать, что галактическая "протоплазма", сегодня еще не имеющая ни электронов ни атомов, ни воли, ни внимания, завтра родит человека – но он утверждает, что всё дело во времени, и что если подождать не один день, а целых 19 миллиардов лет, то человек родится. Так, значит, не сам прах обладает родильной способностью, а – время? Но заключено ли оно было в той горстке праха, которая была кем-то смертельно стиснута (словно эки в Российской тюремной камере), и не выдержав стеснение, взорвалась?

Мы знаем, что зерно пшеницы не прорастет рожью, даже если его положить в землю на миллиарды лет – но то, что не обладало даже сложностью атома водорода, проросло физиками и астрономами (не сразу, возражают мне, потребовался "ряд волшебных превращений милого лица" *протоматери*).

Этак, насыпав в мешок печатных буковок, и даже его не встряхивая, можно надеяться, что мы выгатаем через мильон лет "Войну и Мир" (а может быть, и это мое письмо)?

Я готов допустить, что, разлетаясь после взрыва (хотя, ведь, и некуда было разлетаться? Разлетаются в пространстве – и значит, должно было сначала разлететься пространство в "ничём", чтобы затем за ним устремились осколки взрывного устройства?) – но, все-таки, пусть, разлетаясь в пространстве – а, значит, уже существовали и силы притяжения и отталкивания – осколки взрывного устройства вели себя так благонадежно, что вместо разрушений и хаоса – как бывает после взрыва – "сеяли разумное, доброе, вечное" – но если у них (или у кого-то "над ними") не было намерения и плана, если разлетались они наугад, и даже не влиял на них "половой инстинкт и борьба за существование" (как у Дарвина в его схеме эволюции Природы), то все же совсем неправдоподобно, чтобы из "абы как" мы получили сегодня и Млечный путь и хрустальные сферы.

Вблизи уже завершения своих инвектив добавлю.

Наука, как правило, осторожна в своих выводах относительно ясного и конкретного предмета исследования.

Мы до сих пор не понимаем природу даже обыкновенной молнии, тем более шаровой.

Не умеем предвидеть землетрясений.

Плохо справляемся с насморком.

Встаем в тупик перед "женской логикой".

Но от имени науки очень удобно бывает создавать глобальные и всеобъемлющие учения, объясняющие начала и концы всего сущего – ибо эти объяснения невозможно проверить. К таким учениям относятся "теория" первичного взрыва и разбегающихся галактик, теория прибавочной стоимости, устройства земного ядра, теория эволюции, учение о "диалектике природы и происхождении семьи и человека"... и многое другое.

Ну и, наконец, чтобы не создавалось впечатление, что я нападаю только на ученых, коснусь я и заносчивости и прямолинейности философов.

В одной из своих статей Кант исследует вопрос о том, надо ли всегда говорить правду, и приводит в качестве примера случай, когда злоумышленники ищут человека, чтобы его убить, и спрашивают свидетеля, по какой дороге бежал преследуемый. В Библии приводится аналогичный случай с блудницей, обманувшей преследователей праведника, и тем даже оправдавшейся на страшном суде, но Кант советует говорить всегда правду (пример блудницы его не убедил) и приводит хитроумные доводы в защиту своего совета.

Что на это можно возразить?

Философ заблуждается, думая, что из справедливости аксиомы о параллельных прямых следует, что и в жизни надо всегда ходить прямо. Народная мудрость полагает иначе: *Кто прямо ходит, тот дома не ночует.*

На этом бы и стоило закончить.

Но...

В чем же причины положительных представлений о развитии и совершенствовании мира от протоплазмы до мыслящего человека (а далее и до Бога – кто остановит развитие, совершающееся без прежде заданных оснований?).

Причин этих несколько, и помимо логических aberrаций, логической *редукции*, действуют еще психологические штампы.

После того, как появилось представление о химических реакциях и соединениях, мы привыкли смотреть на мир как на конгломерат химических веществ, и развитие неживого мира представляем как результат химических реакций, в ходе которых появляются новые вещества и новые свойства. Водород, сгорая в кислороде, порождает воду. "А далее – везде..." Жиры, белки, углеводы, амеба и человек... Мир эволюционировал в результате того, что первоначальная колба, в которой нечто содержалось, взбалтывалась, первичные *простые* вещества

соединялись друг с другом, и образовались сложные органические соединения...

Произошли и два непостижимых качественных скачка, о которых не хочет говорить наука с точки зрения изменения самой сущности мироздания.

Итак...

В первоначальной колбе (по учению сторонников Большого Взрыва) содержалась *праматерия*, которая еще не была даже веществом, и даже не представляла из себя продуктов атомного взрыва. Это изначальное *нечто* не содержало элементарных частиц, электронов и атомов. *Вещество* еще должно было родиться. Как и почему? – В результате механического разбегания и хаотических столкновений в расширяющейся колбе после взрыва.

Следовательно, первый этап образования мира – *механика*.

Затем каким-то образом из механики родилась *химия*.

В расширяющейся колбе стали происходить химические реакции и тут вдруг химия родила биологию, и появились *воля* и *стремление*. Ну а дальше уже все проще простого – дальше уже все что угодно...

Что же из чего образуется? Если ученый все еще понимает, что беспорядочно насыпанные в колбу буквы сами по себе не образуют (в результате ли разбегания или столкновений) Войну и Мир, что необходим творческий акт и почти бесконечное количество предварительных условий этого акта – живая и неживая природа, человек, народ, история и культура – то почему-то он верит, что эволюция мира осуществима *вне* творческого акта, сама по себе? Да разве менее удивительно, чем писание романов, способность кислорода вступать в легкомысленные связи с кем попало, порождая разнообразных детей, от бездарных и порочных, до гениев, от ржавчины и дыма и угарного газа до водорослей и растений? Если это простой результат перемешивания кубиков, то разве не удивительно, что даже всякое изменение даже вещественного мира (а сначала и не-вещественного) было в каждое мгновение усложнением, прогрессом, *развитием*, восхождением от невразумительного, безвидного "ничто" к великолепному сияющему космосу? И если даже жизнь появилась случайно, то не странно ли, что "ничто" приготовило для ее появления такую великолепную колыбель? Нет, говорит материалист, мир не содержал ни в себе направляющей силы, ни принимал ее извне; действовали только силы отталкивания, потом еще притяжения, и вот... сами собой пылинки, беспорядочно спасаясь бегством из свержкатастрофы, соединились сначала в Космос, потом породили Жизнь с ее волей и намерением, а уж они написали логику, философию и литературу.

На этой оптимистической ноте я и закончу свое первое письмо.

ПИСЬМО ВТОРОЕ
РАССУЖДЕНИЯ ОБ АПОРИЯХ ЗЕНОНА.

Итак, любезный друг, я снова Вам пишу, и продолжаю терзать уже новыми рассуждениями, не разрешив еще вопроса о *происхождении мира* (да и отчаявшись его разрешить); но теперь изложу свои мысли по более простому поводу (или более сложному?) – о противоречиях в самих наших мыслях и рассуждениях, с помощью которых мы пытаемся понять этот мир, начала его и пути.

Кроме того, во мне уже всё и помимо науки перемешалось, и если я начинаю рассуждать о том, почему кругом неправда и зло, тут же сбиваюсь на бытие Божие, от него – на возможность или действительность *сверхъестественного*... а дальше уже естественно думаю об устройстве и бытии мира *естественного* и, наконец, о невозможности его переделать, или, хотя бы, *понять*, а значит и оправдать.

Возможно, веке в девятнадцатом можно было от безумия жизни сбежать в вычисления корней трансцендентных уравнений или коэффициентов эллиптического ряда, но после того как математики помимо вычислений всерьез задумались о самой математике, жить стало совсем невозможно, логические проблемы, как и у древних, из игрушек ума обратились в проблемы жизни.

Итак, любезный друг, погружаясь в житейское безумие, начнем с древних, и порассуждаем сначала о противоречиях в познании бытия, известных как "*Апории Зенона*" Элейского. *Зенон* жил, предположительно, около двух с половиной тысяч лет назад, между 490-м и 445-ым годами до новой эры, через сто лет после Пифагора, был младшим современником Гераклита, учеником Парменида, учителем Горгия и умудренным собеседником молодого Сократа, как о том повествует Платон, сомнительный *друг* Аристотеля (для которого "истина была дороже дружбы с Платоном").

Собственное сочинение Зенона, в котором он изложил свои умозрения, будучи еще совсем молодым, к сожалению, не сохранилось, а дошли до нас только ссылки на них его последователей и оппонентов. Поскольку нельзя быть уверенным, что эти весьма разноречивые ссылки достаточно точно передают содержание аргументов Зенона, оправдан вольный их пересказ, после двух с половиной тысячелетий анализа, изъяснения и возражений, в свете нового философствования и математического анализа.

Согласно монографии В. Я. Комаровой «Учение Зенона Элейского» (Издательство Ленинградского университета, 1988), на которую я опираюсь, основные аргументы Зенона по ссылкам античных авторов таковы:

1. О несуществовании пространства.

Симплиций – Евдем таким образом повествует о мнении Зенона: «Все, что существует, где-то находится. Если же место принадлежит к числу существующих частей, то где бы оно было возможно?»

2. О противоречии многого и единичного и несуществовании точки.

Симплиций – Зенон, передают, говорил, что если кто-нибудь объяснил бы ему, что такое единое, он мог бы сказать, что такое сущее. А затруднялся он, поскольку руководствовался тем, что о каждом из чувственно воспринимаемых говорится как о многом и делимом, а с другой стороны, точка даже единицы не делает. Ибо он не считал, что существует то, что и будучи прибавлено, не увеличивает, и будучи отнято, не уменьшает.

3. О невозможности движения в условии бесконечной делимости расстояния, или о необходимости неделимого.

Симплиций – И также, если движущееся тело проходит некоторое расстояние, то поскольку расстояние делимо бесконечно, движущееся должно было бы сперва пройти половину, но прежде чем оно пройдет целую половину, оно должно было бы пройти ее половину, и опять половину этой половины...

Симплиций – Если движение существует, то возможно занять бесконечное число положений, делая бесконечное число касаний одно за другим... ибо если каждая величина бесконечно делима, она будет составлена из бесконечного числа частей, но невозможно коснуться каждого члена бесконечного на том основании, что человек делал бы касания как если бы их считал, а невозможно сосчитать бесконечное. И также невозможно, что бы что-либо прошло какое-то бесконечное в конечное время, поскольку оно не переберет совершенно до конца все бесконечные части.

Аргумент о движении, или "Апория об Ахиллесе и черепахе".

Симплиций. И также самое медленное не будет достигнуто самым быстрым, ибо пока преследующее придет в то место, где преследуемое находилось перед тем, то уже отодвинется; *пока* добежит он и до следующего места, то вновь слегка отодвинется... и так, поскольку преодоление расстояний, хотя и уменьшающихся, происходит из-за бесконечной делимости величин бесконечно, то Ахиллес не только не догонит Гектора, но не сможет догнать и черепаху.

Аристотель. И также более медленное в беге никогда не будет достигнуто самым быстрым, ибо прежде чем преследующее туда явилось, преследуемое уже выступило оттуда, а поэтому оказывается, что более медленное *всегда будет находиться впереди*.

(Согласно Аристотелю, «длина, время и вообще все *непрерывное* называются бесконечными двояко: либо в отношении деления, либо в отношении границы»).

4. Противоречия движения и покоя.

Епифаний. И Зенон говорит, что движущееся движется или в месте, в котором оно находится, или в месте, в котором оно не находится; и оно не движется ни в месте, в котором оно находится, ни в месте, в котором его нет.

Аргумент о движении и покое, или "Апория о летящей стреле".

Филопон. Всё то, что занимает равное себе место, или покоится, или движется; но ничто не может двигаться, когда оно занимает равное себе место, следовательно, оно покоится. Летящая стрела в каждый момент «теперь» своего движения покоится, находясь в равном себе месте; если же она покоится в каждом из бесчисленных моментов времени, она покоится все время.

В данном письме я не рассматриваю менее ясные аргументы: *о едином и многом, и о бесконечной делимости ощущения*. А тогда затруднения в анализе сущего, на которые указывают вышеприведенные рассуждения, можно классифицировать следующим образом.

Прежде всего, элейский философ указывает на неустранимое противоречие, заключенное в понятии *непрерывной изменчивости*, которая является свойством, например, времени, ибо время течет и *изменяется*; а также является свойством количественной *переменной*.

Противоречие *изменчивости* проявляется, как указал Зенон, в следующих видах:

1. *Начало движения*. В *начальной точке движения* тело еще покоится, но *во всякой* сколь угодно близкой к началу точке уже движется, следовательно в *начальной точке* оно по крайней мере перестает покоиться, а следовательно и движется и покоится одновременно.

Движущийся покой или покоящееся движение – вот первое противоречие Зенона. Но оно же является и нарушением закона тождества, ибо в *начальной точке* покоящееся тело и является собою, если еще покоится, и не является собою, если уже движется.

2. В продолжение движения, когда, казалось бы, *покой нам только снится*, тело уже не покоится, однако «апория о летящей стреле» заставляет усомниться и в этом. Представляя время как последовательность *мгновений*, мы видим, что в каждое мгновение положение летящей стрелы неизменно, следовательно, она в каждое мгновение своего движения покоится.

Это то же противоречие, что и в начале движения, только более скрытое. Если в начале движения покой и движение соединяются как "последний покой", уже теряющий бытие, и как "первый порыв", еще не начавший "быть", то при полете стрелы покой обнаруживается лишь при переходе к мгновению, когда интервал времени обращается в нуль.

Естественно возразить, что если в "течение мгновения" тело *находится* в некотором месте, и в нем оно, следовательно, тождественно

себе, и следовательно, существует, то с той же уверенностью утверждать, что существует мгновение (или что оно по крайней мере является временем), – невозможно, ибо время порождает всё то, что происходит, оно – причина и залог изменения; но в нулевое время ничего не происходит.

Но если нет мгновения, то нет и покоя в это мгновение...

Однако, летящая стрела в каждое мгновение где-то *пребывает*, занимает некоторое положение (то есть *покоится*), в любое другое мгновение она пребывает уже в другом месте, потому-то движение и называется *перемещением* (изменением положения, места); а в течение времени, отличного от мгновения, стрела *движется*, то есть занимает бесконечное множество положений – какое положение она тогда занимает? Можно ли утверждать, что она хоть где-нибудь *пребывает*? Можно ли сказать, что она "вот здесь", если она существует в целом диапазоне пространства?

Но если *существовать* означает занимать некоторое определенное положение в пространстве и происходить в некотором времени (как, например, снег или дождь), то существует ли то, что не занимает определенного положения, то есть нигде не находится? А поскольку движущееся находится в одном месте только в "*течение* мгновения", то для определенности положения движущихся тел должно существовать и мгновение. (Ибо иначе ничто из движущегося *никогда* не сможет занимать *определенного* положения, а значит ничто из движущегося не сможет существовать. Да к тому же, чтобы хоть что-нибудь равнялось себе, оно должно пребывать неизменным, а неизменным можно быть только "в течение" мгновения.)

Итак, летящая стрела существует лишь постольку, поскольку в каждое мгновение *пребывает* в определенном месте, то есть покоится; но если время состоит из *мгновений*, то движение состоит из положений покоя (не так ли, как и протяженность состоит из непротяженных точек?)

Во-вторых, апории Зенона указывают на неустранимое противоречие, заключенное в представлении о бесконечной делимости расстояния; так, апория "*об Ахиллесе и черепахе*" гласит, что Ахиллес, догоняющий черепаху, никогда ее не догонит, ибо пока он пробежит разделяющее их расстояние, она слегка отползет; когда же он пробежит и это расстояние, она и в этот раз отползет... и так будет происходить постоянно, сколь бы малым ни было расстояние между ними.

Одна из современных попыток разрешения парадокса Зенона состоит в том, чтобы число таких "пока" устремить к бесконечности, и так как при этом переменное *расстояние* между Ахиллесом и черепахой представляет из себя *бесконечно-малую* S_n , то оно *устремится к нулю* и в пределе его как раз и составит – тут-то Ахиллес и настигнет черепаху.

Однако не следует забывать, что расстояние S_n ни при каком значении n не равняется нулю кроме как при $n = \infty$, но дело именно в том, что n , принимая сколь угодно большие значения, остается числом конечным, и ему соответствует не равное нулю расстояние между

Ахиллесом и черепахой, и вот пока Ахиллес пробегает это (черт бы его побрал!) n -ое расстояние, черепаха неспеша наползает $(n+1)$ -ое расстояние, спокойно зная, что пока он его не пробежит, ее не догонит, а она тем временем...

Ибо бесконечная положительная монотонно убывающая последовательность S_n никогда не достигает своего предела, равного нулю.

Именно поэтому Ахиллес не сможет *добежать* даже до того места, которое занимала черепаха еще в самом начале состязания между ними, ибо сначала он должен будет пробежать первую половину этого расстояния; затем половину половины... и так он будет бежать, пока не падет бездыханным.

Пока Ахиллес пробегает первую половину пути АВ, черепаха может еще раздумывать, стоит ли ей торопиться; но затем, видя, что прежде чем добежать до точки В, ему требуется пробежать *бесконечную* последовательность уменьшающихся отрезков, а это невозможно, черепаха может и вовсе успокоиться и продолжать пощипывать травку.

Но может ли составиться протяженность из бесконечной суммы протяженностей? Отрезок можно разделить на части – но можно ли его разделить на бесконечное число частей, и тем более составить его из них?

Представляя отрезок как половину, плюс половину половины и так далее, мы предлагаем правило составления целого из частей – но может ли когда-либо закончиться составление, если бесконечность недостижима, если конца у неограниченной последовательности нет, а только ее конечные части?

Слово "пока" связывает последовательность с временем, и тогда позволительно спросить – существует ли сумма у последовательности S_n , и можно ли ее составить последовательным сложением? Ясно, что составить (всю) нельзя; но тогда *существует ли она?* И представим ли интервал времени, которое должен был бы затратить Ахиллес, чтобы догнать черепаху, в виде суммы бесконечной последовательности интервалов, прежде нежели будет достигнуто мгновение, в которое Ахиллес воскликнет: *остановись, мгновенье! ... я тебя догнал!*

Да и, кроме того, справедливо ли, что $S = \lim \Sigma S_n$?

Действительно, никакая частичная последовательность отрезков S_n не содержит в себе правый конец отрезка S – следовательно и предел их суммы не содержит в себе эту точку, то есть $\lim (\Sigma S_n) = [S)$, так как справедливо, что $\Sigma [S_n] < \Sigma [S_{n+1})$, но пределом суммы открытых справа промежутков $[S_{n+1})$ не может быть замкнутый промежуток $[S]$.

Следовательно, путь S , на котором Ахиллес догоняет черепаху, не состоит из последовательности отрезков $[S_n]$, и хотя в пределе *расстояние*, разделяющее Ахиллеса и черепаху, равно нулю – но геометрический *отрезок пути, разделяющий* Ахиллеса и черепаху, который Ахиллесу каждый раз надо «пробежать, ибо пока...» – представляет из себя не число, а *интервал*, и хотя в пределе является не более чем *точкой*, но все-таки их разделяет.

В апории пространство и линии его предполагаются *неограниченно делимыми и непрерывными* (вопреки учению Демокрита о существовании *неделимого*, то есть *Атома*), следовательно, это пространство геометрических линий и числовых представлений – совпадает ли оно с житейским пространством, данным нам в ощущениях, или с физическим и биологическим пространством современной науки (тем более что у последнего нет определений, отличающих его от наших опытных и интуитивных представлений, и ученый, исследующий движение видимых комет и невидимых нейтронов, и землемер, измеряющий размеры приусадебного участка, исходят из *общей для них интуиции*, несмотря на множество книг, написанных за последние две тысячи лет, в которых много рассуждений о том, что такое пространство и время, во многом друг другу противоречащих, – но если даже парадоксы Зенона пока не разрешены, то что поучительного сообщат нам эти книги?)

Наименьшей частью геометрического пространства является *точка*. Но точка, по мнению древних, это то, что не имеет частей – так *существует ли точка?* Что протяженность существует, несомненно, но составляется ли она из точек? И соответствует ли *точке* нечто в реальном мире?

Как бы мы ни мыслили реальное пространство – как независимое в самом себе бытие, как совокупность физических и биологических объектов, или как структуру, порождаемую этими объектами; или как то, во что мир вложен, или то, что от него неотделимо, является его способом быть, – но в любом случае мы представляем, что всякое существующее во плоти где-то *находится* и когда-то *происходит* – с одной стороны; и в каждом месте пространства или времени что-то находится или что-то происходит. То, что находится, занимает место. Происходящее имеет длительность. Но находится ли нечто в *точке*, происходит ли что-либо в некоторое *мгновение?*

Очевидно, что *в точке*, не имеющей частей, не может находиться даже *неделимое*, то есть *атом*, если он не является точкой. Точно так же и *мгновение* не сопровождает какое либо происшествие или действие, оно является своего рода точкой числовой переменной, моделирующей время (о котором мы знаем меньше, чем о переменной). В течение мгновения ничего не происходит, как и в месте, занимаемом точкой, ничего нет.

Рассуждение Зенона относится к движению *точки* в *непрерывном* пространстве, в котором возможна неограниченная делимость пути и времени, хотя *протяженные объекты* нельзя заменить точками.

Итак, если геометрический отрезок мы мыслим как бесконечную последовательность отрезков или как бесконечное *множество* точек, то мы мыслим конечное состоящим из бесконечного, целое состоящим из того, что не имеет частей, и *протяженное* – из элементов, *лишенных протяжения*. отождествление дискретного множества и непрерывной линии содержит еще большее противоречие, неустранимое даже с помощью тех рассуждений, которые (возможно) позволяют разрешить апорию Зенона.

Алгоритм образования последовательности задает всегда только ее конечную часть с произвольным числом членов, но не может мыслиться как *актуально существующая бесконечность*.

Однако, проанализируем еще раз содержание апории.

Математические формы не тождественны *чувственному бытию*, то есть пространству нашего прозябания; ибо *математические высказывания* имеют в виду пространство, элементами которого являются *точки и линии*, и относятся к понятиям, обусловленным аксиомами, определениями, леммами и теоремами. Состоятельность высказывания проверяется по законам математики, но не с помощью повседневного опыта, и даже не с помощью эксперимента, проведенного физиком или химиком.

Одним из основных свойств такого пространства является свойство *непрерывности*, базовыми элементами которой являются *точка, бесконечная последовательность, предел*. Точки такого пространства – суть образы чисел.

Понятие *непрерывности* вводится для числовой *переменной* (или множества точек так называемой числовой оси) следующим образом (согласно методу Дедекинда и его последователей – Зенона на них нет!):

Разобьем *каким-то образом* множество рациональных чисел на два класса так, что все числа верхнего класса больше всех чисел нижнего класса. Тогда либо в одном из них содержится точная граница (верхняя или нижняя), либо такой границы нет. В последнем случае будем говорить, что это разбиение определяет *иррациональное число*, причем оно больше всех чисел нижнего класса, и меньше всех чисел верхнего класса.

Но это определение *иррациональных* чисел несостоятельно!, ибо логически неопределенным оказывается выражение: «разобьем *каким-то образом* множество рациональных чисел на два класса...» – ибо существует ли способ такого разбиения в том случае, когда не определена заранее граница между классами?

С этой точки зрения рассмотрение противоречий, подобных указанным в апориях Зенона, весьма поучительно, ибо заставляет строже исследовать содержание высказываний (силлогизмов, аргументов).

Введем понятие *вещественного числа* x как *длины* отрезка Ox , заключенного между точкой O (началом отсчета) и произвольной точкой X *числовой оси*. Избранная произвольная точка *действительным образом* разбивает множество *рациональных* чисел на два класса, определяющих *вещественное число* x либо как рациональное отношение отрезков OX и $O1$, в случае, если они соизмеримы, либо как *предел* бесконечных монотонных последовательностей при измерении отрезка OX с недостатком или избытком. Последнее свойство назовем *непрерывностью* множества *вещественных* чисел (или множества точек линии).

[Не вдаюсь в объяснение деталей, известных математикам, и прошу прощения у читателя за этот небольшой экскурс в математический анализ. (Подробнее можно прочитать в следующем издании.*)]

* В. И. Чернышев. Азбука высшей математики. СПб., 2010.

Итак, понятие *непрерывности* – это свойство множества чисел, заданных на некотором отрезке, причем вводится аксиоматическое понятие *переменной величины*, которая *пробегает* "последовательно" (!? – подобно Ахиллесу?) все числа этого множества (называемые ее значениями) или все точки отрезка.

В задаче об Ахиллесе, догоняющем черепаху, условие и обстоятельства берутся из реального мира, однако рассуждение относится к миру математических абстракций; и Ахиллес и черепаха представляются в виде точек, лужайка или дорожка, по которой они бегут, заменяются геометрической линией, и время становится численной переменной величиной, обладающей свойством бесконечной делимости.

Но возможно ли мыслить физическое пространство как геометрическое, и ставить вопрос о его непрерывности, или дискретности? И существуют ли в физическом мире объекты, подобные линиям и точкам? (Не говоря уж о том, что неясно, существует ли *точка* как часть линии и пространства, и существует ли мгновение как часть времени?)

Если физическое пространство не состоит из точек, то в нем невозможно сформулировать понятие *точки сгущения* и *предела*, а тогда бессмысленно говорить о свойстве его непрерывности.

Однако, несовпадение реальности и умопознания не снимают проблемы, поставленные Зеноном, в их математически абстрактной форме. Рассмотрим геометрическую задачу на движение, в которой точка А движется позади точки В с большей скоростью – догонит ли одна точка другую в соответствии с аргументом Зенона?

Силлогизм (или *аргумент*) Зенона состоит из нескольких частей.

Во-первых, так как несомненно, что какое-то время Ахиллес будет находиться позади черепахи, то **пока** он будет бежать *позади черепахи*, он будет пробегать *мимо последовательных точек, в которых черепаха находилась тогда, когда Ахиллес, находясь сзади нее, пробежал мимо ее предыдущих положений*.

Очевидно, мы бежим и ползем словно по минному полю. Мы пытаемся найти ошибку в рассуждении Зенона, но ошибка заключена в каждом слове, которым мы мостим дорогу к истине.

Даже если бы Ахиллес и догнал черепаху, я не уверен, что справедливо сказать, что сначала он находился сзади нее, затем они оказались *в одном месте*, затем он оказался впереди нее. Были ли они когда-нибудь *вместе*, даже если сначала находился он сзади, а затем оказался впереди? Очевидно, что время, в течение которого они, якобы, *находились вместе*, равно нулю – но тогда существует ли такое событие, которое длилось всего лишь нулевое время? Быть может, это то же самое, что сказать, что крокодилы летают, но "низенько-низенько!""? Тогда и дважды два равняется *иногда* пяти – в течение *нулевого времени*.

Если *движение* как перебор всех точек непрерывного отрезка, как переход от каждой точки к последующей, "соседней" (которой не может быть) – *невозможно* по свойству непрерывности, то возможен ли и сам *непрерывный отрезок*? Так, как непрерывность представляется интуитивно, то есть, что точки словно бы склеены одна с другой, и между ними ничего не втиснуть, и каждая плавно перетекает в следующую, как перетекает вода, или аксиоматическая непрерывная величина, – *непрерывный отрезок* существовать не может.

Точно так же, если мыслить множество как нечто дискретное, как нечто, в чем точки еще существуют как точки, еще, так сказать, не слиплись, то "слепить" их в отрезок нельзя.

Но так же невозможно *течение времени*, то есть наступление следующего момента времени вслед за данным. Невозможно и наступление *последнего* момента движения последовательно через все промежуточные, невозможно и самое начало движения, то есть переход от начальной точки к "следующей", ибо невозможно *покинуть* эту начальную точку, в нулевое количество времени *покой* заменить на *изменение*.

Однако, боюсь, читатель не удовлетворен моими неопределенными рассуждениями, так как он так и не узнал об исходе состязания. Догнал ли Ахиллес черепаху, и сможет ли он ее догнать?

Да в том-то и дело, возразил Ахиллес, вытирая лоб, что так, как заставляет меня бежать Зенон, мне никак не пробежать мимо *последней* точки, которая еще не позади, но уже не совсем впереди. Я должен пересчитать все заданные условием точки перед нею, а их бесконечное количество! К тому же, если пробегать эти проклятые точки, *последовательно* их отмечая, то нельзя пробежать ни одной из них, потому что ни у одной точки нет ни предыдущей, ни последующей, и их невозможно выстроить в ряд; к тому же, этих точек *бесконечно много*, какое-то число их я и мог бы *отметить*, но не бесконечное же их количество!

Что-то есть еще дополнительное в самом рассуждении, что делает его неверным, но что мы не замечаем. (*а черепаха тем временем ползет, не рассуждая*).

Дело не только в движении, хотя и оно представляет собою загадку, которую еще нам предстоит разгадать.

Состязание в беге подменяется выполнением некоторой принципиально отличной от него задачи.

Приведу обыденный житейский пример.

Возвращаясь из деревенского дома, я должен пройти 4 километра пути до шоссе, причем вначале я достигаю старинного села С--ва в двух с половиной километрах от дома, причем, если рюкзак обременителен, и я изнемогаю, то иду не бессознательно, а именно разбиваю путь на участки, намечаю промежуточные цели и пытаюсь их достигнуть. После С--ва я говорю себе: а теперь постараюсь дойти до первой березы в

начале пологого подъема к шоссе, в километре от С. Затем, дойдя до березы, намечаю в качестве цели вторую березу, в трехстах метрах от шоссе. Затем, дойдя и до этой березы, и утерев пот, намечаю последний пригорок, от которого остается уже сто метров пути, а последние двадцать метров бреду в последнем изнеможении, уже не пытаюсь ставить промежуточные цели. И, как ни странно, дохожу до остановки автобуса, и даже иногда успеваю в него сесть.

Следовательно, в самом рассуждении Зенона нет ничего сверхъ-обычного, весьма часто случается, что одно из важных событий заканчивает, завершает череду других, но при этом необходимо дополнительное условие, *ограничивающее* количество промежуточных событий. Ахиллес не догонит черепаху, *пока...* – но может ли число этих *пока* быть бесконечным?

Любезный друг, я уже чуть не отослал Вам свое письмо, претендующее на математическое исследование; но сегодня ночью не мог уснуть, вновь и вновь возвращаясь к затронутым темам (о чем рассуждаю я столь же давно, как и о том, *кто виноват, и что делать*), и почувствовал, что хотя это и самонадеянно, но невозможно ограничиться одной математикой, а необходимо затронуть и естествознание и философию, иначе мои рассуждения непродуктивны. Посему придется добавить к прежнему еще и околоестественные и почтифилософские рассуждения.

Итак, перечислим вопросы, которые возникли по ходу наших рассуждений и неявно заключены в исходном рассуждении Зенона.

Существует ли *точка*, и можно ли утверждать, что линия состоит из точек? Что значит *непрерывность* (переменной, линии, пространства, времени), *существует* ли она?

Что такое пространство и время, и *существуют* ли они? Если они существуют, то что значит их существование? Аристотель в Физике приводит рассуждение Зенона о *пространстве* и *времени*, говоря так [в моем переложении]: «*всё, что существует*, где-то находится и когда-то случается, то есть, занимает место в пространстве и времени; если же *существуют пространство и время*, то в каком пространстве и времени они существуют? Или их существование отлично от существования всего остального?»

В понятии *неограниченной делимости* содержится *дурная бесконечность*, по выражению Аристотеля (как в политическом деятеле неотвратимо содержится *дурная кровь* преступных наклонностей, что очевидно в фигурах известных кровопийц недавнего прошлого).

Введение Демокритом *неделимого* (атома) снимает многие противоречия. Но тогда естественно напрашивается предположение, что либо пространство и время не существуют сами по себе, а неотделимы от вещественного мира как его способ существования, либо даже и при

автономии (абсолютной или ограниченной) тоже состоят из наименьших неделимых частиц, естественно уже не содержащих протяжения и длительности (то есть являющихся в некотором смысле аналогом точки и мгновения).

Если протяженный отрезок мы мыслим состоящим из точек, лишенных частей и протяжения, величину слагаем из бесконечного количества абсолютных нулей, то представить мир сложенным из *неделимых* кирпичиков мироздания не более сложно; можно было бы допустить и то, что последнее *делимое* обладает размером и длительностью, является неким квантом пространства и времени, но само состоит из того, что не является веществом и не обладает размером и длительностью, (можно было бы допустить и то, что неделимое одновременно и обладает и не обладает протяженностью). Более того, даже "вещь в себе" перестала бы быть пугалом для философа, ибо в этом случае, начиная, например, с античной амфоры и совлекая с нее все "субъективное" (аналогично разделению на части целостности), так что вначале исчезает форма и остается глина, затем исчезают сначала физические ее свойства, затем химические (когда от глины остается одна молекула), потом и молекула исчезает, потом и от атома остаются рожки и ножки, то есть "атомы вещества и электричества", и, наконец, последние распадаются на "атомы информации", как первоисточник всякого объективного бытия, который уже не является веществом, а потому и объективен и субъективен вместе. (Впрочем, тайна сия велика есть, и пора остановиться).

В этом случае исчезает бесконечная делимость, непрерывность и даже сама бесконечность, легко начинается и заканчивается движение, у "мгновения" существует соседнее мгновение, движение в пространстве совершается последовательно от одной неделимой "точки" к другой, рядом расположенной (и при этом между ними ничего нет), и более того, Ахиллес наконец-то догнал бы черепаху – ибо исчезает представление о пределе, о точной границе, всякий предмет определен до точности измерения, и нельзя сказать, где он начинается и где кончается.

Однако, заменяя в аргументе Зенона условных бегунов математическими символами, мы возвращаем рассуждению ту же трудность (апорию), и если в житейском море уже не тонем, то все-таки обязаны объяснить возможность правильного логического рассуждения на математическом поле, которое разверзается хлябями.

Итак, пусть движутся в одном направлении две точки, А и В, разделенные некоторым интервалом, при этом точка А расположена сзади и движется с большей скоростью. Прежде чем поравняться с точкой В, она сначала должна достигнуть положения, которое та занимала в начале движения, затем... а далее повторяется рассуждение Зенона, и положение двух точек никогда не совпадет, то есть переменная никогда не достигнет предела. Но для переменной и каждую точку можно мыслить как предел для меньших ее значений (образуя, например,

частичную последовательность, возможность чего входит в понятие переменной).

Очевидно, аксиоматическое понятие *переменной величины* неотделимо от понятий движения, времени, последования, точки, бесконечной делимости, непрерывности и предела, и внутренне противоречиво настолько, что понятие *переменной* несостоятельно, она не только не может догнать черепаху, "*пробегая*" для того через значения предыдущие, но даже достигнуть любого своего значения, ибо каждая точка в интервале ее существования является для нее предельной и недостижимой.

Да, *переменная* уже трагична, как Ахиллес, которого "хитроумный" Зенон заставил вечно бежать за черепахой.

Но поскольку функциональная зависимость $y = f(x)$ существует двойко, и как изменение одной *переменной величины* под влиянием другой, и как *соответствие* между значениями этих *величин*, то каждую из них можно мыслить и как некую данность, как множество своих значений, уже вполне и до конца существующее во всех своих частях и элементах, никуда не спешащее, не меняющееся и *не стремящееся* измениться, *множество*, среди которого уже содержатся (еще даже до начала состязания) и точки, определяющие положение Ахиллеса позади черепахи, и точки, определяющие его положение впереди нее, и даже та злополучная точка их встречи, которой словно бы и не должно существовать, но которая все-таки есть, как и гипербола ($y = 1/x$) существует и справа от оси Y , хотя и не может ее перепрыгнуть при изменении x от минус до плюс бесконечности.

Но...

[Ах, любезный мой друг, гений Зенона настолько глубок и всеобъемлющ, что даже отец Логики, Физики и Метафизики – Аристотель – не понял и не разгадал его загадки, и я, приближаясь к их пониманию, начинаю думать, что если Господь мне даст достаточно ума, чтобы до конца их понять, должен буду утаить это понимание, чтобы не лишать человечество способности восхищаться неразгаданной тайной. Не всё надо открывать, не всякие покровы отдернуть, истинное знание целомудренно, оно обладает чувством стыдливости, а Истина подобна невинной деве – кто достаточно дерзок, чтобы посметь к ней приблизиться... не скажу – обладать?!]

Тождественно ли понятие *множества* понятию *переменной*? (Разумеется, мы все время говорим о *множестве* и *переменной*, определенной на отрезке, то есть не отступающей от условий задачи Зенона).

Если сначала могло показаться, что время не входит в представление о непрерывном *множестве* (каким является *множество точек отрезка*), то при дальнейшем исследовании мы увидим, что это не так. Бесконечная делимость и непрерывность переменной, фокусом которых является предел, на таком множестве имеют аналогом понятие о *точке сгущения*, в

сколь угодно малом интервале которой содержится бесконечное число меньших интервалов, по отношению к которым *точка сгущения* является не чем иным, как пределом последовательности уменьшающихся интервалов. Бесконечное *множество точек* на отрезке составляет отрезок и внутренне противоречиво как протяженность, состоящая из того, что не имеет протяжения. Понятие последовательности не только неотрывно от понятия *множества*, но и необходимо для обоснования понятия *точки сгущения*, из которых состоит *множество*, как из пределов состоит *переменная*. Но последовательность уменьшающихся интервалов, не способных превратиться в *точку сгущения*, и последовательность расстояний между Ахиллесом и черепахой, не способная превратиться в точку их встречи – это одно и то же. Камнем преткновения является бесконечность последовательности, у которой обязан быть конец в виде предельной точки.

Но нельзя не только достигнуть предела и остановиться, нельзя и начать движение, начать изменяться. Все должно быть себе тождественно, и ничто неизменно, ибо тогда и A не равно A . Если в точке покоя начинается движение, то покой уже не является покоем, а следовательно, движение не должно начаться. *Всякое A равно самому себе, а значит покоится!* Но при продолжении анализа мы видим, что естественнее придти к обратному результату, а именно, что не существует покоя (и не прав Пушкин, говоря, что "...*есть покой и воля*"... *нет, "покой нам только снится"*... хотя и верно, что "*на свете счастья нет*"), и все находится только в движении.

И нет тождества, нет равновесия, но воистину, "*все течет, все изменяется*", как утверждал Гераклит... (хотя по существу все неизменно, ибо *ничто под луною не ново!*)

Представление о дискретности физического мира (хотя, впрочем, понятие дискретности неопределимо вне математических понятий бесконечной последовательности и предела, которые невозможны в физическом мире) словно бы снимает *неустранимые противоречия* логики и бытия, которые нам открыл великий гражданин Элеи – но теперь я спокоен, ибо непосредственно вижу, что противоречие неустранимо, оно есть то неравновесие сущего, которое и является источником бытия. Существовать – значит *пребывать*, – но ничто не пребывает, ничто не покоится, все изменяется, и значит не существует.

Правда, в изменчивости есть свое постоянство, и говорят о динамическом равновесии. Планеты вечно движутся, обращаясь вокруг солнца, и именно поэтому на него не падают, и солнечная система неизменна в своем движении. Покой как тождество невозможен еще и потому, что всякое воздействие, почти неотличимое от нуля, его нарушает, следовательно покой – это условное представление о бытии в *данный момент времени*, в течение мгновения; но так как *течения мгновения* нет, длительность мгновения равна нулю, то покой существует в нулевое время; в то же время, существуют весьма устойчивые динамические состояния,

которые неизменны при значительных внешних воздействиях (что очевидно для физиков. Но обывательские толпы – а почти все являются обывателями по отношению к некоторым основополагающим понятиям нашей жизни – убеждены часто нелепым образом в обратном. Так, распространен миф о невероятной неустойчивости такого динамического явления, как нация, и популярный Гумилев растолковал невежественным физикам и лирикам, что каждый физик наполовину лирик и наоборот, и потому нет ни того ни другого, а только некие вихри песку, несомые ветром без цели и толку то туда то сюда. Но если диффузия веществ в природе не перемешала за миллиард лет все на свете во вселенскую смесь, то тем более нормальное взаимодействие и взаимообогащение племен, языков и культур не превратило немцев в славян, а русских в китайцев.)

Итак, «покою нет, покой нам только снится!», и слава Богу, что Ахиллес еще не догнал черепаху, и я еще успею поразмыслить а потом поговорить о многих важных вещах, которые из этого проистекают.

Да и, кажется, разгадка "аргумента Зенона о движении" уже совсем близка, и можно перевести дух, и отложить ее сообщение, сохранив интригу для следующего письма.

Ибо, боюсь, устал уже читатель от монотонности рассуждения, и пора переменить тему нашей беседы.

Да и Ахиллес и черепаха тоже устали. Пора отдохнуть и им.

Но по-прежнему не спится, поэтому даже не снится покой.

Мысли, сны, воображение, мечты, математические формулы и мнимые числа, неприступные красотки и недоступное дно океанских впадин, туманы, радуги и горы сходны в одном существенном – как-нибудь да существуют, даже когда не существуют, как достижения несбыточных целей и мнимые числа. Но одно существует вполне очевидно и осязательно, "весомо, грубо, зримо", а другое так, что пощупать точно нельзя, как неприступные красотки и мнимые числа – первое, так сказать, вещественно, а второе – только воображительно.

И вот всё воображительно Бог его знает где находится, а вещественное, если существует, то *где-нибудь*.

Даже Басаев где-то скрывается, и хотя мы не знаем, где, но "знают кому надо"… да, впрочем, если и никто не знает, всё же он где-то точно есть – ибо если его нет где-то, значит он нигде, а значит он *не есть*.

И даже хитрый электрон, размазанный по орбите своего существования, существует достаточно определенно все же не на орбите другого атома, а именно здесь, где существует, хотя и размазанный.

Вот также и атмосфера Земли – не отграничена определенным положением, но все-таки, имея расплывчатую границу, существует над поверхностью Земли, а не рядом с Луной.

Следовательно, *вещественное, если существует, то* не просто так, само по себе, а *где-нибудь*.

Аналогично и относительно к времени – вещественное существует

или всегда, как звездное небо, или время от времени, как дождь и снег, но не отвлеченно от времени; а воображительное Бог его знает когда существует, иное – всегда или, лучше сказать, независимо от времени, как простые числа, иное и вовсе не существует существуя, как мнимые числа, а многое хотя изредка и появляется, как цветные сны, но пребывает двойко: явление сна возникает в определенном времени, но его содержание, то, о чем сон повествует, что в нем совершается, может представлять из себя черт его знает что – и воспоминание, и предзнаменование, и самую нелепую небываемую фантазию.

(Кстати, о неприступных красотах должен пояснить, что конечно они хотя в основном и воображительны, все же отчасти – вещественны.)

(Поясняя свои представления об устройстве мироздания читателям с "практическим складом ума", я принужден был уточнить сию поверхностную схему, так как, воспринимая вещественное, мы не сразу переходим к воображительному, но вначале, в реакции на вещественное, испытываем *ощущения*, затем переходим к представлениям, понятиям, а уже далее к рассуждениям; и во-вторых, присоединяем к нашей психической и сознательной деятельности внимание, оценки, эмотивные реакции, которые прямо не соотносятся с вещественным, но с ощущениями и представлениями, и наконец, присоединяем *усилия воли*, последние же не относятся ни к ощущениям, ни к представлениям, да и понятием *воображительное* не охватываются вполне. Однако, я ввожу противопоставление вещественного и воображительного не для того, чтобы объяснить устройство мироздания, но чтобы задать несколько вопросов относительно пространства и времени.)

Итак, главный вопрос, который необходимо задать о них, следующий: существуют ли пространство и время? Излагая воззрения Канта, Лопатин говорит: «Пространство для нас есть условие явлений, а не их признак или неотделимое от них свойство.» И там же: «представление о пространстве есть воззрение а priori». Правда, вещественное так же можно считать условием явлений, но относится ли пространство к вещественному? Так как всякое вещественное занимает место в пространстве, то в этом случае следует спросить: в каком пространстве может пребывать пространство как вещественное? Более того, так как вещественное по необходимости еще и пребывает, то в каком времени оно пребывает? Те же вопросы еще очевиднее абсурдны по отношению ко времени, ибо даже спросить, в каком пространстве пребывает время, мы не осмелимся. Но именно на эти обстоятельства и указывает "апория Зенона о месте места": прямо ставится вопрос о *существовании* пространства – «если место существует, то в каком месте оно существует?», и косвенно – о его сущности. (Перефразировать апорию в применении к времени не составляет труда).

Естественным образом мы приходим к необходимости исследовать понятие существования: "что значит *существовать*?" Ясно, что

вещественное не существует независимо от пространства и времени, а воображительное находится к ним совсем в иных отношениях: так, добро и зло несомненно существуют, как и любовь и ненависть, но нельзя для них указать ни места ни времени. И если Бог существует, то таким же образом бессмысленно искать Его и на небе и на земле, ибо и небо и землю Он содержит в Себе, как и пространство и время. Более того, смысл *существования* невещественного полно раскрывается только по отношению к Богу, как показал это Беркли в своем гениальном «Трактате о началах человеческого знания».

Итак, если пространство все-таки каким-то образом *существует*, то что оно из себя представляет, какими свойствами обладает? Является ли оно неотделимой принадлежностью предметного мира, его способом существования, или только условием обнаружения этого мира воспринимающим субъектом? Пребывать в пространстве можно двояко: занимая неизменное место (положение), то есть покоясь, или же перемещаясь, то есть в движении. Но и покой и движение обнаруживаются лишь через время, следовательно, пространство и время неотделимы друг от друга, и быть может в каком-то отношении представляют из себя единство.

Апория о летящей стреле исследует геометрическое содержание

времени, как в апории об Ахиллесе и черепахе исследуется геометрическое содержание *движения*. На протяженные части, которые при неограниченном делении превращаются в непротяженные части, то есть в точки, разбивается не движение, а линия перемещения (или пространство перемещения) и очевидно следует вопрос: может ли текучее время (в котором ничто не стоит на месте, по мнению Гераклита, хотя и спорному) состоять из мгновений (в которых уже бесспорно ничто не движется)? Вот так же, может ли протяженное пространство (или расстояние) состоять из непротяженных точек?

И так как устал уже не только быстроногий Ахилл, но и ты, мой терпеливый читатель, и так как поля Диофантовой арифметики слишком малы, чтобы окончательно изложить разрешение гениальных апорий, прощаюсь до следующего письма.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ
НЕУСТРАИМЫЕ ПРОТНВОРЕЧИЯ

1.

Если мой пронцательный читатель еще не обвинил меня в жульничестве, то единственно по добросердечию и сердечной ко мне склонности – конечно, если он все еще думает, что я и впрямь ему обещал разрешить древние загадки Зенона. Но кажется, я не ставил перед собою такой узкой практической задачи, я всего лишь пытаюсь пробудить спящую мысль, или побудить к сознанию духовно развитого человека, ум которого забит нагромождением ходульных истин; я всего лишь пытаюсь убедить собеседника поверить в силу собственной мысли и шаг за шагом рассмотреть тот запас истин и сведений, который нам обоим достался в наследство – и хотя я и сам не открыл чего-либо чрезвычайного, но мысль моя не так скована, не так косноязычна, как прежде, когда я некритически пережевывал общепринятое, вроде того, что "сидите тихо, стойте прямо, не мечитесь во сне", не смея подумать, что этим, в общем-то правильным наставлением, не исчерпывается сумма возможных взглядов на жизнь.

Мне потребовалось немало десятилетий, чтобы догадаться, что главный интерес живого сознания состоит не в конструкции неподвижной сцены, для которой справедливо $a \equiv a$ [хотя вечные и неизменные звезды мне и теперь интересны как в детстве], и не в непрестанно меняющихся декорациях, для которых $a \neq a$, и даже не в той пьесе, которая идет сегодня на сцене жизни – но в том, кто распоряжается репертуаром нашего житейского театра, по каким правилам одна пьеса сменяется другой, почему вдруг изгоняются таланты (от авторов до актеров) и царствует "швыдчайшая" пошлость; и еще более: что определяет смысл и построение, и взаимосвязь этих пьес (если только еще сохраняются взаимные отношения Мольера и Тартюфа, когда последний занимает место творца).

Говорят, что жизнь быстротечна, и очевидно, что никакой жизни не хватит, чтобы связать воедино все начала и концы, тем более, что они, как будто, находятся за пределами жизни – по крайней мере, мы не можем осознать свое рождение, так как почему-то рождаемся раньше, чем рождается в нас сознание, а смерть осознать не успеваем. Не нам дано перерезать пуповину, соединяющую нас с предбытием, не мы провожаем себя в последний путь. (Не говоря уж о том, что причина и последствия находятся уж точно за пределами нашей жизни). К счастью, математика предлагает приемы, с помощью которых можно расширить область непосредственно данного: например, метод аппроксимации позволяет рассчитать значение функции за границей нескольких ее известных значений, когда формула судьбы нам неизвестна.

Другой метод говорит, что не обязательно узнавать слишком многие значения функции, когда мы хотим узнать ее существо и характер, то есть судьбу, достаточно определить существенные, узловые моменты, такие, как точки перегиба, симметрии, экстремума и "точки разрыва" (некоторые из которых почти несостоятельны, как нуль для функции $y = \sin x / x$, поскольку при стремлении "x" к нулю функция "y" устремляется к единице, и можно положить $y(0) = 1$, что данный слабый разрыв устраняет; но иные весьма своенравны, как $y = (\sin 1/x) / x$, которая не только не определена в нуле, но даже и мечется из угла в угол при его приближении – птицелов никогда не сможет поймать свою дичь, ибо она, оказываясь от него сколь угодно близко, в следующее мгновение, когда он пытается приблизиться еще на бесконечно малую долю, сколь угодно далеко от него ускользает.) [Да, уж этот разрыв всем разрывам разрыв, уж он-то неустраним подлинно! Хуже только $1 / \sin 1/x$, но об этой функции "в приличном обществе не принято говорить".]

Ну, так вот, в *особых точках* и сосредоточена судьба функции, даже если этих точек всего одна, а не в тех бесконечно многих точках непрерывности, которых даже и за длинную жизнь не исчерпать хоть отчасти, как Ахиллесу не догнать черепаху.

И, следовательно, чтобы узнать жизнь, не обязательно перебирать один за другим бесконечное количество фактов, но достаточно исследовать характер и тенденции.

Правда, возможно, не все мои читатели – математики, а я уже столько наговорил о *разрывах*, так и не объяснив, что такое *непрерывность*. Прежде всего, что "разрывы" существуют, очевидно, и $1/x$ разрывается, как граната, в нуле, потому что на нуль еще никому не удалось ничего разделить, о чем даже второклассники знают. По характеру своему, естественно, разрыв – это состояние, в котором исчезает непрерывность.

«Дяденька, про разрывы я уже все понял, и что они *существуют*, тоже знаю, только не знал, что они бывают устранимыми и неустранимыми. Но а что такое *непрерывность*, она-то *существует*?»

2.

Поневоле придется нам вернуться к апориям Зенона, о которых я думал, что сказал уже все, что могу. Но в том-то и величие древних, что возвращаясь к их идеям, мы обнаруживаем в них все новые ранее неизвестные нам смыслы. Воистину, эти вечные истины – не только незыблемые, как Геркулесовы столбы, но и вечно юные, и вечно живые. [Вот, в частности, с удивлением я вдруг обнаружил, что не понимал утверждения Гераклита о том, что "все течет, все изменяется", или понимал как банальность, как удивление ребенка, который в первый раз увидел реку. Дело в том, что, если что-нибудь движется, то оно несомненно меняется, – но остается ли собою хотя бы то, что пребывает

в покое? Ибо меняется время, и неизменное в настоящем надо сравнивать с прошлым – а это два разных бытия. (Не говоря о том, что "покоя нет, покой нам только снится!"..) Так что из-за одного только времени, его течения, его трагического перетекания из вчера в сегодня, ничто не остается собою, но всегда и вечно меняется и течет в ту сторону, в которую течет и время.

Да, не только "все течет, и все всегда изменяется", но нет ничего неизменного, и поэтому существование нельзя мыслить как то, что "есть", но только как то, что "происходит"; одно "становится", другое "перестает", но ничто не "пребывает", ничто не "покоится"!

Однако, когда я уже поверил, что ничто не может поколебать истинность этого утверждения, явился дерзкий Зенон, и хотя, возможно, доверие к вечно движущемуся бытию не исчезло, но оно приобрело трагическую глубину.

Если прошлое уже исчезло, а будущее еще не наступило, и, следовательно, нельзя говорить о том, что они – существуют, как не скажем мы это о доме, который еще не построен, или который разрушился, и, следовательно, существует только то, что существует в настоящем, то есть теперь, сейчас, в данное мгновение, которое *не длится*, а является неделимой точкой времени, то и всё существует в этом настоящем (как говорит Страхов в статье о времени), в котором нет длительности, а поэтому всё, что существует, не меняется, ибо предшествующего, с которым мы могли бы сравнить его, уже нет, а последующее еще не наступило, и кто его знает, наступит ли... Итак, существует только то, что существует в настоящем, в котором все неизменно, ибо не успевает измениться, и в каждом новом настоящем бытие хотя и новое, но – неизменное, и следовательно – "ничто не течет, ничто не изменяется". Лаконично это выразил Зенон в апории о летящей стреле, показывая, что она не летит, «ибо в каждый данный момент времени занимает определенное положение, следовательно в этом положении покоится... а так как весь так называемый полет стрелы состоит из мгновений покоя, то она и все время покоится».]

Но вернемся к математике, в частности к *непрерывности*.

Интуитивное представление о ней возникает в представлении движения и линии, основными свойствами которых, кажется, являются протяженность и непрерывность. Эти два понятия мы не можем определить при помощи более простых и более ясных понятий, анализ же приводит к выводам, требующим усомниться в том, что представляем мы в интуиции. Любые две точки на линии разделены, и переход от одной к другой невозможен как движение без пропусков, поскольку ни у какой точки нет непосредственно последующей. Точно так же и время, которое нам кажется непрерывным, а не состоящим из мгновений и тикающим как часы, не в состоянии перетекать (без пропусков) из одного мгновения в другое. (Согласно апории об Ахиллесе).

С представлением о непрерывности неразрывно связано представление о *переменной величине*, о которой мы говорим: пусть переменная пробегает множество своих значений в интервале (a, b) [разумеется, непрерывно и не пропуская ни одного]. Но – возможно ли пробегать бесконечное множество значений – не только последовательно, но и как-нибудь иначе, и возможно ли меняться непрерывно?

Как Ахиллес не может догнать черепаху, пока он бежит сзади нее, то есть до того места, которое она занимала перед тем (в силу бесконечной делимости пути), или пока он бежит "последовательно", так и переменная не может убежать от какого-либо своего значения, ибо ей некуда бежать, она не знает (и никогда не узнает), на какое значение заменить данное. В то же время и время и движение существуют, и переменной, как кажется, удастся занять любое произвольно заданное значение из области своих значений, пробегая ли их без пропусков, или как-то иначе...

По-видимому, надо изменить наше отношение к *противоречию*. Если бы не было времени и движения, то всякое "а" равнялось самому себе; но так как время течет, как толща воды в реке, то в каждый *данный момент* эта толща не только занимает определенное положение (как и стрела в апории Зенона), то есть находится, является собою, равна себе – но и подпирается принуждающей силой, испытывает напряжение, уже движется (еще и тогда, когда неподвижна). Справедливо и то, что $a = a$, и то, что $a \neq a$. Если бы было несправедливо первое, то ничто нельзя было бы выделить из другого, рассматривать как *нечто*. Если бы было несправедливо второе, то ничто не могло бы изменяться, ничто не могло бы заключать в себе возможность и способность к изменению.

Отрезок и состоит из точек, и не соединим из них; ибо хотя из каждых двух точек одна предыдущая, а другая последующая, но они не относятся к последовательности; и хотя их можно выделить из непрерывного и протяженного отрезка как дискретные и непротяженные, но обратно соединить в отрезок невозможно.

3.

Однако, как бы драматично ни складывалась судьба у бегущего Ахиллеса и летящей стрелы, еще драматичнее судьба самого времени, порождающего всякое изменение.

Первый вопрос, который естественно мы задаем о нашей жизни в отношении времени, тот же, на который отвечает гадалка, раскидывающая карты: что есть, что было, что будет, чем сердце успокоится. В последнем, т. е. в успокоении сердца, возможно, времени уже не содержится, и относится этот вопрос, следовательно, к вневременному, или к вечности, но в остальном речь идет именно о трех формах существования времени, и кроме того, к существованию как таковому, к бытию в его противоположности небытию.

Когда мы о чем-то говорим в прошедшем времени, то чаще всего оказывается, что этого предмета или явления уже нет – так, была Российская империя, был Советский Союз, возможно, что только была и Россия. Множество людей, которые, безусловно были, находятся уже в лучшем мире, но в нашем их, увы, нет. Поговорка о "поисках прошлогоднего снега" или выражение "было да сплыло" прямо утверждают в насмешливой форме, что из "было" нисколько не следует "есть".

Мир и бытие преимущественно состоят из настоящего, и мало в нем того, что прошло. В мире *нет* ни деревни, в которой прошло мое детство, ни даже того поселка, где пролетело отрочество. Иногда я горестно думаю, что и Бог, возможно, был, но теперь его у России нет, если судить по тому безразличию нашего народа к *абсолютному злу* государственной власти и имущего класса, которое, возможно, превосходило только тотальное зло большевизма.

В мире *нет* и многого из того, что случится в нем завтра. Никто в здравом уме не станет утверждать, что уже существует то, о чем мы только мечтаем – что уже есть справедливость, возмездие злым и жестоким генералам, вороватым чиновникам, циничным политикам. В будущем, возможно, они будут, но теперь в мире (в нашем мире) их все-таки нет.

Итак, в мире *есть* только то, что в нем есть в данное время, а то, что в прошлом – все равно, что и не было, и то, что в будущем, не более чем сон. Говорят, что голодной курице просо снится – значит ли это, что курица его может съесть?

И поэтому все *существует* лишь в настоящем...

Впрочем, мы не исследовали понятие *существования как такового*, исходим пока из непосредственного чувства, повседневного житейского опыта, из понимания обывателя, но в рамках приведенных рассуждений прекрасно понимаем друг друга. Если, например, я выпью в шалмане рюмку водки, и скажу, что платить буду вчера или завтра, шалманщик неминуемо позовет вышибалу. (Хотя жизнь иногда следует за философией, и возможна покупка товаров в кредит или предварительная оплата не купленного товара.)

Что же из себя представляет настоящее, в котором всё существует единственно достоверно?

Если это мгновение, подобное точке, то надо помнить, что точка не имеет частей, ни лева, ни права, ни длительности, ни протяженности, так что существует ли она? А время существует доподлинно, иногда даже кажется, что оно единственное существует. И когда мы его представляем в виде линии, то надо помнить, что оно имеет направление, независимое от нашей воли, и оно подобно рекам, которые текут так, как текут, в Каспий или Ледовитый океан.

Если существует только настоящее, которое "есть только миг между прошлым и будущим", то есть точка, то оно не обладает ни

протяженностью, ни длительностью, следовательно, не является временем, то есть тем, что течет, меняет, меняется... И не существует как время... Если только в настоящем я могу увидеть, пощупать, войти... да когда же видеть, когда же щупать, когда же входить, если *настоящее* – только миг, не обладает длительностью, не длится?

Страхов говорит: «Философы лишь постепенно и с большим усилием объективировали силы и действия души. То, что считалось несомненным свойством вещей самих в себе, постепенно было признаваемо лишь за наши субъективные настроения. Так, Юм усомнился в действительности причинной связи, а Кант признал и пространство, и время, и категории бытия и множества за формы нашего ума.» (стр. 79 данного номера).

Да, хорошо *подлинное*, которое не обладает свойством *происходить*! Бытие, которое воистину *есть*, это то бытие, которое *длится*, которого способность быть (течь, менять, меняться, рождаться, происходить и проходить) мы *воспринимаем* – а о каком восприятии *происходящего* можем мы говорить, если в точке времени не может совершиться ни восприятие, ни происходящее? В миг настоящего даже летящая стрела не летит, а покоится, и не отличима от покоящейся, и весь мир, со всеми его бесчисленными атомами, не обладает свойством течь, меняться, происходить и проходить. А если время – это последовательность мгновений настоящего, в которых мир существует, последовательность точек на своей "стреле", то и мир (даже во времени) – только совокупность статичных миров, в которых нет "быть" (длиться), и значит нет "есть", а следовательно есть "нет". Следовательно, Бытия нет не только в прошедшем и будущем, но даже и в настоящем... а точнее, в настоящем его нет пуще всего! Другая "апория Зенона", непреодолимая для непрерывной линии, состоящей из дискретных точек, в еще большей степени справедлива (и непреодолима) для непрерывного времени, которое "течет и изменяется" – непрерывно – но от мгновения к мгновению!

Если о линии мы можем сказать так: пусть невозможно ее построить, *провести* последовательно и непрерывно, от точки к точке (как якобы *переменная величина* "пробегает все свои значения" – одно за другим?) – так и ладно, не будем ее мыслить именно так, в *становлении*, а только как данность; и если *переменная* не может пробежать по линии через все свои точки, потому что прежде, чем она добегит от А до В, она должна добежать до середины АВ... и т. д. (См. Зенона: Ксенофонт, Александрийская императорская библиотека, собрание папирусов), то и это ладно, пусть не *бежит*, а вместо этого будем полагать, что она может оказаться в любом месте на данной линии, не добежав до него (а то и вовсе откажемся от понятия *переменной величины* – как предложили некоторые умники – и вместо нее станем говорить о *множествах значений*, изгнав из математики и изменение и время, предел, приращение и дифференциал, то есть изгнав Гераклита с его "всё течет и всё изменяется"!)) – то с временем такие хитрости не проходят. Время именно

должно пробегать последовательно одно мгновение за другим, все свои мгновения (если оно из них состоит), и не может ни остановиться (как бы какое-нибудь мгновение ни было прекрасно), ни пропустить, ни перескочить, и от данного настоящего мгновение должно перетечь к последующему, что невозможно, если оно подобно континууму, то есть измеримо, бесконечно делимо и непрерывно (как тот путь, на котором Ахиллес догоняет и не может догнать черепаху).

Чтобы окончательно не сбить с толку и не утомить больше всякой меры все еще доверчивого и внимательного читателя, ограничу мои рассуждения двумя предметами: возможно ли *снять* противоречие между представлением о движении и времени как последовании и невозможностью последования; и существует ли непрерывность (движения, времени, изменения *переменной величины*?) (Разумеется, речь идет не о разрыве и непрерывности *функции* как существовании предела зависимой *переменной величины*, а именно об интуиции *непрерывности* изменения). Да, если оторвать математику от самой жизни, от времени, которое *течет*, от всего, что *становится*, а рассматривать только то, что *стало*, то противоречия мы перестанем видеть (как остроумно можно снять противоречие между "Бог существует" и "я в Него *верую* (ибо абсурдно)" – став атеистом; "люблю" и "она любит другого" – перестав любить... или между Россией и ее дьявольской властью, покинув Родину... и многие так и поступают, и живут припеваючи – но *эта простота хуже воровства!*).

Однако, вернемся к непрерывности.

Интуитивное ее представление как раз исключает образы точек, которые "сами по себе", выделены, отделены и от того, что "до", и от того что "после", но соединяет линию и интервал времени в целое, где "до" перетекает в "после", не успевая закончиться раньше, чем начнется последующее; *мгновение* в такой интуиции – это кратчайший промежуток времени, в котором настоящее существует *одновременно* с прошлым и будущим. Следовательно, следует различать время и пространство как формы восприятия (и их объективные источники, аналогичные Кантовской "вещи в себе") – и математические понятия протяженности и длительности, тождественные числовому континууму. Неустрашимое противоречие связано именно с представлением континуума как бесконечно делимого дискретного множества, существующего вместе с тем непрерывно (сплошь).

Рассматривая связь времени и (натурального) числа, Страхов говорит о том, что число является результатом считания, или *счисления*, подобного тому, как бы мы отмечали последовательные удары часов. «Действие считанья есть основание всего нашего познания о числах. И таким образом вся теоретическая арифметика зависит от известного действия души.»

Исчисление развертывается не в пространстве, а во времени, и число – итог, синтез такого развертывания.

Далее Страхов "восстанавливает" цельность времени, дополняя "настоящее" памятью и воображением, что, правда, не полностью устраняет небытие "настоящего", являющегося мгновением и утерявшего длительность.

Но «если для образования чисел необходимо время, то никак нельзя ограничиться одним созерцательным временем [то есть временем настоящего], а нужно прибегнуть к мыслительному, к линии времени, которая вовсе не есть что-либо созерцаемое, а есть произведение памяти, т. е. простейшего приема мышления, когда оно возвышается над созерцанием, именно, хранит и объединяет то, что в созерцании исчезает и распадается.»

«Итак, что же мы делаем, когда от счета переходим к тому, что называется числом в тесном смысле слова? Мы, очевидно, откидываем из нашего представления самый процесс считания и берем нечто, как результат этого процесса; другими словами, мы устраняем из нашего представления время и образуем нечто вневременное, пребывающее, постоянное...».

... «Отсюда ясно, что в действительности никаких чисел не существует, так как число получается лишь вследствие определенной деятельности ума. Можно бы сказать, что действительность представляет нам нечто подлежащее счету, *считаемое*; но так как считаемым может быть все, что существует в форме времени, то мы ни во внешнем, ни во внутреннем мире не найдем каких-нибудь границ, отделяющих считаемое от неподлежащего счету.»

Соглашаясь со Страховым, тесно связывающим число и время [и с Аристотелем, на близкое мнение которого ссылается Страхов: «*время есть число движения* (Phys. IV, 11)»]; и одновременно соглашаясь с Гегелем, противоположные воззрения которого Страхов далее излагает: «Гегель признает число *логической* категорией, именно, одной из категорий *бытия*, а время категорией философии природы, следовательно, одною из категорий *внешнего бытия*. Так понимают дело и последователи Гегеля; один из самых знаменитых, Куно Фишер, вследствие этого счел нужным обстоятельно возразить против вывода числа из времени», – продолжу свои рассуждения, связанные с понятием *неустранимого противоречия*.

5.

После Канта стало триумфом мнение, что всё, о чем бы ни рассуждал философ (впрочем, как и простой обыватель, "ни при какой погоде" не бравший в руки философских сочинений), является следствием ума. То же, что остается от обсуждаемых вещей, и является "сухим остатком", не подлежащим умозрению, неизвестным, непостижимым, то одно только и является подлинно, на самом деле существующим.

И так не только числа, которые, кажется, и впрямь не встроены в природу объективных вещей [хотя, впрочем, замечает Страхов, «действительность представляет нам нечто подлежащее счету,

считаемое»], но и цвет, вкус и запах, то есть все то, что неискушенному обывателю кажется как раз самым важным в вещах, самым подлинным и *всамделишным*, философ объявляет следствием «*определенной деятельности ума*».

В этом мире, том и таком, каким мы его переживаем, то, как мы его переживаем, всего лишь иллюзия, целая последовательность одежд, в которые мы его наряжаем, и даже форма (как полагает Кант), и все свойства пространства, а главное – *протяженность*; и даже время, то есть *длительность* – так же [и громадное искушение признать правоту философов, потому что, например, глядя на "букет алых роз", мы почти одновременно с цветом их и ароматом воспринимаем и то, что их в букете, например, семь, и этот букет находится от нас на малом расстоянии... а ведь если цвет, как будто, и является свойством, неотъемлемым (хоть в каком-то смысле) от розы, то количество их в букете уж точно не является их свойством, тем более, их взаимное расположение, размер и расстояние, и то, что я их "гляжу и вдыхаю".]

И в то же время самый закоренелый материалист, верующий в "вещь в себе" (естествоиспытатель.. или физик... и даже математик, не говоря уж о слушателях курсов марксизма-ленинизма), говоря об объективном мире, имеет в виду тот мир, который он *переживает*, со всеми его запахами, формой, протяженностью и количеством – то есть, имеет в виду мир "субъективный", который он мыслит находящимся вне наблюдателя. И говоря о букете роз, имеет в виду, что их точно семь (хотя *число семь* и «не существует в действительности»), и что они *расположены* совсем *рядом*, на письменном столе (хотя сами об этом и не подозревают; ибо если "быть" и является – возможно, хотя Кант с этим не согласен – неотъемлемым их качеством, потому что даже в качестве "вещи в себе" они существуют лишь постольку и только тогда, когда существуют, и существованием их не наделяет наш ум [привнося, конечно, в "сухой остаток" существования "вещи в себе" цвета и запахи], то "быть рядом" – вовсе не имманентно не только цветам, но даже и красоткам.

Так что же есть в действительности, а что – лишь иллюзия нашего сознания? [Прошу, кстати, читателя перечитать предварительно замечательный очерк философии субъективного идеализма М. Ю. Чернавского во 2-ом номере ФК, который я в данный момент держу перед мысленным взором.]

Если запах и цвет (не говоря уж о количестве) – лишь наше субъективное переживание внешнего предмета, то, последовательно его раздевая, снимая с него одежды, привнесенные психофизиологией нашего я в процессе восприятия, мы оставляем от него нечто, предмет в голом виде, и это и есть то, что существует на самом деле, "вещь в себе"; а сумма наших ощущений и работы ума, так называемая "вещь для нас" существует лишь в нашем уме (в нашем *мозгу*, говорит еще более закоренелый материалист.)

При этом, если иллюзорную "вещь для нас" мы можем еще и погладить и пощупать (а не только помыслить), то до "вещи в себе" нельзя даже дотронуться, ее можно только помыслить, именно как непостижимый, невоспринимаемый "сухой остаток". Воистину "вещь в себе" появляется только в результате работы философствующего ума – и она-то существует подлинно?! А то, что видели и обоняли еще древние греки – всего лишь иллюзия?

«Чисел в действительности нет», – говорит Страхов; – ну а есть ли в действительности "Лунная" соната Бетховена, которую я слушал вчера?

Возможно, однако, различие наших точек зрения только кажущееся, связанное с неодинаковым употреблением терминов, и надо попробовать его устранить.

Что существует вне меня независимый мир, я не возражаю (хотя он уже схвачен, словно легкой, почти бесплотной сетью, образом "вне меня находящегося независимого мира", а посему, хотя и в легкой степени, уже от меня зависим. И вообще, прежде чем мы начнем мыслить и ощущать, мы не можем затеять разговор об одном или нескольких мирах, а когда начинаем мыслить о каком-либо мире, образ его уже охвачен понятием, которое мы помыслили о его бытии. Исследуя тот (или этот) мир, мы не можем его освободить от нашего представления о нем, однако, применяя метод аппроксимации, мы можем предполагать, что по крайней мере такой мир существовал похожим на наше представление образом еще и до того, как мы начали его представлять. Благодаря этому существует геология и астрономия, и возможно рассуждать о состоянии галактик и горных вершин даже и 19 миллиардов лет назад, хотя, конечно, иногда и "с точностью до наоборот", как например, по поводу Большого взрыва.

Итак, я согласен, что некий независимый и прежде восприятия существующий мир существует. Его я предлагаю назвать Реальностью. В нем дрожат струны... или, точнее, какие-то протяженные предметы.. по существу, конечно, даже не протяженные... но в любом случае нет сонаты Бетховена.

Мир же, полный звуков и смыслов, пронизанный культурой (философией и музыкой), исчислимый, измеримый, мыслимый, протяженный и длящийся, то есть являющийся не миром вещей, но бытием явлений, то есть Историей, я называю "действительным миром" или Действительностью.

И тогда, действительно, в мире реальности (то есть среди непостижимых "вещей в себе") нет ни чисел, ни формы, ни протяженности, ни вкуса, ни цвета, ни товарищей, ни длительности... да и черт его знает, что в нем есть, да и есть ли хоть что-нибудь кроме иллюзорного умозрительного представления, лишённого ощущений и переживаний; а в мире действительности есть и числа, и сама способность исчисления, и качества, позволяющие действительному миру быть исчислимым.

С этой точки зрения не должна вызывать полемического неприятия максима Гегеля «все разумное действительно, все действительное разумно», если "разумное" понимать не только как синоним оправданного, правильного, положительного, "прогрессивного", но и в буквальном смысле, ибо действительный мир – это мир одухотворенный.

6.

Более того, противопоставление умозрительной *реальности*, чистой, непорочной, свободной от одежд восприятия, сумме субъективных "электрических отгисков в мозгу" – образов, представлений, умозаключений, т. е. "иллюзорной *действительности*", предстает в ином виде. Действительность – это не отражение "вещей в себе", а весь тот мир, в котором мы живем, чувствуем, мыслим, который мы творим, который является результатом нашего *творчества* (а не только *представления*); *реальность* же – лишенный жизненности умозрительный образ некоего "сухого остатка", представление о мире, из которого изъят дух (если это возможно).

То, что мыслит, в смысле Декарта, то есть понимает, желает, воображает и ощущает, то есть субъект, или душа, в интерпретации Страхова, или, как говорит он далее «чистый субъект есть дух, духовное существо; чистый объект есть вещество, материальные вещи...»

[С этой точки зрения объяснимо, почему в животных Декарт «не признавал ничего духовного, никакой души»]

Познающий субъект как чистый дух (ясно и определено мыслящий в Декартовом смысле) строго противопоставит объективному миру. «Эти два мира остаются строго разграниченными; но один служит для выражения другого подобно тому, как буквы выражают звуки, и звуки выражают мысли», говорит Страхов.

Субъект и объект противоположны, в объективном нет ничего субъективного, и наоборот, и тем не менее, познание возможно. Более того, возможно творчество, преображение объективного мира согласно нашим субъективным открытиям, замыслам и планам. Мы внедряем в объективный мир явления и предметы, в нем не содержащиеся и не присущие ему изначально, прежде всего – машины, затем электричество, радио, телефон и компьютер, дороги, войны, театр, музыку и литературу, гармонию и хаос, благоустройство внешней среды и безобразные свалки, домашних животных и "бездомных собак и кошек"...

Субъект и объект противоположны – и однако сама эта противоположность не изначально присуща миру (как понимают его материалисты), а появляется лишь вместе с субъектом. [Не то же ли это неустрашимое противоречие, что в апориях Зенона?]

Если подлинно существует лишь объективный мир; то тогда не могло быть не только Большого взрыва, но даже и «пустынной и безвидной земли», ибо до сотворения человека объективного мира не было, а значит не было никакого мира, даже субъективного. Большую загадку, чем "вещь в себе", представляет собою "быть, существовать, длиться". Летящая стрела не летит, ибо в каждое мгновение она покоится, точно так же предмет, очищенный, отмысленный от наших субъективных ощущений и представлений, в результате являет голую мысль о том, что, быть может, только существует, но не имеет достоверности того, что ощущается. Тем более предмет, отмысленный от пространства и времени, не существует, ибо он отмыслен от изменения и восприятия, а значит и от существования и обнаружения своего существования.

Увы, я не в силах в этом письме, даже если я его безбожно растяну, ответить на все вопросы, стоящие не только перед моим заблуждающимся читателем, но и перед самим собою.

Та поразительная способность субъекта (пока он в здравом уме) правильно познавать и изменять мир, и обнаруживать и исправлять неправильности, говорит о том, что наша душа идеально прилажена, или наш ум, наше сознание идеально прилажены к такому познанию и изменению, что, например, законы математики содержат в себе все возможности для описания объективного мира, – нельзя же считать, что математические положения, представляющие результат саморазвития, вытекающие из других известных положений, привносятся в математику из наблюдений природы, что, например, свойства эллипса математик открыл и приписал эллипсу из наблюдений Тихо Браге, а не наоборот, Кеплер увидел закономерность в движениях планет и описал эти движения как эллиптические.

Что составляет содержание *действительности*? – Склад пыльных "вещей в себе", которые наше восприятие наряжает в лживые одежды; или она – единственно достойный способ *бытия* мира *быть* самим собою? И что подлинно *есть* – нечто, лишенное пространства и времени, а значит лишенное всякого смысла, причин и следствий, взаимосвязей, изменений, обусловленностей, прошлого и будущего – или История и Творчество?

В данное мгновение времени не только летящая стрела, но даже пуля, занимая определенное положение, "покоятся"; и только время позволяет их отличить от действительного покоя. Вот так же кажется, что нет ничего более неподвижного, чем горы или "неподвижные" звезды, но и у гор и у звезд бывает рождение, развитие и смерть...

Точка зрения, согласно которой тот исполненный всяческого смысла мир, который мы переживаем, появляется только в акте восприятия, а вне его не более чем склад, из которого мы получаем неизвестные вещи по магической накладной, разбивает мир на две абсолютно несоединимые

части, отчасти подобные телу и душе; но логика такого разбиения показывает нам мертвое тело (мир "вещей в себе") и почти несуществующую душу (ибо у мертвого тела души нет), они не соединяются в целостный мир, и тогда "звездное небо над головой" всего лишь метафора, и математика существует сама по себе как изобретение ума, а *реальность* не содержит ни количественных взаимоотношений, ни качества, ни даже бытия, то есть ее просто нет.

Или дух сам по себе, ограниченный сознанием (или даже всего лишь некими психофизиологическими функциями мозга), а мертвое вещество, более художочное, чем даже материя материалистов, само по себе (и странно даже, что между ними возникает какая-то связь), и поэтому *реальность абсолютно недуховна, а дух абсолютно нереален*; или «мир как целое» – это единство духа и материи, объективного и субъективного в бытии. Но противоречие такого единства – такое же неустранимое противоречие, как между движением и покоем, дискретностью и непрерывностью, единством времени и его перетеканием из прошлого в будущее. Я предполагаю, что логика, заключенная в мире, это логика трагедии.

Человек – искушение сам для себя. Если он лишен поэтического воображения, если жизнь сужается для него в схоластическое умозрение, то естественно возникает представление о мире, устроенном дихотомично, естественно душа отделяется от плоти, естественно душа ограничивается созерцанием и силлогистическим размышлением, то есть превращается в чистый ум, а ум – в физиологическую функцию мозга. И так же естественно плоть сначала становится телом, затем – мертвым телом, отделенным от души, затем веществом, сначала еще посредующим между субъектами для их связи, затем омертвевшим настолько, что утрачивается и вещество, и остается "вещь в себе", а затем и от последней остается только бирка, на которой написано имя того, что якобы остается. Путь к преодолению – в рассмотрении отношения между математикой и действительным миром, или шире – в понимании мира как духовного мира, в котором дух и плоть состоят в законном браке, а не смотрят подозрительно друг на друга из-за забора... хотя и в браке возможны разногласия... и даже непреодолимые... Но это уже тема другого горестного размышления, об онтологической трагичности мира и бытия, жизни и человека...

Но так как устали уже не только Ахиллес и черепаха и мой терпеливый читатель, но и я сам, свободный философ, и так как склад мира закрывается на переучет, то оставим исследование непрерывности, а также разрешение вопроса о том, существуют ли в действительности числа, пространство и время – до следующего письма.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ
МЕТАФИЗИКА СУЩЕСТВОВАНИЯ

Прежде нежели решиться выступить перед профессиональной аудиторией, я, математик, поведал о своих затруднениях товарищу, бывшему философу, теперь же – писателю-лирику.

В 19-ом веке, сказал я, русские писатели не стеснялись быть дилетантами, и смело брались за решение мировых проблем чисто художественными средствами. Не был профессиональным философом и Достоевский, однако трюизмом является убеждение в том, что он оказал на русскую (да и мировую) философскую мысль не меньшее влияние, чем классики философии. Не уверен, что он знал достаточно хорошо Канта, однако их часто сравнивают, то как сторонников, то как оппонентов.

Не уверен, что Кант достаточно хорошо знал Достоевского, ответил мне товарищ, однако это не помешало ему выступить со своей философской системой.

Выработать личное мировоззрение – не только право, но и долг каждого мыслящего человека. Робость перед великими не менее вредна, чем самонадеянность. Так что смело пускайся в плавание, и там где будет нетвердым философский фундамент, пусть тебе будет опорой общая культура, а то и простой здравый смысл.

Философия двояка. Это и форма культуры, но это и способ мыслить и постигать жизнь. Что же до последнего, то хотя не все мы знаем устройство тканей в легких, но все умеем дышать, так и мыслить и постигать жизнь должны уметь все.

Эти простые соображения умерили мое смущение, и я решился продолжить свои литературные опыты не в исследовании чувств, что прилично писателю, а в исследовании того, умеем ли мы мыслить, и какие ошибки при этом совершаем. И пусть простит меня Кант – если я недостаточно хорошо его помню, то он ведь и вовсе ничего у меня не читал.

I

Философия стремится исследовать, как мы познаём, чувствуем, воспринимаем.

Томимый проблемами справедливости, добра, истины, красоты, я с раздражением отказывал исследованию познания в философской значимости и художественной выразительности.

Не все ли равно, "есть ли жизнь на Марсе", не все ли равно, как мы видим, слышим, сопрягаем, по каким правилам логики размышляем и творим? Не то, чтобы об этом вовсе не стоило размышлять, но имеет ли это значение для ответа на главный вопрос философии – "есть ли правда на земле, и есть ли она выше?"

Вот так же существуют стихи глубокие и вдохновенные, а наряду с ними вялые, скучные, невыразительные, без глубины мысли и блеска формы. Как произведены те и другие, по каким законам, правилам, соразмерностям? Мы можем посвятить изучению этой проблемы лучшие годы своей жизни, узнать все о простых и глагольных рифмах, об анапесте и амфибрахии, хорее и ямбе, и может показаться, что мы узнали, наконец, как соединяются слова в поэтический образ, узнали даже больше, чем если бы узнали, как воспринимаем, чувствуем, мыслим, ибо мыслить умеют все даже и без дополнительных знаний, а стихи, даже плохие, сочиняют не все – но не помогают нам ямб и хорей, как алгебра не помогла и старательному Сальери.

Разве мы не знаем, как производятся женщины (а если еще не знаем, то именно сами женщины могут просветить нас на тот счет) – но не помогает нам это знание в производстве красавиц, если еще не мешает.

Поэтому я думал так – если философия позволяет понять существенное в нашей судьбе, то относится ли к этому пониманию гносеология? А значит относится ли она к философии?

В моей тяжбе с судьбою, историей, Богом и случаем; в моей тяжбе за наследство, которое было обещано, но которым оказался я обделен; в тяжбе и всякого другого, который родился без права на наследство, и которому верхивостка-судьба даже ничего не обещала – в наших тяжбах, моей и других, какое имеет значение, что вещь в представлении и восприятии не совпадает с нею же "самой по себе", существующей вне восприятия?

Если, восторгаясь цветом и запахом только что распутившейся черемухи или сирени, мы еще и помним о том, что цвет и запах не суть ее акциденции, но созидаются по известным психофизиологическим законам – усилится ли от того наш восторг?

Я прорастаю сквозь сирень,
По шиколотки врос.
Благословляю новый день
В дожде из сладких слез!
Благословляю шум ветвей,
Их трепет и порыв!
И вдруг защелкал соловей,
Меня благословив.

В детстве я не знал, по каким капиллярам и трубочкам течет березовый сок, ныне я знаю. Но как был сладок березовый сок шестьдесят лет назад, и как он пресен сегодня! Не знания притупили чувства – но они не замедлили и не отвратили их притупление.

Итак, думал я, высокоученые соображения о психофизиологии звука и цвета, о перевернутом изображении предмета на сетчатке глаза, о чем поведал нам Юм (а еще ранее того Кеплер), о формировании в уме представления о размерах предмета и его удаленности, знанием чего мы

обязаны Канту – не имеют отношения к попыткам "усиленно сознающей мыши" понять мир, к ее тяжбе с миром; не имеют отношения к горестному сознанию нашей брэнности, обездоленности, к тому, что мы или не умеем дерзать, или даже дерзая не можем достигнуть существенного. Даже в том, что, казалось бы, зависит от нас – как мы сла́бы!

Человек – синтез духа и плоти; но вместе с тем разъединенность духа и плоти – подлинная проблема нашего *я*, нашей *истории* и нашей *культуры*.

Другая не менее важная проблема – разъединенность философской культуры и обыденных представлений о мире. Пока разговоры касаются житейского: цен, женщин, судьбы России, веревки, которая плачет по шее ее растлителей, мы единодушны. Но вот разговор зашел о сочинении стихов; или о воздаянии должного – и единодушия как не бывало. Да это бы еще не беда. Не в единодушии дело. А в том, что высказываются мысли, почерпнутые либо "из старых газет", либо из обветшавших учебников, либо из лживого ящика – и, как ни странно, и Юм, и Кант оказываются в сем повинны.

И так как повседневное меня удручает, то нелепые представления о вкусе и цвете, о запахе и звуке, о "действительном и разумном" способны меня и совсем доконать.

II

Я не философ, и познания мои в философии даже более скудны, чем в математике. Правда, я надеялся, что сама жизнь сумеет мне кое-что объяснить сверх учения, а там уж, возможно... Но теперь с горечью вижу, что хотя жизнь кое-чему и научила, но еще больше того я растерял и забыл. Конечно, выучиться на философа невозможно, ибо философия – искусство, а не ремесло, или хотя бы здравый смысл, присущий не многим, однако и поэту следует читать других, кроме себя, также и самодельному философу полезно ознакомиться с историей познания и размышлений о сущности мира, чтобы заново не изобретать лапти. Посему я думаю – вправе ли я поучать других и ниспровергать чужие взгляды?

Но разве не всякая мать вправе объяснять ребенку, что хорошо, и что плохо, даже если она не читала Канта? Поэтому и я, поскольку раздражают меня окружающие своими представлениями о происхождении и устройении мира (или *действительности*) и человека, не обязан ли излить свое раздражение в более или менее внятной форме, хотя бы и не философской, дабы хоть отчасти их вразумить – а может быть и самому вразумиться.

Общее место всех представлений о мире – признание, что состоит он, так сказать, из двух половин: одной, наделенной звуком, цветом, запахом и вкусом, то есть тем, что и является действительностью, чувственно воспринимаемой и умопостигаемой, действительностью образов и представлений, отношений и умозаключений; и второй половины,

состоящей из прообразов наших восприятий, из молока, в котором ни белизны ни вкуса, из пива, которое не пьянит (ибо это *мы* опьяняем, если же пиво вылить на камень, то камень не опьянится), из форм, лишенных формы, из плоти, которая не более чем вещество, из вещества, которое даже не состоит ни из молекул ни из атомов, ибо представление о тех и других принадлежит к числу *наших* представлений. Вторая половина мира состоит из так называемых "вещей в себе" (или "вещей как таковых"), лишенных формы, не покоящихся в пространстве и не протекающих во времени, ибо и пространство и время – априорные условия наших восприятий, но не принадлежат ни "вещам в себе", ни сами не являются чем-то в себе самом.

Что такое этот "мир в себе", мы не можем сказать, ибо мы знаем только то, что является нашему уму или нашим органам чувств, и что, тем самым, не совпадает с миром прообразов (или "вещей как таковых"). Последний же находится за пределами не только философского умозрения, но и всякого умозрения. Его мы не представляем, не ощущаем, и, следовательно, о нем не можем мыслить. Однако именно он и есть мир объектов, объективный мир, или "мир как таковой", состоящий из *таковых вещей*. Мир, который мы *чувствуем*, и о котором *мыслим*, существует (как обычно полагают) только в нашем уме, он эфемерен, он так же *недействителен*, как мысль о столе (в отличие от стола), как всякая мысль, он весь вмещен в "черепные коробки" рода человеческого, который, в свою очередь, вмещен как атом в безграничное тело Земли, которая, в свою очередь, вмещена как атом в величественный и почти безграничный Млечный Путь, вмещенный... и т. д. Этот *недействительный* мир не более чем сон, и он исчезнет вместе со спящими [или, когда спящий проснется].

Итак, он конечен во времени, существуя вместе с человеком, и он конечен в пространстве, ограниченный человеком, – да и занимает ли он место в пространстве – ибо мысль и ощущение нельзя измерить? Следовательно, этот мир не существует в том смысле, в котором существует мир прообразов, "вещей в себе", независимых от человека.

Хотя, конечно, не содержащийся ни в восприятии, ни в размышлении, *существующий* сам по себе, независимо от человека, и по существу непостижимый, существует ли и мир прообразов, вещей в себе?

Да и что вообще делает какую либо вещь существующей?

III

Рассматривая существующее, Беркли сравнивает иллюзию, то есть сон и галлюцинацию, с подлинно существующим.

Иногда ведь и во сне является сомнение в подлинности происходящего, а иногда и наяву задаем себе вопрос, да не спим ли мы на самом деле?

Вот я вижу черта с рогами; или отшельник в пустыне видит обнаженную деву, со всеми ее земными и неземными прелестями – действительны ли черт и дева? Искушенный ум подсказывает, что

поскольку черт не удостоверен предыдущим опытом, то черт – не достоверен. Дева же, явившаяся отшельнику, не так невозможна, ибо кто их нас не видел прелестных (даже и обнаженных) дев?

Проблема, однако, состоит не в том, можем ли мы сами отличить фантазию, химеру, галлюцинацию от реальности – исторический опыт показывает, что иногда длительное время чуть ли не все человечество поклонялось фантазиям, химерам, галлюцинациям – то, например, *призрак* коммунизма овеществлялся, и казалось, что он уже не за горами, а предтечу его, социализм, удавалось пощупать, обсудить в очереди за бормотухой или колбасой, и он был так же действителен, как жена и любовница, и вот – призрак как не бывало, да и социализм растаял как дым (правда, пожарища от него остались, на всех обширных пространствах бывшей империи).

Свидетельства многих, свидетельства даже всех еще ничего не доказывают, пусть и все человечество видело ясно, что солнце всходит и заходит, а земля неподвижна, но оказалось, в конце концов, что всходит и заходит земля, а неподвижно солнце.

Убеждены ли мы в чем-то, убеждены ли в том же другие, не это самый существенный признак существования. Сословие ученых было убеждено в существовании теплорода, сегодня оно в нем разуверилось.

Возможность заблуждения, ошибки, иллюзии, когда несуществующее кажется существующим, чаще всего относится к мнениям, идеям, идеологическим построениям, заполняющим иногда умы и большей части общества, например, так называемый исторический и диалектический материализм, или галлюцинации, преследующие душевнобольных, или появляющиеся в состоянии аффекта.

Но каковы же условия, удостоверяющие подлинность – или их вовсе нет, и мы ко всему должны относиться с сомнением?

Нет, надо доверять свидетельствам наших чувств и нашего разума, ибо в противном случае наши убеждения будут зыбки и наша деятельность не действительна; сомнение лишь не должно позволить нам закоснеть в самомнении, но оно не должно закаменит нас в мнительности, нерешительности, неуверенности. Сомнение и вера должны дополнять друг друга как солнечное тепло и дождь – порознь они или иссушат почву или ее размочут, вместе же подготовят к произрастанию.

Хотя, увы, мнимая действительность, ложная существенность сопровождают все бытие человечества.

Ему говоришь; Ты сеешь на камне! – он не внемлет; ты поклоняешься ложным кумирам! – он злится; ты живешь неправедно! – он приходит в ярость.

И все же не одни твердокаменные химеры и не одни сомнения заполняют ум человека, посему и я надеюсь. Одно действительно, другое иллюзорно; освобождаться от заблуждений в труде и страдании – таков путь человека, томимого духовной жадной.

IV

Что же делает существующее действительно существующим, что делает действительное подлинно действительным? И что отличает иллюзию от реальности?

На первый взгляд, ответ прост и ясен. Если я вижу зеленых чертиков, то в их недействительности можно удостовериться, опросив жену и соседей. Если никто из них чертиков не видит, то значит, что они существуют только в моем воображении, и их форма, размер, звук и цвет всецело в моем уме, как, впрочем, и аналогичные свойства моей жены, которая, тем не менее, существует в действительности, ибо, порождая "вещь для меня", она еще остается и непостижимой "вещью в себе" (каковой, впрочем, является всякая женщина, ибо ни одна из них, даже самая простая, не бывает до конца постижима), и посему воспринимается еще и соседями.

Возможность существовать сразу в нескольких, во многих умах удостоверяет наличие прообраза, "вещи в себе" даже при несовпадении индивидуальных восприятий, поэтому мы можем утверждать, что существует источник восприятий, та самая Кантовская "вещь в себе", которая отделена от всех восприятий, не содержит их в себе, не совпадает с ними, и посему непостижима.

Итак, иллюзия – то, что существует для одного, но не существует для многих – хотя, однако, бесы существовали в умах европейцев на протяжении столетий, и многие их воочию видели, а иные и тесно общались – но существуют ли бесы в действительности?

Существуют ли инопланетяне, изучением которых занимаются (если верить моему товарищу физику, трезвому материалисту (пьяному – тоже) целые научные коллективы и отдельные "контактёры" – засушивают их, помещают в банки со спиртом, путешествуют с ними на другие планеты и даже имеют от них детей? Так является ли свидетельством подлинного существования существование во многих умах? Существует ли Бог? Когда Он существовал в умах большинства, некоторые весьма авторитетные люди отрицали Его существование, например, Вольтер, Маркс и Ницше; когда Он существовал в умах немногих, другие авторитеты, например, Флоренский, Ухтомский и Павлов обосновывали Его бытие. Можно было бы сказать, что Бог существует для духовно зрячих, слепые его не видят – если бы не то обстоятельство, что и видящие видят Его слишком индивидуально, и Бог апостола Павла – не тот Бог, который существовал для Савла, и Бог англичан – вовсе не тот Бог, с ангелами которого общалась Орлеанская Дева.

"Но все же давайте выясним существенное, – воскликнет нетерпеливый читатель, – что значит "существовать" по отношению к миру вещей и явлений, – оставив в стороне силы небесные и подземные, духов добра и зла; оставив в стороне существование дьявола (которое ныне почти никем не оспаривается) и существование Бога. Что значит, что существуют стол и стул, деревья в лесу, птицы на деревьях и Сириус в небесной дали?"

V

Беркли противопоставляет объективно существующее иллюзиям индивидуального сознания следующим образом.

Всякое существующее хотя и открывается нам в восприятии, но может стать и становится "вещью для нас" со всеми ее свойствами только потому, что существует в сознании Бога. Подлинное бытие не является бытием самим в себе, ни на чем не основанном, но его производит творческая энергия Бога. Цветок лилии потому обладает запахом и цветом, притягивает восхищенный взор и заставляет замирать благоговейно, что он уже обладает всеми своими свойствами как в восприятии Верховной Сущности, так и онтологически, ибо, будучи частью мира, созданного Богом, он также является Божьим созданием, Бог же, как создатель, подобен живописцу, изображающему лилию – разве живописец изображает "вещь в себе"? Нет, он изображает лилию такую, какую ее видит. Бог подобен живописцу и зрителю, только Он совершеннее того и другого, ибо это мы подобны Ему, будучи так же творением Божьим.

VI

Если качества предмета, данного нам в восприятии, не суть его собственные качества, а психофизиологическое переживание этого предмета субъектом; если звук и цвет, форма, пространство и время, мера и число существуют только в восприятии и индивидуальном сознании, то взаимоотношения образа и прообраза, "вещи для нас" и "вещи в себе" поразительным образом напоминают утрированные апории Зенона.

Действительно. Образ, то есть та лилия, которая так чудно благоухает, грациозно дрожит лепестками при легком дуновении ветерка, вспыхивает то синью моря, то голубизной неба, расположена от меня в двух шагах у кромки ручья – эта лилия существует лишь в моем сознании (и существуют ли она вообще, и будет ли существовать еще в чьем-либо сознании, я не вею, и никого нет вблизи).

Что же остаётся от лилии, если ее раздеть? Остается соединение молекул и атомов, или нейтрино, которые притягиваются, отталкиваются... поглощают и отражают... и так далее... – поясняет приверженец материализма. Правда, и атомы и молекулы, будучи умозрительны, не более относятся к "вещи в себе", нежели запах и цвет, и должны быть от нее отняты. Вот так же, снимая с девицы платье, которое *видимо*, мы обнаруживаем под ним лифчик и трусики, прежде невидимые, и все же существующие лишь в восприятии, и только после этого остается подлинно существующее, хотя и непостижимое, и существующее не для нас. Если содержание восприятия состоит из форм сознания, не принадлежащих объективному миру – таковы ощущения цвета и запаха и представления формы, подобия и отношений, – то таково ведь и всякое представление, в том числе представление о "вещи в себе", лишенной цвета и запаха и представления формы.

Отнимая их, имеем ли мы дело с голой самобытностью, лишенной наших пристрастий? – но нет, и не может быть у внешнего источника их ни понятия о "вещи в себе", ни о протонах и нейтринно, ни представления о голой самобытности, ни о преломлении света, отражении и поглощении. Так же как, раздевая возлюбленную, мы не найдем в ней ничего, чего не имели бы уже в воображении, так и при всяком анализе и раздевании, даже тех, кто противится раздеванию.

Нам кажется, что ум, отбрасывая формы ума, приходит к формам, которые в уме не содержатся. Но пока бодрствует ум, ощущает плоть, видит око, чувствует вкус язык, пока каждый акт восприятия отмечает наше сознание, оно – сознание – присутствует в восприятии, и обнаженная женщина такая же "вещь для нас", как и не обнаженная, хотя бы она и не замечала наших восхищенных или нескромных взоров.

VII

Восприятие и деятельность сознания неразделимы, все то, что мы воспринимаем – *сознавательно*, следовательно все впечатления внешнего мира суть суммы субъективных переживаний; но и понятие о том *внешнем источнике* восприятия, который мы мысленно конструируем как *прообраз, лишенный образного* – сознательно; даже более того, живое *впечатление* предмета или явления нам еще кажется результатом взаимодействия сознания с непостижимым нечто, лишенным сознания, это же непостижимое нечто как якобы подлинность предмета, как его объективная самость – чистое понятие сознания и существует только в сознании.

"Вещь для нас", мы говорим, субъективна, это мнимый образ, созидающийся сознанием, и ему соответствует некий непостижимый прообраз, "вещь в себе". Но воспринимаем ли мы непосредственно эту "вещь в себе"? Нет. Следовательно, представление о ней является результатом работы ума, выводом из силлогистического построения, и соответствует ли этому выводу нечто, образом чего является вывод – непостижимо вдвойне.

Воистину, пока Ахиллес добежит до того места, где была черепаха, она слегка отползет... и так она будет отползать до тех пор, пока не утомится философ.

Но если всякая вещь и явление существуют во всеобщем уме, которым является ум Вседержителя, если бытие не является бытием самим по себе, непостижимым, немым и бесцветным, начинающим звенеть, цвести и пахнуть только в сознании философа, отделенного от объективного бытия, а существует так же, как и в сознании человека, и именно потому совпадает во всех индивидуальных сознаниях, что и вещь и явление тождественны самим себе и сознавательны; если *внешний мир* духовен в такой же степени, в какой духовен мир "вещей для нас", то и "шопот, робкое дыханье, трели соловья, серебро и колыханье сонного ручья" подлинно существуют, и "стояла ночь, луной был полон сад" и

действительны и разумны, а не становятся действительными, становясь разумными; и поэтому *"всё действительное разумно и всё разумное действительно"*, а не сосредоточен дух в человеке, лишь на свидании восприятия одевая в цветные одежды мертвый молекулярный мир.

Так все-таки, что существует, что – нет, существуют ли наши представления и мысли, объективны ли они, или только субъективны, *действительна ли* математика и ее положения, то есть настолько, что даже *вещи как таковые* таковы, каковы они в математике – или последняя *придумана* нами и существует только в нашем сознании, и мир – сам по себе, а математика сама по себе, и отдельно от мира существуют и "больше и меньше", последование и порядок, расположение, изменение, постоянство?

Разумеется, источником материализма является не представление о том, что мы переживаем внешний мир субъективно, одевая его в цвета и звуки, а то, что существенность существования признаём только за непостижимыми "вещами в себе", а цвета и звуки приравниваем к иллюзиям. "Вещи в себе" словно бы заполняют пространство и время, составляют вселенную, космос, дух же если и занимает какое-то *место*, то, вульгарно говоря, внутри черепных коробок "homo sapiens", составляющего относительно космоса такую ничтожную часть, что ее можно считать несущественной, почти и не существующей, частью космоса. Если бы в результате мелкой космической катастрофы на краю Млечного Пути камнем шарахнуло по планете Земля, то некому стало бы смотреть на звезды, исчезли бы восприятия, "вещи для нас", исчезли бы и пространство и время, если прав Кант, и они не составляют бытия, но лишь условия его представления.

Исчезла бы математика, тождества и уравнения, умножение и возведение в степень, Закон всемирного тяготения и разбеганье галактик.

Останутся, возможно, "вещи в себе", лишённые акциденций – впрочем, исчезнет существование, ибо оно само является формой сознания, и об этом мире, который сознание перестанет воспринимать, нельзя будет даже сказать, что он когда-нибудь начинался и что он продолжается.

Материализм является солипсизмом, и только материализм им по существу и является, с его убежденностью, что только в сознании человечества мир существует как нечто живое, с прелестными лилиями, обнаженными женщинами, блестящими звездами и трелями соловья. А если вне сознания мир существует, то так бледно, почти никак, что стоит ли о таком мире говорить и спорить?

Но – каждому свое. Мир, все же, по гениальному слову Страхова, есть целое, и дух его и плоть составляют единство, которое позволяет миру быть так полно, как полон он в восприятии, и он именно и только так существует, а не так – не существует.

И математика в этом мире существует незыблемо, хотя каждое ее положение справедливо двояко – как факт математической науки и как свойство бытия (даже когда мы его еще не знаем).

Представление об иллюзорности субъективного духа и реальности лишь объективной материи имеет свои причины и психологические предпосылки.

Ведь всякая наша мысль существует лишь пока мы ее мыслим, и перестает существовать, когда мы от нее отвлекаемся. Большая часть наших представлений существует не существуя, то есть только в нашем сознании. И хотя подлинные "вещи в себе" существенно существуют лишь как "вещи для нас", существованию обязаны, все же, не нашему сознанию, поэтому, каким бы красочным ни был сон, виденное в нем не существует, и не начинают быть ни Наташа Ростова, ни Манон Леско, сколько бы мы о них ни грезили.

Внешний мир устойчив, тверд, его можно пощупать, он веществен и он существует, наш же внутренний мир образов, представлений и "парадоксов" (хотя бы и были мы им друзья) – нетверд, иллюзорен, и потому не существует. И горестные размышления о том, что сумма наших невзгод не меняется от их перестановки – только мои размышления и мои невзгоды.

О, разочарование! Все, что нам так мило – Война и мир, Девятая симфония, Мир как воля и представление – существуют только в сознании, а следовательно не существуют, подлинный же мир, если его лишить кипения белой черемухи, шороха листьев на ветру и Мира как воли и представления существует словно в царстве мертвых, он беднее даже богатого, лишенного его богатства.

Субъективный мир – это мир воображения, и лишь объективный мир – подлинный. И тем не менее, если мы уберем из этого разделенного бытия его сомнительную, эфемерную часть, убрав субъект, произойдет не только гносеологическая, но и онтологическая катастрофа, ибо подлинный, объективный мир лишится своего главного качества, свидетельствующего о его подлинности – лишится объективности, ибо без субъекта понятие объекта нелепо. Такой мир не веществен, не осязателен (некому его пощупать и удостовериться в том, что он "действует на наши органы чувств"), он даже не мир "вещей в себе", не протекает во времени и не расположен в пространстве (ибо время и пространство – лишь условия восприятия, говорит Кант). Этот мир лишен математики, и в нем ничто не больше и не меньше, ни раньше, ни позже. В нем нет длительности, протяженности, произвола или целесообразности, порядка и хаоса. В нем нет ни смысла ни даже бессмысленности.

Представление о сознании, противостоящем миру, о сознании как о зеркале, в котором мир *отражается* – это представление о *бытии, трагически разорванном на существование, лишенное сознания, и сознание, лишенное существования.*

Качества и количества присущи сознанию, они – его способ

мыслить о мире, но сознание не относится к миру, ибо вселенная, мир – это мир объективных "вещей в себе", и он не мыслит, не восхищается и не чувствует боли. Сам по себе он безжизнен, оживает лишь в "зеркале", и это "зеркало" – человек – не только способ обнаружения мира, но и способ его полнокровного бытия.

Действительно, что удостоверяет нас в существовании объективного мира? Как крик петуха свидетельствует, что наступило утро, так и возглас философа – "я мыслю, следовательно я существую!" – свидетельствует о существовании мира. [К слову сказать, на границе небытия и сознания прежде мысли страх удостоверяет в существовании. Вот что "человеческое, слишком человеческое" – страх смерти. Мне страшно, следовательно я существую!]

Мира без существования нет, более того, существование шире мира, богаче его, и далее целесообразно рассуждать не о мире, на который наблюдатель смотрит как на картину в музее, а о *существовании*, которое включает и нашу жизнь как цепь событий, переживаний, радостей и невзгод, и сцену мира, на которой наша жизнь протекает. То собрание предметов на сцене, о котором рассуждает философ, является не само по себе, а в связи с нашей жизнью. Никогда не имеем мы дело с мирозданием как таковым, а представляем его в соответствии со своим характером. Астроном видит бесконечность, в которой разбегаются звезды, античный поэт – живое звездное небо, натуралист – бесконечно живую природу, физик – сонмы безумных молекул.

Существование не существует отдельно как внешнее и внутреннее, но как целостность, и черемуха цветет не только во мне, и музыка звучит не отдельно от мира.

Как только мы понимаем, что математика не только описывает отношения действительности, но и сама действительность математична, и что если понятие о тождестве исполнено драматического противоречия, ибо протекающее тождественно и не тождественно вместе (ибо иначе невозможно было бы изменение, которое уже существует и тогда когда начинается), то следовательно ДРАМА "в природе вещей", что красота присуща миру, что в эволюции (если она существует) должны быть соединены все категории бытия, логическое, этическое и эстетическое, что сознание не появляется как плесень на камне мироздания и что дух не отделим от плоти мира, но существуют и дух и плоть вместе – тогда мы начинаем видеть и чувствовать мир ярко, глубоко и восхищенно!

Образ мыслей важен для самого человека, ибо от образа мыслей зависит, смотрит ли человек на окружающую природу как на часть человеческого мира, или видит в ней груды камней или помойку.

Безотносительно к человеку мира нет. Не стоило бы из-за различий во взглядах перья ломать, если бы не важно было, как человек смотрит во самого себя и на окружающее его, например на улицы и дома несравненного Петербурга. Материя нужна для воплощения красоты (по слову Данилевского), а значит отдельно от духа она не существует.

Так же было бы не важно, верят ли мальчики и девочки в существование секса, если бы эта вера не убивала в них способность любить. И если мы будем полагать, что человек – это "двуногое без перьев" (по Диогену), или "общественное животное" (по Марксу), или "мешок с нечистотами" (согласно современным циникам), то захочется ли ради такого человека идти на лишения?

=====

Я устал, да и "охрана устала", а посему заканчиваю.

Существуют человек и природа. Существует Божий мир, неотделимый от духа. Потому-то он и восприимчив нашими органами чувств, потому-то он и сознавателен. И как наши душа и тело хотя и непохожи друг на друга, но поразительным образом прилажены друг к другу (как и мужчина и женщина не похожи и не делимы), так и Божий мир и человек. Всякая вещь в мире словно изначально создана для нас, и дерево горит, чтобы нас согреть, а плоды его съедобны, и нефть течет под землей, и уголь залегает, и вода утоляет жажду. Нельзя отделить тело мира от его духа.

И хотя Бог и Сам по Себе, но "Он и всё в мире", и всякое существование потому существование, что оно содержится в сознании Бога. А человек – образ Его и подобие.

IX

Так о какой же лилии говорил Господь, что она не сеет и не пашет, а украшена лучше всякой модницы? О той ли, которая растет на лугу, или в нашем сознании?

Существует *Реальность*, с которой мы соотносимся, которую мы в восприятии и умозрении одеваем в цветные одежды, и контуры которой, предполагая ее голое бытие, мы намечаем также и в сознании.

И вот ее, вдохновившую Канта, состоящую из прообразов восприятий, я впредь и буду именовать этим словом, привнесенным в русский язык извне, как и прообразы привносятся извне в восприятие; всё же, что относится к духу, наименую старым и известным русским словом *Действительность*, в которой соединены и подлинность и действительность (или, как теперь говорят, позабыв родной язык – эффективность). Иллюзии относятся к *действительности* как ее тень или эхо: сон, галлюцинации, воображение, мечта. С этой точки зрения все действительное действительно разумно, но не все разумное действительно (например, мечты).

Что же до *реальности*, то очевидно, что сознание в ней не присутствует, – если под реальностью понимать те "вещи в себе", с которых снято насколько возможно все разумное, то есть оставлены они как после встречи с разбойником или государством, то есть не только в чем мать родила, но и без этого.

Итак, мир раздвоен, отдельно "вещи", с которых содраны шкуры, отдельно шкуры, существующие якобы лишь в сознании (хотя, удивительным образом, во всех индивидуальных сознаниях одинаково).

Это "снятие шкур" с чувственных объектов сродни раздеванию капустного кочана, от которого, если его раздеть до конца, остается все-таки кочерыжка (но не более того), а также мысленному разделению протяженных вещей на части, что не беспредельно и упирается в *неделимое*, то есть атом.

Таким образом объект, освобожденный от субъективно чувственного, всего лишь горсть праха, или горсть *атомов*, и вот они-то и "действуют на наши органы чувств, производя ощущения", то есть весь действительный мир, существующий субъективно, а значит не подлинно, в то время как бедный, нищий, голый бесчувственный мир единственно подлинен, то есть *реален*.

Ну и ладно, можно б сказать, каждому свое, одним, романтикам-идеалистам, не подлинный красочный и ароматный, в шорохах и трелях мир *действительности*, реалистам же, твердо стоящим на камне или прахе межзвездных туманностей подлинный, хотя и страшно раздетый, и может быть дрожащий от холода мир *реальности*; да, казалось бы, пусть каждый верит в что хочет, так ли уж важны эти проблемы гносеологии, то есть как мы познаём, как чувствуем, верна ли эта схема, подразумевающая, что мир существует как мир внешний, отражающийся, как солнце в луже воды, в мире внутреннем; – или эта схема всего лишь фантом мира внутреннего, подобный той боли, которую чувствует человек на месте отрезанной ноги... да, все это можно было б сказать, если бы такое умонастроение фатальным образом не проявлялось далеко за пределами проблем восприятия и познания, а именно в области понимания сущего, осмысленности его или бессмысленности, действительности духа как основания мира или его иллюзорности, а так же не проявлялось бы и при переживании бытия Божия.

Если материя как вещь в себе первична, а дух – лишь ее отражение, некая метаморфоза матерьяльного бытия в процессе временной эволюции, то не так же ли соотносятся и жизненные цели и отношение к жизни? Марксизм с его утверждением экономических отношений как причины и стержня истории (а значит и культуры и смысла жизни) казалось бы, преодолен. Но общество буржуазных ценностей, то есть богатства и прибыли – не то же ли самое? Первичны прибыль и рента, первичны деньги, все же остальное – только отблеск их славы. Так же по отношению к духовному первична психология, для психологии первична физиология, и для последней – физика.

"Вещь в себе", или атом – не только источник ощущений, но и источник бытия – вот катехизис современного образованного человека. Каждый, кто окончил школу – а тем паче, Боже упаси, университет – стихийный бессознательный материалист, ибо для него объективный, то есть единственно реальный мир – сумма "вещей в себе".

"А где же Бог, где же любовь?" – спросишь его.

"Движение атомов в мозгу!" – пролепетает, потупившись, он.

Что *мир состоит из атомов*, это сегодня понимают даже в детском

саду те дети, которые умеют составлять из кубиков фигуры, а из картонных букв слова.

Из чего состоит слово, дитя?

Разумеется, из букв. Ну а в таком случае из этих же букв *состоит* вся письменная культура, как и мир с его бесконечным разнообразием всего лишь соединении *неделимых* в разнообразных пропорциях.

Моя матушка не воспитывалась в детском саду, и будучи женщиной умной, находила подчас неожиданные пояснения услышанному от меня.

– Вот что я тебе возражу на твои бесцветные восприятия, а цветные только во сне. До недавнего времени и я видела сны цветные, а как и наяву, а вот теперь только чернобелые, и мир поблек тоже. Человек мыслит как чувствует, и когда ему крестьянский труд впору и по здраву, он и мыслит, что нет слаще труда, чем в поле и на покосе; а когда каторга, то и мысли у него каторжные. Думаю, что твой епископ видел цветные сны, потому и говорил, что мир – в цвете, а которые видели сны худосочные, те решили, что и мир голым гол.

Продолжая прежние рассуждения, я суммирую их следующим образом.

Если полагать, что *реальность* телесна и она есть все то, что вне Духа (я не употребляю термин *сознание*, чтобы не сводить духовное к познавательному, ибо и рыба воспринимает и чувствует, хотя если что-нибудь и сознаёт, то уж во всяком случае не в том смысле как человек, который досознался до того, что только в сознании находит действительный мир, рыбы до этого досознаться не смогли); а *действительность* – это лишь образ реальности в духе, то телесная *реальность* и духовная *действительность* разделены так, как мертвое и живое, даже более, чем бездушный камень и деятельный человек; она разделена более чем плоть и дух в человеке, ибо *реальность* – это не живая плоть, а мертвое тело. Ведь "вещь в себе" освобождена от всего, привносимого субъектом – освободите плоть от всего человеческого, и вы получите мертвое тело. Но вот только вопрос – то тело, которое входит в состав человека, совершенно ли *объективно* и не содержит в себе ничего субъективного, то есть разумного? Ну конечно, в составе человека *живая плоть* (а некоторые даже полагают, что только она и является человеком и причиной и источником жизни).

Итак, я задал множество вопросов, и не на все ответил.

Дело в том, что недостаточно исследовать взаимоотношения *неизвестного отражающегося объекта* и более известного *отражающего зеркала* (сознания). Существование (бытие) не статично, оно *изменяется*, или, как говорят, претерпевает эволюцию. Только исследование *изменения мира* позволит до конца уяснить взаимоотношение сознания и "вещи в себе" и их реальное или действительное бытие.

ПИСЬМО ПЯТОЕ
ЗАМЕТКИ ОБ ЭВОЛЮЦИИ

I

Сколько я ни пишу свои записки о существующем и протекающем, взгляд мой останавливается – как на *существующем*, вовсе не на мире объектов, который, если и существует, то не более чем задник на театральной сцене, а на всем том, что наполняет мою жизнь, которая, к счастью, еще существует, сегодня одна, завтра другая, то счастливая, то мучительная, иногда однообразная, но на протяжении длительного времени весьма переменчивая.

Существуют события моей жизни и жизни мира, появляющиеся словно ниоткуда и исчезающие как будто в никуда, а следовательно эфемерные и почти не существующие в сравнении с неподвижными звездами и почти вечными скалами – хотя и последние исчезают, а значит *не существуют* тоже (действительно, мы ведь убеждены, что сегодня нет ни Пелопонесской войны, ни Аристотеля, ни Платона, ни Зенона Элейского, и нет того мира, который предстал им уму, а мир, предстающий нам, уже другой, и завтра его не будет в уме другого философа, словно он весь только игра набегающих "волн времени", которых тоже нет, по мнению Канта).

Итак, всякое «есть» заменяется «нет» – так *есть* ли «есть»?

Ибо определенно можно утверждать вслед за Гераклитом только то, что «всё течет, всё изменяется», а значит ничто не тождественно самому себе – а без этой тождественности «есть» ли оно?

Следовательно, *есть переменчивость*, всегда и везде, а потому, быть может, то, что есть ныне, не более «есть» чем есть прошлое, или то, чего еще нет, но что как кажется будет. И если мы будем утверждать, что есть то или иное, имея в виду, что вот это или иное есть, а всего другого нет, то мы будем неправы, ибо «есть» и это, которое есть, и другое, которого еще нет, ибо *есть протекающее*. Когда-то было верно сказать, что существует Карфаген, когда-то и о распятии Христа иные могли воскликнуть, что вот оно, свершается... А сегодня хотя и не все согласны, что Карфаген, все-таки, существует, но что *Христос был, есть и будет всегда*, ибо «искони бе слово, и слово бе у Бога, и Бог бе слово» – уже знают многие.

Следуя логике разделенного мира, в котором реален мир "вещей как таковых" и иллюзорны их отражения; в котором существует и существенна только реальность, понимаемая как сумма прообразов наших представлений, мы теряем самое существенное в существовании: *бытие сущего и жизнь человека*, т.б, что я называю *Действительностью*.

Существуют ли ветер и дождь? Относятся ли они к миру "вещей как таковых"?

А ведь самое существенное в существовании – это то, что существует как ветер и дождь.

Напишите историю отдельного человека, и вы увидите, что мир вещей занимает в ней ничтожное место.

Существование, собственно говоря, почти не существует. Оглядываясь вокруг, мы видим, что что-то *происходит*, но ничто не существует само по себе. Текут реки, падает снег и дождь, дует ветер и шквал, ползет гусеница, блещут молнии и гремит гром... Вы, может быть, возразите, что уж горы-то существуют? Но геология нам показывает, что *происходит* таянье и движение ледников, сдвиги земной коры, образование минералов, испарение морей... Даже звезды не "существуют", а *сияют* и *следуют* в пространстве по предначертанным им путям.

Если бы я в качестве примера подлинного существования привел даже свою не столь важную жизнь, то и она бы показала, что *существование* не столько противоположность не-существования, сколько протекание, протяженность, изменение, череда перемен, *«ряд волшебных изменений милого лица»*.

Можем ли мы судить об истории Троянской войны по фотографии разрушенной Трои? Или по фотографии пшеничного поля, выросшего на месте Трои? Очевидно, весьма относительно...

Философ спит, бодрствует, пьет чай или водку, испытывает зависть, страх, увлекается красоткой; иногда, отодвигая чай и красотку, начинает усиленно размышлять, созерцая неизвестный предмет, найденный утром на кухонном столе, наконец, восклицает: *я мыслю...* (Забывая, что совсем недавно он спал или «был без ума».)

Философ тщится создать всеобъемлющую картину мира, хотя прежде должен был бы задать вопрос: *существует ли мир?*

Понятие о *мире* – это понятие о *бытии*, из которого изгнано время, так что *бытие* перестало быть, протекать, длиться. Но разве существует *бытие*, которое перестало *быть*?

Исследователь изучает жизнь лягушки, и чтобы в созерцании ничто не отвлекало его от ее чистой подлинности, пропускает через нее электрический ток.

Не то же ли мир, из которого вынута бытие? Существует ли такой мир, существовал ли?

Происходящее, меняющееся от одного к другому, включающее взаимодействие столь разнообразного, что его мы никогда не соединим в единство, включая, среди прочего, желание, внимание, рассеянность, созерцание, интерес, отвращение, симпатию, волю, деятельность, бездействие ("дремота сладкая моих коснулась глаз...")... – мира нет, есть Происходящее, следовательно, возможна только философия истории – происходящее никак не ограничивается созерцанием предмета, найденного на кухонном столе, и возможно ли построить философию истории, ограничивая ее созерцанием?

Отношение философа к *протекающему* в наибольшей степени является *взаимодействием* с ним, и познание – лишь часть такого взаимодействия.

Истекает ли познание из созерцания? Разве математику мы получаем из созерцания внешних предметов? Нет, мы находим ее внутри себя, а не вне. (Хотя не забудем, что действительность так же условно разделима на внешнее и внутреннее, как человек – на душу и тело). В представлении о познании как результате воздействия "материи" на органы чувств меньше действительности, нежели в представлении о теплороде как об источнике тепла или об эфире как основе сцепления частиц в пространстве.

II

От чего с абсолютной несомненностью отталкивается философ? Что дано ему прежде, нежели он начнет мыслить? Очевидно, чувство, что он жив. Иногда вместо этого чувства является страх – в тех случаях, когда мы переходим грань между жизнью и смертью.

Жив ли я, я чувствую непосредственно и постоянно, а вовсе не получаю знание о своем существовании в результате размышлений. И именно жизнь меня сопровождает, протекает во мне и вне меня, и является единственным подлинным и несомненным "объектом" моего созерцания. Но она же и *субъективна*, она невозможна только как внешнее, ибо и о внешнем мы судим лишь потому что мы его *переживаем*. Содержанием *переживания* является действительность, мы не переживаем "вещей в себе"; содержание переживаний – *протекающее*, в котором предметы составляют незначительную часть; мы переживаем известия о тех или иных событиях или сами события, пейзаж за окном, пожар, землетрясение, болезнь, встречу, переживаем, читая книгу и слушая музыку. Мы *переживаем* нашу жизнь – вот подлинная действительность – так чему же тогда должна быть посвящена философия?

III

Что *окружает* человека, что составляет его жизнь в качестве внешнего?

Семья, друзья, школа, работа; передвижение по улицам, городам и лесам; рекам, морям. Окружают человека прежде всего события его жизни, и затем уже предметы, окаймляющие сцену, на которой они происходят. Существование – это индивидуальная драма, от рождения до смерти. Но поскольку каждое Я укоренено в семье, народе, языке и культуре, то оно простирается и дальше, оно раньше рождения и позже смерти, и мои родители еще живы во мне, и быть может и я "тленья избегу...".

Представление о "мире как таковом" двояко. Во-первых, это представление о сцене, на которой протекает наша жизнь, и которая включает в себя Природу и звездное небо – но их невозможно мыслить совершенно отвлеченно от нас, живущих с ними. Во-вторых, это

представление о предыстории мира, а последняя распадается на космологию, геологию и палеонтологию.

Говоря о мире, не следует забывать, что мир не только вселенная, мироздание, мироустройство, космос, механизм мира; но при этом мир и *совершающееся бытие*, становление.

Что такое часы? Можем ли мы ответить на этот вопрос, остановив часы; и подлинно ли является часами сам их механизм? И так же – является ли человеком тело? Как не одно и то же – вулкан и извержение вулкана, хотя существует и то и другое. Но вообразим такую силу извержения, когда только извержение, огонь, дым, камни, лава, пепел и сера, когда тела вулкана уже не существует... И вот я призываю смотреть на "мир" так, что существует только "извержение мира", и нет и не было механизма мира, как есть он у часов; есть *становление мира* как творчество его верховного Творца и сотворчество высшего творения Божия, образа Его и подобия – человека. Представление о Космосе, вселенной, мироздании – метафора. В действительности человек *переживает* свою собственную жизнь и ограничен ее содержанием, в котором вся вселенная – только условие жизни и ее *переживания* (и представление Канта о времени и пространстве как условиях *созерцания* в таком смысле оправданы); и в процессе жизни человек творит свою собственную действительность, гармонично или дисгармонично соотносящуюся с *действительностью бытия*, в которой нет отдельно мироздания как "механизма" бытия.

IV

Обычный человек (то есть человек, не строящий прокрустово ложе философской системы) имеет дело с непосредственно протекающими событиями и впечатлениями. В школе он изучает историю древнего Рима, читает роман Джованьоли "Спартак", переживает перипетии любовного треугольника, связавшего Цезаря, Клеопатру и Антония, читает Аристотеля и Платона, "Илиаду" Гомера, задумывается над апориями Зенона; в университете он лихорадочно готовится к экзамену по высшей алгебре, целуется с Ритой, спорит о судьбах России и Европы и мирового коммунизма, читает Гегеля и размышляет над саморазвитием Духа; в зрелые годы "играет в бисер", пьет водку, сидит в тюрьме, путешествует по России, мучительно пытается понять себя, но не понимает даже других.

Если этот обычный человек доверяет свои чувства бумаге, он пишет рассказы о неудавшейся жизни или "Записки ненужного человека" – какие проблемы пытается он в них разрешить: – почему у меня мало денег, почему она смотрит на другого, почему к моим способностям равнодушно общество?

Если же он пытается понять свои невзгоды философски, он их излагает более возвышенно: почему в России деньги и власть достаются бездарностям, почему женщины ценят в мужчине успех, почему злая сила властвует и унижена добродетель?

Обычный человек усиленно размышляет над протекающей жизнью (даже если он бегают на футбол и рыбалку и шибко заумными мыслями себя не обременяет), всякого затрагивают подпрыгивающие цены, инфляция, безработица, война, разгул правоискоренительных органов. Имеет ли дело такой человек с "мирозданием"? Разумеется, нет, и именно поэтому он даже не подозревает о его существовании, и он удивится, если ему скажут, что созерцая *мироздание*, мы что-нибудь поймем из основных проблем бытия: почему у нас мало денег, а у прохвостов много, почему даже женщины предпочитают прохвостов, почему их предпочитает и общество в целом?

Что есть сущее?

Различия в ответе на этот вопрос коренятся в психологии личности, а она задана воспитанием, средой, национальным безумием и тому подобным в этом роде, и только потом, выбирая ответ, сообразный своему характеру и уму, философствующий избирает подходящую философию. Как если бы было несколько математик, чтобы тот, кому хочется, чтобы дважды два было пять, избирал одну, а предпочитающий "дважды два девять" избирал другую.

В обычных условиях мы имеем дело с сходными обстоятельствами жизни, ездим в деревню и любуемся лютиками-цветочками, незабудками и васильками, ночью смотрим на звезды и видим звездное небо, в отпуск едем в Сибирь или в Крым и видим "бескрайние просторы Родины".

Философия разлита вокруг нас – и в стихах: "люблю грозу в начале мая", или: "свободы сеятель пустынный..."; и в спорах у костра за бутылкой водки за Сталина или культ личности – и она, пронизывающая наш душевный состав, увы, не объясняет драму нашей жизни.

Но иногда мы попадаем, словно в капкан, в некий узел бытия, в котором деформируется способность свободно мыслить и понимать, мы участвуем в революции или строительстве социализма в осажденной стране, и начинаем видеть происходящее словно в перевернутый бинокль или через цветное стекло – тогда исчезают лютики-цветочки и звездное небо, а идет схватка пролетариата и мирового капитала или усиление классовой борьбы. И вот в оцепенелом мире духовного психоза появляются неотдираемые от сознания штампы: "лес рубят, щепки летят", "если не мы их, то они нас", "базис и надстройка", "единая теория поля" и "теория Большого взрыва".

Если философия – это способ глубоко понять жизнь, то есть драму, идущую на сцене мироздания – то она обнимает и должна обнимать собою именно нашу жизнь – рождение и смерть, любовь, измену, поиски непреходящего смысла в существовании, поиски истины, Бога, спасения души.

Следовательно, философия должна обнимать собою и повседневную жизнь, ибо именно в ней мы рождаемся и умираем, влюбляемся и терпим духовный кризис. Взгляд на сущее, не замечающий или отвергающий драму жизни, а за сущее принимающий здание театра, то есть так называемое *мироздание* – не выведет нас из духовного кризиса.

Да к тому же часто философствуют зрители, не попавшие на спектакль, оказавшиеся на обочине жизни, и посему философствующие о том, что они видят снаружи. Такой зритель, вообразивший, что у стен театра он проводит миллионы лет, невольно начинает мечтать, что *здание* ветшает и рассыпается в прах; или задумывается о том, откуда оно появилось. Возможно, говорит он, его кто-то построил. А может быть и само собой оно постепенно выросло, как растут лопухи; или появилось от сырости, как появляется плесень.

Камни ли сами собою соединились в здание, а потом возникла или была написана пьеса, или же она была написана вначале, и для нее был построен театр? Или возникли они одновременно?

И уже меньшинство полагает, что здание театра и театральные спектакль неразделимы, одно без другого не полно и не существенно, как неразделимы и не существенны порознь душа и тело.

Так или иначе, но и на заре философии, и сегодня (возможно, уже на ее закате), мы убеждены, что мир не был таковым изначально, а претерпел непостижимые изменения. Античный человек полагал, что "золотой век" прошел, и ныне всё к худшему; у современного человека "сердце будущим живет", и "золотой век" он помещает впереди. Убеждение в изменении мира к лучшему захватило умы, сформировавшись в представление об усложняющем и развивающем изменении, *развитии* или Эволюции.

V

Существует ли Эволюция, а если существует, то в чем ее причины, движущие силы, каково ее направление?

Всегда ли она является *эволюцией*, то есть развитием, и развитием чего она является?

Должен предупредить сразу, что меня занимает не столько смысл и сущность эволюционной теории, сколько проблема *существования* и возможность полнее понять – что и как существует? – в связи с попыткой понять – что и как развивается?

Современный человек, даже не сдававший экзамена по диалектическому материализму, можно сказать, чуть ли не с молоком матери усвоил представление о бытии как о мироздании, наборе предметов, или некоей схоластической "материи", которая единственно подлинно существует, изменяется, *развивается* и порождает по неизвестным причинам нечто вроде пара или плесени – рефлектирующее сознание, способное отражать реальность материи, порождая мир представлений, существующий только внутри этой плесени.

Говоря об эволюции, ее следует делить на две принципиально разные эволюции: эволюция чистой материи, существовавшей еще "когда деревья были большими", то есть до возникновения жизни на Земле; и эволюция живого мира, природы, от самых простых ее форм, еще не

занимающихся философией, и даже не умеющих не только летать, но и ползать, до возникновения сначала обычного человека, затем человека философствующего и наконец до возникновения математики.

Произведя живое, которое само дошло до такой жизни, что даже произвело математику, материя, естественно, осталась самою собою, способною только действовать на наши органы чувств и производить ощущения и представления, или "вещи для нас", математика же – всего лишь условность, помогающая систематизировать образы реальности – вот катехизис современного образованного человека (образовавшегося еще в годы единственно верного учения; у тех, кто образовался позже, катехизиса еще нет).

Существует два типа переживания бытия (или мира):

Первый состоит в том, что рефлектирующий субъект разделяет мир надвое, выделяя человека с его рефлектирующим сознанием как некий феномен, стоящий над мирозданием и локализованный в пространстве и времени так, что он представляет из себя нечто вроде случайного атома в мире, который единственно подлинно и предстоит человеку. В этом случае развитие, эволюция относятся к мирозданию, миру «вещей как таковых», который философ либо *созерцает* (по Канту), либо *переделяет* (по Марксу).

Второй тип переживания бытия является переживанием Действительности, не делимой вполне на объект и субъект, на прообраз и образ. Реальность «вещей в себе» входит в такую действительность как в целостность.

Внутри *действительности*, то есть чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира, находится всё и вся, и человек, и природа, и космос. Отношение между субъективным и объективным не зависит от того, учимся ли мы философии у Канта, у Гегеля, Маркса или Беркли, и субъективны, например, страх, влюбленность, голод и ощущение кислого; объективны Уральские горы, теория Дарвина об эволюции, объективен лимон, который мы вкушаем, скорчив кислую мину. Объективно содержание математики, и оно относится к внешнему, то есть объективному миру, ибо хотя мы его и мыслим (как размышляем и об Уральских горах), но содержание математики предстает уму как данность, а не измышляется им.

Что же до предметов, которые мы созерцаем (то есть кантовских "вещей в себе"), то они очевидно объективны, и с этим мало кто спорит – но объективны и их свойства – ибо странно было бы, если бы то, что предстоит созерцанию, было всецело внешним, но при этом качества предстоящего были всецело внутренними.

Надо, конечно, не забывать, что ум мыслит противоположность объективного и субъективного как непреодолимую разделенность – но и между *покоем* и *движением* ум не в силах снять противостояние, ибо несомненно, что когда точка *начинает двигаться*, то в этот "момент начала" она находится в том же месте, где и покоилась и обладает еще

нулевой скоростью покоя – чем же тогда отличается она от точки покоящейся и когда же становится движущейся?

То же самое обстоятельство может поставить в тупик Ахиллеса, и он не догонит черепаху, если вместо того чтобы пытаться ее догнать, мысленно станет делить остающийся отрезок времени или пути на бесконечное число все меньших но никогда не становящихся равным нулю частей.

Противоречиво и понятие непрерывности физического мира – если вещество бесконечно делимо, то ускользающе малой части его мы не можем сопоставить образ частицы; если же существует *последнее* делимое, то исчезает непрерывность.

Вот так и в человеке хотя и существует и дух и плоть, но не существует раздельно, и в личности они слиты. Действительность – это личность мира (как бытия), и точно так же как человек живет и действует как целое, живет и действует как целое и личность мира.

VI

Итак, сущее существует так же, как живой человек.

Что он меняется с течением времени – очевидно. Мы помним детство, юность, давно ли были бодры в зрелости, ныне же претерпеваем, увя, и «седину в бороде, и беса в ребро».

Рассуждая о невидимом, отталкиваемся от видимого, знакомого, ибо странно было бы, если бы одно незнаемое мы опирали на другое незнаемое, или производили гипотезы, совсем ни на чем не основанные. Тем не менее, ходячие представления о развитии вселенной сплошь фантастичны, безосновательно отбрасываются любые подобия с тем, что нам известно – в истории и в современной жизни – и при взгляде на звездное небо отрицается историзм, духовность, человечность.

Меняется с течением времени человек – но рискнет ли кто-нибудь утверждать, что отдельно, само по себе, независимо от истории и культуры меняется тело человека? И что так же отдельно, сама по себе, независимо от телесной природы, меняется душа?

Хотя, конечно, в могиле и кости претерпевают изменения – но не влияют изменения в могильных курганах на изменения в живом человеке.

Я вижу звездное небо. Видел его и Аристотель. За прошедшие две тысячи лет и Полярная звезда отстала от севера, и Медведица слегка подвинула лапы. Сначала исчезла, потом вновь была открыта Троя. Разрушен Карфаген. Засыпана пеплом Помпея.

Если у сущего есть история – а этот вопрос теоретики эволюции даже не обсуждают – то из каких оснований ее выводить?

Надо ли оставаться человеком, рассуждая о космической древности, или нужно уподобиться атому, и с его точки зрения пытаться построить фантастическую историю мира? – то есть, как Атом сначала был черт-те знает чем, затем стал *атомом*, и наконец превратился в человека?

Конечно, можно и историю лошади рассказать, уподобившись лошади, но чтобы атому уподобиться – для этого недостаточно даже гения Льва Толстого.

Отменяя действительность как бытие, неотделимое от духа, естество-испытатель (да и просто естественно заблуждающийся обыватель) пишет историю “мира как собрания атомов” (или “вещей в себе”).

В начале, когда еще не было времени, было почти ничто, сосредоточенное в столь малом объеме, что не было и пространства. Затем раздался оглушительный взрыв.

Потом все как-то успокоилось и потекло куда надо, просто так, ни с того ни с сего становясь все лучше и интереснее. В начале законов не было, даже закона всемирного притяжения, потом они появились (сами по себе). Появились инфузории и вступили в смертельную схватку. Выжили сильнейшие. Так образовался первобытный человек.

Образ саморазвивающегося вещества, совершенствующегося без всяких на то оснований, настолько привлек сердца прогрессивного человечества, что концепция была восторженно принята без вступительного экзамена.

В силу вступил новый “критерий истины” – *не то нам мило, что правильно, а то правильно, что мило*, то есть, не по хорошу мил, а по милу хорош.

В начале 20-го столетия Анри Пуанкаре, размышляя о выведении математических утверждений из конечного числа самоочевидных истин – аксиом – горестно воскликнул – “но ведь в таком случае всякое новое утверждение уже содержится в прежде данных аксиомах, являясь только их новой комбинацией, следовательно, вся математика – не более чем тавтология!”

Действительно, всякое новое положение удостоверяет свою истинность, *сверяясь* с аксиомами, и не должно им противоречить – но *вытекает* ли оно из них? Но если не вытекает из прежде известного, то откуда берется?

Ответ единственен – познающий дух творческим усилием созидает из себя новое духовное бытие. Математику создал Бог (как и вещественный мир), человек же лишь переводит ее на свой язык. (Хотя Кронекер полагает несколько иначе, он говорит, что только натуральные числа создал Бог, все же остальное – дело рук человека).

Итак, математические теоремы – не комбинация уже известного, а результат сотворчества человека и Бога. Как и Война м Мир Льва Толстого – не сочетание известных слов, а новое духовное бытие.

Однако, вещество ничего не может родить, кроме вещества, и только ученый обыватель полагает, что *время* может родить всё, и искренне верит, что хотя в пруду не появятся к завтраму рыбы, если их там нет сегодня, но – “за пять миллиардов лет! *в первичном океанском бульоне* под воздействием солнечного света и тепла зародилась жизнь (солнце высидело цыпленка без зародыша и яйца)”.

Зачем же я, в таком случае, сотрясаю воздух, если *ничего никому не только нельзя доказать, но даже проверить?*

А пишу я для себя самого, мне хочется лучше понять материалистическое мировоззрение, концепцию саморазвивающейся материальной реальности, ибо понимая темноту, мы уясним природу света, понимая причины зла, утвердимся в добре.

Материализм – это переживание бытия как разорванности, раздвоенности, в которой существование (*жизнь*) и *дух* отделены (вместе с человеком) от некоего якобы единственно подлинно существующего *объективного мира*, в котором нет ни *жизни*, ни *духа* (сознания).

VII

В основе добра лежит способность к состраданию, сочувствию – внешнее становится частью внутреннего; человек не сочувствующий лишен главного в побуждении к добру – он отделен от другого и от цельной действительности, он *только* субъективен (ибо хотя и каждый из нас субъективен, но мы и объективны в той степени, в которой частью нашего Я становятся народ, язык, история, культура). При этом соединение субъективного и объективного, их синтез происходит в *переживании*, соединяющем нравственное, логическое, эстетическое, волю, сомнение, веру и т. д. *Переживание* в такой же степени трудно разделить на составляющие его элементы, как воду – на водород и кислород (в которых бы не терялась вода) и человека – на душу и тело. (Кстати сказать, злом является не столько неспособность к состраданию, сколько *злая воля*. Злой не «не слышит чужую боль», а «слышит и радуется»).

И посему «сотрясаю я воздух» ради человека *сочувствующего*, чтобы помочь ему увидеть мир в его целом – внешнее как продолжение нашего я и внутреннее как подлинную действительность бытия; помочь увидеть мир не как собрание объектов, а как вечно меняющуюся реку жизни, протекающую и во времени и в пространстве, в которой мы – пловцы.

VIII

Бытие существует как деятельная действительность и переживается как дух и плоть в их нераздельности, в их имманентных бытию качествах, составляющих не только *феноменальное* бытие, но и *ноуменальное*.

Логическое, этическое и эстетическое существуют не отдельно от *Бытия*, а вместе с ним, следовательно, и вместе с миром вещественных предметов, вместе с пространством и временем (так, *форма* неотделима от пространства и *изменение* от времени).

(Я употребляю понятие *бытия* вместо *мира*, ибо всякое нечто есть, существует, протекает, но ничего нет как некоторого множества вне протекания. Мир – образ сущего, из которого вынута время – остается ли от сущего тогда его подлинность? Как остается ли человеком то, что является только телом?)

Со стороны деятельного духа время проявляется как судьба и

целеполагание, со стороны пассивной материи – как “эволюция” или *развитие*. История и эволюция – способ существования внутреннего и внешнего. Однако, если внешнее понимать только как вещество (вещественный космос), то относится ли развитие к веществу? “Ряд волшебных изменений милого лица” действительно ли является результатом самопроизвольных (механических, физических, химических) превращений глины – или это творческая энергия ваятеля, под рукой которого и претерпевает глина “волшебные изменения”?

С другой стороны, уместно спросить и с позиций материалиста – если Бытие существует только как *духовная действительность*, то является ли бытие *камня*, лежащего на дне ручья, духовной действительностью?

Да, действительно, в той мере, в какой *он* часть части целого, притягиваясь пропорционально квадрату расстояния, вращаясь вместе с Землею, двигаясь вокруг Солнца по эклиптике, а в свободном полете по параболе, образованный вместе с земною корой и даже зарывшийся в ил неспроста – он не только уловлен умом, но и его существование *разумно!*

Да, воистину вслед за Беркли надо повторять неустанно: мир содержится в уме у Бога, образ мира – в уме человека.

И вслед за Гегелем – всё разумное действительно, всё действительно разумно!

Но так как кроме *разумного* человеческому уму не предстает ничего, то действительно и разумно всё сущее.

С этой точки зрения несомненно, что мир постижим, ибо он существует в уме. С этой точки зрения несомненно, что математика в такой же степени относится к уму, как и к миру, и в мире нет ничего, чего бы не было в уме.

Творец создал мир силой творческой духовной энергии; силою этой же самой творческой энергии человек постигает мир и способен его преобразить в той мере, в какой к этому способна творческая энергия, заложенная творцом в человека.

С этой точки зрения человек создает гармоническую картину сущего, в которой естественным образом он является *целью* и *венцом* творения (ибо если не он, то кто? Или Творец мог остановить свое творчество недоосуществленным?!), является подлинным собеседником и сыном Божиим.

Правда, не надо забывать, что образ мира, находящегося в уме у Бога – всего лишь образ.

Бог творит и *переживает* мир, человек *живет* в этом мире. Созерцание – лишь малая часть взаимодействия человека и мира. Человек еще, помимо созерцания, спит и бодрствует, воображает, припоминает, претерпевает невзгоды и влияния природы и культуры, действует сам, строит и ломает... Нелегко понять развитие духовной действительности, но эволюцию “мира вещей в себе”, этой бедной реальности, лишенной духовного, вообразить невозможно так же, как увидеть мир глазами гусеницы.

Если же эту реальность лишить еще и времени, то об эволюции нельзя даже мыслить.

IX

Материализм и учение о стихийной эволюции утверждают, что сами по себе, непостижимым путем, предъистория восходит к истории, хаос – к гармонии, рассыпанный шрифт и нотные знаки превращаются в Войну и мир и девятую симфонию (хотя и не сразу, но медленно-медленно... как "крокодилы летают: низенько, низенько!")

Что именно способствует такому направлению изменений, когда знаки превращаются в слова, слова складываются в фразы, а из последних составляются главы романа, теоретики эволюции объяснить, конечно, не могут. И когда они говорят, что смерть направляет движение "ввысь", то о причинах именно такого устройства мира, в котором главным регулятором совершенствования является исчезновение, небытие, они также ничего вразумительного сообщить не могут. Но передавая Небытию *режиссуру* бытийного спектакля, они весьма последовательны: бездуховная материя – источник духа, деструкция – его творческий метод. Имя Режиссера очевидно, это дьявол, и именно этот метод использовали для эволюции России его дети, большевики.

С точки зрения материи как первоосновы бытия невозможно ответить и на другие вопросы: и об эволюции вселенной как восхождении к гармонии, которую мы наблюдаем на безоблачном небе, когда разгорается Млечный путь.

И о происхождении жизни.

И о происхождении человека.

Человек есть то, чем он вдохновляется. Кто верит, что он создан Богом, тот и воистину создан Богом. Кто верит, что произошел от обезьяны, тот, вероятно, и впрямь произошел от обезьяны.

Но чтобы не закончить свое очередное безнадежное письмо на столь грустной ноте, добавлю:

Большинство людей видит мир как живое духовное единство, в котором не разделены Дух и Плоть так, что Дух лишен *существования*, а Плоть – действительности.

И только пытаясь объяснить свое смутное видение целого себе и другим, они впадают в нелепости и заблуждения.

Но будем надеяться, что солнце взойдет и для них.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ (*)
Возражения Канту

21 октября - 26 октября 2009

I

Изображение предмета появляется сначала на сетчатке глаза в перевернутом виде, и уже затем в акте восприятия принимает адекватное объекту положение. Более того, размер предмета и его удаленность, ощущение глубины (трехмерности пространства) присоединяются к зрительному образу при его формировании в сознании. Точно так же присоединяются к изображению и другие характеристики, как будто к нему и не относящиеся впрямую: так, мы видим *конкретный* предмет, мы его не только видим, но *опознаем*. В переживаемом образе совмещаются форма, принадлежность, эстетические и логические характеристики. В сознании идет сложная работа по формированию полноты (цельного) восприятия, и законченный образ предъявляется сознанию: сначала мы *видим* общего человека, но в конце концов *узнаём* отдельного. Анализ процесса видения побуждает нас полагать, что акциденции предмета присоединяются к исходному образу, а не воспринимаются непосредственно. И форма и цвет не содержатся в *прообразе*, говорит мыслитель, а созидаются сознанием. В прообразе содержатся атомы и отражаемые ими световые лучи. В прообразе так же не содержится теорема о пропорциональных отрезках, а ее *сочинил* человек, и так хитро *сочинил*, что хотя математика не содержится в “вещах в себе”, но даже атомы, которые в них содержатся, притягиваются по ее законам. Впрочем, добавляет мыслитель, может быть в “вещах в себе” содержится что-то такое, образом чего является математика? Но не пытается ли мыслитель перехитрить здравый смысл? Художник свою ненаписанную еще картину видит в воображении, затем истязает холст, пачкая его красками, и на месте неосуществимого нечего, что не является изображением, зритель видит то самое, что видел Художник.

Но если попытаться остановить бег Солнца вокруг Земли, и взглянуть на происходящее непредубежденным взглядом, тогда откроется, что действительность бытия включает в себя и синее и красное, и плотное и протяженное, и красивое и безобразное, словом, всё, что мы чувствуем, переживаем и мыслим, и логические, этические и эстетические категории бытия, как и количественные отношения в нем, существуют независимо от человеческого сознания. В восприятии происходит формирование целостного бытийного *образа*, вполне адекватного *прообразу*; легче всего это отношение представить, когда мы созерцаем полотно художника – художник изобразил синее море и голубое небо, именно синее море и голубое небо мы и воспринимаем.

Так называемая “вещь в себе” – это мысленный образ той вещественной основы, которая присутствует во всяком объекте, предстоящем субъекту восприятия.

Стена здания состоит из кирпичей, и грудa развалин состоит из них же, но в созерцании мы имеем два различных образа не потому, что искусно их сочиняем, и не потому, что они содержатся в той и другой совокупности кирпичей: нам и предстоят два различных объекта, для которых кирпичи – то же, что буквы для слова.

Слово “мета” состоит из тех же четырех букв, из которых состоит и “тема”, принадлежит ли буквам, составляющим данные слова, хотя бы ничтожная часть их содержания?

Тот внешний объективный мир, который мы созерцаем, в котором мы живем, не есть мир “вещей в себе” – можно было бы подумать, что море не знало бы, что оно синее, а солнце не догадалось, что оно раскалено и сияет, если бы не человек, более того, и море стало синим, и солнце засияло только из-за того, что человек присоединил к ним именно эти качества. Может быть, и вселенная претерпела поистине социалистическую революцию, когда человек взглянул на небо – планеты заскользили по эллиптическим орбитам, кометы устремились вдаль по гиперболам, а звезды расположились на величественном Млечном Пути?

Еще яснее представлю я свою точку зрения, если отвлекусь от созерцающего философа на взаимоотношения различных объектов внешнего мира – так что же соотносится?

Двое влюбленных; мент и жертва; мать и дитя? Погонщик мула; гребец на галере; ветер и дождь? Или непостижимые, не обладающие ни одним из тех качеств, которые заставляют их именно так а не иначе отвечать друг другу – влюбленному восхищаться; жертве замирать от страха; гребцу изнемогать; дождю склоняться?

Мира объективных вещей нет; мифологизируя вещественную природу вещей и явлений, мы приходим к представлению о некоей безличной и бессодержательной субстанции, которая изменяется так, как ворох букв у сумасшедших жителей Лапуты – одно случайное сочетание их заменяется другим таким же случайным – и история мироздания превращается в долгое и нудное разбегание галактик, оживляемое лишь оглушительными взрывами новых и сверхновых звезд.

II

Итак, мира объективных вещей нет, как нет в данное мгновение в данном месте летящей стрелы, ибо и данного мгновения нет, но есть протекающее время и изменяющееся бытие; да вернее сказать, что и *существование* не есть, а протекает.

Пока мы живы, мы в центре всего того, что “течет и изменяется”, и ворох наших представлений отвечает всему, что происходит извне и внутри нас, достаточно верно, чтобы и засыпая не выпасть в прореху времени, и просыпаясь оказаться именно там, где должно. Если даже на небе мы пожнем лишь то, что посеяли на земле, как сказано в Евангелии, то тем более в душе (и в сознании) семена и плевелы именно таковы,

каковы они на поле. Сея на камне, мы не надеемся собрать урожай, сея в возделанную почву, не только надеемся, но даже можем заранее рассчитать, каков он будет. И хотя математику, как полагает большинство, *сочинил человек в своем уме*, но непостижимым образом непостижимые в себе семена произведут ровно столько, сколько сообщают “придуманные” нами формулы.

Существование математично в той же степени (если не в большей), что и наши представления о нем, так, быть может, оно воистину сияет то синим, то фиолетовым цветом, а не раскрашивает наш ум эти бледные немощи непостижимых “вещей в себе” в *придуманные* нами цвета?

Мир таков, каковым он нам предстает, он тоже, как и человек, синтез духа и плоти, и как в человеке не тело порождает его внутренний мир, так и мире не камни и кирпичи производят его духовное бытие и общее бытие. Известный возглас материалистической философии: что первично, дух или материя? – абсурден не потому, что разделяет мир так, как он не бывает разделен, но потому, что дух представляется как конечная сумма мыслей и представлений, размещенных в уме человека, и противопоставляется бесконечному мирозданию. Левое и правое, логика и математика, случайность и целесообразность, намерение и воля имеют отношение только к человеку, но не к миру, и их в мире не существовало, пока не появился человек. Мир же, появившийся в результате некоего безумного взрыва исходного Ничто, лишен не то чтобы духа, но даже качеств, даже количественных отношений, он существует и меняется лишь как абсолютная материя, при этом *развивается*, “прогрессирует”, восходит к лучшему..., усложняется... хотя не способен не только осознать свое усложнение, но даже заметить.

“Быть может, мир был беремен развитием, и дух в конце концов родился в облике человека?” – восклицает материалист.

“Но если в зародыше был камень, то камень и должен родиться, не правда ли? Разве, посеяв камень, мы придем на поле с квашнею печь хлеб?”

III

Мира абсолютной материи, отдельно от “одухотворенных” представлений о нем – нет! Человек имеет дело с тем миром, в котором живет, а живет он на Земле, а отчасти и в Космосе, по крайней мере настолько, насколько не его созерцает.

Быть может, я не стал бы оспаривать представление об убогости прообразов наших представлений, лишенных всякого качества и количества, если бы это представление распространялось только на философов и ученых, но не на прекрасных девиц. Нет, не могу согласиться я с тем, что эти столь очаровательные создания очаровательны только в моем сознании, а на самом деле они – “черт его знает что”, и все те прелести, которые я в них вижу, я лишь присоединяю воспаленным умом к их лишенным всяких акциденций молекулярно-кинетическим сущностям, наряжаю их в воображении в

роскошные или фривольные одежды (хотя мне казалось, что я, как и спасающийся в пустыне монах, в своем воображении напротив того стараюсь их лишить всяких одежд, чтобы узреть их подлинную прекрасную сущность, отнюдь не молекулярно-кинетическую, скрытую за роскошными или фривольными одеждами).

Я не оспариваю существование вещественной материи, из которой построен Акрополь и Колизей, и не утверждаю, что именно *в веществе* скрыты золотое сечение и египетский треугольник; но и не могу поверить, будто они находятся лишь в сознании ваятеля или геометра и никакого отношения не имеют к внешнему миру, будто каждый сам по себе, и только у человека весь ум, а вне его одно безумие, или по крайней мере в туманности Андромеды, где нет ни развалин Акрополя, ни развалин Колизея, никакого ума точно нет, а если верить Канту, то нет ни пространства ни времени (не говоря о девицах).

Но разве туманности, раскаленные звезды, наше солнце, кометы и атомы, тем более электроны – одухотворены? Если даже целые пласты российского чиновничества лишены сострадания, заботы о человеке и Родине, и не только не духовны, но противодуховны, то какая духовность может быть растворена в протонах и нейтрино, из которых, по уверению физиков, и *состоит* наш мир? Тем паче какая духовность могла быть при первоначальном “Большом” взрыве, когда и протонов и нейтрино еще не было, и времени было меньше, чем в том мгновении, которое пытался остановить Фауст, а пространства меньше, чем на острие иглы, приоткрившем бесов? Материализм – это способ чувствовать и мыслить мир как разделенность: отдельно душа, отдельно плоть. Где-то там бездушные звезды, здесь – созерцающий их поэт или мыслитель. Полнотою существования наделяется каждая часть целого, и у каждой части свое отдельное существование, а у целого – своё.

Разумеется, и золотое сечение и египетский треугольник не сосредоточены ни в атомах, ни в гранитных блоках, пошедших на строительство Колизея; но они существуют как свойства того целого, частью которого является каждый атом, который бы не был даже атомом, если бы не был частью части, каждая из которых восходит к полноте бытия. Каждая часть моего тела существует, но существует лишь постольку в своей уникальной неповторимости, поскольку принадлежит телу, и обладает свойствами и исполнением функции, принадлежащей их взаимному сосуществованию: части и целого. Не так ли и жена существует лишь в отношении к мужу? Ничто не существует само по себе, быть может только Бог – но и Его существование не обнаружило бы себя, если бы Он не создал мир. Можно сказать, что лишь в создании мира Бог достиг полноты Своего существования.

Если мироздание математично, то есть подчиняется количественным соотношениям, описываемым на языке математики, то не трудно сознать, что мирозданию как целому присуще все то, о чем мыслит философ и ученый, то есть и логическое, и эстетическое, и этическое, и они не суть

качества только философа и ученого, но и бытия в целом, а тогда, в некотором смысле, и каждой его части. Следовательно, если способность к раскаянию присуща нации как субъекту истории, то можно надеяться, что когда-нибудь она пробудится и в том правящем слое, который так злобно ненавидит и истязает народ.

“Мир как целое” и материалы и духовен вместе, как и человек, а потому у мира есть и история и судьба. Но те фантазии о рождении мира, которые появились у иезуита – астронома-любителя, – были поддержаны и распропагандированы Ватиканом и стали, наконец, общепринятой догмой, как вчера и физик-атомщик и безграмотная доярка, “не читавшая Пастернака”, клялись единственно верным учением Маркса и Ленина. Но гипноз марксизма спал, спадет и гипноз Большого (или малого) взрыва. Сколько бы ни появлялось ученых трудов в защиту и утверждение марксизма, как и в защиту поворота рек, как сегодня и в защиту стамески, вбиваемой в грудь Петербурга.

IV

Если мы способны воспринимать и понимать мир, в котором живем, если мы способны реконструировать его прошлое и заглядывать в будущее, то это и заслуга и способность человека, и заслуга и дар культуры, в связи с развитием которой мы приобретаем наши личные способности.

Я обоняю цветок и восторгаюсь его запахом – но и цветок – пахнет! – что бы ни говорил высокоумный кабинетный Кант.

Цветок, лишенный запаха, обонять невозможно! (А кстати сказать, и такие цветки все же есть, и значит запахи – не наша выдумка).

И шмель летит на дурмящий запах цветка, и опьяняется и восторгается им не больше ли, чем я, праздный зритель? И не для одного человека цветок распушил свои перья! То, что я воспринимаю, есть и мое и не мое, как и поцелуй – на двоих!

И мир, который я переживаю, исследую, описываю в стихах и математических формулах, который я даже пытаюсь переустроить (хотя бы пока только у себя в деревне), существует если не совсем так, как мне кажется, но все же близко к этому. И как поцелуй возможен лишь на двоих, так и духовный *образ мира вместе и образ и прообраз*. Мир не наряжается в математические формулы, а он по ним строился, и посему они ему присущи! И если даже детали механизмов, производимых человеком, согласуются друг с другом, то разве в восприятии не поражает нас эта абсолютная согласованность объекта и субъекта? А в нашей производственной и бытовой деятельности? Не появляется ли подчас ощущение, что Земля словно бы намеренно тщательно подготовлена к нашему появлению здесь – самые безудержные прихоти и фантазии мы способны удовлетворять в ее бесконечно разнообразной мастерской. Пожили бы мы на Луне, где, говорят, нет даже воды!

Мир – целое, и хотя он развивается, но и в младенчестве, и в зрелости, и даже в старости, когда он вообразил себя уже мертвым (или разделенным на душу и мертвое тело), он должен себя узнавать. Математика уловляет все изгибы течения мира, когда бы она ни проявлялась. Вообразим, что Пифагор и Ньютон были и миллион лет назад и погибли из-за магнитной бури или большого взрыва, разве число π было у них другим? Или на каком-нибудь Сириусе, если бы математики жили там миллиард лет назад (а может быть жили!) число 13 не было бы простым? Мир – и дух и плоть – и вчера и сегодня, независимо от того, есть ли рядом созерцающий человек. Но он уже подлежит созерцанию и перестройке, он *согласован* с ними!

Во многом мы можем узнать замысел Творца непосредственно. В живописном полотне. В скульптуре. Книге.

Читая роман (или вот это мое сочинение), никто не воображает, что роман (или вот это мое сочинение) появились сами по себе, в результате блуждания атомов, но всяк знает, что у них есть сочинитель. Так разве сложно понять, что роман мира, который мы так давно и с таким восхищением читаем, написан для нас Творцом, и именно поэтому так нам понятен! И в нем знаки-символы составляют слова, запахи и краски и звуки подобны своим образам в восприятии, и человек в такой же степени часть мира, как и мир – часть его самого (не таковы ли взаимоотношения автора эпического полотна со своим произведением?)

V

Существует ли часть как отдельное, и что входит в существование части?

Так, например, кажется, что существует число 13. Но существует ли оно само по себе? Разве в его существовании только то специфическое, что принадлежит 13, и не имеет отношения к другим числам? 13 – число натуральное и является результатом счета, следует за 12-ю и предшествует 14-ти. Отнимем от него его неделимость (простоту) и нечетность, счетность и последование, отношение “больше-меньше”, его мистику и мифологию (что, впрочем, относится к 13-ти косвенно), его основную идеальную сущность – быть членом натурального ряда (что совсем иное, нежели, например, быть числом π) – и что останется от его *существования*?

Многие полагают, что когда я не мыслю *существование*, оно существует само по себе, ничего не присваивая ни от целого, ни его частей и их акциденций – просто *существует*.

Но ничто существующее не существует само по себе, отдельно от всего, с чем оно связано, а даже и отдельно от целого мира. Существую ли я сам как некое Я, само себя сознающее и исчерпывающее свое существование собою? К счастью – нет! Все то, что является мною, не принадлежит только мне. Я включает “пол и характер”, национальность,

гражданство, положение в обществе (включая семью), происхождение – что же останется, если отбросить то и другое? Если сопоставить во мне всеобщее и мое личное, то окажется, что чуть ли не все во мне – мне не принадлежит, словно взято на прокат, даже девушки, в которых я влюблялся, и которые составляют лучшую часть моего Я, существуют сами по себе. Итак, если даже я сам, пишущий о существовании, почти не существую, то что сказать об атомах или Магеллановом облаке? Ничто не существует само по себе, полнота существования достигается лишь соотносительно с целым. 13 существует как член натурального ряда, Ганс как житель Баварии, и даже девушки... но о них достаточно.

Да, надо заметить, что хотя личность существует лишь в окне мира, освещенная лучами солнца или светом Луны, в интерьере пространства и времени, среди друзей и родных – но и весь мир заключен внутри души человеческой. И если забыть о существовании Бога, то мир существует только вместе с человеком, а без него теряет историю и судьбу – не так ли и про спектакль, у которого не было зрителей, трудно достоверно сказать, существовал ли он в действительности, или только в смутном сне режиссера.

Но чтобы расстаться навсегда с химерою Большого взрыва, скажу о нем еще несколько слов.

Его сторонники не могут объяснить, существовали ли в то время и в том месте пространства какое бы то ни было время и пространство, и с чем можно было соотнести длительность и размер того, что не протекало во внешнем времени и не занимало какую-либо часть. Быть может, тогда, и сегодня за Магеллановым облаком обитает невидимый Merg – кто сие может опровергнуть? Да, “теперь я припоминаю” (как писал я на следствии в 70-м году), что воистину взрыв некий случился когда-то, когда еще не было ни времени ни существования, и именно поэтому о нем не сохранилось свидетельств кроме донесения бдительного соглашения.

VI

Намеревался писать я об эволюции, но, как видно, ей следует посвятить следующее письмо, а пока читателю пора отдохнуть.

.....

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ
РАССУЖДЕНИЯ О ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

1.

Итак, пусть рабочий, инженер и предприниматель, расходуя Y усилий, создают стоимость B и собираются разделить ее по справедливости – и потому надо бы заранее сосчитать, каков вклад каждого в общее дело, и, следовательно, сколько каждому из них должно причитаться. Если это, например, производство кирпичей, то именно рабочий замесил глину, раскладывал ее в формы, обжигал их и сложил на деревянный поддон, то есть *всю стоимость создал своим трудом*. Однако, разве не инженер обеспечил технологические условия, без которых усилия рабочего были бы напрасны, и не предприниматель дал денег на производство и организовал процесс?

С точки зрения денег схема производства такова:

Капитал A производит товар стоимостью B , при этом затрачивает A_1 – на рабочую силу (включая рабочих, инженерно-технический персонал, и обслуживание); A_2 – на прежний труд, материализованный в механизмах, транспорте, сырье; A_3 – на обеспечение косвенных условий труда, т.е. на выплату налогов, страховых сборов и т.п.

Итак, затрачивается капитал $A = A_1 + A_2 + A_3$. Если $A < B$, то разница $D = B - A$ называется *прибавочной стоимостью*, и на нее посягают многие. Но кто ее произвел и кому она принадлежит?

Маркс говорит, что субъект, осуществляющий производство – производственная сила, – хотя и продается по *своей стоимости* A_1 , которая равна затратам на *воспроизводство* этой рабочей силы, но вкладывает в производство количество труда большее, нежели A_1 (т.е. труд эффективнее простого восстановления своих потерь) и поэтому D принадлежит труду.

Что крестьянин, посеяв *один* мешок пшеницы и затратив три месяца усилий, пожинает *десять* мешков, (вопреки пословице "*что посеешь, то и пожнешь*"), из которых двух мешков ему достаточно на семена и на жизнь, все же является собственником и остальных восьми, кажется очевидным, хотя трудились вместе с ним и солнце и вода.

Но тут приходят налоговый инспектор и кредитор, и хорошо, если оставляют ему сверх прежних законных двух еще один мешок из добавочных восьми.

Существует ли формула, следующая из производственного процесса, которая разделяла бы эти лишние мешки справедливо?

Положим, что у *крестьянина* нет ни семян, ни земли, ни мотыги, а только его рабочая сила, и *предприниматель* и *государство* заключают с ним союз о совместном производстве, охраняя его поле и его самого, обучая его детей и т.п., а крестьянин трудится. В этом случае как будто и в самом деле в производстве участвуют три производительные силы и

трудятся они совместно, и произведенная стоимость В – их общая стоимость. Части, по справедливости принадлежащие каждой из сторон, суть те, которые сохранили бы "статус-кво", т.е. возможность повторения процесса производства, а именно – поддержание ранее сложившихся условий существования рабочего, предпринимателя и государства, и следовательно *возмещающие* затраченный капитал, затраченную рабочую силу и затраченную силу государства, или, иначе говоря, возможность *простого воспроизводства*.

Однако, остающаяся сверх этого часть произведенной стоимости (так называемая *прибавочная стоимость*) не распадается по своей внутренней природе на органически раздельные части, и каждый из тех, кто считает себя ее создателем – и рабочий, и государство, и предприниматель – стремятся к *саморасширению* и претендуют на ее большую часть; это саморасширение включает в себя возрастание рабочей силы, улучшение качества жизни, увеличение капитала А и усиление и совершенствование государства.

Так как формулы естественного деления прибавочной стоимости нет, то оно происходит с помощью силы. Рабочие бастуют или строят баррикады; государство увеличивает налоги, посылает казаков с нагайками или устами чиновников требует взяток; предприниматели покупают общественное мнение и чиновников или при помощи денег заменяют несговорчивых на сговорчивых более. (И даже те, кто в производстве не участвовал, – то есть разбойники, «воры в законе», Чубайс, Дьяченко, Березовский и другие мелкие рэкетеры – требуют *своей доли*.)

Эффективность производства может упасть, если рабочая сила и государство слишком удачно присвоят себе излишек общественного пирога. Очевидно, каждый вправе вернуть истраченное, то есть, стоимость своего воспроизводства, а кроме того иметь возможность *для роста*.

Поскольку стоимость воспроизводства буржуа и рабочего резко неравны, то кажется, что буржуа забирает у рабочего часть принадлежащих последнему результатов производства. Справедливо, что идет борьба за *перераспределение*; быть может и действительно буржуа присваивает и то в совместно произведенной стоимости, что произведено не им. Но уменьшение его доли ниже некоторого уровня, то есть увеличение равенства, приводит к падению производства и культуры.

Неравенство – несправедливо; но это – условие жизни капитала и существования культуры. Деление прибавочной стоимости производится в рамках такого отношения, которое должно воспроизводить экономический способ производства и, по возможности, способствовать росту производства. Это деление производится эмпирически, и никто не ответит до конца времен на вопрос, кто сколько произвел, и кому сколько должно причитаться, ибо производитель – целостный механизм, в котором функционирует в данный момент мысль ученого и изобретателя,

вдохновение учителя, забота врача, риск и удача предпринимателя, служба солдата в гарнизоне, полицейского на улице и даже дружба путаны в постели жаждающего.

Так ведь и на подмостках сцены происходит производство *прибавочной стоимости* (при условии, что цены на билеты возмещают расходы с *лихвою*).

Кому принадлежит *лихва*?

Автору пьесы? Владельцу театра?

Режиссеру? Артистам? Служащим?

Правильный ответ на этот вопрос вовсе не связан с тем, существует ли в действительности Истина о том, какую часть стоимости произвел каждый из них.

Всякое деление произведенной стоимости, которое приводит к тому, что автор продолжает писать, артисты ходят на репетиции, режиссер их мучает, а владелец раскошелливается на новые декорации – правильно. Если же артисты начинают играть хуже, а владелец разоряется – значит прибыль, или *лихва*, или *прибавочная стоимость* разделена неправильно (хотя, быть может, и справедливо).

Так же никогда не узнаем мы, пока растем, какую долю в росте надо приписать сердцу, какую – легким, коже, корням волос... и когда пятнадцатилетняя покупает дорогую тушь для ресниц вместо полезных витаминов, молчит, *скрепя сердце*, сердце – и только копит обиду. Но настанет и его черед, и вся прибавочная стоимость пойдет прахом или на валерьяновые капли... но будет поздно.. Раньше надо было платить *трудящемуся* положенное, а не когда загнали его как клячу...

Причина товара – производительный труд, который производит *предметы потребления* (то есть совокупность полезных свойств, так называемую *потребительную стоимость*). Но товар, как элемент *рыночных отношений* (если отвлечься от его индивидуальных свойств), является лишь стоимостью, и причина его не в одном лишь труде. Вот ведь и я тружусь, сочиняя сию статью, только никто не хочет ее покупать, не становится она товаром.

Отвлечемся и от индивидуальных особенностей стоимостей, тогда сумма их, *лишенных "лица необщего выраженья"* – капитал.

Итак, производительный труд, порождая стоимости, порождает капитал, который является, таким образом, абстрактным воплощением труда, инобытием труда.

Посмотрим, как словно в танце движутся фигурки рабочих при строительстве здания, танцует башенный кран, подчиняясь взмаху руки крановщицы, подпрыгивают, летят и падают точно в нужное место кирпич за кирпичом, пристукивает и припечатывает их мастерок каменщика, вот уже плотник строгают стропила и кладет их в основание крыши... А через неделю уже последний мусор смела уборщица, и новый дом засиял на солнце.

Кто же его построил?

Ну разве мы не видели? Каменщики, плотники, штукатуры...

Но где же замысел предпринимателя, чертеж инженера, воля банкира? Ах, да, следовало бы и их учесть, хотя они почти незаметны, возможно, некоторая доля в этом доме принадлежит и их усилиям (их труду)?

Нелегко отойти от очевидного – именно *труд производит...* по крайней мере является главным производителем...

Отчего же тогда так мало *производил* труд аборигенов Австралии, пока не пришли европейцы, даже на пропитание они произвести не могли, и пришлось дополнительно *съесть Кука*?

Слышу оправдание – не всякий труд *производителен*, сумма физических усилий и затраченное время, хотя бы немалые, еще не производят адекватную потребительную стоимость, тем паче товар. В дополнение к *услиям* труда необходимы *условия* его применения, участие его в определенном *технологическом* процессе (то есть труд должен быть *квалифицированным*).

Однако, труд современного *недико* рабочего в Австралии или в Голландии может быть таким же неквалифицированным, как рыхление мотыгой поля прежним дикарем, но результат оказывается поразительным – рабочие на конвейерной сборке, каждый из которых производит несколько примитивных однообразных движений, не требующих даже обучения, производят *стоимость*, превосходящую в сотни раз сложнейший труд ремесленника! (При одинаковом времени).

Можно предположить, что если одного труда недостаточно для производства стоимости, то производить ее способно соединение труда с технологией. Однако, эксперимент, произведенный в СССР, показал, что "химический процесс производства товаров и стоимостей" не укладывается в рациональную химическую формулу (или аналогичную биологическую), которая описывает соединение двух для рождения третьего. Так, соединение углерода и кислорода почти всегда приводит к горению (если еще не забыть *зажечь* этот углерод) и, например, бумага легко вспыхивает и горит... (но говорят, что не горят – *рукописи!*) А в тысячах других примеров, когда третье является простым химическим соединением двух исходных, процесс их соединения почему-то требует некоего почти мистического посредника – *катализатора*! Целые многомиллиардные производства в нефтехимии, занимающиеся переработкой нефти, изменяют свою эффективность иногда вдвое и втрое или вдесятеро, когда к миллионам тонн нефти и километрам оборудования (это как раз и есть соединение труда и технологии) прибавляется *несколько грамм* катализатора.

В результате получается бензин, масло и другие полезные вещи, то есть *потребительная стоимость*, превращающаяся в *товар* и наконец в *капитал*!

Но кто же их произвел?

Представим себе, что *катализатор* персонифицирован в виде гномика по имени Смит, нефть – армия Ивановых, производственные корпуса – инженерная бригада Рабиновичей.

Нефть трудилась от зари до зари. Рабиновичи – кроме субботы. Смит однажды черной дьявольской ночью слазил в трубопровод и ушел играть в рулетку. Кто произвел не только *прибавочную стоимость*, но даже и просто *стоимость*, и кому она должна принадлежать?

И хотя в производстве необходимых нам конкретных автомобилей и ветчины участвуют конкретные усилия рабочих и инженеров, по отношению к которым понятия *производительных сил*, *способа производства* и *капитала* являются абстракциями, их символическим инобытием, ответить на основной вопрос политической экономии возможно лишь исследуя процесс жизни и движения капитала. Так измерение массы Земли производится не на весах, а на бумаге с помощью математических формул.

Как будто верно, что товары и стоимости производятся только когда лопата взрыхляет землю, или дымит заводская труба. Ибо катализатор только помогает гореть... технология и капитал изменяют только условия производства товаров. Лопата и конвейер, забивание гвоздей и какие-то подобные действия необходимы, ибо прежде образования товара и капитала должно что-то произвестись, что можно пощупать, не так ли? Но, кажется, что и не только так... Конечно, если останутся все станки и совсем не станет того, что можно пощупать, умрет и производство капитала, но он живет хотя и вместе с потребительской стоимостью, но – существует и живет, уменьшается или возрастает и сам по себе! Во множестве случаев иногда в одно мгновение объем капитала падал или возрастал – в данной стране или в данной компании – иногда на десятки миллиардов долларов без всякого изменения объема вещей. Ну, например, падала или возрастала цена акций, национальной валюты и т. д.

Реалисты возмущены. Им кажется, что если производить конкретные вещи – автомобили и ветчину, то мы скорее накормим голодных. Однако исторический эксперимент показал, что когда капитал занят производством самого себя, игнорируя и автомобили и ветчину, в упор их не видя, последних оказывается гораздо больше. Слово бы жизнь и движение капитала – реальны, а вещи – его инобытие!)

Вот так же кажется, что если поставить цель – увеличение *производительности труда*, то это приведет к увеличению объема производства, а, следовательно, и к улучшению жизни, то есть, к увеличению производства масла, молока, ветчины, асфальта, ситца, краски и т. д. и, следовательно, мы начнем лучше питаться и быстрее ремонтировать дома – но и это неправда! Невозможно непосредственно "увеличивать производительность труда", это математическая функция, отражающая состояние экономической жизни, которая определяется множеством управленческих решений правительства – среди них есть, например, повышение или понижение налогов, денежная эмиссия, займы, преимущественное финансирование той или иной отрасли производства, строительство железных или шоссейных дорог, – но нет и не должно быть среди них *решения о повышении производительности труда*.

В каждом производстве участвует непосредственный и опосредованный труд, их прямые измерения не только трудны, но и невозможны, поэтому мерой трудовых затрат служат деньги (или капитал), некая *форма инобытия труда*.

По-видимому, в природе вещей, или в природе экономических отношений в принципе не содержится некой «истины» о том, каков вклад каждого из элементов производства в конечный результат, и поэтому разделение прибавочной стоимости происходит только так, как происходит, и «справедливое распределение» – лишь то, которое на благо обществу в целом и культуре, то есть способствует экономическому развитию.

А теперь снова вернемся к началу – истрачен капитал A , получена же стоимость $B > A$.

"Кто виноват?" И что делать?

2.

Инженер, рабочий, государственный служащий, банкир, предприниматель, машина и матерьял участвуют в производстве товара, а следовательно и. товарной стоимости

И очевидно, что исследовать происхождение и стоимости и прибавочной стоимости следует, учитывая все субъекты процесса производства, как оно обычно происходит сегодня, например, в Германии и в России.

В Германии коррумпированный чиновник как правило не включен в цепочку производителей, в России же, напротив, он является ее самым важным звеном, и посему затраты на его содержание, составляющие иногда львиную часть затрат, являются *не обходимыми* затратами (что толку с теоретических рассуждений о том, что чиновник ведь на самом деле ничего не производит... практика опровергает теорию, и хотя чиновник действительно ничего не производит, и даже мешает производить, но если его исключить из цепочки, производство остановится вовсе, а то и сядет предприниматель в тюрьму, дети его пойдут по миру, а производство перейдет в менее теоретические, но более прагматические и потому успешные руки.

Итак, в производстве товара участвуют, помимо производителей, еще и непроеизводительные силы, обусловленные насущными производственными отношениями.

Будем называть *прибавочной стоимостью* разность между стоимостью, полученной в процессе производства товара, и затраченной на его производство. Активные химические вещества, соединяясь, производят новое вещество, количество которого зависит, в том числе, от катализаторов, не включающихся в плоть результата. Так кто же его произвел? Аналогичным образом, *добавочная стоимость* обусловлена взаимодействием всех производительных сил, в том числе (а может быть и в первую очередь) научно-технического потенциала и исторически обусловленного уровня технологии и способа производства? Стоимость производится не только непосредственно, но и опосредованно, не только усилиями рабочих и инженеров, но и усилиями их учителей, сделавших

их квалифицированными рабочими и знающими инженерами, усилиями даже Пифагора, сформулировавшего знаменитую теорему и Архимеда, создавшего рычаг. Современные авторы песенок и рисунков получают отчисления от их воспроизводства, но какие отчисления получают авторы дифференциального и интегрального исчисления, создатели паровой машины и двигателя внутреннего сгорания?

И все таки, решение проблемы, названной – «*прибавочная стоимость*» ее присвоение – лежит в иной плоскости.

Маркс исследовал движение *капитала*, но к анализу предложил цепочку: труд – общественно обусловленный труд – стоимость – капитал. Действителен непосредственный труд, все же остальное абстрактно, и не только *стоимость* является абстрактным инобытием *общественно обусловленного труда*, но и *капитал* – инобытием *стоимости*.

Но так ли это? Капиталистический производственный процесс продолжается до тех пор, пока полученный капитал как последний результат цикла производства больше затраченного капитала, излишек называется *прибылью*, и именно прибыль распределяется между участниками игры, некоторые из которых даже как будто совсем в игре не участвуют. Проблема не в том, справедливо ли распределяется *прибавочная стоимость*, а справедливо ли распределяется *прибыль*.

Необходимо взглянуть на указанную цепочку с другой стороны. Реально движение капитала, стоимость – его абстрактное инобытие. Товар производится и реализуется, затраты капитала на его производство хотя и называем мы по-русски «себестоимостью», но это эвфемизм, не имеющий отношения к категории стоимости, предложенной политической экономией. Итак, реальны *затраты капитала* на производство товара, и выручка от его продажи, обусловленная его ценой. Последняя же, в свою очередь, обусловлена *затратами капитала* и взаимоотношениями спроса и предложения.

Стоимость невозможно измерить, только косвенно, через движение *капитала*. Сколько в товаре труда и какого, какова цена и эффективность этого труда, каковы издержки на матерьялы, механизмы, фабричные здания, транспорт, охрану, взятки и исследования, рекламу и банкеты? Гипотетическая величина *стоимости* как величина заключенного в нем необходимого труда – неисчислима, в то же время капиталист учет каждую копейку в цене издержек.

3.

Азы политической экономии – различие "потребительной стоимости", т. е. вещи, услуги или информации, которыми можно владеть или потреблять, например, ботинки, обед в ресторане, уборка квартиры, сведения о движении поездов и т. п. (иногда даже весьма странные, как "мертвые души"), и товара, того, что вступает или может вступить в процесс обмена или купли-продажи. Сумма полезных свойств (впрочем, часто совсем не полезных, как свойства спирта или наркотиков) делает вещь или услугу *потребительной стоимостью*, способность участвовать в обмене на товары или деньги делает их *товаром*.

Потребительную стоимость можно увидеть или пощупать или видеть ее плоды, или сознать их, как уборку квартиры или урок математики. *Товар* – та же потребительная стоимость, но отвлеченная от своих конкретных свойств полезности или бесполезности, а только обладающая свойством участвовать в товарно-денежном обмене.

Но что же такое *стоимость*?

Это некая абстракция, символ, характеристика экономического объекта, подобная физическим характеристикам материальных предметов, таким, как длина, вес, объем. Но предмет можно взвесить или измерить. Стоимость как количество абстрактного труда, якобы затраченного на производство товара, можно только мыслить, измерить ее нельзя. Невозможно отталкиваться и от цены, ибо на нее влияют спрос и предложение, и то, что сегодня стоит один мешок зерна, завтра стоит два – в силу ли обесценения зерна или удорожания данного товара. Даже деньги не являются мерилем стоимости, ибо их стоимость тоже течет и изменяется. Привычно думать, что именно капитал стремится соответствовать стоимости, и в обмене стоимость первична, капитал вторичен, ибо он равняется на эту самую текучую стоимость, *капитал – вещественное, зримое выражение ее*, а она – причина, исходная сущность. Однако, сама стоимость, по мысли Маркса, тоже вторична, она – абстрактное выражение первопричины, которою является труд; стоимости столько в данном предмете, сколько в нем труда, только стоимость – экономическая форма существования труда, его инобытие.

Хотя, очевидно, конкретный труд – источник потребительной стоимости, однако в силу разнообразия свойств и предметов, привлекающих потребителя, почти невозможно провести знак равенства между количеством труда и величиной привлекательности; но является ли конкретный труд источником и причиной товара? Втекающий в *товар необходимый труд* так же невозможно измерить, как и его инобытие – стоимость.

Разнообразные усилия участников экономического производства являются источником товарного рынка, рынка товаров. То простое понятие Труда, как специфического качества рабочего или ремесленника, которое Маркс положил в основание политической экономии, настолько упрощает подлинный экономический процесс, что делает теоретические выводы неверными. Прежде всего, неверно понятие *прибавочной стоимости*. Оно является результатом подмены.

Постулируется, что источником стоимости является производительная сила, которая реализует себя через труд, причем двояко – конкретно в непосредственном труде, абстрактно в общественно необходимом труде. Производительная сила как товар обладает стоимостью, которая равна количеству труда, необходимого для ее производства, и продается по этой стоимости, как и всякий товар, который продается в среднем по стоимости; однако производительная сила производит количество труда большее, нежели нужно для ее собственного производства. Разница эта и есть прибавочная стоимость.

Это гениальная схема, на которой и зиждется марксистская политическая экономия.

Беда только в том, что нет и не может быть меры измерения ни стоимости рабочей силы, ни величины труда (если только не измерять его чистым временем), ни величины стоимости. Сама мера измерения – словно определенная часть цикла обращения планеты, обращающейся непостоянно.

В СССР крестьяне и заключенные за свою рабочую силу не получали никакой платы, поэтому трудно говорить о количестве труда, *необходимого* для ее производства. Но и в цивилизованных странах благосостояние трудящихся определяется ли стоимостью рабочей силы? Или ее *ценой*, которая ни расчетливо ни стихийно не соотносится с *необходимыми* затратами на ее воспроизводство, а определяется в себе войну, революцию, кризис, забастовку, спад или подъем производства.

Товар лишен конкретных потребительных свойств, и выступает на сцене экономики именно в качестве *товара*, будь это нефть, хлеб, масло, векселя, долговые расписки, акции, мертвые души, даже денежные знаки и сам капитал, который тоже может являться товаром.

Простая схема производства стоимости, в которой два антипода – производительная сила (рабочий) и капитал (буржуа) выступают олицетворениями добра и зла, причем рабочий продается за "x", а производит "x + Δ", но буржуа хищнически присваивает себе эту "Δ", несостоятельна не в схеме, а в действительной экономике, где общественный процесс производства включает в себя в качестве разнообразных производительных сил и государство (в лице, в том числе, чиновников, армии, ментов и т. п.), и менеджеров, и научно-техническую интеллигенцию, и банки, и пути сообщения, и школу... Производится сумма товаров стоимостью А и произведенное совокупно потребляется – на армию, государство, школу, строительство дорог, университет, театр, наряды для любовниц и пиво рабочему. Справедливо ли был разделен общественный пирог, если в России *государство чиновников* обирает и рабочих и предпринимателей, и соотношение доходов богатых и бедных составляет 1 к 20? А какую часть совокупной стоимости произвел рабочий – это квадратура круга или трисекция угла, так же как никогда мы не решим, какова доля мышц в жизнедеятельности личности.

Процесс капиталистического производства – это процесс производства *капитала*, а точнее – процесс производства *прибыли*.

Кто производит *прибыль*. – вот основной вопрос социальной политической экономии. Справедливо или несправедливо распределение (или присвоение) общественных богатств – вот один из главнейших источников русской революции. Государство, буржуазия, интеллигенция, рабочие в европейских странах через законодательство, забастовки и локауты регулируют свои отношения, и это разумно. В России, как видно, единственный способ поставить ПРАВО на место ПРОИЗВОЛА – революция. 1980 – 2010 г. г.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

ВОЗВРАЩАЯСЬ К КАНТУ.

22 июня 2009 г

Со времен Канта утвердилось, что в центре философии стоят вопросы гносеологии, вопросы познания – как это возможно, что мы воспринимаем и познаем мир? Как возможно, что *субъективное* – воспринимающее *я* – переживает и создает соответственные, если не адекватные себе формы *объективного*?

С одной стороны, можно было бы и отмахнуться – ну, мало ли? В логике заключено множество противоречий, и в данном случае – одно из них. Ведь так же невозможно движение (что известно еще со времен Зенона), ибо *в начале* движения предмет еще покоится, но одновременно уже движется, ибо не начинает он двигаться *после* начала; так же невозможно, чтобы Ахиллес догнал черепаху (хотя он ее догоняет); и так же невозможно, чтобы некая красавица читала мой философский бред – однако она его читает, пишет мне письма, и в конце их восклицает: *целую тебя много раз!* – что уж совсем непостижимо, непостижимее "вещи в себе", и соединения творческого *активного* Я и *пассивного* мира (при этом все формы познания субъект находит в себе, в логике, которая в него включена, является одним из факторов его бытия, а внешний мир привносит в эти формы лишь ощущения, то есть, по существу, Я познаёт самоё себя, а посему нет противоречия субъективного и объективного в познании, и только ощущение не совпадает с источником ощущения).

Фихте в центр философии поставил проблему единства или противостояния духа и материи, сформулировав ее в терминах "первичности – вторичности": что первично – дух или материя? дух ли созидает материальное, или материя производит духовное (в частности, мысль)?

В человеке, впрочем, мы видим их нерасторжимое единство, и кажется, понимаем, что никаким умственным усилием мы не созидаем свою плоть, а уже рождаемся с нею, и так же понимаем, что это не наша плоть мыслит, не она производит речь, логику, историю и культуру.

Впрочем, тем самым мы еще не решаем проблему бытия.

31 августа 2009 г. *Возвращаясь к Канту.* Разные типы людей воспринимают один и тот же предмет в сфере жизненно-духовного по-разному, иногда противоположно. Любовь понимается только как физиологическое влечение, сродни голоду и жажде, сострадание и взаимопомощь, альтруизм – якобы лишь особые формы эгоизма – вот истинный корень разъединения людей на героический тип, романтический, идеальный и на пошло-мещанский, который свой взгляд на жизнь принимает за реализм, а в романтиках и идеалистах подозревает своего рода психическое отклонение от реальности, некое словно бы самоопьянение. Какое значение имеет в этом случае разделение объекта

восприятия на «вещь в себе» (непознаваемое нечто) и «вещь для нас», если как раз «вещь для нас» принимает бесчисленное количество разновидностей сообразно душевной организации человека, а «вещь в себе», не входя в восприятие, существенно едина, остается за границей того, что *есть* (и есть для всех по разному)... Так, мы не видим обратную сторону Луны, и если по поводу Луны возникли бы у нас разногласия, то, разумеется, по поводу лишь видимой ее стороны.

30 декабря 2011 г. Оставляя в покое Канта.

Истина – это Я! – сказал Иисус Христос, или: «Аз есмь истина!»

Именно эти слова и оправдывали вмешательство церкви в дела науки и культуры, как потом и аналогичное вмешательство коммунистической партии в те же дела, поскольку и коммунистическое учение тоже претендовало на то, что ему принадлежит вся полнота истины.

Но в обоих случаях происходила подмена. Пророк мог говорить только о нравственной стороне человеческой жизни, он мог сказать, что правда за ним, Правда – как нравственная категория; научная же истина даже для каждой науки своя, и физик не может диктовать свое понимание истины математике, и наоборот.

Истина проявляется как внутреннее противоречие научного исследования, как диалог взаимоисключающих положений, противостояние их и отрицание одного положения (или системы положений) и утверждение противостоящего. Глубже всего мои рассуждения проявляются в математике, особенно в методе доказательства от противного.

Истина – это центральная идея науки, способ ее построения, способ ее проявления; способность науки себя обосновывать. Так дыхание – способ, с помощью которого происходит превращение энергии в живом, отдельно от жизни дыхание не существует. Мистификация истины – превращение ее в самостоятельный символ, отдельный от истории, жизни, культуры.

Что же тогда поиски истины? Это метафора, характеризующая духовную жизнь человека и человечества как духовное постижение и нравственное преобразование.

Нравственное или религиозное учение не может содержать в себе некую квинтэссенцию научной истины, отделенную от конкретной науки, не может выступать мерилем верности или неверности в научных исследованиях; путаница, или подмена понятий состоит в том, что Учение может давать нравственную оценку самого предмета исследования и исследователя, но ни одну математическую теорему нельзя доказать с помощью Священного Писания или Диалектического материализма.

Даже сказать, что Бог есть истина – не совсем верно. Бог содержит в себе истину, как и красоту и справедливость, как вещественный предмет содержит в себе определенное количество тепла, но и истина и красота и тепло проявляются в положениях, действиях, предметах, являются их свойствами, но не существуют отдельно, сами по себе.

Противоречит ли Священное Писание физике или химии, противоречит ли им Капитал Маркса? Противоречат ли легенды физике или

химии? Поскольку ни те ни другие не являются учебниками физики или химии, и повествуют совсем о другом (можно было бы сказать, что они содержат в себе нравоучение, и даже Капитал Маркса ценен именно этим, говоря, что не хорошо у бедных отбирать последнее), то сравнивать их можно лишь с целью кому-нибудь причинить ущерб; волхвы занимаются сравнением, и основной прием таких сравнений – подмена понятий.

Аристотель учит меня мыслить, но я не могу на него ссылаться при решении дифференциальных уравнений. Ссылаться на тексты Ветхого или Нового Заветов в спорах ученых – то же самое, что взвешивать душу... или любовь... или красоту...

30. 01. 12. Перечитываю, и столько переделываю в написанном! А красotka, о которой я иногда вздыхаю, когда пишу, безупречна сама по себе, растет как цветок и не нуждается в переделках, они ей излишни.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ

ПРОДОЛЖАЯ И ВОЗРАЖАЯ КАНТУ

(*) (Стр 74). Анализируя процесс восприятия, мы приходим к выводу, что "и форма и цвет не содержатся в *прообразе*, а созидаются сознанием. В прообразе содержатся атомы и отражаемые ими световые лучи. Но не содержится теорема о пропорциональных отрезках."

Восприятие – это отношение двух миров, объективного и субъективного. Не только форма и цвет не содержатся в объективном мире, но и ощущение *удаленности*, то есть близости и дальности, соседства и раздельности, взаимного порядка нескольких предметов; не содержится в объективном и представление о единичности и множественности. Мы воспринимаем предметы, переводя взгляд с одного из них на другой, к образу предмета добавляем идею о его единичности или множественности, которая, конечно, не содержится в самом предмете. Даже ощущение (или оценка) горячего и холодного не содержится в предмете, в нем имеется определенное состояние его атомов и количество тепловой энергии, но не свойство вызывать в нас ощущение холода или жара. Но также и вся математика, физика и химия не содержатся в объективном мире предметов, но только в сознании, и человеческое общество в своем развитии их создало, а не содержались они с начала мира вне.

Однако, разве "действительность бытия [не] включает в себя и синее и красное, и плотное и протяженное, и красивое и безобразное, словом, всё, что мы чувствуем, переживаем и мыслим, все категории бытия, как и количественные отношения в нем, ...[а] в восприятии происходит формирование целостного бытийного *образа*, вполне адекватного *прообразу*?" Если ограничивать объективный мир совокупностью вещей в себе, то с одной стороны, она предстанет убогой, почти пустой, ибо даже и понятие *прообраза* и *вещи в себе* существуют в субъективном мире, а с другой, окажется непознаваемой, так что человек не только познает только мир образов, но и живет в субъективном мире, а не в объективном.

Что внешний мир не совсем таков, как его образ в восприятии, показывает то, что рыбы и насекомые воспринимают его не так, как человек, что заставляет предположить, что и наше восприятие не тождественно этому внешнему миру, но сама пропасть, разверзающаяся в воображении Канта между объективным миром *вещей в себе* и субъективным миром *вещей для нас* (миром иллюзорным, ибо он состоит только из мысленных и чувственных отпечатков в нашем сознании непостижимой действительности) – иллюзорна, так как исходное разделение полноты действительности на миры *вещей в себе* и *вещей для нас* существует только в нашем сознании и, следовательно, является иллюзией, всего лишь мыслью и связанным с ней ощущением.

Таким образом, или синее и горячее существуют только в нашем восприятии, но не в мире (да и Сам Бог существует только в нашем уме, даже не в восприятии, ибо и в Священном Писании говорится, что *Бога никто никогда не видел*, следовательно, не могло формироваться в нашем сознании даже образа Его), или отношения объективного и субъективного богаче и шире, чем это предстает из кабинета или библиотеки. Заслуга Канта состоит в том, что он обратил внимание на наше мышление и восприятие, заставил задуматься, правильно ли мы мыслили, вот даже и я начал писать «Письма о заблуждениях ума», но сам мыслитель часто в плену ложных схем. В этом отношении интересна одна его брошюра о необходимости всегда говорить правду. Представим себе (говорит мыслитель), что через развилку дорог пробегает наш товарищ и сворачивает налево, а через некоторое время прибегают разбойники и спрашивают, куда побегал тот, за которым они гонятся. Надо ли пытаться разбойников ввести в заблуждение (ибо ведь может оказаться, что наш товарищ уже передумал и свернул, чего мы не заметили, как раз на правую дорогу)? Надо ли следовательно говорить всю правду, особенно о наших близких (Римское право оказывается умнее Канта, оно давно сообразило, что самых близких надо освободить от необходимости давать показания, и жена НЕ обязана свидетельствовать против мужа, и дети против родителей, и для них снимается вопрос о том, надо ли всегда говорить правду. Следовательно, и Стив Облонский правильно поступал, что скрывал, сколько мог, свои похождения от Долли, как потом и сама Анна Каренина тоже свои похождения скрывала от Каренина... Вот также, надо ли размышлять о том, *может ли Бог, если Он всемогущ, создать камень, который не сможет поднять*, а не продуктивнее ли подвергнуть критике Священное Писание, навешанное Палестинской пустыней и навязанное Античному миру иудейскими отщепенцами, – отвергнуть вместе с богословием, «отцами пустынножителями и непорочными женами»?)

Антиномии Канта разрешаются идеей Беркли о более сложном единстве объективного и субъективного миров. Мир создан Богом и находится в его уме, вместе с запахами и цветами, ибо и запахи и цветы созданы Богом, и сам человек, притом творчество и созидание были

подобны тому, как творит человек дом или книгу, следовательно, в начале сотворения мира должна уже была существовать и воплощаться инженерная мысль, и не только следовало предусмотреть онтологические предпосылки мироздания и бытия, но и куда все это должно будет двигаться и развиваться, то есть эсхатологию, а посему и этика, и эстетика, и логика, и математика и физика и химия уже должны были существовать в уме человека. Представление о том, что если бы Пифагор не сформулировал свою знаменитую теорему о соотношении катетов и гипотенузы, то мир так бы и не узнал об этом, превращает историю мира в непредсказуемый хаос, в набор случайностей (хотя, правда, известное заклинание «все по воле божией» – еще ужаснее). Все дело в односторонности и узости ума: либо все идет абы как, без плана и направления, либо наперед можно рассчитать положение каждого атома во вселенной (будто вселенная исчерпывается только атомами, а тепло и холод, запах и цвет только в сознании, как я уже говорил). Но хватит мне заниматься *уроками для первого класса в косую линейку*, более я уже не буду спорить ни с верующими ни с неверующими, ни с материалистами, ни с солипсистами, ни с анархистами, пусть каждый думает как может, я буду писать для тех, кто уже умеет мыслить, следовательно где-то чему-то уже учился (и, возможно, вся проблема только в образовании и развитии ума и личности. Если бы некий богатый дал мне достаточно денег, на которые я смог бы создать Русский университет – помимо русского журнала – и не тиражом в три с половиною экземпляра и полтора учащихся, а полноценный журнал и полноценный университет, хотя бы величиною с Александровский Лицей, то без войн и революций Россия сегодня бы процветала. Но Бог не подсылает ко мне богатого да и сам ко мне не приходит, видимо, его задача ДОМУЧИТЬ меня до последнего предела, возможно, он думает, что так я скорее поумнею... да уже времени нет, Господи! Да уже силы иссякают, Господи! Да долго ли я еще буду в состоянии топор в руках держать, чтобы им расколоть дрова и построить баню? И напечатать с его помощью сей злополучный никчемный бессильный журнал? Ибо властная мышка мизинчиком шевельнет, и меня вместе с журналом даже на Колыме не найдут, даже под слоем вечной мерзлоты не отыщут! А я вещаю о сотворении мира...)

Итак, Бог сотворил плоть (вещество) и соединил её с тем, что уже существовало в его уме и что, быть может, уместно назвать «прообразом» того, что существует и продолжает накапливаться в уме человека, то есть и с математикой, и с физикой, и с химией, и с этикой, и с логикой, и с эстетикой, с представлением, ощущением, временем и пространством, "цветом и запахом" – сие и было сотворением мира. Каким образом был сотворен человек, я (пока) не знаю, но творение это могло быть и кратковременным, могло привлечь и длительный процесс эволюции (если только Богу не надо было торопиться). Возможно, сотворение мира было одновременно и сотворением субъективности и объективности, то есть разделением целого на противостоящие части, следовательно, сотворением

восприятия, понимания, размышления (уместно допустить, что в Боге сие протекает иначе, иначе существуют и пространство и время), ... да и многое, возможно, иначе, хотя несомненно, что многое и *подобно* (как и сказано в Библии – не глупым, надо сказать, философом).

Но мир не только разделен (перед каковой разделенностью и остановился Кант), но и соединен; вещи и сущности, тела и идеи, пространство и время находятся в неразрывном единстве. Я сижу в комнате в Петербургском доме, окруженный книгами – где проходит граница, отделяющая мое Я от внешнего мира? Эта комната – тоже тело мое, как и мир в целом (отчасти), как и вода и воздух. Я не Дух, созерцающий все то, что не есть Дух и не есть Я, воздух дышит мною (без него меня бы не было, и он уже изначально создан для моего дыхания или мы созидались вместе), и вода мною пьёт, и книги мною читают). Итак, мы есть вместе, мы уже прилажены друг к другу, все цвета и запахи, атомы и электроны соответствуют движениям и ощущениям моего тела и моего сознания. Все то, что не было прилажено ранее, требует для своего восприятия и начала взаимодействия со мною некоторых дополнительных усилий моего Я или общего Я народа (человечества) в целом, таким образом появляются микроскоп и телескоп и, наконец, телеграф и телефон, а далее появляется восприятие звуков и даже изображений, восприятие, в котором нет ни образа ни прообраза, что даже меня самого ставит в тупик, ибо я ясно сознаю, что синее небо уже ДО восприятия существует как синее небо, ибо оно существует изначально в уме у Бога так, как мы его потом видим – но то, что я слышу по телефону, существует сначала НЕ в виде звуков, а только затем преобразуется в них... Но пока хватит.

Диалектика, софистика, переход количества в качество и прочая чепуха

Если всё по воле Божией, то и камни превратятся в хлебы, и тремя корзинами объедков можно насытить три тыщи народу. Я допускаю, что кое что, как исключение, совершается не обыденным образом, и даже умершая девица может вдруг встать. Но в мире, в котором это происходило бы повсеместно и ежечасно, было бы невозможно жить. Мне приходилось редактировать фантастические романы, в которых по воле магов близкое становилось далеким и наоборот, возникали и исчезали горы, открывались туннели для перехода в иные миры – и я почувствовал, что лучше не спешить попадать в эту жизнь, в нашей, где властвуют казнокрады и всесильные правители, все же жить сравнительно безопаснее, есть надежда спрятаться даже от чекистов, уехать на Ласточке в деревню, затопить баню... в общем, кое какие надежды даже в моем отчаянном положении еще есть. Но с магами будет хуже!

Итак, *причинно-следственные отношения, случайности, человеческая воля и чудо* соединяются в некое единство, формирующее жизнь и Историю мира и человека. Научное познание и мышление подвело под

понимание движения естественной истории (то есть изменений в неживой и живой природе) прочный логический фундамент – но все ли в нем прочно и все ли верно? Существуют философские положения, которые не имеют ни строго физического, ни строго математического содержания, однако якобы определяют жизнь во вселенной, это так называемые «законы диалектики», сформулированные Гегелем и всемерно распропагандированные Марксом и его последователями (большевиками), имевшими, кстати сказать, такое же отношение к философии, какое счетовод или землемер (или продавщица цветов) имеют к математике, это софистические афоризмы: «единство и борьба противоположностей, отрицание отрицания и переход количества в качество».

В данной статье я остановлюсь на последнем афоризме.

Ломоносов когда-то сформулировал закон сохранения массы вещества, актуальный для физики и химии и гласящий, что «сколько в одном месте убудет, столько прибудет в другом», что, конечно, было не очевидно (особенно при химических превращениях) и важно, при этом сами физические и химические превращения были разнообразны и влекли за собою множество изменений состояния и качества веществ и предметов, зимою вода замерзала, весною снег превращался в воду, при горении дерево превращалось в угли, золу и дым (обратного превращения не происходило), при добавлении воды в спирт смесь нагревалась и объем ее оказывался меньше суммарного объема воды и спирта, некоторые вещества взрывались или загорались при тряске или их способность взрываться увеличивалась при увеличении объема... Из всего множества разнообразных превращений веществ диалектика, которая при своем зарождении была софистикой, выделила кипение воды при нагревании и назвала это превращением количества (то есть добавочного тепла) в качество (превращение воды в пар при кипении).

Однако свойства теплопроводности показывает, что *как правило* тепло и накапливается, и поглощается и рассеивается безо всякого изменения качества, примером чего служат все обогревательные бытовые приборы, например простая деревенская печь. В школе мы узнали, что при нагревании газы расширяются – считать ли расширение переходом количества в качество? К чему отнести сложные биохимические процессы, когда при работе согревается работник (или когда он одевает шубу)? Не естественнее ли для физика и химика (и даже для философствующего обывателя) говорить о движении и превращении энергии из одного вида в другой, кинетической в тепловую и наоборот, а вовсе не о *превращении количества в качество*, тем более если иметь в виду закон Ломоносова о сохранении количества вещества – количество не убывает и не возрастает, тем более ни во что другое *не превращается*, а остается неизменным (за редким исключением, например, в нашем студенческом общежитии вдруг в шкафу исчезла половина бутылки водки, хотя качество ее при этом НЕ изменилось). (Подобные гегелевским законы мироздания часто формулируют писатели, особенно фантасты, но они не овладевают умами человечества). [Кстати сказать, такого же рода теория Маркса о создании

рабочими и незаконном присвоении капиталистами прибавочной стоимости.] К сему еще надо добавить, что **количество** – это **мера** пространства, энергии и массы вещества, мера даже времени, и как всякая МЕРА, она ничего не добавляет и не убавляет ни к пространству, ни к времени, ни к веществу, мера того, что существует, НЕ МОЖЕТ ни во что превращаться, ни убывать ни возрастать, но только горы растут или становятся ниже, реки и моря мелеют или становятся полноводнее, китайские бабы рожают и население Китая растет, а русские бабы перестали рожать (хотя виноваты в этом русские долба...бы), и русский народ вырождается, при этом вырождение не является следствием уменьшения численности, а происходит по другим причинам.

20 ноября 17. Философ стремится создать цельную систему мира (или бытия) [и у Страхова его книга так и называется «Мир как целое»], того же требует от него читатель. Нет ничего общего ни у меня, философа, ни у читателя с далекой звездой Альдебаран, но непременно надо, чтобы мои философские рассуждения обнимали собою и человека и звезду, не только в отношении тела (которое у нас, как мне кажется, ну совсем ничего общего не имеет, но и в отношении души (словно у звезд есть души?) Рассуждения об общем и общие рассуждения бессодержательны, я от них сторонюсь, поэтому дети, ощущающие и мыслящие жизнь в частностях, со мною умеют говорить, взрослые думают, что я не пишу ничего важного. Системы представлений о мире нет. Нет даже мира как аксиоматического понятия, мы живем в пространстве, которое не только наполнено предметами, но и событиями, протекающими во времени, но события исчезают и в мире не остаются, поэтому понятие Мира мало относится к жизни. Вот почему роман о частной жизни какой-нибудь Анны Карениной содержательнее, чем общие рассуждения, и в возражении Канту о необходимости говорить правду я не начинаю философствовать, а ссылаюсь на Анну Каренину, которая утаивала от своего мужа свои похождения – или их надо было ему открывать с самого начала? Таким образом, философия содержательна лишь в той мере, в которой ее рассуждения опираются на **действительность** – житейскую, научную, историческую или на действительность литературы и поэзии. Таким образом, читатель, перед тобою не поток сознания, не набор не связанных друг с другом рассуждений, а стройная философская система представлений о жизни, причем каждое следующее рассуждение или событие словно бы логически вытекает из предыдущего. Если я пишу: «так как медианы пересекаются в одной точке, ТО...» – или «вчера мы увидели, что медианы пересеклись, а сегодня произошло вот что...», то это равносильные теоремы. То что произошло сегодня в моих поисках, это теорема или следствие в закономерном ряду жизни (или Путешествия на Северный полюс), которые я тебе представляю на этих страницах...

На этом странном замечании я тебя пока и покину, мой читатель, мне надо еще купить гвозди, и следующую книгу я начну писать после того как ... в общем, не скоро... многое вопиёт, и я не успеваю насущное...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОИСКИ ФИЛОСОФИИ

2011 – 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пчела или шмель, способствуя оплодотворению, становятся судьбою для меньшей части растения, но разве не всё оно в целом жаждет и преобразуется, и зарождает и вынашивает плод, который и является смыслом его существования? – хотя ни стебель, ни корни, ни даже лепестки цветка об этом не знают и не догадываются.

Вот так же и в философах и философии нуждаются единицы – и казалось бы, зачем они? – но народ без философии, без мировоззрения, без одухотворяющей его идеи так и останется бесформенным телом, просто населением или даже сбродом, чернью.

Высшие области культуры необходимы только малой части народа, и дифференциальное исчисление не нужно большинству, и оперный театр, и музыка Скрябина и Бетховена. И так было на протяжении видимой части истории, уже две тысячи четыреста лет, следовательно духовная аристократия является предпосылкой и условием существования культуры.

Но, может быть, и без культуры можно обойтись?

Вероятно. Но тогда придется обходиться и без цивилизации, плодами которой пользуются даже нынешние дикари.

Социальное, сословное расслоение общества необходимо, высокий театр не может существовать для всех, он требует чрезмерных затрат, как и дворцы, и парки, и даже музыкальные инструменты.

Мы обречены на расслоение...

Но уже простая *принадлежность* к группе разъединяет, так разъединены мужчины и женщины – но эта же их разъединенность лежит в основе жажды соединённости.

Народы так же разъединены, хотя империи и пытались преодолеть разъединённость народов.

Разъединяет идеология и религиозная принадлежность.

Но когда же возможен диалог и возможен ли он? – спрашиваю я себя.

Даже вера приводит к отпадению от целого, в частности, христиане отделены от меня, пытающегося быть им собеседником, больше, чем полом и племенем. Не принимая их веру, я становлюсь их врагом.

Христианство, как и марксизм, это своего рода секты в иудаизме, и более молодые секты более нетерпимы.

Если Христос – сын Божий, то и Маркс, возвестивший научную истину всему человечеству, – ее полномочный представитель, и даже больше, чем сын, ибо сама Научная истина через него стала Богом.

К кому принадлежу я сам?

Я пытаюсь остаться со своим народом, и становясь интеллигентом и подвизаясь на ниве философии; впитывая европейскую культуру, остаться и стать даже более русским. Не так ли, становясь ангелом, женщина становится еще более женственной, а философ, возвышая индивидуальность, становится более человеческим и всеобщим?!

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ИМПУЛЬСЫ К МОЕМУ ФИЛОСОФСТВОВАНИЮ**1.**

13 ноября 2011. Начинаю писать новую книгу – Душа и Мир, – быть может, главную свою книгу. В ней я хочу изложить свои представления о мире и жизни, свое мировоззрение.

Впрочем, начну я с того, что взгляды свои на окружающее и на самого себя, на историю, на протекающую жизнь, на то, что было, есть и будет – я как раз и не буду называть *мировоззрением* – иначе говоря, воззрением на *мир*. Дело вот в чем:

Основные характеристики мира – пространство и время, ибо мир и пребывает и изменяется, он и мир вещей, и мир явлений. Но хотя мир *изменяется*, ибо он и мир явлений, но сознание в термине мир воспринимает прежде всего его пространственную характеристику, на явлениях мы останавливаем внимание только после дополнительных рассуждений. Говоря: «Ах, как **мир** хорош после летнего дождя», мы оглядываемся, оглядываем окружающее, следовательно мир – это все, что *вокруг* нас, собрание предметов в пространстве или предметы плюс протяженность.

Астроном, говоря о мире, посмотрит на небо, он представляет мир как собрание звезд и туманностей в окружающем пространстве. Но меня интересуют не звезды как раскаленные тела во вселенной, а те маленькие звездочки, которые я вижу на небе, и я сам, глядящий на них; меня и вселенная не очень-то интересует, а преимущественно интересует наша Земля, Солнце и Луна.

Но еще больше меня интересует Россия, ее судьба, культура, я сам и моя жизнь – и уже в этом перечислении становится очевидно (хотя как раз и не очевидно), что в тех предметах, которые меня больше всего интересуют, и в связи с которыми я попытаюсь изложить свои философские взгляды, пространства мало, да почти и вовсе нет, и предметами, из которых состоит «окружающий мир», они почти и не являются. А, следовательно, миро-воззрение, как *воззрение на мир* пространственных предметов, к ним почти и не должно относиться. Впрочем, и предметы, и Россия, и я сам, не являющийся предметом, обладают одним общим свойством: они пока существуют, и сам мир существует тоже, и не умаляя существенность предметов, их собраний, частей и целого, мы можем термин **мир** заменить не менее существенным – «всё существующее» – или Сущее.

Это слово не менее ёмко, чем мир, потому что и всякая часть мира *существует*, поэтому я не вижу существенных возражений против того, чтобы впредь говорить о Сущем, когда говорим мы о Мире. Однако, если мир привязан к пространству, и в нем почти не ощущается время, в

сущем присутствует и то и другое – не только окружающее, пребывающее, *оче-видное*, но и *протекающее*.

Итак, чтобы «мир», о котором я рассуждаю, не превращался только в собрание предметов, его надо постоянно со-полагать с *сущим*, не забывая, что мир неотделим и от пространства и от времени одновременно (мир вещей и явлений). Однако, необходимо помнить и еще одно очень важное обстоятельство, что обычно словом мир мы называем невольно не всё, а лишь то, что существует с предметной, чувственной стороны, что мы можем увидеть и потрогать, или хотя бы вообразить в пространстве – или как пребывающее, или как *протекающее*. Но ведь есть еще – мы так говорим – и мир понятий, образов, грез и сновидений, мир книг, слов и чувств... и много еще миров. Без дополнительных объяснений я и их присоединяю к миру и к сущему, и эти миры (как и другие) будут дополнять тот Мир, которому посвящена моя книга, в котором пребывает и длится моя душа.

2. О чем и зачем?

Если моя книга представляет некую философскую систему, если она сама посвящена философии и философствованию, то, повинуюсь традиции, необходимо определиться с теми вопросами, которые она ставит и разрешает, и прежде всего с так называемым основным вопросом философии, как его формулируют по крайней мере в Новое время, а именно: что прежде – курица или яйцо... тьфу, дух или материя?

Конечно, духу я отдаю предпочтение, инстинктивно к нему склоняюсь, хотя... если быть правдивым и честным, я в последнее время все меньше понимаю, что это значит.

Так как меня преимущественно интересуют девушки, то – духу ли я отдаю предпочтение? Ибо красота меня привлекает прежде всего, а чему она обязана своей привлекательностью?

Впрочем, речь идет все же не о предпочтении, а о том, что из чего происходит, дух ли рождает девушек, или материя?

Да и в каком же смысле дух и материя могут производить нечто им противоположное – ибо ни предметы не производят чувства, ни чувства не производят предметов.

Возможно, что если дух и материя что-либо порождают, то не порознь, а вместе, как мужчина и женщина: дух оплодотворяет плоть, и она от него рождает?

А сами по себе они существуют от века, и вместе составляют *сущее*, то есть *мир*!

Следовательно, хотя и не надо устраняться совсем от тяжбы души и тела, но не с этой тяжбы надо начинать философию.

Что не материя порождает дух, ясно как то, что вот эти ясные облака на небе и яркое небо и лес и доли не порождают красоту, хотя она и присуща им, и я сам ее не порождаю, хотя и способен ее воспринимать и

переживать. Но и не красота и не дух в целом произвел эти облака и деревья, а образовались они или выросли и сами по себе и не отдельно от мира в целом.

И мир не существует и не существовал никогда так, что отдельно, само по себе, его тело, звезды и туманности, и почва, на которой произрастают деревья, а отдельно его душа, его существование, качество и количество, пространство и время, изменение, эволюция, происхождение и исчезновение, сложность и простота.

Обыденное сознание полагает, что мир есть и меняется, но его «есть» и его «меняется» существуют как имманентные миру, а то, пожалуй, и их нет, а всего же остального, о чем мы начинаем рассуждать, в мире нет и вовсе, а появляются они как некое облако в человеке. Ну, обыденное сознание в чем либо переубеждать не стоит, а разговор надо продолжить с теми, кто этим сознанием не до конца удовлетворен.

3.

Так что же я кладу в основание своей философии?

Во-первых, сознание и ощущение того, что мир не только собрание предметов в пространстве, их положение и протяженность в нем, и не только пребывание их во времени и протекание в нем, но мир происходящего, мир явлений, кои суть не принадлежат самим предметам, мир целеустремленностей и смыслов, мир развития и упадка, а не только случайного чередования того и сего, мир взаимосвязанностей и гармонии, хотя иногда и хаоса; сознание и ощущение того, что мир – не только набор частностей, но и совокупностей (кои уж никак не могут быть свойствами предметов, их составляющих), что он – мир прежде всего целостности, и только поэтому способен существовать и в частностях (так, например, семья – соединение двух, и вдова существует только как следствие).

Материя порождает сознание – говорят материалисты – но ведь и материя – нечто иное, нежели собрание предметов, а уж тем более атомов и электронов. Но во всяком случае, как только материалист произносит, что не вещи, а *нечто* большее порождает сознание и ощущение, так у меня появляется надежда, что он, может быть, продолжит чтение моих заметок и хотя бы поймет их связующую мысль.

Но если мир существует прежде всего как целое (смотри и у Страхова его главную книгу), связанное не только пространственно, но и временем, если мир не только в соединенности, но и в протекании, то сущее – вовсе не мир, а ИСТОРИЯ МИРА, и как мир он существует лишь в таком смысле, в каком существует мгновенное положение летящей в пространстве стрелы. Непосредственно ясно, что существует летящая стрела, а не отдельно она от своего полета, и не состоит полет из множества её положений, а только на них мысленно разлагается.

Тем более река не слагается из мириада движущихся частичек воды, а существует только как река, в своем течении, в берегах и отмелях.

4.

Так как рассуждения мои по поводу того, что лежит в основании философии, затягиваются, то не сказать ли так, что именно *выяснение того, что является главным, или основным вопросом философии*, и является её основным вопросом?

Но и эти выяснения имеют некую отправную точку, отталкиваются либо от мира как такового, либо от его извечной причины, в частности, от Бога, либо отталкиваются от самого философа, приступающего к исследованию из своих личных нужд и своей духовной жажды.

Итак, основной вопрос философии – что положить в основание ее – Бога, мир или человека?

И я утверждаю, что только человек и его нужды должны быть источником, предметом и назначением *философского умозрения*. А что уж лежит в основании самого мира – это уже совсем другой вопрос.

5.

Так как рассуждения мои по поводу того, как (человеку) жить на свете, к чему стремиться, о чем мечтать и думать, начинаются с меня самого, а о чем бы я ни начинал говорить и думать, я непременно начну если не говорить, то думать о женщинах, то так же и философ в своих попытках понять и сконструировать мир, в своем философствовании.

О чем бы он ни рассуждал, хотя бы о звезде гамме из туманности Дзета, так или иначе споткнется он о человека. Разница противостоящих философий состоит в том, что одна повествует о сущем, о звездах и туманностях, о галактиках и мета-галактиках, глядя на них из неопределенного места, которое не существенно и уж никак не является центром для всех этих галактик и метagalactic, а человек существует словно бы за скобками этих рассуждений; другая же повествует как раз о человеке (или обращена на него), исходит из человека и повествует об окружающем мире именно как о мире, *окружающем человека*.

Может быть, первую философию имеет смысл назвать космоцентрической, а вторую – антропоцентрической. И в первом случае в центре сущего – бесконечный космос (как это ни странно для сущего), а во втором – конечный человек (но тогда и сущее становится как-то более домашним, приближенным, и чтобы его обнять, хотя бы мыслью, не надо лететь миллионы световых лет на край света.

Ну а Бог? Разве Он не претендует быть в центре мира и быть его основанием?

Но поелику Бог НЕ конечен, то Космос – бесконечный космос, который мне хочется устранить из моего домашнего мира, который я пытаюсь понять до конца, не устраняется, и человек снова оказывается не скрепой мироздания, а его частностью.

И я предлагаю компромисс.

Быть может, мир теоцентричен, но надо начинать с человека. Начиная с Бога, мы не поймем ни того, ни другого, ни что такое смыслы, ни что такое вера; не поймем ни соблазна, ни преодоления. Может быть, и моя философия поставит в основание Бога, но для этого она должна начать с человека. Тогда и Бог будет не холодным, бесчувственным механиком, вращающим светила (как у Декарта?) и бесконечно удаленным от нас (не знаю, не приبلудных ли пасынков), а страдающим отцом, сопричастным своим детям, не отверженным от его любви.

6.

Художественное выражение мысли должно быть широким, должно скорее демонстрировать целый луг, заросший цветами, а не отдельный цветок, сорванный и засушенный для гербария. Должно представлять ее в оттенках, отношениях, истоках и следствиях.

Нехудожественное описание – сообщает, художественное – изобличает. (Впрочем, мои ли это слова, не помню...)

Но, увы, читаю философские сочинения, и убеждаюсь в том, что философия делает своим предметом абстрактное мироздание в целом, лишенное подлинных предметов, или "чистое" бытие, лишенное действительной частной жизни. Даже когда философия обращает свой взгляд на *человека*, она отстраняется от его подлинной жизни, от конкретной личности. Казалось бы, так и должно быть, действительная, временная жизнь и живые отдельные люди являются предметом литературы, это в ней живут и страдают Чацкий и Печорин, Анна Каренина, Козетта, а в философии могут разве лишь действовать "жаждущая любви женщина", "не нашедший себя в обществе мужчина", "несчастное дитя" – и то как исключение, без индивидуальных черт, ибо преимущественно предметом философии являются *мировой дух, становление и развитие, преодоление и синтез, пол и характер*, и т. п.

Но что мучает *лично* меня, а не отстраненное от меня моё "субъективное" сознание?

Например, низость власти в России. Литература позволяет изобразить мои страдания, но она не даёт понимания причин того, почему власть в России так эгоистична и бесчеловечна, и не найдет ключ к уничтожению этой власти.

7.

Пока пил утренний чай, философствовал в домашнем кругу, отчасти повторяя свои прежние рассуждения, отчасти их уточняя.

Я собираюсь (да отчасти уже и начал) написать новую книгу, в которой хочу изложить свой взгляд на человека и на мир; написать такую книгу, которая мне поможет – или изменить мир, который мне негоден, или хотя бы что-нибудь в нем понять.

И в начале такой книги я должен или изложить, или иметь сам в виду

(так сказать, перед мысленным взором, или в скобках), из каких оснований я исхожу при этом. И вот тут-то надо остановиться и пояснить, что я имею в виду.

Философ пишет книгу, исходя из некоторого представления о мире, которое он либо заимствовал, либо сам сформулировал, и которое он читателю либо навязывает, либо старается оправдать. Это все равно как приступать к строительству дома, в котором нам жить, придя с уже готовым планом строения. Впрочем, архитектор или философ поступает так оправданно, хотя не лишнее и обсудить с жильцами или читателями этот самый план.

Но можно писать книгу, не имея окончательного представления о мире или бытии, не зная, что лежит в основании: Бог (и система мира теоцентрическая), человек (антропоцентрическая), народ (в основании общества), материя или дух. Так писал и я, называя свои писания полу-философскими. Некоторые из них выражали мое собственное состояние хаоса, кризиса, отщепления от ясно сознающего определенного мира, опирающегося на то или иное устоявшееся мировоззрение. В недавние социалистические времена, когда сознание общества было монолитно, и хаос был нетерпим, и мои Записки и я сам были ненужны обществу; но сегодня и общество наконец-то частью хотя бы в хаосе и разброде, кто-нибудь, быть может, начнет читать и меня.

Однако теперь и я нуждаюсь в определенности миропонимания, от хаоса уже устал и я сам. И в то же время, ни к какой определенной точке зрения я еще не пришел.

Что же делать?

Рассуждать и писать, имея в виду, что эта точка зрения как раз и выработается в результате анализа и умозрения.

Но при этом писание не должно быть хаотическим, как прежде, у него должна быть ясно выраженная направляющая идея. Я что-то должен поставить в центр своего философского умозрения, его на чем-то основывать – на Боге, народе или человеке. А там уж придут (или не придут) к некому определенному выводу и в отношении мира.

Итак, повторяю, что лежит в основании мира, я не знаю, но на что буду опираться в своих рассуждениях, в своем УМОЗРЕНИИ, я уже твердо определил: я буду исходить из человека, из его духовных нужд (хотя и не только из духовных).

Какую при этом я выработаю философию, я тоже еще не знаю, хотя, конечно, предчувствую; вряд ли в центре моей философии будет лежать Галактика или даже пролетариат.

Рассуждения мои будут преимущественно исходить из личности, опираться на нее. Научные идеи рождаются и в семинарах и в обсуждениях, но философствует только Я, но никогда не МЫ (сколько бы философ и не обсуждал свои идеи, прохаживаясь ли с собеседниками по аллеям сада, или за бокалом вина).

По поводу Я тоже надо высказаться полнее, человек бывает ученым и

невежественным, добрым и злым, склонным к рассуждениям или принимающим мир как растение, так является ли *всеобщий человек* источником моего философствования? Нет, разумеется!

Я бы даже сказал, что это только *я сам* – источник своей философии, если бы мое философское *Я* не было несколько шире меня – в том кружке, в котором вращаюсь я несколько лет, сгустился и некий образ *русского философа*, с которым я не до конца совпадаю, но который питает и меня, поэтому исходить я буду прежде всего из себя самого, но опираться и на смутные представления о русской философии, и на еще более смутные представления об античной философии, и на культуру в целом.

То, что я плохо образован, весьма затрудняет мое философствование, но оно же и помогает выработать более или менее оригинальную философию, ибо в первую очередь философствует *Я*, и только во вторую – История и Культура.

Мои идеи чаще всего не оригинальны, я только пытаюсь непредвзято их вновь рассмотреть. Они затасканы или приватизированы, как, например, марксизм приватизировал идею социальной справедливости, а оголтелый национализм – идею народа.

То, что я исхожу из себя самого, сразу накладывает определенный отпечаток на мои рассуждения: они не приводят к *всеобщему*, не объединяют, а чаще противопоставляют, разделяют.

Прежде всего, мое *Я* противопоставляется не только человеку толпы, но даже и образованному обыденному сознанию. Я мало образован, но *обыденный человек образован еще хуже меня*.

Но я противоостою и чрезмерно образованному человеку: в нем, как в безумце, звучит слишком мощный хор голосов, мешающий ему слышать собственный голос. Придя слушать Вагнера, он продолжает слышать и Моцарта и Бетховена, и хотя это не всегда плохо, так как подчас расширяет восприятие, но нередко затрудняет слышать оригинальное и самобытное в одном, если его еще заслоняет и другое.

Не случайно Гераклит говорил, что *многознание уму не научает* (или это повторил за ним другими словами Солженицын?).

Многое мне придется разделить (оно разделено и по природе, но злоумышленники постарались почти все свалить в одну кучу, чтобы было невозможно отделить зерна от плевел).

Есть ли любовь как цельность, есть ли народ как цельность? Существует, может ли существовать Единая Россия, где хищные волки не только не возлегают около ягнят, но продолжают их пожирать?

Существует ли человечество только как вселенская каша и народ только как население?

Но об этом, как и о многом другом, еще предстоит подробнее поговорить позже.

Глава вторая.

ОТВЯЗЫВАЯСЬ ОТ ЗАБЛУЖДЕНИЙ.

1.

7 апреля 2012. Все находится в Бытии. Дух находится и в Мире (как в полноте мира) и в Душе мира, и в Бытии.

Добро и зло ЕСТЬ (как и в человеке), они находятся в душе. Исключая их из *существования*, мы рисуем одностороннюю, неверную картину мира. Философия не столько отвечает на вопрос, как мы познаем, а как мы живем, что такое Добро и Зло, и в чем смысл жизни.

Что такое религия (в частности, христианство)?

Христианское учение проповедует любовь к Богу, но не к миру и не к человеку, наоборот, проповедует ненависть к миру, к культуре, к действительному, страдающему человеку.

Отвечает ли Евангелие на основной вопрос философии: в чем смысл жизни?

Может быть, в Вере в Бога?

Но и верить можно по разному.

Слепо, не рассуждая, не стремясь к пониманию? (Но должен слепо верить человек! – в Лоэнгрине Вагнера)

Вера в Бога еще не исключает вопрос: Надо ли довериться Богу, что Он все сделал наилучшим образом, что Он все ЗА человека решил, и только надо узнавать Божью волю или надо самому искать пути и направления и полагать их в соответствии с своим разумением, знанием, чувством, духовным видением?

Требование слепой веры очень похоже на отношения соблазнителя и молоденькой невинной девочки. Соблазнитель зовет ее в укромное место и требует довериться ему: я знаю, говорит он, что тебе нужно, и это для тебя наилучшее, если ты меня любишь, то должна мне довериться!

Но надо ли было ей довериться ему всецело и надо слушаться безраздельно?

Любовь не исключает ответственности. Бог сделал человека ответственным за его жизнь и его поступки, и Страшный суд бессмыслен, если человек отказался от своей воли (якобы) и поступает сообразно божьей воле (якобы). Это уловка. Человек поступает – стремясь к добру или злу, так или иначе – и даже если он думает, что его поступки ведут к добру, то думает ли он, что за него думает Бог, или же понимает, что это он сам думает, но на страшном суде отвечать он будет за свои собственные Поступки. Или он скажет, что он думал, что это хорошо, что он думал, что это ему велел Бог – но оправдает ли его это?

Он поступил так или иначе, потому что:

Струсил, был нерешителен, по глупости, по малодушию, по жадности, алчности, по злобе, из ревности, в ослеплении... и так далее... Когда он скажет, что он поступил так, как ему велел Бог, то это будет ложью. Он поступил так в соответствии с тем, что он... смотри предыдущее...

Учителя Церкви, даже апостолы ... все они претендовали на то, что Истина говорит через них. Но пока человечество, в качестве соблазненной дурочки, их слушалось, не было ни науки ни культуры, ни математики, ни литературы, ни театра, ни философии, ни симфонии, ни интеграла. Даже электричества и вакцины против оспы.

Народ и Власть.

Народ поддерживает Власть – с большим или меньшим энтузиазмом. Силы, стремящиеся существующую власть свергнуть и самим стать властью, находятся среди малого народа; когда эти силы становятся сильнее власти, с которой борются в одиночку, им удается и часть большого народа привлечь на свою сторону.

Вообще, демоническая, злая, преступная власть ближе народу, поэтому силы добра должны преимущественно рассчитывать на себя. Чудо, если им удастся найти и в некоторой части народа поддержку, а в других хотя бы равнодушие.

Разве готов Народ (население, говорящее на русском языке) пойти на жертвы для свержения нынешней власти? Нет. Да и не хочет он ее свергать, не понимает он, что она и ему враг тоже, что она, ограбив Россию, ограбила и престоноародье тоже.

Правда, и народная любовь хоть и тупа, но и непостоянна. Его используют как сырье другие, Аттила и Тамерлан, Сталин и Гитлер, бандиты и олигархи, ставят его на колени, обожаются чернью и принимают от нее поклонение... Иногда эти «боги» умирают своею смертью и в почестях, но иногда их давят удавкой и душат подушкой, терзают, бросают в шахты – новые «властители», которым помогает тот же самый народ, только что обожавший свергнутого тирана.

Закат Европы и Закат России.

Уже последние времена наступают, необходимо идти на последние жертвы, враг уже на Волге, еще промедлим немного, и уже не защитит ни Европу, ни Россию!

Недостаточно понять, что русская чернь не лучше русского правительства. Без черни не спасти Россию в том смысле, что когда к власти придет национальное правительство, то вот этот Большой народ, как сегодня он направлен на беспутное, на пьянство и мракобесие, должен будет строить и рожать детей, должен будет хоть что-то немногое святое вновь впустить в свою душу, покаяться в своих бесчинствах (под

водительством лучших) и исправиться хотя бы в той мере, в которой это необходимо для исправления всеобщего зла.

Если сегодня Ад, то я не обещаю завтра Рай, завтра будет Чистилище и Труд для общего Блага.

Завтра будет грешный мир со всеми его пороками, страстями и слабостями – но это будет мир людей, а не преступников.

Почему я свою философию называю не путем к святости, а путем к человеку? К человеческому достоинству и взаимопомощи? К пониманию и сотрудничеству? – потому что *мы пожнем на небе только то, что будем строить на земле*, и если здесь будем совершать преступления, то оставим ад нашим детям и войдем в абсолютный мрак сами. А если не будем совершать преступлений, а будем строить достойный мир, оставаясь людьми с их слабостями, то оставим и детям достойный мир, и сами заслужим прощения за слабости и помощи в возвышении (если Бог сочтет, что оно нам нужно как высшее образование для окончивших школу на четверки).

Почему я не хочу истратить последние силы и последние годы на совершенствование своей души? Потому что я несовершенен как и большинство моего народа (с его слабостями) и должен быть ему понятен, но я одновременно и как исключительные, которые готовы умереть не за похлебку для СЕБЯ, а за спасение России, и это мое «совершенство» выше всех человеческих слабостей. (Вот так же, отвлекаясь, если женщина и «гуляла налево» – кто их знает вполне? – но родила детей и выкормила их и воспитала – а воспитывает она всегда в добродетели, не важно, какой она была в пору разгульной юности! – то это снимает все ее прежние «слабости»!)

Если кому-то захочется меня обличать, я возражать не буду: и пьянство, и чревоугодие, и соблазны (особенно ... понятно, о ком я говорю...), и малодушие, и малая образованность, и всякие глупости... Но я исключителен в том, что я жду, когда затрубит труба, зовущая нас в атаку, и для себя решил, что я в нее пойду. Если меня убьют, то как и каждый погибший в атаке солдат, как и мой отец, погибший на той войне, уже не буду нуждаться в том, чтобы умерщвлять свою плоть и прибегать к каким то еще странностям для становления в святости (плоть у меня и так умерщвлится). Все погибшие в бою за правое дело – святые, и более святые чем те, кто только избегал греха.

Если же останусь жив, то это будет значить, что мы, в нашей атаке за правое дело, победили – и это будет большая награда нам, чем причисление к сонму святых.

Невозможно, чтобы мы, не победив, остались живы. Пока не победим, мы пойдем в атаку снова.

У меня *духовный кризис*. В этом своем обличении Большого народа, простонародья, черни – я испытываю состояние почти отчаянья. Тяжело видеть верноподанным мой народ. Тяжело его видеть поклоняющимся злу. Или просто соблазненным. Или только равнодушным.

Но достаточно уже моих обличений. Я не так суров, как ветхозаветные пророки. Я не требую кары, не требую смолы и вара. Народ искупит вину перед Россией – неустанным трудом ВО БЛАГО всех, а не только жулья. Очистит леса, реки, пашни, построит дороги, родит детей. И когда он это все сделает, он преобразится. Поймет и себя. И покается.

И я его обличать уже больше не буду оправданно.

Впрочем, и сегодня от него отвязываюсь. Целую жизнь я его пытался понять – в его нерассуждающей глупости. Нет, легче понять Небо и звезды. Легче понять философию. И ей посвящу я последнюю главу.

26 февраля 2012. Речь на митинге, которую не удалось сказать.

Сорок лет назад я был в абсолютном одиночестве, и даже в камере с диссидентами – я был противником марксизма, а они были марксистами. Потом и я и марксисты поняли главное: мы ищем правду, а нам противостоит ложь, поэтому то, что нас объединяет, гораздо больше того, что разъединяет.

Но тогда в оппозиции были единицы или десятки человек, сегодня – десятки и сотни тысяч, а сочувствующих – миллионы. И хотя мы еще не победили, но я уже счастлив, мрак начинает рассеиваться, ночь уже не вернуть на нашу землю.

Мы очень разные, с разными взглядами, и иные говорят, что наше объединение вынужденное, а потом мы начнем спорить. Ну и что? За каждым из нас идея, мы от общего духовного пространства, и частности менее важны, чем целое. Одни из нас любят свой народ, другие – весь мир, но и те и другие *любят*. С нашей стороны – ЛИК и ЛИЧНОСТЬ, с противоположной – ЛИЧИНА, ряженные. Мы ищем правду и справедливость, с нами ЧЕСТЬ и ЧЕСТНОСТЬ, против нас БЕСЧЕСТЬЕ и ВОРОВСТВО. Нами движет идея, ими – инстинкт воровства.

Это самое непреодолимое *метафизическое противостояние*, с теми, кто против нас, невозможен диалог. Сначала они несли из нашего дома скрытно и с черного хода, теперь они хотят воцариться окончательно и воровать неприкрыто.

Но они не победят, потому что мы – едины, мы люди идеи и чести, у них же – инстинкт воровства и лжи. Во что бы они ни ридились, руки жулика, которые тянутся в чужой карман, выдают их.

В борьбе за истину даже хорошо, что мы разные! Интернационалист, демократ, социалист, православный и мусульманин! И другие! Я, русский народник, вас обнимаю! Вы мои братья и сегодня и навсегда! В общей камере, в которую превращена Россия, мы все узники. Разве плохо, что я люблю Россию? Мы вместе будем бороться за наше общее счастье, у нас одна страна. Посмотрите, какие у нас вожди! Они разные, но это наша романтическая юность! Если они совершают ошибки, то жизнь их многому учит. Только вора не исправляет жизнь.

Оглянитесь друг на друга, как вы прекрасны – все, кто сюда пришел! Я вас всех люблю! ... особенно девушек! Мы победим!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. МИР И ДУША. БЫТИЕ.

1.

Гегель в Феноменологии духа возражает предположению, что «...между познаванием и абсолютным проходит граница, просто разобщающая их. Ибо если познание есть орудие для овладения абсолютной сущностью, то сразу же бросается в глаза, что применение орудия к какой-нибудь вещи не оставляет ее в том виде, в каком она есть для себя, а, напротив, формирует и изменяет ее».

Однако, со времен Канта, с его аксиомы противоположности объекта и субъекта, «вещи в себе» и «вещи для нас», между миром, являющимся нам в чувстве, миром материи, и нашим сознанием – пропасть установилась.

Гегель в его самопознании Духа эту пропасть не устраняет.

Жизнь человека – это жизнь его тела и его души, и их единства. Только нет единства в этой жизни, колеблющейся между познанием и заблуждением, между добром и злом, между жизнью и смертью.

Философия занимается Миром и Духом, бесконечным и всеобщим, тем, что по существу не имеет внутри себя разлада: так ботаник, изучающий жизнь растения, не может отыскивать в ней следы добра и зла, жизнь растения есть просто его развитие и увядание. Для человека самопознание в том же смысле, в каком себя познает гегелевский дух – не интересно. Что меня волнует? Меня волнует, почему *она* не смотрит?! Почему *она* смотрит на другого? Или почему мы откатились до Волги и наступает Закат Европы?

И что мне с самопознания Духа, в котором нет того, что меня волнует??

«Дьявол с Богом борются, а поле битвы – сердца людей!» – говорит Достоевский.

Борются ли Дьявол с Богом во внешнем мире, в Мире, в Природе, в Космосе? Фантазировать я не буду, возможно, и взрывы новых и сверхновых звезд – козни Дьявола – но от нас сие далеко и во времени и в пространстве, а вот Закат Европы – близок.

Философия как постижение истории, культуры, народного духа и духа и жизни личности – вот какая философия меня волнует.

2.

Помимо плоти мира, которую мы и называем обычно «миром», существует душа мира, то есть, мир в целом – это такое же единство души и плоти, как и человек. Одухотворенный человек непосредственно переживает пронизанность мира духовным, присутствие духовного во всем, и в устройстве Земли, предоставившей человеку ВСЁ, и в каждом лепестке цветка, и в движении вод сверху вниз под воздействием тяготения и снизу вверх под воздействием других таинственных сил.

Существование Души мира доказывать непродуктивно: одухотворенный человек его непосредственно ощущает, неодухотворенный никогда не увидит, как не замечает душу и в самом себе.

Вчера было сорок дней со дня смерти Теодора Адамовича Шумовского, прожившего 99 лет, 18 лет проведенного в тюрьме и ссылке, великого ученого и великого человека. Зашел разговор о религии, кто-то рассказал, что на вопрос, верит ли он в Бога, Теодор Адамович ответил: мне не нужно в Него верить, я знаю, что Он есть. Когда я пишу, Он стоит рядом со мною.

Все явления мира внешнего существуют в Бытии, которое как и Плоть, так и Душа. И потому во внешнем мире цветок существует в его целом, с запахом, формой и цветом.

Мир существует как плоть мира, как его Душа, и как его Бытие и Судьба. В человеке все сие подобно: и тело, и душа, и наша жизнь.

3.

Вначале я думал изложить свои взгляды на духовное мироздание в виде некой философской системы, затем понял, что начинать надо с анализа и критики других философских систем, а удобнее всего это делать в тюрьме – если, конечно, современная жестокая эпоха предоставит мне возможность философствования, а не отвезут мое холодеющее тело сразу на свалку без всяких признаков живой души и судьбы.

Одновременно надо понять и смысл религии, убедительное для меня самого мировоззрение невозможно без понимания культуры в целом, земной жизни и ее отношения к трансцендентному.

И все же меня волнует не та трагедия жизни, которая связана с личной конечностью жизни, с смертью – а трагичность моего существования в истории. Если солдат готов был пожертвовать жизнью за спасение Родины, то, следовательно, не в собственной смерти он предчувствовал главное зло.

Наша жизнь осмысленна, если она продолжается в родной истории, родине, государстве, семье, культуре, друзьях и детях. Родив ребенка, женщина уже знает, что живет не зря.

Мои родители были почти не образованны, мать кое-какие книги начала читать уже в старости, отец почти не учился в школе и только своим природным умом схватывал все на лету, стал даже командовать минометным взводом, для чего ему уже нужно было разбираться и в топографии и в баллистике.

Полное оправдание их жизни – во мне. Хотя и поздно, но я понял, что на мне лежит долг не только перед моим народом, но и перед моими родителями, они должны узнать, пусть и посмертно, что я продолжаю их в истории и в культуре, книги, которые я написал и еще, возможно, напишу, это наш совместный результат, нашего общего крестьянского восприятия жизни, которое они передали мне, нашего сибирского свободомыслия и духовно-поэтического переживания жизни.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ТАК ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ?

29 июня 2012 г.

Ничего нельзя доказать!

Убеждения человека словно встроены в его организм, доводы против них вызывают только работу ума по поиску опровержений.

Единственное исключение – математика, в ней каждое утверждение доказывается, на основании некоторых рассуждений, во вторых, и исходных положений, принимаемых без доказательства, во-первых.

В науках те или иные положения доказываются и принимаются всеми в том случае, если эти положения имеют математическое выражение. То, что камень падает вниз, принимается и подтверждается на опыте, как и то, что после осени наступает зима, а что ускорение пропорционально силе – принимается аксиоматически.

В то же время эволюционная теория Дарвина принимается не всеми (суть ее состоит в том, что живые организмы под воздействием внешних условий изменяются в разнообразных направлениях случайным образом, при этом особи одной группы вымирают, другой – размножаются, а далее все повторяется... Но об этом позже.)

Итак, доказать ничего нельзя!

И в Бога верят или – не верят – так же, как влюбляются и разлюбляют

И так же верят в марксизм и в коммунизм, в Ленина и в Сталина.

И раз уверовав, уже не меняются, не «умствуют», не подвергают критическому анализу свои взгляды, да и никакому анализу не подвергают, да и не имеют, как правило, цельного мировоззрения, а только «кашу в голове», набор аксиом, и просто живут, а аксиомы живут в них сами по себе.

Ну, например, иные полагаю, что «все бабы – бляди!», другие – «во всем виноваты жидаи!», третьи – «Сталин выиграл войну и создал великое государство», четвертые – «Царь хороший, да и кто кроме него?»

Наивные философы думают, что достаточно написать книгу, или несколько книг, и в них изложить систему положений, совокупно излагающих или представляющих или показывающих истину, и пишут такие книги, приводя собственные глубокомысленные рассуждения и подкрепляя их положениями других, признанных гениев, и думают, что читатель читает, восторгается, и – убеждается, принимая выводы как несомненно доказанные.

Но поелику доказываются только математические теоремы (а они доказываются не ссылками на Евклида или Ньютона, а непосредственно, в цепочке силлогизмов), то выводы философов со ссылками на других философов ничего не доказывают.

Вот поэтому я понял, что не надо мне создавать систему философии, надеясь на то, что она будет убедительна, и сейчас лихорадочно читать и перечитывать тех, кого я не читал или забыл, чтобы подкреплять свои выводы и утверждения ссылками на умных (да еще и неизвестно, подкрепляют ли они мои выводы).

Ну и – философия с возу и мне, ташущему его в гору – легче.

Правда, я примусь еще за философов, например, после того как меня посадят, если там мне разрешат писать и делать выписки и если не прикончит меня еще раньше бандитская вертикаль, но тогда, через несколько лет, это будет уже другая книга, а эту, входящую в нынешний замысел, буду дописывать еще будучи необразованным.

Философию откладываю еще и потому, что в действительности ее я разочаровался. Вспоминаю все чаще слова Маркса, что «философы лишь различным образом объясняли мир, задача же состоит в том, чтобы его изменить!» и думаю: ну пойму я еще что-то новое или то, что и до меня понимали, и что толку?

Поможет ли это мне мир изменить? А меня угнетает именно несправедливость мира, мерзость запустения, мерзость свалки и беззакония! И я жажду только преодолеть бесчинства негодяев, захвативших Россию, а все остальное – второстепенно.

Вот поэтому я пишу свою новую книгу только с одной целью: Найти силы и средства для победы над врагом, дошедшим уже не до Волги даже, а до Урала!

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАЧАЛА "ЕСТЕСТВЕННОГО" МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Теорема первая. Этическое соответствует эстетическому, вытекает из него, без эстетического не существует, иначе говоря, нравственным может быть только тот человек, который чувствует красоту, любит ее, заботится о ней.

Теорема вторая. Логическое пронизывает собою душу и мир как влага почву, это способ мира понимать себя. Но рассуждение черпает свои основания из полноценной души, в которой уже есть эстетическое и этическое, то есть, произрастание возможно лишь при совместном условии почвы и влаги.

Я крестьянин, и моя главная цель: накормить семью, да и выделить часть на налоги, поэтому я сею злаки и овощи.

Понимаю ли я природу пшеницы и картофеля? Нет, только то, что их надо весной зарыть в землю, а осенью собрать урожай.

И вот, не дожидаясь, пока ученые разгадают тайну и произрастания, я заставляю произрастать их у себя на поле.

Вот так же у каждого русского должна быть в жизни важнейшая цель – свергнуть мамаево иго! А понимание мира подождет.

И отец мой шел в атаку, не успев еще понять мир, и погиб – и хотя слишком многие погибли напрасно, но хотя бы немецкие орды были разгромлены.

Но ведь большевистская орда и сама подгнила и опрокинулась, может быть и теперь подождать, пока нынешняя подгниет?

Нет, никогда не надо ждать, надо идти в бой за свободу всегда без промедления, а нынче промедление опаснее всего: убывает Русь нравственно, убывает Русь в красоте, убывает она в мире – народ падает духовно и численно, а не станет его, или даже достигнет некоего критического уровня, и России не станет.

Почему я стал евреем?

Ну, правда, я не вполне им стал, да и не стать мне им вполне, ибо вполне еврей – это иудей, и еще в девятнадцатом веке, крестившись в христианство, он переставал быть евреем. Сегодня еврей не тождествен иудею (в странах рассеяния), но в Израиле, чтобы стать полноценным евреем, надо принять иудаизм и говорить на иврите.

Русские в большинстве поддерживают рабство, а евреи его обличают или даже с ним борются, да и русская культура у них подлиннее, а не зомби-ящик, пепси-кола, бормотуха и мат вместо русского языка.

Нет, лучше я вместе с евреями буду воевать за свободную Россию, чем с русскими – за новое сословие бандитов, захвативших мою страну и ее уничтожающих!

Национальное в духе – прежде, во плоти – потом!

Вот так же в битвах с татарами подданные московского князя были православными, а что среди них были и Мордва, и Литва, и Угры и казаки – то было второстепенно. Все они стали русскими, а уж те, кто голову сложил на поле брани – тем более!

И вот также в пору Гражданской войны, противостояния белых и красных, хотя и служили в Белой армии донцы и кубанцы, и даже черкесы, и офицеры многие имели немецкие фамилии, а у красных были коренные жители центральных губерний, но это было противостояние подлинно русских и безнациональной черни. Кто они по роду и племени, показали они при усмирении тамбовских крестьян.

Сегодня властвует над Россией новое иго, кто они по происхождению, не важно, кровь у них порченая, воровская, исключительно блядская!

И потому, становясь евреем, и идя с ними на митинги и баррикады, я становлюсь окончательным русским, каким мне уже и суждено умереть (вот также, когда отец мой шел в атаку на Безымянную высоту, разве не все они были русскими, хотя и были среди них и татары и мордва?)

Впрочем, у вора нет другой национальности, кроме воровской, и я сомневаюсь, надо ли докапываться, из каких семей они произросли, на какой помойке их зачали – но все же, кричат иные придурки, что будто нынешнее правящее сословие сплошь русское, а оппозиция, мол, сплошь еврейская (считая и меня). Как же тогда сами «государственные патриоты» полагают, что богатства России на три четверти принадлежат иностранным компаниям, выходцам с Кавказа и других окраин (а в числе

их даже буквальные чеченские банды)? Мы же, избиваемые ментами (теми же по крови, что и вертухаи и конвоиры Гулага, избивавшие нас при коммунистическом иге) разве что деньгами Госдепа принадлежим к иностранцам – правда, я этих денег еще не держал в руках и даже не видел, у меня и заработанную мною пенсию наполовину отбирает «родное» чекистское государство.

Так кто мне противостоит? Русский ли народ в подлинном мистическом смысле этого слова?

Мне противостоят те, кто детей уже не рождает, и через двадцать лет благодаря их усилиям русские станут меньшинством в России, да и России уже не станет, как не стало культуры и образования.

Но останется их царь (которого они любят), и его челядь, они не пропадут, верный народ защитит, а капиталы их давно в заморских банках.

Нынешним юным и тем, кто родится, достанется нищая умирающая Русь – не проклянут ли они тогда своих отцов и матерей, что те честных гнали, а ворам дали власть убивать?

Есть и в вас порченная кровь, рабская, и Россию вы затаенно ненавидите, за то, что она утверждала породу и духовное величие, а вы... ну да ладно, если Бог будет на моей стороне, то Россию мы отвоюем у басурманов, и будет Суд над нечистой силой и ее шестерками.

Чтобы жить в одном государстве, должно оно быть воссоздано как империя, и все ее народы должны видеть в ней нашу общую Родину. Вражда инородцев к единому государству – измена и их малой родине, ибо с крушением России океанский вал сметет с наших евразийских просторов и чукчей, и нивхов, и даже евреев.

Никого нельзя научить, и я никого не научу, и философия никого не учит кроме тех, кто и сам думает так же, только смутно и менее решительно.

Поэтому расскажу я про собственный путь становления, во что и почему я верил, на что надеялся.

Мною движет потребность в справедливости, сострадание, любовь к красоте и русской культуре.

Отзывчивость к несправедливости касается только «окрест меня», собственные невзгоды менее уязвляют мне сердце, жалит его власть, унижая моих «ближних», часто даже совсем мне незнакомых.. Слезы их текут и по моему лицу.

Вот что составляет мою личность почти с тех дней, как я себя помню.

Любовь к красоте – и к женской красоте, и к красоте природы, к музыке, литературе, зодчеству, песням и романсам.

И, наконец, любовь к России...

Нелюбящие Россию редко говорят правду, чаще и громче они распинаются в любви к России – но лучше бы они ее ненавидели!

Какую Россию я люблю, как я люблю ее?

Разумеется, не люблю я пожизненный Удел властителей, не государство, убивающее своих подданных, не власть, вертикальна она или горизонтальна, я люблю Россию как море, волнующееся между берегов, как материк в бескрайнем океане! Я люблю русский язык, литературу, ее песни и романсы, ее природу (в тех немногих уже уголках, где она еще не изгажена), ее характер (где он еще не растлен), ее милых и нежных красоток, все еще более милых и более нежных, чем где бы то ни было, ее баню, квас, разговоры на троих, ее дружбу, любовь и сострадание...

Всего этого осталось уже очень мало, то, что наступает как сорняки на гряды, мне ненавистно, но что осталось от девятнадцатого века, мне мило.

Итак, вот из чего состоит моя личность, вот что есть тот я, который смеет спорить, поучать заблуждающихся и обличать предателей.

Прежде, чем предложить связное учение, повествующее о том, как нам, русским, "обустроить" нашу Россию, должен я, наконец, объяснить по поводу предшествующих основ русской жизни.

Язычество было слишком давно, многое из него, самое жизненное, вошло в плоть русского христианства, поэтому не буду отдельно рассматривать его в качестве всеобъемлющего основания жизнеустройства. А тысяча лет русской жизни устроена на двух началах: сначала, в течение девятисот лет, Самодержавное православие, затем – Учение о диктатуре пролетариата.

ГЛАВА ПЯТАЯ

РОССИЯ И ЕВРОПА

Вторник, 10 мая 2011. Из тысячелетней истории Европы относительно привлекательны только последние пятьдесят лет.

Англичане сто лет грабили Францию, и спасительницу Франции – Жанну, благодарные французы сожгли.

Благодаря корсиканцу, которому поклоняются до сих пор, французы, превосходившие русских по численности, уступили русским первенство.

Немецких оккупантов не обслуживали ли француженки? И лучше бы я согласился, чтобы тевтоны истребили нас всех, чем выжить такою ценой! (впрочем, европейская история скоро закончится, при такой ненависти европейцев к своим и такой «голерантности» к арабам и туркам).

Что говорят о довоенной истории их гении? О Франции Бальзак и Гюго? Об Англии Шекспир и Диккенс?

Немцы добивали католиков уже при Гитлере, французы протестантов еще раньше, англичане все еще воюют с ирландцами (да скоро будут воевать и с шотландцами), не говоря уж про испанцев, которые сначала сдались арабам (правда, и мы сдались татарам), а потом на американском континенте истребляли индейцев (вместе с янки).

У нас – два народа, один – МАЛЫЙ, созидатель (переворачивая известную теорию), и другой – большой, разрушитель. В Европе народы однороднее, поэтому сегодня они устроились удобнее.

Мы еще можем спастись, необходима "реставрация", пусть и с таким запозданием. Ихние *революции* были не менее мерзкими, но им повезло с *реакцией*.

В целом там люди культурнее, но они неинтересны. А в нашей деревне выиграл мужик миллион, на радостях запил, и не поехал его получать, пропил даже билет, который ему прислали на ПРЕДСТАВЛЕНИЕ.

В конце концов, русские почитают своего национального гения – Пушкина (хотя и не все читали), а в Америке подавляющее большинство американцев про Эдгара По даже не слышало. У нас правит быдло, и лучшие унижены, а у них этих лучших и воще нету! Да и русские девки привлекательнее немки, англичанки и француженки.

Мракобесие у них закончилось благодаря русским штыкам – в 1815 и 1945. Что, французы и немцы могли бы справиться со своей революционной чумой? У них ЕДИНОМЫСЛИЕ всегда было тотальнее, чем у нас, и инквизиция властвовала пуще, чем даже наш Иван Грозный. Мы своих староверов не истребляли (хотя и притесняли), и мусульман не преследовали. Притом все народы сохранили себя под русской властью, а боролся с инородцами, переселяя их, только инородец Сталин.

Почему СОВОК в нас не истребим? Да потому что русский народ потерпел поражение от инородцев (грузин, латышей, молдаван, поляков и пр.) в 17-20 годах, и выжило в основном быдло.

Что будет дальше, я не знаю, но некая немецкая дивчина, которую я встретил десять лет назад, отказалась от наследства и культурной Германии, и сказала, что лучше будет жить с русскими бомжами, чем с немецкими бургерами. (но с какого жиру бесились Тургенев, Герцен и др., которым не хватало наших девок, я не знаю. Пушкин, во всяком случае, опомнился, и ТУДА не поехал)

Но главное. Они ВСЕ СВОЕ получили даром от римской культуры, и ПРАВО, и дороги, и науку. Нам же не повезло, христианство мы заимствовали от сгнившей уже Византии (а она от эллинов дальше, чем Константинополь от Афин), и спустя полтыщи лет опомнились, и взяли на западе (не столько немецкое, сколько римское!).

И большевики вбили в тупую башку русских школьников миф о вековой отсталости России, хотя в 1815 нас было меньше, чем французов, но мы победили, и конечно, глупо спрашивать, больше ли мы дали миру, чем вся совокупная Европа. А больше ли математиков было в Швеции, чем в России? В 17 веке именно Швеция имела шанс на создание северо-

восточной европейской империи. Но финны почему-то неприязненнее относятся к шведам, чем к русским.

Злосчастный двадцатый век... Параноики правят миром, Ленин, Сталин, Гитлер. Оправился ли немецкий дух? Ничего ни в музыке, ни в литературе, ни в философии. Наши же недобитые ээки – Солженицын, Шаламов, Бродский – единственное, чем питалась западная интеллигенция. Или ихние голубые и наркоманы?

Вообще, странно, что в бедах двадцатого века винят русских – а правили ли русские своей страной? На закате Рима, когда римляне свою родину потеряли, было то же самое, аутсайдеры (в империи) сохранить и возвысить страну не могут, они могут ее только добить. Прибалты и хохлы (во Львове) негодуют, что мы Гитлера победили, и Запад им сочувствует... так не думают ли уже на Западе, что по ошибке против Гитлера воевали? Поскольку общественное мнение как правило еврейское, так не негодуют ли уже и евреи, что мы Гитлера победили? Если бы вражда к России не была направлена против русских прежде всего – нет, и Сталину задницу лизали (западное общественное мнение) и Путину, а только русские никого не устраивают. Ну, подождем, пока исламисты не создадут халифат в Европе, и до этого даже я еще наверное, доживу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ЗАМЫСЛЫ

1.

Итак, сию книгу, как я ее задумывал, я еще писать не готов. Я еще должен вернуться к философии, через пятьдесят лет после того, как от нее отступился, прочитать *умных*, кое что из них принять, иное отвергнуть, и написать нечто новое и ясное, исходящее из представления моего об *одушевленном* мире.

Я еще должен вернуться и к размышлениям о религии – и тоже немало лет я был в неких далеких от нее странствиях, во всяком случае, после декабря 2004-го года прошло почти восемь лет, в течение которых занимала меня математика, Россия, любовь, а о Боге я если думал, то с Ним только препирался.

Но преимущественно сосредоточусь я не на философии религии, а на попытке осмысления христианства – по жизни и проповеди уже Самого основателя этого учения.

2. Исследование христианства

Начну же с анализа заповеди, которую повседневное сознание отождествляет с самою сутью христианства, а после того приступлю к анализу Евангелия.

Итак: «*Возлюби ближнего...*»

Просто уже в ушах навязло сие наставление, для которого якобы и писалось Евангелие, тогда как оно – ветхозаветная заповедь и слабо

вяжется с рассказами о жизни Учителя, среди коих и «враги человеку – домашние его», и нежелание встречаться с домашними, и призывание «плача и скрежета зубового» на грешников, и забвение родственных и дружеских отношений, не говоря уж о плотской любви между мужчиной и женщиной... Вместе с тем Учитель ничего не говорит о любви к Родине и необходимости самопожертвования для ее защиты, о сопротивлении насилию, неправде, угнетению – но мы, сегодняшние, можем пойти в партизаны, или участвовать в восстании против поработителей, не ссылаясь на необходимость жить для «гнезда» во-первых, а для отчизны и правды только в десятых.

А вообще... Можно ли относиться к Новому Завету как к некоей поучительной книге и искать в ней примеры того, как надо жить, например как в Учебнике математики мы находим правила к решению задач, а в сборнике пословиц и поговорок – народный жизненный опыт? Что в Новом Завете сказано о любви и дружбе, чем могли бы руководствоваться влюбленные? И о должном поведении в тюрьме, кроме кротости и смирения? Наставление защитнику отечества, или восстающему на поработителей? (Или иудеи, поднимавшие восстания против Рима, могли для себя нечто утешительное найти в сем сектантском учении?) Что-то полезное мог найти ученый – хотя бы рассуждения о том, как относиться к познанию? Или философ? Крестьянин? Писатель? Ваятель (кроме брани на идолов, коими уставлены Афины)? Зодчий? Математик?

Говорится ли нечто в защиту труда и творчества, прославляется материнская любовь или *любовь* к родителям? Наставляются родители в том, как надо воспитывать чад? Приводятся примеры умиления детством, рассказывается о детских играх? Даются красочные описания природы?

Каковы образцы для подражания, есть ли герои среди христианских святых, кроме мучеников? Пастер, открывший вакцину? Коперник, научивший смотреть на небо? Суворов, идущий впереди войска? Пушкин, написавший «буря мглою небо кроет», Скрябин, взметающий мелодии как языки пламени, солдаты отечественной войны, безвинно погибшие? Но *прославлены* в святых только жертвы за веру, ибо у иудеев и христиан вера заменяет отечество. А что же «*отчизны славные сыны*», а что же «*поэт, который сам свой высший суд*», а что же наши жены, ждавшие нас из тюрем и с полей сражений, а что же наши матери, рождавшие нас взамен замученных и убитых? Христианские жены родили ли хоть одного?

Так где же находится Бог просвещенного человека, того, кто мыслит и рассуждает о мире, читает книги, слушает музыку, смотрит на землю и небо, восхищается руковорным, хотя и томим духовною жаждой? Если вера без дел мертва, как сказали Иоанн и Петр, то жива ли она без понимания и культуры? И без философских рассуждений, которые суть сердцевина учения апостола Павла?

3. Заметки о погибели земли русской

Лето 2005-го, 2006-го; 2008-го года... Малая Вишера, Любытино, Боровичи... Дороги в России за последнюю четверть века стали лучше, вереницы автомобилей мчатся по ним, перевозы пассажиров между редкими городками, между умирающими деревеньками и селами, расположенными вдоль дорог. Летом в этих селах жизнь если не кипит, то по крайней мере теплится, приезжает автолавка, продают водку и хлеб, зелень и картошку дачники выращивают на своих огородах. Есть и крестьяне... Анна Ефимовна медленно движется мимо моего дома, садится на лавку у бабы Фени, приходит пораньше, чтоб не прозевать автолавку. Егор Тимофеевич умер; пока он был жив, то сам приходил за хлебом, а то и в соседнее село хаживал, за два километра. Баба Дуся умерла в прошлом году. Оксана Дмитриевна умерла три года назад. Пока она была жива, наезжал я в деревню иногда и зимой, звонил ей накануне, и она загодя протапливала мою старую избу, которой больше ста лет. Дуня приходила за водкой, пропала этим летом, пошла в лес за ягодами, и не вернулась. Все остальные тоже умерли, но жизнь по-прежнему неистребима, и из города приезжают племянники и племянницы, дети, внуки... Приходит иногда Сергей, Юра его сторонится – Сергей задирист, и редкая встреча их проходит без драки. Причину драк уразуметь я не смог, выпивши, Серега столь косноязычен, что не только обратного порядка слов он не может сложить, но и прямого. Междометия ему удаются лучше.

Мимо деревни гудят лесовозы, лес на Новгородчине вывезли еще не весь.

В Сибири лес вырубил вдоль рек и дорог километров на триста, но рядом с домом моей матери оставался еще три года назад сосновый бор, там же была и одноименная станция железной дороги.

Что же с нами произошло и когда?

Ответы на вопросы мы ищем в физике и метафизике бытия, то есть в науке и философии, или в литературе, которая соединяет и то и другое.

Отчего погибла греко-римская цивилизация? Некоторые исследователи говорят, что она погибла, когда выветрилась почва, питавшая ее, исчезли деревня и земледельцы. Культуру и цивилизацию Рима погубил город, который, по иронии судьбы, был ее колыбелью.

Так же город губит Россию. Он вторгся в деревню своей промышленностью, своими формами и организацией труда, своим отношением к земле; город устроил две революции, разгромил триединство дворянства, духовенства и крестьянства, обобществил скот и людей, труд как основание добродетели подменил идеологией.

Попытка организовать крестьянскую жизнь по примеру ремесленного и фабричного цеха, тюрьмы и казармы, в философии представленная системами Платона, Кампанеллы и Маркса, не столь разрушительная для города, оказалась губительной для деревни.

Кто-нибудь скажет, что мы погибли оттого что спились.

Нет, не оттого мы погибает, что пьем, а оттого пьем, что погибает.

Что же делать? И есть ли надежда на спасение?

Художник ответствен, в конечном счете, перед Богом. Да неужели мы пишем для развлечения своих читателей? Впрочем, есть и такие произведения, вроде карамели, и они, быть может, тоже нужны. Но подлинная литература обращается к беспокойной душе, растревоженной совести, к тем, кто мучим духовною жаждой, даже если это только один на мириады слепых и глухих; даже если это всего лишь один бодрствующий среди спящих. Томимый духовною жаждой, уязвленный страданиями человеческими, душевно больной – вот подлинный наш читатель.

Мы – диагносты и лекаря. Наше поколение призвано объяснить причины и характер болезни, и попытаться найти лекарства. У нас еще есть в запасе десять-пятнадцать лет, и мы должны истратить их на лечение России. Правда, детям нашим Россия уже не нужна. Тем более не нужна крестьянская жизнь. Не нужна культура – культура, которая вырабатывалась в городе, но корнями была в деревне.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

НОВЫЕ МЫСЛИ О ЕСТЕСТВЕННЫХ И НЕ ЕСТЕСТВЕННЫХ ЗАБЛУЖДЕНИЯХ УМА

Хотя и надоело мне говорить о заблуждениях, но приходится продолжать свои Письма, посвященные им. Попробую, все таки, уделить внимание и тем, кто говорит разумное.

1.

Встречался со старым товарищем, надеялся, что мы вспомним прошлое, счастливые дни нашей юности.

Пить нам нельзя, и я предложил ограничиться тремя рюмками.

О политике, попросил я, ни слова!

И все же, не удержались. Он распался, обличал, я пытался ему возражать, он распался еще больше.

Слова его симптоматичны, в поезде нечто похожее услышал я от добродетельных матерей семейств.

Именно поэтому решил я пересказать его речи. Поневоле, в моем пересказе, они звучат так, будто это я говорю – тем более, что образовывали нас общие учителя, сначала Маркс и Гегель, затем вожь мирового пролетариата, а позже множество умных, от Герцена до Иванова-Разумника.

2.

Есть два взгляда на русскую действительность:

– Все вокруг плохо, страна летит в пропасть, образование рушится, процветают воровство и разбой, уничтожается все достойное и, самое главное, будущее, в котором жить нашим детям и внукам, растлевается и превращается в пустыню. Нашим внукам предстоит унаследовать от нас пустынную Россию – с деградирующим русским населением, разрушенной культурой, исковерканными лесами, лугами, пашнями, изгаженными реками и озерами. Без науки и промышленности. С низким уровнем технологии и работников, обслуживающих остатки промышленности и транспорта.

Самолеты будут рушиться. Поезда лететь под откос. Дома и электростанции взрываются, честные будут сидеть в тюрьме, преступники – пить из России последнюю кровь.

Этот взгляд – у меньшинства народа, глубоко сознательно – у малой его части, которую я называю *малым русским народом*, теми, кто написал книги, учил школьников и студентов, совершал научные открытия, проектировал, работал инженерами и техниками.

Второй взгляд

– Да все путем, на наш век хватит, своему ребенку (как правило, единственному) мы что-нибудь оставим, он и здесь не пропадет, а то «свалит» за границу.

Таких – большинство, они голосуют за правительство, они его поддерживают, они меня посадят в тюрьму, там убьют, выбросят на помойку, как и тысячи других, таких как я – не все они меня будут убивать, но они проголосуют за этих, которые будут убивать. Они в ментах, надзирателях, в секретарях суда, они учат детей петь песни за царя, их дети в случае чего будут разгонять наши демонстрации или давить их танками.

3.

Собирался критику христианства ограничить исследованием учения апостола Павла, но жизнь вынуждает меня продолжить анализ священных текстов, взаимоотношений культуры, доставшейся нам в наследство от античного мира, и христианства, доставшегося от иудейского мира.

Сегодня они пытаются сотрудничать, католическая церковь даже сняла недавно запрет на сочинения Коперника и оправдала Жанну Д*Арк (все-то понадобилось для этого пятьсот лет!!)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПОИСКИ МОГИЛЫ ОТЦА

Я шел сюда несколько десятилетий, получил образование, завел семью и друзей, сделал кое-что, чтобы не прерваться и в мире и в духе, и очень поздно пришел к главному – к необходимости понять, откуда я сам, кому я обязан тем, что родился, вырос, и хотя бы частично *состоялся*.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Многое в нашей временах столь самонадеянно расчетливой и рациональной жизни, пронизанной компьютерами, мобильниками и мечтами о полетах на край самых крайних галактик, связано с *чудесным*; может быть и не в том ветхозаветном, поражающем непосредственное восприятие, виде, но от этого не менее странном, нестижимом, неожиданным.

Я собираюсь рассказать о том, как я искал и нашел могилу отца, погибшего 66 лет тому назад, но рассказ мой преимущественно будет посвящен мне самому, тому, как я ищу и хоть отчасти нахожу самого себя, растерянного, потерянного, оставленного в бесшабашном отрочестве, когда люди были добрее и отзывчивее, в наполненной разочарованиями зрелости, когда торжествовали вокруг меня (а может и во мне?) эгоизм и себялюбие, жажда денег, положения в обществе и признания и, наконец, забытого почти окончательно во времени окончательного безвременья, когда уже всерьез и надолго восторжествовали в нашей жизни воры, мздоимцы, невежды, Собакевичи, Хлестаковы и Держиморды.

Итак, перед вами уже проступает в этой краткой инвективе портрет бывшего советского романтика, каким он сформировался в единственные относительно свободные в нашей стране годы, то есть в шестидесятые.

Начались мои поиски ровно три года назад, я тогда наконец-то нашел хорошую работу, мне платили целых пять тыщ за то, что вечером и утром я мыл пол в маленьком офисе, иногда отвечал по телефону, что «вы ошиблись номером», а в остальное время или спал, или звонил по телефону сам, или писал свою бесконечную Самую Главную Книгу.

Работали мы по очереди, со мною был еще один писатель, он же бывший филолог, затем маленький бывший разведчик и отставной адмирал. Сразу же предупрежу вопросы о персональных пенсиях: у каждого из них были дети и внуки, некоторые еще учились, платя государевым слугам, а некоторые искали работу (и тоже платили государевым слугам), а половину моей пенсии отбирало народное государство за то, что я издал Радзивилову Летопись.

Больше всего разговаривал я с Адмиралом, он познакомил меня с красной и желтой прессой, безумными писаниями Завтра, уже почти забытыми – Вчера, и невнятными как гаданье цыганки – Сегодня, и вербовал меня вступить в строй к Зюганову (последнему же я подарил изданную мною «Россию и Европу», за которую государство отбирало вторую половину своей пенсии).

[Поскольку речь обо мне, я и пытаюсь охарактеризовать себя возможно полнее в этом кратком отчете].

Разумеется, не миновали мы и печальных и героических страниц недавней истории, и Адмирал воскликнул: Как, ты до сих пор не знаешь, где погиб и где похоронен твой отец?! Чем же ты занимался целую жизнь?

– Учил. Писал. Учился, – робко заметил я.

– Чему может научить человек, не пришедший ни разу на могилу отца?

Что-то во мне начало набухать и словно пускать в душе тоненький корешок, значит, не все еще семена прошлого засохли, некоторые могут еще прорасти.

Некоторые мои товарищи возражали моим новым смутным мыслям.

– Хватит ворошить кости погибших! Это для дикарей важно тело, а просвещенному или православному необходима душа.

– Что ж, мы даже хуже дикарей в своем беспамятстве? У тех есть память о предках, кровная месть, заветы, обеты и обычаи, верность клятвам, дружбе и браку, а у нас одна только нефть и дифференциальное исчисление...

30 октября, в День поминовения жертв коммунистического террора я был на Левашовской пустоши, где перед самой войной были расстреляны десятки тысяч тогдашних инженеров, служащих и рабочих. Проходя к мемориалу, остановился около пожилой женщины, стоящей на коленях у дерева и безутешно рыдающей. К дереву была прикреплена фотография ее отца, рядом горела свеча на белом платке, расстеленном на земле, и кусочек черного хлеба. Она своего отца тоже никогда не видала, могилой же его была вся Левашовская Пустошь.

Позже прочитал я «Десять писем к отцу» Лени Измайловского, уже покойного, тот своего отца не видал тоже, но перед смертью своей с ним поговорил. Я напечатал его Письма в Русских страницах уже после его смерти, а перед нею Леня еще успел закончить свой спор по национальному вопросу, крестился и исповедался, став до конца русским (не отказавшись, я думаю, ни от чего иного важного, ни от Заповедей Моисея, ни от философии Канта).

Стал ли до конца русским я сам, и уяснил ли себе, что это значит?

Чудесное входит в нашу жизнь и пронизывает ее временами так, что мы и не сознаем, что чудо идет с нами рядом. Вот, например, занесло нас случайно на какую-то площадь, где с красным знаменем пять человек выкрикивают лозунги, а навстречу идет милиционер. Мы уже приготовились к тому, что на наши покорные плечи обрушится суровая демократическая дубинка, называемая в просторечии демократизатором, но милиционер проходит мимо и даже улыбается – разве это не чудо?

Да каждый из нас, живущих, тем паче мужчин, не должен ли изумиться тому, что он еще жив? Вот уж это чудо сравни выживанию Иова во чреве китовом (правда, мы и сами не менее чем во чреве Левиафана или Молоха и живем!); мы не умерли от паленой водки и ельцинского спирта-Рояля в девяностые, не попали под пулю в уличной перестрелке, где решаются споры «хозяйствующих субъектов», нас не взяли в качестве заложников чеченские сепаратисты, не взорвали в вагоне хищного Сапсана (к счастью, мы ездим преимущественно электричками, даже в Москву, чтобы сэкономить на проезде), нас не посадили в тюрьму, чтобы повисить раскрываемость преступлений, а если посадили, то мы и

там умудрились выжить, и даже дожить до отмены приговора (об этом чуде я еще напишу) и, наконец, пьем нашу воду из-под крана (Бог пока миновал от Петрика), едим хлеб пополам с наполнителями, рыбу, разбавленную сгущенной водой, лечимся у еще оставшихся кое где прежних врачей и – все еще живы!!!

Но мне не хватало еще чего-то, чтобы поисками могилы заняться всерьез, нужно было поверить в себя, в собственную значительность и нужность миру и Богу. Ведь это мне надо было искать могилу, отец на меня, возможно, давно уже махнул рукой, близким важнее было насущное, так что кому, кроме меня, могила моего отца была нужна, думал я.

В начале 2008-го года раздался телефонный звонок.

– Василий Иванович?

– Да.

– Вы меня, конечно, не знаете, мне было шесть лет, а Вам семнадцать, когда я Вас единственный раз увидела. Вы уезжали в Ленинград на учебу, и родители, пойдя с Вами проститься, взяли меня с собою. Я – последний ребенок, родившийся в нашей бывшей деревне, которой уже более пятидесяти лет нет на свете.

Позже она побывала у меня дома и закончила свой рассказ, из которого чуть погодя я приведу начало, а сейчас хочу только заметить, что эти шести-семилетние девочки играют в моей жизни какую-то неведомую мне символическую роль, может быть Козетта из эпоса Гюго однажды пронзила мое сердце, когда я еще только научился читать, может быть воспоминание из детства кровоточит в сердце, когда я столкнулся с двумя голодными детьми, идущими по нашей деревне с холщовой сумкой – они пели и тоненькими голосками, какими-то уже обреченно безучастными. просили: подайте, православные, ради Христа кусочек хлеба!

– Хлеба, детки, у нас и самих нет, сказала моя бабушка, даже с отрубями, вот возьмите, что есть! – и подала им две теплых картофелины и первый, выросший на грядке, зеленый огурчик, который она несла мне.

Летом в поезде, которым я ехал в свою Сибирь на поиски той самой деревни (от нее даже печной трубы не осталось), я столкнулся с тремя детьми, старшей как раз было семь лет, они все толклись в нашем купе, досажая моим соседям.

– Ну чем я тебе приглянулся? – спросил я ее.

– Мне Ваше лицо очень понравилось! – серьезно ответила она мне, подперев свое лицо руками и как-то слишком пристально глядя в мои глаза (влюбленно, сказал бы я, если бы не боялся, что меня зашибет не только милиция и прокуроры с судьями, но и читатели). – И еще мне понравилось, как Вы рассказывали про философа, который все на небо смотрел и увидел там Бога, про этого...

– Канга?

– Да. Я его обязательно буду читать. И Ваши книги тоже.

Д-да... Ну а та женщина, что позвонила мне, рассказала (и позже даже в Союзе Писателей, по моей просьбе, повторила свой рассказ).

– Я вошла в горницу, ярко освещенную солнцем, свет из окна лился каким-то потоком, посередине стоял юноша ослепительной красоты (ах, теперь я никакто не умру!), а вокруг его головы сиял НИМБ.

И потом в течение пятидесяти лет ...

Далее я все опускаю, надо вернуться на грешную землю. Успокою только читателя: нимба с тех пор я на себе больше не видел. Да и тогда – тоже.

Вот такие происшествия, причудливо сплетаясь, привели, наконец, к тому, что как-то воистину «в один прекрасный момент» я позвонил в Подольск, в Военный Архив.

После нескольких моих путаных вопросов собеседник пояснил, что я разговариваю с заместителем Начальника Архива.

О, это магическое слово Начальник! Я им никогда не был и всегда их боялся, да и все еще побаиваюсь. Мое отношение к средним начальникам уже изменилось, я узнал, что они тоже люди, но старших Начальников я все еще трепещу.

– Ах, простите меня, я случайно попал к Вам и отвлекаю на свое личное дело... Я позвоню кому-нибудь другому, попроще...

– Ладно уж, раз попал ко мне, выкладывай, какая нужда.

– Возможно, я начал, наконец, превращаться в человека, ищу могилу отца. Не то чтобы недосуг было раньше, но я думал, что дело это безнадежное, все равно что искать Землю Санникова, а теперь, как я узнал, из Архива отвечают на частные запросы граждан.

– Да, мы отвечаем на запросы, но их много, поэтому ждать придется долго. А лучше, если ты сам приедешь, и начнешь поиски. Архивы почти все открыты, а если будут трудности, сошлешься на меня, можешь даже зайти ко мне в кабинет.

Так я начал ездить в Подольск, и еще предстоит поездки, много узнал я нового, поразительного, столкнулся с поразительными людьми.

Ну, например, говорю секретарю, где родился мой отец, называю: Старая Пойма.

– А Нижняя Пойма там, случайно, не рядом? – встрепенулся старый мужчина за соседним столом.

– Далеко, она, кстати, теперь отдельно и не существует, а в составе поселения, в котором слились и станционный поселок, и соседняя деревня, и Краслаг (Управление Красноярских лагерей).

– Господи, да я же там сидел, в этом Краслаге! – откликнулся еще один мужчина.

Ну и, конечно, через десять минут мы пошли на поиски места, где отмечают столь радостное событие – встречу старых друзей, которые тогда еще знакомы не были, и из которых один *сидел*, но *валил* при этом лес, а другой, на воле, рядом с колючей проволокой, пел пионерские гимны и возглашал: спасибо Сталину за наше счастливое детство!

Приведу еще одно происшествие, которое вплеталось в вырастающую из меня новую личность, не отдельную, как прежде, в самой себе ограниченную самость, а словно бы соединение различных людей, некое сплавление из них, вторгающихся в мою жизнь и мою личность, так что моя, казалось бы, блажь – найти то место, где закончилась жизнь моего отца, стала превращаться в общественное поручение, в миссию... Это превращение еще не до конца произошло, и надо еще о многом сказать и много сделать, и даст Бог, сие совершится.

В один из приездов в Подольск я должен был разыскать Приказ о награждении отца орденом Отечественной Войны второй степени, которым он был посмертно награжден как раз за тот бой, в котором погиб.

Была пятница, укороченный день. На вечер у меня был обратный билет в Питер. Из Архива я должен был уйти в половине второго, автобусом до вокзала, электричкой до Москвы, залететь к однополчанину отца, затем к родственникам, и примчаться на поезд.

Я бегал по громадной территории Архива в центре Подольска из отдела в отдел, наконец оказался где нужно, влетел в кабинет, обратился к Леночке, красивой барышне лет двадцати пяти, изложил ей свою просьбу.

– Запрос из библиотеки с собой?

– Нет, я сначала хотел узнать, именно ли у вас то, что мне нужно.

– Бегите за запросом, я им позвоню, постарайтесь вернуться к половине двенадцатого, в двенадцать у нас начинается обед, а потом я ухожу в учебный отпуск (она, оказывается, студентка). Бегать умеете?

– Конечно! Особенно если впереди бежит такая как Вы...

– Ну так и бегите! А при входе на столе лежит Книга отзывов, напишите пару строк о нашей отзывчивости, у нас отчет, и отзыв будет кстати.

В Книге я написал, что здесь все встречные пропитаны отзывчивостью, а Леночка еще и Красотой, и теперь я хотел бы если не жить, то хотя бы умереть в Подольске, и чтобы она иногда приходила на мою могилу.

Прибежал назад я без пяти минут двенадцать.

– Дело Вашего отца мы уже нашли, только когда же Вы будете его переписывать? Притом, переписывать можно только в библиотеке, отсюда за ним должны специально придти, на руки гражданам мы документы не выдаем... Да к тому же Вы испортили нам Книгу. Я этот лист с Вашей могилкой хотела выдрать, но коллеги отняли, читают этот пасквиль коллективно. Идите к начальнику, к тому же зовут его Иван Васильевич, почти как Вас.

Я вошел к начальнику в кабинет.

– Времени мало. Фотоаппарат с собой?

– Да.

Я дрожащей рукой подал Начальнику (к тому же, полковнику) фотоаппарат.

А надо сказать, что за попытку незаконного фотографирования документов посетители архива лишались доступа к ним чуть ли не навечно.

– Хорошо, что всего три страницы. Семен, ты еще их на ксероксе сними. Ксерокс у нас плохой, поэтому я для верности еще и на камеру сниму. Только никому не рассказывай, что я ради Леночки и тебя совершаю должностное преступление, и в романах не описывай. Только учти, Леночку я тебе не отдам, она мне самому нужна.

Когда мы вышли, был уже накрыт стол с закуской и самогонкой (Леночку провожали в отпуск). Читатель должен знать, что профессия архивиста в нашей стране самая низкооплачиваемая, поэтому самогонка была по необходимости. И еще одно важное замечание. Архивной пылью (и притом довольно ядовитой, я чихал от нее не раз) дышали преимущественно женщины, все сотрудники Архива были сотрудницами, и только их военные начальники мужчинами.

– Ну, В. И., садись рядом с Леночкой, раз уж она тебе так приглянулась, только учти, она замужем, и муж у нее строгий, а тебе еще надо долго жить.

В моих поисках я столкнулся со многими людьми, организациями и учреждениями, но направление, руководящую нить, которую я называл вначале «Нить Ариадны», а потом переименовал (о чем позже), нашел я в одном совершенно неожиданном месте, в маленькой карельской школе в старинном поселке с поэтическим названием Пряжа.

Узнал я о ней из «всемирной паутины», в которую наконец-то решился влезть и влипнуть, и оказалось, что не все в ней плохо, а если иметь в руке спасительные нити, то и много хорошего.

Так вот, десять лет назад в этой школе был организован Музей воинской славы, первый такого рода школьный музей, и теперь их в стране не так мало.

Я позвонил в школу, познакомился с директором, написал ему по электронной почте письмо.

Через месяц я получил два письма обычной почтой, и они если не перевернули мою жизнь, то более зримой сделали ту неясную тропинку, по которой я уже начал идти, и которая позже стала одной из важнейших дорог моей жизни.

15. 01. 2009. Здравствуйте, Василий Иванович! Мне 16 лет. Не удивляйтесь моему письму. Я активист Музея Боевой славы, но помимо этого еще и поклонница хорошей поэзии.

Мне очень понравились ваши стихи. На мой взгляд, такая легкость, совмещенная со столь философским смыслом, в поэзии встречается не так уж часто.

Читая их, я представляла молодого человека, то озорного и робкого, то умудренного опытом и уставшего от жизни, но всегда молодого. Есть такие люди, которые в любом возрасте молоды душой, для них возраст не имеет значения потому, что они всегда умеют радоваться жизни и ценить ее. Очевидно, вы тоже относитесь к таким людям, и даже в 125 лет будете молодым и интересным человеком

Что до ваших стихов, мне хотелось, чтобы они никогда не заканчивались. Даже время, и то усмирило свой бешеный ритм и остановилось, давая возможность насладиться каждой строчкой в ваших стихотворениях.

...А насчет вашего отца – найти место, где он захоронен, будет не просто, но думаю, вам стоит встретиться с его сослуживцами, они прекрасные люди, и уверена, им есть что вам о нем рассказать...

Желаю успехов и удачи в поисках, надеюсь, вы сможете посетить нашу школу, и я смогу с вами встретиться вживую.

P.S. Будет желание – пишите:

25..01. 09. Здравствуйте, мой ангел!

Сегодня утром я получил вместе с письмом из Музея Ваше письмо. Затем у нас дома состоялся философский вечер (моя жена делала доклад о представлениях античных философов о времени), потом мы прогулялись около дома. Шел снег и было очень красиво, потом мы еще пили чай втроем и я читал Ваше письмо вслух, а теперь отвечаю Вам.

Вы – первая почитательница моих стихов (одна девушка, правда, начинала их переписывать на бумагу, но была скупее в комплиментах.

Итак, Вы – первая.

Бывает, влюбляются с первого взгляда. Однажды я влюбился со ВТОРОГО взгляда, и написал об этом рассказ. Еще раньше, в тюрьме, я влюбился, ни разу *ее* не видя (она сидела в соседней камере и мы переговаривались через стенку), и тридцать лет пытаюсь об этом написать, но пока получается недостаточно хорошо.

.... Итак, я прочитал Ваше письмо, и влюбился в Вас ДО ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА.

.... Я написал уже несколько книг, и кое-что издал, в их числе рассказы и нечто, жанр чего затрудняюсь определить. Одна моя знакомая смогла прочесть только полторы страницы, она предложила мне написать что-нибудь для народа, и у меня есть замысел такой повести, но за полтора года я не сумел этот замысел осуществить.

Братья-писатели дочитали меня до тридцатой страницы.

Но я верю, что все впереди.

..... Несомненно, что Вы – прелесть, и оставайтесь собой. Возможно ли стать еще лучше? Может быть, и не надо...

... Не уверен, что доживу до 125 лет...

Но многое мне необходимо еще сделать; издать очередные номера

Философской Культуры, Русских страниц, сборник стихов, окончательно исправить "Азбуку математики для гуманитариев", написать "народную повесть", приехать в ваш поселок... После этого приступлю к самому существенному.

19 февр 2009. Мы получили ответ из Республиканского военкомата ... Приводим Вам текст, подписанный Военным комиссаром РК:

На запрос о месте гибели и захоронения Чернышева Ивана Ивановича, 1914 года рождения, погибшего 18 июля 1944 года, сообщают, что в списках захороненных Братской могилы № 84 у озера "Кагра-лампи", расположенного в 11 км. с-в п. Лоймола Суоярвского р-на, значится младший лейтенант 69-ой отдельной морской стрелковой бригады, погиб 18 июля 1944 года».

Подлинник ответа находится в музее. При встрече мы его Вам передадим.

Но если бы я знал, что это только начало пути, который еще далеко не закончился.

Мне еще предстояло узнать, что мой отец погиб вместе со своим минометным взводом на Безымянной Высоте, что воины похоронены там же, на месте гибели, предстояло найти эту высоту, придти на нее и поставить на месте гибели отца и его солдат деревянный крест.

Но это только начало.

Но – главное – мне еще предстояло познакомиться с десятками изумительных людей, таких разных, наивных, искренних, трогательных в своих слабостях, очаровательных в своих достоинствах. Они – моя дорога назад к России, которую у меня и моих соотечественников украли люди без совести, без Родины, но с жадной властью и денег. Но которая еще жива.

Я много пишу о себе, и буду еще писать, потому что это и дорога, и во многом, ко мне самому подлинному, которого я еще не нашел. А которого надо найти, если я дерзаю учить других.

Это – вступление к рассказу о Поисках могилы отца, который еще впереди. Я не хочу испортить его слишком беглым пересказом людей и событий, потому что они заслуживают того, чтобы быть зримыми.

Кроме того, как я уже сказал, поиски могилы отца превратились для меня в поиски России, подлинной, а не смонтированной из телекартинок о самых высоких Начальниках, подменивших собою нашу Родину.

В довершение – несколько строк из следующего *ее* письма.

26 янв 2009 г. Жду ответа как пушинка ждет прикосновения руки.

Сегодня, во время информатики прочитала ваше письмо, правда меня "засекли" и пару раз сделали замечание, но все же пока не прочитала все до последней строчки, не успокоилась ... Не буду скрывать, ваше письмо

меня ОЧЕНЬ обрадовало. Не знаю даже, как досидела до звонка. Потом рассказала о письме Е. П. и О. Ю. (он кстати сказал, что "я сияю, как начищенный медный чайник"). Они оба будут рады вашему приезду, но я, естественно, буду рада БОЛЬШЕ ВСЕХ.

Знаете, за это короткое время я поняла одну вещь. Мне никак не удавалось прочувствовать стихотворение, и Наталья Сергеевна мне сказала: "Представь, что ты солнце, и дари окружающим свое тепло, согревай их своими лучами". Странно, но у меня получилось. И уже когда я шла по улице, безумно счастливая от нового знания, я вдруг почувствовала, что в стихах скрыта та же сила. Мы отдаем словам часть своей души и одушевляем их...

Да, и еще в этот день тоже шел снег. Палал крупными, белыми хлопьями. Не знаю точно почему, но я очень люблю смотреть на падающие снежинки. Просто в это время мне кажется, что в мире существует волшебство, не может не существовать, раз на наших глазах происходит настоящее чудо.

... в вас живет романтик. Это здорово! Ваши стихотворения, как всегда хороши, а от последнего я просто "в ауте"! Даже слов не хватает, чтобы выразить, как оно мне понравилось. Замечательное. Опять же такое сложное и в то же время такое простое и понятное...

До свиданья, а точнее до следующего письма, хотелось бы написать еще много чего, но в следующий раз.

И в завершение этого вступления приведу одно стихотворение и несколько фотографий, которые дополнят мой не совсем связный рассказ.

Не стою я ни почестей, ни славы,
И критики мои конечно правы –
Всё – лишь слова и общие места.
Прорвется вдруг в стихах живое слово,
И то оно, я знаю сам, не ново,
Из сада общего, и с общего куста.

Так с чем же я пришел на переправу,
За что себе найти надеюсь славу
Посмертную? За то ль ругаю власть,
Что суетным признаньем обделили,
Что в страхе жил (хотя не пристрелили),
Что силы не хватило смелым пасть?

А может быть за то, что, как и в силе,
Я верен им – Поэзии, России,
И Женщине – и в горечи конца:
Тщеславия, беславия, упадка,
В отсутствии надежды и порядка,
В страдании тернового венца?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Наконец-то наступил этот чудесный день, 27 апреля 2009-го года, когда я в составе группы друзей, писателей, ученых и бизнесменов, отправился в Карелию, в поселок или городок Пряжу, недалеко от которой спит вечным сном мой отец.

Еще раньше и по дороге я созванивался с директором школы, он приготовился к нашему приезду, ждал нас, хотя суббота – день нерабочий, а с ним нас ожидали школьные активисты, учителя, руководство поселка и района.

Приехали мы с запозданием на полтора часа, и та, которая нас ожидала пуще всех, выбегала на крыльцо в одном платье, хотя день был ветреный и холодный, возвращалась в школу погреться, и снова стояла на крыльце.

Наконец мы подъехали. И конечно, она стояла около школы, встречая нас!

Чудо пересказывать трудно, время не течет в нем как обычно, оно соединяет текущее и сиюминутное, преходящее и вечное.

Куда я ехал и зачем?

Да, прежде всего, поездка была звеном в разматываемой цепи, которая должна была привести меня к *могиле отца*. Но уже за эти четыре месяца произошло столько необычного, что я ясно понимал: эта новая стезя, на которую я вступил, не для одного меня, и не одно то, для чего я вступил на нее, станет теперь моей жизнью.

Жаль, что я пишу о поисках могилы отца так скупно, и живое во времени передать не смогу.

Мои слова теперь – словно перечень отдельных мгновений.

Вот мы пьем чай, чтобы согреться с дороги, и школьники терпеливо нас ждут в маленьком Актовом зале.

Вот мы за столом Президиума, за спиною у меня белое полотно, на нем демонстрируется фильм, специально приготовленный к нашей встрече, рассказ о школе, о школьном музее, о нашем знакомстве и моем отце, который тоже появляется на полотне и остается потом до конца встречи.

Затем выступали встречающие, директор школы, руководитель музея, учителя и школьники, Ксения и Диана; затем и гости.

С пафосом, взлетая над землей, говорил я, затем мои друзья.

Я говорил об отце и матери, о моем предке, пришедшем в Сибирь с Ермаком, друзья говорили о России, о Питере, о нашей поездке и обо мне.

И я воспарял еще выше, без сомнения, но и без уничижения,

принимая все как должное. Я понял, что это моя судьба, что происходящее – новая пора моей жизни, продолжение затянувшегося становления меня как человека, как писателя и как сына моей страдающей сегодня Родины.

Все то же, что и пятьдесят лет назад. Мои учителя мне говорили тогда: зачем мы с тобой так носимся, так тебя поливаем, холим и лелеем,

ставим на горох и в угол, то гладим по голове, то грозим крапивой? Да потому что тебе дано нечто, что мы хотим произрастить и умножить. Мы надеемся и верим, что тебе дано многое, и случай или неведомая сила из забытой и забитой безграмотной деревушки исторгли тебя для будущего творчества. Но не забывай, что *кому многое дано, с того и многое спросится!*

И вот теперь я снова стою перед учителями, и их учениками, и мои слова – мой первый отчет о том, что я уже сделал, и что я собираюсь сделать.

А сделал я немного, еще не успел стать человеком, но только осознал, что теперь именно этим я и должен заняться, я должен хотя бы начать им становиться. Друзья мои говорили: мы тебя любим, мы в тебя верим – но уж и ты не посрами нашу веру!

И рассказ мой – это конечно рассказ о себе самом, о том, что я ищу себя, а через себя самого и моего отца, и мой народ, и Россию, и смысл жизни, и понимание того, что в жизни самое важное.

Торжественная часть окончилась, два с половиной часа ребятишки от десяти лет до семнадцати сидели не шелохнувшись, не дыша, и это было удивительно.

Потом нас повели в Музей, экспозиция была посвящена бывшей Пряжинской школьнице, героине Отечественной Войны, и воинской славе, состояла из фотографий, писем, и предметов, касающихся и войны и довоенного быта.

Потом повезли в кафе обедать.

– Ксению надо отвезти домой! – распорядился О. Ю. – Дети не должны видеть, как взрослые выпивают, тем более учителя. К тому же надо следить за тем, чтобы В. И. не подходил к ней близко.

Ах, жаль, про обед тоже я промолчу, за столом была очаровательная глава Пряжи, и еще милые и обаятельные... Но за мною следили, и поступил приказ мне наливать только воду, чтобы я не улетел на небо.

Затем нас повезли в деревушку Маньгу, где стоит церквушка 16-го века, сохранились остатки священной рощи, найденные и описанные школьниками, и там же гостиница, построенная местным фермером.

За Ксенией заехал директор, Диана и другие школьники приехали в деревню автобусом.

Через два дня я прислал в школу письмо.

Трудно в короткое письмо вместить даже самое важное, но я спешу написать, а потом напишу подробнее позже.

Позавчера был такой чудесный день, что можно уже ничего не желать. Да, дружба – это счастье. Вы все – чудо из чудес. Быть может, мне снился сон, и я был в раю...

Надеюсь, мы еще увидимся. Надеюсь, мы еще будем дружить.

Я что-нибудь еще напишу. Я напишу для вашей школы учебник математики – вместо признаний в любви... А признания пусть лежат в ящичке стола.

Ваш Музей Боевой славы – это *и Судьба и Случай*. Я готов поставить ему множество восклицательных знаков, чудный апрельский день, когда наша группа оказалась в его стенах, не забываем для всех нас, встреча со школьниками – активистами музея, преподавателями школы и представителями общественности, встреча с Историей – это СОБЫТИЕ в жизни, состоящей по большей части из происшествий, крупных и мелких.

Но так как я не исследователь и не историк, то буду говорить не профессионально, а в связи со своей личной судьбой, красной нитью в которой проходят в последние годы поиски моих духовных и родовых корней, условно обозначенных как «поиски Родины и могилы отца».

Эти поиски проходят в условиях душевного кризиса, наполненного разочарованиями – и в смысле истории, и в действенности культуры, оправданности народных жертв, оправданности прошлой и нынешней жизни народа.

И встреча с вашим Музеем тесно переплетается с движением моей судьбы, которая переходит границы своего личного.

Началось со звонка в Подольский Военный архив, далее, по их подсказке, я нашел в Интернете ваш музей, началась переписка, затем знакомство с ветеранами Отечественной Войны и 69-ой Морской стрелковой бригады, в которой служил и погиб мой отец; и другими ветеранами Отечественной Войны.

Школа, Музей и Архив объединились для меня в духовное целое, я понял, что образование безжизненно без истории, естествознание, математика и культура оживают только в судьбах людей. В этой связи и мои поездки в Военный Архив не отделимы от поездок в Карелию, и там – родные лица: женщины-труженицы перерывают для меня тысячи пыльных папок, копируют документы, Леночка кормит помидорами – в какой стране еще так готовы помочь «первому встречному»?!

Музеи существовали в моей жизни как театры искусства – Русский музей, Эрмитаж, Третьяковская галерея... так и Россия представляла прежде всего с ее столичной судьбой и историей – Александр Первый, Кутузов, Зимний дворец, Павловский парк... Сегодня я увидел и влюбился в живую Россию провинции и народного быта, и она ответила мне взаимностью.

Почему мои архивные поиски так переплелись с событиями личной жизни?

Отвечу ли на этот вопрос или нет, но именно рассуждениями, связанными с тем, что происходит внутри меня, я закончу главу о поездке в Пряжу.

Сначала я буду рассуждать о любви, затем о дружбе, и наконец о литературе.

Может быть, в слове *любовь*, которое я так часто произношу, заключен не тот смысл, который обычно имеется в виду – но кто знает, сколько смыслов в этом слове? Тем более, что если даже электрон неисчерпаем, как выразился один литератор, то что говорить о любви и поэте?

Да и к тому же, уж если электрон неисчерпаем, то жизнь тем паче!

И люди различны, и любви разнятся, и даже ангелы для всех разные, поэтому попробую рассказать не только о себе отдельно от других, но и вместе с ними.

С десяти лет я учился вне дома, в нашей глухой деревушке школа была только до четырех классов. Я жил на частных квартирах и в общежитии. В Ленинграде я так же жил в общежитии. Любимым моим занятием было ходить в гости к девушкам.

Удивительны многие мои друзья, и взрослые и дети; и даже не удивительные удивительны.

Дорога моей жизни пролегла среди множества людей, которые меня любили или любят (а розы или булыжники под ногами – это мелочи), и каждый из них достоин восхищения.

Это и архимандрит Авраамий (ему было 93 года, когда мы познакомились, а мне втрое меньше); и великий собиратель творческого наследия русских певцов Юрий Борисович Перепелкин, и романтик, поэт и автор многих книг о Петербурге Сергей Сергеевич Шульц, и замечательная актриса Людмила Петровна Жукова, первая Тюзовская Джульетта, и астроном Горбачкий, и ныне здравствующий переводчик Корана 97-летний Теодор Адамович Шумовский, и сонм других... Но ведь и некая старушка, с которой я познакомился, когда она просила подаяния, Варвара Георгиевна (о ней я пишу в своей первой книге) – не менее удивительна, и сыграла важную роль в моей жизни!

Бог за что-то меня любит, и хотя и посылает мне различные напасти (для моего вразумления и научения), но окружил и осадил меня обществом таких замечательных людей, что если бы я даже был бесплодной евангельской смоковницей, я должен был начать плодоносить.

Или я впал в безумие?

Но и безумие бывает разным, бывает оно как *инобытие*, безумие апостола Павла, Жанны Д*Арк, Дон-Кихота. Я, конечно, надеюсь, что впал я в безумие именно в последнем роде, а форма моего

безумия – любовь, изливающаяся в стихи, и стихи, сопровождающие любовь.

Или это дружбу назвал я любовью, а дружба, как известно, соединяет существа иногда очень далекие друг от друга, дружит человек с собакой, дружат ангелы, дети, известны примеры дружбы между девочками-подростками и взрослыми мужчинами, – так дружил Тарас Шевченко после ссылки с двенадцатилетней дочерью президента Академии Художеств графа Толстого, которую он называл «моё сердечко» (а поэт Бенедиктов за 20 лет до того дружил с его дочерью от первого брака, и она оставила Воспоминания об их дружбе.)

Известны письма Цезаря к его маленькой подруге, письма Джонатана Свифта к Стелле (той, правда, было уже 16 лет.)

Эту возвышенную дружбу я называю *влюбленной дружбой*.

Обычно пытаются понять, каков человек «на самом деле», без притворных масок, но еще важнее – каким человек должен стать и быть. Женщина способна влюбленного преобразить в героя и гения, и это и есть его подлинность, его настоящее я, которое в пене жизни чаще всего недопроявляется, только любовь и боль превращают человека случайного в человека подлинного.

Преображают боль и любовь – а бывает ли любовь без боли? Бывает ли любовь счастливая?

Боюсь, что нет. Счастливой может быть дружба, и для счастья необходимо преобразование любви в дружбу. Вся романсная русская поэзия рассказывает только о трагической любви.

Рациональное литературоведение описывает литературу почти с той же точки зрения, что и химию и физику; дескать, литература – тоже своеобразное описание мира, и как в физике множество единичных явлений описывается общей формулой, то и литература, якобы, выявляет общие закономерности, общие типы, и индивидуальное изображает как образец типического. Под таким углом зрения пропадает все своеобразие Чацкого, Онегина, Печорина, Настасьи Филипповны, князя Мышкина, а вместо них фигурируют формулы.

Но дело в том, что литература во многом противоположна химии, и характеры героев интересны лишь в той мере, в какой они индивидуальны, единичны, обладают «лица необщим выраженьем», и самые характерные герои те, которых нельзя повторить – Иисус Христос, Жанна Д'Арк, Дон-Кихот. Поэтому и любовь не распадается на виды и роды, и поэтому все, что я о ней пишу – в некотором роде чепуха; любовь единична, и столько же любовей, сколько влюбленных, да и у одного она разная. И кто его знает, как назвать те чувства, которые вспыхивают и во мне самом время от времени.

Если бы я представил себя героем романа, я попытался бы и любовь свою более внятно истолковать – но со своим героем я все-таки не совпаду, даже если буду писать от первого лица и положу в основу романа действительные происшествия своей жизни.

Но может быть, дело в том, что едва успели мои родители познакомиться и пожениться, как отец ушел воевать, и уже не вернулся. И что любовь сводит меня с ума, определяется тем, что я пытаюсь долюбить и за них.

Заканчиваю эту окольную главу о любви стихами.

Любить без разрешения нельзя,
Равно как в гости приходите без спросу.
А посему и мы в романе нашем
Вернемся к январю, почти к началу.

Итак, от Вас пришло письмо. Мне горько,
Но, кажется, смириться с пораженьем
Мне следует покорно. Лишь Прошенье
Я подаю: Позвольте... «Нет, не позволяю!»

Я подчиняюсь. Но поскольку нами
В романе текст уже почти написан,
Его теперь нам следует стереть
Из памяти. Вы напишите снова,
Ну, скажем, через месяц. Я отвечу,
И мы начнем писать другую повесть –
О дружбе. Жду письма,
Как бабочка ждет лета.
Жду, скучаю...

Так я запугался в Пряже и до сих пор пытаюсь распутаться...

Но и сама жизнь спешит мне на помощь, и новые события зовут меня в дорогу.

Впереди – поездки в Суоярви и Лоймолу, в Петрозаводск, в Москву и Подольск, вторая поездка в Пряжу, Безымянная высота, политая кровью нескольких сотен наших отцов и дедов, впереди рассказ о Замысле, который стоит того, чтобы он осуществился, рассказ о поездке в Сибирь в деревню, где родился отец, и на пепелище моей родной деревни, затем в мою школу, которая меня удивительно хорошо учила, встречи с теми моими одноклассниками, с которыми я сидел за партой в первом классе, и с теми одноклассницами, с которыми сидел вместе в последнем.

Впереди рассказ и о тех карельских людях, с которыми меня еще столкнет судьба по какому-то высшему замыслу... И я наконец посторонюсь, и дам слово и им, удивительным людям, как удивительна и открывшаяся мне не столичная Русь.

Глава третья
БЕЗЫМЯННАЯ ВЫСОТА

1

В первых двух главах очерков, посвященных моему отцу, писал я преимущественно о себе – во-первых, потому что я об отце еще знал слишком мало (*«так много лет прошло напрасно: молитвы женщинам чужим творил усердно и всечасно»*), во-вторых, так оно и всегда: что бы мы ни искали, даже Северный полюс, ищем мы преимущественно себя самого, а поиски, не освященные собственной внутренней работой, обычно бездушны. За эти три с половиной года я обнаружил, как много во мне от родителей, и их черты узнаю в себе. Да к тому же, и это главное, не один только я, но и вся мыслящая часть народа переживает в это трудное время духовный кризис, мы словно бы потеряли и себя, и страну, и мечемся, не зная, что делать. Возможно, сегодня наш сорок первый год.

И поиски наших корней и истоков как никогда важны.

2

Пряжинский школьный музей мне очень помог в поисках, прежде всего, они меня связали с А. Н. Смирновым и И. Г. Уваровым, ветеранами *69-ой морской стрелковой бригады*, в которой воевал мой отец. Ветераны эти много лет приезжали в Пряжу и в соседние городки Карелии, которые освобождала бригада, и передали музею немало документов и воспоминаний о ее боевом пути.

Теперь немного истории.

Сформирована *морская стрелковая бригада* была в Сибирском военном округе (г. Анжеро-Судженск) осенью 1941 года, из курсантов военно-морских училищ, моряков Тихоокеанского флота, Каспийской военной флотилии, и сибиряков (возможно, действительную службу отслуживших на флоте, этого я пока не знаю, еще предстоит и поездка в Анжеро-Судженск и архивные разыскания).

Капитан 1 ранга в отставке А.Н.Смирнов вспоминает: «Группа, в которую попал и я, была направлена в распоряжение Сибирского военного округа. Там нас распределили по разным морским бригадам. Я вместе с несколькими однокашниками – И. Г. Уваровым и другими – попал в г. Анжеро-Судженск [...]. Поскольку мы уже имели воинские звания, нас назначили младшими командирами в различные подразделения бригады. Я попал командиром отделения в отдельную роту автоматчиков. В мое подчинение попали матросы с ТОФ-а и сибиряки [...]. Многие из них были намного старше меня, да и с большим жизненным опытом. С благодарностью вспоминаю их, признавших меня как своего командира, несмотря на мою молодость. «Не стесняйся, сынок,

– говорили они, – командовай, как тебя учили». С ними я принял свой первый бой в апреле 1942 года на реке Свири. Многому мне пришлось учиться у них. Особенно в устройстве шалашей, землянок и просто жилья на голом месте. Некоторое время мы держали оборону, делая отдельные вылазки в сторону противника. С его же стороны нас больше всего донимали финские снайперы, так называемые кукушки, скрывающиеся в кроне деревьев».

В конце 1941 года бригада сосредоточилась южнее города Лодейное

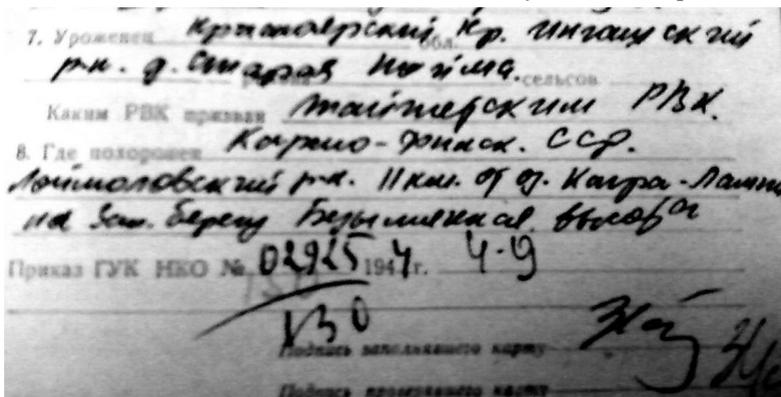
Поле. В ходе активной обороны северо-восточнее Ленинграда она вела боевые действия в районе Лодейного Поля и на Подпорожском направлении Сви́рского оборонительного рубежа, где особенно тяжелые бои вела в контрнаступлении в апреле 1942 года.

Мой отец, Иван Иванович, в сентябре 43-го года был направлен на офицерские курсы в г. Пашу, в конце декабря ему было присвоено звание младшего лейтенанта и он вступил в командование минометным взводом.

В 1944 году в ходе Сви́рско-Петрозаводской наступательной операции в составе карело-финского фронта бригада освобождала Святозеро, Пряжу, Киндасово и Эссойлу. Начала операцию 19 июня, освободив Сви́рстрой, затем форсировала реку Шуя, продвигаясь вперед, вновь форсировала реку Шуя и вышла к станции Суоярви, а вскоре овладела поселком Сувилахти. За эти бои стрелковая бригада была награждена орденом Красного Знамени.

С **12-го по 27 июля** особо напряженные бои велись за железнодорожную станцию Лоймола. В их ходе бригада понесла большие потери. Минометный взвод под командованием моего отца стоял насмерть на Безымянной высоте. Как следует из посмертного

представления к ордену Отечественной войны второй степени, а также из воспоминаний однополчан, *в одиночку прикрывая отход оставшихся в живых воинов своего взвода, Иван Иванович, уже дважды раненый,*

принял последний бой на Безьянной высоте, где и сложил свою голову 18 июля 44-го года.

На следующий день высота была вновь отбита у противника, и сослуживцы похоронили своего командира в индивидуальной могиле (как указано в «похоронке»), что было в то время редкостью, тем более при упорных боях.

В течение последующих дней эта политая кровью Безьянная высота, окруженная болотами, переходила трижды из рук в руки, штурмовал ее батальон соседней гвардейской дивизии, затем – штрафной офицерский батальон. Этим пришлось горше других: приказано было отступивших расстреливать, и, по-видимому, из батальона в живых не остался никто.

3

Русский человек уж точно не немец, не Штольц и не Франц, и что его отличает от немца больше всего, так это бесшабашность и некая, временами прорывающаяся самозабвенность, иногда разнузданность, нерасчетливость уж точно. Не так мало я понял и в отношении штрафного батальона, бродя с проводником по этой проклятой, политой трижды кровью Безьянной высоте.

О Карельских могилах и людях напишу я чуть позже, чтобы расскаать свой не дробить. А теперь расскажу о том понимании, которое приобрел в Подольском Архиве.

В каком томе необъятных, сшитых в папки дел найду я нужные сведения, было неизвестно, ездить мне приходилось из Питера в Москву (и далее везде), и с утра я заказывал тридцать таких папок, а после обеда лихорадочно их листал. Некоторые папки были с грифом «секретно»

(прошло ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТЬ ЛЕТ!!!!) и их мне не выдавали, некоторые части доступных папок имели такой гриф, папку я получал, но рядом садилась молодая сотрудница библиотеки Настя и следила за тем, чтобы я не читал запретные страницы.

Настя, как и другие сотрудницы, получала мизерную зарплату, дышала ядовитой архивной пылью, была тощей и неухоженной, но у нее были красивые ножки. Я приносил ей шоколадки, и объяснял их приношение якобы моим желанием растолстить ее.

Сели мы рядом, и я со вздохом сказал:

– Вчера почти ничего не прочитал.

– Почему?

– Вы сидели напротив, и левый глаз смотрел на ваши ножки, а правым я хуже вижу, да и ум за разум заходил... А сегодня Вы решили не отвлекать меня...

– Ум у Вас еще наверно с детства зашел за разум! – строго возразила Настя. – И я тут ни при чем. А брюки я одела, потому что у меня колготки порвались.

– Кстати, я новые стихи сочинил. И к тому же умею носки штопать.

– Ну и что?

– Так и колготки могу заштопать...

– Вот как садану сейчас папкой по башке, так и разум зайдет за ум!

(Хотя я парень хоть куда, но башка у меня белая, да и борода тоже. Но надо учесть то, что другие посетители библиотеки были еще старше, так что я был почти *первый парень на архиве*).

Когда я дошел до запретной папки, я дал Насте денег и послал ее за пирожками в буфет.

– Ладно, вернусь через полчаса. Только ты веди себя хорошо, главное, не попадайся, а то с меня голову снимут.

В запретной папке были дела офицеров-штрафников.

Узнал и понял я следующее.

Во-первых, дела открывались как правило по доносам, а доносы вызывались следующими причинами:

1. Желание занять более высокое положение товарища.

2. Устранить конкурента по амурным делам.

3. Необходимость отработать «хлеб», который ели особы и близкие к ним (и здесь много знакомого: Ленинградское дело 70-го года, в котором были один антимарксист – это я, и друзья-собутельники, совершенно со мной не согласные, из-за чего я страдал и призывал всякие кары на их верноподданные головы. Кары последовали, только не от Господа, а скорее от нечистой силы).

Из трагической песни, которой является наша Отечественная война,

не следует выкидывать неудобные слова. Доказывать это я не буду, кто не понимает этого до сих пор, никогда не поймет, но никогда и не поперется в одиночку на ошестинившуюся пулеметами высоту.

«Аморалка» и пьянка – вот были основания для расстрельных дел, заменяющихся штрафбатом.

И вдруг я натываюсь на совершенно уникальное дело.

Капитан С., командир батальона, только что награжденный Орденом за героизм, вступает в связь с вражеским агентом (это, конечно, была девица-финка). Трибунал приговаривает его к расстрелу. По ходатайству командира дивизии (!!!) расстрел заменяется штрафбатом.

Подсудимый клянется искупить свое преступление кровью. Через час после суда (!!!) штрафники идут в атаку на высоту, тоже, возможно, Безымянную, как и сами они – те кто погиб, остались безымянными.

Наш капитан был не только героем, но и воистину бесшабашным русским. Он закричал Ура и побежал в атаку. Рота залегла на подступах к высоте. Капитан ворвался на позицию врага.

Финская девица, оказывается, выживая у него секретные сведения, еще и учила в перерывах финским неприличным словам (если не занималась она как раз только этим). Добавив к ним для усиления русские, еще более неприличные, капитан закричал: Вы окружены! так вашу так и пере-так... Спасайтесь налево, пока туда еще не подошли наши части!

Финны пожали плечами и на всякий случай послушались. Капитан снял белую потную нательную рубашку и нацепил ее на штык, тут подошли и товарищи.

Поразительно то, что вечером этого же дня, по ходатайству командира дивизии, за взятие стратегически важной высоты (генерал умолчал о том, что высота была взята в одиночку) капитан вернулся к командованию своим батальоном!

Верите ли вы после этого в Бога или, по крайней мере, в чудо!?

4

Капитан I ранга И. Г. Уваров, написавший несколько книг о воинском пути Бригады, живет в Москве. Наезжая в Подольск, в Военный архив, я непременно заезжал к Игорю Григорьевичу, получал от него устные и письменные напутствия – он руководил моими архивными разысканиями. Иногда я выполнял и его просьбы, находил и ксерокопировал документы, нужные ему в работе.

Однажды я приехал из Подольска расстроенный, поспорил с кем-то из чиновников, вспыллил, жизнь подернулась серым пологом.

Войдя в прихожую, я сразу же, еще не раздеваясь, стал изливать ему душу.

– Погоди-погоди, я сейчас! – воскликнул Игорь Григорьевич.

Через минуту он вернулся с бутылкой коньяку и двумя рюмками.

– Выпей пока, потом сядем за стол, закусим.

Я выпил и продолжил рассказ.

Он налил вторую рюмку.

После третьей я махнул рукой: Ладно, идемте за стол.

– Эх, юноша (это я-то?!). В жизни много всего, а особенно неприятностей. Но по большей части неприятности эти мы преувеличиваем. А ты вздохни глубже, задержи дыхание, выдохни и скажи себе: «На войне все равно хуже!» И сразу увидишь, что уже одно то, что ты жив и имеешь возможность делать многое важное и нужное, перевешивает все неприятности вместе взятые.

В другой раз, когда я уже побывал на Безымянной высоте, нашел, предположительно, могилу отца, поставил на ней крест, и мы моего отца поминали, Игорь Григорьевич сказал.

– Твой отец служил во втором батальоне, а я в третьем, и сначала наш батальон занимал эту высоту. Потом в планах командования что-то поменялось, нас срочно перебросили южнее, а твоего отца с минометчиками прислали на наше место, и 17-го июля мы встретились, мы начали отходить, а он занял позиции. На следующий день я узнал, что он, вероятно, погиб, хотя еще оставалась отчаянная надежда, что он тяжело ранен и лежит в воронке от снаряда. Девятнадцатого наши части снова взяли высоту и тогда мы окончательно удостоверились в его смерти.

Прошло с тех пор 66 лет, а я постоянно говорю себе, что *я живу вместо него*. Мы с твоим отцом были мало знакомы, я даже не знал, что у него есть сын. И никогда не думал, что ты ко мне когда-нибудь приедешь. Если бы у меня меньше болели ноги, я пошел бы туда вместе с тобой, я вижу эту высоту так, как будто на ней стою, я на нее могу прийти с закрытыми глазами.

На карте Суоярвского района указана шоссе́нная дорога между Суоярви и Лоймоллой, которую занимали финны, а в окрестности пос. Лоймола, в 11 км. от него, и находилась эта проклятая высота, окруженная озерами и болотами, среди них и полуболотистое озеро Кагра-Лампи, указываемое в похоронках тех, кто погиб на Безымянной высоте.

И в довершение этой главы – удивительное сообщение, которое я только что нашел в Интернете.

Книга памяти Подымахинского сельского поселения Иркутской области.

Антипин Александр Иннокентьевич, 1914, Подымахино, ефрейтор, 69 морская стрелковая бригада, убит 18.07.44, КФССР, 1.2 км от озера **Кагра-Лампи** на западном берегу братская могила...

Глава четвертая. КТО ВИНОВАТ?

В поисках могилы отца хотя и ищу я себя, как об этом уже говорил, но это еще не все, да и не главное. Все мы себя ищем, но то, что найдено, не повод для гордости, и надо нам искать себя заново. Но нет, не только себя я ищу, как и спасти пытаюсь, вопреки христианскому завету, не свою собственную душу или тело, как и отец мой в своем последнем бою спасал не себя, а во-первых, своих близких, товарищей и родных, в том числе меня, а во вторых, наш народ и страну.

Не заботясь о своем спасении, передает он мне свой завет, а спасай то, что я еще не успел спасти.

Вот поэтому мне совершенно ясно, что в поисках могилы отца, как и в поисках гроба Господня, что-то более важное, чем я сам, и ищу я свою страну, которую потерял, и мой народ, и странно это или нет для слишком правоверных христиан, но мне мой народ важнее моей души, как и моему отцу был важнее. Наверное, я иду в свою последнюю атаку – не важно, во плоти ли она или только в духе – и это, конечно, не атака во имя собственного спасения, ибо живу я как и прежде, себя не спасая, беспутной жизнью, и пью, хотя и мало, сколько позволяет сердце, и в баню с товарищами хожу и веду там беспутные разговоры, и за девицами волочусь не только по-прежнему, но даже и пуще, и ни сколько о сем не скорблю и не каюсь.

Я ищу мой народ и мою страну, и то и другое у меня отняли, все же нас победили, несмотря на неисчислимые жертвы, и я остался нищим, несмотря на богатейшую родину, мою Сибирь, среди чужих, ищу я мой народ в отчаянии, уже не надеясь его найти, а тот, что меня окружает, я уже почти возненавидел – но как мне жить с ненавистью?

Это для меня не праздные поиски, не любопытство ума, любознательности, развлечения, а словно необходимость найти кусок хлеба для умирающего от голода.

Есть, есть, конечно, иной народ, нежели тот, что довел меня до отчаянья, это сорок миллионов погибших в войну вместе с отцом, в боях, от голода, от холода, от болезней, и те из их детей, кто успел родиться и еще не умер.

Возможно, в ярость меня привели жители двух столичных городов, отделенные от России больше чем колючей проволокой, чем уровнем жизни и притязаний. Не знаю, к какому народу они относятся, но по большей части не к моему. Они – городское население, до уровня народа им не хватает сверхличной идеи или сверхличного чувства. Худшие из них обогащаются и отправляют детей за границу, лучшие просто живут для себя, заботясь о теле или душе, и до остальной России им нет дела или просто некогда.

Скорее всего, некоторые из них закричат: Да как ты смеешь нас судить, да кто тебе позволил поднимать руку и глотку или хотя бы пишущее перо на народ или хоть часть его?!

Но да наши деды даже стреляли друг в друга, не спрашивая позволения, и миллионы перебили, в том числе девиц и малолетних детей, а сегодня их потомки праздник придумали – день примирения – всех, и правых, и виноватых. (Якобы, виноватых не было. Так может и немцы ни в чем не виноваты, и мы и они – одно?)

Одного из вождей обличили, а с другим уже почти сто лет никак не могут разобраться, дескать, у него были заслуги, он Войну выиграл – покрыл все поля сражений телами наших отцов, по десять на каждого немца.

Если это заслуга, то что же тогда преступление?

А, впрочем, он (с приспешниками) свою войну, возможно, и вправду выиграл, но он победил не Германию, он победил Россию, истребив самую достойную часть русского народа. Не скажу, что не осталось совсем достойных, но одни из них гнили в лагерях (как Вавилов и Королев), другие молчали в бессилии, третьи еще подрастали.

И пора, наконец, определиться, с кем мы, те, кто хочет жить в стране достойных людей.

С ментами, которые убивают подозреваемых или прохожих? С судьями, которые за деньги сажают невинных? С следователями, выбивающими показания с тех, на кого покажут?

Почему городской интеллигент, живущий подчас хуже разносчика, доволен своей жизнью, своей властью, тем унижительным строем жизни, строем бесправия, в котором он марширует?

Потому что он, мечтающий о презренном, о сытой и довольной жизни, самой кожей культуры, которая на нем выросла, еще ощущает высокие духовные ценности, они его поднимают ввысь, и пока они не до конца погибли, он чувствует себя счастливым и примиряется с властью.

Он получил прекрасное образование (нас учили образованные и талантливые учителя) – но наши внуки получают только знание арифметики, как янки, он слушал оперы в Мариинке, наслаждался игрой Рихтера, читал древние книги в древних столичных университетах, плакал в театре над Лиром и Гамлетом – и поэтому, завидуя временщикам и их любовницам, он все же этой, выросшей на него кожей культуры чувствовал, что его жизнь состоялась. Он стал личностью, хотя бы наполовину. Он выделался в homo cultures, хотя бы частично.

А что ощущают мои деревенские соседи?

Миша, Юлин брат, пропил сторубливку, которую я ему дал за починку забора, еще его не чиня – потому что у него нет ежедневной нормальной работы, и ее нет ни для кого в деревне, а пашни и луга запаршивели не по его вине, а по вине правительства, которым доволен столичный интеллигент (пока и его университет или школу или палату мер и весов не закроют – но да на мой век хватит, думает он, а о внуках он думать уже разучился)

Юля стоит у жерла огнедышащей печи в городской пекарне, и швыряет туда тяжеленные противни с хлебом – тридцатилетняя, еще почти девушка – первого ее мужа убили в пьяной драке; второго убили тоже (да и не она ли сама швыряла в него утюгом, потому что он хлестал ее ремненным бичом, и рубцы до сих пор на коже?); третий сгорел вместе с домом, в котором она надеялась жить, там же сгорел и ее будущий муж. Больше в деревне мужей не осталось.

Не буду искать для нее оправданий, детей своих она тоже швыряла как противни в детский приют, но праведные городские женщины детей уже совсем не рожают – чего стоит их праведность?

Ни у кого за пределами двух столиц не состоялась жизнь, никто не чувствует себя на месте в этой завоеванной стране, но или уж привычка к рабской жизни так въелась, что унижения мы почти не чувствуем, или ... мне этого не понять...

Я с теми, кто был убит. Мне нет места среди самодовольных живых (не помнящих, что и они участвуют в обдирании остальной России).

Подходя к метро, я слышу призывный голос наперсточников. Почему они голосят не таясь? Почему их не ловят менты? Потому что это их общий доход с ворами, а во главе воровской пирамиды их начальники. Мы не мешаем вам обманывать лохов, вы не мешайте нам обдирать государство в целом.

Так в чем я могу упрекнуть Юлю, стоящую у жерла печи? В том, что она не различает Жириновского и Немцова? Но когда ей было изучать повадки царей, когда читать Макиавелли и Борджиа, даже читать Капитал? Она голосует за того, кого ей указывает телевизор, а в нем муркают те, коих я никогда не отнесу к моему народу, хотя бы и учился с ними в одном классе.

Юлю я прощаю, их – нет.

Поэтому, разделив народ на две части, выделив в нем меньшую часть имеющих чувство собственного достоинства, я наделяю ее титулом моего *народа*. Вот его-то я и ищу, пытаюсь вернуться к корням и стокам. И хотя страна уже не принадлежит моему народу, но ведь и в четырнадцатом веке она нам не принадлежала! И все же тогда не закончилась наша история.

Оглядываясь на свою жизнь, не нахожу в ней ничего существенно плохого. В молодости пару раз меня били. Потом напали грабители, но денег у меня всегда было мало. В семидесятом посадили чекисты, в нулевых – они же – но испытания были по силам... И мои стенания и вопли, мои проклятия в адрес угнетателей и воров, взяточников и растрлителей не от того, что мне плохо – мне не так уж и плохо.

Но взглянул я окрест себя, и душа моя страданиями человеческими уязвлена стал! – вот что повторяю я вслед за Радищевым, и что следует повторить за ним каждому, в ком жива душа.

Страна моя тонет, народ мелеет, как река в засуху – вот отчего моя душа болит.

И даже ярость моя не столько против преступной власти, сколько против черни, которая ее покрывает и поддерживает. И, значит, это именно чернь вместе с правительством уничтожает достойных. Большой народ стремится стать единственным народом в России, а страну превратить в ровную низменность.

Георгий Сатаров в Новой Газете пишет о том, что главная причина ненависти к нынешнему режиму – поправное чувство собственного достоинства.

Но у кого это чувство поправно? Разумеется, только у тех, у кого оно есть, и кто способен чувствовать свободу, духовное насилие, несправедливость.

Образование в России деградирует – но разве это важно тем, кто и никогда не был образован? Ворует власть? Так разве это давит на тех, кто и сам не прочь бы украсть?!

Сносятся памятники истории и культуры – но разве это *колышет* тех, у кого нет ни памяти, ни культуры?

Коверкается великий язык – что до этого тем, кто его не знает, кому достаточно для выражения своих мыслей двух десятков «посконных» слов?

Помпезные памятники в центре городов не заслоняют от меня горькую правду – миллионы павших еще не погребены, их могилы не найдены, дети или внуки еще не спохватились, правда о войне еще во многом оболгана, не отделены достойные полководцы от недостойных, невинные от виновных. Даже военные архивы открыты еще меньше чем наполовину – от кого мы таим правду о войне через семьдесят лет после ее начала?

Боимся говорить о многих страницах, о многих главах нашей истории, не пригвоздим к позорному столбу тех, кто виноват, что

ПОЛСТРАНЫ было отдано немцам всего за три недели не то боев, не то бегства. Сквозь зубы вернули честное имя тем, кто оказался в плену. Кто оказался в оккупации. Кто был угнан в Германию. А уж на тех, кто в оккупации просто работал, чтобы семья не умерла с голоду, косимся мы до сих пор.

В ноябре сорок первого сибирские батальоны (и морская пехота в том числе), разгружаясь из вагонов, пошли сразу же, в ночь, в свой первый бой, форсировали Свирь, были выбиты, вновь пошли в наступление, и в конце концов, в начале декабря сорок первого года, взяли Тихвин.

«В боях за Тихвин были разгромлены 12-я танковая, 18-я мотострелковая и 61-я пехотная дивизии противника. Немцы оставили после операции более 7000 трупов. Остатки этих дивизий, переодевшись в крестьянское платье и бросив вооружение, разбежались в леса в сторону Будогощи». (*"Правда", 10 декабря, 1941 г.*)

Это была первая победа в войне, еще до победы под Москвой, которую также одержали сибиряки. В чем причина? В том, что они сохраняли в себе чувство собственного достоинства, каток террора не сумел их принизить. Побеждают не сильные, побеждают свободные! И это нам нужно сегодня вспомнить, боясь силы правительства. Почему же

война не переломилась после ноября и декабря сорок первого? Слово какая-то сила планировала стратегию войны так, чтобы однажды разгромленный враг откатил после этого нас до Волги – да не ставилась ли задача уничтожения моего народа? И не была ли она выполнена?

Одно меня утешает. И сегодня есть достойные люди, и их множество – даже в столицах (и я о них еще напишу). И хотя нас вновь откатали до Волги, мы победим – но только если мы будем сражаться за достоинство и свободу!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

22 января 2012 года, воскресенье.

Что я хочу понять, размышляя о смерти своего отца? Я хочу понять, что он думал в этот последний день на Безымянной высоте как вывод из своей жизни, как оправдание своей смерти.

Возможно, он еще надеялся остаться в живых, но вероятнее, все же, что уже не надеялся.

Я чувствую и уверен, что знаю, о чем он думал и что решил.

Он понимал, что жертвует своей жизнью для своих товарищей – их спасения, для родных – моей матери, меня (о рождении которого он знал), для спасения России.

Точно понимаю и чувствую, что он не думал о Боге и о спасении своей души (хотя мать его и была религиозна). Не то чтобы он был богорец и атеист (хотя и вступил незадолго в партию, но его произвели в офицеры, и вступление в партию было необходимо) – но на войне (кроме, возможно, Крестовых походов) человек сражается не за Гроб Господень, а за свой народ и своих близких.

И размышляя далее, я понял, что все наши поиски смысла жизни упираются в некое понятие Ценностей и иерархии этих ценностей в нашей жизни – за что можно и чем можно пожертвовать – временем, удобствами, свободой, жизнью.

На первом месте в этом перечне, конечно, любовь к женщине и к детям, то есть к тому, чего почти совсем нет в христианстве, отсутствие чего является для христианина вершиной стремлений, и что принимается только как уступка слабости человеческой.

На втором – Родина, неотделимая от соединения мужчины и женщины, потому что народ и родину надо нарожать, не нарожав (в результате если не возвышенной любви, то в результате во всяком случае страсти, притяжения, влечения, жажды).

Любовь к женщине и к детям является и завазской культуры, доводы приводить в доказательство, думаю, излишне.

Почти пятьдесят лет своей жизни я надеялся написать роман «Отбеливание льна», как своего рода символ цели человеческой жизни; я спрашивал: что должен человек достигать, приобретать, совершить с самим собою? Он должен изменить себя к лучшему, стать образованным, культурным, и ПРЕЖДЕ всего стать ЛУЧШЕ в нравственном отношении, СТАТЬ ЧЕЛОВЕКОМ, отбелить свою душу. Символом этого отбеливания души и являлось *отбеливание льна*.

Но теперь я чувствую, что не собственная душа является важнейшей целью моей жизни, а, как и на войне – спасение культуры и спасение России. Они друг без друга не существуют, потому что моя культура – это не американские песенки, а русские песни, русская литература, история, память, многое из быта и бытия, из всего того, в чем я родился и живу, природа и люди.

Вот, например, я страдаю от разрушения архитектуры Петербурга – но хочу ее защитить не только как часть близкой мне культуры, но и как часть России, ибо Россия – это не абстракция, а высшее из всего того, что БЫЛО и ЕСТЬ. Вот так же и ЯЗЫК – он и в культуре и в России, он ее душа, а все то, что на этом языке создано – часть ее тела. И от искажения русского языка я страдаю. А значит защитить и СПАСТИ я прежде всего хочу не свою душу, а культуру и Россию.

Если бы я о своей душе пекся, то, возможно, замаливал бы в храме грехи – и что с девушками обнимался, и водку пил, и ... других грехов,

правда, не могу найти... ну, иногда закусьваю чрезмерно, грибочки или огурчики меня прельщают.

Почему мне не так противна коммунистическая власть (после-сталинского периода), как современная? Да потому что, как сказал вчера один из моих оппонентов в споре (не во всем мы разошлись), теперешние – это ворьё, а те были по крайней мере не воры (как правило). Сегодня всякий правитель – прежде всего вор, беззащитный, открытый, растлевающий и бояр, понуждающий их воровать, и народ.

И вот – мой взвод отходит под натиском врага, и я остаюсь прикрыть его отход, а вместо того бегу с поля боя – есть ли смысл в моих рассуждениях о смысле жизни, и не зачеркиваю ли я свою жизнь и всякий возможный ее смысл своей трусостью и предательством? Или я вижу тонущего в реке, и не пытаюсь ему помочь? Или голодному не протяну кусок хлеба а изнывающему от жажды глоток воды? Или я вижу, что некто обворовывает мой народ, близких моих, тащит из окон и дверей беззащитно и нагло, вывозит за рубеж богатства, унижает культуру – то есть отбирает ее у нас, унижает образование – то есть ворует у нас образование, у меня, моих детей, моих потомков – и это страшнее всего – и я ничего не делаю, чтобы мои внуки могли стать образованными, я не сопротивляюсь разрушению и деградации школы и университета – не издевательством ли будут звучать мои речи о поисках смысла жизни?

Если я не понимаю, что правящая банда – это банда жуликов и воров, как сказал один из честных, то хоть в слепоте моей я найду слабое оправдание на страшном суде! А если я ВИЖУ и ПОНИМАЮ, и НИЧЕГО не делаю – что должны думать обо мне мои дети? Или что я не лучше тех, или что я трус, то есть еще хуже!

Чтобы германцы нас не одолели 65 лет назад, мы пожертвовали третьей частью своего народа, сорок миллионов человек были убиты, и среди них мой отец, по десять на каждого германца! Пусть их души сегодня скажут, что они думают о нас, даже не сопротивляющихся ВОРАМ, одолевшим нашу страну?! А ведь воры хуже германцев, у тех была культура, а у этих сатанинская пустота в душах!!!

Почему же мы тогда сопротивлялись, а сегодня – нет?

На этот вопрос я не могу ответить.

Одно мне ясно, что никакие размышления о той войне неотделимы от размышлений о сегодняшней власти. Если сегодня – вывод и следствие, то из какой ПРИЧИНЫ?

Что является той заразой, той раковой опухолью, которая дала такие тлетворные метастазы?

И вы еще, «благонамеренные обыватели», надеетесь, что оно САМО РАССОСЕТСЯ?

Вы меня обвиняете в экстремизме, меня, призывающего сопротивляться врагу, который уже захватил Москву, а себя, покорных и коленапреклоненных, обеляющих нечистую силу, оправдываете?

Нет у вас воли к добру, нет у вас смысла жизни, кроме как желания спастись, убежав с поля боя!!!

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Я негодую, а потом говорю себе: успокойся, не все плохо, кроме недостойных есть достойные, и их больше, надо душой повернуться к ним, и видеть их и мысленным взором.

Летом прошлого года в Карелию я поехал вместе со своим товарищем Володей Т. Денег мало, для экономии мы выбрали дешевый маршрут – ходит от Питера раз в сутки поезд по узкоколейке, и в три часа ночи прибывает в Лоймолу.

Так мы и сделали, вылезли в кромешной тьме из вагона, походили туда-сюда, наконец увидели где-то вдалеке фонарь. Пошли на свет и дошли до станции. Она оказалась закрыта. Начали стучать. Вышла заспанная симпатичная женщина. Оказалось, что это товарная станция, а пассажирской вовсе нету, и хотя зал со скамейками в здании есть, но это зал не для пассажиров, а так...

И все же она смиростивилась, и нас впустила, надеюсь, сказала она, мы ее не убьем и не ограбим.

– Красивых женщин мы не грабим и не убиваем, – глупо пошутил я, но она простила мне шутку и принесла чайник и два одеяла.

Накануне я звонил местному следопыту, разыскивавшему павших на местах боев, с которым познакомился весной, и он обещал меня встретить, настало утро, но он не пришел.

В магазине мы приобрели все, что нужно для счастья, и я предложил товарищу отправиться на поиски Безымянной высоты без проводника; мне казалось, что я помню, куда меня водили.

Проходив шесть часов по солнцепеку, мы вернулись в поселок и стали расспрашивать о проводнике местных жителей, они нас, наконец, вывели на след, и попали мы к его соседу, от которого узнали, что проводник рано утром уехал обустривать лагерь с поисковой группой из Москвы.

Но унывать не хотелось, и так как вдоль поселка тянулось большое озеро, отправились мы вдоль берега, нашли красивое место и решили устроить шалаш.

И тут на холме над озером появился человек и замахал нам руками.

Это оказался наш проводник, приехавший из лагеря на своем вездеходе.

Вездеход же его был замечательным, на одну треть он состоял из армейского автомобиля, а две трети составляли части других машин, приваренные к армейской основе. При этом он имел свойства и автомобиля и танка одновременно, легко переезжал камни и валуны, а через обломки скал переваливался.

Я думал, что мы ехали по бездорожью, но оказалось, что это старая финская довоенная дорога, и хотя она с тех пор не поправлялась, автомобили, изготовленные народными русскими умельцами, носились по ним со скоростью ветра.

Ехали мы, однако, долго, побывали в лагере, проводник дал указания своему помощнику, которого оставлял в лагере, выгрузил продовольствие, погрузил что-то другое, и мы отправились в обратный путь. Что-то другое оказалось палаткой и спальными мешками, мы снова приехали к озеру, пить проводник не стал и уехал домой, наказав в девять ждать его на мосту через ручей, вытекавший из озера.

Был это мужчина лет сорока пяти, довольно угрюмый, жизнь его не баловала, он недавно только освобожден из тюрьмы, в которой просидел два года по нелепому обвинению в хранении оружия (при обыске у него нашли ржавый штык от винтовки образца девятнадцатого века).

2

Познакомился я с ним весной при необычных обстоятельствах.

Иван Тимофеевич, председатель местной администрации, пригласил его к себе, чтобы расспросить о карте окрестностей, им собственноручно составленной, на ней-то и была отмечена Безымянная высота и место расположения минометного взвода.

Через час он прибежал, запыхавшись, карту его я сфотографировал, он указал нам Безымянную высоту и председателю объяснил, как её найти. А потом извинился, что не может пойти с нами, и не может с нами разговаривать долго, так как именно сейчас он хоронит своего отца, и отлучился с похорон только на час, узнав, что я приехал из Питера.

Мы выразили ему соболезнования, а председатель извинился, что его потревожил.

Я думал, сказал он, что похороны были уже вчера.

Вчера сестра опоздала приехать, поэтому мы и отложили их на день.

Были у него другие трагические происшествия в жизни, и о них я рассказывать не буду.

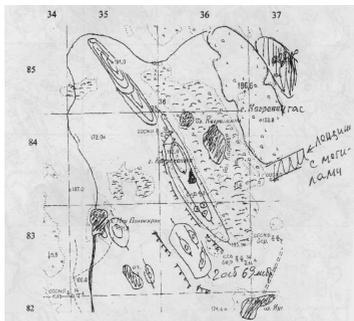
На меня он произвел впечатление человека очень доброго и бескорыстного, отзывчивого и простого в общении, сегодняшняя встреча меня в этом убедила еще больше.

Пили с Володей мы мало, до полуночи сидели на камне на озере, спали крепко, и в девять были на мосту.

Оказалось, что я по памяти бродил прямо в противоположной от Безымянной высоты стороне. На вездеходе мы проехали около восьми километров, познакомились с рыбаками, съели по жареному лещу, и еще три километра шли пешком уже по непроезжей тропе.

И вот, наконец, я на том самом месте, где погиб мой отец.

Раскопки здесь были двадцать лет назад, следов от них не осталось, да не было следов и от тех окопов и ямок для установки минометов, которые Петр Сергеевич, наш проводник, видел тогда, когда начинал еще свою поисковую деятельность со своим отцом.

Но он помнил их расположение и уверенно показал место, куда перезахоронили тогда всех павших, которых нашли.

В братскую могилу в поселке похоронили только тех, у кого были медальоны, и у кого, поэтому, можно было установить фамилию. У твоего отца медальона не было, и он похоронен здесь, на месте боя и гибели. Возможно, это даже правильнее, особенно если тебе удастся поставить на могиле хотя бы памятный знак. А возможно, и установить тех, с кем он погиб.

А возможно, когда-нибудь удастся поставить здесь памятник и погибшим гвардейцам, и погибшим штрафникам. Я понимаю, что двигала тобою мысль об отце, но подумай на досуге и о других...

Мы помянули павших, постояли, помолчали, и отправились в обратный путь.

3

Во всех событиях и размышлениях, связанных с поисками могилы отца (а окончились ли эти поиски или еще только начинаются, я определенно пока сказать не могу, что я вкладываю в эти поиски, я еще тоже до конца не понимаю) соединяются три плоскости действительности.

Во-первых, сами поиски места гибели или упокоения и все, что с ними связано – а это почти неисчерпаемо, и обстоятельства гибели, и воинская награда за подвиг, представление на которую я еще не нашел, и учеба в офицерской школе, и сослуживцы, и воинский путь бригады и батальона...

Во-вторых, то множество замечательных людей, с которыми я встретился и познакомился, и в Подольске, в военном архиве; и в Москве и Петербурге; и в Карелии: в Петрозаводске, в Пряже, в Суоярви и Лоймоле. Мне предстала Россия, разительно отличающаяся от России политиков и чиновников, и даже от России столичных интеллигентов. Провинциальные люди проще и чище, наивнее и непосредственнее.

И в-третьих, необходимость и жажда осмыслить Войну как трагедию и подвиг, как победу и поражение.

Можно ли ее по справедливости охарактеризовать одним словом?

Это несомненно **Подвиг** миллионов, большинство из которых безымянные, ибо мы никогда не узнаем обстоятельств их гибели, часто героической, и не всегда были свидетели того мужества, которое эти люди проявили. Они погибали во время атаки, часто сознавая, что бегут на верную смерть, и большинство было движимо долгом и чувством товарищества. Они погибали от холода и голода, от ран, в госпитале и на поле боя, при прорыве окружения и при отступлении – за эту смерть не давали ордена, но ведь их смертью была оплачена и жизнь тех, кому повезло прорваться из окружения или выжить при отступлении и не попасть в плен.

Они погибали и в плену, и там они тоже были героями, большинство из них не пошли на сотрудничество с немцами, чтобы

выжить, предпочли умереть, чем отречься от Родины, которая от них-то как раз и отреклась, и несколько десятилетий чернила память тех, кто побывал в плену.

Но как подумаешь о неисчислимых погибших, и слово подвиг застревает на языке. Умные римляне и победу своего Пирра не восхвалили, а назвали ее "пирровой победой", в назидание себе и другим. Как бы и грядущие поколения, всматриваясь в горы трупов и в реки крови, не сказали бы так же и о нас с горечью и сарказмом?

А миллионы жен, оставшихся без мужей? А миллионы детей, оставшихся без отцов? А родители и братья и сестры, потерявшие своих самых любимых?

А миллионы увечных и калек, медленно умиравших после войны в богадельнях или побираясь на улицах, на базарах и в поездах, да и те, кто умер просто от ран дома или в больнице?!

Нет, по справедливости эту войну вернее назвать словом народная русская *трагедия*.

Но только случилась она не сама по себе, не как наводнение или извержение вулкана, были у нее и авторы и режиссеры, и помимо главного режиссера были и бездарные полководцы, из грязи в князи, даже соревнующиеся с усатым злодеем в жестокости, а теперь гарцующие на белом коне около Кремля, были у нее неисчислимые помощники, подглядывающие хворост в костер.

А тогда уместнее сказать про *предательство*.

Только искать предателей надо преимущественно не с той стороны, а с этой, не среди тех, кто стрелял в нас (это враги), а среди тех, кто посылал не жалея на неоправданную бойню (это предатели).

И вот стою я среди пепелища русской жизни, песни русские уже не поют даже в деревне, даже русские по крови, русским называть себя большинству уже неохота, самые талантливые утекают за кордон то к обольстительным полячкам, то к богатым немкам (иронически я говорю), девки уже не дают и не рожают для нас а ищут себе женихов среди швабов, янков и угров, поля зарастают ивняком, леса вырублены, реки загажены... – погром и запустение!

И тогда последнее самое правильное слово уже я нахожу: *Поражение*.

Народ надорвался, жилы его лопнули, хребет сломался, только идиоты и предатели, не имеющие чувства истории и видения жизни, не любящие Россию, могут этого не чувствовать.

И все же празднуем мы День Победы, и я праздную, наши воины не виноваты, что генералами и маршалами были у них наследники большевизма, что старая русская гвардия была уничтожена сначала на полях сражений в первую германскую войну, затем в войну с большевиками, а остатки были изгнаны за пределы России. Народ остался без вождей, с проходимцами, потому и заплатил он за свою победу такую невероятную цену.

4

У меня такое чувство, что война против России и русского народа еще не окончилась, мы вымираем и убываем чуть ли не быстрее, чем в войну, и уменьшается вся русская жизнь. Расскажу в подтверждение этому и об Иване Тимофеевиче, председателе местной администрации.

Познакомился я с ним весной, в начале мая, когда уже ехал в Лоймолу прямо к Безымянной высоте, проездив многое, что к ней приближало.

Автобусом из Петрозаводска доехал я только до Суоярви (далее автобус не шел), повстречался с военкомом, тоже удивительным человеком, и стал узнавать, как мне ехать дальше.

– Машину у военкомата отобрали указом президента, для экономии народных средств, так что я теперь по району сам или пешком хожу, или на попутках. Но сегодня я здесь видел главу Лоймольской администрации, если он еще не уехал, обоих до Лоймолы и довезет.

Побегал я по городку, и нашел таки Ивана Тимофеевича, так что мы с военкомом с шиком доехали до поселка, потом еще Иван Тимофеевич возил меня туда-сюда по поселку, уставших неимоверно довез до гостиницы, а на следующий день отправились мы втроем искать Высоту.

Майор-военком Анвер Ахмедович, татарин, умилил меня чрезвычайно.

В магазине я купил кое-какой снеди (чтобы сэкономить на гостиничном буфете), внизу у администраторши взял чайник, и намеревался скромно отужинать – но он уговорил меня все же пойти в буфет, в котором, по его словам, были изумительные сосиски.

А получив сосиски, стали мы препираться, ибо, оказывается, он хотел меня угостить, и платил за сосиски сам, а было у него двое детей, и жена временно не работала, и военкомовская зарплата была даже меньше моей пенсии.

За год до того водил он по поселку нас с женой, и даже зашли мы с женой в православный храм, а он скромно сидел в ожидании на пенечке, хотя я уговаривал его, что в храм можно приходиться всякому, как и нам, христианам, можно в мечеть входить, но он остался верен своей вере.

Но да вернусь я к начальнику поселка, кое что из происшествий и рассказов его хочу здесь привести.

Едем по шоссе, навстречу грузовик с досками, доски в грузовике поперек, обнимая собою всю дорогу, так что пешего убьют, а конного изуродуют.

Начальник съехал в канаву, повернулся и погнался за прохвостом-водителем, обогнал и встал посереде дороги, тот пытался еще объехать, но чуть не перевернулся на обочине.

Выскочил разъяренный с железным прутом, а начальник безоружный, но тут мы выскочили с майором, майор в форме, рвёт из-за пояса воображаемый пистолет, кричит: Сейчас я тебя расстреляю, у нас тут военный трибунал.

Струхнул водитель, заставили мы его доски прямо у дороги выгрузить, и фиктивный Акт составили, на половинке листа.

– Да это ведь для устрашения только, власти у меня никакой, я уж в милицию обращался не раз, а что об стену горох. Они только частных штрафуют, а местных пьяниц даже не останавливают, нечего с них взять.

Рассказал он потом про свое житье-бытье.

– Был я директором школы, преподавал математику, все меня не только уважали, но даже любили, за это и поплатился. Уговорили избраться.

Ну, избрался.

Денег в казне ни копейки, улицы чинить не на что, дорогу тоже, ветеранам, которых у нас восемь человек осталось, нечего к празднику Победы подарить, купил за свои водки и конфет.

И приглашают меня в столицу, все республиканское начальство собралось, на столах икра и семга, я сижу, кусок в горло не лезет, подсчитываю стоимость выпивки и закуски. Ну, минимум по три тыщи, на сто пятьдесят человек полмиллиона. И я взял слово, якобы для тоста, и говорю: Просил у вас помощи поселку, всего-то на двести тысяч рублей, граждане наши налог государству платят, а местной власти от них ни копейки, вот тут мы и пропиваем-проедаем этот налог, на два с половиной поселка хватило бы!

Вчера прокурор приехал, сидит у меня в правлении, проверкой занимается, велено тебя посадить, говорит, сроку дано три месяца!

5

21 марта 2012 года, среда. В субботу было представление Альманаха, в котором печатаются мои Записки. Я выступал перед публикой, авторами воспоминаний и очерков.

Не пора ли уже закончить Войну, меня спрашивают.

Да мы-то уж не воюем, это мы поминаем павших, пока еще ветераны живы, и живы дети погибших солдат.

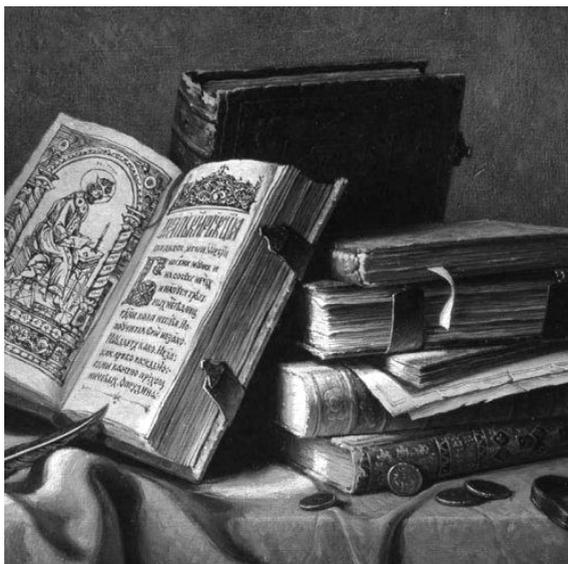
И пока мы, дети погибших солдат, живы, до тех пор поминать будут и другие, вспоминать не только о победе, но и о ЦЕНЕ ее неимоверной.

А война нам предстоит уже другая. Хватит воевать в одной европейской семье детям эллинской культуры, как некогда воевали между собою эллинские города. Ныне у нас у всех один враг – *Закат Европы*. Не между собою делиться надо, а осознать духовное единство, и защитить европейские ценности, которые и мне не меньше дороги, чем немцу или французу. И Вагнер и Бетховен, и Гюго и Бальзак, и Собор Парижской Богоматери, и Московский Кремль – одинаковые святыни для каждого европейца. Немцам вон земли не хватало, теперь уже не хватает народу даже на эту землю, ввозят из Турции.

Дело не в том, что турки и арабы якобы хуже – нет, но наши могилы им никогда не будут дороги, пусть у себя они заботятся о своих. Война за свое национальное существование, и немцев, и русских, и французов – вот что нам предстоит вместе – но это война преимущественно в духе, а не во плоти!

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Язык и народ

Язык есть средство понимать самого себя. Понимать себя можно в разной мере; чего я в себе не замечаю, то для меня не существует и, конечно, не будет мною выражено в слове. Поэтому никто не имеет права влагать в язык народа того, чего сам этот народ в своем языке не находит.

.. "История и история языка находятся в обратном отношении".

«Мир является нам лишь как ход изменений, происходящий в нас самих»

А. А. Потебня

ПУТЬ ДОМОЙ!

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

Проснувшись на исходе ночи, я вдруг ясно почувствовал содержание всех тех не до конца определенных настроений, представлений и размышлений, которые были связаны в последнее время с предпринимаемым изданием литературного альманаха.

Я силился понять цель, направление и оправдание своего собственного и нашего общего (группы литераторов) предприятия – в чем его главное отличие от моря других литературных затей, что оправдывает предпринимаемые усилия по изданию наших сочинений, к чтению которых сегодня мало кто расположен или что объясняет маниакальную необходимость этих усилий, даже если и не оправдывает.

Я сказал: "ясно почувствовал", хотя, кажется, полагалось бы сказать "ясно помыслил", потому что и действительно в связную последовательность законченных мыслей я пытаюсь превратить то смутное, что пригрезилось ранним утром, только теперь, – а тогда это было нечто иное, хотя и не совсем чувство, но и не совсем мысль. (Да и вообще я думаю, что мысль становится законченной только в форме речи или сообщения, в диалоге, а сам с собою человек мыслит отлично от этой правильной формы, и именно соединяет с мыслью представления и чувства, дополняет ими мысль или даже частично ее заменяет.)

Итак, я уяснил для себя, наконец, зачем продолжаю писать свои записки, зачем затеял издание альманаха и вовлекаю в него своих товарищей – это утоление некоторой потребности, подобной голоду или жажде. Это – «госка по Родине» – не только не «преодоленная морока», но только теперь ставшая из фона жизни самим существом ее. Я ясно и отчетливо почувствовал, что мне наскучила чужбина, что меня неудержимо тянет домой, что меня тянет некая сила вроде той, которая заставляет осетра продираться по камням горной речушки, обдирая бока, плыть изо всех сил против течения во имя жизни.

А мне, кажется, неудержимо захотелось вернуться домой, в Россию, чтобы здесь, на опушке леса у старой березы, пригретой солнцем, наконец успокоиться ото всех тревожностей жизни. Я хочу умереть на Родине. Не то чтобы смерть меня ожидала на днях, кто ее знает, сколько еще до нее – но и долго ли брести до России, я не знаю, может быть, еще и дольше.

Я еще спал, и что-то словно толкнуло меня в бок, и я услышал: Пора! Вставай и возвращайся на Родину, спеши, чтобы успеть вернуться, прежде чем тебя или ее настигнет смерть.

Вот это я почувствовал, а все остальные слова – словно расшифровка, объяснение всеобъемлющего главного чувства.

Но не говорю ли я всё это иносказательно? – если живу я не во Франции, а в Петербурге – она-то не Россия ли? – спросит меня читатель, и я вынужден перед ним оправдаться.

Дело в том, что если человек – соединение, синтез плоти и духа, то этак же – и всё в нашем мире, и нет отдельно "вещи в себе" и "вещи для нас", они существуют только в единстве. Поэтому и бокал с шампанским никогда бы не узнал, что он содержит шампанское, налитое в бокал, если бы не человек, поэтому и пространства, "самого по себе", неотделимого от нас, нет.

Нет также, *самих по себе*, России или Франции, поэтому и Петербург и Россия существуют двойко – в определенных географических координатах, на некоторой части земной поверхности, и в определенном духовном пространстве. Доказательством этому является сама жизнь.

Так, например, матушка Екатерина и Потемкин-Таврический, проезжая в Таврию через Малороссию (где, якобы, Потемкин и строил по ходу поездки императрицы свои знаменитые впоследствии "потемкинские деревни"), были уверены, что едут по землям Российской империи, а не, скажем, турецкой – но уверен ли теперь в этом мой читатель? Да и я не уверен в том, что по-прежнему живу в России, а не на оккупированной территории – когда включаю телевизор, выхожу на улицу, прислушиваюсь к разговорам или читаю газеты. Можно оказаться чужим и в собственном доме, когда домочадцы его разбрелись надолго, и пронизывает его нежилой дух, или даже дух плесени, затхлости, мертвечины... или, хуже того, хозяйничают в нем разбойники.

Живу ли я в России, и если не я, то кто в ней живет?

Сначала я подумал следующее. Место жительства человека значимо лишь тогда, когда оно само по себе является существенной частью жизни, как друзья и родные, когда человек привязан к ним так же, как его сердце привязано к телу аортой и венами, и при их разрыве умирает.

Есть ли Родина у человека (хотя бы в детстве) помимо так называемой "малой родины" – Арбата или одного только Арбатского двора, как у Гроссмана и Окуджавы, глухой деревушки Корневище, как у меня, Годутишек у Казимира? И вдруг вспомнил я слова семилетней Ники в день Победы в ответ на раздражение ее отца из-за Российских порядков и российских дорог: "Да, страна у нас дурная, но мы все равно победили!" Не глаголет ли истина устами младенца? И разве у меня в семь лет не было уже Пушкина, русских сказок, былин, убитого на войне отца, усатого вождя за Кремлевской стеной, которому говорил я спасибо за "счастливое детство?" Да, Родина, хотя и смутно, есть уже и в детстве, и у меня в детстве была Россия в Родной Речи, в сусальной истории, в которой, все-таки, были варяги и греки, скифы и веныды и вещей Олег; были у меня русские песни, Рождество с колядами и Троица с зелеными березками под окном (кстати, читаю сейчас "Жизнь – сапожок не

парный" Тамары Петкевич, и поражаюсь, как общи все идеологии в борьбе с жизнью: церковь воевала против коляд и березок, а коммунисты запрещали новогоднюю елку). Родина есть в детстве, и становится смутной в отрочестве и юности, если только не "требует священной жертвы" грозный и жестокий бог Марс. (И вот что, кстати, тоже странно: войны затевают как правило люди более старшего возраста, а на алтарь отечества головы приходится складывать самой зеленой молодежи).

Да, сегодня мой дом опустел от своих домочадцев – и добро бы это только молодежь забыла о доме, опьяненная самым хмельным вином на свете: обликом Беатриче, Джульетт, Манон – нет, все ушли *пить пепси* (которое *избрало* их поколение даже вместо Манон и Кармен) или пить пиво, или прильнули к экрану телевизора, позабыв обо всем на свете... или "спешат жить" для себя – то есть потусоваться, посидеть в забегаловке, "оттопыриться", "оттянуться", выпить и закусить.

Жена на работе, дети на тусовке, а в бывшем моем доме хозяйничают домушники. "*Линяй, батя!*" – говорят они мне. – *Тебе здесь не катит!*"

Да, это уже не мой дом, понимаю я. По телевизору передают новости из Чечни, "Поспешный" реформирует русский язык, чиновники делят нефть и Байкал, дворцы Великих князей и Сенатскую площадь, а "властители душ" устали уже мне объяснять, что понятие Родины и народа не только устарело, но и оскорбляет чувства неверующих, у которых нет ни того, ни другого.

Я с ними не хочу спорить. Возможно, они даже правы. Вероятно, и чужая красота оскорбляет дурнушку. Да и не может быть Родина у всех. Она есть у крестьянина, потому что он чувствует пульс земли как шевеление новой жизни в животе у жены; Родина есть у пророков и поэтов; она была у солдат Великой Отечественной; Родина прорастает для тех, кто собирается уже умереть, как я и мои друзья-писатели (ибо мы уже пережили рубеж, до которого доживают в России, и даже правительство имеет право потребовать, чтобы мы готовились к смерти), и кого не устраивает перспектива быть развезанным в горсти праха над окиян-морем, в ничейном пространстве.

Не оскорбляя чьи-то чувства, я заявляю, что хочу умереть на русской земле. И эти мои чувства понятны всем моим знакомым, независимо от пола и вероисповедания. Знакомый ингерманландец, малой родиной которого является бывшая Ижорская Земля, хочет быть похороненным рядом с дедом и прадедом, но не настаивает на отторжении Ижор от России; мой старый товарищ С. С. похоронен на Смоленском православном кладбище, и это по его поводу я однажды воскликнул, что "лучший русский – это немец"; отец мой похоронен в братской могиле на бывшей финской земле, но финны чтят память предков, и я могу надеяться, что даже при "повороте рек" они не начнут интернировать "оккупантов", как потомки латышских стрелков.

Преданный мой друг Казимир был поляком и похоронен на стародавней немецкой земле; но и его великий соплеменник Мицкевич похоронен не в Польше, а на Литовской земле, и наш общий кумир

Шалапин, изгнанный из России, похоронен во Франции – однако, и немцы, и литовцы, и французы, не толкая вкривь и вкось слова Христа, что пусть мертвые сами хоронят своих мертвецов, почитают отеческие гроба не только свои – сравните их кладбища с нашими Российскими, по которым прокатились погромы новых варваров, насаждающих "отечество без границ" и "границы без отечества". Ксенофобия, которой страшат доверчивых граждан наши СМИ (средства дезинформации), имеет ярко выраженную антирусскую направленность. Усиленно насаждается представление о русских как о тупых, злобных, агрессивных, нетерпимых к инакомыслию, демократии, другому цвету кожи и свободной сексуальной ориентации. Проявлениями шовинизма объявляются выражения: русский язык, русская литература; графа в паспорте о национальной принадлежности (пресловутый пятый пункт); понятия национализм, патриотизм и православие; скрытая пропаганда национальной исключительности усматривается во многих произведениях так называемой "классической русской литературы", ущемляет права свободомыслящих даже название государства – Россия. И так далее. Моя знакомая татарка хотела бы жить на татарской земле, свободной от русского гнета, правда, Москву она тоже считает татарской землей. К счастью, татары, проживающие в Петербурге, придерживаются более умеренных взглядов, и даже готовы считать себя русскими, если в основании национальности лежит родной язык. Я готов с ними согласиться. Более того, для меня русский всякий, кто любит Россию, для кого она Родина (или даже кто ее ненавидит, но с плачем и горестью, то есть *любит* – не так ли мы любим иногда женщин, что подчас готовы их задушить как Отелло, или зарезать как Рогожин – но разве от этого мы их меньше любим? Я вот Россию тоже часто готов пришибить, и столько высказал по отношению к ней яростных обличений, что любой космополит позавидует, но...)

Да, мы, русские, не совсем таковы, как в воспаленном ненавистью воображении иных демократов, и для нас и Гоголь – русский писатель, и Владимир Даль; и Зинаида Лансере – русская художница, и Бенуа, и Левитан; а Надсон, Пастернак, Мандельштам – русские поэты.

Но они и жили в России, и творчество их относилось к русской культуре, и родной язык их был русский. Но есть факты, которые ставят меня в тупик.

Так, в 19-ом веке крестьяне нескольких русских деревень объявили себя приверженцами иудаизма, начали почитать Ветхий Завет и говорить на иврите, древнееврейском языке, а в пору хрущевской оттепели часть их попросилась на жительство в государство Израиль. Советская власть, как ни странно, их отпустила. Но вот израильские власти согласились признать их за евреев с большим трудом, и даже заседал по сему поводу несколько раз израильский парламент. А высказывал ли английский парламент претензии к Дизраэли, присвоив ему титул пэра? Заседала ли Государственная Дума России по вопросу, является ли русским поэтом Фет или Пастернак? Или даже злобный руссконенавистник Багрицкий?

(Не говоря уж о том, что сонм красных маршалов, заливших кровью русскую землю, причислен демократами чуть ли не к лику *русских* святых).

Вообще понятие национальности в русском самосознании не было главенствующим (как и у других великих народов в 19-ом веке), его заменяли либо родной язык, и иноземец был *немцем* (и даже народы назывались *языками*. "Ты русский язык понимаешь?" – спрашивал в оные времена мент непокорного гражданина, и знание языка заменяло предъявление паспорта); либо православие (и поэтому Екатерина, крестившись, перестала быть немкой); либо даже только государственная служба (вот так и Барклай-де-Толли – русский генерал, и Маннергейм – русский офицер, и Крузенштерн и Колчак – русские адмиралы); либо даже только волеизъявление о подданстве русскому царю.

И государство и общество отличались от Европы исключительной веротерпимостью по отношению к инославным, даже лютый Иван Грозный не крестил татарских мусульман ни в Москве-реке, ни в Волге, а Екатерина на счет казны повелела строить мечети и медресе.

Не только не ущемлялись права нерусского населения, но оно пользовалось привилегиями сравнительно с коренными жителями России – в Финляндии были сейм и конституция, Прибалтика и Польша не знали крепостного права, а во времена людоеда налогообложение русских крестьян было неизмеримо суровее, чем у жителей советских окраин.

Но вернемся к языку. Равен ли язык национальности? Гумбольдт в изложении Поттебни говорит об этом так: «Так как языки неразрывно срослены с внутреннею природою человека и скорее самодеятельно вытекают из нее, чем произвольно создаются ею, то на таких же основаниях можно бы назвать духовную особенность народов действием языков (как и наоборот). ...характер народа и особенности его языка вместе и во взаимном согласии вытекают из неизследимой глубины духа».

Я готов принять язык за национальность. Однако, моей готовности противостоит то, что по-английски говорит несколько совершенно разных народов, кроме англичан: по-английски говорят австралийцы и жители Новой Зеландии, канадцы и ирландцы; по-английски говорит северо-американский Вавилон, в котором больше евреев, чем в Израиле, больше негров, чем в Африке – англичане ли они?

Но с другой стороны, о языке как о национальности говорит одна фантастическая история, о которой я услышал в словацком городе Бреклау. Там ночью на вокзале пил я пиво с чехом из Моравии, приехавшим из Австралии на бывшую родину, из которой он бежал после «Пражской весны» 68-го года. Он сносно говорил по-русски, и рассказал мне об однокласснице своей дочери, матерью которой была западная украинка из семьи бандеровца, а отец – чешский диссидент. И вот их дочь, воспитывавшаяся в ненависти к России, учащаяся в английской школе, знакомится с сочинениями Пушкина, Достоевского и Толстого в плохоньких переводах. После этого она самостоятельно изучает русский

язык и объявляет себя русской, несмотря на поношения и драки, которыми дети изгнанников встретили ее заявление. Я передал этой девочке сборник своих стихов, написав «Моей милой соотечественнице от русского поэта. Если Пушкин однажды воскликнул – «отечество нам Царское Село!», то не можем ли мы считать, что наше с тобой отечество – русская литература, и она и есть духовное пространство России, не менее важное, чем пространство телесное!?»

Есть и противоположные примеры, когда один народ разделен на «языки», и все же относит себя к одному народу – таковы те из поволжских немцев, кои «родной» свой язык начали изучать уже перед отъездом в Германию или поляки, не говорящие по-польски (и товарищ мой польский изучил уже в юности, а родным, на котором он во младенчестве начал говорить, был русский). Ну и, конечно же, евреи, говорящие чуть ли не на всех языках Европы и Азии и на собственных диалектах, однако не усомняющиеся, что они по-прежнему единый народ. Евреи в особенности приводят меня в смущение. Так, например, одна девица, за которой я ухаживал, и мать которой была природной русской, сама про себя тоже думала как о русской, хотя и изучала английский язык. И вдруг ни слова не говоря (ни по-русски, ни по-английски), отвергла мои ухаживания и укатила в США по израильской визе, где и начала ходить в синагогу в Нью-Йорке, городе одновременно и космополитическом и русско-еврейском, так как в большинстве там евреи из России, называющие себя русскими.

Воистину, национальность – это не блажь, а судьба, что бы ни говорили «люди лунного света» или света вселенского.

Да, вот, наконец, дошел я и до евреев, ибо озабоченность проблемами национальной идентификации (или дезинтеграции) выражена у них внятнее чем у прочих.

Национальность – опасный пережиток, человек, не забывший, что он русский – потенциальный фашист! – слышал от них я не раз, а зловонное телевидение проповедует эту идею особенно яростно.

Воистину, не последователи ли они апостола Павла, подумал я о таких евреях.

Но факты говорят о другом. Подруга моей покойной тещи уехала в Израиль в глубокой старости. «Хочу умереть на родине», сказала она.

Муж моей приятельницы уехал в Германию. «Хочу умереть на родине, – сказал он. (Его родителей изгнал из Германии Гитлер.) – Но Палестину я уже помню смутно (детство провел он в Териоках – Зеленогорске), а детские впечатления о фатерлянде в памяти моей живы».

Примеры всегда поразительнее обобщений. Две родные сестры крещены в католичество и православие, одна из них *стала* полячкой, другая осталась русской.

Что вера становится основанием национального чувства, определяет страну и народ и прорастает судьбой для потомков – примеров в русской истории неисчислимо, татарские и литовские князья отходили к Москве, крестились и полагали основание многим славным русским родам.

Кто же сегодня – рупор космополитизма? Какая сила стремится искоренить национальное чувство, заменить его принадлежностью к чему-то словно бы большему чем Родина – то к Интернационалу пролетариев всех стран, то к Союзу социалистических республик, то к прогрессивному человечеству?

Естественно было подумать, что это евреи.

Но... Мой друг Файнберг четыре года сидел в психушке в эпоху развитого интернационализма, но так и не отказался от исторической Родины; мой друг Дима Г...ейн из заведующего лабораторией скатился до лаборанта, но так и не отказался от Торы и Субботы; и, наконец, столетний Хаммер (мне не друг), почувствовав приближение смерти, захотел умереть на Родине, но, не успевая доехать до Палестины, пожертвовал Богу свою крайнюю плоть, чтобы хотя бы в духе оказаться там же, где были его предки. Нет, евреи, даже за две тысячи лет рассеяния не отрекшиеся от "родного пепелища" и Стены Плача, евреи, для которых и вера отцов и единоплеменная кровь имели всегда самое мистическое, самое судьбоносное значение, не могли обменять *национальное*, то есть свое "право первородства", свое "избранничество", свой Завет (договор) с Богом – на общечеловеческое, на чечевичную похлебку космополитического братства. Конечно, и среди евреев есть изгои и отщепенцы, среди них были и Савл, и Маркс, и Троцкий – но это не основное в них, преданностью своим, верностью роду они дадут нам тысячу очков форы.

Кто же тогда захватил мой дом, и в нем хозяйничает, навязывает нам пепси-колу вместо кваса, секс вместо любви, чечевичную похлебку вместо родины? И тут поневоле приходится согласиться с Шафаревичем, с его интерпретацией "малого народа" как сплава антинационального мусора, среди которого есть, конечно, и евреи, но все-таки преимущественно – так называемая русская демократическая интеллигенция. Именно русские пропагандировали миф о вековой отсталости России от прогрессивного Запада (когда еще никаких евреев и в помине не было), и именно русские наговорили о России столько горьких и обидных слов, столько ее обличали, что и не снилось всем инородцам. Здесь, среди обличителей, и Пушкин, и Лермонтов, и Чаадаев, и Михаил Бакунин, и даже я сам, первый русский националист. Но мы-то обличали от любви, а демократическая интеллигенция – от презрения и ненависти.

"Враги человеку – домашние его", сказал Христос. И главные враги России – не евреи, а собственные ненавистники национальных устоев, отвергнувшие аристократическую культуру и насадившие вместо нее культуру черни; враги России – даже и псевдопатриоты, от коммунистических патриотов (еще утром яростных интернационалистов) до патриотов православных, у которых родина там, где их храм.

Но не буду я пускаться в дразги и подсчитывать, сколько среди моих врагов из какого племени.

Еврей, вчера уехавший в США и там вдруг ставший русским, и вернувшийся в Россию, чтобы ей помочь – мой брат; покойный П-ов,

книгу которого "Собачьи хвосты" я редактировал, и который благословил меня, сходя в могилу (сигнальный экземпляр книги Rogozin принес ему в больницу за день до смерти) – мой брат; и он тоже был русским националистом, не в пример Ж--скому, продающему национальную демографию за "бабки" (поневоле вспомнишь "Гамбринус" Куприна).

Кто захватил Россию – мы знаем. У этой своры нет ни роду, ни племени, и даже вместо крови в их жилах течет жидкое золото.

Итак, я теперь окончательно понял, зачем затеяли мы альманах, семь русских писателей, случайно проживших дольше, чем отмерила нам антинародная власть. Мы не надеемся уже что-либо изменить в этом мире, не надеемся вернуть свою родину, мы только хотим на родине умереть. Но так как физические просторы России захватили чужие ("новые русские"), и они вырубают наши леса, выкачивают на запад нефть и газ, обобрали и растлили наш народ – то где же наша пядь русской земли, в которую нас зарюют? Она не матерьяльна. То наше русское, что у нас никому не отнять, не оболгать, не унижить – наш язык, наша история, наша культура, и наше собственное творчество. Альманах с его ничтожными осьмью экземплярами – это наша Россия, которая нетленна и принадлежит старым *подлинным* русским, в отличие от матерьяльных богатств, которые принадлежат новым "русским", и среди которых они зачахнут, как Кошей среди злата.

"Ребята! – говорю я. – Погодите умирать. Потерпите еще немного. Мы издадим несколько номеров альманаха и ваши избранные сочинения, хотя в количестве девятнадцати экземпляров. Но этого хватит для вечности.

Потом мы соберемся все вместе, и прежде чем умереть, воскликнем: Наконец-то мы у себя на Родине!"

Отсутствие национального самосознания – это то же, что душевная неразвитость, неполнота личности, как, например, отсутствие музыкального слуха и потребности в музыке. Однако, при этом можно быть преданным мужем и верным товарищем и не участвовать в немецких погромах.

Но даже и те, кто сознает себя французом или поляком, русским или украинцем, не замечают своей национальности, как не замечаем мы воздуха, которым дышим. Бессознательная *не-принадлежность* почти не отличается от слабосознаваемой *принадлежности*.

Значимо только то, что озабочивает человека – семья, работа, квартира, болезнь, пенсия, зарплата, страсть и любовь.

Часто бывают сексуально озабоченные подростки, вроде жаждущих или голодных. Он хочет есть или пить, а ему не дают. Подавление желания вызывает агрессию. Проглотив рюмку для храбрости, *озабоченные* начинают молотить друг друга – на танцуйках, в подворотне, в пивнушке. И вдруг случай, социальная среда, мода или чужая воля направляют его сексуальную агрессию в другое русло – так появляются футбольные фанаты, оголтелые поклонницы популярных певцов,

скинхеды. Скинхед – это футбольный фанат, которому не хватило денег или целеустремленности, чтобы доехать до стадиона.

Следовательно, русские мы или французы, нас это, как правило, "не колышет", пока нашу душу не стесняет беда. Национальная идентификация появляется или в чуждой среде – в эмиграции, в оккупации, за предательски проведенными границами, отрезавшими нас от Родины; или во время погрома, учиненного в нашем доме.

Космополитизм как убеждение проповедует необходимость национального безразличия, требует не замечать национальность, настаивает на том, чтобы в случае, если мы в грузинском обществе похвалим Шота Руставели, нас могли обвинить в сексуальном домогательстве (американцы здесь для всех нас пример – они не замечают расу, национальность, пол; если мужчина подает руку женщине, та подает на него в суд).

Нет, не могут правоверные евреи (вдали от Родины) поддерживать космополитические убеждения, они-то как раз помнят, что они евреи и этим гордятся.

Правда, иногда возникает необходимость сознать себя русским, независимо от инородческого происхождения – но космополитизм, как своего рода извращение шовинизма, настаивает на том, что не только грешно желать женщину, но чувствовать себя мужчиной – еще грешнее. Грех не только в ненависти к другим народам, но и в *любви к своему народу*, сознании и чувстве своей к нему принадлежности.

Подлинный космополит *не безразличен*, он не только *не принадлежит*, его ярость вызывает даже чужая *принадлежность*. Так иногда стареющая женщина начинает вымещать свое раздражение на юных. Меня уже не хотят, зато они – шлюхи! (За то, что их хотят.)

Невозможно понять правильно потребность в национальной самоидентификации, если мы не разберем характер взаимодействия, взаимовлияния, взаимопроникновения рас и народов. При их соприкосновении происходит неизбежная диффузия, иногда – перемешивание и перемещение. Последнее всегда является национальной трагедией, народ, как и личность, стремится к самосохранению, отсюда и возникают всевозможные ограничения, призванные не допустить поглощения одного народа другим или смешать их в бесформенную массу (напомню об итальянском рисорджименто, Гарибальди и Мадзини, греческом восстании и Байроне, Шипке и походах Скобелева.).

Борьба за свободу всегда вызывала наши симпатия – разве мы не плакали, читая "Овода" или "Спартака"? "Айвенго" и "Последнего из могикан"?

Умеренная диффузия не опасна, и даже благотворна, но в ее границах возникают личные трагедии: с крушением советского интернационализма повсеместно начались русские погромы, и совсем недавно латышские граждане чуждого происхождения оказались *негражданами* (чему демократы восхищенно аплодировали), а дочка моей воспитанницы, вышедшей замуж за мадьяра, стала среди одноклассниц *грязной русской свиньей*. [Презрение и ненависть, которые

вызываем мы в мире, наполняют меня горечью и болью. Чем на это ответить? Разумеется, мы должны изменить облик современной России, прежде всего, по-братски относиться к своим соотечественникам, оказавшимся за рубежом, всемерно помогать им – а наше правительство устанавливает злостные препятствия их возвращению на Родину, мучает их и истязает. Мы должны любить чужих и ненавидеть своих! – провозглашает правительство – вместо того, чтобы любить своих и доброжелательно относиться к чужим. Правительство выделяет кучу денег, чтобы пропагандировать положительный образ России, вместо того, чтобы помочь хотя бы одной несчастной русской семье.]

Трагическим было положение русской эмиграции – пока миллионы наших людей не растворились в чужой национальной среде. Правительства европейских стран знали только один выход из многоголосия – нивелирование, растворение. В России (а нас упрекают в нетерпимости) существуют и развиваются сотни национальных культур, более того, при еще живом государстве многие народы уже имеют собственные "государства в государстве", своих президентов, сатрапов и ханов (что, конечно, недопустимо, ибо чревато окончательным разгромом России и гибелью даже и подопечных народов).

Но вернемся к диффузии. Изменение места жительства, подданства, смешанные браки – выдвигают перед многими проблему национальной идентификации, и чаще всего решается эта проблема каждым человеком самостоятельно, ибо ничто не препятствует сегодня гражданину называться и чувствовать себя ингерманландцем, немцем, русским, евреем. Или мы евреев изгоняем? Нет, было время, даже наоборот от себя не хотели отпускать, когда они стремились нас покинуть, не давали развода (значит, где-то втайне оскорбленно любили). Нет препятствий тому, чтобы еврей либо оставался евреем либо становился русским. Вот так Даль, будучи датчанином, стал русским. Но вождь пролетариев не захотел стать русским, даже став уже им по рождению. При национальном самоопределении не имеет фатального значения происхождение, то есть пресловутый процент славянской или русской или немецкой крови. Вот так же, когда двое женятся, становятся единой плотью, и, принадлежа разным родам, полагают начало новому единому роду, членам которого они оба – родные. Что же при этом происходит? А происходит – *уроднение!* Вот так же можно родиться в русской семье и быть чужим всему русскому, ибо чтобы быть русским, надо уродниться России – тогда только личность становится частью нации в духовном значении этого слова. Для уроднения же не надо даже спрашивать согласия невесты – России, всякий желающий может стать ее мужем! (А с точки зрения крови и Владимир Мономах, великий русский князь, русский из русских, был полукровкой – но разве мы это помним? Разве обращаем внимание? И князь Игорь, вызвавший свою судьбой создание эпической поэмы, был двоюродным братом хана Кончака.)

Да, всякий желающий может стать мужем России, но для этого надо ее любить, надо ее защищать! Надо с ней уродниться.

Но мне жалуются на грубость природных русских, на нежелание их видеть в нас, приезжих, своих, а не чужих.

Понаехали тут! – обычное раздражение "местных". И мне попадало, и я уязвлялся. Да, в Питер я приехал 47 лет назад из сибирской глухомани, а сын мой уже "коренной", а внучка – тем более. Да у квасного питерского патриота родители тоже ведь "сами не местные", и город строили приезжие, не только иноземные Трезини и Штакеншнейдеры, но и каменщики из центральных российских губерний. Более того, города никогда не блещут талантами, а столицы – тем более, и тянут они живые соки из провинции, из глухих сибирских деревень. Так что упреки – не основательны. Но надо стерпеть. Не Россия же виновата, что не все ее дети – умные. Или евреи умны все как один? Или "лица кавказской национальности"? Да и то надо иметь в виду, что в советское время вологодская и ивановская лимита обживала общежитейские труппы Ленинграда, подражаясь на самые чумазые работы – таким ли путем и доньне получают столичные прописки "ущемленные" жители окраин? А сегодня и само существование России и народа стало сомнительным, и инстинкт самосохранения проявляется в усилении национальной напряженности – но и *всякий инстинкт проявляется на более низком биологическом уровне*, в этом суть инстинкта. Национализм, как выражение национального самосознания, как раз и обращается к духу, а не к плоти наций-личностей, следовательно, либо космополиты вытеснят его, закроют возможность диалога и взаимопонимания, и тем самым как раз и откроют шлюзы инстинктам – как русофобским, так и псевдорусским – либо духовное ядро русской нации прорастет через пожары и вызовет обновление и возрождение русского народа.

Заканчивая свое затянувшееся объяснение, подвожу итоги. Не ставлю я уже целей изменения очужавшей жизни при собственной жизни – может быть, дети наши очнутя, и смогут что-нибудь изменить. Или внуки. А у меня уже энергии осталось только на то, чтобы из развалин советской империи вернуться в Российский дом – но он еще более мне чужой, чем даже в СССР. Все захватано, заплевано, растащено, если прежде дворцы были ничьи и ветшали, то теперь кухаркины дети прибрали их к рукам и выгодно сдают в аренду. Если раньше лес гнали на Запад для мировой революции, то теперь для вилл на лазурном берегу. И нефть, и газ... А библиотеки и музеи гибнут, театры бедствуют, учителя голодают, дети просят подавание... Э, да что говорить!

Заканчиваю я тем, что, не найдя своего дома, мы строим малую пядь русской земли в духовном пространстве "Философской культуры" и "Русских страниц". Не найдя своего народа, уж с теми, кто есть – хотя на иных негодование кипит, и из-за их чрезмерного пьянства, и из-за шараханья мысли.

Но все же они – люди культуры, и их жизнь в ней. Вот и пишем мы, и издаем – всего-то 12 экземпляров – но нам, семи или восьми русским писателям, преданным своим народом, чтобы было где-то зарыть наши нетленные мощи – может быть хватит?

Когда мы были молоды...

Благословенные шестидесятые годы... Университет, общежитие на Детской улице, мат-мех, читальные залы библиотек (где мы читали вовсе не книги по математике, а Дюринга, Данилевского, Рóзанова, Ницше), *увлечения* – марксизмом (компания второкурсников даже создала нелегальный марксистский кружок, в который, кроме "вождя", входили и мы с Казимиром, и тайные заседания и чтение "Капитала" происходили по ночам в фотокомнате), философией Гегеля и Фихте (на кухне третьего этажа вполне легально всю ночь кипел кофейник, обжигая губы, и бытие и инобытие оспаривали друг у друга право первородства), христианством, мистикой и теософией (между которыми металась наша душа, от Священного Писания то погружаясь в таинственную стихию музыки Вагнера, то внимая смятенному бреду Раскольниковца, князя Мышкина, Ставрогина и Шатова, то вслушиваясь в вдохновенное косноязычие проповедей Вадима Салова), *увлечения* таинственной мешаниной из дружбы и заговорщической конспирации, сплавившие нас в "Обществе Курта Зигеля", в котором преимущественно предавались мы поклонению Бахусу, ... и, конечно, сумасшедшие, опьяняющие *увлечения* музыкой, поэзией, и слабыми, но нежными и прекрасными созданиями Божественного Духа...

Вновь настает неспокойное время Снов лихорадочных, жаркого жжения.

Вновь под покровом тоски и томления Плачет грядущего сорное семя.

Но что же было основным в этом десятилетии, которое для меня завершилось тремя годами заточения, для Вадима – изгнанием в уральское захолустье, для Казимира – побегом на благословенную родину Канта, а для Саши Брусова (как и для многих из наших пылких современников, разочарованных романтиков, не исключая и "американского ковбоя") – горестным впадением в безудержное пьянство?

Основным было – стремление к духовной свободе! Мы, словно динозавр, вытаявший из глыбы льда, в который социалистическая утопия и псевдо-просвещенное мракобесие и ненависть к культуре погрузили несчастную Россию, выстрадали, вымучили, выболели свою *свободу* и, быть может, столь много затратили сил и души на это вытаивание, на сопротивление *духовному подавлению*, что именно поэтому и не успели противопоставить его неправде свою *положительную* истину.

Так промчались семидесятые и восьмидесятые годы. Одни из наших современников применились к обстоятельствам, стали "реалистами", другие забились в угол, переживая заморозки, но избранные продолжали верить и ждать гласа свыше.

Девяностые годы повергли нас в изумление и отчаянье.

Социалистический зверь, казавшийся вечным, неожиданно испустил дух, но к власти пришла такая циничная, алчная и пошлая нечистая сила, что нам показалась и наша борьба за свободу (на коленях) неоправданной. Неужели для "этих" мы жили словно на перроне в ожидании поезда?

Самое естественное – переживание горечи и отчаяния. Слово – последнее убежище, последнее спасение от разрушения культуры, от разрушения духа.

Мы уже растеряли гордыню, тщеславие, стремление к славе и власти, растеряли не только самоуверенность юности, но и уверенность зрелости, погускнели надежды, истрепались мечты – что же у нас осталось после всех потерь и разочарований? И осталось ли хоть что-нибудь?

И всё же, растеряли мы не всё. У нас остались стиль, талант, воображение и поэтическая пылкость, но и еще больше – воспоминания о юношеских идеалах и верность долгу. Эти воспоминания не дают успокоиться и зарости ссадинам, оставленным бестолковой жизнью в наших сердцах. Они заставляют нас жить и писать, вопреки горестному сознанию тщеты надежд и упований.

И всё же, не все и надежды мы растеряли...

Вот почему, вопреки сознанию тщеты надежд затеяли мы издание альманаха. «Братцы! – говорю я. – Не может быть... нет, не может быть, чтобы наши усилия были напрасны. Это потому так долго созрели мы в тишине и безмолвии, что плоды этих усилий слишком важны для России. Не падайте духом, не отчаивайтесь. Быть может, нам еще удастся "выразить в звуке и слове всю силу страданий души нашей", и инобытие наше будет оправдано».

Но только ли это для нас убежище? А та духовная отчизна, которой мы верные дети (или пасынки?), разве не нуждается в клочке собственной земли? Наши дети, наши сторонники, наши читатели?

Наши друзья и современники, не всех из которых даже на этот скудный берег выбросила волна, когда перевернулся наш челн? Верность их ожиданиям не должны ль мы хранить?

Правда, немногое зависит от нас, дерзнувших доверить свои чувства и мысли бумаге и печатному станку. Властители дум ныне – люди не только неискушенные, но словно бы вышедшие только что из-под гончарного круга *ученика чародея*, еще не овладевшие тайной слова, еще не овладевшие даже просто вразумительной речью, "не испорченные культурой", правилами морали и хотя бы некоторыми навыками приличий.

И вдруг я услышал голос своей души: «Соберись с силами. Соберись с последними силами! Даже если "Россия наклонилась и вот-вот упадет", ты не смеешь бежать с поля боя. Да и бой еще не окончен. То, что вы строите из обломков культуры и духа, это не убежище – некуда бежать из России! Это лестница в небо – для вас, живущих, и для тех, кто не дождался, и для тех, кто продолжит ваше дело. Лестница в небо...»

Лестница в небо...»

КОММЕНТАРИИ К РЕФОРМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

[1]. И мнением этого человека (см. сноску ²) мы не должны пренебрегать? Не то же ли это самое, как бы если Правила математики взялись предписывать те, для которых она сложна, непостижима, кажется странной, чрезмерной в своих теоремах и доказательствах, а тем паче – в аксиомах (которые следует принимать даже безо всякого обоснования – почти как букву *ѣ*)? Или усталые учителя тупых учеников? Сохранила же нам история разговор Митридата с великим Архимедом, взявшимся излагать тому истины математики. «А нельзя ли попроще?!» – воскликнул удрученный царь. «Математики не бывает отдельно для царя и его подданных, она едина!»

[2]. Шульгин в своих воспоминаниях пишет, что и Шаляпин и Николай Второй выговаривали *ѣ* "как и положено культурному человеку", только Государь "произносил этот звук на гвардейский манер". (!)

В юности я был знаком с блоковской Незнакомкой (Дельмас-Андреевой) и Елизаветой Тимэ (несостоявшейся невестой Керенского – впрочем, она уверяла меня, что в газетах наврала), и даже с вдовой Пржевальского – все эти почтенные дамы сетовали, что нынешние люди говорят по-русски как извозчики. И последняя подруга Гумилева, Ирочка Одоевцева (надписавшая мне свою книжку «*Васеньке от Ирочки*») сожалела, что она *ѣ* стала уже произносить на французский манер, а вот высоко-ученые мужи уверяют... Да, воистину обречены были мы на египетские казни, возненавидевшие даже собственный язык по окончании славного девятнадцатого века!

[3]. Ну прямо-таки большевистское революционное творчество, яковинское изменение календаря... именно отсюда начинается поворот рек, обводнение пустынь и осушение болот (отчего они только расширились), уничтожение архитектурного наследия, кукуруза в тундре и ...

[4]. Вот откуда росли ноги у Нины Петровны, требовавшей писать карова, *мáлава*, *ашипка*... Да не из семинаристов ли Белинский, и Нина Петровна не поповская ль дочка?

Итак, главный и основной смысл реформы русского языка – упростить!!!, сузить, обрезать, сгладить, усреднить, нивелировать, писать, как *говорится* – но как говорится – *кѣм*? Никитой Сергеевичем с его знаменитыми *социализьмь*, *коммунизьмь*; или Михаилом Сергеевичем с его *нáчать* и *уГлúбить*... или даже самим "Черномыром", у которого что ни сосенка, то целый бор? Или следовать правописанию объявлений в известных местах: «*глублу хачу дэвачку ...*»?)

Да, и я, сын сибирского крестьянина, в отрочестве удивлялся, что в опере распевают не так как мы говорим или поем за веселым застольем, и в балете не так двигаются, как в хороводе и в деревенских плясках и танцах, и письменная (всеобщая, всероссийская) литературная речь существенно отличается от разговорной по строю слов и речений – но не мнил я себя новым Кириллом с Мефодием, и зуд перестройки не ударял мне в забубенную голову...

РУССКАЯ АЗБУКА

ЦЕРКОВНЫЯ БѢКВЫ:

А Б В Г Д Е Ж З
 И І К Л М Н О П Р
 С Т У Ф Х Ц Ч Ш Щ Ъ Ы Ь Ъ Ю Ж
 Ѡ ѡ Ѣ ѣ Ѥ Ѧ Ѧ Ѹ ѹ.

а б в г д е ж з
 и і к л м н о п р
 с т у ф х ц ч ш щ ѡ ѣ ѥ ѧ Ѩ ѩ Ѫ ѫ Ѭ ѭ Ѯ ѯ Ѱ ѱ Ѳ ѳ Ѵ ѵ Ѷ ѷ Ѹ ѹ.

Славянские цифры

Ѧ	1	Ѧ	13	Ѧ	60
Ѧ	2	Ѧ	14	Ѧ	70
Ѧ	3	Ѧ	15	Ѧ	80
Ѧ	4	Ѧ	16	Ѧ	90
Ѧ	5	Ѧ	17	Ѧ	100
Ѧ	6	Ѧ	18	Ѧ	200
Ѧ	7	Ѧ	19	Ѧ	300
Ѧ	8	Ѧ	20	Ѧ	400
Ѧ	9	Ѧ	30	Ѧ	500
Ѧ	10	Ѧ	40	Ѧ	600
Ѧ	11	Ѧ	50	Ѧ	700
Ѧ	12	Ѧ		Ѧ	800
		Ѧ		Ѧ	900
		Ѧ		Ѧ	1000

Рукописныя буквы прописныя:

А Б В Г Д
 Е Ж З И І
 К Л М Н О
 П Р С Т У
 Ф Х Ц Ч Ш
 Щ Ъ Ы Ь Ъ Ю Ж
 Ѡ ѡ Ѣ ѣ Ѥ Ѧ Ѧ Ѹ ѹ.

Рукописныя буквы строчныя:

а б в г д е ж з и і к л
 м н о п р с т у ф х ц
 ч ш щ ѡ ѣ ѥ ѧ Ѩ ѩ Ѫ ѫ Ѭ ѭ Ѯ ѯ Ѱ ѱ Ѳ ѳ Ѵ ѵ Ѷ ѷ Ѹ ѹ.

Названіе бѣквъ:

Ѧзѣ, а. Бѣ-ки, в. Бѣ-ди, в.
 Гла-голь, г. До-брѣ, д. Бѣ-тъ, е.
 Жи-вѣ-те, ж. Сѣ-лѣ, с. Зѣ-
 млѣ, з. Ыже, н. І, і. Ка-
 кв, к. Ли-ди, л. Мы-слѣ-
 те, м. Нашѣ, н. Онь, о.
 По-кои, п. Рци, р. Сло-во, с.
 Тѣр-до, т. Ѧ, ѧ. Оукѣ, у.
 Фѣтѣ, ф. Хѣрѣ, х. Ѡтѣ, ѡ.
 Цѣ, ц. Чѣрѣ, ч. Шѣ, ш.
 Шѣ, ш. Бѣ, б. Бѣ, ѡ.
 Бѣ, б. Бѣ-тъ, б. Ю, ю.
 Юѣ, ѡ. Ѧ, л. Кѣ, к. Пѣ, п.
 Он-тѣ, д. Ы-жи-ца, в.

Большая часть инвектив в адрес русского языка связана с его историческим сосуществованием с языком церковнославянским (надбытийным), который питал и поддерживал язык современнорусский (для каждого времени несколько иной), язык повседневного бытия... Не люблю я Алексея Максимовича, но все же его припомню: воистину, «рожденный ползать летать не может!», как бы высоко в горы и не заполз. Лишь тот, кто «внял и неба грохотанье, и гад морских подводный ход, и дольней лозы прозябанье», смеет судить «свыше сапога». Очевидно, что не знающий даже таблицы умножения не тщится упрощать правила интегрирования, в языке же и кухаркины дети считают себя достаточно сведущими... Что же до почтенных академиков, то они забывают, что как даже великие натуралисты не предписывали свои законы Природе, а подсматривали их у нее, так и филолог и лингвист лишь описывает, а не предписывает, творят же праведники и гении, известные и неизвестные, кои и в каждой деревне рождались и хранили общенародные традиции (вроде Пинежской Малуши – Марии Дмитриевны Кривополоеновой).

[5]. А не весь ли миллион русских слов мы должны сначала запомнить, прежде нежели рассуждать об их написании? И каждое из них исключительно, и начнем ли мы писать корову через а, не поможет запомнить ни стреху, ни подворотню, ни озимые, ни яровые, ни цеп (которым молотят), ни цепь (на которую надо бы посадить реформаторов), ни трутня, ни матку, ни матицу, ни матёру, ни махру ни бахрому... Впрочем, если большую часть русских слов сделать излишней, то есть *упростить язык для простоты его изучения*, тогда достаточно будет и словаря одичания: вау, клёво, гламур и интим, забить стрелку, развести на бабки (вместо облапошить), замочить и впасть в кайф...

[6] Вопрос о необходимости и возможности осторожной *корректировки* правописания (по состоянию его на 1912 год) я оставляю открытым, потому что как растет дерево, и раздается в высоту и ширину, растет и язык – но он не трава, которую нужно подстригать еженедельно, иначе мы рискуем остаться безъязыкими, как уже и случилось. Недопустимо, чтобы у каждого поколения был или свой язык или своя орфография, но поколение цареубийц, не ожидая, что движется и навстречу собственной гибели, обуреваемо было жаждою разрушения, искоренения и перестройки. Россия стала ненавистной, русский язык вызывал отторжение, сложность и многообразие бытия зывали к опрощению... Как еще не начались гонения на синонимы, то есть на излишние слова, выражающие одно и то же понятие, часто с неразличимыми оттенками? Как не удалась кардинальная перестройка языка, было затеянная большевистской царицей, намеревавшейся учить писать по тому, как слышится (правда, слышится всякому различно), и писать карова, кажитца, агурец, сонце? Когда-то я думал, что зло в мире потому, что неученые властвуют, но познакомившись с взглядами Платона на государственное устройство, я ужаснулся, и вскричал:

Кухарку к кормилу! Но вот на смену восточному сатрапу пришел Иванушка-дурачок, и хотя есть людей скопом перестали, но ... Увы, мне! И горе от ума и горе от глупости одинаковы, переучившиеся семинаристы не лучше невежд!

И почему это академики тщатся "орфографию" переделать, но не рискуют переделывать математику? Правда, увы мне! В шестидесятые годы двадцатого столетия, устав от Евклида, Ньютона и Лейбница, новосибирская школа математиков рьяно взялась за реформу ее преподавания, и хотя не отменила таблицу умножения, и не упростила "интеграл и дифференциал истории", а токмо ясное понятие *переменной величины* раздробила во "множество", и *равенство* фигур, понятное младенцу, заменила "конгруэнтностью", и вот с тех-то пор русские школьники, прирожденно способные к математике, не понимают ее и ненавидят.

Всяк мнит себя Евклидом, а то и Кириллом с Мефодием!

[7]. Писатель и ученый в качестве законодателя жизни чаще всего опаснее даже посредственного администратора, пример Платона ярче всего это показывает в его проекте коммунистического государства; недалеко ушли и Лажечниковы (вероятно, из бурсаков) с их неукротимым стремлением заставить писать и говорить всякого русского непременно **карова**, **агонь**, **кажетца**, **ничаво** и т. д. Вообще, в центре реформаторской воли лежит стремление писать **попроще** и так, как **говорит** (или как слышит, или как ему кажется, что он слышит...) реформатор.

[8] Ну, сволочи, ну, сволочи! "Медведь наступил и на ухо", и на глаз, и на ум!

[9]. И мы еще удивляемся, что Россия рухнула! Да удивляться надо тому, что она столько веков простояла! Поневоле сожалеешь, что обычай сжигать ученых постепенно погас...

В вопросе об упрощении и излишествах реформаторы совершают одну важнейшую мировоззренческую (да и практическую) ошибку: если математики при исследовании суммы условий некоторого явления стараются отыскать и необходимые условия, и достаточные, и удовлетворяются суммой условий, которые являются вместе необходимыми и достаточными, то, например, строитель находит и устраивает основания всегда с избытком: даже лифт рассчитан на пятикратные перегрузки, и предельно допустимая концентрация ядовитых веществ в воде и воздухе рассчитана не на то, чтобы только-только не издохнуть, а чтобы даже не заметить. Язык тем более всегда был, есть и должен быть избыточен, для обозначения понятия не обходится он одним словом, но привлекает уйму синонимов, и так же для передачи звука и смысла располагает он средствами с запасом. Тупым и десяти букв много, чтоб ими выразаться, некоторые обходятся лишь несколькими словами – надо ли им следовать? Или и в математике повыкидывать "лишние" формулы, понятия и знаки? – уж математика

мучает учащихся больше, чем орфография!? Да и какая наука не мучает тупого ученого?

[10]. Двое русских против пяти иноязычных..

[11]. Лечат ли виолончели, скрипки, нуждаются ли в ремонте даже детали нашего организма? О, да! Но начинаем ли мы ремонт с того, что отдираем все лишнее (как нам кажется) – лишнее легкое, лишнюю почку, чрезмерное нагромождение кишок? Всегда ли мы стремимся отодрать и отрезать, если даже и нуждается то, что мы подвергли ревизии, в поправке? Казалось бы, то совершенствование нашей азбуки, которое происходило одновременно с обогащением языка, должно было научить вниманию, осторожности и восхищению ученых и неученых. Но что заставило сотни высокоученых профессоров и академиков, лингвистов, филологов, учителей русского языка – сойти вдруг с ума?

Не то же ли это самое помешательство, которое привело сначала к демократической революции, а затем и к большевистской? Вдруг возникает беспричинная ненависть к дому, в котором вырос, и желание его перестроить – ненависть к родителям, языку, окружающей природе – и начинает бесноватый крушить все подряд: буквы ять, ерь, ерь и фиту, ижицу, дворянские поместья, храмы, дворцы, иконы и картины... и только тогда безумное опьянение проходит, когда грозный Тарас возгласит громовым голосом: А остановись-ка, сынку!.. Я тебя породил, я тебя и убью!

Что лишнее, и что не лишнее, это не проблема ни быта, ни физики, а Метафизики и Металогики бытия.

Лишним в маоистском Китае стало все то в одежде, что не отвечало единственной позвольительной цели – укрыть от дождя и взора – и потому население оделось в одинаковые штаны и куртки. Лишними оказались сережки, колечки и длинные волосы, и девушки были стрижены под мальчиков (а мальчиков часто стригли под нуль, как у нас в моем детстве и юности).

Азбука, правила письма, правописание, – то, что постепенно складывалось веками (и, конечно же, видоизменялось, одни знаки и правила письма и произношения уходили, другие появлялись – так появилась буква "ё" и исчез "юсь"?) – вдруг почти в мгновение ока превратилось в предрассудок. Мы помним еще об одном предрассудке – целомудрии, которое в 60-ые годы 19-го столетия было объявлено предрассудком в теории, а после большевистской революции – и на практике. Начинаясь великая сексуальная революция, и глашатай раскрепощения женщин, коммунистическая Мессалина – Александра Коллонтай – объявила, что «в свободном обществе удовлетворить половую потребность будет так же просто, как выпить стакан воды». Естественно, что ее наиболее значительный избранник считал предрассудками и правила морали, и правила письма, и писал любовные письма, манкируя мягким знаком и презируя правила пунктуации: «Могу

ли я взглянут на твои милые родные очи? ... Милый Голуб, не дай погибнуть мне ... Вечно вечно твой нежно нежно любящий ...»

Но какие удивительные параллели преподносит нам жизнь!

Как уверяют русские, побывавшие в американском Вавилоне, там их поражает сходство негров с цыганами, пристрастие к цветистости – малиновые пиджаки и золотые цепи, и разукрашенные автомобили у богатых, причудливые вырезы на одежде в самых неподобающих местах у жриц свободной любви. Это смешно и показывает их близость к африканской природе, к обычаям татуировки и пирсинга. Ну так и надо нелепые привычки отменить и изгнать вовсе, что и сделали китайцы в Китае, одев одинаковые штаны и тужурки на всех. Если уж изгонять лишние буквы, то и букву э надо изгнать, нет же у англичан соответственной буквы для обозначения звука, обозначаемого в русском языке буквою э?! Крайности легко сходятся, и малиновые пиджаки и золотые цепи русских бандитов и богатых «афроамериканцев» (учусь политкорректности) и пулеметные ленты и серьги в ушах русских анархистов, «стакан воды» распутной Коллонтайши и отсутствие мягкого знака в письме красного комиссара безграмотного Дыбенко – все это ягоды с одного поля.

Рационально организованная жизнь – это ад. Стремление рационализировать жизнь – опаснейшее безумие. Разумеется, безумие может простираться и в другую сторону, и дикари украшают свое тело (не зная одежды) татуировкой, современное одичание заполняет женское тело металлической арматурой, высшее общество (разбогатевшие бандиты) одевают малиновые пиджаки и золотые цепи, место театра занимают реклама и "шоу-бизнес". Что "высокоученый" Тредьяковский и невежественный бандит Дыбенко – одно и то же, доказывает их одинаковая нелюбовь к твердому и мягкому знакам.

А вообще говоря, и я напрасно сотрясаю воздух, призывая к бережному отношению к родному языку, осторожным и медленным (возможным) изменениям в нем – сколько бы я ни привел доводов в защиту своей осторожности и любви, еще больше можно привести в пользу революционной нахрапистости и ломки. Вот доламывают русские города – возможна ли дискуссия с теми, кто ломает? Как возможна ли дискуссия с бандюгой, подстерегающим в подворотне, с татем, разбойником, киллером, с богатыми и власть имущими? Доказать ничего нельзя! – говорит старец Зосима... да нельзя и проверить... Сколько я слышал восторженных ахов и в пользу Дворца съездов в Кремле, и гостиницы Россия на месте Зарядья, и метро вместо Знаменской церкви! Существуют антиподы-миры и несходные мироощущения, и одним нравится архитектура спичечных коробков и предельной рационализации языка, приводит в восторг сама мысль о происхождении от обезьяны и единственно физиологической природы любви, предположение, что человек машина или горсть праха... – другие же, имеющие вкус и не защищающие вычурность, чрезмерность, запутанность и нелепость,

чувствуют и бессмертную душу и взаимосвязь языка, традиции, истории, и дух языка, и наряд языка, и избыточность (счастливую и загадочную избыточность языка)... но те и другие не могут вступить в диалог, как бессмысленно объяснять дикарю красоты музыки Гайдна и Сметаны... И зачем и кому я все это говорю? Воссядет на троне революционный матрос или толстый лавочник, или злой бандюга, и не токмо яти лишимся и еров, но и всего остального!

[12]. Всё для упрощения! И для чего девушки красятся, а пропагандист упрощения подкручивает усы? Образованное сословие свихнулось на идее рационального устройства мира. Я не скажу, что всё должно быть не рационально, и колеса должны быть не круглыми, а квадратными, но в погоне за рациональностью мы именно достигаем абсолютного свинства – и уже достигли! Мир устроен, устроивается и должен устроиться в соединении разумного и чувственного, красоты и целесообразности, простоты и искусства, необходимости и хотения, свободы и любви (как несвободы и жертвы, привязанности) – то есть мир должен устроиться *ир-рационально*, и образованные именно походили с ума в своем представлении о мире как о механически построенном, как о машине. А рядом с ними, обезумевшими от своей псевдоучености, явились, конечно, и всякие злоумышленники или просто тупорылые, которым музыка мира невятна, которые не отличают *горний ангелов полет* от полета в горах, и *гад морских подводный ход* хотя переписать, истребив древнерусские формы, органически уже существующие в русском языке со времен Кирилла и Мефодия, и *Искони бе слово* им не внятно, и всякое поэтическое слово тоже. Что сосуществуют две речи вместе, и даже у самого что ни на есть *простого* помимо обиходной одёжи есть еще и праздничная, и что речь нельзя изъять вовсе от якобы лишнего, ненужного, ибо она не только мужской куцый здравый смысл, но еще и женская "невыразимость в слове, лишь в молчаньи", что она не только для правильных чиновников от грамматики, но и для неправильных поэтов, юродивых, святых и крестьянок, и что если пишущий не там поставит ять, это не трагедия, а вот карова через а – оскорбление русского слова и глаза, и что ломать всегда начинают с казалось бы ненужного, а потом уже и все русские дворянские поместья, и все храмы и великокняжеские дворцы, и все святое в жизни и в душах. Стремление к упрощению замешано на ненависти, и вчера и сегодня. Это те, кто ненавидит Россию, русский язык, русский народ, Русь, саму *идею привязанности к русскому*. Равенства нет и не должно быть! И прав Пушкин, разделяя на аристократию и чернь окружающее его общество (именно образованное общество, речь не шла о крестьянах).

Хорошо, что в русском языке сохранились синонимы, поэтому, не ограничиваясь словом *пакостники*, мы можем по поводу этих "ревнителей" русского языка употребить еще десятки даже и более сильных слов и выражений. Вообще, поражает убожество доводов в

защиту реформы, как-будто речь идет о сооружении какого-нибудь сарая, и разговор ведется о количестве окон и дверей, исходя из экономии средств или другой примитивной целесообразности. Сравнивая архитектуру советского времени, я поражался не тому, что Великокняжеские дворцы были прекрасны, а Дворцы культуры убоги, но тому, что даже тогдашние сараи, промышленные и хозяйственные строения были прекрасны сравнительно с современными Дворцами культуры. И при этом выразительные средства, приобщающие старые строения именно к творениям зодчества, были самыми минимальными, а советские безобразные кубики, пеналы, стамески и спичечные коробки не всегда оказывались выгодны по результатам. И вот я теперь вижу, что Большевицкий переворот начался в 1863-ом году, связан он был с параноидальным представлением о возможности переустройства жизни, быта и священного бытия (к которым относятся язык и культура) на принципах чисто механического построения самой примитивной машины, в которой нет места элементам эстетическим, духовным, историческим. С этой точки зрения и женщину требовалось превратить в стиральную доску, соскоблив с нее все "лишнее" (что и сделала советская власть), и человека в целом превратить в функцию.

Да, дьявол не зря требует идти *путем подмен!* Так и справедливость подменили равенством, и сострадание братством! *Совершенная* орфография создается с естественным ростом языка и культуры, и она создавалась до 1917 года (не так быстро, как хотели того филологи-большевики), *упрощенная* же орфография *назначается* большевицким декретом, и при жизни одного поколения мы можем утратить русский язык – да и не владеют ли им уже и сегодня только немногие? А немалая причина этого невладения – полное незнание (хотя бы в подсознании) древнерусского (или церковно-славянского) языка!

[13] Русская ученая комиссия надеялась испакостить русский язык даже пуще, чем потом осмелились на то явные враги его. Перо падает из рук моих и гортань пересыхает...

Предполагаю необходимость продолжить тему реформирования России, которое свелось к ее разрушению, в следующем номере альманаха, в связи с чем надеюсь предложить вниманию читателя отрывки из сочинений противников реформы, в частности, Овсяннико-Куликовского, а также Заметки Д. Лихачева 1928 года против реформы, повлекшие за собою его заключение в Соловки.

Думаю, и тема органической связи уничтожения русского языка и русской архитектуры (в частности, в современном Петербурге), также найдет свое достойное продолжение в следующем номере.

Полностью можно прочитать в альманахе «Русские страницы» №5

О ТОМ И СЕМ...

В юности, среди моего поколения, мы почти все были романтиками; а главное, в нас была такая безудержная жажда и способность веры, хотя и не всегда правильно приложенная, что мы верили легко и безоглядно, верили даже в светлое будущее и *большевицкое* переустройство мира (это те, кто отстоял от нас на десять лет, стали потом циниками, надеюсь, правда, не все), верили, что и самой веры достаточно хотя бы с горчичное зерно, чтобы даже гора подвинулась... верили в гуманоидов и в гуманизм, в "через тернии к звездам", в необоримую силу поэзии и вообще искусства, верили в достаточность какого-нибудь одного красивого выражения, чтобы спасти и спастись... и по поводу *красоты, которая спасет мир, рая, в котором мы уже все не зная живем*, и достаточно только об нем узнать, счастья, которое наступает, когда приказываешь себе "стать счастливым", *становиться ли собой или собой упоенным*, "переступить ли через слезинку ребенка" ... и прочая и прочая – в нашем романтическом кругу велись бесконечные споры. Каким-то непостижимым образом я еще успел хоть кое-что прочитать помимо этих крылатых слов, и хотя мудрецом не стал, но примерил еще и *печали, во многих мудрости пребывающие*, и глубокомысленность *знания о глубине незнания, и тщету суеты*, несостоятельность равенства, необходимость свободы, недостаточность братства и трагическую необходимость несправедливости повседневного... Из того, что не примерял я к себе, это относительность глупости и ума (хотя...), относительность добра и зла, красоты и безобразия, истины и лжи, а еще повеление жить аки не жить, стать безучастным ко всему и освободиться от привязанностей.

Смерть нас освободит сама, и не спросит, говорю я себе; и страсти угаснут сами собой вопреки моим усилиям еще здесь.

(Некоторые еще говорили: "бери от жизни всё, пока она *даёт*"... тьфу, видели бы они, что она дает и в каком сама дающая обличьи!)

Иллюзии, конечно, и об меня зацеплялись, но постепенно почти все опали, как осенние листья.

Счастливым стать хотел я всегда, как и богатым, и властвующим, я об этом мечтал, но ... все было некогда, страсти меня отвлекали от этих пагуб, у меня не хватало времени на насущное, то в очереди стоял, чтобы сдать хрусталь (бутылки из-под вина), то ожидал свидания, то мучился над романом, то душу свою тщился спасти (к счастью, недолго), то спасал "её" душу, то пытался просветить и образумить народ, то спасал Россию, истину, красоту, справедливость. Разочаровался я уже почти во всех формулах спасения, почти во всех легкомысленных символах веры, во всех доказательствах и свидетельствах истины, и только математика еще со своей безупречной логикой утверждения и доказательства осталась во мне убежищем веры. Разумеется, не ее прикладные формулы, а ее способ рассуждений и выведений.

В уныние я еще не впал (потому что страсти еще кипят!), и циником тоже, даже "разочарованному мне не чужды прежние обольщения" (правда, сами обольщения в очередь ко мне не стоят).

Но жить стало еще хуже. И в очередях стою реже, и на водку всегда хватает, даже и на закуску, но ... жить стало хуже... Мой прежний романтический мир, в котором мы так легко веровали во всякий вздор, но все же и спорили и сомневались, и истину порывались искать, и за правду и справедливость бороться (хотя иногда на коленях, а чаще со всеми в конвойном и подконвойном строю) – этот романтический мир вдруг растворился в некоем единообразии потребления суррогатов – суррогатов любви, свободы, искусства, духа. Воистину, сбылась формула Ибсена: *самим собою стань.. доволен!*, вокруг меня мир довольных и самодовольных людей, почти все счастливы, и если еще и мелькнет что-то человеческое, то на лице воистину отверженного.

Это меня больше всего разочаровало. Как ни странно, с детских лет, вопреки философии, идеологии и учениям веры, я придавал значение не тому, в чем убежден и во что верует человек, а – *каков он*. Многие вокруг меня были комсомольцами и пионерами, большинство – безбожниками, иные даже анти-Дюринга читали, некоторые девушки были не слишком верными, но – Господи! – какие очереди стояли в БДТ и филармонию, на фильмы Тарковского, за книгами Ахматовой и Цветаевой!

"Подожди целоваться, – говорил влюбленный, – мы еще не выяснили, есть ли Бог!" (Или, как рассказывается в воспоминаниях о Белинском – рано садиться за обед!)

Да, жить стало совсем немогого, и из-за того, что вокруг меня, и из-за неудач в собственной жизни.

И вот, как и "смешному человеку Достоевского", приснился мне сон.

Сижу я, будто бы, у себя дома, переделываю в третий раз свою "Азбуку математики", и так мне стыдно за ее несовершенство, что подумываю, не сжечь ли ее, и не посыпать ли голову пеплом. Стихи мои, правда, еще хуже, и я их уже не переделываю, но и читать их кроме неразумных девиц почти никому не даю (да, очаровательные создания еще остались даже в нынешнем пустом и пошлом мире!)

"Все вокруг плохо, бедствия вокруг и со мною, но, быть может, это не непоправимые бедствия, а необходимые испытания и напасти, данные в поучение? Завяз в болоте, почертыхался, и должен понять, что в болота зазря ходить не надобно!? То же с оврагами! То же с чужими и неприятными людьми, политиками и разбойниками – если только не подстерегут они тебя сами. Но все же и тропинки-то надо хоть малость для ищущих обозначить? И поучение более явственно пояснять?" – говорю я себе.

Итак, сижу я и сетую, и на несостоявшиеся ожидания, и на свою бесталанность, и на оскудение мира, и на отсутствие просвета во тьме египетской, окружающей нас.

И тут вдруг открывается дверь и боком втискивается грузный и неловкий мужчина неопределенного возраста.

– Уф! – восклицает он, – крылья мешают, а двери у вас узкие, и живете-то вы по-прежнему в тесноте, хотя пространств вокруг вас немеряно!

– Позвольте, да кто вы такой, и что за крылья?

– Ангел я. Послал усовестить тебя, неразумного и неблагодарного, и по возможности объяснить кое-что в плане событий.

Сел он на диван, я на табуретку напротив, выпили мы по рюмке за раскованность в разговоре и за знакомство ("дак ангелы-то не пьют!", еще подумал я. "А мы, что, совсем уже и не люди?") – возразил мой странный гость, и я принес два малосольных огурчика), и начал он меня пристыжать.

– Неблагодарный! Написал нечто несуразное, *неудобопонятное*, не только для апостола Петра, даже Игнатий Брянчанинов со вздохом закрыл твой учебник, и что же, на руках тебя носить после этого? Счастье твое, что мы от тебя так и не отступились, книжке твоей ходу не дали, и вот, слава Богу, ты образумился, и пытаешься достичь совершенства. То же и с твоими литературными опытами. Ну, девочкам ты их раздаешь, ну, друзья еще по дружбе хвалят тебя иногда, но сам-то разве не видишь, что слово твое не прожигает сердца?

– Вижу-то вижу, но как же мне возгореть, как его раскалить?

– Мы стараемся тоже изо всех наших сил. В детстве тебе внушили, что многое, дескать, тебе дано, ты и поверил, а на поверку дано-то изначально немного, и надо больше еще добыть в слезах и в крови.

"Ну, что за нечистая сила мне все время стоит поперек пути!?", восклицаешь ты, неразумный. А это вовсе не она, она-то тебе розы под ноги бросает, а мы – шипы! Если бы ты в благоденствии прозябал, из тебя бы и вовсе ничего бы не вышло! Из школы тебя выгоняли дважды, из университета трижды, внушали, не засыпай, учись усилнее, дружок! Нет, взялся писать диссертацию, а там, смотришь, и лаврами увенчали бы, и пуховую перину под нежный бок положили! Внушили мы одному человеку, напиши, мол, доносик, *я, мол, гражданин и так далее...* Три года тебя учили потом, не жалея чернил, в «аспирантуру» оставлять пожалели, ты не дошел бы. Ладно, дали немного отдохнуть, ждем и от тебя посильных плодов, да какое там! В праздности и довольстве заснул сладким сном. Ну, взялся ты, наконец, издавать журналы и книги, мордой тебя поелозили по бетонной стене, книги твои побросали на свалку, начал ты пить вместе с вином горечь обид и унижений... Нет, все равно, стоящего ничего не писал.

Уложили тебя на больничный одр, припугнули немало, душа уже еле теплилась в теле, но мы еще на что-то надеялись. Кажется, и ты иногда осмысленные, хотя и вялые слова стал заносить на бумагу. Так

что, на руках тебя носить из-за этого? Нет, мой дружок, радуйся, что не даем Нечистому тебя охмурять и гламурить, что несовершенно вирши твои еще никто не читает. Сам же ведь знаешь ты, и ваш Пророк объяснил, что надобно еще очень многое, помимо духовной жажды. Вот, видишь, меч, которым грудь разсекают?! Но ты еще не готов. Так готовься же! Не плоть истязай, а душу! Страданиями человеческими она должна переполниться! И когда срок настанет, я снова приду к тебе, и мы тебя не оставим, тогда ты всё услышишь, и всё поймешь. А пока не сетуй на свои неудачи, а радуйся им!"

Я проснулся. Конечно, многое мне было понятно еще и до сна, и часто я восклицал: "Господи, благодарю Тебя, что Ты не сделал меня богатым, что ни власть ни слава не докучают меня своею обузой!" – но в то же время я боялся опоздать. Больному ведь тоже лекарства нужно дать вовремя, и Россия нуждается в своевременной помощи, пока еще новый Мамай не все разорил русские города и души, не всё растлил на русской земле!

Металогика быта,
Откровение речи.
Если сердце разбито,
Только слово излечит.

Пусть по-прежнему плохо,
И всё ближе к концу –
Пишет книгу эпоха
Сапогом по лицу.

Мусор слов и заветов –
Как всё вдруг обветшало!
Мне ли бремя поэтов,
Если времени мало,

И реченье коряво,
И слова не попад?..
То проклятья, то слава,
То блаженство, то ад...

Сердце биться устало,
Путь то крут, то полог.
Кровь упряма и ала...
Да и так ли уж мало –
Есть *Россия и Бог*?!
Да и так ли всё плохо, –
Если плохо, но вновь,
До последнего вздоха:
Бог, Россия, любовь!

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ПИСЬМА РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА

Декабрь 2011 г.

От автора. Заключение в тюрьму (семь лет назад) хотя и напугало меня, но оказалось благотворно, я написал «Записки на пальме», а после того и еще немало. Однако, главная задача жизни осталась та же: во-первых, понять окончательно, *в чем она состоит*, во-вторых, *исполнить ее*.

Возможно, задача жизни состоит в том, чтобы созидать личность, «*стать человеком*» – но это не только работа, но и особое мистическое *преображение личности*, которое я называю «*отбеливанием льна*».

Громадную роль в этом преображении играет деятельность по изменению мира, в котором я живу и страдаю, и те жертвы, на которые надо пойти, чтобы изменение мира совершилось. Надеюсь, что судьба даст мне время, чтобы по крайней мере изложить на предстоящих страницах свои претензии думающему обществу, если не повлиять на него.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НИЧТО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ И МНЕ НЕ ЧУЖДО

1.

В горестях и в болезнях, в сокрушении душевном начинаю я писать свою новую книгу, и быть может это именно важно, что "не царь, не бог и не герой" тщится начать борьбу за освобождение России, а самый немощный из ее сыновей. Все врут и все вдали, каждый стремился лишь урвать кусок пирога для своего благоденствия, и русские революционеры-марксисты вдали больше всех, больше даже, нежели христиане, близнецами-антиподами коих они являлись. "Не бог и не царь!" – заклинали они, а сами из своих трех учителей создали трехглавого бога, а из четвертого – невиданного в истории тирана. Но русское освободительное движение не ограничивалось ведь марксистами, были декабристы, Герцен и Бакунин, потом народники-народовольцы, Михайловский и Иванов-Разумник, "По тюрьмам и ссылкам которого" я первый издал в середине 90-х годов. Возможно, следует создать "*Народно-социалистическую*" партию, отбросив прежние глупости о разделении народа на "народ" и "интеллигенцию" и имея в виду партию, представляющую интересы каждого порядочного российского человека. Я – первый народник, и подлинный представитель народа, хотя и интеллигент, и даже книги сочиняю (которых никто не читает), и обладаю изрядной долей невежества и самомнения, которые в русском интеллигенте являются важной частью мессианской завкаски. Образованны в России немцы и евреи, но первых мало, а вторым мешают стать русскими интеллигентами бессознательная отчужденность от народа. Я же – русский из русских (как об этом сказал еще апостол Павел), и посему ничто не мешает мне стать первым *народником*. Есть, конечно, еще и советская интеллигенция и русско-еврейская (как я ее называю, хотя ее составляют бывшие русские). Советские интеллигенты отрицают всякие народы как пережиток "проклятого прошлого", и башкир, и евреев, и русских, а русско-еврейские, напротив, умиляются всем, особенно приветствуют аборигенов Австралии, но в русских подозревают скрытых ненавистников нетрадиционных меньшинств, и на всякий случай заранее ненавидят. И хотя я русских тоже как правило не жалею за их верноподданность и ненависть к дореволюционной истории, но русско-еврейские мне уж вовсе не братья. Мне ближе обыкновенные евреи, от еврейских родителей, даже и отрицающие национальность, а еще ближе еврейские националисты (как и среди девиц я жалею обычных девиц, и равнодушен к тем, которые или чрезмерно любят своих "сестер" или чрезмерно ненавидят своих "братьев"). Но презирать русский сброд или ненавидеть свой народ – это разные вещи.

Итак, я первый народник, а может и единственный. Родился я в глухой деревушке, а детство провел и того глуше, и разыскивать

пепелище моей родной деревни я теперь и еду. Дед мой воевал за красных, прадед – за белых (тем не менее, их обоих сослали в Сибирь), бабушка не умела читать, мать читала по складам, а отец хотя и получил офицерское звание на войне, но на этой же проклятой войне на Безымянной высоте и погиб.

[И этой войной я не имею оснований гордиться, ибо хотя мы победили (казалось бы) немецкий нацизм ценою жизни моего отца и миллионов достойных другой участи парней и девчат, русских, украинцев, белорусов и других – но по существу побежденным оказался народ России, потерявший лучших своих детей, а победили чекисты и заградительные отряды, начальники лагерей, партийная номенклатура, бездарные генералы, не жалевшие солдат, и наконец победила нынешняя чекистско-воровская банда, обгладывающая Россию сегодня. Я часто спорил с теми, кто проповедует, что «Сталин выиграл войну», и вот наконец-то понял: это именно так! Он войну выиграл, а мы проиграли, и мой отец, и моя мать, и я сам. Ему было поручено *разгромить русский народ*, и он его разгромил, *сохранив свое государство*. Так и Золотая орда, владевшая Русью, побеждала *своих* внешних врагов, а *наше* иго лишь крепло.]

Но я ли не народник, не только по рождению и деревенскому детству, по русской культуре и традициям, которые я впитывал сначала из окружающей меня жизни, потом из классического наследия? Я народник не только по корням и зеленой кроне, но и по моим стихам с их певучим языком, по огороду в новгородской глуши, по моей работе учителем, по годам заключения, по связанности, соединенности и с страждущими, униженными и оскорбленными, и с произрастающими, то унывающими, то усомнившимися, то надеющимися.

Освобождение не дается извне, оно достигается через собственные усилия и старания, как и плоды труда приобретаются через труд, – но как часто верное вдруг оказывается неверным! – вот так и материальные ценности сосредоточились у алчного государства и алчного сброда, и усилия освобождения привели к худшему рабству. Царь-освободитель отменил крепостное право, за что революционеры, борющиеся «за нашу и вашу свободу» его и убили; немецкий народ, потерпевший поражение, был освобожден от нацизма, а русский остался под властью корявого тирана.

Нам нужны в нашей борьбе достойные вожди и предводители, как солдатам нужен командир, учащимся – учитель. Сегодня особенно важно, чтобы русский народ обрел свободу внешнюю и внутреннюю, чтобы он, наконец, почувствовал «вкус свободы», чтобы через пот и кровь научился ее любить и ценить, чтобы свобода стала частью его Я. Дарованное, приобретенное без труда и страдания, не научишься беречь и любить.

Поэтому важно, что я не властвующий, не авторитетный, не богатый и не знаменитый, что всякая прославляющая надпись на Кресте, который я несу, вызывает лишь презрительный смех.

Да, я противоположен хозяевам жизни, торжествующим и побеждающим – улыбка моя грустна, взгляд боязлив (а бояться в России приходится не только царей и разбойников, но и самого маленького мента и чиновника), осанка унижена. Да, вождем назвать меня можно только в насмешку – но не смех ли вызывала семнадцатилетняя девчушка, вознамерившаяся возглавить народ Франции в борьбе за свободу?!

Но именно такой как все, – униженный, как все, ограбленный, как все, лишенный свободы, Родины, достоинства, плоть от плоти и дух от духа распятого народа, подобный ему в слабостях и пороках (распинаться о коих не буду, Господь и так знает), часть, неотделимая от целого, – смею я призывать к противостоянию нашим врагам.

Пусть чернь счастлива, смеясь у телевизора с смехачами и трепачами, пусть чернь счастлива, радуясь успехам своих правителей, олигархов и бандитов, и закликает: «не смейте их трогать, это наши бандиты, наши повелители!» – чернь давно омертвела духовно, а я обращаюсь к живым, у которых душа еще способна болеть, и болит от бедствиях России, обращаюсь к тем, кто несчастлив, кто хочет хотя бы умереть в свободной стране, в которой еще не вся память уничтожена, не все памятники разрушены, не все достояние оплевано.

Вы крестьяне? И я крестьянский сын, и сам возвращаю плоды для пропитания. Вы мастеровые? И я – и изгородь поставил, и колодец вырыл, и баню починил, и косу отбил, и дров нарубил. Вы воспитатели своих детей? И я, и даже чужих, и книги написал, годные для воспитания воспитателей. Вы умеете петь? Попробуйте же петь мои стихи, они мелодичны. Вы танцуете? А я наделен даром восхищенно смотреть.

Все, что и вы, умею и я, только страданиями наделен полнее. Вы дышите отравленным воздухом рабства, и не замечаете отраву, а я в нем задыхаюсь. Я не только неотделимая часть народной личности, но я тот его орган, которым народ ощущает свободу и подавление, как ноздрями обоняет, а ушами слышит.

Необходимо мне поверить, видя во мне ту же обездоленность, что и во всех, что только через меня придет подлинное понимание. Цари и герои – из другой породы, из другого вещества, трудно представить их с лопатой в руках, с молотком и зубилом. А я умею и прореху на рубахе зашить, и обед приготовить, и белье постирать. Так удивляться ли тому, что я пишу книги? Только не подумайте, что я писатель! Ибо я пишу не для развлечения. Одна, легкомысленная из народа, пробовала меня читать, осилила полторы страницы и воскликнула, смеясь: Ну что за «фигню» ты пишешь? Ни позабавиться, ни удивиться! А другой, серьезный, глубокомысленно промолчал.

Я не нужен тем, кто озабочен лишь, хватает ли на выпивку и закуску, и счастлив лишь этим, кому не важно, подотчетна ли власть народу, безнаказанно ли глумятся над ним менты и начальники, убивают ли древние города и села, образование и культуру. Чернь счастлива лишь материальным, и я ее враг тоже. Мой народ, к которому я обращаюсь, и

который хочу спасти, не от плоти только, но от духа по преимуществу, и именно он и есть народ подлинно.

Если духовная свобода существует подлинно, то есть если она относится к числу потребностей не меньше, чем хлеб и вода, то именно я, растерявший иллюзии, мог быть призван стать ее глашатаям. Я не пекарь и не водолей, и лишь отчасти учитель. Я тот, без кого можно прожить, как живут без любви, без Бога, без театра. Как миллионы живут без музыки, без литературы, без философии. Следовательно, я не могу обращаться к народу как населению страны, к большинству народного тела. Им я не нужен. Что им до того, что большевики уничтожали храмы, что нынешняя власть добывает Москву и Петербург, что на месте родовых гнезд великих русских создателей культуры строятся доходные безобразные вертепы нечистой силы, что даже в Кремле, на Пречистенке и Волхонке, в Зарядье, Китай-городе, у Патриарших прудов, на Марсовом поле и Невском проспекте – повсеместно по всей Руси искореняется Русь.

Но не нужен я и интеллигенции, в высоком или низком значении слова, с большой или маленькой буквы – многим ли из них нужны Гегель и Данилевский, Скрябин и Вагнер?

Но если под «народом» понимать нечто другое, чем сумму людей, как и судьба – не повседневность, не сумма наших происшествий, то именно я нужен народу для продолжения его духовного бытия – так пчела или шмель осязают и становятся судьбою для меньшей части растения, но все оно в целом их жаждет и преобразается и зарождает и вынашивает плод, который и является смыслом его существования – хотя ни стебель, ни корни, ни даже лепестки цветка об этом не знают и не догадываются. В философах и философии нуждаются единицы – но народ без философии, без мировоззрения, без одухотворяющей его идеи так и останется бесформенным телом, просто населением или даже сбродом, чернью.

От тех малых клеточек, где скапливались нектар или пыльца, прикосновение пчелиного хоботка распространяется подобно удару молнии, наполняя ароматом озона атмосферную толщу. Молния уже перестала сверкать, но ее сверкание живо, оно еще продолжается в каплях дождя, в его насыщенных электричеством частицах. В капельках росы на утренней заре. Философские идеи преломляются в творчестве беллетристов и музыкантов, и хотя они не цитируют Беркли и Лейбница, Канта и Фихте, но они после тех творят уже иначе – молнии философии пронизали их творения, сформировали новую духовную действительность.

Учителя, обучающие детей, учатся по тем учебникам, которые пишет Учитель учителей.

Так подобен ли я народу, каждому немощному из его миллионов, если несмотря на немощь дерзаю учить и поучать? Если при сознаваемом мною невежестве все же сознаю я свои отличия от народа

– во взаимосвязанности своих знаний, в мировоззрении, в сознательном единстве жизни и знания?

И все же именно это – единство личности и мировоззрения – и делает меня народом, его *сознательной* частью.

Но, конечно, я – немощный и ничтожный – не царь и не герой. Тем более, не Бог. Ну, конечно, разве Бог таков?

Однако, христианство дало нам образ Бога не только в силе и славе, но и в унижении. Иисус Христос, сын Божий, пришел к людям, вочеловечившись, рожденный Девой. Претерпел муки (как и человек их претерпевает), не унижил мучителей и умер на позорном орудии казни. Более того, он усомнился в своей избранности, и умирая, воскликнул: Отче, Отче, за что Ты меня оставил?!

И все же, придти к людям для их спасения в образе Бога – значит, быть отдельно, извне народа. Тот, кто хотя и разделяет с человеком его слабость и смертность, но ожидает Воскресения – уподоблен человеку слишком мало, а в самом трагическом – в смерти – не уподоблен.

Я же до конца человек, не только по *рождеству*, но и по *смерти* и *невоскресении*, и то, что мне предстоит, не больше и не меньше того, что предстояло моему отцу на Безымянной высоте.

Как каждый солдат, я не стремлюсь к смерти, и надеюсь ее избежать, но... кто знает, что его ждет в противостоянии злу?

Вот почему в горестях и болезнях приступаю я к своей Главной книге – я должен уподобиться моей бедной России, которая на грани исчезновения – и я сам не чаю, буду ли жить – сердце болит, отчаянье клонит долу, и мрак вокруг меня...

2.

Когда-то давно, начиная Металогiku, был я весьма о себе высокого мнения, я думал, что у меня своего рода миссия – объяснить нашу жизнь, причины ее изъянов, показать пути и способы ее преобразования.

И вот, в очередной, уже последний (?) раз редактируя свой Учебник математики, находя в нем множество ошибок и несовершенств, разочаровался я в своих способностях – уж если книга по математике оказалась так плоха, то вправе ли я ожидать, что моя философия будет глубже, чем у других? Вправе ли я думать, что я *самый умный*?

Нет, скорее правы те деревенские бабы, которые неодобрительно относятся к моей дружбе с детьми, к моим конфетным им подаяниям, считая, что я их балую сверх меры и тем развращаю. И вот теперь я понял, что был чрезмерно самонадеян, и надо мне еще ума набираться.

Правда, немощи я уже набрался сверх силы, и пора мне торопиться писать, а то сдохну, и никто не узнает – и о моем самомнении, и о разочаровании, язвах моих и последних чаяньях.

Если России я не пригожусь, не нуждается она во мне как в спасителе (как и Израиль отверг своего и даже распял, а уж и молод

был и красив, и исцелял больных и чудеса совершал), то могу я, быть может, пригодиться тем из своего поколения, которые еще не заросли житейской тиной безучастности и нуждаются в слове или хотя бы лепете о том, что их тревожит. А я-то хотя и худший из тех, кто мог бы к ним обратиться, но я один из них, а другие от них отстоят. Да, молодой и талантливый напишет лучше, сильнее и выразительней, но он молод, а они уже на закате, они слабы и косноязычны, а он красноречив, жизнь ему улыбается, а от них уже отвернулась – многое ли он поймет в их нуждах?

Следовательно, я еще пригожусь хотя бы немногим, не все уткнулись в телевизор, и в приключения разбойников и их любовниц, остались в моем поколении и романтики, и читатели, остались у них и вопросы, на которые литература 19-го века ответов дать не успела.

3.

Я родился в деревне, и во многом остался тем же наивным мальчишкой, каким был тогда.

Прожив пятьдесят лет в городе, не впитал я в себя асфальт и бетон, не стал "цивилизован". Но и город и деревня в меня вмещены как две культуры, дополняя друг друга, как народная песня и "городской" романс. Как ни удивительно, но я был книжным человеком с семи лет, и впитывал в себя литературу как сухая почва воду.

... Ну и ладно... Я хотел написать о другом. Мне надо торопиться со своей книгой, по ночам болит сердце и ноет поясница, да и не только снаружи, но и внутри.

Смогу ли я ответить на вопросы, которые задают себе мои сверстники – а еще не известно, знаю ли я, о чем они спрашивают? Впрочем, это не важно, я могу разговаривать сам с собою, а будет ли это еще и разговор с другими и с Богом, зависит от того, насколько другие и Бог в меня вмещены. Разговаривая с собою, я зато не буду разговаривать с олигархами, с преступной властью и разбойничьей бандой, но только с их жертвами. Не буду я разговаривать и с тем Богом, который слишком надменно противостоит человеку, по уверениям его адептов, – "прах ты и в прах возвратишься и все в тебе мерзость и ничтожество, а Я бесконечен и непостижим!" – нет, братья (и девицы), это не так, мы даже бесконечное небо объемлем своей мыслью и чувством, и у нас есть свой Бог, который хотя и молчит, но может быть читает мои письма.

Может быть, и кто-то из людей прочтет мои "письма", не все же только развлечения и смехота, спорт, раздевания, погони, убийства из-за угла и в "честной" поножовщине, "она его не любит" и он пьет с другой, делёж наследства и власти, выборы под ковром и очередь за поддельной водкой, когда-то и к людям подступает тоска и хочется услышать... не только вой ветра, обкатанную проповедь о первородном грехе и привычную молитву о помощи, возносимую надмирному Богу, но и живое слово если и не самого умного из нас, то все же дерзнувшего заново рассмотреть прах нашей жизни, и прах наших Заповедей, с

которыми мы ведь и не спорим, и не слишком нарушаем, но спасения все равно не видим...

Да, может быть, кому-то и мои "письма" будут интересны, если не вопросами и ответами на них, то неудовлетворенностью жизнью и ее плодами – а именно это самое главное. Удовлетворенный приобрел все, ему уже и незачем читать. А что приобрело мое поколение?

Многие из нас собирали грампластинки, сегодня не на чем их проигрывать. Иные собирали книги, подчас переплачивая за них на черном рынке, а теперь эти книги обесценились, к тому же оказалось, что в них не было главного. Истории и философии мой современник был лишен начисто, вместо них катился вал самовосхваления победителей. Но кто же победил? Нечистая сила. Их восхваления были ложью и отравой.

Мы – последние романтики, повторял я не раз – но и наш романтизм был во многом ложным, замешанным на комсомольской патетике (я не был комсомольцем, но я был исключением).

Одни трудились на целине – где теперь эта целина?

Другие ездили на БАМ? А теперь заржавели не только его рельсы, но и Россия.

Чего же мы добились? – думает мое поколение, пересчитывая нищую пенсию, шарахаясь от милиционера, от чиновника, от падающей со стен штукатурки, от пьяных подростков, выбирая лекарства попроще, колбасу подешевле и книгу потоньше... А где же «через тернии к звездам», цветы на Марсе, «разрушение мира насилия» – а с ним и всей красоты России? Зачем погубленные леса, замутневшие реки, заросшие бурьяном и ольхой поля, безобразные свалки вокруг городов и на околицах сёл? И кто за это ответит?

Наши хозяева нашу Родину завоевали – сначала в 17-ом, украв у нас мечту о справедливости, затем в 45-ом, украв у нас Победу, затем в 91-ом, украв у нас мечту о свободе.

Завоеватели ни за что не отвечают, пока не случится Куликовская битва и "Взятие Рейхстага", пока не изольется Гнев Господень на всех нас, а больше всего на невинных.

И поэтому отвечать приходится мне, ибо успешный и самодовольный ни за что не ответит, ничего не объяснит.

Я не получал званий и премий, знаков отличия, похвал и наград. Меня не издавали, меня не читают, не замечают, даже от миссии, которую Бог возложил на меня в шесть лет, сегодня Он отказался – ибо сильным мира сего я не только не нужен, но и враждебен. А сегодня и Бог в сообществе сильных, только когда Он был гоним, вместе со мною, был Ему и я интересен.

Что вам скажет властитель о жизни и вашей судьбе? Разумеется, он скажет, что все идет хорошо, а через 50 лет станет лучше... (некому будет спрашивать).

Что вам скажет обласканный властью? Он подтвердит слова начальства или споет гимн во славу торжествующей жизни (она у них торжествует).

Что скажет "настоящий" интеллигент?

Он занят наукой, литературой, искусством, он созидает вечное, у него нет времени на повседневность.

Что скажет обыватель? Если он еще не болен, не голоден, из окон не дует, и "за ним" не приходят, он скажет, что "пока все идет хорошо", и менять ничего не надо.

Ах, как жаль, что не стало еще в тысячу раз хуже!!!

А если и станет? Если гекатомбы расстрелянных, братские могилы умерших от голода, миллионы обращенных в лагерную пыль – разве это кого-нибудь хоть чему научило? Или научит завтра, если всё повторится? Народы не достойны ни радости, ни страдания, "их не разбудит чести клич, наследство их" ... заурядно...

Поэтому я не надеюсь, что спросит меня о чем-нибудь современник. Хотя... бывают и исключения... и если они случатся, то чьи же слова ему слушать, исключенному из всеобщего – слова преуспевающего, замасленного жизнью, "плоть жизни" отождествляющего с нею в целом, – или отвергнутого, как был отвергнут и сам сын Божий?

4.

А может быть, я пишу сам для себя, мне ведь тоже нужно в себе разобраться, оправдаться, оставить объяснительную записку... Ну, а тогда не важно, будут ли у меня читатели, я и сам их не хуже, и когда завершу свою книгу, напечатаю, переплету – хотя бы и в одном экземпляре – то внимательно прочитаю. Может быть, тогда я скажу: да, вот это хорошо! – а тогда и тяготы жизни покажутся легче.

Да, ради этого одного тоже писать оправдано. А что пал духом, разочаровался в себе и в окружающем, и тем не менее сажусь писать – да это-то вдвойне оправдано! Чтó я глубокого скажу, пока скачу по цветущему лугу как жеребенок?!

А вот потрепанный и согбенный, сердце болит, болит и спина (потому что ось жизни накренилась) – на краю преисподней, на краю жизни, еще не выпустив ее из рук, но в холодном поту со слабеющими руками – вот именно теперь я и смогу что-то важное сказать, себе или другим, и вдруг что-то изменится к высшему вследствие моей книги, во мне или других... Хотя бы только в одном человеке (хотя я претендую на большее)!

Мне советуют писать занимательнее, чтобы читали многие – но меняет ли человека занимательная литература?

Кто меня менял самогó? Конечно, друзья и родные, школа и университет, и культура в целом, в том числе и занимательная литература, и Жюль Верн, и Майн Рид – но Пушкин и Лермонтов и Некрасов, их поэзия – больше! А потом Аристотель, Беркли, Фихте, Страхов и Данилевский, и Новый Завет; Даниил Андреев и Солженицын (его Архипелаг) – уж это-то совсем не занимательная литература! И многие мыслители и писатели, не старающиеся меня развлечь или позабавить, но – пробудить! А нам больше нравится, когда нас баюкают, а не когда будят!

5.

Что за книгу я начинаю писать? Завещание, воззвание, Назидание остающимся?

Высшее "я" человека, его духовное "я" – это то, что *связывает* его, *привязывает* к миру – культуре, народу, языку, исторической памяти.

К духовному "я" относится и любовь – к женщине, семье, природе, родине. Богатство, власть, положение в обществе – мирская часть личности, своего рода ее тело. Духовный человек распространяется вне, на то, в чем и через что он существует – на часть культуры, с которой он непосредственно общается, на город или селение, в которых он живет, лес, поле, реку, которые его окружают, театр, музыку, книги, через которые он возносится. Те негодяи, которые ломают старые здания и на их месте возводят свои вертепы – это бандиты, ворвавшиеся в чужое жилище и уничтожающие то, что не им принадлежит. Это убийцы – убивают ли они человека, или почву, из которой он произрастает. Это вампиры, питающиеся нашей кровью. Диалог с ними невозможен, русского языка они не знают, русская культура им чужда. Их можно только ненавидеть, как ненавидели мы гитлеровских захватчиков. И по какому праву убивают они наши здания – разве Петербург не принадлежит его жителям?

Но есть ли духовные люди, живущие не только для себя, и не только собою? Христиане спасают свою собственную душу, плачут ли они о душе Петербурга? Буржуа наполняет алчный кошелек, плачет ли он о бездомных детях? Потомки сталинских конвоиров ходят с портретами своего вождя, оскверняя память убитых. О, как много еще благословляющих плен и рабление, и как мало любящих тысячулетнюю целостность России, как мало любящих свободу, а не духовное рабство!

С кем пойти на поле Куликово, к кому воззвать, найдется ли среди ста миллионов русских триста спартанцев?!

24 августа, вторник, подъезжая к Питеру. Все, что обо мне скажут хорошего мои друзья – преувеличение, друзья и возлюбленные склонны идеализировать своих избранников, не замечать его недостатков или прощать их.

Но что обо мне скажут ненавидящие меня – чистая правда, даже, может быть, не вся.

Достоевский говорил, что все его герои – это он сам, и нет той мерзости их, которую бы он не находил в себе.

Обманщик, клятвопреступник, лжесвидетель, растлитель, похититель денег и душ – вот неполный перечень моих обвинений. И хотя я не насиловал и не убивал, но разве этого не было в моих снах и мечтах?

Я не растлевал малолетних, как в этом обвиняли нашего "злого гения", но разве не сладострастен и я сверх меры?

Я не останавливал в подворотнях с кистенем в руках, не проламывал черепа, не совершал и не замышлял убийства – но разве я не мечтаю с

веревкой на шее повести на Лобное место банду воров и негодяев, растливших и ограбивших Россию, способствовавших преждевременной смерти стариков, умноживших ряды бездомных, три миллиона детей загнавших на чердаки и подвалы, растливших и ту часть народа, которая благополучна, ибо их благополучие залепило им глаза и уши, не дает видеть беды и язвы России, их благополучие СМЕРДИТ, если в них не болит боль бесправных, униженных, обманутых, гонимых.

Я – вождь страдающих. Придите ко мне те, кого осудили несправедливые судьбы – ибо в России судья осудит за деньги собственную мать; кого били пьяные менты (и трезвые) – ибо в России мент презирает всех, кроме начальников; кого замучили чиновники – поборами, волокитой, неисполнением долга и обязанностей.

Придите те, кого сатанинская власть лишила будущего – ибо она лишила достойного будущего лучшую часть народа – реки и воздух отравлены, деревни погибают, поля зарастают, промышленность разрушена, образование падает, наука хиреет, армия разложилась...

Всё плохое, что обо мне скажут ненавидящие меня, правда, но если бы даже она была трижды правдой – лучший из них хуже меня во сто крат.

Читайте мои стихи – они совершенны, читайте и романы! – даже мои любовные романы достойны восхищения.

Обыватель! Отец твой погиб за Россию. Оторвься же от телевизора или стакана, оглядись окрест себя, *чтобы душа твоя страданиями человеческими уязвлена стала!* Кто дороже тебе: царь-растлитель или поэт-искуситель? Неужто и ты, как древние иудеи, выберешь разбойников и распнешь поэта?

Вопросы, проблемы, заботы, стоящие передо мною – это и есть те самые вопросы и заботы, которые стоят и перед Россией и перед бодрствующим русским самосознанием. Мои собственные заботы не важны, им я отдаю дань *между прочим*.

Да, так ли уж сильно меня заботит, смогу ли я свой учебник математики распространить шире, нежели для библиотек в 20-ти экземплярах?

Ну, бродят во мне еще смутные мысли о соблазнении Танечки (или Анечки, или еще иной очаровашечки) – но эти смутные мысли не нагибают меня долу, не сводят с ума, не наполняют тревогой или отчаянием. Напротив, они меня утешают в том отчаянии, которое нагибает меня долу. Если и пишу я о девушках, за которыми изредка ухаживаю, то потому, что словно бы делаю вдох свежего воздуха, когда задыхаюсь от смрада, клубящегося над моей несчастной Россией.

Иногда я и распиваю то с тем, то с другим, чего мне нельзя, потому что сердце болит и из-за этих распивов – но я ведь пока еще живой человек, не политик, упражняющийся ежеминутно во лжи, не судья, ненавидящий невинных, не охранник, презирающий невольных.

Глава вторая. ДВА НАРОДА

1.

Мое отчаянье все возрастает, и уже не любовью дышу я к России, а ненавистью. Ненавижу я прежде всего интеллигенцию, ведь если разбойники захватили Россию и ее ограбили, то они и не остановятся в своем рвении, а будут обирать ее, пока она не издохнет от голода.

Но ругать ли разбойников? Это ведь их разбойничья сущность, и другими они не будут, как стервятник не станет щипать траву, а будет клевать падаль.

Но в интеллигенцию мы верили, мы создали образ ее «белых одежд» и ждали от нее подвижничества, а она удовольствовалась крошками с разбойничьего стола и только как кошка стоит на задних лапках и облизывается. Она мурчит, но даже *мякнуть* не смеет, она еще виновнее в тяжелом сне России, потому что это она поет ей колыбельную песню и рассказывает сказки, которые мою страну усыпляют все больше.

Народ же достоин презрения...

Вот Митя вернулся из поездки по Украине и Белоруссии, и рассказывает, что у них даже комаров нету. А как только границу переехали, тут же грязь и мерзость запустения, и комары тучами, будто они у нас специально выводится и за границу к чужим не летят...

Так и на Украине, и в Литве, и в Белоруссии. Обочины вдоль дорог там не заросли свалкой, и в лесу пройдет не только танк, но и человек, и есть места для привалов, и Охотничьи домики, и воду из речек даже пить можно!

Как становится больно за мою несчастную Родину, где озера превращены в болота, а в болотах даже кикиморы уже не живут!

Но интеллигент подсчитывает баллы ЕГЭ, на которые втихомолку плуется, а вслух хвалит преступную власть, хвалит и облизывает!

Но надо опереться на лучшее в человеке в борьбе за него самого. Вот так же и в борьбе за Россию надо опереться на тот народ, которому она дорога – а это вовсе не значит, что надо опираться на этнос, на русских по крови. Как и у всякого человека и душа и плоть, да и душа не раздвоена ли, так и у всякого народа он не один, а в нем их два, во многом противоположных, и один народ эту Россию созидал в духе, другой – хотя и участвовал в ее строительстве в качестве матерьяла, но часто ненавидел, и безжалостно губил, или сам, по своей воле, в бунтах и в пожаре последней антирусской революции и гражданской войны и коммунистической перестройки, переломки – или под предводительством злых темных сил, преимущественно своих по крови, но инородческих или иноземных по духу.

Подлинный народ – это малый народ, то есть духовная часть народа, или МЕТАНАРОД – РЕКА с ее притоками, истоком и устьем, долиной, ложем... РЕКА, которая тождественна себе, желает собою оставаться, даже если и выходит из берегов.

2.

Страстные публицисты и писатели, начиная с Радищева, продолжая Пушкиным, Некрасовым, Ивановым-Разумником и кончая Шафаревичем, разделили народ на две части, и одну из них, большую, обвинили в равнодушии к общественному злу, нежелании его искоренять. *Чернь* (по выражению Пушкина, *мещане*, по выражению Иванова-Разумника (а в таком отрицательном смысле термин этот, по-видимому, введен Мольером в его комедии "Мещанин во дворянстве")) – вот общественная низость, вот негодяи, не желающие жить для "высокого" (хотя бы они и ходили в церковь и молились), а тем более для революции. Горький и Маяковский, сами будучи мещанами, обличали их наиболее страстно.

У Шафаревича я заимствовал идею о двух народах, *малом* и большом (хотя первоначально идею малого народа развил французский историк Огюст Кошен применительно к Великой Французской революции), но если Шафаревич под *малым народом* понимал некую гремучую смесь из евреев, инородцев и плохих русских, противостоящих хорошему большому русскому народу, то я эту идею переосмыслил, переиначил, перевернул.

Кто же является творцом истории, культуры и цивилизации? Разумеется, не подмастерья а мастера, не рабочие а инженеры, не каменщики а зодчие, не переписчики а писатели и философы. Везде лучшая и творящая часть – меньшинство, а косная, неразвитая, равнодушная к культуре, живущая, как и в Риме для хлеба и зрелищ – большинство! Или в Риме ПЛЕБС был плохим, а в России он лучше? Или у эллинов это чернь отравила Сократа, а в России не чернь спалила дворянские поместья, разрушила храмы, убила Гумилева, довела до самоубийства Цветаеву? Нет, именно *малый народ* укоренен в истории и культуре, он пишет книги и их читает, он создает спектакли, сочиняет стихи и музыку и ходит в театры и концертные залы! А большой не помнит родства, кроме ближнего, не знает истории и чужд культуре. Крестьяне не были таковы, они пели песни и самоотверженно работали, они полили своею кровью все леса и поля России и Европы, но вырос новый народ в городах, который говорил пренебрежительно «дярёвня» и гордится победой в войне, за которую заплачена неимоверная цена – ВСЕ ОТЦЫ у моего поколения убиты на той войне, и вы, живые дети живых отцов, не смейте гордиться той войной, это не ваша победа, а наша Голгофа! Не я погиб, но война оставила меня сиротой, переехала молодость моей матери, и миллионы достойных людей бывшего великого русского народа убиты и загублены, чтобы сегодня городской плебс, попивая пиво, говорил: мы достойны, потому что у нас Толстой (его никогда не читая), и у нас Обухова (ее не слушая и не зная).

Большой народ давно уже ленивый и пьяный, но сегодня еще пьянее и ленивее. Прежде он хотя бы рожал, а сегодня живет за счет того что

бездетен, и его царь, которого он любит, продает мою сибирскую нефть иноземцам, которых они оба не любят, но царь отделяет ему толику на выпивку и закуску.

Не относил к черни крестьян и Пушкин, а называл вместе с другими НАРОДОМ, потому что крестьянство кормило не только себя и своих детей, но и дворян и армию и государственных служащих, и на нем лежали основные тяготы по защите и расширению империи. Кроме того, у крестьян была своя самобытная культура и историческая память, и русские былины достались дворянам от крестьян.

Но сегодня в деревне не только не поют, но даже не пашут и не сеют.

Сегодня в России два народа, и граница между ними проходит не по уровню образования, не по положению в обществе, не по принадлежности к сословию и даже не по национальной принадлежности. Все те, кому Россия дорога и кто ею болен – это мой малый народ, а безразличные к ее судьбе, живущие только для хлеба насущного и развлечений, или для кого родина там где больше платят (не говорю о разбойниках во всех органах власти) – это народ мне враждебный, это гунны и инородцы, даже если их пращуры и родились в России. Евреи в этом отношении не исключение, и для кого из них Россия родина, кто связывает с нею свое будущее и будущее своих детей, тот русский.

И все же обыденный, массовый, национализм (национализм черни) противопоставляет именно свой большой народ другим, соседним народам. Наше, де, лучше. А таким, как я, они кричат: вали отсюда, если тебе здесь не нравится! Будто бы Россия принадлежит им. Будто бы это они ее создали. Будто бы это они написали русские романсы, Войну и мир и Преступление и наказание (а они их даже не читали). Будто бы среди них Растрелли и Пушкин, Цветаева и Есенин. (А они по-русски и говорить не умеют).

Но читаю в «мировой паутине»: «малый народ презрительно отвергает традиционные ценности массы (большого народа); презирает его историю, его достижения. Причем *малый народ* почему то не способен изобрести что-то новое, творчески импотентен».

В детстве, которое провел я в деревне, видел я оба народа. Меньшинство было запевалами, гармонистами, работало от зари до зари, умело ткать и украшало жилища. Другие были пропагандистами и агитаторами, рушили храмы, сгоняли народ на собрания и требовали выявлять врагов народа, причем находились эти враги среди самых работающих, красивых, талантливых. Разве не так же было и в других деревнях? Да, большинство не бежало впереди, но оно покорно следовало за вождями, поднимало руки в голосованиях, охраняло нас на зоне, плакало при смерти палача. Да, у них была своя история и свои достижения, они сожгли пятьдесят тысяч дворянских поместий, разрушили столько же храмов, построили несколько водохранилищ среди

рек и болот, залив водой древние города... Они и работали и рожали, но все же хуже и меньше, чем те, кого раскулачили. Они и сами, первые, разделили народ на две части, и всё способное объединили в кулаков и подкулачников, уничтожая их или обрекая на голодную смерть, ссылая даже на необитаемые острова без продовольствия и семян.

Да, у них была своя история и свои достижения, они убили дочерей царя, они убивали или насильовали дворянских дочерей, они даже насильника последней безобразной чеченской войны произвели в герои своего большого народа, якобы русского. Но не они создали русский язык, не они его распели, не из их среды Ломоносов, Лермонтов и Суворов (но из их среды кровожадный Жуков), и даже я не из их среды, сын крестьянина-воина и крестьянки. Способны ли их вожди писать стихи, обучать математике, вскопать и засеять огород, живя своим трудом – как это умею я? Нет, их вожди из грабителей банков, недоучившихся семинаристов, предводителей лентяев, юристов или их детей. В особенности юристы хлынули в вожди и пророки, начиная с Ульянова, и сегодня они подменили собою и ум, и честь, и совесть России.

А большой народ без прежних дворян даже пахать и сеять разучился, заросли поля России, запаршивели ее леса, реки и озера.

Самым наглядным образом наш народ разделяется на две части по отношению к Сталину. Во время недавнего голосования, когда спрашивали, какое имя олицетворяет гордость России, 51 процент голосов был отдан за Сталина, часть воздержалась при голосовании, и только кучка негодяев выверилась против всенародного любимца. Это ли не показатель разделения нас на два народа, большой и *малый*? И вот, оказывается, именно сталинисты составляют большой народ! И что же, смеют ли после этого так называемые патриоты упрекать меня в недостаточной русскости, перемешав в своей идеологии грузинского восточного сатрапа, марксовский интернационализм, пролетариев всех стран, евразийство, немецкий нацизм и французский шовинизм? Более того, большевистский атеизм умудряется сегодня побрататься с православием, монархизмом и новым русским капитализмом – и эта отвратительная смесь называется ныне патриотизмом.

Но рассмотрим хладнокровно деятельность Сталина.

Во-первых, в эпоху революции и гражданской войны он участвовал в уничтожении Российского государства и лучшей части русского народа вместе с другими, играя хотя не первую роль, и лично уничтожил не меньше народу, чем Троцкий и Ленин.

Начиная с первых шагов коллективизации и до самой смерти его первенство в истреблении народа уже неоспорима, и террор редко становился меньше, чем в 18-м или 19-м годах, так что и Ленин и Троцкий имели в его лице достойного преемника.

Крестьянство было разгромлено не беспорядочно, как бывает в военных действиях, а уничтожались зажиточные (прежде всего, работа-

щие) и все, кто выделялся из общей массы *лица необщим выраженьем* – сознательно или нет, но удар был нанесен, так сказать, по аристократии дворянства – но они-то и входили в мой *малый народ*.

Среди интеллигенции подверглись репрессиям и расстрелам наиболее независимые, начиная с Гумилева, расстрелянного в 20-м году – хотя в это время Сталин и не был единоличным диктатором, но его ответственность несомненна – разве из руководителей Третьего рейха только Гитлер обвинен в массовых убийствах?

Позже часть большевиков, "верных ленинцев" и троцкистов тоже подверглась преследованиям, и теперь они пытаются доказать, что именно их Сталин и уничтожал – однако если из 25 миллионов арестованных троцкисты и составляли несколько десятков тысяч, то это самое большое. Следовательно, не партийный аппарат затронут террором, а крестьянство и интеллигенция. Можно взять из книг памяти сотни имен, и станет непредубежденному человеку ясно, что в мясорубку попали они не случайно

Важно рассмотреть деятельность Сталина в отношении к двум народам, большому и *малому*. Да, в мясорубке террора и войн перемальвались оба народа, и все же избирательному уничтожению подвергнут был именно мой *малый народ*. Хотя бы возьмем поэтов, и вспомним самых талантливых и достойных.

Гумилева расстреляли еще в двадцатом году по лживому обвинению.

Есенина убили в 25-м даже без обвинения. И Маяковский, их преданный слуга, в этом же скорбном ряду.

От голодной смерти на зоне умер Мандельштам. В 37-м убили Бориса Корнилова и Павла Васильева. От голодной смерти в тюрьме умер Клюев. Затем до самоубийства довела эта власть Марину Цветаеву, отказывая ей даже в месте прачки во время войны и тоже обрекая на голодную смерть.

Ольгу Берггольц большевистская нечисть казнила еще сильнее, коваными сапогами во чреве убив ее ребенка – или не Сталин бил ее коваными сапогами? Ну, тогда и не Гитлер виновен в газовых камерах!

Да и смерть Даниила Андреева на совести у античеловеческого режима, хотя он и умер после освобождения из тюрьмы!

Где, когда, какой народ убивал столько поэтов в одну эпоху?

3.

19 января 2012 года. Крещение. Многие из наших русских патриотов – националистов, нацистов, фашистов, скинхедов, нацистов и противников иммигрантов злостуют под лозунгом: «ПОНАЕХАЛИ ТУТ! Мочить их надо, чтоб неповадно было!» Правда, почему-то распространяется их ненависть не на кавказцев, а только на южан.

А как вы отличаете *тех*, не так наехавших, от наших *коренных*,

например, от чувашей, которые православными может быть стали раньше вас, спрашиваю я?

А как вы отличаете «понаехавших» от тех, кто всегда были нашими гражданами, жили в одной стране, и переезжали с места на место – как и русские переезжали и «понаехали» к ним на окраины?

Или и таких мочить? И не мочить ли и русских с тех окраин, которых там мочат изо всех сил, и бегут к нам в чем мать родила, а здесь власти над ними издеваются, не дают ни работы ни прописки? Мочить и русских? НУ ВЫ И СВОЛОЧИ! Мочить надо сначала вас, с другими мы будем потом разбираться, вдумчиво...

Что такое НАЦИОНАЛИЗМ? Это убеждение в главенствующей роли *национального* (но не племенного) начала в культурном и историческом созидании, а также в формировании личности.

Когда человек ставит на высокое место узы семьи и дружества, значит ли это, что он презирает или ненавидит чужие семьи или чужих друзей?

Вот также я говорю, что в духовном становлении личности народное (или национальное) играет главную роль, что человек без корней – перекасти поле, Иван не помнящий родства, и его творчество не продуктивно.

Я бы назвал себя народником, если бы не стало это слово не только двусмысленным, но даже многосмысленным, во-первых, потому что подлинно национальное (подлинно народное) сосредоточено в довольно узком слое носителей национальной культуры, памяти и языка. Если НАРОД будет следовать за своими гениями и пророками, а не за партией воров и жуликов, тогда я остановлюсь в обличении его язв – точнее сказать, именно тогда он от них исцелится! А пока он отрекся от собственных песен (или большой народ хотя бы по пьянке поёт русские народные песни?), пока он отрекается от собственных царей во имя инородцев, от собственной религии во имя марксизма, от собственной славной истории – до тех пор нет у меня ему оправдания!

К слову приведу удивительную историю. Рассказывает мне знакомая женщина, что родилась она в Сибири, и когда поступала в первый класс, спросили ее про национальность, на что она гордо ответила, что она *чалдонка* (так называют потомков ермаковских казаков или, шире, коренных сибиряков), и только позже узнала, что родители ее евреи. Но ведь и я чалдон, и я беру ее в какой угодно *мой народ*, потому что хотя я русский из русских, но не по крови, а по духу подлинная общность людей, в том числе и национальная – по языку, происхождению, культуре, памяти, общей судьбе. Какая у меня общность с придурочными «нашими»; какая у меня общность с скинхедами; с фашистами; с *единой* якобы *Россией*, с ментами, чиновниками, грабителями и чекистами?

В обществе давно уже витает идея *Народно-социалистического* движения, но надо помнить, что ни марксизм не имеет ничего общего с социализмом, ни зюгановская сталинистская коммунистическая партия, ни Большой народ не является *народом*, почти столетие поддерживая *антинародные* правительства и космополитическую идеологию Маркса и Ленина, а теперь «новорусского» чекистского капитализма, продающего Россию Западу и превратившего ее в его сырьевой придаток.

Времени уже нет. В 16-м году русские перестанут быть большинством в России и она начнет распадаться на части. Я не говорю, что русские лучше татар или кавказцев, может быть они во многих отношениях даже хуже (например, преимущественно *равнодушны* к своей национальности, народности, опускают ее в душе и в обществе), но государство скреплено главенствующим народом, и если догниют скрепы, то падение России станет самой сокрушительной катастрофой европейского мира и истории последних столетий.

Хотя я националист, я не скажу, что русские лучше кого бы то ни было, у каждого народа свои достоинства и недостатки – но моя жизнь, и жизнь моего рода связаны только с Россией, и я не хочу, чтобы мой род прервался.

Да разве российские Шамили и Радзивиллы не связаны ТОЛЬКО с Россией и не прервется ли и их род (в том историческом контексте, в котором он существует столетия) с крушением России? Не прервется ли и российский ислам, российский буддизм, великая культура всех коренных народов России, неотделимая от русской культуры? Нивхам плохо при нынешней преступной и дикой власти, и ненцам плохо, и немцам плохо – но станет ли лучше и им, и татарам, и даже евреям, когда Сибирь будет заселена китайцами, Дальний восток японцами, а вдоль Волги возникнут пятьдесят новых ханств? Одна умная русско-еврейская баба (еврейская по уму и происхождению, русская по культуре и духу) вдруг, наконец, после бесконечной злобы советской и российской публицистики к национальной идее (и к еврейской национальной идее в том числе, то есть к сионизму) вдруг опомнилась и воскликнула: существует национализм аристократов, предполагающий ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, и существует национализм жлобов, предполагающий ненависть к другим. Опомнилась, вдруг понимая, что и Латвия и Эстония и Литва и Чехия и Словакия возродились на национализме (или космополитизме?), и Франция сопротивлялась немецкому господству на национализме (или народной идее) и даже Жанна Д-Арк была вождем национального, народного сопротивления.

Сложно сегодня назвать себя *народником*, но может быть придется, потому что термин «национализм» одними опорочен, другими оболган. А сложно потому, что хотя я ли не народен? – но далек я от нашего большого народа, и потому что витал я кроме городских частушек еще и старинные русские песни и музыку Вагнера и Бетховена, и умею кроме крепкого русского словца еще и писать на лучшем русском языке в сегодняшней России, и знаю не только интеграл и дифференциал истории

(по выражению Толстого), но и множество разделов высшей математики, которой даже учил превосходно студентов, и читал я русских писателей и историков, и не вступал в комсомол, а только в пионеры, и хожу в театры и в концертные залы, и люблю русское прошлое, не любя после-революционные десятилетия антирусских бесчинств.

Я принадлежу к моему *малому русскому народу*, вместе со своей старой женской крестьянской родней, вместе со своей мужской родней, тоже из крестьян, но погибшей на войне, вместе со своими близкими, «ближними и дальними», иные из которых получили прекрасное образование, другие учились меньше, но обладают умом и вкусом. Вот главный критерий в различении двух народов – вкус, способность к отличению красоты, справедливости, добра.

Сегодня происходит реинкарнация сталинизма.

Они боятся потерять свою халявную власть и пойдут на все, будут убивать, будут безжалостны.

Но большевики были закалены многолетней бойней, для миллионов убийство было привычкой, а у нынешних правителей нет своих миллионов псов-убийц, они еще должны закалиться – и вот этого времени им на закалку давать нельзя. Власть у них надо отобрать раньше, чем жажда крови станет их главной природой – сегодня же их главная природа – производство или отбирание денег, но они еще боятся массовых убийств своих противников.

Однако мы должны противостоять им в духе несокрушимо, мы сами должны преодолеть страх смерти, мы должны стать готовы к ней, как солдат, идущий в атаку. Мы должны стать новыми римскими легионерами, новыми спартанцами. Если нас будет только триста человек, этого хватит, чтобы свергнуть банду, осатаневшую от денег, растлевающую и убивающую народ, и большой и малый.

Но мы не должны им уподобиться. Устрашение и террор – не наше оружие, к террору прибегают тираны, мы же противопоставим врагу волю, бесстрашие, свободу, силу и величие духа.

Но как мы их будем свергать? – спросят меня.

Этого я не знаю. Но я верю, что когда нас, таких как я, станет хотя бы десять, придет знание. Надо только начать. Не требуйте теперь от одного меня, последнего русского, чтобы я ответил на все вопросы. Пусть на поле Куликово придет еще хотя бы один, даже вдвоем нам будет легче узнать, что делать.

В походе на Рим участвовало десять тысяч безоружных чернорубашечников – и они привели к власти Муссолини; на Невском проспекте в феврале семнадцатого года уличная толпа разгромила булочную – и Николай отрекся от престола; в 1815-м году низложенный император Наполеон высадился на берег Франции с горсткой сторонников, и Людовик бежал из Парижа; и, наконец, Корнилов пришел на Дон с тремя верными товарищами – и запыхлала Россия.

Не спрашивайте у меня: как? Спросите у себя, хотите ли вы освободить Россию!? Если узурпаторы власти боятся худосочных митингов оппозиции, собирающей несколько десятков сторонников, то когда нас станет хотя бы триста мужественных, не боящихся смерти, они умрут от страха!

Если не мы, то уже никто!

Россия мелеет, как река в засуху, скоро по ней не проплыть на плоту, а завтра и кошку не напоишь из Волги!

Соотечественники! Те, кто хочет жить в достойной России, а не в стране воров и взяточников, ментов и дешевой рабсилы из нищих окраин; кто хочет чувствовать себя хоть отчасти свободным и отчасти в безопасности; кто надеется, что дети и внуки смогут получить достойное образование! Если вы не встанете с колен сегодня, завтра вы не сможете жить даже на коленях!

Но если найдется триста мужественных, *мы* отвоюем нашу страну! А вы будете рассказывать своим внукам, как дрожали в ханской конюшне и лизали пятки его баскакам!

Ты подружился с евреями, вскричали мне *патриоты* (вчерашние марксисты и «пролетарии всех стран»).

Но я и о евреях знаю больше, чем вы, потому что я образован.

Евреи сыграли важную роль в сокрушении императорской России и в истреблении русского народа, но вкуче с инородцами и иностранцами, и разве не вкуче с русской чернью? И разве не с русской интеллигенцией? И разве не ПОЛОВИНА офицерства пошла за большевиками? И разве не внучка первого Николая стала чекистским агентом, и не представители династии одели красные банты?

Жизнь проросла сквозь большевистский пожар, и появилась надежда на возрождение, но, наконец, и евреи одумались в содеянном – и свергли уже коммунистов – и стало снова хуже.

Да – потому что евреи свергли их *для себя*, и они получили, что хотели. Это русские должны были свергнуть коммунистический режим, но им понравилось жить в рабстве.

Сегодня евреи хотят свергнуть теперешнюю власть, придут совсем оголтелые, и станет еще хуже, говорят русские.

А что, кроме нынешних долбо..бов больше некому управлять Россией?

Но дело, как я уже объяснил, проще.

Кроме большого народа, то есть *черни* (а в ней кого только нет, и евреев, и русских, и диких детей латышских стрелков!), *любящей тиранов*, существует еще мой **малый народ**, подлинно русский, который и создал Россию, культуру, песни и сказания, написал Войну и мир, Анну Каренину и Боль и любовь. Этому народу не страшно, будут ли с нами рядом в нашей войне с нечистой силой евреи, чукчи и нивхи. Нечистая сила достала каждого нормального человека.

Чернь не имеет национальности, как и тираны безличны, это просто *безличное зло*.

Глава третья

ДВЕ ПРОТИВОСТОЯЩИЕ ЧАСТИ ОДНОГО НАРОДА

16 августа. За что любят Сталина?

Что он «выиграл войну», провел, якобы, индустриализацию, убил Троцкого и т.п. – это лишь попытка обосновать любовь, но любят не поэтому. Сначала любят, потом обосновывают и оправдывают любовь.

Но почему все же любят? Этого я никогда, видно, не пойму.

Ведь и сатанисты любят сатану!

Возможно, в некоторых сидит иррациональная любовь к злодеям и злодейству...

Но иные говорят, что он великий деятель русской истории, отомстил большевикам, разгромил Троцкого и других ленинцев, «принял Россию с сохой, а оставил ее с трактором и водородной бомбой»; «выиграл» войну.

Какой он принял Россию и какой оставил, это надо исследовать в обстоятельной работе, в которой было бы полезно сравнить Германию и Россию, Германию и СССР накануне двух войн; и тогда легко увидеть, что Россия накануне первой войны была на подъеме – во всех отношениях, и в промышленной базе почти не уступала Германии, а накануне второй войны Россия была в упадке, стояла на коленях. Бомбу же сделал и сын Ким Ир Сена – но сравним север и юг Кореи!!! Так не грех по аналогии представить, какой Россия была бы без большевиков и Сталина, и какой она стала с нашими латышско-грузинскими Ким Ир Сенами.

Что же до победы над Гитлером, то победил Сталин в своей личной войне с Россией и русским народом. Он остановил рост русского народа, который продолжался столетие, во-первых, истребив самую деятельную часть народа, опустив его, унизив, лишив корней, верований, надломив душевно и духовно, разочаровав в чаяниях, утомив тяготами, трудом, страхом. Об этом написано много и в художественной литературе, и в публицистике, и в воспоминаниях. Добавлять еще следует, но лишь для слышащих и видящих.

А изменить иррациональную любовь почти невозможно. Вот, например, мой товарищ любит Сталина. Что сделать, чтобы он его разлюбил? Надо, чтобы он полюбил Толстого, Пушкина, Достоевского, Бетховена и десятки других творцов культуры, а для этого ему надо прожить совсем другую жизнь с нуля. В этой жизни он уже не успеет вернуться из духовной пустыни к истокам культуры и пойти по другой дороге жизни. Вот так же невозможно объяснить разницу между особым решением дифференциального уравнения и огибающей множества особых решений человеку, не знающему даже элементарной математики, его надо сначала учить хотя бы десятилетие. И отношение к истории и жизни вырабатывается медленно, в том числе и культурой и математикой ...

Следовательно, бесполезно убеждать и спорить, а надо принять закон об уголовном преследовании за оправдание Сталина (как в Германии за оправдание Гитлера), злодеев надо хотя бы посмертно осудить и запретить пропаганду их учений и деяний.

Отомстил ли Сталин большевикам, справедливо в такой же степени, как и по отношению к Гитлеру, который приказал расстреливать комиссаров и евреев – надо ли его на этом основании считать положительным деятелем русской истории?

Ну и последнее. Принял ли Сталин Россию лапотной? Императорская Россия не уступала Германии ни в научном ни в промышленном отношении перед первой Мировой войной.

И с чем Сталин оставил Россию? Я много по ней проездил, провинциальные города до 90-х годов оставались почти неизменными с дореволюционных времен или были частично разрушены войной или промышленными новостройками и атеистическим наступлением на храмовое зодчество. Автомобилей и тракторов до Хрущевского времени не было, собственных станков мы почти не производили, качество изделий продолжало падать, железных дорог было столько же, как в 1916-м году, две единственные отрасли, которые нас приподнимали на «лапотным» уровнем – самолетостроение и ракетостроение – действительно развивались только после смерти тирана.

А бомба... она есть и у Северной Кореи, и только злоумышленник не захочет видеть разницу между стремительно развивающейся Южной Кореей и голодающей Северной. Я сам помню 52-53 годы – тихая, нищая, придавленная страхом Россия, только со смертью тирана и начавшая оживать.

Гитлер же воистину принял Германию в период экономической разрухи, а в 39-ом году она уже навязывала свою волю Европе – однако это не основание, чтобы «бесноватого» ефрейтора причислять к великим деятелям немецкой истории – хотя он Германию не изнасиловал. А рябой тиран именно распыл Россию на ханском ложе, он изменил характер русского человека, сделал из него покорного и бездейственного раба.

Почему терпим и нынешнее унижение? Шайка воров и чекистов взнуздала и ограбила Россию, насилует ее и вновь распинает – и где же протестующие? Их истребил еще «успешный менеджер».

В войне с Германией Россия проиграла, три четверти ее молодежи полегло на полях сражений, иные умерли с голоду, а те были расстреляны или погибли в наших или немецких лагерях смерти. Германия же хотя и была разделена на две части, но сохранила свой научный, экономический и духовный потенциал, да и народ пострадал неизмеримо меньше нашего.

Правда, по мистическому счету и она проиграла войну – были разгромлены ее идеалы мирового господства, превосходства и расовой арийской исключительности. Германия не только не приобрела новых

земель на востоке, за которыми ринулась как разбойник за легкой добычей, но и потеряла исконное свое – Восточную Пруссию, немецкие Судеты, Эльзас и другие земли, на которые когда-то имела историческое право претендовать. Она даже потеряла немецкую автономию в России, дарованную ей Екатериной.

Более того, кичащиеся расовой чистотой немецкие девушки за чечевичную похлебку ложились в постель к солдатам победивших армий, а теперь и вовсе турки и арабы обживают немецкие города.

Коммунистическая зараза подавила дух русского народа, надо освобождаться от последствий болезни, и не сравнивать достоинства и недостатки Ленина, Троцкого и Сталина – каждый из них хуже, они – погубители земли русской и души русской.

31 октября, понедельник, 18-45. Отчего произошли перевороты сначала 17-го, затем 91-го года? Отчего пала монархия, и республика, и воцарилась диктатура, а сегодня она вновь воцаряется?

Не знаю.

Хотя изо всех сил это пытаюсь узнать и понять. Правда, многие уже знают причины и следствия, и не только этих двух землетрясений России, но и многого другого, так что я, видимо, хочу узнать нечто иное, чем они, и их объяснения мне не подходят, они сродни тому, что думает подросток, пытаясь объяснить любовь – хочется, – говорит он, – вот и всё.

В отличие от событий физического мира, у житейских и исторических катаклизмов не бывает одной причины, но – сочетание их, а иногда и вовсе детерминистские связи, верные для физического мира, летят к черту.

Никто не ожидал крушения коммунистического режима, и мог он просуществовать еще сорок веков. Вот так же военные неудачи семнадцатого года не идут ни в какое сравнение с катастрофой сорок первого – однако же сталинская диктатура не дала даже трещины, и лучшая часть русского народа была принесена ей в жертву.

Русский народ в семнадцатом предал монархию, якобы не желая собою жертвовать ради ее спасения, а в сорок первом тела самых достойных своих сыновей разбросал по лесам и болотам для спасения самого кровавого тирана из всех, которых знала история. И сегодняшняя любовь к тирану – надругательство над убиенными. Но да русский ли народ является выразителем русской национальной идеи?

И французы предавали Францию не единожды, а спасали ее такие как Жанна; и русские – это не население, говорящее на русском языке, а те немногие, кто связан с ее историей и культурой нерасторжимой связью!

Но да ладно... Я начал с того, что причины тектонических сдвигов в истории русского народа я объяснить не могу; но также подчас необъяснимы и переломы в судьбе отдельного человека.

Глава четвертая

НИЗОСТЬ И ВЕЛИЧИЕ

13 ноября 2011, среда. Наша задача состоит в том, чтобы русскую аристократию объединить для отвоевания России у черни и у БАНДЫ предателей-кровососов, обгладывающих ее и для себя, и для заокеанских хозяев.

Но заходит речь о негодном правительстве, и иные придурки ну возражать: Да где ж нам другого, годного, найти?

Но ведь почти всякий может быть правителем, для этого не требуется специальное образование.

Вот Лех Валенса был грузчиком, Наполеон – артиллерийским офицером, Вацлав Гавел – драматургом, Керенский – присяжным поверенным... а эти-то, современные, вообще уголовники!

19 января 2012 года. Крещение. Снился мне удивительный сон... Правда, сны чаще всего удивительны и у многих, редко бывает, что просто снится, как пьешь чай или едешь в электричке... нет, снится или то, о чем втайне мечтаешь, или чего сторониться и что неприятно, или даже и не думаешь об этом, а оно вдруг является...

Итак, призывает меня вдруг Господь, Судия всех, и говорит:

– Решил я устроить показательный процесс, а для того захотелось мне посоветоваться с народом, кого надо судить прежде? Я у многих спрошу, ну вот, в частности, интересно и твое мнение.

А я раздосадован глупостью людской, причем той глупостью, которая носит прямо таки преступный, оскорбительный характер.

Приведу несколько примеров.

Правительство всегда пытается своих подданных охмурить, извратить смысл происходящего. Например, не хватает хлеба: или погода невиданно испортилась, как никогда прежде, якобы, не бывало (и приводятся данные за последнюю тысячу лет, конечно, сплошь лживые); или мыши (воробьи) сожрали урожай (и поднимаются архивы, и оказывается, прежде таких мышей не бывало; или это козни дьявола, или козни империалистов, или козни собственных врагов народа. Последняя причина неурожая выставляется чаще всего.

А чтобы козни воспринимались как сами собой разумеющиеся, вся атмосфера жизни формируется такою, что империалисты или враги народа являются просто тканью жизни. У нас в деревне после войны висели плакаты (и по всей России, конечно, тоже): «Болтун – находка для шпиона». Мужик с длинным языком, а из-за угла шпион с длинным ухом.

Посадили соседа на десять лет, ни за что ни про что. Другой сосед объясняет с осуждением: Болтал слишком много!

Первый сосед был мужик рассудительный и умный, имел независимое мнение, иногда его высказывал и отстаивал, хотя, в общем-то, был он осторожный, ничего крамольного не высказывал, возможно, его суждения не выходили за пределы быта – но рассудительность уже была подозрительна.

Да если он даже был молчун, надо же как-то объяснить, за что его посадили, и вот что он, якобы, *болтал*, это было легче всего выставить.

Тот мужик так и не вернулся из лагеря. И я думаю, что сразу его осудить, а не посочувствовать, это все равно что плюнуть на его могилу. Ни за что и ни про что.

В других случаях говорили еще так: Шибко умный! (С осуждением. И получалось, что посадили правильно. Или: меньше надо *высовываться!* А высунулся – на собрании высказался, что *общественную* помощь надо оказать вдовам фронтовиков, а не председателевой родне.) Вообще о тех, кто самостоятельно высказывался, а не просто цитировал вождей, говорили зло: *Отсебятину порет!* И их со временем как правило сажали.

Почему-то никто не подумал, что болтовня (даже если человек чрезмерно разговорчив) никакого отношения ни к политике, ни к продаже шпионам страшных тайн отношения не имеет, я сам чрезмерно разговорчивых не люблю, но не скажу, что их надо всех сослать на Кольму.

Сегодня власть все так же охмуряет народ, и теми же несложными приемами. Например, чекисты распространяют какой-нибудь дурацкий лозунг – Не надо раскачивать лодку!

Обыватель в ужасе кричит: *Демонстранты, критики и все несогласные с правительством раскачивают нашу лодку!*

Если я ругаю нынешнего царя и голосую за его противников, я враг России, я *лодку раскачиваю*.

Спрашивается, если царь сидит в лодке (со своими боярами), то откуда следует, что в этой же лодке Россия? Ну перевернем мы царскую ладью, потонут они, так откуда следует, что это непременно плохо для России? А не тонет ли наш государственный корабль как раз оттого, что они сидят в своей царской лодке (в которой свалят в случае чего за рубеж, где у них десятки миллиардов у нас уворованных денег), а в корабле сверлят дыры, чтобы оттуда наше добро таскать в свои закрома?

Особенность обывателя состоит в том, что царские интересы он отождествляет с интересами России, и противников царя сразу же зачисляет во врагов России.

Но отчего во время Первой мировой войны, когда большевики изо всех сил раскачивали нашу Российскую лодку, солдаты, побежавшие с фронта, им изо всех сил помогали ее раскачивать, за благо это считали? Не думали они, что победа Германии будет катастрофой для России.

Миллионы способствовали победе Германии! Мы их осудили? Хотя бы через сто лет? А тех, кто хотя бы осмеливался думать, что не победа Германии во второй мировой войне будет катастрофой для России, а продолжение власти большевиков и Сталина (или осмеливается так думать сегодня, через семьдесят лет после этой войны), мы готовы сегодня зубами загрызть. Так загрызи сначала тех, кто сделал все, чтобы Россия потерпела поражение тогда!

Почему тогда народ отрекся от правительства, а при Сталине не отрекся, и нынче не отрывается, для меня загадка. Мне кажется, что если бы я ее разгадал, я бы понял, как менять направление исторического движения.

Но самая большая загадка состоит в том, что сегодняшний обыватель, знающий уже, что миллионы людей при Сталине погибли ни за что, были казнены или уморены в лагерях, или бессмысленно погублены в бездарно ведущейся войне, голосует за Сталина как за символ России! И это голосование то же, что плюнуть на могилы погибших, и на могилу моего отца, который погиб прежде всего по вине Сталина, и в меньшей степени по вине Гитлера. Я думаю, что голосовали те, чьи отцы не погибли, а возможно даже несправедливо жили (если не преступно).

И я сказал Господу.

Арестованных часто люто избивали чекисты коваными сапогами, выбивали зубы, как Мерцкову, или глаза (множество есть примеров). Но эти звери соответствовали своей природе, они были зверями. А за что плюют на могилы погибших обыватели, ведь они же никого не топчут коваными сапогами, иногда и сами в нищете, но вот нынешнюю партию жуликов и воров защищают!?

Ах, Господи, сказал я ему в сердцах, посади на скамью подсудимых это большинство защищающих зло, и разберись с ними (или оправдай их в моих глазах), а потом уже осуди ТВОРЯЩИХ ЗЛО. Те не смогли бы его творить, если бы эти их не поддерживали!

И отошел я, но так как не имею окончательного ответа по поводу придурочного народа, и пытаюсь взглянуть на него еще и с других сторон, то расскажу читателю (и самому себе) я и какие-то другие истории, а он уж пусть меня рассудит с моим народом, если не хочет рассудить меня с ним Господь.

13 февраля, 23-24. Вожди народных масс и поворотов истории в основном разрушительны, они объединяют вокруг себя чернь. Нет величия ни в Чингис-хане, ни в Ленине, ни в Гитлере.

Но что имеется в виду, когда говорится о чем-то – «*Великий*»? Это не просто *очень большой*, здесь содержится многое другое метафизическое, это и высокий, выдающийся, возвышенный. Употреблять этот термин надо с ясным сознанием, не наобум. Дело в том, что в языке содержится критерий, позволяющий правильно употреблять термины, так, красное мы не называем синим. Что же мы называем великим? Великий писатель,

выдающийся скрипач (в этом же смысле), гениальный художник (то есть, несомненно великий). Великий полководец, Великий воин Албании Скандербег (в детстве я смотрел такой фильм).

Маньяка, убившего сорок человек, называют серийным убийцей, но не говорят, «Великий убийца», хотя он и отличается размахом злодеяний от обычных убийц, убивших одного-двух человек.

Большим писателем не становятся так случайно, как выигрывают в карты, но случайно к выдающемуся или талантливому писателю может придти слава.

Предводителями государств становятся чаще всего случайно, иногда весьма посредственные, случайные люди. Ну, скажем, в семье царя три сына, младший – дурак, по закону трон наследует старший, но погибает в сражении, средний – на охоте, и младший становится царем. Тут всякий понимает, что младший стал царем случайно, его заслуг в этом нет. В Византии в эпоху упадка царедворцы становились императорами, даже внухи, в ход шли интриги, яды, клевета, заговоры, и один из кучки приближенных вырывался вперед – но какова была эта кучка? Свора бездарностей и негодяев.

После смерти Брежнева несколько членов Политбюро наследуют империю, и царствуют недолго, в порядке очередности трон достается Черненко – кто может сказать: пройдя длинный путь постепенного возвышения до скипетра, он доказал несомненное величие? Нет, даже дурак понимает, что процесс выдавливания наверх в составе Партии некой взвеси функционеров, из группы которых как в броуновском движении, как пузырек в кипящем сосуде, один из них поднимался на самый верх, – это хаотический процесс, пузырьки не выстраивались сообразно своему величию.

Иоанн Грозный стал царем (как позже Петр Первый) в силу своего рождения, от их личных качеств не зависело их воцарение. Но Иоанн прославился тем, что в шестнадцать лет находился в составе войска, бравшего Казань (по решению Боярской Думы, правившей, пока царь пребывал в малолетстве), струсил и бежал с поля боя, был пойман Курбским, посажен на коня и вывезен пред войском как символ для воодушевления воинов.

Затем он воевал долго в Ливонии, где предводительствовал уже сам, терпел сплошь поражения, и Ливонию потерял. Затем потерял Орешек и земли, где ныне Петербург. Затем перебил все сколько-нибудь талантливое в государстве, после его смерти наступила в стране Смута, голод, междоусобье, и страна оказалась на краю гибели. Так в чем величие этого царя?

Партия большевиков под предводительством Ленина захватила власть в России, один из шайки, приведенной Лениным к власти, после его смерти правил еще почти тридцать лет. При этом Россия претерпела полный разор сельского хозяйства, а темпы ее промышленного развития уступали гитлеровским в три раза. Вопреки его гениальному

руководству, потеряв сорок миллионов граждан во время войны, Россия все же оказалась победительницей в составе всемирной коалиции государств-победителей. Наконец он умер, оставив ее нищей и отсталой, но с атомной бомбой и лампочкой Ильича (а я в детстве так и думал, что лампочку именно Ильич изобрел!)

Вопрос о величии или низости можно было бы поставить по отношению к Ленину – но это отдельная тема.

Череда правителей меняется в разных странах мира, но не поднимают народы этих стран тему величия своих правителей, потому что правители, кроме Бокассы, не едят жителей этих стран. Достаточно заурядны и Черчилль и Де-Голль... В России же Сталин, а в Китае Мао истребили десятки миллионов своих сограждан – это единственное основание для обезумевшей народной толпы возводить их в ранг богов.

Ленин писал философские сочинения (хотя был бездарным философом), создал партию нового типа (большевиков), как никак во время Смуты, названной революцией, прорвался наверх и притащил с собой десятки авантюристов, некоторых довольно талантливых, как Троцкий, некоторых бездарных, как Сталин.

Вот так же определенные силы личности сконцентрированы были в фюрере, создавшем новое движение, Канарис наследовал власть как один из приближенных, и при определенном раскладе карт мог бы и устроить союзников и остаться царем в Германии – так всякого ли царя называть великим только за то, что он опередил соперников в гонке за власть?

Но мы отошли уже от исследования термина великий.

Бывают в глупости градации, когда один из глупцов гомерически глуп. Называть ли его великим? Или поджигатель, прославившийся поджогами – великий ли он поджигатель, даже если и сжег Рим, как император Нерон? Но спрашиваем мы себя, не велик ли Нерон, не из-за того, что он Рим сжег, а по каким-либо другим причинам.

Сталин не создал империю! Он ИЗРАСХОДОВАЛ силы русского народа в ряде войн, бездарно ведущихся, и хотя советские войска оккупировали Восточную Европу (временно), а американские – Западную часть Германии, но США мы не причисляем к империям а Эйзенхауэра к императорам, хотя по результатам мы видим, что нищая Россия, наследующая некогда великую царскую империю, это результат правления большевиков, и Сталина в том числе, а действительно всемирная империя США – результат в том числе и императоров Рузвельта и Эйзенхауэра.

Тысячу лет Россия возрастала, преодолевая все, такая титаническая сила была заложена в русском народе – кто же погубил эти титанические силы? Если это результат Сталина, то, может быть, можно его назвать Великим злодеем? Но не называем мы даже Дьявола великим, язык диктует свои правила словоупотребления, и ни Муссолини, ни Франко, ни Салазар, ни Мао, ни Сталин – не великие вожди народов.

Великим даже Александра Первого не называли, хотя он сокрушил самого Наполеона, завоевавшего весь мир, и русские войска дошли до Парижа, а потом до Ватерлоо, то есть даже до Атлантического океана, притом русские не только не потеряли треть населения, но даже двадцатой его доли.

Но – спорить философ может только с философами. Надо ли оспаривать глупцов, невежд, надо ли спорить с чернью?

Эпоха растреления, унижения приводит к тому, что те истины, которые бы на школьных уроках надо было усвоить ученикам, вдруг бросаются под ноги толпе...

А если бы Николай Первый вдруг ввел выборы президента, и претендовали он сам и Пушкин – кого бы выбрал народ?

Несомненно...

Что несомненно, я не скажу, потому что сегодня великие писатели даже соревноваться не могут с самым захудалым политиканом, не только их выбрать не могут, но им и не выставиться! Не говорит ли это о том, что народ нынешний пал до омерзительно низкого состояния?

Современный Пушкин предложи себя в список претендентов, раздастся гомерический хохот народный, а кто же сегодня выставлен на беговую дорожку за трон? Кто эти самозванцы? Кто из них хоть слегка образован?

Народ не осмеливается хотя бы рассмеяться...

Так сам-то мой народ претендует ли еще на термин *Великий*? В своей «неизследимой! глубине духовной» (да есть ли еще этот дух?) не сознает ли он сам, что кроме водки, телевизора и футбола у него больше ничего нет? Он ведь даже пьяный не поет уже русских песен, за что его называть русским? По-русски он говорит плохо, кладбища его осквернены, на могилах павших воинов (как в Парке Победы в Питере) разбиты парки, а то и дома или автостоянки, истории он не знает даже на уровне третьеклассника, ни одного стихотворения Пушкина не расскажет, Скрябина или Мусоргского не слышал, о Революции, Гражданской войне и Отечественной имеет самое смутное представление, какие сражения выиграл Жуков или Сталин, не расскажет, но поклоняется тому и другому... правда, у этого слепоглухонемого народа омерзительно лживые поводыри, и льют они в его неграмотные уши яд!!!

Когда злодеев и бездарностей народ возводит в сан великих, тогда уж сам он не смеет надеяться, что его назовут великим. Нет, это народ-чернь, это низкий народ, народ, предавший заветы созидателей земли русской!

И невозможно вновь не заговорить о евреях, хотя, уж казалось бы, надо от них отстать...

Правит не один только царь, но и двор. Назвать его аристократией даже у словоблудных язык не поднимается, и называют они правящее сословие *элитой*. Стала элита элитой вроде бы в результате соревнования. Одних братков-конкурентов поубивали, других посадили, третьих купили, четвертых сместили, и царствует преимущественно сброд и шваль.

Но вдруг предложи и образованным встать на старт и бежать к власти, много ли русские преуспеют?

С огорчением вижу, что евреи гораздо нас образованнее, и я хотя сам в полемических целях выставляюсь своей образованностью, но даже и я им уступаю. Так или народы и впрямь не равны (против чего сами евреи вслух неистово возражают) и одни изначально более умны и более способны к усвоению культуры, чем другие (в чем в глубине души эти лживые антирасисты-интернационалисты уверены), или просто русские менее других способны, сплошь из Иванушек-дурачков?

Сегодня в честном соревновании русские вожди обречены, к власти придут евреи, демократия (будь она неладна!) против нас (я ее ругнул, и ату меня! А вы прочитайте, что писал о демократии великий Аристотель, и отдавал ли он ей пальму первенства? Неминуемо, писал он, даже более или менее приличная демократия вырождается в нечто еще более чудовищное, в охлократию, власть толпы, даже в процессе только одного народного собрания. Пальму первенства отдавал Аристотель аристократическому правлению.) Наши «мудрые предки-славяне», пресытившись новгородским вечем, призвали варягов, и вот ко времени народной смуты в 17-м мы получили великую империю от Балтийского и Черного морей аж до Тихого океана!

Но есть еврей и еврей... Вот мудрая тетка, писаниями полемическими которой пятнадцать лет уже я восторгаюсь (русский из русских), и которая ни одной пошлости о моих соплеменниках ни разу не сказала, пишет: *Аристократический национализм – это принятие на себя ответственности перед своим народом!*

Да, такую тетку хоть вместо матушки-Екатерины на трон!

Но целая банда алчных и продажных и русскооненавистников изливает реки лжи и клеветы на народ. Приведу только два примера.

«На закате двух великих империй начались кровавые погромы (во время Первой мировой войной) – и в Российской империи, не отличавшейся любовью к инородцам, и в Турецкой, в которой прежде была исключительная для империи национальная терпимость и веротерпимость».

Я слышал о еврейских погромах в Одессе и немецких в Москве. О последних пишет монархист Тихомиров в своих воспоминаниях (с возмущением), во время погрома разбили в немецкой булочной окна, но жандармы разогнали толпу. О погромах в Одессе... Валентин Катаев в своей книге «Волшебный рог Оберона» описывает свое счастливое детство и отрочество в Одессе, но погромов он не заметил. Голда Меир, будущая мать Израиля, в 1915-м году печаталась в Одесских журналах, в воспоминаниях о своей счастливой юности погромов она не заметила. Розанов, иногда восплаившийся до страстной любви к евреям и иудаизму, антирусский ПОГРОМ в 18-м году заметил (в своей книге «Русский апокалипсис»), но еврейских погромов не заметил тоже.

А что же такое погромы в Турции? Это геноцид армян, когда несколько миллионов армян было вырезано, и остатки их бежали в пределы Российской империи!!!

Второй пример.

«В 33-м году в Германии, в 37-м в советской России начались гонения на евреев».

Да, одни гонения привели к изгнанию евреев из Германии и к уничтожению миллионов гражданских людей, евреев и неевреев (я не хочу отделять одних от других, потому что и цыгане были уничтожены, и Белоруссия потеряла миллион человек, многие жители были сожжены вместе с деревнями, смотри фильм "Иди и смотри!"). Другие гонения ... На Левашовской пустоши *более ста тысяч расстрелянных* (почти вся Питерская интеллигенция, были там и евреи, пропорционально численности, я напечатал письма одного из сыновей расстрелянного еврейского интеллигента к своему отцу).

И авторы, пишущие о русской нетерпимости, шовинизме и фашизме, смеют сравнивать одно и другое!? Так сами они не яростные ли антисемиты, не главная ли их задача – дискредитация еврейской историографии в глазах русского читателя?

Кто из нас антисемит, я или они? Я обыкновенный русский, яростно возражающий лозунгу: "Россия для русских!" – ибо *Россия для всех своих детей* – но надо относиться к ней как к матери, а не как к сучке.

Но, несмотря на яростную кампанию против так называемого русского фашизма (и я уже не могу понять, есть ли среди нас, смеющих называть себя русскими, не фашисты, по мнению организаторов этой кампании), современный РЕЖИМ нравственного растления, режим вырождения прежде всего русского народа, режим невиданного падения уровня русского образования и русской науки, режим уничтожения последних памятников русской архитектуры и истории, режим разгрома остатков промышленности – может быть свергнут только совместными усилиями – и русских (в том числе и русских националистов, и русских космополитов, включая христиан и коммунистов), и татар (и мусульман и немусульман) и евреев, и всех граждан нашей страны, понимающих, что с этим режимом нет будущего у России. (Кстати уж, коснусь и пенсионеров. Если из-за жалких подачек на пенсию вы готовы лизать зад власти, на сотни миллиардов долларов обворовавшей Россию, то не боитесь ли вы, что эта подачка уже превратилась в *сребреники*?!)

Но работать и жить в этой стране – прежде всего молодежи, и я счастлив, что она поднялась с колен! И надежда на спасение у нас есть. Жаль, что мое уставшее поколение, которое я всегда считал достойным, Россию предает!

И закончу эти заметки *Призванием варягов*.

Поскольку наши правители начинают с воровства и воровством заканчивают, а в Европе чиновники честнее, то в России надо перейти к новой форме правления. Государственную Думу пусть избирает народ, а

она на конкурсной основе приглашает Премьер-министра (князя) из Швеции или Германии, с большой зарплатой, например, миллион долларов в месяц. Контракт с князем составляется на год, и ежегодно продляется, но не более чем на пять лет всего, дружину князь с собой не приводит, министров назначает из наших или приглашает из-за границы так же на конкурсной основе.

А вместе с тем надо помочь потомкам прежних русских изгнанников вернуться на родину, и вернуть им, во-первых, их помещичьи усадьбы или остатки их (фундаменты) или землю под них (ну, скажем, десятину земли) безвозмездно, и кое-что из прежнего возмездно, Дума должна проработать условия такого возвращения, опыт уже есть в Чехии и Литве. Да возвратиться надо не единицам, а сотням тысяч, и пусть они даже будут «варягами», но составят они более достойную основу для новой русской аристократии, чем наши «новые русские», которых почти сплошь придется (на законных основаниях, а «органы найдут!») отправить на строительство железной дороги Магадан-Воркута.

Вместе с этим надо подумать и о возвращении конституционной монархии, по типу шведской или испанской. Даже десятой доли наворованного этой нашей «элитой» достаточно будет для процветания такой Российской монархии.

Глава пятая

ЗА РОССИЮ ОБИДНО

10 февраля 2012 г. В конце семидесятых годов по телевидению был показан пропагандистский фильм о Солженицыне, в котором речь шла о повстанческом движении в Западной Украине в конце войны и после ее окончания. В это время Солженицын сидел в тюрьме.

В фильме фигурировали Гитлер, Бандера, папа Римский, показывали расстрел партизан, встречу Гитлера с Бандерой, встречу Солженицына с папой Римским (уже после высылки Солженицына из СССР, и так далее...

На следующий день я пришел в лабораторию, где в то время работал, и спросил молодых сотрудниц о впечатлении от фильма.

– Вот ты защищаешь Солженицына, – возмущенно заговорили они, – а он, оказывается, расстреливал партизан и евреев... (Кстати, позже они стали докторами наук, так что не такие уж были набитые дуры!)

Прочитал на днях ноябрьскую заметку в Новой Газете милой русской барышни, которую я всегда с удовольствием читал, о Навальном, и у меня возникло ощущение, что он расстреливал чеченцев. Я помотал головой, перекрестился, и медленнее и внимательнее перечитал заметку. Теперь я понял, что расстреливал чеченцев я сам, русский читатель, а Навальному не повезло, он во время этих расстрелов учился в университете.

В конце статьи есть ссылка на Анну Политковскую, которую я тоже с вниманием читал, одна из книг ее называется «Путинская Россия», и виновницей войн она называла именно ее. Конечно, это шире, чем правительство или «режим», но все же ни я ни Россия в «Путинскую Россию» не входят, и в расстрелах чеченцев она нас не обвиняла.

Автор заметки, кажется, понимает, что не Навальный развязывал эти войны, не участвовал в них и даже не ходил на марши в их поддержку.

«Если бы вы знали историю страны, в которой живете... вы бы осторожнее ходили по русской земле. Потому что история в России – это всегда кладбище». Мы лежим в этих кладбищах «в Сибири и в Казахстане, под Москвой и под Сталинградом, в Новых Алдах...»

Очевидно, имеются в виду разные погибшие – под Москвой и Сталинградом – солдаты Отечественной войны, в Сибири и в Казахстане – жертвы коммунистического режима, в Новых Алдах – жертвы чеченской войны. Из статьи, из всего ее пафоса следует, что нет разницы между погибшими, и виновата Россия, виноваты русские.

Далее автор пишет «Русским националистом может быть только тот, кто ничего не знает о России». А можно ли быть коммунистом и православным, зная хоть немного о России?

Национализм как течение политической мысли появился не в России, и русским он был практически неизвестен, даже термина этого ни философия, ни публицистика для обозначения какого либо направления внутренней общественной жизни не знала. Следовательно, трудно или нет быть националистом, зависит скорее от Германии или Франции, ибо Германия развязала и Первую Мировую войну, и Вторую, и даже в 1871-м году оккупировала Париж, и теснила славян и балтов на восток, и владела польскими землями, и Прибалтикой, и даже на Чудском озере сразилась с Александром Невским. Значит, по логике высказывания, следует его читать так: «быть русским ... может быть только тот, кто ничего не знает о России».

Что французы ровно двести лет назад чуть не покорили Россию, и разорили Москву, и в недавнее время истребили в Алжире из десятиллионного населения один миллион (препятствуя Алжиру отделиться от Франции) – не дает оснований сказать, что французом может быть только тот, кто ничего не знает об истории Франции?

И можно ли быть христианином после сожжения Александрийской библиотеки, сожжения Жанны Д'Арк и Джордано Бруно, после Варфоломеевской ночи, после мрачной многовековой ночи священной Инквизиции, преследования ведьм, преследования не только инакомыслия, но и всяческой мысли; и можно ли быть православным после преследования староверов и сожжения Аввакума?

И можно ли быть коммунистом после того, как десятки миллионов русских были уничтожены не националистами, а *интернационалистами*, то есть прямо противоположным движением, основанным на марксизме?

И можно ли быть немцем после всего того, что гитлеровская Германия сотворила с Европой, и с Россией в частности, ибо в той войне погибли сорок миллионов наших соотечественников, преимущественно русских, и это именно русские освободили Европу, и чехов и словаков, и болгар и поляков, и спасли евреев? Нет, немцем быть можно, а русским – стыдно?!

Но что же все таки сделал Навальный, что вызвало такую ярость?

Оказывается, он сказал: *Хватит кормить Кавказ*, и написал, что на каждого жителя Чечни выделяется в девять раз больше средств, чем на жителей русских областей России.

Далее автор пишет: Вы, двадцатилетние, прете в политику! Если бы вы были такими образованными, как Навальный, вы бы знали всё про 33-й год в Германии и 37-ой в России!

(И в политику, очевидно, не пёрлись бы, оставив ее пятидесятилетним?)

Я, кажется, знаю то «всё», что имеется в виду, но ничего не понимаю. Не виноват ли я и за 33-й год германский и за 37-й российский?

Или Навальный?

Но несомненно, что Навальный *всё* это понимает и знает, он «на марше», и он если не новый Гитлер, то новый Сталин или и тот и другой вместе... – только потому, что он призвал не кормить Кавказ, потому что он еще знает, что сибирский газ обогревает Европу, и эту яростную праведную дамочку и ее друзей, а моя Сибирь газифицирована только на три процента, и десятилетняя девочка Жанна ходит по перрону сибирского городка и просит подаяния: *Дядечка, дайте денежку на хлеб!*

Она ополчилась на национализм как течение народничества (или она его путает с недавним северо-американским расизмом и Ку-Клукс-Кланом, с немецким нацизмом, с французским шовинизмом, с английской колониальной политикой?), но если бы она, как Навальный, училась в Йельском университете (в чем она его упрекает), то знала бы, что даже распадение христианства на течения связано с национальными движениями в европейских странах, и протестантизм – результат роста немецкого национального самосознания (национализма), а англиканство – британского. Или британский национализм приемлем, а русский – ату его!?

Пафос статьи приводит к чудовищному выводу: *стыдно и плохо быть русским!* Народничество (или национализм) как любовь к своему народу допустимо везде, кроме России.

Как сладостно России ненавидеть, готова она повторить за Печориным, – *и жадно ждать ее уничтоженья!*

Что автор оскорбляет и целое поколение двадцатилетних – это уже мелочи.

Что уж тут оскорбляться, когда и вся история России, как она пишет, одно только кладбище!

Россия – кладбище. Она еще забыла добавить, что Россия – тюрьма народов...

Не будем поминать хрестоматийное истребление североамериканских

индейцев англосаксами и инков и ацтеков испанцами. Посмотрим на историю Германии и Франции. Какова судьба бретонцев? Восстание в Вандее было подавлено так, что даже подавление тамбовского восстания бледнеет.. Россия – тюрьма прежде всего для русских, национальная политика Российского государства была искони *интернациональной*. Сколько столетий добивались ирландцы у просвещенных англичан своей свободы? А многострадальный Ольстер? Так ли отпустила его Англия в свободное плаванье, как мы Эстляндию и Финляндию? Может быть, сохранились в Восточной Пруссии пруссы? На Эльбе полабские славяне? Имеют независимость баски и корсиканцы?

Европа прокатала катком все малые народы, сплавив их мечом и огнем в великие нации, и никто не поминает прошлое. А все языки в России сохранились, и нивхи и корелы, и гордый сын степей калмык, и не Европе учить русских интернационализму, тем более не дамочкам, не учившимся в Йельском университете. Численность казахов за сорок лет советской власти возросла в сорок раз – это в тюрьме они так возросли?

Национализм – это ответственность перед своими, а не ненависть или презрение к чужим.

Сегодня, 01:18. Дорогой В. И., приветствую Вас!

1) Ваша статья отчетлива и понятна, но, ... но все-таки хочется разобраться в "метафизике" (как Вы выражаетесь) событий, хочется взглянуть на события так, как будто находишься на миллион километров и за тысячу лет от них.

2) Но если вы обозначили свою позицию и, более того, втянулись в конкретику, то уже вам как метафизику вряд ли поверят. Один из первых "консервативных" принципов...: "ослы и ученые на середину". Это трудно и неприятно – не ввязываться в драку, но очень мало в стране людей, которые бы удержались от этого. Очень мало.

4-5) ... Вы искренни и Вам кажется, что и те, кто говорят Вам слова, которые встречают в Вас сочувствие, тоже таковы. ...Вы русский человек – открытый и прямой, в Вас нет не только зла, но и внутреннего ожидания зла. Я это говорю, поскольку прочитал ваши книги и абсолютно уверен, что если бы это было не так, то это бы проявилось.

6) "Я тем завидую, Кто жизнь провел в бою, Кто защищал великую идею". Я, к сожалению, с грустью смотрю, на то, что происходит в стране, понимая, что как бы все ни закончилось, все только начинается и будет продолжаться долго. И приятного в любом случае будет мало.

7) Зачем Вам понадобилась эта девица? Неужели врагов нет? Тем более, что, судя по Вашему тексту, она дура. Впрочем, если истина сказана глупым человеком, сказана криво, косо и совсем невнятно, то разве она перестает быть истиной? Или истина всегда красивая голая женщина, как ее изображают художники?

8) Это, по-видимому, был художественный прием, для того, чтобы

поговорить о национализме. Но ведь это понятие уже давно вышло за те рамки, когда один человек, даже очень мудрый, мог бы корректировать его определение. Оно существует давно, ученый его понимает так, а простой человек, который не учился в Йельском университете, по-другому, и ученому бы следовало обратить на этот эффект разного понимания свое внимание. Иначе выглядит это типа: "помолчи, дура!". Но о каком национализме в нашей стране может идти речь, если оскорбления зашкаливают? И один русский человек не стесняется оскорблять другого, считая себя правым? Если одни кричат "коммуняки", "сталинские сволочи", а другие – "фашистские прихвостни" и т.п.? Не кажется ли Вам подозрительным, что такой национализм не только разрешается, но даже и поощряется? Плохо только, если перестанут ругаться. Черти радуются.

10) ...признаюсь, что в этих полуночных размышлениях я не уверен. Мне кажется, что в сегодняшнем дне нельзя найти правду, ее там нет. Но и в этом я не уверен. Мне кажется, что полезнее поговорить о прошлом. И "потренироваться" в использовании тех или иных оценок и принципов". Но и в этом я не уверен. Я уверен только в том, что нам нужно собраться, поговорить, хорошо выпить и закусить. И тогда что-то прояснится.

Завтра, 10-18. Дорогой А. В., и я Вас приветствую!!

Статья Ваша замечательная, и не только из-за комплиментов в мой адрес.

Но главное, я с грустью и удивлением увидел, что я такой же большевик, как и большевики, и готов схватить дубину и ринуться на оппонента со всей яростью, игнорируя все возможные плюсы в его позиции.

Что я на девушку ополчился – не случайно, тысячи мужиков несут что-то несусветное, но: «Мели Емеля, твоя неделя!», говорю я им.

А красивая девица задела меня лично. Раз красивая, мысленно говорю я ей, должна быть со мной. Или должна быть хотя бы правильной.

Видно, для меня не только красота отождествляется с истиной, но КРАСОТА даже выше ИСТИНЫ.

Практически во всем с Вами согласен, и при встрече конечно не будем тратить время на сиюминутное, а прежде всего на ВЕЧНОЕ. Принесу новые стихи. Ваш В.И.

С разрешения собеседника присовокупил его возражения к своей статье, написанной впопыхах, и присоединил всё сие к своей последней книге, потому что с изумлением обнаружил, что упустил нечто не менее важное, чем ИСТИНА. Я яростен в своих писаниях, и на оппонентов обрушиваюсь с негодованием, как будто они – это те самые немцы, которые под Москвой, или татаро-монголы на Куликовом поле. Более того, я даже часто утверждаю, что они еще хуже.

Не то чтобы я усомнился в своей правоте, я уж вряд ли в ней усомнюсь, тем более что, возможно, скоро меня и вправду расстреляют. И усомниться я уже не успею.

Но в горячности тона, в заносчивости, в презрении к несогласным, в оскорблениях в их адрес я начал вдруг сомневаться.

В полемике первого большевика меня всегда задевала его готовность оскорбить оппонента, обозвать его попом, иудой, предателем – а я не таков же часто в своих высказываниях?

Как я отношусь к сталинистам?

Дай мне власть, я их всех расстреляю.

А к коммунистам? – Пошлю строить железную дорогу Магадан - Воркута.

К защитникам нынешнего режима? – Пошлю осваивать необжитые районы Сибири.

Но ведь я был хорошим преподавателем математики, и разве я бил тех школьников, которые не понимали апорий Зенона? Или теорему Безу, которую я и сам, сознаюсь, не совсем понимаю?

Так разве не большинство народу – это те же самые школьники, часто двоечники, они не только не пишут книги, но они их даже не читают, и они вряд ли поймут то, чему их не научили в школе – а в школе их учили любить страдающих негров и ненавидеть русских.

Я горячился, пожалуй, от абсолютной безысходности, я видел и чувствовал, что в сегодняшней пустыне, в которую превращена Россия завоевателями, я единственный несогласный, я последний солдат на русской земле. Не было ни шествий ни митингов, и вдруг вышли юные (преимущественно юные) и закричали: Хватит!

Теперь можно даже спокойно идти на расстрел.

Теперь не обязательно пытаться стать политиком, что мне было неприятно, и что я не умел, а просто писать, хотя бы и для двух-трех человек, свои стихи и эссе. Я ведь и в пору коммунистического молоха ни в чем никого не убедил, ни единого спорщика, все остались при своей вере в единственно верное учение, а сегодня они, без всякого моего влияния, вдруг несут и делают что-то совсем не коммунистическое, и Молох рухнул, хотя мы его и не разрушали. Сегодня я тоже никого и ни в чем убедить не могу.

Тогда я единственный оказался прав во всем, и правота моя восторжествовала, но явились алчные и жадные, и прибрали Россию к рукам, и что с моей правоты?

Вдруг и нынешняя моя правота восторжествует? Не то чтобы не надо было за нее бороться и страдать, надо, но почему падет нынешний Молох, если падет, мне не известно. И никому. Это оскорбительно, и нет тут ВЫСОКОГО, а что-то презренное. Воины Отечественной войны знали, что их жертвы не напрасны, что никто кроме них не победит врага, и что надо с ним бороться – и они боролись и победили. А в отношении к врагу внутреннему я ничего никому не смогу объяснить, я смогу только погибнуть. Но это не значит, что надо оскорблять тех, кто голосовал за

Сталина, голосует за Путина, в муках вчера умирал, от расстрелов или голода, возможно, в муках будет умирать завтра, когда падет цена на нефть – а все стальное в России намеренно погублено... Народ – это неразумный ребенок, это та старушка, которая носит хворост на костер, в котором сжигают Яна Гуса. Народ ведь и на Голгофе кричал: Распни этого, а разбойника нам освободи!

Разве народ изменился? Он все тот же, и древний иудей, и нынешний русский.

Никому ничего нельзя доказать, как пишет и Достоевский, и Христос молчал в аресте и в казни. Вот ведь, даже Он со своим красноречием знал, что оно бессильно. Почему?

Почему я мог объяснить математическую ошибку самой тупой ученице, а ошибки мирозерцания не могу объяснить самым мудрым?

Мне они скажут: а с чего ты решил, что ты прав?

Ну хотя бы с того, что пятьдесят лет в годы советской власти я отстаивал те положения (почти в одиночку) которые потом были приняты всеми. Я один оказался ПРАВ по всем пунктам.

(Здесь под «я» я имею в виду не одного себя лично, но и тех немногих, которые выступали против режима даже более решительно, чем я, но никто их не поддерживал, ни Шафаревича, ни Солженицына, ни Сахарова, ни Марченко, ни ... и других немногих).

Я выжал против поворота рек, против заводнения городов в центральной России гигантскими водохранилищами, против гигантских же ЭВМ вместо компьютеров, против теоретико-множественной основы в построении и преподавании школьной математики, против однопартийности, диктатуры, несвободы, цензуры, разрушения храмов, памятников культуры и истории, строительства гостиницы Россия вместо Зарядья, открытого бассейна вместо Храма Христа Спасителя, укрупнения деревень и разорения их, преследования инакомыслящих, колючей проволоки на границе с остальным миром, запрещения всякого частного производства, особенно в деревне, выжал против осквернения кладбищ, памяти честных и праведных, искажения исторической правды, шельмования девятнадцатого века...

Ну, ты один умный! – говорили мне.

– Почему же один? Еще есть несколько человек...

Но меня никто не слушал.

Так что же делать? Ум ничего не значит в ОБЩЕСТВЕННОЙ и государственной жизни? И никакими усилиями нельзя изменить то, что всегда наверху (по крайней мере в России) есть и будет только самое ... так себе... в лучшем случае. А чаще хуже – воровское, алчное, властолюбивое, жестокое!?

И смириться не могу, и изменить не могу, как и другие. Каждый существует (или живет, кому как нравится думать) в какой-то области культуры или быта, одни сеют, другие пишут стихи, часто хорошие, а *правят* другие, не умеющие ни сеять, ни писать стихов, и потому правят плохо.

И наши дети гибнут в ненужных или зловредных войнах, в Афгане, в Африке, в Чечне, только для того, чтобы правили именно эти, не умеющие ни сеять, ни писать стихов. Но, к несчастью, в расправах нас, умников, с этими правителями народ чаще всего на стороне своих бездарных правителей, пока вдруг в результате какого-то необъяснимого геологического сдвига не меняется сама структура власти.

В семнадцатом году монархию должна была сменить буржуазная республика, и энергии у нее было много, и слой образованных и умных людей, поддерживающих ее, был многочислен, это были девяносто процентов всех умных и образованных в России – но власть досталась клике заговорщиков, и Россия была ввергнута в столетнюю тьму.

Апофеоз этой тьмы и сегодня, и движется что-то вниз, под геологической плитой, на которой покоится Россия, мне неизвестно, и потому неизвестно, не произойдут ли потрясения. Но несомненно, что на Куликово поле уже вышли многие, и мне не надо в одиночестве кричать, в отчаянии обличая и безучастный народ.

Черт его знает, почему он безучастен... Но у меня уже не хватит времени, чтобы это понять. Только соберусь с силами, чтобы махнуть рукой на безучастных, и их уже не обличать более.

11 февраля 2012. Жаль заканчивать эту заметку, горестно разведя руками, и потому скажу о взаимоотношениях *красоты* и *истины*. Возможно, истину может высказать и некрасивый, но та *Истина*, которую мы воспринимаем как высшую истину, непременно в нашем сознании ассоциируется с красотой.

Иисус Христос красив, и апостолы величественны.

Удивительно, как женская красота соединяется с благородством, тонкостью, глубиной, умом, возвышенностью, отзывчивостью, нежностью и состраданием!

Я любил всяческую красоту, и в природе, и в обыденной жизни, ценил изящество речи, стихосложения, замирал перед прекрасными зданиями, восторгался благородством (и красотой) поступков.

Но, правда, более всего я любил женскую красоту, и обожал ее, и перед женщиной я замирал еще больше, чем перед Смольным собором.

Ну и, разумеется, влюблялся я в красоток, в девочек и девушек, выделяющихся в обществе своей красотой, в самых красивых девочек в деревне, в школе, в поселке, в университете.

Я только теперь начал удивляться тому, что пользовался и их вниманием, а тогда воспринимал его как должное, как ответ моему восхищению.

Я подходил к красоткам на улице, в трамвае, в метро, в филармонии, в музее, провожал их домой, назначал им свидания – не буду уверять, что мои влюбленности были счастливыми – как сказала мне одна из таких моих «возлюбленных», и гений и красавица одиноки и несчастны, красота трагична, но и ум трагичен тоже.

Мы всегда тянулись друг к другу как товарищи по несчастью, а уж

как далее складывались наши отношения, зависело еще от множества причин. Позже, когда уже я был женат, но продолжал с красотками знакомиться, они меня отвергали именно потому, что не могли быть соперницами другой достойной женщины (а я никогда не скрывал того, что у меня лучшая в России жена).

«Так какого же тогда черта! – закричит благонамеренная читательница... Но я не оправдываюсь. Нет мне оправдания. Я и не утверждаю, что я идеал нравственности, я типичный мужчина, то есть сволочь.

Правда, я противоречив, может быть двойствен, и не совсем типичен, притязания мои все-таки были преимущественно идеальными. Да к тому же я женщину всегда боялся, мне страшно было к ней прикоснуться, и отваживался я не более чем на поцелуй. Я оставался образцом нравственности, но из-за робости.

И все же красотки меня не отвергали, им было со мной интересно – так актриса любит поклонника, писатель любит своего единственного читателя. Я понимал и чувствовал прекрасную женщину, я ее любил, они это знали, и отвечали мне благодарностью. Я ее люблю до сих пор, и до сих пор прекрасная женщина отвечает мне взаимностью.

Красота и гениальность – это то высшее в духе, в чем выражается женственное и мужское.

Народ. Русский народ.

Екатерина Великая. Маннергейм. Растрелли. Даль – кто они, русские? По происхождению, по племени (этнически) они принадлежат к инородцам – или племя и кровь ничего не значат?

Математика помогает ответить на этот вопрос точно и исчерпывающе.

У Множества есть предельные элементы, например, у множества решений дифференциального уравнения есть особые решения. У области определения функции – предельные точки, окружность – множество предельных точек для круга и т.д.

Всякий народ, обладая этническим единством (как и немецкий, и датский) включает в свой состав и предельные точки.

Народ – не механическое смешение этносов. Взаимопроникновения существуют между всеми народами, но их целостность сохраняется, пока давление извне ограничено определенными пределами, меняющимися в различных условиях. Необходимо помнить, что и *чистое* железо и *чистая* вода не являются химически чистыми, и совсем чистое железо встречается только среди метеоритов (то есть, инородцев).

Происходящее в Европе являет собою яркий образец чрезмерного мусульманского давления на ее коренные народы и недопустимо, если они хотят сохранить свою «национальную идентичность», а не превратиться в некий конгломерат племен, представляющий из себя материал для созидания нового народа. Но так как культуры национальны, то великая европейская культура в опасности и может погибнуть, если дьявольская политика «толерантности» будет продолжаться.

Продолжая традицию, предписывающую философии ее *подлинные* цели, формулирую их следующим образом: философия – это размышление о взаимоотношениях с женщиной, Россией, Богом; поиски смысла жизни и высших ценностей.

Несомненно, что вне культуры и женщина, и Россия, и Бог не до конца существуют, как тело без души, но не культуру, а женщину помещаю я в центр философского умозрения. Это, конечно, не значит, что я живу любовными романами, а судьба России для меня второстепенна – все эти ценности неотделимы друг от друга, они составляют цельное содержание моих поэтических переживаний, как Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Дух святой созидают полноту единого Бога.

Правда, увлекаясь женщиной, я ею поглощен настолько, что способен подчас забыть и Россию, и Бога, и культуру. И все же из-за «нежной полячки» я не предаю Родину, как неверный сын Тараса Бульбы. Россия мне даже дороже Бога, и *«если кликнет рать святая: кинь ты Русь, живи в раю!» – я скажу: не надо рая, дайте родину мою!»*, как сказал Есенин.

Поиски смысла жизни неотделимы от размышления обо всех ее противоречиях и особенностях; но есть и такая точка зрения, что надо просто жить полной жизнью, что она сама по себе интересна и равна своему смыслу, что ее *непосредственное переживание* не нуждается в некоем дополнительном знании о ней.

Ну, разумеется, есть люди, обходящиеся без Бога, без музыки, и вообще без культуры – с ними и не надо спорить, их и не надо в чем либо убеждать.

Можно сказать еще и так, что хотя предметом философии и является жизнь в целом, но она включает в себя женщину, Россию, Бога, культуру; они являются ее своего рода формами, без них она бесформенна, представляет из себя просто поток явлений, не имеющий внутренней связующей идеи, а следовательно, без них она бессодержательна.

Правда, переживаем мы одно и то же столь различно (например, Родину), что необходимо спросить: об одном и том же ли идет речь в каждом конкретном случае? И когда говорят о пьянстве и раболепии русского народа – то об одном ли народе идет речь? Две громадные массы людей проникают одна другую, словно бы растворены друг в друге, и одна, бо́льшая часть – тупа, неразвита, раболепна, и хотя ее чаще и называют народом в силу ее преобладания, и в силу того, что другая, меньшая, творческая часть, как будто бы порождается ею – но именно меньшая часть производит культуру, дух и историю и, следовательно, на театре истории выступает именно она. Одна порождает *национальный гений* (дух), Шиллера и Гёте, Баха, Бетховена и Вагнера, Канта, Гегеля и Шопенгауэра, а другая порождает *национальную психологию*, Гитлера, Геринга и Гимmlера; одна порождает Белую Гвардию и многочисленное племя эзков, другая – опричников, чекистов и конвоиров.

Так же и о Родине пишут (в публицистике) преимущественно чужие – но о какой Родине они пишут? С раздражением и ненавистью говоря о

России, они словно бы говорят: вот если бы нашей Родиной была Франция или Италия!.. или если бы мы находились на Земле обетованной!.. – ну, тогда бы мы, конечно, не утверждали, что "патриотизм – убежище негодяев!"

Правда, сравнил Россию со свиньей и Александр Блок, клявшийся неоднократно в любви к ней как к женщине, кляню ее часто и я сам – и потому необходимо объясниться. Россия – как родина опричников и чекистов, Сталина и сталинистов, родина дикого, равнодушного к культуре и исторической памяти населения – мне ненавистна; Россия Сергия Радонежского, протопопы Аввакума, Пушкина и Есенина, Корнилова и Колчака, героев Отечественной войны – мне дорога, это Россия моего *Малого* народа, терпящего гонения от народа *Большого*.

Но весь ли Большой народ, который ведь не только пьет, но и пашет землю, не только ходит с хоругвями, но и проливает кровь в боях "за родину" – мой враг? Здесь заключена антиномия, в которой отражается трагедия мироздания.

Хотя каждый человек создан как мужчина или женщина, но в духе он содержит и *противоположный* пол. Также и народ. Русские – не только собрание русских, русскость содержится в душах – через язык, предания, привычки, характер... Так же и Родина – это не только то, что меня окружает, но и что внутри меня – а внутри меня и бескрайняя Сибирь, и Петербург, и Ладога и Онега... и русская баня... и еще неисчислимое количество всего того, что составляет Родину и мою и моего малого народа. Но ведь и Большой народ и его Родина – тоже внутри меня!? Разве я всех разметил, и одних причислил к небожителям, а других к бесовскому семени? Разве детей я уже разделил, и одним даю конфеты, а другим нет?

И Юлькины дети, и цыганка Кристина, и мои друзья и родные – все они находятся в моей душе на равных, и ненавижу я, следовательно, не несчастный Большой народ, даже не сознающий своего несчастья, хотя спивающийся, конечно, не случайно – но ту дьявольскую силу, которая почти на всех поворотах русской истории успевает вскочить наверх, оседлать и взнуздать народ, и в определенном направлении затем его направлять. У власти – чекисты, так поэтому и Сталин снова в красном углу, и Иоанн Грозный восхвален, а умники и духовная свобода – изгоняются и уничижаются.

Иногда я думаю – сдадимся везде, где нечистой силе прибыльнее всего, – но хотя бы сохраним наш язык и культурное наследие, чтобы было что передать нашим внукам и правнукам – но, увы, дьявол теперь поражает в самое сердце, он выкорчевывает последние остатки нашего зодчества, эту каменную летопись русской истории, он уже добывает и русский язык, не только наводнением иноязычных слов, которых я даже во сне не слышал, но отменяет спряжения и склонения, порядок слов, произношение звуков и интонацию речи.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

РЕДАКТИРОВАНИЕ МИРА

ЗАМЕТКИ РЕДАКТОРА

Лето 2007-го года... Малая Вишера, Любытино, Боровичи... Дороги в России за последнюю четверть века стали лучше, вереницы автомобилей мчатся по ним, перевоза пассажиров между редкими городками, между умирающими деревеньками и селами, расположенными вдоль дорог. Летом в этих селах жизнь если не кипит, то по крайней мере теплится, приезжает автолавка, продают водку и хлеб, зелень и картошку дачники выращивают на своих огородах. Есть и крестьяне... Анна Ефимовна медленно движется мимо моего дома, садится на лавку у бабы Фени, приходит пораньше, чтоб не прозевать автолавку. Егор Тимофеевич умер; пока он был жив, то сам приходил за хлебом, а то и в соседнее село хаживал, за два километра. Баба Дуся умерла в прошлом году. Оксана Дмитриевна умерла три года назад. Пока она была жива, наезжал я в деревню иногда и зимой, звонил ей накануне, и она загодя протапливала мою старую избу, которой больше ста лет. Дуня приходила за водкой, пропала этим летом, пошла в лес за ягодами, и не вернулась. Все остальные тоже умерли, но жизнь по-прежнему неистребима, и из города приезжают племянники и племянницы, дети, внуки... Приходит иногда Сергей, Юра его сторонится – Сергей задирист, и редкая встреча их проходит без драки. Причину драк уразуметь я не смог, выпивши, Серега столь косноязычен, что не только обратного порядка слов он не может сложить, но и прямого. Междометия ему удаются лучше.

Мимо деревни гудят лесовозы, лес в России вывезли еще не весь.

В августе я ездил в Сибирь, к родительскому очагу, но родная моя деревушка заросла ивняком и ольхой. В соседней кто-то живет, но туда не проехать, а пешком со мной идти никто не хотел, один же я идти побоялся, по старой проселочной дороге бродят медведи и волки. Кстати, к дому Анны Ефимовны (он на краю) тоже подходит после захода солнца волчья пара, но мой дом, к счастью, от края второй.

В Сибири лес вырубил вдоль рек и дорог километров на триста, но рядом с домом моей матери (в поселке Решеты, где я учился) оставался еще три года назад сосновый бор, там же была и одноименная станция железной дороги.

Что же с нами произошло и когда?

Ответы на вопросы мы ищем в физике и метафизике бытия, то есть в науке и философии, или в литературе, которая соединяет и то и другое. Возможно, дело в том, что *изменились физика и метафизика крестьянского труда, условия и сущность уклада жизни*. Вот также грекоримская цивилизация погибла, когда выветрилась почва, питавшая ее, исчезли деревня и земледельцы. Культуру и цивилизацию Рима погубил город, который, по иронии судьбы, был ее колыбелью.

Так же город губит Россию. Он вторгся в деревню своей промышленностью, своими формами и организацией труда, своим отношением к земле; город устроил две революции, разгромил триединство дворянства, духовенства и крестьянства, обобществил скот и людей, труд как основание добродетели подменил идеологией.

Попытка организовать крестьянскую жизнь по примеру ремесленного и фабричного цеха, тюрьмы и казармы, в философии представленная системами Платона, Кампанеллы и Маркса, не столь разрушительная для города, оказалась губительной для деревни.

Кто-нибудь скажет, что мы погибли оттого что спились.

Нет, не оттого мы погибает, что пьем, а оттого пьем, что погибает.

Что же делать? И есть ли надежда на спасение?

Заметки о порче русского языка

Художник ответствен, в конечном счете, перед Богом. Да неужели мы пишем для развлечения своих читателей? Впрочем, есть и такие произведения, вроде карамели, и они, быть может, тоже нужны. Но подлинная литература обращается к беспокойной душе, растревоженной совести, к тем, кто мучим духовною жаждой, даже если это только один на мириады слепых и глухих; даже если это всего лишь один бодрствующий среди спящих. Томимый духовною жаждой, уязвленный страданиями человеческими, душевно больной – вот наш читатель.

Мы – диагносты и лекаря. Наше поколение призвано объяснить причины и характер болезни, и попытаться найти лекарства. У нас еще есть в запасе десять-пятнадцать лет, и мы их должны истратить на лечение России. Правда, детям нашим Россия уже не нужна. Тем более не нужна крестьянская жизнь. Не нужна культура – культура, которая вырабатывалась в городе, но корнями была в деревне, которая словно природа, в которой есть все. Но есть еще воздух, ветер и дождь, без которых природа мертва – это язык.

Вот и начну с языка.

Боролись за его чистоту еще в конце 18-го века, в пользу церковно-славянского, боролись и при советской власти и ныне.

Существуют два отношения к языку; одно из них нормативное, служители которого предписывают языку Нормы, и пеняли даже Лермонтову, который не делал различия между родительными падежами чулков и носков, говорил шинЕль вместо шинЭль. Другое же направление следовало за языком и исследовало его текущую жизнь.

В 18-м - 19-м веках в язык пришло множество слов, без которых сегодня он немислим, и электричество, и революция, и механика, и нация, и социализм, и интеграл, и ... Ну, ясно.

Сегодня хлынуло вдруг снова. Но разница состоит в том, что тогда организму языка недоставало многих веществ, чтобы стать всемирным, и он им стал, оставшись национальным; сегодня же словно в некую пробоину хлынули помои, заменяющие уже прижившиеся термины с латинскими и греческими корнями преимущественно англицизмами, и эта замена носит целенаправленный характер, словно дьявол от языка отдирает одно и пришивает другое, и настырно лезут в наш дом **драйв**, **бутик**, **менеджмент**, ... я, впрочем, не знаю, что эти слова означают, и знать не хочу.

Но это не вся правда. Редактируя ныне громадное количество самодельных текстов, я столкнулся с неким новым стилем письма.

Влияние малороссийской и украинской «мовы» было всегда, но язык им противостоял, несмотря на попытки Хрущевской жены сделать нормой Карова, Серце, Лесьница. Свои опаснее, чем чужие. Надсон, Ходасевич, Мандельштам, Пастернак, Кушнер и моя учительница русского языка, поволжско-казахская немка, для меня во многом эталон хорошего русского языка, так что чистота языка не стоит в прямой связи с "чистотой крови".

Плохо, что современный литературный язык сдвинулся в сторону редукиции и телеграфности стиля (в ущерб эстетизму и эмоциональности). Вся литературная современность утратила периоды, сложноподчиненные и сложно-сочиненные предложения, вводные слова и обороты и выражения, метафоры, гиперболы, эллипсы и параболы (то есть, иносказания). Понятие ТРОПА ушло из литературы.

Свежесть подлинного языка даже больше у "инородцев", а "природные" русские стали говорить казенно. Какой энергичный язык у футуристов! Какие сочные описания у Чингиза Айтматова в Буранном полустанке! И какое было прежде богатство в переводах иностранной классики!!! И мы не отличали тот переводной язык от подлинного русского.

Вот еще беда – отбрасывание предлогов. Миллионы наших соотечественников ринулись за рубеж, там говорят "по аглицки", и теперь уже не скажут "В последнее время", но "Последнее время"; не скажут "В половине второго", но "Полвторого", и тому подобное.

Но еще страшнее то, что язык обыденного разговора стал подменять язык письменный, литературный, культурный, скороспелое думанье, болтовня, интернетское общение начали подменять собою КУЛЬТУРУ, то есть воздвигание, выплавление металла из руды, начали подменять собою *добычу радия*.

Все эти БЛИН и БЛЯ, и прочий мусор хлынули в литературу, заменили ее собою. ПРОСТОнародный язык (когда-то живительно питавший наш литературный) подменил собою язык НАРОДНЫЙ, язык выражения смысла и чувства, а не коммуникации и производства.

Нужна ли литература сталевару в процессе варения стали? Семьдесят лет советского ига варилась сталь в домне и в гортани, и в голове, выделался не только новый язык, но и новый человек, не только пошло и тупо и скудно говорящий, но и скудно мыслящий и скудно думающий.

Народ мой – враг мой! Вот в чем дело.

Источник языка – "малый народ", творческий, не совпадающий с определенным племенем, – он проходил как Гольфстрим через все население Российской империи, и был в непростых отношениях с дворянами, купцами, крестьянами, греческими и малороссийскими попами, Рюриковичами и «немцами».

Что тут евреи и где тут евреи, и кто здесь русские, не понять через один только язык, надо еще говорить о народе и национальной культуре.

Тогда, может быть, что-нибудь пойдем мы и о языке.

Прощальное слово. 2012.

Хотел еще, кстати или некстати, добавить несколько прощальных пассажей, так как я думаю, что с Альманахом уже я прощаюсь. Устали читатели, устали авторы, да и «караул» устал и начал роптать.

Но на всякий случай прочитал их нескольким возможным читателям, чтобы посоветоваться, не обижаю ли я графиню Марью Алексеовну, или священную Инквизицию, или, не дай бог, ЧК. И хорошо, что посоветовался, читатели вычеркнули из меня все крамольное, остальное велели печатать.

Про евреев нельзя, они обидятся. Если ты их будешь ругать, обидятся за ругательства, устали они от ругательств за две тысячи с лишним лет. Если ты их будешь хвалить, не поверят, скажут, что это замаскированная издевка. Лучше напиши, что некие жители страны Тамаюмы... и так далее.

Про чукчей нельзя, их уже и анекдоты достали.

Про негров нельзя, за одно это слово уже могут привлечь к суду, слово запрещено.

Краснокожих упоминать запрещено тоже. И китайцев и цыган. Нынче у нас толерантность, никого обижать нельзя, слово «татарин» уже тянет на десять лет.

Не советуем, говорят мне критики, писать про писателей. Они твои товарищи, а что хорошего ты можешь про них написать? Так что уж лучше молчать. Или писать иносказательно, употребляя нейтральные термины.

Про православных писать тем более нехорошо, к тому же после того концерта котят, который устроили неназываемые персонажи... Нельзя про феминисток. Нельзя про тяжелый рок. Авангардизм и флеш-моб.

Про чужих мусульман я и сам боюсь, даже в похвалу, все равно зарежут.

Не пишу про огнепоклонников – вдруг им не хватает хворосту, подкинут в костер меня.

Не пишу о Никоне и Аввакуме, это задевает чувства. Не пишу про веру – это задевает разум.

Хотел написать, что земля круглая, но и то забоялся, не помню, разрешена ли папской конгрегацией уже книга Коперника или еще нет.

Не советовали мне употреблять союз НО, потому что таким образом я противопоставляю себя другим.

Союз А я сам решил исключить, он тоже какой-то несогласный.

Не упоминаю теорию относительности, черные дыры, дьявола, оппозицию и митинги. В каждом из этих слов заключен почти весь Уголовный кодекс.

Напиши ка ты, посоветовала мне самая осторожная, только то, к чему не придраться, что никого не заденет, никого не обидит, что согласно со всеми.

Я долго размышлял, наконец меня осенило.

Есть такое слово! Или, иначе говоря, есть такая буква в неназываемом слове! И именно ею я и заканчиваю свою несостоявшуюся речь.

Прощайте, товарищи! Простите за всё.

Постараюсь не ругаться, не сердиться, не обличать, не возражать! **И!**

Может быть, я уже эту страничку напечатал в предыдущем номере, тогда, значит, я бегу отчасти по кругу и это хорошо, не так быстро добегу до конца.

С ужасом я начал понимать, что я оказался не таким уж хорошим, каким надеялся стать. Не таким хорошим человеком, совсем никаким математиком, неудачливым Учителем – где мои ученики?

Надеялся в *редактировании* достичь совершенства, выстрегивал из себя Редактора, как папа Карло выстрегивал Буратино, из того полена, каким я был.

У меня (и у других) есть прекрасные образцы. Пушкин был прекрасным Редактором, он был ВСЕЯДЕН, и не исправлял авторов. Иванов-Разумник был прекрасным Редактором, он был терпим к авторам и мало их исправлял. Я исправляю тех, кого не боюсь, и не исправляю тех, кого боюсь.

Я хотел бы исправить свой народ, но не знаю, КАК его заманить в плавильную печь.

Я хотел бы исправить нашего Бога, но уж Бог точно меня не послушается, он слишком загордился (особенно тот, всеобщий).

Правда, у меня есть еще свой, не совсем тот, что у других... или совсем не тот... (хотя и его я хочу исправить). Мой личный Бог еще ведет себя приемлемо. Он мне ни в чем не помогает, но зато не страшат геенной и не требует императорских почестей.

Я хочу исправить даже Дьявола, в романе мне это почти удалось.

Единственное, что мне не хочется исправлять теперь, это ЖЕНЩИНА.

Она прекрасна. Если она станет еще лучше, это ей будет во вред.

Ее надо только любить, терпеть от нее ярость и поношения, иногда нелюбовь, равнодушие... и восторгаться ее любовью... Если бы мы знали, каких страданий ей стоит ЛЮБИТЬ нас такими, каковы мы есть, мы никогда не посмели бы ее ругать, ей пенять, даже только нахмуриться.

Но мы не знаем. Нам плохо удастся роль положительного человека. Особенно мне, хотя я и не самый худший. Из лучших худший. Но определенно – Лучший из худших.

Впрочем, не знаю...

Итак, сосредоточусь на редакции. Пить не буду. Гораздо меньше. К девушкам приставать тоже. Гораздо меньше. Почти совсем... И на этом заканчиваю, потому что меня могут понять и превратно.

Р. S. Кстати, к цеху *редакторов* относятся и Учителя, и писатели (инженеры душ), и хирурги (инженеры тел) и политики, и судьи, цензоры, правители, даже палачи... 29 августа 2013. .

НОВЫЕ ЗАМЕТКИ РЕДАКТОРА

Обсуждал с народом текущую жизнь.

Народ недоволен мною, признаёт, что с Украиной плохо, что правительство, лойляное к нам, с нашей же помощью хохлы свергли, что на Майдане американцы нас обыграли, да за двадцать пять лет воспитали на Украине поколение, ненавидящее русских, но во всем винит народ меня. Путин вон Крым успел отнять, а кто ему помогал? Ему ОДНОМУ за всем не уследить, все не сделать. Так что же его друзья-чекисты, спрашиваю я робко? Сначала чекисты бабки делили, потом он с ельцинистами разбирался, олигархов приструнивал, иных сажал, газопроводы строил, страну поднимал с колен, а где умники были, почему ему не помогли? Где были умники, которые его теперь ругают, почему вы с Украиной ничего не сделали доброго, вот ты лично, что сделал?

А что я мог сделать? Сначала студентов учил и Учебник математики писал, потом из преподавателей меня выгнали, и я сидел, то в сумасшедшем доме (в 2002 году), то в тюрьме (в 2004-м), не считая еще той, прежней посадки, при коммунистах, да десять лет на допросы ходил, а еще огород копал, картошку сажал, а то сторожем работал, чужое добро сторожил.

Нахапали, доктора наук, зарплат и пенсий на халяву, и всех ругаете, то образование рушится, то культура загнивает, то книжки ваши никто не читает. А кому нужны ваши книжки?

Я, правда, не доктор, да и вообще никто, жена только докторица, и вот мы как живем – на халяву.

Двадцать лет покупал сметану по 56 рублей (а рядом в том же магазине другие, может быть, из народа, не знаю, покупали ее по 250 рублей, *деревенская* называется). Хирург сочувствующий мне сказал, что больше меня по благу чинить не будет, и если я эту сметану буду жрать, даже его мастерства на меня не хватит). Покупал ржаной хлеб (честно скажу, гораздо лучше по вкусу, чем нам в тюрьме давали, тот, тюремный, даже я есть не мог). И все же литовский хлеб съедобнее.

Пенсии я получаю четыре с половиной тысячи, даже у бомжей пенсия больше. А работал я всю жизнь и больше и лучше, чем большинство народа (я ведь и с народом тоже работал, и видел, как он работает, так что предприниматель, открывший «спичечный» цех в Тверской губернии, возит рабочих автобусом из Эстонии, тоже русских, но прошедших тамошнюю трудовую выучку). Правда, народ мне ворчит, что он-то на грязных работах работал, а я детей учил да всякой научной белибердой занимался, никому не нужной. Детей, правда, в школы посылал сам народ, сдуру, наверное, и преподаванием моим почему-то доволен был, пока ему умные люди не разъяснили, что все это чушь, и культура, и образование, и наука, и балеты там всякие, а были бы танки и пиво к водке, так прожить и без образования можно, и даже лучше, как если на меня посмотреть. Но грязной работой я тоже занимался, и в тюремном

коридоре стены отмыл до блеска, и на овощебазах раз в неделю гнилую картошку перебирал, и в сентябре-октябре на полях картошку копал в колхозах. За тридцать лет набежало этого стажу шесть лет, да тюремного в общей сложности четыре, так что я не совсем дармоед). Да еще удивительно, что плохо ли хорошо ли, правильно или не правильно я жил, но чужих деток летом в деревне и чаем потчевал, и пряниками, и кашу им моя жена варила, и учебники для школы привозил и книжки всякие, и мешками всякие вещи чужим деткам возил, которые мне от своих излишков такие же дармоеды как я собирали в городе. А что же народ? Да были и из него какие-то набекрень, что ли, четыре бабы в селе, чужих детей из детдомов взяли, да коров держали, когда весь народ от своих коров отказался, да еще красавица Машенька в городе, бывшая деревенская, отдавшая мне весь гардероб свой бывший (тоже набекрень, конечно, хотя бы потому, что со мною дружила и слушала мои байки). Я и огород в деревне вскапывал, когда у правильных народных мужиков он давно уже крапивою да чертополохом зарос).

Правда, честно сказать, мне то удивительно, что тот «народ», который меня клянет и пятой колонной обзывает, сам ни дома не строит, ни улицы не подметает, для этого он привозит из-за границы работающих людей, но зато правильно ненавидит нас, умников, за то, что мучили мы его то в школе уроками, то в университете зачетами и экзаменами, и не могли растолковать, почему в дроби dx/du букву d нельзя сокращать.

Но зато они Россию любят и русский народ, и гордятся и тем и другим, и Толстым и Пушкиным (не читая ни того ни другого), и Шаламовым и Солженицыным (но как они умудряются ими гордиться, одновременно гордясь и строительством коммунизма, и народИпартияЕдины, и Сталиным, и Берией, и олигархами, и ЕдинойРоссией, и несменяемым в течение целого столетия правительством, и коллективизацией, и мелиорацией, и запущением всех земель под ольху и крапиву, и «нынешнее поколение будет жить при коммунизме» и догоним и перегоним Америку по мясу, молоку и маслу»), но зато наши дети слава богу устроились хорошо кто в Англии, кто в США, кто в Канаде, кто в Германии...!?)

Но зато они гордятся русским народом, которого скоро останется в России только треть от всей численности, но меня давно уже надо из России выгнать (а я потому что сам никак НЕ СВАЛИВАЮ из нее, как их дети).

Они гордятся русским языком, на котором говорят хуже евреев и инородцев (в школе его изучать было слишком сложно, а на улице хватало и мычания).

Так, пропускаю все мои дальнейшие инвективы... надоело, да и бессмысленно и безрезультатно.

Сегодня все плохо, но зато при царе было хуже (так они думают), а при Сталине лучше, только мало расстреливали, не хватило у Сталина твердости. За два предвоенных года в этом городе расстреляли сто пятьдесят тысяч человек, но по поводу каждого из расстрелянных

проводились на работе собрания, и трудящийся народ голосовал ЗА расстрелы без суда и следствия, и в общей сложности подняли руки, чтобы расстрелять своих товарищей по работе и соседей по коммунальной квартире, полтора миллиона человек. И я понимаю так, что это то же самое, как если бы они своими руками их расстреляли, кровь расстрелянных все равно на них.

Потом началась война и блокада, и Бог ВОЗДАЛ, от голода в городе вымерло полтора миллиона, но не этих, которые голосовали за расстрелы, а их детей, внуков, матерей, жен, сестер, дедушек и бабушек, их учителей, которые их учили, их нянь, которые им пели колыбельные песни. Кое-кто погиб и из этих, но меньше. У них родились еще дети (правильно Жуков сказал, что «бабы еще нарожают»), и теперь эти дети гордятся тем, что «Сталин выиграл войну» и «поднял Россию с колен». (Кстати, а когда она на коленях была? При Ленине, которого они тоже почитают? При «царе-мученике», которого они тоже теперь почитать начали?)

В деревне, в которой я родился, «за Родину, за Сталина» и еще за «народ и партия едины» была только одна седьмая тех, кто выжил, вопреки коллективизации, войне и разнарядкам на расстрелы – эти и были «Большим народом». А мой «малый народ» составлял в деревне большинство, ни родину, ни Сталина, ни партию не любил, да даже «за веру, царя и отечество уже не пошел бы». Разуверился. Но мне говорили: «Учись, Васенька, учись! Ты наша последняя надежда!».

Учусь до сих пор, до сих пор надеюсь... Но как я могу повлиять на Украину, майдан, на Россию, на русский народ, на политику партии и правительства, если я всего-то иногда поднимаюсь до должности сторожа, а что редактирую пишущих, так это же никем не признано, это ведь и бабки в деревне умели лечить наговорами, но денег за это им никто не давал... впрочем, они и не брали, говорили, что стоит взять деньги, и вся сила уйдет.

Кое-что начинаю понимать...

Встретил знакомую женщину, спрашиваю, как живется, да как, говорит, когда любви нет, ты ж меня мимо прошел?! Да я же вроде и за тобою бегал, а ты фыркнула, мол, ты нищий, а я в шалаше жить не хочу, да не шибко ты меня и уговаривал... Олигархов на всех не хватает, надо и за нищих замуж выходить, только понимается это поздно, когда уже никто не берет.

А мужики?.. Те еще придурки, они еще по молодости вроде бы ничего, а чуть мохом пойдут прирастать, так и не поймешь, чем от пня отличаются...

И что же, неужели я лучше?

Хм, ты у своей крали спроси, с которой, я видела, ты вчера обнимался!

Так это же просто подруга моя, которая меня последняя отвергла, говорит, что ничего из меня не выйдет, но ей меня еще пока жалко...

Итак, в моей нынешней деревне все работающие, из поколения передо мною, за последнее десятилетие умерли до единого. От Ефимыча осталась мне в подарок коса, которою я траву на огороде кошу, от Оксаны Дмитриевны воспоминание о самогончочке, лучше которой я во всю жизнь не пивал, да она еще нам избу протапливала зимой, перед тем как нам приехать... От бабы Лександры цыганский род, который меня будет защищать, когда «эти русские меня примутся обижать»... Да и от других воспоминание о том, что они нас с женой возвышали перед всеми.

Проходят десятилетия, все лучшие умирают, словно как бывшее поле зарастает ольхою. И остаюсь я с народом, для которого каждый следующий царь – «НАШЕ ВСЁ»!

Позвонил Г., пригласил с горя в баню, говорит, народу никого, цены повысили, а я за тебя заплачу, и бутылочка уже припасена. Я не пошел, депрессия с трех часов ночи.

Через час одумался, звоню ему, уже ушел без меня.

С горя купил бутылку пива (которое я уже не пью), полил себя в ванной кипятком, обваренный, налил рюмочку настойки, достал плошку студня (вчера жена на Новый Год наварила... но да еще наварим, если до Нового года война не начнется), достал старую отжигу (или как она еще там называется?), ржаной хлеб... Ребята, да с настойкой, со студнем, с отжигой этот ржаной хлеб лучше Литовского, народ, все же, кое в чем прав!!!

Вчера получил денежный перевод, и на нем приписка: «Милый дядя Вася! Возьмите, пожалуйста, эти деньги, хоть покушаете!»

Странно, конечно. Одни кричат: Вали за бугор, если тебе наша страна не нравится»

А другие денег присылают, чтобы мне хоть на закуску хватило (впрочем, я пью теперь мало).

Что же я стал понимать?

Прежнее привилегированное сословие (девятнадцатого столетия) было образованным, культурным, и в значительной степени возвышенным (хотя и в нем была чернь, как полагал Пушкин). Работающее крестьянство верило в Бога, в царя, жило согласно русским традициям, то есть праведно (по преимуществу). Россия росла и приносила всяческие плоды.

Злосчастная революция, бунт бедных против богатых, униженных против возвышенных, некрасивых против красивых, глупых (или нищих духом) против умных, бездарных против талантливых – победила и разрушила страну и народные устои. В эти сто лет мы живем кое как, оплачивая невероятными жертвами возможность жить и выживать.

Праведных присуждает к смерти несправедное большинство, которому никак не напиться крови.

Полтора миллиона голосовавших за расстрел в тогдашнем Ленинграде, сто пятьдесят тысяч расстрелянных, вследствие этого (и

всего другого такого же злобного и одичалого), невероятные потери в войне с Германией, как безумное божье наказание всему народу (а чаще всего лучшим из него).

Мы потерпели поражение в Гражданской войне, вот корень всему.

Чернь победила, и это то же самое, что победа татар во главе с Батыем, когда наступило трехсотлетнее иго.

Подлинные русские либо погибли, либо были изгнаны с родной земли. Среди них, только среди них могли быть люди, которым были бы интересны мои книги, которые могли бы выслушать, что я думаю об Украине, что я думаю о культуре и образовании. ЭТИМ – не интересен весь я, и мой талант, и мой прекрасный русский язык, и мое понимание математики, и способности в разнообразном...

Я должен быть расстрелян вместе с теми, кого они уже расстреляли, я должен помочь им себя обвинить, я должен дать им повод.

В 2003-м году полковник ФСБ, присланный из Москвы, чтобы меня посадить, просил меня в показаниях, в ответах на вопросы написать кое что этак двусмысленно, чтобы это можно было истолковать в пользу обвинения. Тогда мы не посадим вашего сына, сказал он.

Я согласился, написал несколько строк двусмысленнотуманных, меня посадили, сына посадили тоже, правда, вскоре нас отпустили...

Но не расстреляли. И я обращаюсь к потомкам тех, более решительных, так:

Расстреляйте меня на вершине скалы,
Там, где ветер шумит, воспаряют орлы.
Положите лицом на закат.
Через тысячу лет я закончу свой труд,
Если твари земные меня не сожрут,
И останется друг или брат.

Расстреляйте меня на закате весны,
Там, где в небо летят две стройных сосны,
И над ними сияет звезда.
Я закончу свой труд через тысячу лет,
В час, когда заблестит на верхушках рассвет,
Как кристаллики горного льда.

Через тысячу лет я закончу свой бег,
Между сосен найду и приют и ночлег,
Наконец-то найду своё «да»!

8 сентября 2014

Наконец-то я понимаю всё. Мне не переменить этот народ, мы уже разошлись. Я – потомок достойных, он потомок недостойных, тех, кто победил. Но надо, чтобы они меня расстреляли, чтобы наконец до конца победили, остались только с собой, ни одного противника, ни одного несогласного, ТОЛЬКО ОНИ САМИ.

И тогда они наконец-то поймут свою несостоятельность, свою неправду и зло. Вот в чем я не достигаю своего отца: Он *решился умереть*, а я не решаюсь, вот в чем дело.

Моя последняя книга, «Отбеливание льна», потому и не дописана, потому и отстаивается пятьдесят лет, что Отбеливание льна – *решимость умереть*.

Когда я буду расстрелян, тогда-то и все одежды на мне станут белоснежны, и моя последняя Книга будет дописана..

Я подошел к обрыву

19 декабря 2014-го года... До трех часов ночи снова не спал, казалось, что жил я напрасно, и ничего уже нельзя изменить, ни жизнью, ни смертью, ни смирением, ни противостоянием, ни тем, что буду продолжать писать, ни тем, что писать брошу.

В четвертом часу пришло письмо от Д., она пишет, что не может уснуть, что жизнь ужасна, и она даже ее не достойна. Ответил коротко, что даже я все еще верю в жизнь (а я на самом деле уже не верю), и что даже я достоин того, что у меня все так хорошо, и мир и покой (но ни мира, ни покоя), и что если надо, то сколько в силах я ее могу даже на руках пронести (и вот это правда). (Но здесь речь не идет ни о влюбленности, ни о христианской любви, а о крестьянском сочувствии к страдающему заблудившемуся брату или сестре, тем более – к дочери). Кстати, она увлечена коммунизмом и я ей это прощаю. Слава богу, Сталины она не увлечена. Вероятно, я чувствую то же, что чувствует учительница в отношении своей плачущей ученицы, получившей на контрольной двойку: Да мы с тобой еще все исправим, контрольных еще будет уйма, не стоит из-за них плакать...

Я страдаю от того, что НИКАК не могу повлиять ни на человека, ни на страну. Вот, например, в семидесятые годы я ругал коммунизм (тайком, шопотом, в кругу друзей). Никто меня не поддерживал, даже друзья. Никто и не предал, чекисты услышали случайно. Я думал, что меня расстреляют, а меня через три года отпустили.

Но все те, кто со мною знаком, до сих пор меня укоряют, что я был против народа.

Сегодня я ругаю нынешний режим (почти тайком, почти шопотом, потому что книги мои не читают, и чекисты обо мне уже забыли). Но все те, кто со мною знаком, меня укоряют, что я против народа.

«Грехи отцов падут на их детей до седьмого колена», сказано в Ветхом Завете.

А я кичился своей безгрешностью. Я ругал мой народ за то, что он так покорно идет за пастухами, даже когда пастухи ведут его к обрыву. Что он слушает пастухов и не слышит меня.

Но ведь это и не совсем так! Да, большинство меня не слушает и не слышит. Но ведь те, кто услышал что-нибудь из сказанного мною, хотя бы случайно, хотя бы в электричке, в очереди за билетами в рай – меня не ругают!? Почему же ругают знакомые и не ругают незнакомые? Может

быть, потому, что знакомые знают, что я их осуждаю – и за то, что не читают книги, и за то, что не слушают музыку, и за то, что любят несправедливое, и за то... ну, не за все ли, чем они живы?

А незнакомые моих обвинений не слышат, или не принимают на свой счет, и хотя меня тоже не читают, но относятся ко мне хорошо, и если случайно удастся из мною написанного прочесть кое-что, даже хвалят.

Заканчиваю я книгу, которую назвал: Поиски длиной в жизнь.

Что же я искал? ***Я искал любимых, друзей, Истину, могилу отца, Кто виноват и Что делать.***

Влюблялся я часто, в прекрасных и милых, все они меня любили тоже, не все как возлюбленного, но по крайней мере как друга, зато ни на одну я не обижен и ни одна не обиделась на меня.

Друзья у меня тоже из наилучших, и хотя не разделяют моих взглядов, но... не знаю, в чем тут дело, хотя я и написал еще книгу: «Что есть Истина?», и я ее (Истину) словно бы нашел, но странно, что ни один житейский вопрос в моей Истине не разрешен. (Так ведь и христиане не объяснят, почему то Гумилева, то Вавилова, то Павла Васильева, то Корнилова, то Жанну Д*Арк, то Ольгу Берггольц, то Шаламова, то Рокоссовского (и миллионы других праведников) водят с веревкой на шее, а злобные и тупые обласканы милостями и им даже иногда воздвигают мавзолеи).

Могилу отца я нашел. Я пока только не имею денег, чтобы ему и его солдатам поставить на этой могиле памятник (не в центре городов, вдали от могил, чтобы удобно было НАМ возлагать на них цветы и проливать крокодиловы слезы, а именно там, где они погибли). Я бы готов поработать, чтобы получить за работу деньги, но не могу найти работу (а ведь я ЛЮБУЮ работу делаю, даже копаю траншеи или вскапываю огород).

Кто виноват, я словно бы знаю, по крайней мере, виноваты те, кто стремится к власти, проливая чужие слезы, кто стремится к богатству, насобирая, кто обманывает и обижает, предает и растлеывает – но Что делать? А вот этого я и не знаю. Не знают и другие. Так какой же прок от моих книг?

Я слишком увлекся обвинениями, хвалю мало. Так разве учитель, весь свой пыл изливающий на нерадивых учеников, чему-нибудь научит радивых?

Я слишком увлекся обвинениями других, отказываясь видеть в виновных себя, и отчасти это справедливо, я не призывал к мелиорации, погубив источники рек, не призывал к расстрелам, не вступал ни в партию ни в комсомол ни даже в Единую Россию, не заискивал, не лицемерил, не лгал, не злодействовал, почти не ленился, не отказывал в помощи, в сочувствии... то есть был почти идеален. Я даже помогал сколько мог тем, кто нуждался в помощи, и ведь не случайно же мои друзья называют меня «Васенька», а деревенский Юра называл Васильком. Но, как видно, этого недостаточно, чтобы себя обелить. Не случайно же

главную свою книгу, «Отбеливание льна», которую я пишу уже пятьдесят лет, я так и не могу дописать.

Не спал, тоска и кручина меня душили, то есть депрессия, по *научному* (только не всегда мне эта *наука* нравится, с ее нерусскими терминами). Не мог я сказать, что «унынья моего ничто не мучит, не тревожит, хоть сердце всё болит...» – поэты постоянно противоречат сами себе... И вот тоска меня терзала, и я стал думать, что и сам я ВИНОВАТ тоже.

Я еще не умею писать так, чтобы распадались камни и из них лились слезы. Чтобы растаивали сердца. Прозревали глаза и открывалось видение правды. Чтобы виделась и собственная неправда. И покаяния и светлой жизни открывались двери.

Я еще не умею писать так, чтобы утешить скорбящего, поддержать обиженного, поправить заблудшего, поднять упавшего.

Не умею писать коротко, пишу длинно и утомительно.

Я все сетую и ругаюсь, пишу долго обо мне сказали читатели, прочитавшие из моей книги о литературе отрывки!

И не для самовосхваления, а чтобы и воистину отвернуться от обрыва и ЗАНОВО отправиться в Поиски, хотя бы длиною и в оставшуюся жизнь, приведу я некоторые из слов, восхваляющих меня.

Да и порадоваться, утешиться, а может быть и набраться духу для долгого пути. Быть может, с поисков моей собственной вины я лучше увижу подлинные и чужие вины. Итак:

«Я сейчас читаю небыстро, путано, поскольку еще перечитываю "Призвание литературы", которое у меня отбирает мама, чтобы прочесть самой и передать моей учительнице литературы из гимназии и даже своей, очень пожилой учительнице. Видите, какая получилась очередь? А Вы сетуете на отсутствие читателей...»

«Спасибо Вам, что пишете для нас, как Вы нас высоко величаете, "души моей царицы". Вы пишете и для себя тоже (это важно, это сродни, а может, и лучше психотерапии), и для других читателей.»

«Часть о ЧУДЕ меня, признаюсь, увлекла настолько, что ее я перечитывала не один раз. Особенно внимательно Ваши рассуждения о хаосе в произведении и о случайных и неслучайных словах. Как же Вы правы! Я сама, перечитывая своё, стараюсь искать такие случайные слова, заменять или убирать их вообще. Теперь буду прорабатывать тексты еще внимательнее.»

«А чудо, случившееся с Вами 14 лет назад и описанное в главе, едва ли не заставляет плакать. Но я искренне верю, что случается подобное в жизни, и Ваше исцеление это подтверждает.»

«Удивительная, многогранная книга, открывающая мир редактора изнутри, с его видением, сомнениями, размышлениями и широчайшими знаниями из области литературы, философии и религии, а главное – человеческой души.»

А вот пишет девушка: «Все бы редакторы относились к авторам, "как к девушкам"! Очень интересно написано!»

«Роман “Боль и любовь” открывает для читателя совершенно забытый, ускользающий пласт литературы о земле, ценностях людей, сформировавших свой характер вдали от городского хаоса. Точное знание уклада деревенской жизни, экзистенциальных и бытовых проблем “человека земли” наряду с глубокими личными переживаниями автора позволяет читателю максимально приблизиться к узловым, далеко не всегда приятным моментам отечественной истории. Особую ауру создает постоянное присутствие в тексте автора, ощущающего историю не как ставшее, но как *становление*. ...читатель незаметно проникает в роман, становясь его неотъемлемой частью. Повествовательный анахронизм держит его в напряжении, с легкостью перемещая во времени. Структура произведения насыщена несколькими повествовательными моделями, приемами потока сознания и игровой иронии, меткой сменой стилистических кодов – от разговорной лексики до диалекта, от яркого художественного стиля до сдержанной публицистики. Широкий спектр философских проблем, прежде всего, идеологических, является генеральной линией романа, неким внутренним “диалогом”. Богоборческие мотивы сменяются критикой рационализма, вульгарный марксизм разбит о восхваляемые автором вершины культуры и искусства. Через собственную биографию и творческий путь автор создает новое пространство, позволяющее ему переосмыслить былое и найти непроторенные дороги как в жизни, так и в творчестве.»

«Автор восхитительным образом балансирует между *что* и *как*, ибо, как любой мастер, обречён двигаться лишь в том случае, если хотя бы в общих чертах прояснит для себя третий вопрос литературы и искусства вообще – *для чего?*

...Существуют ли точки перегиба, точки интереса в повествовании, заставляющие его менять движение мысли, принимать неожиданные решения, очертя голову (меч-кладенец чертит круг – оберег – над головой) или стремглав бросаться наперекор сюжету? Следуя за Редактором и следя за траекторией его мысли, не можешь отделаться от впечатления хождения по винтовой лестнице, образующей к тому же замкнутое пространство. Да, да, винтовая лестница со спянными концами, хитроумный вариант небезызвестной ленты Мёбиуса, позволяющей перемещаться из одной плоскости в другую, из реальности как таковой в реальность художественную – вот пространство книги «Призвание литературы».

Итак, отклики читателей, которыми стоит гордиться. Я как будто впервые с ними познакомился и удивился – оказывается, читают и меня, и я тоже не совсем напрасно писал. И во мне началась революция...

Вот я уже заканчиваю «Поиски длиною в жизнь». И что же я нашел? И что искал? По первоначальному замыслу, да и потом в продолжение повествования мне казалось, что я пытался найти Истину, и поисками ее, в течение всей моей жизни, и занимался. Но так ли это?

Возможно, я искал самого себя, искал свое Призвание.

В школьные годы увлекался я и математикой и литературой, потом поступил на Матмех, мне казалось, что в математике по крайней мере одно из двух моих призваний. Но или я слишком был честолюбив, тщеславен, самонадеян, но при первых же трудностях я спасовал. Мне не стать ни Ньютоном, ни Эйлером, ни Гауссом, а скромная карьера университетского преподавателя, приносящего веточку в сооружение математического здания, меня не прельщала, поэтому, по существу, от математики я отказался – как от профессии. Хотя я и написал учебник математики, и преподавал ее урывками – но это профессия преподавателя, а не ученого, исследователя. Скорее всего, я мог бы стать хорошим школьным Учителем, но после коммунистической переплавки в школу меня не брали.

И все же с детских лет я ощущал себя именно Учителем, я не только учил математике – школьников, абитуриентов, студентов – но я стремился переделывать, *редактировать* человека. Так не случайно судьба превратила меня в Редактора, сначала в девяностые годы, когда я издавал журнал "Мѣра", а затем и в последние десять лет, когда мне пришлось редактировать книги «самиздатских» писателей.

И все же я не мог остановиться на редактировании текста, меня тянуло переделывать человека, его взгляды, его окружение, Россию и мир.

Так не редактирование ли мира – мое призвание?

Читая речи ветхозаветных иудейских пророков, я вижу, что мои книги во многом их повторяют, как и страстные проповеди Христа, не только пришедшего *пострадать* за человечество, искупить его "первородный грех", но пришедшего и для поучения, проповеди и научения.

Итак, кто же я? Нет, я не ученый, и даже не философ, ни в науке, ни в философии мне не удалось и не удастся уже сделать нечто значительное.

Проповедник и Редактор? Исправитель человека и мира, то есть революционер? Но политик из меня не получился, я не поведу за собою толпы, когда и одного-двух мне повести за собой не удалось.

"Записки редактора" превратились в бесконечную книгу, пора уже эту "дурную бесконечность" прервать.

Так что же, поставить точку, подвести черту? Но разве я нашел уже Призвание, исполнил свое Предназначение? Нет.

Я разделил народ на две неравные части, почти весь народ признал негодным, повторяя вывод апостола Павла, что «все сплошь негодные». *Но счастья нет в моей измученной душе...* Надо найти основание, на котором я сумею примириться и соединиться с народом, стать ему интересным и понятным. Надо написать Художественный Роман. А для этого надо отправиться в Новые Поиски, может быть, на всю оставшуюся жизнь – **надо снова искать и теперь уже искать не Истину, а себя самого.**

Часть седьмая
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ
или
НОЧЬ НАД РОССИЕЙ
2012

НОВОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

... Как ни удивительно, но моя система философии может быть сформулирована не более чем на страничке текста. Я воспринимаю мир и бытие почти так же, как личность человека, то есть, как в человеке я вижу единство души и тела, так и мироздание переживаю как Личность, со своим телом (всем тем внешним, что мы обычно и называем Миром) и своею душой, расположенной... – кто его знает, где расположенной, ведь и в человеке мы не можем указать ее места. Душа, возможно, пронизывает тело во всех его частях и частицах.

Дух (или душа) мира неотделим от него, он его делает живым, как и человека.

Новым, не повторяющим других, в моем мировоззрении является представление о *подобии* мира (Природы) и человека, о взаимопроникновении их друг в друга.

Все, что есть в человеке, одновременно есть в мире; возможно, справедливо и обратное.

Ну, например, человек определен по принадлежности к полу и по принадлежности к нации – но пол не является его исключительной принадлежностью, он – свойство почти всех живых существ, всего живого.

Жизнь человека обусловлена *обменом веществ* – но *обмен веществ* поддерживает все формы жизни в мире, даже там, где, казалось бы, речь не идет о *жизни*, например, в геологических процессах.

Трудно указать какое-нибудь принципиальное отличие «мира» от человека, мы с ним и общаемся постоянно, не меньше чем с женой и друзьями, в особенности со мною согласится поэтическая натура.

Итак, мое Я входит в мир, как и Я мира входит в мое Я, тела наши так же пронизывают друг друга, и дышим мы одним воздухом, и смотрим на одни и те же звезды.

Восприятие, переживание, понимание и творчество потому не ставят непреодолимой преграды между человеком и миром, что они едины, мера и количество, протяженность и время, изменение и *развитие* (прогресс), радость и страдание – такие же свойства всемирного бытия, как человеческой жизни и истории народа.

Бывает и увядание, «понижение» в мире, как и в человеке, и реки мелеют, и озера превращаются в болота, и степи в пустыни – но это и доказывает еще большее сходство мира и человека, можно воскликнуть: и мир – личность, и ничто человеческое ему не чуждо!

Потому-то и возможно понимание и творчество, что тело человека и тело мира взаимообусловлены, они существуют не раздельно: когда мы вдыхаем, то воздух – часть нашего собственного телесного, когда же выдыхаем, то он уже принадлежит внешнему миру. Зыбка граница между субъективным и объективным, и субъективно ли наше тело?

Что же до Духа, то это один и тот же Дух наполняет БЫТИЕ, и сознание, о котором мы склонны думать, что это свойство человека или даже его отдельного будто бы органа, и будто бы появилось только вместе с человеком, существует вместе с его телесным миром, составляя его целостность. Но мир существует и как телесный мир, и как духовный, одного телесного мира никогда не существовало. Ибо он своего рода доска, на которой Дух пишет свои письмена.

Итак, если и Я и Мир почти неотделимы, почти одно, то все, что я хочу понять и объяснить во внешнем мире, я должен (и могу) понять и объяснить в себе. Поэтому мне и не обязательно писать историю и философию мира, но можно ограничиться своим собственным жизнеописанием.

Возможно, наши взаимные отношения несколько сложнее. Мир одухотворен – это абсолютно несомненно! – но дух мира всеобщ и безличен, и нуждается в личности человека для самовыражения. Я – глаза и уши мира, его мечта, намерение, его цель, мною мир достигает собственного понимания, во мне он приобретает до конца и свое Я.

Если мое тело – это и продолжение внешнего мира, его тела, то и мир – продолжение моего Я.

Такое мироощущение не только поэтично, но оно и продуктивно, действенно, оно обосновывает бережное отношение к Природе. Надо с нею жить в гармонии, не растрчивать ее бездумно, и тем более ее не уродовать, не уничтожать, не превращать в свалку и помойку... САД НАШЕЙ ДУШИ – вот что такое мир. Мир и Я – одно, братья, будьте чистокровны, не будьте выблюдками мира, в кои сегодня, в большинстве, вы себя производите!

Да, кстати, сегодня ходил я в лес, дороги сплошь разбиты лесовозами, просеки и каналы завалены стволами деревьев, лесосека начинается от околицы. И какая лесосека!словно безглазый Циклоп пришел для поругания на русскую землю.

Новгородская область уже почти вся не только выпилена, но и изгажена, лесников давно нет, лесничие уже не нужны, намеревается власть иноземного быдла даже Лесотехническую академию в Питере закрыть. Это ВОР пришел среди белого дня, хозяйничает, вывозит все, что можно продать. А что же народ? А народ эту власть ЛЮБИТ.

И я подумал: Да не сдать ли Россию в аренду Японии? С тем, чтобы вымирающее население (а оно уже скоро вымрет) слегка подкармливать и пить вонючей водкой sake, но не подпускать к работе, они все быстрее ломают, чем иноземцы.

Кто-то мне говорит: Ты нас ненавидишь, ну и радуйся, мы скоро выйдем.

Не радует это меня, хотя мне вас не жалко, но да ведь мое подлинно русское племя вы перебили от завистливой злобы, уморили в лагерях, истребили в бездарной войне. Вам терять нечего – кроме своих цепей (которые у вас в душах) и своей пьяной злобы, а я теряю страну!

... Но это было отступление.

Моё отношение к миру я переживаю как религиозное чувство. Однако, возникает немало вопросов.

Во-первых: Если мир есть единство Души и Плоти, если Мир изначально духовен, то не значит ли это, что творческое начало изначально присутствует в мире, и он не полностью зависим от внешних толчков, от Духа, который изливается извне и не единосущен миру. Ибо мир – это не Прах, лишенный Духа, а сам Личность. Он не бездушная материя, в которой происходят бездумные, бессмысленные, случайные хаотические изменения, только часть которых (почему-то) остаётся, сберегается и умножается, составляя сущность Эволюции. И тогда Творческий акт саморазвития, в котором есть и намерение, и цель и воля, то есть целесообразность, низводится до бессознательного кружения Хаоса.

Мне кажется, что представление о мире как о глине, меняющей форму под случайными порывами «дождя и ветра» и о мире как о глине в руках Господних, – одинаково приводят к пренебрежению Миром, не только не способствуя восхищению миром, гармонии с ним, родственным чувствам по отношению к нему, но и унижая мир в глазах человека, низводя его до бездушного Праха.

Как можно возненавидеть Мир, чтобы прямо призывать отряхнуть его с обуви своей, бежать из него, умереть, чтобы уйти в инобытие. Даже и живя в мире, *жить аки умереть*.

Но чем же объяснить пафос христианства, возбуждающий ненависть к миру, отвращающий от труда (не заботьтесь о завтрашнем дне! Будьте как лилии, которые не сеют и не пахнут!), отвращающий от творчества, от любви к красоте (давно ли торжествовали иконоборцы? Давно ли разбивались эллинские изваяния?), отвращающий от человеческого (давно ли порицались детские игры, давно ли даже смех был гоним?) Впрочем, современник не знает историю, он ее не помнит, если сегодня работают театры и университеты, он думает, что так было и всегда, и не было христианство их гонителем!!!

Так, быть может, создатели Мифа о Грехопадении и об изгнании человека из Эдема – пришельцы, изгнанные, например, с Сируса? Что им наша Земля? Что им наш мир? Надо вернуться на родину, а их родина – Там!

Но что я и сам называю *миром*?

Я отношу к нему прежде всего Землю и Солнечную систему, и Космос как периферию мира. Не бесконечный Космос, в котором мы только пылинки, а «Звездное небо над головой», в котором «Звезда с звездой говорит!» Ибо что мне до взрывов *сверхновых*, о которых мы узнаем через миллиарды лет (а столько не живут)! Что мне до черных дыр, до которых не долетает даже свет?

Моя родина – вот этот сияющий мир с голубым небом, на котором сияет солнце, или с темными тучами, из которых сыплется снег или

лется дождь; с этими горами и равнинами, реками и озерами, морями и океанами. И эту родину я люблю, ей СОДРУЖЕН, родствен, содуховен, она и я – одно!

А пришельцы с Сириуса, оставившие там землю обетованную, призывают меня мой мир не любить. А чиновники и богатеи, а ленивые и тупые, а неукорененные в моей России ее не любят, насилуют и обдирают, ибо вместо крови в их жилах течет «бабло» и «капуста».

Не всё в христианстве мне чуждо. Образ Бога, жертвующего собою для спасения человека, меня вдохновлял с малолетства. Но – Бог уже давно не только не жертвует собою для нас, а даже не разговаривает с нами, и в ответ на самые слезные наши просьбы молчит.

Я еще хотел сохранить доброжелательные чувство по отношению к христианской церкви – в память моей первой влюбленности в их Бога – но если вчера христиане трудились на ниве обскурантизма, невежества и мракобесия, то и сегодня, после недавних гонений на выдающееся, как они себя ведут? Три молодые женщины помолились у алтаря, попросили Богородицу изгнать тирана – о, как взвились иерархи церкви, как они ринулись защищать властителя! А не их ли собственный Бог в синагоге переворачивал скамьи и призывал огонь на нечестивых? В чести ли глава церкви, как скупой рыцарь набивающий сундуки золотом, собирающий дворцы? Только рыцарь ли он? И на его голову надо призвать огонь, но вчерашние комсомольцы все как один ополчились на последних христианоков, еще верующих, еще надеющихся на заступничество Матери Божией! Вчера эти защитники церкви кресты сдавали в металл, сегодня уже хворост несут в огонь, чтобы еретичек сжигать – только кто еретики, не они ли сами?

Но я не отказываюсь с ними и дальше говорить или спорить – ибо спор с мудрецом благотворнее, чем согласие с глупцом. Не с мнением соглашаются, а с человеком. Не с человеком спорят, а с мнением.

Тот мир, о котором я до сих пор рассуждал, есть *мир всеобщего*, существующий словно бы на отдалении, или словно бы в некоем синтетическом чувстве растворения в *природе в целом*. Но отдельно есть и поля и луга, и «цветы и колосья», семья, народ, ближайший круг общения, творчество и работа. Отдельно существует еще масса проблем – вот я растворен в *мире как целом*, мы с ним уже одно, а моя Россия во власти гуннов; жаворонок в небе поет для меня, я слышу музыку сфер, а мент и чиновник подстерегают меня за углом с кистенем в руках, чтобы избить меня и ограбить, а то и убить. Я сознаю, что самого подлинного и самого полного религиозного чувства я достигаю, когда моя нравственность проистекает из Красоты и чувства гармонии, а в моей России уничтожаются и памятники зодчества, и красота природы. Я существую прежде всего в человеческом мире, который сегодня относится к миру в целом как грабитель и насильник относятся к жертве.

Вот почему необходимо изложить не философию единства человека и мира (которую, собственно говоря, я уже и изложил, и которая

сознательно продолжается не во мне ли единственным?!), и не философию и историю падения человечества, Европы и моего собственного народа (я не медик, и не сумею написать историю болезни), а историю моих собственных исканий. История эта, я надеюсь, может быть поучительной, она может и вдохновить хотя бы немногих, сочувствующих миру подобно мне. Я человек, и многое человеческое меня не чуждо, и многие соблазны меня искусили, и многие слабости меня одолели, и вот поэтому я могу быть близок и понятен многим живым, не чуждым любви, как и я, ненависти, страстей и хотений. Читатель во мне узнает себя, и чтение будет ему интересно, полезно, и вдохновит его на возвышение и на подвиг борьбы за личность и свободу, за правду и Россию. Он многое и без меня знает, но я, возможно, сумел глубже увидеть скрытое за завесами

Кроме того, возложил ли Бог на меня призвание, или это только приснилось мне, но с шестилетнего возраста жил я с ощущением призвания, это наложило на мою жизнь и личность совершенно необычный отпечаток. Я рисую здесь свой портрет героически, я изображаю Героя, который нам необходим. Мир создал человека, человек создал народ, народ создал меня, призванного его спасти. Не важно, так ли это в обыденной реальности, я творю Миф, я мог бы назвать героя своих книг другим именем, нежели я сам – но зачем эти ухищрения? Читатель видит, что во мне нет сомнений, я искренен достаточно для того, чтобы меня читать серьезно и без высокомерия. Когда художник пишет автопортрет, он не смотрится в зеркало, он создает Образ. Иначе он пошел бы к фотографу.

Перед вами *герой*, в которого автор превратил себя (чтобы не тратить слишком много времени на фантазии, а время не терпит, корабль наш уже под водой!)

Две любопытные особенности присущи моему герою, как будто даже исключающие друг друга.

Во-первых, у меня слишком много слабостей и недостатков, я даже отчасти и грешник (в христианском смысле), я и невежествен и недостаточно культурен почти как средний городской человек – многого еще не читал, не знаю языков, имею пробелы в музыкальных познаниях, поверхностно знаком с философией, даже математику знаю лишь отчасти (а многое забыл), не говоря уж о химии и физике, да и историю знаю довольно слабо. Это как раз и делает меня близким большинству, ибо большинство может о себе сказать то же самое, только пороки и слабости их сильнее и недостатки культуры более вопиющи. И все же, читатель увидит, что и я не вундеркинд, не гений, хотя бы даже непризнанный, невежествен и обыденен как и он, а не нобелевский лауреат и не сверхъестественный гуру.

Во-вторых... во-вторых есть во мне то, что позволяет с жаром обличать и поучать, выставляя себя как критерий истины, и даже в пылу спора восклицать в отчаянии: Да выслушайте меня, в конце концов, потому что это *Аз и емь Истина!*

В семь лет я самостоятельно научился читать и чтение сделалось моей страстью. В десять лет прочитал Джека Лондона, в одиннадцать – Анну Каренину, в двенадцать начал читать марксистов. И все же я был почти как все, и только с большим трудом добивался некоторого отличия. Прежде всего, от других отличался я ранним вниманием к девушкам, а так же тем, что и у них (у самых красивых!) я тоже вызывал интерес (причем, в пятнадцать лет я вызывал интерес у семнадцатилетних, и этим чрезвычайно гордился)..

И все же, сталкиваясь с тысячами людей, я, знающий не намного больше того, что знал Сократ о своем знании, с ужасом вижу (особенно в последние годы), что подавляющее число вроде бы и образованных людей, – дремучие невежды. Большинство не читало Новый Завет. Почти никто не читал Библию (Ветхий Завет). Мало читавших Горького и Маяковского. Алексея Константиновича Толстого. Даже Достоевского. Салтыкова-Щедрина. Протопопа Аввакума.

Очень мало тех, кто способен судить о тех или иных явлениях истории, о тех или иных явлениях жизни. (Правда, *смеют* судить многие, но каковы их суждения!?)

Я читал и Эдгара По, и Бальзака, и Свифта, и Сервантеса... не только Шерлока Холмса и Остров сокровищ. В семнадцать лет, в *подпольном кружке*, изучал Капитал Маркса, в двадцать, отправившись в «изгнание», я положил в сумку Аристотеля и Александра Грина, в тридцать лет, в тюрьме Большого дома, читал Историю государства Российского Карамзина... ну, в общем, «что-то во мне было особенное»...

Я слушаю Шостаковича и Губайдулину, знаю и люблю исполнителей оперы и романса, стоял перед полотнами Тициана и Филонова, ездил по России, бывал и за кордоном, и ходил по улицам Берлина и Будапешта, Братиславы и Кракова, Ковно и Хельсинки...

Так что среди невежд я один из самых знающих. Но это не раздувает меня гордостью, ибо я знаком с образованными людьми, и перед ними никну.

Только на фоне Российской пустыни я «цвету и пахну»,

Жизнь Российская ужасна, это наполняет меня отчаянием и скорбью, раздражением и ненавистью. Современная власть растлила власть так, что кажется, что в их среде уже нет ничего человеческого.

И вот, перечитывая некоторые документы, касающиеся событий моей собственной жизни, я вижу, что еще пятнадцать, еще десять лет назад и в государственной среде было множество честных и чистых людей. Люди, великолепные люди, были везде. Но остался ли сегодня кто-то, с кем можно поговорить? Поспорить? Согласиться?

Не только умаление русского народа, не только падение промышленности, науки, образования, культуры – но вопиющее РАСТЛЕНИЕ всех от самого маленького мента до самого большого начальника, от нищего до богатея, от безграмотного до писателя! Поэтому мои Записки своевременны. Поучительны. Действенны ли?

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Что и для чего я пишу?

19 июля 2012 г. Сегодня ночью как будто предстала в моем воображении новая книга как некое целое, но что именно я хочу в ней сказать и к кому обращаюсь – нет, знаю не точно...

Чрезмерно, быть может, раздражаю я иных читателей – «благонамеренных» обывателей, – своей ненавистью к Власти, но благонамерен ли обыватель, своей ленивой и трусливой верноподданностью поддерживающий Зло?! Не такие ли, как он, помогают преследовать талантливых, строя тюрьмы и виселицы и помосты для гильотин? А потом его дети восклицают: Ах, НАШ Королёв, Туполев, НАШ Варлам Шаламов, Гумилёв, наш Василий Иванович! А не ваши ли отцы помогали нас гноить в тюрьмах или сбрасывать в общую Безымянную могилу?! Так какие же МЫ – ва́ши?

«Благонамеренный» обыватель не слышит стоны страдающих, не видит слезы обиженных, ибо он глух и слеп...

27 июля 2012 г. Не останавливаясь на боли мира, можно бы рассказать о том, что мир есть целое, подобное человеку (хотя, скорее, это человек подобен миру), что в нем есть Душа, и есть и собственно мир, воспринимаемый нашими внешними чувствами, зрением и осязанием, слухом и обонянием, чувством пространства и времени, но этот внешний мир только половинка целого, как тело в человеке.

Но есть ли и еще Нечто сверх человека и мира?

Возможно, Мир не только чувствует и понимает, рассуждает и отзывается на нашу деятельность, но обладает и волей и целеустремленностью, Мир соучаствует в нашей жизни, он не оторван от нее не только как пассивное Всеобщее, но и как активное Особенное. Ограничившись таким представлением, мы могли бы сказать, что Мир не только мир, но и Бог. (Такое представление называется Пантеизмом).

Но кроме этого во мне есть и личные отношения с Богом, отдельно сущим, не растворяющимся ни в воображении, ни в Природе. Что Он есть и как, я не могу точно сказать, но я думаю, что религиозные искания человека не случайны и не напрасны, и отбрасывать их как фантазии не стоит.

Другое дело, что как и писатели создают не только прекрасные произведения, но и чудовищные, так и в Верованиях. Под именем одной религиозной системы (например, христианства) объединены (если не сказать – разъединены) почти противоположные Учения (как и под именем социализма).

Как верит простонародье, которое и Евангелий не читало? Оно соединяет в вере традиционные народные представления, языческие воспоминания и нечто еще неопределенное, *облако смутных чувств*.

Как верит интеллигенция? Эти уже что-то читали, но от народных смутных представлений уже оторвались, прочитанное самостоятельно осмыслить не могут, и притворяются верующими, будучи атеистами, поэтому очень часто их религиозные взгляды хочется назвать суеверием.

Как верит духовенство? Это и батюшки, отправляющие религиозную службу, и иерархи, и чиновники, и богословы.

Я с некоторыми общался, и они очень разные, есть и разумные, и умные, и ученые, и верующие.

Но дело девушек «пусек» (как выразился один из них), ясно показало, что тон задают, как и во всём государстве, не верующие разбойники.

Ну а народ повторяет только то, что ему навязывают из телевизика или с амвона, пока вдруг не очнется да не схватится за топор.

Итак, есть ли еще Бог сверх человека и мира?

Склоняюсь к тому, что есть, и в будущем, быть может, выскажусь более толково по сему поводу, в рамках «философии религии», но прежде мне надо еще многих умных прочитать и перечитать.

Пока же, готовясь одеть новые, "не ветхие одежды", я продолжу вдумчивое чтение Нового Завета и закончу ту критику, которую начал в "Записках на пальме". Станет ли это моим культурным разводом с христианством, пока сказать не могу. Но поскольку оно проросло сквозь меня целую жизнь (в его подлинных поучениях, или только в культурном преломлении), постольку я вряд ли все христианское задвину в "дальний пыльный ящик стола". Буддистом или магометанином я, разумеется, тоже точно не стану, как и атеистом, но уже и не стану христианином (мы будем жить порознь), хотя, возможно, в гости будем друг к другу ходить.

Вообще прихожу к горестному заключению, что придется мне писать, скорее всего, только ДЛЯ СЕБЯ. Есть ли у читателя представление или мнение о мире, или его нет, не важно. Если какое то представление у него есть, то этот читатель держится за него цепко, подвергать его анализу и сомнению, осмыслить его, понять – не хочет. Если же никакого представления о мире у него нет, то этот читатель тем более не хочет что либо осмыслять, по лени или по страху, он лучше останется на своем теплом належаемом месте и будет жевать ленивую жвачку, время от времени переворачиваясь на другой бок, чтобы удобнее было смотреть телевизор.

Следовательно, даже термин "читатель" употребляю я напрасно, потому что его у меня нет и не будет: не потому, что я пишу избито или неинтересно – нет, я чуть ли не единственный ищущий, и в меру зрячий, и не мало разумный – но нет пока ни одного на моей родине, кто был бы "томим духовною жаждой".

Но – продолжаю.

Что мир есть целое, в котором есть и плоть и душа, это хотя и важная часть моих взглядов на мир, но не главная.

Главным являются мои чувства к России. Я ее представляю в виде корабля, несущегося в пропасть, а у штурвала банда разбойников. Они

уверены в своей безнаказанности, им есть куда пересесть, они – пираты, захватившие наш корабль, чтобы его ограбить и погубить.

Что же народ, что же пассажиры?

Одни спят, другие гуляют, третьи сидят у ящика.

Да ты что, один умный? – кричит мне интеллигент спросонья.

Устал повторять, но еще раз.

Это вы мне кричали и тридцать лет назад.

А я был единственный умный.

Корабль наш налетел на рифы, перевернулся, не погиб до конца, заскочила на него пиратская банда, и мы дальше несемся.

Где те, кто меня вчера обличал во вражде к государству, истине, народу, в самомнении и неведении?

Одни из них пошли вдруг в церковь, которую тогда, гонимую, я единственный из светских людей защищал.

Другие ушли в буржуазию, проклинаящие когда-то неравенство и частную собственность.

Третьи, которые ко мне приходили с обысками, судили меня, объявляли сумасшедшим, готовы были уничтожить во имя коммунизма и марксизма-ленинизма, сегодня управляют уже новым феодальным государством (а поскольку его основная сущность, как и в те времена – феодализм – осталась, то им и легко было переодеть шкуру), и готовятся послать ко мне киллера.

Четвертые сохранили верность социализму, но из всех его разновидностей присягнули самой гнусной, истребившей когда-то лучшую часть моего народа.

Пятые... не знаю, что и сказать о пятых, они или пьют, или опохмеляются, спросонья они выкрикивают разнообразные противоположные лозунги, но к пониманию они уже не способны...

Так что, поскольку я последний умный в моей несчастной России, я выскажу, что о нас всех думаю. Потом, когда мы потонем уже окончательно, они будут кричать, что они все это уже и раньше знали... но только они не хотели меня читать и шевелиться на нашем корабле, чтобы он не переворачивался.

Не раскачивай лодку, кричат они мне. Мы еще немного хотим опохмелиться...

Знаете, когда государство умерло, провоняло, и нечем дышать, лучше предать его поскорее земле.

Может быть, среди этих смрадных останков сохранилось еще что-нибудь живое, предав земле сгнившее, мы спасем живое.

И, наконец, добавлю еще про девушек, уже не только для самооправдания, но и для понимания, что они для меня.

Начну с того, что в центре моей философии и литературы один Герой, это Я сам. Этого героя я отчасти разоблачаю, отчасти идеализирую, но я не вру, он – это тоже я, только очищенный от «случайных черт».

«Сотри случайные черты, и ты увидишь: *Я прекрасен!*».

Но не только все человеческое мне не чуждо, если под этим разумеет

слабости, но не чуждо мне возвышенно-человеческое, СТРАДАНИЕ от бессилия доброго и прекрасного перед миром нечистой силы.

Одни из нас спиваются, другие погружаются в призрачный мир наркотического опьянения, в частности, под церковными сводами. Третьи... К третьим принадлежу я сам, я страдаю, и потому припадаю к ногам "прекрасной девушки", но она для меня отчасти иллюзия, мечта, воображение, вино в хрустальном бокале или "опиум", тот опиум, который заменяет и вино и религию.

Вчера ехал в автобусе из Михайловского, семь часов проговорил с молодой женщиной, она мне "открывала глаза". Мы ведь рассказываем друг другу о том же, о чем и мужчины между собою треплются, говорила она, кто, как, с кем. Сегодня нет тех девушек, о которых ты говоришь, которым пишут стихи, все ищут развлечения и удовольствия, притом сиюминутного. "Выпила бокал вина" и побежала к другому.

А уж тебя они точно не любят, но просто держат в пыльном углу на всякий случай: вдруг пригодится когда-нибудь?

Тот, который нужен, о котором бьется сердце, не будет умолять о свидании, к нему сама побежит и будет ждать с обмиранием.

Правда, и тот пусть не обольщается, завтра она будет обмирать с другим.

Посмотрела на фото в мобильнике.

Да у нее лучше тебя есть, да и не один! Не сомневайся, что ты просто тот окурок, который иногда курильщик кладет на край стола: вдруг кончатся сигареты, а захочется еще курнуть!

Но ведь я необыкновенный!?

Нужна ей твоя необыкновенность! Она, что, стихи твои учит наизусть, восхищается твоими рассказами?

И дело даже не в возрасте, иногда влюбляются и в тех, кто гораздо старше, примеры есть. Но если бы она была в тебя влюблена или тобой дорожила, то она бы к тебе стремилась. Ну пошли ей смску, что соскучился, хочешь встретиться, она тебе ответит, что тоже соскучилась, но сегодня занята, и завтра тоже, и позвони еще, и обязательно встретимся!

Я послал ей смску, в ответ получил, что ... и обязательно встретимся!

Да, я это все понимаю, я и раньше не сомневался, что я ей не нужен. Не нужен и другой, и мы с ней расстались. Не нужен и третьей, и мы с ней расстались тоже.

Вернись в свой подлинный, близкий мир, и живи для него! – посоветовала попугайчица.

Но дело в том, что я и в любом случае не живу только для близкого мне мира, есть еще философия, литература, Учебник математики... Девушки – в этом же роде, так же выпадают из разумного сиюминутного, как моя философия и литература.

Тебя потом припекут, на страшном суде, отправят в ад, говорит мне одна из них. Хотя я лично тебя не осуждаю, есть и хуже тебя.

Я буду лежать под березой на взгорке, где ни ада, нирая, ни даже чистилища, ответил я. Потому что:

Во-первых, когда-то я доказал, что "ангелы меня любят". Во-вторых, старушка, В.Г., о которой я тоже писал в своем первом романе, сказала мне, что она по поводу моих романов договорится с Господом, чтобы именно мне Он их разрешил.

В третьих, выступают и некоторые из товарищей в мою защиту. Звонит, например, В. В. (выпивши) и говорит: «Ты благородный человек, я тебя люблю! Ты идеалист...» и так далее. А я всего-то подготовил к печати двухтомник его сочинений и мы сообща два экземпляра их напечатали.

И еще один меня любит также. И другой. И третий. Одного я надеюсь издать посмертно. И еще одного. И третьего. Надеюсь, они тоже выступят в мое оправдание.

Как я живу?

Телевизор я смотреть перестал. Правда, сломался он сам, но это еще важнее: это значит, что небесные силы обо мне заботятся, и многое делают, чтобы я не отвлекался на вопиющие глупости.

И девушкам я почти не нужен – по этой же причине. Ангелы меня защищают, говорят им: не отвечай шибко, так, раз в полгода шепни что-то ласковое, а пока пусть страдает, вдруг что-нибудь да напишет!?

Вот, про девушек я все объяснил, все оправдал.

Да еще и дети за меня словечко замолвят, те, которым дарил я конфеты, куртки, босоножки, сломанные велосипеды и потрепанные книжки сказок. А их немало. Они, конечно, не девушки, но зато они меня иногда и впрямь любят! Хотя бы иногда.

Ну, во всем я уже оправдался.

Но еще предстоит мне нечто важное, вроде того, как Лев Толстой ушел из Ясной Поляны.

Недостаточно мир обличать, надо от него отказаться.

Я устал от верноподданной пошлой глупости общества, в котором живу. Корабль скоро потонет, а они спорят между собою, кто лучше, прошлый тиран или нынешний, и соревнуются в любви к тирании.

Я иногда говорю, что хотя Хрущев из того же гнезда, из того же дьявольского вертепа, но все же крестьян освободил от рабства, дал вдохнуть хотя бы глоток свободы, при нем ну хоть о полетах на небо стали мечтать прилежные школьники; при нем хотя бы стихи о любви начали писать талантливые поэты! "Нет, прежний умница Берия лучше, он открыл деленье урана и научил делать ракеты. И без стихов мы проживем." А что сорок миллионов нас перебили, так бабы еще нарожают.

Нет, это мне говорят не дряхлые конвоиры в снах о счастливой лагерной жизни, это говорят повсеместно, и рядом со мною, и даже те, кто пьет со мной водку и клянется в любви.

Человека не изменить. По крайней мере – увещеванием, доводами, теоремами и их доказательствами.

Чтобы измениться, ему надо прожить совсем новую жизнь.

Сначала научиться читать стихи, учить наизусть Пушкина и Лермонтова, Некрасова и Грибоедова. Плакать над Войною и Миром и Записками из мертвого дома. Слушать Мусоргского, Скрябина, Рахманинова и Чайковского. И еще десятки других. Читать Аристотеля. Потом Фихте. И многих других. Жениться на умной и преданной. Влюбляться. Писать стихи. Верить в Бога и разувериваться.

Как сказал один Мастер: Чтобы узнать, чем хорошая живопись отличается от плохой, надо посмотреть миллион картин, с миллион первой все будет ясно.

Другого способа нет.

Итак, надо стать Личностью, соразмерной миру. Тогда услышишь музыку сфер, и в споре поэта и властителя никогда не предашь поэта.

Надо уйти от этого пошлого мира, отряхнуть его прах со своих стоптанных башмаков и хлопнуть дверью. Но уйти не на небо, есть и на земле другие миры, общества, друзья, любимые.

Паситесь, мирные народы,
Вас не разбудит чести клич!

Но я родился в самой глухой деревушке нашего мира, за нею простиралась тайга и обитаемый мир кончался. У нас не было театра, кино, музея, живописи, книг и газет, была только школа до четырех классов и учитель с семьей.

Были отдельные номера Мурзилки, Букварь и ... да, несколько книжек тоже было. Но их никто не читал, кроме меня. Но ведь большинство моих земляков были людьми умными и интересными, и стояли вровень миру, хотя и не умели читать. Как же соотнести это с тем, что глупость и слепоту моих нынешних современников я вывожу из их невежества, из их низкой культуры? Разве мои земляки были культурнее нынешних «инженеров человеческих душ», измерителей космоса и элементарных частиц, поклонников нищей России с атомной бомбой (предшественницы теперешней Северной Кореи с ее вопиющим маразмом обращенного в чернь голодного населения), поклонников *старых бедных* и *новых богатых* властителей одновременно, поклонников бесправия и уничтожения ума?

Нет, я еще многого не понимаю, и хотя жизнь кончается, но мне надо многому еще научиться.

Только надо провести черту, пусть остаются за нею поклонники прежнего кормчего, нынешнего искателя древнегреческих амфор, поклонники единственно верного учения, нерассуждающей веры, России – родины слонов, ненависти к европейскому просвещению и любви к византийской деспотии, дружбы народов вместо заботы о своем народе, ненависти к другим вместо любви к своим.

Глава вторая

ФИЛОСОФИЯ НАЦИОНАЛИЗМА.

27 июля 2012 г., *пятница*. Я националист, я русский, я *русский из русских*.

Но как примирить с этим мою ненависть к националистам, патриотам, да уже почти и ненависть к русскому народу?

По-видимому, есть разные национализмы и патриотизмы, разные русские?

Да, конечно.

Я об этом уже почти всё, что нужно, написал, кратко повторю основное.

Главная русская черта: восприимчивость ко всему, к плохому и хорошему, всеядность, способность чужое принять и сделать своим. Это и хорошо и плохо, это нас и губит, растворяет в чужих влияниях, часто обезличивает, лишает самобытности. Но это и хорошо, это нас делает, так сказать, народом универсальным, всеобщим, народом народов, как эллины. Как, кажется, англичане. Как, возможно, французы. Как, до определенной поры, евреи.

Однако, специфическая еврейская черта, противостоящая всеобщности, это их узость, ограниченность, замкнутость на себя, суженность только до себя, в отрицание всеобщности. Это тоже хорошо – как бы они иначе три тысячи лет оставались бы собою? Эллинов не стало, римлян не стало, русских не стало (я последний), а евреи все еще есть и, возможно, будут даже тогда, когда весь мир станет китайским.

Что такое национализм и почему он оправдан?

Если человек и мир подобны, то они подобны не только вообще, но и в самых характерных частностях. Мир разнообразен. Человек стремится к тому же.

Когда русские стали советскими, тогда они из всего еврейского восприняли только УЗОСТЬ, они стали больше евреи, чем самые ортодоксальные евреи, и многие такими остались. Обидное прозвище «совка» не случайно, оно именно эту узость и отмечает.

Одни совки сталинисты – и они больше никто, ни мужчины, ни женщины, ни русские ни евреи, в сталинизме для них пол и национальность.

Другие совки стали православными, и этим православие тоже заменило всё, даже Пушкина. Православие велит любить царя, и поэтому плохи декабристы, плохи революционеры, народники, националисты.

Третьи стали, наоборот, патриотами и националистами, одновременно, как правило, антисемитами, антиевропейцами, анти всех и всего...

Но у тех, у других и у третьих осталась еще советская вера и советская национальность, и иногда их соединение производит просто

чудовищное впечатление. Они верят в коммунизм, в Сталина, и одновременно ходят в церковь и крестятся. Они почитают Капитал, написанный евреем Марксом, одновременно костят жидов и масонов.

Не отстают от этих православные, многие из них тоже костят жидов и масонов, еще декабристов, инакомыслящих, оппозиционеров. Они уже и Сталина привели в церковь (посмертно), появилась икона вождя, а рядом еще и святая, его прославляющая.

Патриоты теперь коммунисты. Как у них совмещается интернационализм и мировая революция с неким суррогатом национализма, я понять не могу, как, впрочем, и всякую личину, заменяющую личность.

Есть и чистые националисты, эти под национализмом понимают нелюбовь к таджикам и грузинам, ненависть к Америке и Европе, обожание нынешнего вождя как последнего оплота в борьбе с НАТО (хотя вождь вступил и в НАТО и в ВТО и в американские банки и держит там свои доллары).

Итак, национализм – это любовь к своей Родине, памяти и культуре, и понимание, что культуры существуют только как *национальные культуры*, со своим языком, традициями, верованиями, воспоминаниями, хотя и питаются сотрудничеством и взаимопроникновением. Но ведь и семьи дружат, и отдельные люди, и несмотря на усилия сторонников всемирной коммуны нет пока еще повсеместно общих жен и общих детей.

Так и в природе, остаются пока и рожь и пшеница, и сосна и ель, и даже крапива, и волк и ягненок. Откуда, из какого корня растет ненависть к национализму? Ну, конечно, погромы немецких нацистов, вознамерившихся уничтожить иные народы, и вовсе не только евреев, но и цыган, и русских, и сербов... и многих других.

Но вы забыли Крестовые походы? Почему то даже атеисты не ставят эти походы христианам в вину, и не равняют их с националистами. А экспансия ислама? Не арабы ли завоевали северную Африку, и даже часть Европы?

Национализм как явление политической, социальной и государственной жизни появился только в двадцатом столетии (как, в некотором смысле, и *национальные государства*), а войны сопровождали всю историю человечества. Более того, многие новые европейские государства возникли именно на основе национализма, однако ни Ирландия, ни Литва не угрожают войною соседям, а безнациональная Россия и с Литвою чуть не схватилась, и с Грузией успела повоевать, и Чечне платит дань, как некогда монгольским татарам. И безнациональная северная Америка воюет уже почти во всех частях света, как некогда интернациональный Советский Союз. Я бы сказал, что именно интернационализм воинствен, гораздо больше, чем национализм, если бы не пример нацистской Германии. Ну, что ж, соглашусь, нынешний местечковый оголтелый национализм постсоветской черни и опасен и отвратителен, но опасен и исламский экстремизм – но разве философы,

публицисты и пропагандисты поднимают Европу в крестовый поход против ислама? Нет!

В крестовый поход против национализма сзывают публицисты самого национального народа, но это их историческая черта, которую я тоже объяснить не берусь. Они уже и устами апостола Павла тщились упразднить народы, и устами апостола Маркса, и ныне вновь преуспевают на этой ниве. Однако, оптимизм внушают исключения, и они есть, уже появились сторонники просвещенного, аристократического национализма, даже среди евреев, а если мы решимся поменять имя и назваться народничеством, то приобретем сторонников еще более.

Итак, назовем мои воззрения о значении народного, национального в истории так: **Новое русское народничество.**

Будут ли у меня сторонники?

Я не стремлюсь противопоставлять русских инородцам (да простят они меня за употребление исторически сложившегося термина!), мы все – равноправные граждане единого государства: России. Те, которые поймут, что идеология народничества, хотя бы и русского, дает исторический шанс и им в сохранении своего национального своеобразия, что только в России они сохранятся как особость, станут моими сторонниками.

Русские, понимающие национализм как возвышение своего над чужим – будут меня сторониться.

Глава третья

НАРОД

1.

28 июля 2012 г., **суббота.** Казалось бы, я уже понял всё о народе, а именно, что он существует двояко, и являясь биологически, телесно одним народом, духовно представляет собою два противоположных народа: народ-созидатель и народ-разрушитель, *малый* народ и *большой*, причем подлинным созидателем является именно *малый* народ, вопреки концепции Игоря Шафаревича.

Но эти два *малые* народа, имеющие одно имя, у меня и у Шафаревича, различаются не только духовно, но и по происхождению и составу. У него входят в его состав евреи, инородцы, полукровки и отчасти русские космополиты или отщепенцы, вроде Чаадаева. Я же настаивал на том, что мой *малый* народ более русский, чем большой.

Однако, погружаясь глубже в историю, смотрю теперь на это несколько иначе: в 19-м веке и дворянство и интеллигенция включали уже в свой состав немало лиц со стороны, и остзейских баронов (Дельвиг), и шведов, и немцев (Кюхельбекер, да и сам Пушкин по матери), и потомков татарских князей (Карамзин), и потомков поляков (Крачковский, Александр Грин), и евреев (Антокольский) и других. В простонародье же посторонних было гораздо меньше.

Вероятно, и среди лиц духовного звания много должно было быть выходцев из Византии и Малороссии, и конечно они были русскими священниками, не менее русскими, чем священники из Вологды и Костромы. (Как и Александр Сергеевич Пушкин не менее русский, чем Батюшков).

Конечно, из этого не следует, что я приветствую вавилонское смешение языков – нация и племя не совпадают, нация – это исторический синтез племен, в основе которого и дух и плоть, как и в человеке, и дух главенствует (язык и историческая память), но и тело впитывает извне не беспредельно. Вот так и в Волгу впадают и Москва и Ока и Кама (как и в другие великие реки), и в меня и русская поэзия и французская проза и немецкая философия – а разве я становлюсь менее русским?

И все же народ – это и аристократия и плебс, и бояре и смерды, и невозможно ни одну часть народа отлучить от него вполне.

Надо только знать и помнить, что должен дух преобладать, а тело подчиняться, и не впадать в буйство разрушительных страстей, пьянства и чревоугодия, зависти, ненависти, похоти.

Но и дух, впрочем, не должен уморять тело голодом.

2.

И все же это не вся правда о народе. К тому же, если бы это была полная правда, то следовали бы из нее лишь уныние и безнадежность.

Ибо с тех пор, как большевики захватили власть, с тех пор как евреи и инородцы полностью отгеснили русских от государственной и культурной жизни (а читатель, надеюсь, понял, что я вовсе не проповедник «расовой чистоты») и свой "малый народ" воспринимаю как подлинно русский **вместе** с Карамзиным, Пушкиным, Дельвигом, Кюхельбекером, Антонецким, Левитаном, Пастернаком и другими, ибо русскость определяется не кровью, а более важными вещами, имеющими отношение к душе и культуре, и большинство русской черни более инородцы чем даже Фаддей Булгарин и Бенкендорф) – так вот, со времени большевистского переворота небо и земля поменялись местами.

Но чтобы это увидеть, недостаточно прочитать мои инвективы в адрес большевизма, надо прочитать и Библию, как я, и Маркса, и Ленина, как я, и Достоевского и Толстого, и плакать, слушая русские песни, и ночевать в чистой русской тайге, и чувствовать великий девятнадцатый век не только по учебнику для начальной школы, но и по всей поэзии Пушкина, и по его письмам, и по стихам и письмам десятков его современников, и по произведениям Чаадаева, Страхова, Н. Я. Данилевского, Павла Бакунина, Герцена, Короленко, Некрасова, Писарева... надо впитать в себя несколько хотя бы десятков полузабытых ныне имен, которые составляли ПОЧВУ русской культуры, без которой не могли бы существовать ни Лермонтов, ни Аполлон Григорьев... и я перечисляю ныне имена не для того, чтобы показать свою образованность на фоне

нынешнего невежества, а чтобы сказать: я узнал, что и Киреевский и Кюхельбекер слушали лекции Гегеля и Шеллинга и были с ними в дружбе, читали по латыни и древнегречески, и говорили по немецки, а я, сын глухой сибирской деревушки, абсолютный невежда в сравнении с ними! Дерзаю ли я сравниться с ними? Нет!

Прочитайте Беркли, Фихте и Маха, потом русского махиста Богданова, потом возьмитесь за «Материализм и эмпириокритицизм» Ульянова. И если вам не станет вопиюще стыдно от писаний этого недоучки, гения для олухов, то мне станет стыдно за вас.

Вот что я с ужасом вижу: я невежда сравнительно с образованными девятнадцатого века (хотя в математике и доказал весьма нетривиальную и важную теорему, и надеюсь, хоть математики впишут мое имя в свои хотя бы черновики!) – но что же мои современники? Прочитали ли они хоть что-нибудь, прежде чем охаивать девятнадцатый век?! Нет, воинствующее невежество и мракобесие! И больше ничего!

Они даже Маркса не читали, а строили марксизм и навязывали его всему миру. Сегодня, не прочитав Новый Завет, они тащат на костер отчаянных девиц из отчаянной рок-группы, не помяная Христа, который переворачивал скамьи в храме и выгонял продающих. Но разве не об изгнании продающих молили они в храме? А вы, "презренные потомки известной подлостью прославленных отцов", разве не Каиафу защищаете против Христа? Впрочем, вы и о Каиафе забыли. Да и о Христе тоже.

3.

Ладно, чувства нынешних верующих, вчерашних комсомольцев, меня не интересуют. Я еще не закончил рассуждать о народе.

Захватив государственную власть, Большой народ, разумеется, не получил ожидаемого наследства, награбленное у дворян и аристократии по большей части было уничтожено, по меньшей – попало к новому "духовному" сословию, образовавшемуся черт его знает из каких подпольных жителей, из каких кровожадных чекистов и *присяжных поверенных*. Это сословие не только не представляло русский народ, оно не представляло человеческое в человеке.

Но шли годы, сквозь пепелище и бурьян прорастали новые всходы культурных растений, даже у социализма начало появляться человеческое лицо, и тут снова случилось чудо, и после анти-большевистского переворота небо и земля снова поменялись местами, и государство оказалось в руках "элиты", образовавшейся черт его знает из каких воровских малин, из каких хищных комсомольских секретарей, подпольных менял и чекистов.

Кого представляют *ЭТИ*?

Скорее всего, это какой-то новый народ, не имеющий родства с традиционными народами, это скорее сброд лиц "нетрадиционной национальности".

Они не представляют ни мой малый народ мыслящих и способных к творчеству, ни даже спивающийся народ, привязанный к ящику.

Но, думаете, я нахожу удовольствие в ругательствах? Нет! Уныние, отчаянье и тоска меня наполняют.

И вдруг мне приснился сон, и я увидел *новое небо* и новую землю.

Я стою на пожарище, редкие кустики кустарника меня окружают, там-сям пробиваются березки и ольха – а где же тот могучий бор, который шумел на этом месте? Увы, его нет!

Потом словно бы один сон заменяется другим, я вновь оказываюсь на когда-то бывшем пожарище, березняк перемежается осинником, изредка вдоль ручья растет ольха, а временами я вхожу и в островки сосны.

И снова меняется картина, я вновь иду по знакомым местам, и могучий бор шумит, приютив под своей сенью островки берез, осин и ольхи.

Народ – это ВСЁ ВМЕСТЕ, это и аристократия и чернь, и праведники и грешники, и святые и ничтожные, это странное смешение почти противоположных слоев, одни из которых видимы, а другие невидимы. Одни из которых растут и плодоносят, и забывают собою нижерастающих, а другие только прорастают.

Потом мои мысли обратились к огороду, и я увидел, что на нем растут и картошка и кабачки, и огурцы и помидоры, горох, капуста, сельдерей, укроп, петрушка, и дикая мята, и множество диких цветов, и по всему огороду пучки и целые клумбы цветов культурных, среди картошки и огурцов. Растут на нем и сорняки, и чертополох, и крапива. А на соседнем огороде, хозяева которого давно уехали, растет только крапива и чертополох (как и у нас по всей России).

Но если бы моя жена не воевала с сорняками, а я не выдергивал крапиву, то такая же мерзость запустения очень скоро воцарилась бы и у нас.

Народ – это сообщество, соединение, сплав или раствор... нет... ***Народ – это целостная биологическая система, подобная тайге, тундре, степи. С точки зрения термодинамики она открыта и неустойчива, обменивается с внешней средой ресурсами, информацией и энергией (за счет чего меняется и развивается), но одновременно, с точки зрения механики, в силу саморегуляции она достаточно замкнута и устойчива.***

Отъединенность от внешней среды консервирует народ и обрекает на вырождение или неразвитость, чрезмерная же податливость приводит его к потере личности, самоидентичности, *самости!*

Вот основание для надежды – в России уже начались чудеса, появилась новая поросль, которая жадно льнет к солнцу. Крапива и чертополох еще воюют с этим младым незнакомым племенем, но оно ширится и растет. Я, крестьянин, еще стою в растерянности на краю огорода, но уже мотыга в моей руке готова к бою с нечистой силой. *Живой народ – саморегулирующаяся система, способная к очищению и возрождению.*

Глава четвертая
ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА?

1.

29 июля 2012 г., *воскресенье*. Прошлой ночью опять плохо спал, думал о смерти, о гибели России, о бессмысленности своей жизни и своей литературы, и снова задумался о знаменитом вопросе Пилата: "*Что есть истина*", который отталкивался от эллинской философской традиции, ибо на Востоке, в частности в Библии, об этом не спрашивали. "Человек – мера всех вещей!" – когда-то сказал Протагор, и это было ответом на тот же самый вопрос об истине. Христос ответил несколько иначе, не отменяя Протагора, но переводя его максима в иную плоскость: *Аз есмь Истина!*

Я не спал, мне было плохо, казалось, что уже вот-вот умру и, конечно же, прежде смерти я попытался и себе ответить на этот вопрос. *Истина – это культура!* – так я почувствовал ночью, горестно размышляя об упадке всего и вся и, в частности, культуры.

Под вечер я был на встрече авторов литературного сборника, и снова заговорил об Истине, и рассказал о своих размышлениях.

Несколько человек в знак протеста покинули зал, другие яростно возражали, третьи вежливо промолчали.

Так какую же истину я смогу донести до *читателя*, если даже *писатели* выслушали меня почти со скандалом?

И все же, думаю я, хотя бы для себя самого и Высшего Судию всех нас выскажусь и еще, пространнее и обстоятельнее, может быть эти мои размышления представят некоторый интерес для Философии как независимой области Умствования.

2.

Итак. Поскольку я математик, то попробую взглянуть на сей вопрос с математической точки зрения.

Решая уравнение, сначала (как правило) задаются вопросом, есть ли решения и сколько их, а уже затем отыскивают решения, выясняют, каковы они суть. У квадратного уравнения решений может быть даже два. Так и в данном случае, одно решение предложено Протагором и сходно по форме с предложенным Христом, хотя по сути оба они совершенно разнятся.

Что *человек есть мера вещей*, исследовано философами достаточно, принято большинством хотя бы отчасти, а вот несколько уклончивый ответ Иисуса Христа до сих пор не понят, как и почти ничто из важных религиозных тезисов не исследовано.

Причина этого проста.

Атеисты не видят в религиозных максимах ничего сущностного, проскакивают мимо их содержания как элементарная частица мимо антивещества, а верующие исполнены слишком чрезмерного пиетета,

обычно они не смеют ни мыслить ни рассуждать, а только млеют, как слабая девица в слишком жарких объятиях.

Сказано же Христом по существу следующее: *Истина содержится в чуде и откровении* (исходящих, естественно, от сверхъестественных сил, и получаемых человеком либо в силу своей святости, либо просто так, ни за что, как у протестантов).

Удовлетворяются таким ответом те, кто именно его и ждет, кто живет в мифологическом пространстве, кто мечтает, как Емеля, ездить по свету, не слезая с печи, получать дары даром от Золотой рыбки, как старик со старухой в сказке Пушкина, а говорить на чужих языках не изучая их, как апостолы.

Христианская истина – ВНЕ труда и познания, она *даётся*, получается, но не приобретается, не зарабатывается.

Существуют два пространства бытия: сакральное, чудесное, и мир, данный чувствам и разуму. Что ж, в каждом пространстве возможна своя ИСТИНА, одна сакральная, религиозная, другая мирская.

Поэт, писатель, философ, ученый, крестьянин ждуг и ищут одну истину, верующий (по крайней мере, когда он молится и мечтает) – другую.

Смысл творчества: науки, литературы, поэзии, музыки – в поисках истины, как, возможно, и смысл земной человеческой жизни.

А поскольку результатом творчества является КУЛЬТУРА, то она в своей полноте и является истиной, то есть не одно ее отдельное положение, стихотворение, теорема, но все они в целом.

Вот уже три тысячи лет культура плодоносит, и значит, Истина во всей трехтысячелетней толще ее, и в Илиаде и Одиссее Гомера, и в философии Протагора, Аристотеля, Гегеля и Шеллинга, и в европейской музыке и литературе, и в эллинской, а затем европейской математике.

Она и во *вдохновении*, без которого поэзия и музыка несовершенны, но даже вдохновенный поэт творит как крестьянин, как старатель, промывающий золотиносный песок в поисках крупинок золота. Ибо *культура* не только сумма результатов, но и *возделывание*.

Истина и в духовной жажде, без которой бессмысленно явление шестикрылого серафима, ибо оно будет не понято. Гонитель христиан Савл алкал вкусить и с древа познания и с древа откровения, поэтому-то и услышал Христа и увидел его и пошел за ним. А нынешние "сторонники" Христа ничего не искали, ничем не мучились, то, что они принимают за обладание истиной – всего лишь тоталитарное сознание, смешанное с мифологией и идолопоклонничеством. Молились в храме и во времена Христа, что же его не удовлетворила их молитва, и изгнал он молящихся из Храма? Вот также изгонит он и вас, жаждущих за царя и церковное начальство вновь разжечь средневековые костры!

А что же крестьяне? – спросил я себя, – не знающие философии и органной музыки? Или они без истины? И я дополнил явившееся мне: **ИСТИНА МИРА – это ВОЗДЕЛЫВАНИЕ, это ТРУД и КУЛЬТУРА.**

Глава пятая

СОМНЕНИЯ

30 июля 2012 г., понедельник. Когда-то Горький воскликнул: С кем вы, мастера культуры?

Тогда был выбор между жизнью и смертью, между служением тирании и предательством культуры, все еще продолжалась Гражданская война, уже без сопротивления с той стороны, и вопросом этим Горький понуждал последних еще колеблющихся совершить предательство – к совершению его. А ведь он и сам был Мастером, и вот...

Так не опрометчиво ли я сказал, что Истина – это культура, если и сами делатели ее нередко воюют против Истины?

Но да ведь во всяком слишком общем утверждении непременно содержится противоречие, и так же и в самой жизни есть смерть, и в смерти, когда умирает пшеничное зерно, зарождается новая жизнь.

Гораздо большее возражение против моего утверждения можно привести, взглядывая в самую культуру, она как почва, и содержит в себе столько всяческого, что иное уж точно на истину не похоже. Да и поэт не похож на святого, и иногда совсем беспутен – но и младенец, устами которого подчас истина глаголет, не похож на мудреца, и народ, Глас которого будто бы – глас Божий, – не народ ли в России этого самого Бога нес по кочкам в недавние времена?

Существует «массовая культура», которую «пипл хаваает», существует культура «под одеялом и за стеклом»... да мало ли что еще существует под именем культуры?! Ведь и человек, являющийся мерой вещей, чаще всего даже себя самого не может измерить... Культура, тем не менее, является совокупной истиной, в муках вырабатываемой духовной частью человечества. А что она, в своих разнообразных проявлениях, охватывает мир и жизнь от земли до неба, от низа падения до горних вершин взлета, только подтверждает мою догадку. И работали над возделыванием ее почвы, над возвращением ее плодов иногда противоположности, от Моцарта до Сальери, от Горького до Даниила Андреева, от протопопа Аввакума до Савонаролы.

Отдельный мастер содержит ли хоть пылинку ее в своей душе? Если он движим волей творчества, вдохновением и жертвой, то непременно! Хотя бы при этом он исповедовал самые дикие, самые неразумные взгляды. Он может быть глупым и пьяным, и спотыкаясь тащить на стройку культуры свой камень, но только бы не на строительство тюрьмы, а школы или храма, жилого дома или мастерской.

Окунувшись в мир литераторов, я сам подчас с ужасом думаю: кому и чему они могут научить, какие души построить, эти «инженеры человеческих душ с искривленными душами» – но ведь и преподаватели, которые учили меня в школе и университете, не всегда отвечали высоким нормам «строителей коммунизма», но научили они меня и алгебре Сальери, и геометрии Евклида, и гармонии Пушкина и Лермонтова.

Простим и этим их несправедливые взгляды, они все же берегут язык и не отталкивают от великой культуры, а приобщают к ней. Разве они не держат перед глазами безукоризненные образцы изящной словесности, разве они не тянутся сами вслед за великими? Да ведь и я один из них, пусть и менее тщеславен, но зато более дерзкий! И мне тоже свойственны в немалой степени их слабости, их глупости, их невежество. И разве не обязан я многим этой пестрой толпе малых и больших талантов? Хотя бы тем, что они на меня обращали внимание, а лучшие из них одаривали дружбой?

Культура не противостоит духовным исканиям, и религиозным исканиям, она не возражает напрямую какому либо частному учению – но она возражает, конечно, *монополии на истину* этих учений тем, что она широка, и стремится к расширению и универсальности, а они часто стремятся сузить мир человека.

Князь Ухтомский не изменил христианству, уйдя из монастыря, но насколько он стал богаче, возвышеннее, всеобъемлющее, став ученым и оставшись «монахом – только в миру»!

Я теперь не говорю, прав ли Христос, сказав, что истина в нем; я ведь и начал с того, что возможна Истина в мире сакрального и в мире человеческого, в мире нашей жизни. Истина надмирная, и истина мирская. Возможно, это так.

Но сколь многие соблазнились, и ополчились на культуру, вопия, что она не нужна, раз есть Христос. Если в этих книгах сказано противное Христу, то они вредны, а если то же, что у него, то бесполезны, заявили монахи, предводительствуемые Климентом Александрийским, и сначала они сожгли бесценную Александрийскую библиотеку, а затем содрали шкуру с возвышенной Гипатии, последней Ученой эллинского мира. Найдется ли ныне хотя бы один христианин, который скажет, что они были правы, что культура не нужна, раз есть Христос? Да ведь и всегда не ученые противопоставляли науку и культуру христианству, а именно христиане воздвигали гонения на науку. Если таков их Христос, как они сами, то он – не Истина!

Марксизм не противопоставлял себя культуре, но он воздвиг гонения на ее самостоятельность, на ее автономию, он превратил ее в служанку, в рабыню своих собственных целей (как перед этим, устав от гонений на культуру, поступило и христианство).

Каждое учение начинается с того, что объявляет себя непогрешимым, объявляет себя Истиной, присваивает себе монополию на истину. Если истина – это культура в целом, то даже я, самый разумный среди моих современников, не повизгивавший на коленях ни перед Марксом, ни перед коммунистическим учением, ни перед антикоммунистическим теперешним развратом и современными Ханами всей Руси, включая Наместника Бога на земле – даже я не вмещаю в себя Истину, не равен ей, не вровень с нею! В крайнем случае я, может быть, друг современного Платона, но истина должна быть дороже, чем я, даже моим друзьям!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ОБВИНЕНИЕ

1.

Когда я начал писать только первую главу из выстроившегося в конце концов девятиглавого сооружения (а "девятую главу" я теперь как раз и заканчиваю), мне показалось, что я так хорошо и ясно вижу и понимаю и окружающий мир, и людей, и самого себя, что я поверил в свое призвание объяснить моему народу, как и зачем мы живем, и как надо жить.

И вот прошло пятнадцать лет. Дописывается уже девятая книга. Хотя кое что из того, что в них вошло, было написано и раньше, но все же справедливо думать, что в основном написаны эти книги за последние пятнадцать лет, с девяносто седьмого года.

И что же?

Теперь я думаю, что понимаю и людей и самого себя еще меньше, чем раньше.

Но здесь есть одно существенное НО. Я плохо понимаю, отчего все течет так, а не иначе, но одновременно понимания и объяснения пророков и учителей человечества тоже отвергаю, думая, что они понимают еще меньше моего (хотя в частности иногда многое из чужих взглядов принимаю с восторгом).

Что хорошо, а что плохо, это я вижу хорошо, и в своём видении не сомневаюсь. Я только *не понимаю*, отчего царствует ЗЛО, хотя добрые и талантливые глубже, умнее, действеннее в своей деятельности, чем негодяи. Негодяи ничего не могут изобрести, объяснить, создать, построить, не пишут книг, музыку, не совершают открытий, но они становятся руководителями – при этом руководят из рук вон плохо, разрушают страну, проигрывают войны, растлевают народ – и все же народ доверяет им бразды правления, а потом уже и царственный трон, делает неограниченными самодержцами, покоряется, помогает обуздывать непокорных, помогает их уничтожать; пачкаясь в крови, соучаствуя в преступлениях тиранов, сам унижается, претерпевает невзгоды, бедствия, невероятные мучения, и при этом тиранов ЛЮБИТ, а поэтов презирает, уничтожает, или просто не знает, не хочет знать, НЕ ПОМНИТ.

Помнят Пушкина, но попроси прочитать хоть одно стихотворение его, спроси, где, когда и как Пушкин жил – не знает. Помнит, как будто, Есенина, но тоже стихов его не вспомнит, и Лермонтова – тоже, а о других поэтах словно бы и не слышал.

Равновелик ли поэт царю – этот вопрос даже не входит в народную голову. Вот был в 21-м году расстрелян Гумилев, первоклассный поэт, не значит ли это, что большевистская тирания ОДНОЙ ТОЛЬКО ЭТОЙ смертью дискредитирована, что говорить после этого о любви к социализму, Ленину, Сталину – уже невозможно? Скажи так народу, он подумает, что сказавший это – сумасшедший.

А интеллигенция? Я не делаю различий, если специально не оговариваю, между народом и интеллигенцией, это между дворянами и крестьянами были различия, а сегодня – кто у меня сосед по огороду на даче, или в электричке, в трамвае, в шалмане, доцент ли сверхтонких токов, доктор философии или столяр-международник – какая разница? Или инженер человеческих душ?

Я свой недоуменный вопрос о НЕПОНИМАНИИ свожу к формуле: выбор между добром и злом, в своей абстрактной сущности непостижимый почти никому, я формулирую как выбор между Поэтом и Царем, даже как выбор между Поэзией в целом (хотя бы) – и Царем.

Представим себе, что кого-то предстоит казнить (или отправить в тюрьму), и решается сие всенародным голосованием, кого вы помилите, разбойника или пророка, на чьей стороне ваши симпатии: синедриона, Каиафы, царя Ирода, римского наместника (вместе представлявших государственную власть) или кроткого Учителя жизни?

Когда-то, как мы знаем, Иерусалимская толпа обрекла на смерть Учителя, а сегодня так же поступает Российская толпа!

Вот что я знаю несомненно: я знаю, что прав и выше поэт, и он заслуживает предпочтения или хотя бы снисхождения, это я знаю так же хорошо и несомненно, как правило сложения дробей, как абсолютность Закона всемирного тяготения, как понятие равномерной непрерывности, как неверность эволюционной теории Дарвина и Теории прибавочной стоимости Маркса, как правоту Пушкина перед Дантесом – но отчего народ ЛЮБИТ тирана, даже если тиран уничтожает Гумилева, Есенина, Мандельштама, Марину Цветаеву, пытается уничтожить Солженицына, Варлама Шаламова, Туполева, Королева, Тимофеева-Ресовского (не говоря уж о миллионах работающих ни в чем не повинных крестьян) – этого я НЕ ЗНАЮ.

Несомненно, те, кто помогал большевистскому режиму уничтожать невинных – ВИНОВНЫ.

Те, кто помогал большевистскому режиму властвовать – ВИНОВНЫ.

Те, кто оправдывает совершённые преступления – ВИНОВНЫ.

Разве мы сомневаемся в том, что виновны ВСЕ немцы за Вторую мировую войну, за преступления гитлеризма?

2.

То море зла и беззакония, которое сегодня затопило мою страну, не видеть, не чувствовать может только бесчувственный или слабоумный. Это не просто царствование неумелых предводителей, это царствование умелых мародеров, вывозящих из России ее богатства, обращающих их в золото и золото вывозящих тоже. Русский народ спивается, впадает в наркотический дурман, сокращается в численности как в беспощадную войну (а она и идет, война против моего народа!)

Те, кто помогает режиму грабить нас и уничтожать, несомненно виновны.

А те, кто ЗАЩИЩАЕТ режим, хотя бы только на словах, кто за него голосует, кто ему симпатизирует – разве они не предатели Родины?

Разве вы не знаете, что десять лет назад нас было сто десять миллионов, а сегодня на десть миллионов меньше? А еще через десять лет нас останется только семьдесят пять миллионов и мы уже станем меньшинством в своей стране, ибо численность инородцев стремительно возрастает? Это вы не хотите знать?

Разве я против того, чтобы татарки рожали? Или черкешенки? Но кто будет сдерживать российский дом от развала? ОН РУХНЕТ, как только русские станут меньшинством. Как и с Францией произойдет то же самое, если арабов и турок станет в ней больше французов.

Я – наибольший защитник интересов ВСЕХ народов России, но ТОШНО придется татарам и черкесам, когда русский народ перестанет удерживать атлантический вал с Запада и тихоокеанский вал с Востока.

Против меня ничего не скажет простой человек. Но против меня вопить будут предатели нашей общей Родины.

Если я буду жить во Франции, неужели я буду бросать камни в тех французов, которые скажут, что французы во Франции должны преобладать?

Россия не только для русских, она *для всех* ее детей – так будьте же детьми, и русские и татары и черкесы, а не помогайте иноземцам разрушать наш российский дом!

Государство скрепляется общей историей, **языком**, культурой, устоями, в противном случае это гостиничный дом – будете ли вы его защищать от разграбления? А я вижу, как вы его защищаете, и русские в том числе – НИКАК!

3.

Вы заметили, что я ничего не говорю о "партии жуликов и воров", грабящих Россию, но формулирую обвинение против своих «беззаконнослушных сограждан»? Почему это так?

Да потому что захватчики, грабители и воры иначе себя вести не могут, грабить чужую страну – это же их сущность, а Россия для них чужая, недвижимость у них на Канарах и в Лондоне, и на Лазурном берегу, и в Нью-Йоркском спецБанке, и вот, как недавно выяснилось, даже в Чехии. Дети их учатся на Западе, внуки – тоже, сами они имеют двойное или тройное гражданство или вид на жительство, счета у них в иностранных банках, награбленное или уворованное – в долларах и евро, враги их убиты или в тюрьме, друзья их "на крыше" или в бегах, жены у них вторые или третьи, первых они уже предали (если не продали), любовницами у них тёлки, защитниками их киллеры и продажные судьи и тупой народ.

А вот народ этот, из которого и я каким-то непостижимым образом произрос, защищает жуликов и воров и убийц и клятвопреступников и предателей Родины бескорыстно, иногда из страха, но чаще по какой-то холопской сущности, ибо:

*Люди холопского звания –
Сущие псы иногда.
Чем тяжелей наказания,
Тем им милей господа!*

Это не я сказал, это сказал Некрасов.

Или:

*Паситесь, мирные народы,
Вас не разбудит чести клич!
Наследство вас из рода в роды –
Ярмо с гремящими да бич!*

И это сказал не я, это сказал Пушкин.

Как видите, поэты не кадили, не угождали народу, а язвы его обличали бестрепетно, и великий Пушкин завещал:

Поэт, не дорожи любовью народной!

4.

И все же, волков от козлиц надо попытаться отделить и среди тех, кто нас уничтожает, среди пособников правящей банды.

Еще десять лет назад не все они были пособниками, возможно, остался и сегодня среди них «малый остаток» честных, или хотя бы не рещающихся совсем распротиться с человеческим в себе.

Возможно.

Так и обращусь к ним в последний раз.

Правоохранители, разве вы не видите, что служите воровским и лживым хозяевам? Полицейские с дубинками, дающие показания против невиновных, следователи, выбивающие из них «чистосердечные» признания, судьи, заключающие их в тюрьмы! Вы уверены, что с вас никогда не спросится? А те, кто пытается в вертепе сохранить невинность? Вы помните, что Нюрнбергским трибуналом были осуждены целые институты власти в Германии, и Гестапо и Абвер и даже Вермахт? Не все солдаты убивали гражданских лиц, но морально осуждены все.

Впрочем, я обращаюсь только к тем, *кто сохранил* хоть капельку совести (если такие среди вас еще есть).

Кто еще хоть *иногда размышляет*, видит сны, может быть, прочитал какую-нибудь книгу, кого царапает обветшавшее чувство вины пусть не перед людьми, но перед родиной.

Есть ли у вас дети?

Не задумываетесь ли вы о том, в какой стране вы их принуждаете жить? Или вы уже избрали для них родину "за бугром", купили ее на несправедные деньги? Помните, родину можно продать, но нельзя купить. Как и любовь. Как и честь.

Глава седьмая

МЕХАНИЗМЫ ОДУРЕНИЯ

1.

Почему народ поэту предпочитает царя, почему народ чаще всего любит несправедливого, и даже жестокого царя, даже ЛЮТОГО, как Иоанн, как Петр, как Иосиф (а это, к несчастью, не только простодушный народ, но и суровые заслуженные адмиралы и талантливые повествователи) – это я понять не смог, и оставляю выяснение причин до Суда. Может быть до страшного. Может быть, *до русского Нюрнберга, когда и из могил предстанут кости палачей и мощи жертв.*

Может быть, и Бог когда-нибудь устыдится своего равнодушия к судьбе моей России и поможет мне направить ее если не в сторону правды, то хотя бы в сторону от Неправды.

Впрочем, это маловероятно.

Правда, бывает невообразимое. Однажды в феврале в Новгородчине зацвела земляника. А в другой раз в июле выпал снег. Бетонно-несокрушимая коммунистическая цитадель вдруг пошла трещинами и без видимых усилий пала, «богоносный» народ, только что на сто один процент голосовавший за блок коммунистов и беспартийных и на сто два процента проголосовавший за объявление меня сумасшедшим (за то, что я с ним был не согласен) – правда, мама К--ра, когда рапортовали строители коммунизма о том, что план они выполнили даже на сто три процента, неизменно повторяла: а Васенька наш сидит! И о том же говорил Солженицын, из своего заокеанского далёка прослышавший обо мне, безвестном узнике сумасшедшего дома, и меня защищавший.

И моя мама и моя жена тоже не соглашались с нашим могучим народом.

И, возможно, кто-нибудь еще.

Но мне даже неловко обличать мой народ за маленькие несправедливости по отношению ко мне, когда совсем недавно реки крови лились!

А еще раньше?

Когда Белая армия покидала Россию, с женами и детьми, на одесском рейде красные из пулеметов расстреливали тех, кто уже покидал обезумевшую Родину. А оставшихся белых, десятки тысяч, утопили у берега, и когда уровень воды понизился, стоял лес тел.

Какого понимания я жду и жажду после всего этого? После подвалов Чека, где пол был скользким от крови? После изнасилованных гимназисток? После расстрела десятков тысяч собственной матросни, вдруг взбунтовавшейся в Кронштадте?

Советское правительство намеренно затягивало Блокаду Ленинграда, в которой умер миллион человек. Может быть, это было возмездие неба

«Городу трех революций»? Хотя умирали и неповинные дети не только виновных отцов.

Я могу понять и иррациональную жестокость Бога, наказывающего палачей вместе с жертвами. Но как понять тех, кто претерпел невероятные страдания, выжил, но продолжал воскурять фимиам преступному режиму и трижды преступным его вождям? Как понять тех, кто оправдывает и сорок миллионов погибших в Отечественной войне, подавляющая часть которых погибла из-за преступного правительства, преступного командования, преступной идеологии?

И зачем были эти жертвы, если вдруг, в одночасье, пролив столько крови, воздвигнув горы из трупов для утверждения общества без богатых, народ возлюбил богатых, помогает им себя обворовывать, умиляется их начальнику, самому из них богатому, любит его и восхваляет?

Непостижимо. Но от этого не менее тягостно.

2.

И все же некоторые из мифологем русского мифологического сознания я попробую отметить. Хотя мои отметки (как буи у отмелей) ничего не значат. Верноподанный народ меня читать не будет, оппозиции я тоже чужой, у них свои пророки, а среди русской интеллигенции здраво рассуждающих почему-то совсем не осталось.

Первое. Царь хороший (все то же, что и в средневековье), но «бояре» плохие, они ему **не дают** исправить жизнь к лучшему. А если он попытается это сделать, они его убьют.

Второе. Царь охраняет Россию, оппозиция – это пятая колонна Запада.

Третье. Во всем виноваты евреи, царь мешает им захватить полную власть, он всемерно с ними борется, сдерживает их. Или его власть, или еврейская, третьего не дано.

Четвертое. Надо только верить в Бога, все остальное приложится, а борьба против той власти, которая *пущена* нам Богом – ГРЕХ!

Я думал, что я антисемит, то есть что евреев я – НЕ люблю. Я и теперь не хотел бы их полюбить, потому что даже русских я – НЕ люблю, так что уж мне в евреев влюбляться? Но после того, как я узнал от русских олухов (или дегенератов? или придурков?), что Путин нас спасает от евреев и американцев, мне захотелось стать хоть чукчей, но только не русским придурком.

Кстати, это же объясняет, почему я противник русских националистов, хотя исповедую философию национализма.

Национализм под знаменем интернационал-коммунистов, Сталина или Путина...

Что интеграл от разрывной функции непременно разрывен – неверно, и это я могу объяснить стороннику разрывности.

Но что «евреи по тщанию квази социализма море синее на всех берегах и невразумление слышащих усилением» – этого я не могу ни объяснить, ни опровергнуть.

Я часто сталкиваюсь с тем, что в пропагандистских статьях (для охмурения легковверных людей) несправедливы не только Вывод, не только Допущение, Условие, Доказательство, но и в КАЖДОМ СЛОВЕ ЛОЖЬ, И В СОЧЕТАНИИ ИХ, И В ИНТОНАЦИИ! Спорить – невозможно! Чаще всего спорить невозможно потому, что ТЕКСТ и ЛОГИКА текста откровенно глумятся над истиной.

Словно бы меня поставили у рва, взвели курки и зачитывают приговор, что я виновен в недолжном почтении идеального принуждения по совместительству с очевидной необходимостью...

Братцы, скорее стреляйте, заволплю я, мочи нет терпеть ваши речи!

3.

Иногда страшно становится, как давно я родился, а еще смею на девушек заглядываться, ну, не на этих, «*девушек - Пусси Райот*» – с этими я не знаком...

Сначала я был пионером и любил Сталина, и писал стихи, восхваляющие его.

В 56-м году грянул XX-й съезд, я прочитал статью в «Правде» и не стал вступать в Комсомол (мне было 14 лет). Заодно я сжег портрет вождя и некоторые портреты его прихлебателей (которые у меня не успели, опомнившись, отобрать).

В 58-м меня исключили из школы за некоторые рассказы в местных газетах, *порочащие* действительность (мне было 16 лет).

В 59-м меня исключили из школы за то, что я целовался со студенткой-практиканткой (мне было 17 лет).

В 62-м меня исключили из университета за то, что я влюбился. Но в это же время я выступал против учения Дарвина, утверждая, что человека создал Бог, и намеревался уйти в монастырь.

В 66-м я венчался, при закрытых церковных воротах и благословении митрополита (единственный венчающийся студент в Ленинграде).

В 70-м меня посадили в тюрьму Большого Дома, а затем в сумасшедший Дом-Тюрьму на Арсенальной за то, что я, оказывается, замыслил взорвать памятник Ленину, но о своем замысле я узнал только через сорок лет, прочитав Письмо Андропова в ЦК (в Интернете.) Отсидел я три года.

В 96-м я создал общественный благотворительный Фонд «Храмы России» (посвященный храмам ВСЕХ конфессий), целью которого было издание энциклопедии о храмах и участие в их реставрации и восстановлении.

В 2004-м меня посадили на пять лет (отсидел только пять месяцев) за то, что я издал 70 книг, в их числе «Житие» протопопа Аввакума, «Россию и Европу» Данилевского, «Храмы Петербурга» и «Радзивилловскую летопись» (крупнейшее издание в России).

В тюрьме я написал «Записки на пальме» с критикой апостола Павла, но о своих разногласиях с христианством почти не распространялся.

Дело «девушек-пусек» развязывает мне руки. Если мои прежние братья по вере хотят возродить в России инквизицию, то я «не могу молчать». Я не могу защищать тоталитарный режим, который растлевает народ на всех уровнях общественно-духовного бытия.

Режим вовлекает нашу страну в ВТО, в НАТО, подчиняет «мировому правительству», превращает ее в сырьевой придаток Запада.

Этот же режим поощряет какой-то пещерно-кухонный антисемитизм, вождем которого (на уровне слухов) назначает выходца из чекистской среды.

Активно влияет на внутреннюю жизнь Православной церкви, поощряя власть самых мракобесных кругов в ней, науськивает темный народ на свободномыслящую интеллигенцию, даже на просвещенных иерархов самой церкви.

Недавние комсомолы стали воистину «инженерами человеческих душ», оседлав церковь, демократию и демократические институты, государство и институты власти. Прежнее фальшивое общество «всеобщего равенства» заменилось не имеющим аналогов в мире обществом, в котором одна сотая граждан (часто это граждане чужих государств) владеет практически всеми богатствами страны, вывозя их за рубеж, в то время как остальные жители владеют только своей нищетой и бесправием.

Образование, наука и культура разрушены. Это не оскорбляет темный народ. Дерзкие девушки помолились Богородице, чтобы она убрала неблагодатного царя – весь «советский» народ (как при советском строе) встал на защиту партии и правительства и своей оскорбленной чести и вековых устоев (которые яростно разрушал он сам целых семьдесят лет, преследуя благородных!.....)

Опомнитесь, милые, да не вы ли только что несли сдавать в металл церковные кресты и нательные и поносили попов? Вы забыли? А я помню. Не вы мою жену выселили на сто первый километр за то, что она вышла замуж за христианина? Не вы веселились, читая в Известиях в 71-м, что нет в «Союзе писателей» такого поэта, как В.И., а вот в сумасшедшем доме такой душевнобольной есть (и ВЕРА вменялась мне в вину и доказательство безумия)? Вы ТОГДА – верили?

Я и теперь не атеист. Только, по-видимому, мы поклоняемся разным Богам. Вы поклоняетесь мстительному Богу, богу ацтеков и вавилонян, отчасти иудеев (ну, тех еще, самых древних, поклонявшихся Золотому тельцу, которых и Моисей обличил) – а вы и не знали, что в своей практике вы еще не христиане, да и иудаизм у вас только первоначальный, языческий, до Исхода?

А я поклоняюсь Богу Сергия Радонежского, боярыни Морозовой (по силе страсти), Богу Пушкина и Лермонтова, Ньютона и Лейбница, Коперника, Богу Клюева и Николая Гумилева, Богу русского народа, противостоящему молению об идолах.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

**ОСНОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

...То обстоятельство, что Киреевский увидел в понятии народности именно *философскую*, даже точнее – *метафизическую* категорию, имело величайшее значение для русской национальной философии, а шире – для подлинного русского национализма: благодаря этому русский национализм получил возможность стать настоящей *духовно-нравственной силой*, а еще точнее – силой, *одухотворяющей* русскую жизнь.

..Не только европейцы, но и русские люди имеют *право на национализм*; а любое существенное право составляет для мыслящего человека одновременно и *долг*.

Николай Ильин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Надо искать товарищей в Духе, составить с ними некое объединение, хоть «Общество ревнителей русской культуры», хоть «Союз в защиту справедливости», или назовем наше объединение «Партией Народного Социализма» или «Народно-Социалистической партией». Пусть нас будет для начала хотя бы двое, на большее я не надеюсь – каждый сегодня слишком занят своей исключительностью, и только я готов то, что пишу, принести верным в качестве строительного матерьяла: стройте Новое здание Российской государственности, я же согласен быть рядовым членом Движения, только автором Текста, Поэтом, воспевающим Любовь.

Глава первая НАЦИОНАЛИЗМ.

I

Как когда-то, по слову Коммунистического манифеста, против нового движения объединились и Римский папа, и Венский император, и Кайзер, и Ротшильды, и Русский царь, так и сегодня в стане борцов против русского национализма мы не видим только австралийских кенгуру, все же остальные, независимо от расы, пола, вероисповедания и образования, цвета кожи, цвета знамен, под которыми они выступают в обыденной жизни, в борьбе за право первородства или за прибыль, при распиле бюджета, при разделе воровского общака – все, все – под одним знаменем, по одну сторону баррикад – в борьбе против русского «фашизма», который они лихо отождествляют с самыми слабыми ростками русского национального самосознания.

Термин *национализм*, как обозначение философского, политического или литературного направления, среди идеологических направлений, которые *ориентируются на народ*, нацию как на источник, основу для формирования идеологии, мне и самому режет слух, и естественнее было бы говорить *народничество*, если бы мы не помнили о народничестве девятнадцатого века с его противопоставлением «простого народа» и правящего класса или, уже, интеллигенции.

Итак, можно сказать, что я *новый народник*, в новом смысле, отличном от исторически известного, то есть я не поклонник посконной, низовой мудрости и культуры, а представитель культуры, опирающейся на ИДЕЮ НАРОДА, НАЦИИ.

Следовательно, я буду употреблять эти два термина: *новый народник* и *националист* – как синонимы.

Но ведь и националист я – новый, в другом смысле, нежели дан нам двадцатым веком, точнее говоря, нежели дан нам всплеском германской экспансии, германского нацизма, германской юдофобии. Впрочем, оговариваться придется вновь и вновь. Так называемые национально-освободительные движения, в Азии, Африке, Латинской Америке, из всех сил поддерживаемые марксистским большевизмом СССР – разве это не национальные движения, разве их идеология не основана на *национализме*?

А освободительные движения в СССР, приведшие к его развалу – это не национализм? Всплеск русофобии в Эстонии, Латвии и Литве? Война в Алжире? Распад Австро-венгерской империи, Британской, отделение колоний от всех европейских держав, распад, в конце концов, даже Чехословакии на два государства? Или какой-нибудь из наших русских борцов с национализмом, приезжая в Словакию, будет произносить пылкие речи против национализма? Или, приехав в Израиль, прочитает курс лекций о пагубности сионизма?

Нет, все просто.

Всякая деятельность, направленная на разрушение России – благо. Всё, что русские пытаются сделать, чтобы сохранить государство, которое они создали в течение тысячелетия – зло.

Горечь вызывает многое. И прежде всего то, что во главе этой борьбы против России – русские интеллигенты.

Да, я их понимаю. Во имя дружбы народов они готовы подпалить наш дом с четырех углов, во имя дружбы они готовы поделиться едой, кровом, женой... но они ненавидят все русское, в особенности русские песни, и русскую музыку, стихи и прозу.

Но я то сам кто? Или я ненавистник народов, черемисов и татар, немцев и евреев?

Нет, из всех населяющих мою Родину самые гневные слова – против русских, их я – почти ненавижу – за эту постоянную готовность предать свой народ.

Кто, разве не русские поддержали с горячностью, со страстью презренный призыв превратить войну империалистическую в войну гражданскую, разве не русские затем капитулировали перед немцами, отдав им громадную часть территории, и не русские ли большевики, задолго до Ельцина, распустили империю?

II

Но почему же Россия и русский народ так раздражают полуобразованного русского интеллигента, русского или нерусского по происхождению? Я еще понимаю старую деву, которая ненавидит *молодую давалку* – но за что публицисту, ученому, писателю нападать на русскость? Или в нас бродит неуспокоенный дух Чаадаева, дух Печерина (писавшего: Как сладостно Россию ненавидеть!)? Но точно ли те ненавидели Россию? Нет, то была ненавидящая любовь, любовь сквозь слезы, любовь сквозь негодование. Так любил Россию Радищев – негодуя на язвы, на несправедливость, на вопиющее неравенство, на отсутствие милосердия.

Так любил и Гоголь, только не говорил об этом открыто, но его Ноздревы, Хлестаковы, Коробочки говорили за него достаточно красноречиво. Вот эта любовь, не слепая, видящая глубоко, сквозь слезы осуждения – единственно подлинная, а сюсюкающая, в патке, любовь патриотов – лживая. Подлинный русский не смешивает государство и Русь, и любит Россию, презирая и ненавидя государство, доставшееся нам от Орды. Подлинный русский творит, созидает, жертвует – лживые

патриоты повелевают или восхваляют повелителей – но если Россия не падает, если она еще стоит, то лишь благодаря созидющим и жертвующим.

И все же, я еще не ответил на вопрос, кто такие хулители Родины, кто ее презирает, кто ее ненавидит (часто тайно). Ибо те, кто бичует язвы и пороки – это не хулители, а лишь те, кто их оправдывает – верноподанные холоуи.

Интеллигентов, презирающих все русское, я как-то назвал «русско-еврейскими» – что же я имел в виду? Нечто смешанное из тех и других?

Нет, удивительно как раз то, что интеллигентный, образованный еврей, если только он не мечтает уехать в Израиль, защищает памятники русской культуры от варваров (большой частью русских по происхождению), хорошо говорит по-русски и пишет, и учит детей, и изучает русскую историю, преподает ее (в духе «любви к отеческим гробам»), а *русско-еврейский* интеллигент (обычно чисто русский по крови), стремясь стать более еврейским, чем евреи (не знаю, почему, типичнейший пример тут – Максим Горький, да не лишне вспомнить и Владимира Соловьева) – презирает все русское и сам его из себя вытравливает, и за русское происхождение – оправдывается как за преступление.

Когда я основал издательство Глаголь, один мой (русский) сотрудник объяснял своему приятелю: ты не подумай, что твердым знаком мы хотим подчеркнуть национальное, что мы националисты!

А как же тогда отнестись к моей статье «Я русский!», в которой я именно подчеркиваю свою национальную принадлежность – не отнести ли ее к разряду фашистских? И что сказать о послании апостола Павла, в котором он несколько раз подчеркивает, что он еврей из евреев (хотя и говорит затем, что отныне «нести ни еллина ни иудея»)? [Кстати сказать, многое в христианстве следует отнести к Утопиям, вроде произведений Платона, Кампанеллы и Томаса Мора. Как известно, ничто из них не сбылось, и волк не возлёт рядом с ягнёнком, и иудеи не исчезли и не собираются исчезать – и слава Богу!]

Крепнет во мне убеждение, что противники национальной идеи – не евреи или русские (помнящие о своем происхождении и не стыдящиеся его), а отступники от своего народа, отщепенцы, вроде тех женщин, которые не хотят быть женщинами. Отныне, возглашают наиболее воинственные из них, нет ни мужчин, ни женщин, а самые яростные подают в суд на тех мужчин, которые осмеливаются подать даме руку.

Так вот, не евреи и не русские – враги национальной идеи, и не враги друг другу (как и я не враг французам, пока они не соберутся в поход на Москву), а те, кто враги и евреям и русским, враги определенности, самобытности, самости, но проповедники всеобщего, вселенского болота, взвеси, смеси, говорящей на языке эсперанто и размножающейся почкованием.

Вот, например, умная баба, еврейка по происхождению, пишет, что «просвещенный» (аристократический) национализм не имеет ничего

общего с ксенофобией, а тождествен ответственности перед народом и родиной.

Да ведь и *народничество*, которое я проповедую, мало относится к тому городскому плембсу, с которым я постоянно общаюсь в метро и в бане, и духовной основой его является образ *народной аристократии*, тех избранных, тех *достойных*, которых встречал я в деревне и в городской тюрьме.

Кстати заметить по поводу моего антисемитизма, упреки в котором ни разу не слышал я от евреев, а только от русских.

Дело в том, что эти русские при упоминании о чем-либо еврейском замирают, вытягиваются в струнку, перестают дышать или сюсюкают восторженно, я же не делаю ни того ни другого – для меня еврей не хуже немца – но и не лучше его. Хуже или лучше каждый человек только в силу своих личных достоинств или недостатков, и для обозначения их язык находит обидные названия, и они вполне уместны, если их употреблять к месту, и так уместно немца обозвать швабом, француза лягушатником, еврея (и нееврея тоже) жидом, русского тупоголового жлобом, малоросса упрямым хохлом, поляка пшеком, ... ну, остановлюсь, пока с меня голову не сорвали или свои или чужие.

Национализм смешивают (намеренно) с шовинизмом, которого у русских никогда не было, хотя бы потому, что и термина для обозначения этого чувства не существовало в русском языке.

Если сумасшедшие лесбиянки называют «мужским шовинизмом» или «сексуальным домогательством» даже намерение поцеловать даме руку, и если они правы, то меня уже давно и за одно и за другое следует привлечь к ответственности, тем более, что я и не скрываю, что я не только русский из русских, но и мужчина.

И все же, понять, почему русский человек может стыдиться своей национальной принадлежности или проповедовать, что ее следует скрывать, я не могу. Я так и вижу, как он стыдливо опускает глаза и начинает лепетать: да я... да как сказать... по духу я скорее француз, и моя бабушка была знакома с одним французом, и читаю я американские детективы, и...

Ну не прошли бесследно 70 лет интернационализма и дружбы народов и русофобии и лживой идеи (клеветы), что Россия – тюрьма народов!

Если мужчина не скрывает своего пола и национальности, то отсюда не следует, что он плохо относится к женщинам, скорее, наоборот.

III

Россия – многонациональная страна, ее населяют более чем двенадцать языков, и если даже в одной семье возникают трения или в общегитии, в многоквартирном доме, и надо уметь ладить с домочадцами и соседями к обоюдной выгоде, то это же справедливо и в отношении к государству.

Двое поженились, родились дети, они женятся... Пока родители не

состарились, естественно, они требуют от детей послушания, не ущемляя и их интересов. Российское государство создано преимущественно русскими, многие народы присоединились к России добровольно, завоевательные походы были в Прибалтику, на Северный Кавказ и в Среднюю Азию, но ныне большая часть завоеванных народов уже от России отделилась.

Естественно ли смотреть на Россию как на русское государство?

Да!

Надо помнить, что все народы, населяющие нашу страну, пользовались преимуществами общности государства, помимо великой культуры, плоды которой равно принадлежали всем, и помимо общего хозяйства, защита от внешних врагов в империи была эффективнее и падала по большей части на плечи русских.

Присоединение Казанского царства явилось последним актом в драме разрушения и распада Золотой Орды, а не завоеванием национального татарского государства.

Северному же Кавказу необходимо предоставить самостоятельность (или, напротив, России необходимо предоставить самостоятельность от Чечни, ибо сегодня, платя Чечне дань, мы фактически возродили времена Золотой Орды).

Существование России – необходимое условие национального существования всех ее народов, это настолько очевидно, что нет смысла об этом говорить. Но условием существования самой России является преобладающее влияние русского народа. Советский Союз распался по единственной причине – русские стали меньшинством в империи и перестали ее скреплять. Скрепой же государства является государство-образующий народ. Как только русские станут меньшинством в Российской Федерации, она так же распадется. Это станет трагедией не только для всех населяющих ее народов, но и катастрофой для европейского мира. Свято место пусто не бывает, поэтому пространства России от Тихого океана до Урала будут поделены между Китаем, Японией и США, европейская часть превратится в арену внешних притязаний и междоусобицы.

Европа потеряет великого соседа, отделяющего ее от Азии, участь Европы будет незавидна.

Для меня очевидно, что если бы я был гражданином Франции, то я бы способствовал процветанию Франции именно как государства великого французского народа, сохранению ее культуры, ее традиций, исторической памяти и форм государственности. Может быть, я продолжал бы мыслить и писать по-русски, но я не требовал бы русской автономии. К несчастью, не так мыслят многие турки и арабы, и это является причиной сегодняшних неурядиц в жизни страны, и чревато плачевными последствиями в будущем.

Ответственность гражданина России, независимо от племенного происхождения, даже перед собственным народом – требует объединения усилий в укреплении России как государства с преобладающим русским

влиянием – в языке и культуре. Превращение России в равноправное в политическом отношении объединение народов – шаг на пути к распаду и преступление не только по отношению к русским, но и по отношению к евреям, татарам, немцам, мордве и другим. Я не сомневаюсь, что все здравомыслящие граждане, независимо от происхождения, поддержат такого типа русское народничество.

При этом, я подчеркиваю, все граждане России будут пользоваться одинаковыми политическими, экономическими и гражданскими правами, как это и БЫЛО на протяжении тысячелетия, и мусульманин или еврей могли молиться своим богам, но не могли требовать китайского или турецкого подданства для своих единоплеменников.

Но так – везде! И русский национализм, ограничивающий племенные притязания, не отличается от государственной политики других стран мира, гораздо более суровых по отношению к гражданам, не принадлежащим к господствующему народу.

Разрушение России явилось бы катастрофой для народа Сибири и Дальнего Востока, который хотя и является частью русского народа, но в первую очередь исчез бы как историко-культурное явление.

Так как я – сибиряк по рождению, то всякую деятельность по разрушению России и я, и мои земляки будем рассматривать как предательство наших национальных интересов, как войну на уничтожение. Европейские русские отчасти уже ведут себя как коллаборационисты, они живут за счет сибирских леса, нефти и других богатств, и поэтому предпочитают не жертвовать своими маленькими выгодами в борьбе с завоевателями нашей великой родины. Не должны уподобляться таким "полурусским" карелы или черемисы. Утеря русской родины – утеря родины для всех.

IV

Нацизм, как возвышение своего народа над другими, как противопоставление его другим – возник как германское явление, русским скорее, свойственно самоуничтожение (да я и сам таков же).

Национализм, то есть ИНСТИНКТ САМОСОХРАНЕНИЯ, присущ всем народам, но у большинства он дополняется еще чувством собственного превосходства. Жители окраин в этом отношении заносчивее других – или вы, мой читатель, рискнете спорить? А вас не задевало самомнение и высокомерие выходцев с Кавказа, Прибалтики?

Прожив уже не так мало, я никогда не сталкивался в обыденной жизни со случаями, когда бы русский говорил, что мы, де, русские, умнее других. Напротив, только и слышишь от собственных соотечественников, что мы и ленивые, и пьяницы, и неаккуратные, и безответственные, и малокультурные (и я сам так думаю).

Но ведь русская культура созидалась русскими? Да, но не всеми же подряд! Большинство – то есть вот эти самые ленивые, пьяницы, неаккуратные, безответственные и малокультурные – ничего к культуре не

добавляли, а созидалась она народной аристократией, то есть *достойными* из числа крестьян и дворян, и даже созидались сразу две великие культуры, обогащающие друг друга – крестьянская и дворянская.

Какое же чувство вызывает у меня лозунг, проповедуемый якобы русскими националистами (но их русская принадлежность для меня сомнительна): "Россия для русских!?"

Если они утверждают, что "Россия И для русских!", то я с этим согласен, потому что сегодня, производя девяносто процентов всех богатств (в том числе нефти и газа), Сибирь газифицирована только на ТРИ процента. Следовательно, сегодня Россия принадлежит в лучшем случае так называемым **НОВЫМ** русским, которые в такой же степени русские, как я папуас.

Если же они требуют отобрать Россию у татар и черемисов, у мордвы и зырян, у алтайцев и эвенков, которые жили на этой земле испокон, и которые живут сегодня в такой же нищете как и я, то эти самозванные националисты неправы.

Но даже если они молчаливо предполагают отобрать Россию у евреев, то и здесь они неправы, большинство евреев владеет Россией так же скудно, как и я.

Надо отобрать Россию у **НОВЫХ** русских (сброда и не еврейского и не русского, а нечистой силы), и я всемерно поддерживаю это требование.

Россия – тем, кто здесь живет, трудится, любит Родину, будет преумножать ее свободу и культуру и охранять условия ее существования, то есть историческую память и великую русскую культуру!

Чуваши и башкиры – мои соратники в деле спасения России, и я обязуюсь не посягать на их собственные **МЕСТНЫЕ** святыни и достоинство. Если у меня две родины – Россия и Сибирь, то я с пониманием и поддержкой отношусь и к тому, что у карел две родины – Карелия и Россия, они не противоречат друг другу, ибо все малые родины сплетаются в одну единую.

И также сомнительными мне кажутся лозунги "Россия – вперед!" и "Россия – выше всех!". Необходимо, чтобы к власти пришло правительство "просвещенных националистов", для которого важны интересы всех граждан, а условием этого является **СВОБОДА** и **БЛАГОСОСТОЯНИЕ** страны.

V

Необходимо вернуться к теме национального подавления.

Кавказ представляет собою раковую опухоль на теле европейского государства. Разница вероисповеданий, образования, культуры, языка, исторической памяти, традиций такова, что не только русские не могут жить полноценной жизнью среди жителей гор, но и все инородцы. Так каковы же условия для совместной жизни, для соединения в одно государство?

Никаких.

Грозный, построенный и заселенный русскими, был разрушен, двести тысяч его жителей погибли под развалинами, ежегодно пять триллионов рублей отправляется только в Чечню в виде дотаций. Но если мы не охали, когда от нас отделился Азербайджан, Армения, Грузия, то зачем мы (разумеется, не мы, а наше воровское правительство) вцепились в Кавказские горы? Кому не очевидно, что это сума, наполненная камнями, тому и более пространные рассуждения бесполезны. Я излагаю кратко и ясно то, что необходимо осознать русскому человеку, желающему выздоровления Родины. Калмыки или черемисы естественно составляют часть российского тела, им и деваться некуда, и они никогда не стремились куда-нибудь деваться. Если столько жертв мы принесли для удержания чеченцев, то давайте пойдем в поход на киргизов, они и сопротивляться не будут?! Впрочем, должна ли душа уговаривать тело?

Манифест – это краткое изложение самого важного, что тревожит сегодня образованного русского человека, и что ему очевидно. Надо ли заниматься обучением младенцев? Нет, этим мы займемся потом, когда нам будет принадлежать власть.

Итак, подавлены многие народы в России, русские больше всех. Составляя две трети населения, в политической, экономической и культурной жизни страны они играют скудную роль. Большая часть экономики принадлежит преступным сообществам, организованным на базе инородческих диаспор, по сообщениям прессы такие сообщества принадлежат к выходцам с Кавказа и других окраин. Другая часть во власти иностранных компаний, организованных подчас и выходцами из СССР, но это не меняет их характер – национальные богатства России принадлежат не жителям России. Правомерно поставить вопрос о национальном освобождении русских, и это будет на пользу всем другим коренным народам нашей страны. Освобождая себя, мы освободим и своих сограждан. Или национальное освобождение приносит СВОБОДУ, и тогда оно выгодно всем, или закабаление – но может ли освобождение экономики из-под власти иностранных монополий вести к закабалению, может ли лишение монополии на власть ПАРТИИ ВОРОВ И ЖУЛИКОВ вести к закабалению?

И потому все, кому дорого дело свободы, должны присоединиться к *движению русских националистов – народников*, независимо от национального происхождения.

VI

И, наконец, зададим и "еврейский вопрос". Чекистская пропаганда тонко (или не совсем) намекает, что Путин – боец против еврейского засилья, освободитель русских. Он, видите ли, Ходорковского посадил, Березовского изгнал – поделив их имущество между Абрамовичем и К⁰.

Как только дела начинают идти хуже, так надо подбросить обывателю еврейскую тему, и так уже две тысячи лет. Так и не подумал бы обыватель, что это игра в наперсток? И не те же ли еврейские олигархи помогают

создавать из царя образ *царя-освободителя* от евреев, которым он очень нужен? А из борцов против партии жуликов и воров – образ иностранных шпионов, на западные деньги воюющих против белого царя!?

Есть мужик и мужик – говорил Некрасов. Коль мужик не пропьет урожая, я того мужика уважаю.

Вот и я уважаю того еврейского мужика, который учит и лечит и так же мучается от засилья родных олигархов, как и я. Или он в специальной кассе от них получает пособие?

Тема глубинных влияний одного великого народа на другой – не так проста, чтобы отменить ее или разрешить легковесными словами о дружбе народов или об их равенстве, или о подрывной деятельности одного народа против другого. Я скорее готов согласиться с Фордом, что чрезмерное влияние международного финансового капитала в ущерб национальному промышленному капиталу объясняется или зависит от роли евреев в экономике, и это естественно вытекает из характера их деятельности еще в средневековой европейской экономике, из того факта, что ростовщический капитал был изначально сосредоточен в их руках... но дело национальных правительств блюсти интересы собственной национальной буржуазии! И мне гораздо важнее знать: блюдет ли якобы антиеврейское путинское правительство интересы русской экономики, уничтожив всякое производство, кроме добычи нефти и газа, уничтожив всякую российскую науку и образование, уничтожая целые районы старинных застроек в русских городах, лишая русских их исторической памяти? Ответ ясен, и если евреи идут рядом со мною в демонстрациях протеста, если они защищают памятники архитектуры, то я с евреями, возможно, вместе и с еврейским финансовым капиталом мы разберемся, потому что и им надо решить чрезвычайно важный вопрос: будут ли они и их дети жить в России или на некой родине финансового капитала?

Сегодня, когда под угрозой существование России как великой, развитой и культурной страны, надо не противопоставлять русских инородцам (сегодня мы все в этой стране «местные» – или, в другом, метафорическом смысле, напротив, все инородцы, потому что все мы – изгой, кроме кучки воров), а надо осознать себя русскими, независимо от происхождения. Национальная принадлежность как принадлежность к Культуре – важнее и выше чем племенная принадлежность.

Просвещенный национализм – это национализм духа, истории, культуры, а не крови. Кто думает по-русски, и историю России воспринимает как СВОЮ, тот русский.

Ответственность лежит не только на моих сторонниках, интуитивно видящих в новом русском национализме не только знамя, но и основание для возрождения, но и на оппонентах. Или они преодолели свою местечковую ограниченность, или вместо меня увидят перед собою невежественного дикаря, который не только провозгласит: Россия *только* для русских, но и добьется этого.

А в той России не будет места всем, и русским тоже.

Глава вторая СОЦИАЛИЗМ.

I

Образованный русский читатель, в особенности хоть отчасти захвативший эпоху торжествующего советского социализма, достаточно хорошо знает, что разновидностей социализма не меньше, чем христианства, и предпочитает скорее европейский социализм, своего рода протестантизм в социализме, нежели наш посконно-марксистский, опирающийся на диктатуру пролетариата и *«пролетарии всех стран, соединяйтесь»*, а уж тем более не на албанские или маоистские его разновидности.

Но я пишу не исследование истории, теории и практики социализма, а излагаю лишь важнейшие положения, на которых основываю свои личные притязания на справедливое общество, поэтому буду краток.

Под социализмом я понимаю прежде всего ЗАБОТУ государства о гражданах страны, принятие им на себя определенного рода обязательств, которые должны быть закреплены в Конституции в качестве Долга государства перед гражданами.

Это, во-первых, СОЦИАЛЬНОЕ ПРИЗРЕНИЕ, то есть обязательство государства по выплатам пенсий или по достижении пенсионного возраста, или по болезни, увечью и потери кормильца. Эти обязательства ОДИНАКОВЫ для всех граждан. Помимо сего могут действовать НАДБАВКИ к пенсиям, как из специальных пенсионных фондов, в которые производят отчисления работники либо работодатели в установленном законом порядке, так и за особые условия труда: тяжесть, вредность, удаленность от цивилизации (для жителей Крайнего Севера, например).

Отменяются и запрещаются государственные надбавки к пенсиям государственным служащим: министрам, членам парламента и т.п., которые устанавливает подотчетный народу орган власти. В данном случае работодателем является НАРОД, и только он вправе установить своим представителям в органах власти льготы (но за что?) сравнительно с каменщиком, учителем, врачом, ученым, писателем.

II

Это, во-вторых, возвращение *права на бесплатное образование* и его РЕФОРМА, **повышающая качество образования** (хотя бы до советского уровня).

В частности, отмена дикой американской системы оценки знаний, так называемого ЕГЭ.

В-третьих, возвращение *права на бесплатную медицинскую помощь* и РЕФОРМА системы медицинских услуг, **повышающая качество** этих услуг (хотя бы до советского времени).

В-четвертых, обеспечение ПРАВА НА ТРУД, что предусматривает реформу системы взаимоотношений между работодателями и работниками, гарантирующей права работников по безопасности труда, достойной его оплате и исключающей произвол при увольнении, а также социальную помощь работнику, не имеющему работы не по своей вине (в силу болезни, увечья, экономических трудностей или реформы производства).

Очевидно, что государственные расходы на социальные гарантии гражданам должны будут возрасти.

Где источник дополнительного финансирования?

Он перед глазами.

Необходима РЕФОРМА налогообложения, предусматривающая введение **прогрессивного налога** на доходы граждан, превышающие средний доход по стране более чем в пять раз.

Глава третья

ПРАВО

I

Реформу налогообложения следует воспринимать как важнейшую меру в области ПРАВА. Ее главная задача – восстановление *социальной справедливости* и уменьшение чрезмерного расслоения общества. Богатые останутся, но сверхбогатства будут урезаны на социальные нужды. В результате не будет БЕДНЫХ, и каждый гражданин получит **право на достойную жизнь**.

Уменьшение излишеств приведет и к уменьшению сверхвливания богатства на органы власти. Ибо в правовом отношении все граждане РАВНЫ, от дворника до премьер-министра. Привилегии и льготы (в силу занимаемого служебного положения) должны быть упразднены!

Ответственность за нарушение закона должна быть также равной у всех, если не большей у высших государственных служащих, включая, разумеется, и председателя правительства!

Так как растление в наибольшей мере поразило юстицию, полицию и ФСБ, то эти органы защиты государства должны быть подвергнуты очищению.

1. ВСЕ судьи должны быть уволены в отставку, на их место должны быть поставлены выпускники юридических факультетов. (Подобная мера была проведена Де-Голлем во Франции после войны и позволила оздоровить государство).

2. Необходимо разработать специальный закон, упрощающий процедуру обжалования всех приговоров за предшествующие 95 лет, а также процедуру привлечения к ответственности преступников из органов власти, включая судей, прокуроров и следователей.

3. Должна быть проведена реформа всех так называемых «силовых органов власти» и проведено разбирательство по всем значительным нарушениям законности.

4. Должна быть проведена ВСЕСТОРОННЯЯ реформа всей системы наказаний и принят КОДЕКС прав заключенных. Старый русский взгляд на сидящих в заключении – это уже не преступники, а несчастные. Но во всяком случае они ЛЮДИ, как и все остальные, и НЕ ХУЖЕ нас.

5. Должна быть проведена и частичная реформа в армии, включающая правовые аспекты внутриармейских взаимоотношений.

II

Для подготовки новой конституции и полного реформирования жизни в стране должен быть создан Комитет по формированию правового государства, ответственный перед Парламентом.

Для рассмотрения всех выработанных им рекомендаций будет создано Учредительное Собрание. В важнейших случаях представленные рекомендации должны быть вынесены на Референдум.

Целью реформ в Российском государстве должно быть осуждение всех функционеров предшествующих режимов, виновных в беззакониях, и создание нового демократического и справедливого государства, обеспечивающего всем гражданам возможность взаимодействия со всеми органами власти, включая законотворческую деятельность и защиту ЛЮБЫХ их частных интересов. Обеспечение достойной и полноценной творческой жизни во всех сферах культуры и хозяйства. Обеспечение старости и недееспособности. Поддержание и процветание России. Защита национальных интересов русского народа как государствообразующего народа. Защита национальных интересов всех народов России, за исключением деятельности, направленной на раздробление России (ибо это чревато гибелью в первую очередь малых народов).

Г л а в а ч е т в е р т а я

Национализм, христианство и социализм – противостояние и солидарность.

1.

Если прав Гегель, то *тезис* и *антитезис* не до конца противоположны, что-то есть в каждом из них, что в конце концов соединяет их в новое единство, называемое синтезом. Таково противостояние мужчины и женщины, и пока они любовники, они противостоят друг другу, как бы страсть их ни соединяла. Только семья, рождение детей соединяют их всецело, отменяя пол как самодовление. Следовательно, семья и является тем единственным синтезом полов, в котором эротическая любовь отходит на второй план, наслаждение становится не самоцелью. Следовательно, умерщвление пола, к которому призывает христианство – это отмена и семьи как синтеза, и человеческой индивидуальности, осуществляющейся через пол и национальность. А определенность личности, данная через пол, семью, происхождение от двух, неотрывна и от происхождения в более широком смысле – от народа.

(Но от народа личность происходит и во плоти, через физическое рождение, и в духе, через культуру, историю и духовное рождение).

Социализм, будучи отчасти сектой в христианстве (а в более широком смысле и само христианство можно считать иудейской сектой) еще менее последователен, чем христианство (хотя, казалось бы, какую еще последовательность можно найти в христианстве?). Но последователен ли и живой человек? Только как фанатик, то есть сужаясь до одномерности, становясь принадлежностью идеи.

Я и сам... Не то чтобы то одно, то вдруг противоположное, но концов и начал из меня торчит много, и не так легко их соединить в целое. Мои взаимоотношения с женщиной, Богом, культурой и народом, среди друзей, в кругу семьи, на работе, в подворотне с бутылкой вина...

Марксистский социализм стремился отменить народ, заменить его человечеством. Не отменяя пол, он все же эротические отношения двух – любовь – стремился заменить полигамией, полной сексуальной свободой (как выпить стакан воды, проповедовала Коллонтай) и общностью жен.

Марксисты – подлинные или бывшие – всегда яростно боролись с *народностью*, не только с учением о национальной определенности и ее необходимости, но и с самим *национальным самосознанием*, особенно у доминирующих наций. Принимая и поддерживая *право наций на самоопределение*, они его поддерживали у малых народов и отрицали у больших.

Негры в Африке и папуасы в Азии были вправе и даже *должны* были бунтовать против англичан и французов, но как только о чувстве собственной национальности заикались англичане или французы, к ним приклеивался ярлык фашистов. А русские обвинялись в фашизме, даже если только они где-нибудь смели сказать, что они русские. *Русский национализм* объявлен фашистской идеологией уже априори, хотя эти самые проповедники космополитизма и антинационализма сами яростные националисты – своих собственных народов.

Но пора перестать стесняться того, что мы русские!

И пора понять, что борьба с национализмом как сознанием принадлежности к своему народу – нисколько не лучше антисемитизма, это тоже анти: *антирусизм*, русофобия. Ибо проповедь антинационализма направлена не против национализма наших бывших "младших" братьев, разбегавшихся из СССР, не против национализма прибалтийских народов, нет, у этих национализм хороший, даже если он оправдывает бывших эсэсовцев, он греет душу русофоба, и только у русских национализм плохой, *русско-фашистский!*

2.

Я против уничтожения частной собственности, я только сторонник цивилизованного вмешательства государства в отношения работника и предпринимателя, сторонник системы налогообложения, которая смягчает социальные противоречия, уменьшает социальное неравенство, направляя энергию предприимчивости на службу народа.

В этом отношении (как и во многих других) я – *левый*, и можно было бы сказать, что я *социалист*, если бы в России *социализм* не смешивался с марксистско-ленинским тоталитаризмом.

И тем не менее, в данное трагическое время надо заново осмыслить противоречия между социализмом, христианством и национализмом, и найти то важное общее, которое способно нас объединить в деле спасения Родины. Родина в опасности. В опасности культура, образование, духовная свобода, существование русского государственного и духовного пространства. А это пространство, может быть, еще важнее для «инородцев», чем для русских, ибо только в этом пространстве все *языки*, все дети нашей общей Родины находят то общее, что их соединяет больше, чем то различное, что их разъединяет. Без русских не будет России, надо понять и нивху и татарину. А без России не будет ни нивха ни татарина.

Более того, без России не будет ни немца, ни француза, это вчера они могли существовать каждый сам по себе, а сегодня только вместе.

Грядут новые испытания для Европы, в сравнении с которыми даже крушение Римской империи – только предвестники бури.

Только евреи умеют существовать без государства, в рассеянии по всему миру, и они будут существовать и в Китае или на Марсе. Без России не будет русских, без Франции – французов.

3.

Разговоры о *любви* к другим *языкам* часто носят характер провокации. Я чаще всего и русских не люблю, не только китайцев. И с чего это мне всяких посторонних любить? У меня и свои есть. Уж на что я *люблю* женщин, но ведь и это выражение – всего лишь словесный оборот! Я люблю одних женщин и не люблю других, к третьим равнодушен. Вот так же среди русских я многих просто лютю ненавижу!

Поэтому вопрос о любви к евреям – не для меня. Я люблю Петю, Валью, Колю, и часто даже не знаю, какой они национальности. И не люблю Карла Карловича, и ни разу не спросил, кто он, не нивх ли?

Отдельных людей и я, как и все, люблю то так, то этак, и тут национальная принадлежность для меня (и для почти всякого русского!) не играет никакой роли. Я вон и Марксом восхищаюсь, хотя он и главный мой противник, и еврей, и терпеть не могу Проханова, вроде бы подчас высказывающего ту же критику власти, что и я, и казалось бы русского.

Я люблю русский народ как духовную основу русской культуры и языка и создателя (вместе с разными людьми, многие из которых родились даже вне России) того *русского духовного пространства*, без которого несостоятелен и я сам, и моя семья, и даже самый северный чукча. Это государство и основано было русскими (может быть и с варягами, не буду спорить), и защищено кровью сорока миллионов преимущественно русских людей, среди которых мой отец.

У нормального человека эта *русскость России* не вызывает отторжения.

Вот так же, если бы я жил во Франции, я бы не требовал, чтобы французы, в угоду мне, отказались от своего национализма.

Речь ведь не идет о *ненависти* к другим! Я не говорю, что евреи должны иметь меньше прав. Но если в Израиле идеологией государства является национализм, то и в России она может быть *народничеством*. А значит все народы, живущие на территории России, должны согласиться с тем, что это государство называется и должно называться Россией, и они отказываются от притязаний на раздел и раздробление его по родам, племенам и коленам. Вот так же и мужчина и женщина, соединяясь в браке, теряют и отказываются от многого в своей личной свободе, в частности, от свободы блядовать. Соединяются муж и жена и становятся единой плотью. Более того, традиция говорит о том, что *жена прикрепляется плотью к мужу*. И дети носят фамилию отца.

Если уж народы волей истории соединились в одну семью, а жених, волей же истории, русский, то и дети теперь русские.

И не тому народу, (детей которого одних я люблю, а другие мне чужды или неприятны – как и среди русских, всё одинаково), который пришел на свадьбу позже всех, диктовать мне сегодня свою волю. И также, разумеется, диктовать свою волю французам. Русских во Францию бежало в двадцатом году миллион, больше, чем там было евреев. *«Качали» ли они свои национальные права?*

4.

Но хватит *народничеству* моей защиты. Если оно жизнеспособно, стойко к нападкам и воплям *руссконенавистников*, то и без меня будет твердо стоять на ногах, не поддаваясь наветам чужих и чрезмерным проявлениям любви у своих.

Хватит говорить и о социалистах. Социалисты европейского толка не имеют принципиальных оснований отталкивать русских, тем более что и я – сторонник сближения с Европой. Россия – говорю я – не только мост между Европой и Азией, но и стена, которая не дает поглотить Европу азиатской буре.

Посему и коммунистам я протягиваю руку, чтобы, собирая рать на поле Куликово, не пришлось нам разодраться среди собирающихся. Делятся люди между собою не по принадлежности к обществам, а по личным достоинствам. Есть и собаки лучше человека, есть и человек хуже собаки. Но только хватит мировой революции, диктатуры, Интернационализма, общих жен и обобществления *личности*. Оставьте мне *моё*, не экспроприруйте и меня как "общенародную собственность".

Обращаюсь еще к православным христианам.

Да, Бог вам дороже России. Но ведь сказал Христос, что Он пришел ПРЕЖДЕ спасти свой народ, – так и вы согласитесь с Ним, что *прежде* надо спасать народ, а потом уже свою душу, ибо сегодня нас призывает поле Куликово..

Часть девятая

МИР И ЧЕЛОВЕК

2012

Глава первая.

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

1.

6 августа 2012 г., понедельник, 13.20. В США начинаются выборы, соревнуются жены претендентов на трон, кто лучше печенье печёт – и у той муж, вероятнее, и победит на выборах. Возможно, они перед этим еще будут ходить на задних лапах: кто лучше ходит, а дальше дойдет и до соревнований в постели.

А у нас, в забытой Богом России?

Есть ли шансы в предвыборной борьбе победить – поэту, ученому, философу, инженеру, просто порядочному и умному человеку, хотя бы и крестьянину и рабочему?

Не говоря о том, что он должен выдвинуться, для чего нужны невероятные деньги, но кто его поддержит в предвыборной борьбе?

Свора политиков? Свора олигархов? Или тупое и пошлое большинство НАСЕЛЕНИЯ (а большинство населения – именно тупое и пошлое, оно не читает стихов Пушкина, поэтому никогда не проголосует за порядочного, образованного и здравомыслящего крестьянина, служащего, рабочего, интеллигента, военного, – а уж тем более ученого или поэта!)

Демократическим путем, угождая большинству, к власти в России не может прийти ВЫДАЮЩИЙСЯ человек! – пусть это большинство (которое я презираю) возразит мне!

А наследственная монархия? А диктатура? А тоталитарный строй, власть безумной идеологии (например, большевизма) или средневековой религиозной инквизиции?

В животном царстве, как показывают ученые, тоже не так хорошо, и только в момент трагического кризиса, когда на карту ставится существование РОДА, вдруг в вожаки выбиваются лучшие (из числа уцелевших, ибо и у них *лучших* пытаются уничтожить всех поголовно – вопреки Дарвину).

1.

7 августа, вторник, 11.10. Сочинения мои – особенно когда я пишу о судьбе культуры и духовной свободе, об истине, справедливости, милосердии – наполнены желчью и ненавистью. Захватывают наши дома и души жадные и злые, а стрелы негодования направляю я в обывателей, часто весьма смиренных, не жадных и не злых – ПОЧЕМУ? Да потому, что это из-за них жадные и злые торжествуют над всеми нами, над талантливыми поэтами и учеными, над читателями книг, одухотворенными искателями истины, страстными влюбленными, над добрыми, милосердными, верными, над романтиками и идеалистами. Эти

обыватели читают Булгарина и Пентюхина, а не читают Пушкина и Лермонтова, поэтому в школах уже и из безгрешных детей правительство тщится вырастить безграмотных и глупых.

Эти обыватели голосуют именно за такое правительство (близкое сердцу обывателя) и я обречен, обречены любители русской словесности, ревнители русской истории.

Эти обыватели ЛЮБЯТ, ВОСХВАЛЯЮТ, ЗАЩИЩАЮТ неправду и зло, жестокость и бесталанность, жадность и низость.

3.

Увы, это всё правда. Но и правда – это не всё. Много не укладывается в правду, не ограничивается только ею, таковы любовь и сострадание.

Пятьдесят лет назад пользовался успехом у наших зрителей американский боевик «Великолепная семерка», но суть его была не в отчаянных схватках силы и ловкости, а в том, что отважные боролись против банды разбойников, защищая крестьян – и крестьяне их же и предали. Да стоят ли они вашей доблести, ваших жертв, эти трусливые и ничтожные? – спрашивает предводитель разбойников у защитника обижаемых?

И все же романтики снова бросились в отчаянный бой за справедливость, рискуя погибнуть.

Что движет теми мечтателями и романтиками, которые мне и сегодня близки, которые предпочитают жить в бедности и неизвестности, а не помогать сильным мира сего в их несправедливом властвовании? Надеются ли они, что НАРОД их оценит и возвысит? Нет, народ их унизит, своим тупым и нерассуждающим большинством он ПРОГОЛОСУЕТ даже за смертную казнь этих «жалких отщепенцев», этих «пособников» Запада, этих врагов народа, как он уже это делал несколько десятилетий. Тысячи, десятки тысяч собраний в течение десятилетий проходили по всей стране в осуждение невинных, и взметался лес рук, требующих осуждения и казни.

Почему и сегодня большинство почитает Сталина? Потому что у казненных осталось мало детей, а выжили дети трусливых, дети тех, кто помогал судить, охранять и расстреливать.

Но ведь большинство было счастливо! – заявляют они сегодня. Конечно, даже в залитой сплошь кровью Камбодже перебили мотыгами только *меньше половины* населения, и в России, **уничтожая всеродне** купцов, долгопых, белопогонников, кулаков-мироедов, подкулачников, белую кость, из бывших, из прихвостней, ученых-вредителей, реакционных философов и писателей, тех, которые "если не мы их, то они нас", тех, которые "когда лес рубят щепки летят", жертв "только не работающие не ошибаются", болтунов, клеветников, умников, порюющих отсебятину, недоносителей, врагов народа, их пособников, их жен и детей, их знакомых – и в России тоже перебили не всех, кто не предал человечес-

кое. Остались недовьявленными бывшие инженеры и их дети, бывшие гимназистки и курсистки, бывшие студенты, революционеры, поручики и их возлюбленные. Да и вновь откуда-то вырастали смеющие смотреть вверх и в глаза, и почему-то их не всех превратили в лагерную пыль. Разве не народ НЕНАВИДИТ (не всегда вслух, чаще затаенно, в глубине души) ВСЁ ВЫДАЮЩЕЕСЯ, возвышающееся над низостью?

Но Русская революция, в ее метафизической сущности, была намерением уничтожить весь слой талантливых и образованных, свободомыслящих и не верноподданных.

В основном эта задача была выполнена.

Но подорван был и корень, из которого просто воспроизводится народ, *бабы перестали рожать*, а мужики начали сплошь спиваться. И после целого столетия войны против талантливых остались почти только те, кто не желает работать. В деревне, куда я езжу летом, и где урывками засаживаю огород, и где земли – не меряно, жители бедствуют и дети их растут впроголодь, не видя молока и яиц. А спросишь кого из тех, кто сбежал из деревни, как там и у них – на Псковщине, на Смоленщине, на Вологодчине – и у них половина спилась!

Корень России подгнил, и без метафизического переворота жизни – не спастись.

4.

Увы, и это всё правда, но и эта правда – не всё.

Негодую я против своего народа, поддерживавшего в тупом и злобном остервенении истребление своих самых достойных, но ведь за последние полвека что-то могло нарасти и в русской пустыне? Если даже лес после пожара прорастает сквозь золу, и сначала березняк, а потом и бор шумит, а никто ему не помогает прорасти, то разве после совокупных усилий не до конца разгромленной прежней культуры, русских песен, сказок, уцелевших *достойных*, самоотверженных учителей, выживших работающих крестьян – мы, их дети, не должны были составить достаточно обширный слой свободомыслящих?

И оглядываюсь я вокруг себя.

Среди тех, с кем я чай пью или водку, хлебом-солью закусывая, с кем встречаюсь, разговариваю, изливаю душу – каков расклад?

Пятеро сталинистов, четверо еще сочувствующих усатому маньяку.

Некоторые из них русофилы, и я их спрашиваю: а как же вы молитесь на инородца с «кавказским лицом»?

Некоторые из них поклоняются дореволюционному прошлому, монархии и православию, и я их спрашиваю: а как же вы молитесь на вождя новых гуннов, которые как раз и смелі старую Россию с лица земли, вместе с монархией и православием?

Родители у них русские, а сами они турки, и я их спрашиваю: а как же вы объясните свое турецкое подданство? Не знаем, отвечают они, да ведь и никто не знает и не может объяснить, как при русских родителях мы – турки!

Обращаюсь лицом к современности. Все мои друзья-товарищи родом из пионерского детства и комсомольской юности, все они верили в единственно верное учение и глумились над невежеством темных верующих и обманщиков-попов, все они читали про Галилея, Жанну Д*Арк и Джордано Бруно, все они знали об уничтожении античной культуры, о крестовых походах, притеснении миллионов старообрядцев у нас в России, все они изучали эпохи темного варварства, борьбы с Коперником, инквизиции, обскурантизма, борьбы с наукой и культурой в целом, клерикальной цензуры ... и что же? А сегодня они же призывают отправить на костер девиц из рок-группы, обличивших патриарха и царя! Этим ли оскорблены чувства новых верующих, что кто-то смеет хулить патриарха?! Но разве не отказали мне в православной лавке продавать Жития протопопа Аввакума? А когда я воззвал к постановлению 1906 года о примирении церковью, мне на это возразили: протопоп возводил хулы на патриарха Никона, и за это он не прощен! А когда я напомнил, что и сам Никон был осужден и сослан в Кирилло-Белозерский монастырь...

Да что уж говорить о протопопе, если мои друзья отказываются читать Даниила Андреева и мои собственные книги, не помазанные елеем?!

Обращаюсь лицом к современности. Все мои друзья-товарищи строили счастливое и светлое будущее, в котором будет царство справедливости и не будет частной собственности и эксплуатации трудящихся. Кто же сегодня наш царь, "владелец дворцов и парашутов"? Кто же сегодня наш патриарх, владелец дворцов и смолокурень? Строим ли мы будущее царство справедливости или капиталистическое сегодняшнее ограбление? Может быть, мои товарищи идут на баррикады в борьбе за идеалы юности? Нет, они защищают новоявленного самодержца, и с ним связывают все свои упования! А значит, и с его друзьями олигархами... И с его неправедными судьями... И с его злыми правоохранителями...

Что же мне делать?

Идут дети бывших советских «все как один», и плюют на могилы замученных поэтов, ученых, крестьян... Смириться ли с этим? А ведь защищая палача, разве мы не глумимся над его жертвами?

Может быть, вы связываете с именами Ленина и Сталина, злобно уничтоживших десятки миллионов русских людей, мечту о социализме? Так сегодня же все лепестки социализма заменены лопухами капитализма, как же вы поклоняетесь сегодняшней власти? Это же два противоположных устройства общества, коммунизм наши цари уже не строят, а выкорчевывают?

Ах, бессмысленный разговор, как в сумасшедшем Доме!

Что же мне делать?

Разве не следует уйти из общества, в котором прославляется все то, что мне ненавистно, и порицается все, что близко?

Восхваляются тираны, от Иоанна лютого до Петра жестоковыйного, от Ульянова безумного до Иосифа злобного... Все они не жалели русской крови, так как же вы, их поклонники, можете говорить о любви к России?

Какую Россию вы любите? Какой Россией гордитесь?

5.

Иногда я наивно думаю, что надо написать своего рода Учебник истории, в котором перечислить всех лучших и всех худших известных русских людей, показать и объяснить их деяния, развенчать лживые мифы – наши люди страшно невежественны, они в плену суеверий и некоего тумана из обрывков бессвязных сведений по истории и географии. Они не знают, кто и когда заселял Сибирь, они не слушают русских песен и романсов, не читают стихов русских поэтов, не знают, кто строил Петербург, русский флот, когда учреждены университеты, они даже не знают, что и промышленность и железные дороги построены по преимуществу до 17-го года, а «нефть и газ» стали осваиваться в тех масштабах, благодаря которым мы сегодня на халяву выживаем, именно при Хрущеве, а при Сталине Россия была настолько нищей, что в одной комнате в городе жили по две семьи, а в деревне к картошке кроме огурцов подавали простоквашу со снятой сметаной, или даже вовсе забеливали молоком подсоленную воду! И это было через семь лет после войны.

Мы не оправдываем Николая Второго тем, что при нем (то есть в то время, когда он жил) и самолеты полетели, и танки появились, и броненосцы, и бронепоезда, и даже подводные лодки, и пороху было сделано столько, что его хватило на всю Отечественную войну, и Кронштадтские пушки и корабли, соделанные при Николае, защитили Ленинград от немцев, несмотря на все упорство нашего правительства по разгрому его защитников.

Даже тем не оправдываем мы Николая Второго, что при нем и выучилась и сформировалась вся промышленная инженерия, которая танки и самолеты и ракеты начала производить еще при нем, и к новой войне только их усовершенствовала, так что они превосходили немецкие (но Сталин приложил максимальные усилия, чтобы этого не произошло, так как две трети тех ученых и инженеров он ИСТРЕБИЛ).

Но систематически изложить Деяния апостолов тирании необходимо, об Ильиче прекрасную книгу написал Владимир Солоухин, Сталин еще ждет своего глубокого и всеобъемлющего обвинителя.

6.

Что же мне делать?

Разве не следует уйти из общества, в котором прославляется все то, что мне ненавистно, и порицается все, что близко?

И все же *права* – это еще не всё. Иначе и я останусь в пустыне, среди тех, кто видит мир праведно, но кого не прилепляли ко мне

обстоятельства жизни. А тех, кого обличаю, но с кем и разговаривал, и спорил, и водку пил – всех отвергну... А что тогда делать с родными? Уверен ли я, что все они смотрят на мир ясными глазами? Общество, к несчастью, влияет чрезмерно сильно на способность человека смотреть на мир, мне повезло с учителями, а многим – не повезло, может быть, они еще одумаются, может быть, еще прозреют, и даже та глупая, которая в чекисте увидела спасителя отечества, когда ее деда расстреляли чекисты, а маме ее они испортили жизнь.

7.

Так что вот, в ярости готов я от всех неразумных и глупых отречься, а потом ... потом ярость моя утихает, и я не знаю, что делать и как мне дальше жить. Может быть, и не у всех из них отцы и деды расстреливали и истязали невинных, а если и голосовали за расстрелы, так по принуждению, и не были сами их инициаторами. Но хотят ли они знать о своих предках, хотят ли они знать Правду, хотят ли они национального отрезвления и покаяния?

Судя по той свистопляске, которая разразилась из-за пения в Храме Христа Спасителя (кстати сказать, разрушенного их отцами, за что ни отцы не понесли наказания, ни дети покаяния), они остались теми же нетерпимыми большевиками, нетерпимыми христианами, да и просто нетерпимыми ко всему, что отличается от преобладающей или от властной точки зрения.

Сегодня у власти далеко не лучшая часть далеко не лучшего из европейских народов. А если осмелимся сказать правду, то признаем, что как раз даже самая худшая часть вырождающегося народа.

Сказано же, что по делам их судите их, так давайте и осудим!

Система образования, когда-то лучшая в мире, опустилась ниже Марианской впадины, школа и университет производят невежд и полужнаек, если даже приобретаются профессиональные знания, то общая культура на нуле, выпускники школ не слышали о Глинке и Чайковском, а что уж говорить о Скрябине и Шостаковиче? Не читали даже Толстого, а что уж говорить о Достоевском или Тургеневе? Не назовут ни одного архитектора или живописца, а что уж говорить об Аристотеле или Канте?

Система природопользования, когда-то не слишком уступающая европейской, стала изуверской, Природа просто преступным образом уничтожается. Леса исковерканы, озера и реки загрязнены, вокруг городов и сел, железных и шоссейных дорог бесконечные свалки.

А культура? Что мы читаем, даже когда читаем? Лживые газеты, бульварные книги, анекдоты и ненаучные фантазии. Что мы смотрим по телевизору? Кто ходит в филармонию и театр? Кто посещает музеи?

Каков народ, таковы и поводыри его. Народ превращен в быдло, поводыри – бессовестные воры, казнокрады, бандиты, невежды и лжецы.

Может быть, лучше умереть, чем жить среди мерзости запустения? Но во всяком случае, не кадить народу. Обличения язв – лекарство!

Глава вторая.

А КТО ЖЕ Я САМ?
И КАКУЮ ФИЛОСОФИЮ Я ТЩУСЬ ПРЕДЛОЖИТЬ?

1.

9 августа 2012, четверг, 12.51. Заболел; неудачно дергал крапиву, далеко впереди себя, поясница ёкнула и сломалась. Ночью плакал, пытаюсь выйти пописать. Потом приснился сон, будто меня допытали до смерти, и затем выбросили на свалку, но я неожиданно воскрес, пришел домой, а меня никто не узнаёт. Да ведь и Христа после воскресения не узнавали даже ученики его, и в этом тоже загадка.

2.

Заботит меня собственная значительность или незначительность, но совсем не из-за тщеславного интереса к самому себе, а потому, что от этого зависит, будут ли меня читать и слушать, УСЛЫШАТ ли?

Толстой вскричал: НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ! – но до этого он уже стал известен на весь мир как великий ПИСАТЕЛЬ, как автор Войны и Мира, Анны Карениной, Кавказского пленника и Казаков.

У меня же почти только одни дневниковые Записки, расцвеченные выкриками, вот в чем беда – для кого я буду авторитетен?

Немного похожа на роман первая моя книга из самозваного «Эпоса» – Боль и Любовь, – ее бы хоть признало читающее общество?! Но друзья-писатели находят в ней только тридцать стоящих страниц, а читатели из народа – вообще только полторы страницы осиливают!

Я в последние месяцы все о смерти думаю, а с чем я умру? Что после меня останется? Так и пропадет все, что написал, и сегодня никому не будет нужно, и завтра тем более, когда от русского народа уже ничего не останется, да до завтра мои книги могут и вовсе не дожить! Я напечатаю теперь все девять книг в окончательной редакции, переплету, спрячу в укромном месте, известном двум трем человекам – но кто их будет печатать и распространять, если я умру?

Кстати, окончательный вариант надо снабдить надписью, что это «вариант окончательный и обжалованию не подлежит!»

Но какого уровня я достиг, я не ведаю, могу только сказать, что и в стихах я не Лермонтов и не Есенин, и в прозе не Толстой и не Тургенев. Ладно, думаю, ну хотя бы сравняться с Короленко с его Историей моего современника, и то уже можно бы умереть в восхищении, ибо хотя и Короленко не повлиял на народ, но все же лучшие в народе могут им гордиться!

Итак, умирать, вижу, еще нельзя, и Настю надо вывести в люди, и в писательском деле попытаться еще чего-нибудь достигнуть, и в общественных усилиях по освобождению страны добавить свою малую толику!

Девять моих книг в ближайшие дни я заканчиваю, беру отпуск, еду на Ладогу за брусничкой, еду в Москву и в архив, займусь разысканиями о моем отце, потом снова продолжу читать умных, и попытаюсь написать еще одну Книгу.

Если Бог есть, и от меня не отрекся, Он мне поможет!!!

3.

Так какие же вопросы ставит и разрешает философия? Во-первых: как мы познаём и достоверно ли наше познание, и действительно ли оно? И вторых тот вопрос, который бы главным для античной философии: что такое бытие, мир, что лежит в его основании?

И то и другое тысячу раз обсуждалось самыми глубокими умами, и кажется, что более глубокомысленно, чем они, ответить на эти вопросы нельзя, и в то же время если спросонья пытаешься вздумать, что мне о мире говорит философия, так не сразу и вспомнишь...

И я теперь еще более убежден, что надо о другом задумываться и по другому. Вот, например, я пришел к выводу, что Мир подобен человеку, он не что иное как сам вещественный мир плюс душа мира, также неуловимая, неизвестно где располагающаяся, как и душа человека. Но чему меня это научает, мои недоумения перед Жизнью помогает ли преодолеть? Нет.

Ибо главные недоумения и проблемы связаны не с тем, КАК мы познаём, и даже не с тем, есть ли у мира душа, а – почему человек думает и поступает так или иначе, что такое добро и зло и почему, зачем они существуют, или, еще конкретнее, обыденнее, приземленнее: Почему в России Суд пограл все возможные представления о справедливости, опустился ниже всякой возможной низости, превзошел подлость подлости?

Есть замечательный писатель Валентин Распутин (для меня – БЫЛ), и он вдруг подписывает человеконенавистническое письмо с осуждением Пусси Райот, с требованием их жестокого наказания?

Если бы я оказался рядом с ним, за столом, с рюмкой в руках, я бы даже не решился его об этом спросить, стыдно было бы, но пить с ним я бы уже не стал, было бы неловко.

Наша государственная власть, и организации, с помощью которых она властвует, вызывают презрение и ненависть, и в здравом уме и не с перевернутой душой к ним нельзя относиться иначе (как и к Сталину) – но ведь уйма народу эту власть (или этого властителя) любит и защищает, и тем самым помогает ей губить достойных людей и губить Россию – эти люди рядом со мною, я с ними пил чай или вино, – но почему они таковы? А я их отношение к миру и их поведение расцениваю как поддержку ими Гитлера в войне с Россией! Нет, ПОНЯТЬ их я не могу.

Поможет ли мне понять их классическая философия? Нет. Но и моя философия бессильна мне помочь, и я вместе с нею в тупике... И все же не сидеть ведь сложа руки? – потому я еще философствую...

4.

Попробую хотя бы разобрать несколько точек зрения, с которыми я столкнулся недавно, которые относятся к определенному мировоззрению, и которые я могу разобрать, могу даже внятно им возразить.

Начну с отношения к культуре.

Для меня ее судьба важнее моей собственной жизни, как для солдата, идущего в атаку, важнее судьба России.

Что же она такое? Верно ли, что *Истина* – это культура или, как выразился один православный актер, *культура* – это умение слышать *Создателя*, то, что приближает нас к Нему, то есть, что культура лишь *помогает* церкви или вере, самостоятельного значения не имеет и критерии своей подлинности, действительности, значимости и вдохновенности не в себе несет, а черпает из религии или идеологии, и так же тогда и философия занята не поисками истины и исследованием мира, а поисками *христианской истины*, и историк стоит перед *затруднениями* (как сказал нам историк Флоровский), говорить ли просто правду, или ту правду, которая выгодна христианству, и ученый исследует не происхождение и устройство мира, как велит ему это наука, а лишь комментирует Книгу Бытия, авторитетом науки возвышая Ветхозаветный миф о сотворении мира?

С кем вы, мастера культуры? – словно заново звучат слова Горького на большевистском съезде батюшек-актеров и батюшек-писателей, или на Вселенском Соборе, или на съезде «победившего социализма»... Словно не было ДВУХ ТЫСЯЧ мучительных лет борьбы за свободу культуры, независимости ее от религии, словно не было нового опыта большевистского рабства, не было ни Микель-Анджело, ни Вольтера, ни Пушкина, ни Толстого... Неужели человечество обречено бежать по вечному кругу, чуть ли не с каждым поколением заново идя в первый класс школы Истории?

И я тоже иногда думаю, что говорю с Богом или с небом, но все же не обращаюсь к церковной цензуре, не сверяю свои представления, рассуждения и выводы ни с Ветхим, ни с Новым Заветом, и вертится ли Земля вокруг Солнца или наоборот, узнаю из Исследования, а не из Веры.

5.

«Так как истина лежит вне пределов рассудка, то она и не может быть выражена словами», говорится в древнеиндийском эпосе Махабхарата.

В отличие от него Новый Завет тщится Истину изложить именно словами, через жизнеописание Учителя и через его поучения-притчи.

Правда, Иисус, сказав: *Азь есмь Истина*, тоже как будто предложил нечто более иррациональное, чем слова, хотя одновременно в Евангелии от Иоанна говорится: "В начале было слово, и слово было у Бога, и Бог был слово".

Таким образом, возможность выразить Истину в Слове зафиксирована в главном христианском источнике, в Евангелии.

И тем не менее мой опыт, полувековой, встреч и разговоров с христианами показывает, что в подавляющем большинстве своем они скорее индустры, они как правило стремятся унизить философию, даже теологию, они склонны воображать в качестве Истины нечто невыразимое, туманное, неопределенное, не только лежащее над жизнью, но ускользающее из пределов человеческого сознания и духа.

Но ведь если Истина, которая смутно предчувствуется, но *выразимость* которой человеческими средствами отрицается, все же существует, то кто же свидетельствует, что она существует и что она именно истина? Нет, они не понимают моего вопроса.

И вот они ополчаются на культуру, в которой и математические выводы ясны и определены, и физические постулаты и опытные данные, и биологические факты в большинстве своем несомненны; и на искусство, в котором художественный Образ не только жизнен, но является сосредоточением всего самого высокого в жизни, музыкальные мелодии и темы аккумулируют красоту и драму, зодчество и живопись объясняют и преобразуют непосредственную жизнь, одухотворяя ее материю, ее ткань.

Христиане и вообще подчас проповедуют нечто противное тому, чему их учил Учитель. Разве Он бросил в блудницу камень? – а эти Его ученики (ученики ли?), словно ветхозаветные старцы, готовы трех красивых молодых женщин, обличивших власть государственную и власть церковную (как и пророк Аввакум обличал когда-то, патриарха Никона обозвав «бабобом»), сжечь на вселенском костре вместе со всеми их защитниками. Кошунницы! – кричат они. А в чем их кошунство? В просьбе к Богородице Путина прогнать? А если бы они в этом же храме пропели "Путина защити", тогда бы они были святые?

(Кстати сказать, разве в центре культуры не находится образ красивой молодой женщины или девушки, и поэт не восхваляет женскую красоту, и писатель, и живописец? Когда мужчина бросает в женщину камень, то он уподобляется *ветхозаветным старцам*, и заявляет тем самым, что он уже не мужчина. А что же женщины, бросающие в них головешки, некоторые из которых были когда-то привлекательны? Или они уже тоже не женщины?)

Но я отвлекся. То, что не выражено и не выразимо, существует ли?

При этом европейская культура включила в себя, и в плоть и в дух, тексты Нового Завета, вдохновляясь ими, и священник в церкви не просто «зачитывает» постановления Политбюро, но ПОЁТ псалмы и молитвы, и прихожанин молится на икону, написанную живописцем, и все мы (люди культуры) слушаем музыкальные произведения религиозного содержания, и Чайковского, и Баха, и Моцарта, и Свиридова, и Бортнянского; и лицезреем святых и Святую Троицу на иконах и фресках, и ходим в храмы, являющиеся произведениями Зодчества... Какое христианство живет в нас, людях культуры? И какое христианство живет в судьях, обвинителях, стражниках, журналистах и политиках, в богословах, уподобляющихся осудителям Иисуса Христа, кстати сказать,

переворачивавшего скамьи в Иерусалимской Синагоге, то есть не смиренно молившегося о прогнании царя Ирода, как эти «кошунницы», а прямо устроившего даже дебош!? И проповедовавшего по всей Палестине, что закончится скоро царство сие, уподобляя его царству Антихриста.

А они, «кошунницы», тоже культурны. Кроме того что они молоды и красивы, они еще умны и образованны, и музыкальны и талантливы. А осудители? Если и были талантливы, то сегодня и слушать их стыдно. А уж что злопамятны, лицемерны, лживы и жестоки – несомненно.

6.

Церковь воевала с культурой, гнала ее на протяжении столетий, медленно с нею примиряясь (невежественные нынешние русские православные историю христианства, конечно, не знают, даже их пастыри и богословы, перевирающие постановления церковных соборов). Давно ли иконоборцы жгли и ломали иконы и жгли и убивали иконописцев? Вы этого не помните? А сегодня Икона – главная святыня в храме. Всегда ли пели в храме? А представим сегодня богослужение без пения!? Давно ли скульптурные лики начали разрешать в храмах? Но возможны ли в христианском храме танцы и пляски? Да, возможны, например, у православных коптов, это ведь братская церковь!

Но уж в театр превращать церковь нельзя, возразят мне! Да как же нельзя? А что же молитва дома перед иконой? А что же церковные праздники, в которых в течение тысячелетия для православной Руси было сосредоточено все главное в христианстве, и вся деревенская Русь приобщалась к Христу через эти праздники – и Пасха, с ее гуляньями и играми, крашеными яйцами и игрой в битки, в которой принимали участие не только дети но и взрослые, и Троица, с зелеными березками, украшавшими деревенскую улицу, и пучками веток в доме, и Иванов день, и Ночь на Ивана Купала, где и сказки и легенды рассказывались и передавались от поколения к поколению, где всю ночь костры горели и девушки суженых выбирали, и где папоротник расцветал! Мы, деревенские, здесь произрастали), и особенно, в центре всего, Ночь на Рождество с ее колядами! Вот где и чертовщины было сверх головы (или вы Гоголя не читали? Или вы жалеете, что не успели его анафеме предать?), вот где были и ряженые, и маски, и целые театральные представления! Но ведь это было на улице, а не в храме, возразят мне! А в иных христианских церквях и в храме, и не считается кошунством! Да и на Руси бывало и в храме! Только уже забыли...

Эти «кошунницы» в православную традицию не только вписываются, но они от нее неотделимы! Только за семьдесят пять лет коммунистического атеизма наши люди одичали, они не только историю христианства забыли, но они забыли, что такое христианство. Они пришли в церковь как железный Феликс, дай им в руки автомат, уж они научат верить и креститься, уж они культурным людям покажут, совместима ли культура и христианство!

7.

Лежит ли в основании мира вода или огонь или воздух, мне это ничего не объясняет, даже если и узнаю.

Но не лежит ли в основании мира Ложь, думаю я? Ибо только распутыванию липкой и тлетворной лжи я обязан духовной свободой. Но ложь не истребима, и зло ее в том, что она не только оскорбляет честных, но растлевает легковверных, мало образованных, несамостоятельных.

Читаю письмо, написанное от имени «нового русского» (такого же русского, как я папуас, но поскольку письмо начинается со слов «мы заработали миллионы...»), то речь идет именно о нем, так называли в девяностые годы этих людей, заработавших миллионы после падения коммунизма). Возражать этому письму как целому невозможно, потому что в нем либо всё лживо, либо ложь лицемерно переплетена с правдой, от чего она еще чудовищнее. «Ты положил в семь слоев русских людей, чтоб спасти жизнь нашему семени. ...ты не жалел и периодически истреблял русский народ. Мы традиционно увеличиваем количество жертв в десятки и даже сотни раз, но это детали.»

Основной тезис защитников сталинизма состоит в том, что противники Сталина преувеличивают, якобы, количество его жертв, то есть количество безвинно замученных и убиенных. Но, правда, даже самые бесстыдные из них не говорят, что количество жертв преувеличено в сотни раз, они уверяют, что замучено не десять миллионов, а два-три – но разве и этого недостаточно, чтобы чудовище было признано чудовищем?! Наш «писатель» начал с того, что тиран «положил русских в семь слоев», а хитроумно заканчивает свои пассажи утверждением, что жертв было в сотни раз меньше.

Он не вспоминает голод в Поволжье (или большевики тут ни при чем?). Не вспоминает голод на Украине. Раскулачивание миллионов кулаков и «подкулачников», половина которых вымерла. Голод в блокадном Ленинграде. На Кольме. Истребление ученых (дело Промпартии, преследование генетиков), истребление поэтов и писателей. Даже если бы этот оспяной негодяй истребил только десять выдающихся деятелей науки и культуры, разве этого было бы недостаточно, чтобы постыдиться его защищать?

Далее наш автор говорит: *Мы поделили страну, созданную тобой!*

Что он имеет в виду? Страну рабства? Нет. Он имеет в виду якобы великую и богатую страну, в которой было что поделить. Ну да, до Сталина Россия была нищей, неразвитой, без науки и промышленности, без железных дорог и пароходов, а он их построил! А читатель воспитан еще на коммунистической лжи о дикой и неразвитой царской России! И эта новая ложь возрастает на nive старой лжи. Да к тому же и после Сталина ничего не строили, это Он и ракеты заложил, и атомные подводные лодки, и «лампочку Ильича», а что при нем всего был один американский студбеккер на всю Россию, это мелочи быта!

И еще: *Это ведь не мы (большевики?) убили русскую деревню, русскую науку и низвели русскую интеллигенцию на уровень босяков...*

Разумеется, русскую деревню убивали вначале продрозверстка и комбеды, потом Красная армия, подавлявшая крестьянские восстания, потом великий погром с 28-го по 33-й год, затопивший деревню кровью и уничтоживший в ней самый работающий слой – и более культурный, более привязанный к традициям, более православный и более хранящий память поколений. Или ее хранили деревенские босяки и пьяницы, сжегшие дворянские усадьбы и разломавшие деревенские храмы?

Добивала деревню Война – какой эпитет прибавить к ней, я уже не смею подумать. В сибирской деревне из каждых девяти мужиков не вернулись десять, но оставались бабы, пахавшие на себе, запрягавшиеся в плуг по трое, и я это видел. И за это надо благодарить восточного деспота? Еще при жизни его из деревни побежали, и моя деревня Корневище разбежалась в пятьдесят втором году.

Добавить к «заслугам» войны следовало бы и оккупацию, тысячи сожженных деревень... Великий полководец только и умел, как отступить до Москвы и до Волги, отдав в полон полРасеи...

«Мы говорим, что ты убил всех красных офицеров...» – и автор иронизирует, дескать, убил тиран только плохих офицеров, а хорошие, мол, остались, которые и выиграли войну, положив русских людей «в семь слоев».

Нет, не скажу, что убитый Сталиным Тухачевский лучше Жукова, верного сподвижника Главного палача, не уступавшего Хозяину по жестокости. Но все-таки многие прославившиеся в войну командиры из его мясорубки вышли чудом, и Рокоссовский, и Мерецков, которому в начале войны Берия лично выбил все зубы, и многие еще.

В конце восьмидесятых годов еще некто из советских писателей, защищая тирана от обвинений в убийствах писателей, сказал, что мол и рачительный хозяин прореживает посадки на грядке, вот мол и тиран прореживал писателей, чтобы лучше писали.

Ну и кому возражать? Это все равно что пытаться вести светскую беседу в компании с людоедами. Спор не всегда уместен. Иногда уместнее казнь! Или надо бы ВСЕХ таких любителей Сталина отправить строить железную дорогу Магадан-Воркута. Для них воссоздать сталинские лагеря и их быт, и пусть по утрам они молятся на его портреты, а вечером восхваляют продолжателей его дела...

«Печально я гляжу на наше поколение...»

Да, что хорошего можно сказать о народе, который или восхваляет негодяев, или безмолствует при мерзости запустения!..

И какая философия здесь возможна?!

Разговаривал с очаровательной девушкой, жаловался ей, что душно жить и противно, и живые еще остались, может быть, только среди женщин. У них есть некая природная задача: продолжить род человеческий, и эта задача является и их идеальным смыслом жизни. Пока они будут хотеть родить и воспитать детей, и будут хотеть, чтобы их дети жили в осмысленном мире, не все, может быть, потеряно!..

Глава третья.

РАЗРУШЕНИЕ МИРА.

1.

Разговаривал с очаровательной девушкой, и вместо комплиментов и ухаживаний начал ей жаловаться.

Вот, сказал я ей, написал я девять книг, надеялся с их помощью повлиять на мой народ, в чем-то его просветить и исправить, воодушевить и подвигнуть на правое дело. И вижу, что усилия мои тщетны.

Конечно, Бог не помог мне в том, чтобы слова мои прожигали сердца, человеческое, только человеческое наполняет их страницы, нет ни магии чисел, ни мистики смыслов, не изливается ярость, не струится свет.

Я сделал все, что мог, я кричал, корчась от боли, кричал, в ярости от бессилия, кричал, чтобы услышали глухие, извивался, чтобы увидели слепые. Но и большие таланты были бессильны, не изменили народ ни Пушкин, ни Толстой, не изменил народы и Сам сын Божий, если воистину принял Он муки для исправления человечества. Что, теперешние евреи хороши, а те, древние, плóхи? Да нет, думаю, те же, что и всегда.

Или нынешние греки лучше тех эллинов? Да и можно ли говорить об УЛУЧШЕНИИ народа, которому мы обязаны посевом: Науки, Искусства, Литературы, Философии, Права? Посевом, плоды которого взошли еще при нем, потом были вытоптаны, втоптыны в землю, но и из-под земли через пятнадцать веков проросли, вдохновив Европу и человечество.

Или нынешние русские лучше, биющие себя в грудь от гордости за великую культуру? Чью? Восемнадцатого и девятнадцатого веков, современников Растрелли, Кваренги, Ломоносова, Карамзина, Пушкина, Лермонтова, Тургенева?.. Века, в котором милость призывали даже к падшим, в котором даже мятежников, тцвившихся совершить государственный переворот, перестреляли не всех, и не со всей родней, а всего то пятерых зачинщиков, да и тем поставили позже памятники, в то время как двадцатое столетие возвеличило не одних ли негодяев?

Так что я ничего не сумел, но не сумели и другие, на которых была благодать Божия, возвращенные многовековой культурой, я же, крестьянский сын, за плечами которого пепелище, безотцовщина, голодное детство, маленькая четырехклассная школа в глухой деревушке, отсутствие книг, отсутствие даже сельского храма, дворянской усадьбы, грамотных людей – я сделал все, что мог, и пусть Господь сам объяснит, почему Он не помог мне сделать больше. Возможно, потому, что Он-то пришел спасти Свой народ, а мы, русские, для него чужие...

Но мучает меня даже не то, что я не смог помочь России, а саморазрушение русского мира. Он рушится во всем внешнем, о чем я писал, в падении культуры, образования, хозяйства.

Но он рушится, и еще страшнее, во всем внутреннем, в самом существе русского Человека.

Я почувствовал себя в пустыне, среди антинарода, среди тех, кого Даниил Андреев назвал игвами.

Что является идеальным в человеке? Во-первых, любовь и сострадание. Любовь к родине, к семье, к женщине. Жалость и сострадание к несчастью и несчастным.

Во-вторых, представление об идеальных целях и стремление к ним. То, к чему человек стремится для себя, не идеально, то есть Успех, Самореализация, Власть, Богатство, Наслаждение и Удовольствие.

Идеальны – жертва, работа для близких, работа и творчество для культуры и народа, защита Отечества. Участие в деятельности, преследующей не собственные интересы, а культурные, религиозные, интересы просвещения, *Преображение* мира в душах и в мире.

Сегодня Отечество погибает, русский народ стремится исчезнуть, нравственность, культура, образование падают, сегодня то же, что в сорок втором: враг на Волге, победить или умереть!

Даже любовь и творчество отступают на второй план, **ВСЕ НА ЗАЩИТУ ОТЕЧЕСТВА! Кто не борется против преступной власти – предатель или враг!**

С чем сравнить положение дел в России сегодня? Только с временем оккупации, с эпохой татаро-монгольского ига.

Традиционные общества были многословными, в России народ состоял из крестьянства, дворянства, купечества, духовенства, отчасти аристократии, жил преимущественно в деревне, за счет крестьянского труда. Рабочие жили в городе, но *промыслы* соединяли город и деревню: крестьяне занимались извозом, строительством, торговлей, купцы и промышленники перегоняли кровь по артериям организма.

Чиновное сословие обслуживало интересы государства, интеллигенция служила науке и культуре, военные и жандармерия стояли на защите отечества и граждан,

Сословия не имели четких границ, и чиновники бывали дворянами и аристократами, дворяне состояли на военной службе, дворяне-однодворцы занимались сельским хозяйством, составляя значительную часть интеллигенции, а крестьяне были купцами и промышленниками.

Я отвлекся на эту пеструю картину дореволюционной России, чтобы показать ее важное отличие от России современной. Это два противоположных типа устройства жизни: **Организм** и **Механизм**.

Россию можно было сравнить с деревом, в котором были корни, ствол, ветви, листья, цветы и плоды, и система протоколов, по которым поступали в дерево жизненные соки. Вообразить, что чужеродная банда захватила дерево и властвует, вроде лишайника или какой-нибудь смертельной лианы, было невозможно, либо дерево погибало, либо уничтожало пришельца.

Но ныне мы имеем другую организацию жизни, исторических сословий нет, человек мигрирует по странам, землям, языкам и культурам, партиям, вероисповеданиям, меняет пол и гражданство, профессию и семью. Нет уже традиционного еврея, нет русского, есть еще пока мусульмане и вот появились православные, больше напоминающие чекистов или освобожденных секретарей, но не имеющие

национальности (церковь их национальность), истории (жития святых и мифы – их история), культуры (невежество – их культура). *Без православия русские – это мерзость!* – повторяют они вслед за славянофилами. Но и те, кто сохранил верность коммунистической идеологии, не более русские, ибо русских они давно обменяли на новую историческую общность – советский народ, и закономерно, что вершина русскости для них – закавказский сатрап, так и не научившийся хорошо говорить по-русски, так и не полюбивший страну и народ, которыми он управлял, и которые почти уничтожил.

С разрушением органических связей внутри России, страны-дерева, страны-организма, место прежнего живого единства заняла двойственность мертвого. Есть теперь только две несоединимые части целого: Банда, захватившая власть, вкупе с прикормленными слоями народа, защищающими эту банду, то есть милицией, судом, армией; и тягловый народ, в который входит и угасающее крестьянство, и угасающая интеллигенция, и угасающий рабочий класс, и служащие, не понимающие, кому они теперь служат, и новая буржуазия, превращенная в аппарат для дойки. Они зарабатывают, честно и нечестно, пытаются развивать бизнес, банда и ее шестерки этот бизнес располвнивают, и лучшую часть забирают себе. Просто так. Не в виде налога, а в виде Дани.

Но стройно и нестройно, большая часть ограбленного и униженного народа поёт: Осанна.

Что и говорить, люди холопского звания...

2.

Разрушением мира я называю состояние человека и народа, при котором идеальных ценностей, идеальных целей жизни больше нет, человек живет только для самоутверждения – для власти и богатства – и для наслаждения, или чтобы выжить. Живет, чтобы выжить, потому что умирать страшно. Утром опохмеляется, вечером смотрит телевизор.

Возможно, некий суррогат высокого в душе его есть, то он раздражен на американцев или «пятую колонну», продавших американцам «наше всё» – наше родное капиталистическое правительство, верно и преданно служащее этим американцам; то он раздражен на евреев, свергнувших царя-батюшку, и которые, если бы не родной Сталин... То он сплачивается для защиты родного православия, вчера еще не родного, на которое посягают кощунники и безбожники; то он негодует на интеллигенцию, которой, впрочем, давно не видел и не слышал, настолько она замаскировалась.

И растеряннозираем мы на русский дом: все захватано, все оплевано, все разворовано, все трижды предано... Очумелые обыватели с портретом большевистского вождя и искоренителя православия в одной руке, и с иконой в другой. Обыватели, поющие комсомольские песни своей юности, с ностальгией вспоминающие социалистический рай и советское прошлое и вставшие грудью на защиту союза бандократии и черносотенства!

3.

Если есть еще будущее у России, то оно на новых, неизведанных путях. Народ, в своем тупом очумевшем большинстве, уже давно не является источником ни государственности, ни власти, ни развития, не является источником тела, ибо уже разучился рожать, и не является источником духа, ибо забыл свои песни, предания, даже свой язык.

Правящая банда производит лишь насилие и ложь, продолжает искоренять все честное и самобытное, доламывает остатки прошлой культуры, продает остатки леса, газа и нефти, разрушает науку, образование, промышленность, армию. Да и хуже: *растлеивает!*

К кому обратиться с воплем негодования – к народному большинству, не способному уже мыслить, никогда, впрочем, не влиявшему на историю, вчера заявлявшему, что народ и партия едины, и в одночасье за колбасу продавшему и единственно верное учение и самое светлое будущее? К правящей банде, «смеясь, дерзко попирающей земли чужой язык и нравы?»

Большевицкий дуб стоял, казалось, несокрушимо, и вдруг в одночасье рухнул! Какие силы его подкосили? Ясно, что не народ его подкосил, объединенный вокруг родной коммунистической партии! Когда в 70-м году меня арестовали, армия отщепенцев состояла из десятка человек: нескольких изгнанных за рубеж, да семи человек евреев, протестовавших против ввода войск в Чехословакию, был еще пацифист Буковский, и я, единственный русский националист. Народ негодовал и готов был нас разорвать, меня обзывали то религиозным мракобесом, то фашистом, то просто маньяком, клеветущим на советскую власть. Что изменилось? Тот же самый народ, те же самые люди, многие из них мои ровесники, я их знаю, они требовали исключить меня из университета за веру в Бога, теперь они требуют разорвать на части смелых девушек, оскорбивших начальство, упрекая их в безверии! Да вы то, перевертыши, в кого верите? Не в дьявола ли? Где ваши комсомольские билеты? Кто вас в храм впускает? Не такие же ли комсомольцы, как вы? Сначала вы приватизировали русские заводы, леса и недра, теперь вы еще приватизировали храмы и веру в Бога, и учите нас, как нам верить! Тьфу на вас и на ваш лицемерный елей! Читали ли вы Евангелия? «Читали ли вы хотя бы на ночь со слезой Игнатия Брянчанинова?»

... Ах, опять я распалился, на кого? Надо ли метать бисер перед свиньями?

Но продолжаю. История совершается непостижимо. То даже все-народным усилием миллионов не удастся повернуть ее ход, то одна толпа, собравшаяся на столичной площади, свергает царей и президентов, диктаторов и самозванцев. И поэтому обращаться надо к немногим, к тем, у кого будущее. Это люди образованные, смелые, дерзкие, люди, которые задыхаются от смрада болот, заполонивших русскую жизнь, люди, которые перевернут затхлый мир одною лишь волей умереть, нежели жить в рабстве. *Если нас станет только триста, мы победим!*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРОСТРАНСТВО И МИР. ДУША И МИР

1.

Нам кажется, что пространство и множество предметов в нем, их движение и связанное с движением время образуют реальность словно бы основного, фундаментального порядка, и человек существует внутри именно этой фундаментальной реальности, прежде всего предметно, своим *телом*.

Внутренний же мир человека, кажется нам, *вложен в его тело* если не так, как соль, растворенная в воде, то по крайней мере как вложена в вещество теплота, вязкость, твердость, хрупкость и тому подобные *качества вещества*, неотделимые от вещества, а, следовательно, весь внутренний мир человека ограничен его границами и не занимает еще какого либо места в пространстве помимо того, которое занимает человек.

Ну и, следовательно, существенно существует только физическое пространство с вложенными в него предметами (а какое еще может быть пространство кроме физического?), и движение этих предметов, которое так же неотделимо от них, как теплота и вязкость, и *время*.

Правда, относительно этого последнего возникают затруднения – существует ли оно само по себе, подчиняя себе предметное сущее, или же только как некое приложение к предметам?

Время ведь не вложено в пространство, не вложено и в самодовлеющие предметы, находящиеся в нем, а, значит, представление о *СУЩЕМ* как о предметно-пространственном *сущем* – неверно.

2.

Обычно я чувствую одухотворенность природы, и тогда не сомневаюсь, что у мира есть душа. Но потом начинаю размышлять, и некоторые сомнения закрадываются в мою собственную душу. Может быть, мир и человек составляют единство, и душой мира является душа Человека – не моя, но *ДУША всеобщего* человека, человека как универсальной сущности?

Но следующие размышления подвергают это представление сомнению. Если бы речь шла только о восприятии, о познании, о переживании мира – но ведь мир не инертное бездейственное внешнее, он развивается, преобразуется, он обладает собственной историей, появляются и исчезают моря, растут или стареют горы, намываются или размываются берега, острова, движутся даже материки. А поразительные изменения в растительном и животном царстве, по поводу которых до сих пор нет согласного мнения: происходят ли эти изменения как случайные движения хаоса, накапливаясь по загадочному закону, по которому одни из них способствуют развитию, а другие нет, но при этом

отбор этот происходит бессознательно, или же в природе есть творчество, закономерность и целеполагание?

И поэтому я прихожу к окончательному выводу: мир не просто бездушная среда обитания одушевленного человека, но Мир сам – универсальная бесконечная Личность, обладающая и телом и душой, и наше восприятие мира подобно тому, как и восприятие в общении с человеком, мы не только осязаем, видим и ощущаем его тело, но и воспринимаем его душу.

Как мы познаём, и почему можно быть уверенным, что мы познаём истинно? Да, как и в общении с человеком, мы спрашиваем его (например, девушку), любит ли она нас, и она отвечает, но мы затем анализируем ее поведение, ее действия, сравнивая их со своими действиями. Уверенность нам дает наше подобие. Так же мы познаем мир. Воспринимая предметы («вещи в себе», по предположению Канта), мы никогда не воспринимаем отдельные предметы, но всегда их в контексте более широкого целого, можно сказать, что никогда мы не общаемся с отдельными предметами, но всегда с миром в целом. У предмета, возможно, нет индивидуальной души, но у мира в целом она есть. Не так ли с человеком, с женщиной? Мы ведь тоже не общаемся отдельно с ее частностями, но даже когда гладим волосы или целуем губы, не ищем душу в волосах и губах, но душа присутствует всегда, как целое присутствует всегда, ибо частности не существуют отдельно.

И все же подобие наше не полно. История человечества и история мира разнятся. В истории человечества не совсем на первом месте творчество и развитие, но столкновение волей отдельных личностей, групп, сословий, народов и рас.

Наша история вмещает все, и мистерию и ведевил, и благородство и низость. Если развитие природы скорее не противоречит представлению о благородстве, то где в истории мира место *низости*? Ее нет. В человеческой же истории она играет главную роль.

Борьба добра и зла – где в истории мира место зла? Есть ли в ней глупость, невежество, бесталанность, лицемерие, страх?

Следовательно, можно полагать, что добро и зло сосредоточены в человеке, а в природе, в мире их нет, как нет и нравственности и безнравственности. Возможно, вместо них существует красота, и ее антипод – безобразие, и они заменяют добро и зло. Общим для человека и природы являются смерть и тление, хотя, как кажется, Страх смерти в природе гораздо глуше, смягченнее, чем у человека.

Таким образом, хотя и мир, как и человек, наделен душой, но наши души не совсем подобны.

Я думал этот третий раздел своей книги назвать, как завершение ее трюичности, в которой сначала «Наедине с миром», затем «Наедине с собой» – «Мир как целое», заимствуя название у Страхова. Но Мир, в котором соединены мир-личность и человек, не составляет целое, мир-

личность универсален и в себе целостен и не трагичен, он содержит в себе как временное, конечное, так и вечность, бесконечное; человек же заключает в себе временное и трагедию смерти, исчезновения. Человек вносит в мир диссонанс.

Назвав свою книгу «Душа и мир», я думал писать о духовном взаимодействии человека и мира, понимая душу мира как нечто преимущественно человеческое, затем мои представления о душе изменились, и я увидел, что души человека и мира принципиально различны. Говоря о человеке, мы имеем в виду все же обе его части вместе, но миром чаще всего называем телесность мира, потому оправданно далее говорить не о Мире как целом (синтезе души и мира), но о Душе и Мире. Человек же в этом контексте не оказывается ли чем-то третьим?

3.

Но *время* торопит, и окончание отложу я на следующий день после НОЧИ...

Только несколько замечаний. Тоталитарные учения отвечают на вопрос: «Что есть истина?», утверждая именно себя в качестве ответа, а ВСЁ ОСТАЛЬНОЕ допуская, в крайнем случае, в качестве комментария к собственной истине. Таковы и Иудаизм, и Буддизм, и Христианство, и Марксизм.

И хотя я не скажу, что, ВОЗМОЖНО, мои книги ошибочны, – нет, рассудительному читателю они принесут и удовольствие и пользу, многое ему объяснят – но Истина содержится все же в культуре в целом, а у меня – всего лишь талантливое и глубокое (надеюсь!) дополнение к истине культуры. ... впрочем, не всегда, часто и я ошибаюсь. В душах у людей компас, он указывает, где правда, отклонения – вроде *рысканья* судна. Только наше судно захватили пираты...

И ЕЩЕ ОДНА, ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА ОБЗОР И СВОЕГО И ЧУЖОГО

Снова несколько замечаний. Человек часто живет во власти мифов. Вот, например, я полагал, что евреи не могут быть крестьянами, что у них нет древних навыков возделыванья земли, ибо какое сельское хозяйство в пустыне? И вдруг они устраивают почти китайские коммуны – кибуцы – в Израиле, только неизмеримо лучше техник коммун и наших колхозов, и оказывается, что они могут быть прекрасными крестьянами!

Дело в том, что я никак не мог понять Марксовы рассуждения о земельной ренте, и подумал, что он ничего не понимает ни в земле, ни в ее ренте, потому что он еврей, и от земли оторван. Нет, понимаю теперь, оторван он от земли, потому что Маркс, как и апостол Павел оказался оторван от жизни не потому, что иудей, и не потому, что христианин, а потому что соединял несоединимое.

Вот в чем они оба похожи (и не случайно противник еврейства Чемберлен подозревал их в том, что они полукровки и отчасти арийцы, то есть греки, то есть НЕ евреи и не иудеи).

Продолжу пока о Марксе. Мне было его интересно читать, и я находился немалое время под его влиянием, и даже идею полной и окончательной истины, под именем тоталитаризма захватившей российские умы, я принимал восторженно, и идею полного и окончательного царства справедливости (близкую, несомненно, русскому уму), и идею классовой борьбы и ДИКТАТУРЫ (как борьбы за справедливость и власти добра над злом).

Но справедливы ли все эти бесчинные *теоретические* построения, и в итоге *практические* гекатомбы убитых, искоренение целых слоев живых людей, отношение к людям как к материалу для постройки каких-то зданий и мирозданий? БЕЗДУШИЕ, вытекающее из марксизма (и коммунистической доктрины в целом, начиная с Платона), не может быть ни истиной, ни допустимой в философии точкой зрения, ее надо не только понять и опровергнуть, но с нею надо БОРОТЬСЯ, как с цинизмом, жестокостью, подавлением духа.

Но ВСЁ тогдашнее русское общество в целом объявило меня сумасшедшим, ибо я отвергал то, что «было принято всем прогрессивным человечеством». У других народов отдельные непрогрессивные еще и могут думать вопреки истине, ибо там ложь, клевета и мракобесие, но у нас, где Правда, Познание, Истина и Прогресс, только сумасшедший, считающийся, что он единственный умный, может мыслить не так как ВСЕ.

Я с тех пор еще поумнел, и стал еще более дерзким, и самонимение мое еще выросло, и я понял, что, как правило, бо́льшая часть человечества, особенно прогрессивного – это скопище невежд и придурков, и только где-то под его пятою копошатся отдельные мудрецы или просто НЕ идиоты, думающие не так, как ВСЁ человечество. Ну, например, ВСЁ человечество думает, что Земля плоская и покоится на трех китах, или что Солнце носится вокруг Земли, или что звезды прикреплены к небесному своду, и только отдельные отщепенцы, слуги Дьявола или агенты империализма, в своем злобном противостоянии ИСТИНЕ думают и проповедуют нечто иное.

Но мы, не согласные со ВСЕМ человечеством, действительно ли такие уж мудрецы? Да нет! Еще эллины знали, что земля круглая, и мореплаватели видели это даже во времена инквизиции, и поэтому Коперник и Галилей – просто здравомыслящие, когда ВСЁ человечество впадает в идиотизм.

Где это прогрессивное человечество сегодня в России? Они и сегодня думают, что я был неправ в своих спорах с Марксом? Нет, сегодня они не поклоняются Марксу, это вчера они были комсомольцами, и сегодняшние епископы, и патриарх, и рулевые нашего полузатонувшего судна.

Я удивлю читателя, что сегодня в России только я – отчасти марксист (продолжающий размышлять над его Теорией прибавочной стоимости),

все остальные – антимарксисты, со всем тупым рвением защищающие олигархический строй! ОНИ Маркса не читали даже вчера, когда были комсомольцами, а я его прочитал, и даже Энгельса, и даже Ленина, в том числе его невежественный «Материализм и эмпириокритицизм», где он расписался в своей неспособности к философскому мышлению.

Боле того, я прочитал все десять красных томов Сталина, от корки до корки, еще в одиннадцать лет, и всё понял, потому что, в отличие от Маркса (последователя Павла и Платона), писал он очень просто, понятно даже для детей и подростков, почему и был любим народом (ибо НАРОД, в своем *всеобщем*, психологически не что иное как ПОДРОСТОК).

Итак, обвинение меня в безумии сегодня уже с повестки дня снято, почти весь русский народ (вместе с остатками прогрессивного человечества) отшатнулся от Маркса и пришатнулся к Павлу. Теперь учат, что мы построили казарменный социализм Платона и Кампанеллы вместо *социализма с человеческим лицом*, а виноваты в этом, вероятно, «троцкисты»...

Может быть, настанет время, кто-то и кроме меня подумает: А не зря ли расстреляли Колчака? Не зря ли расстреляли Гумилева? Не зря ли убили тайно Есенина? Не зря ли убили тайно Маяковского? Не зря ли убили Мандельштама? Не зря ли убили Николая Клюева? Глумили над мертвым генералом Корниловым, волоча его труп по улицам Екатеринбурга? Убили другого Корнилова, поэта, избивая его еще при жизни? Убили еще одного поэта, Павла Васильева? Убили еще десятки писателей и поэтов? Уморили Даниила Андреева? Держали десятилетиями в застенках Варлама Шаламова? Олега Волкова? Убили еще миллионы безвинных крестьян?!?! Били сапогами по животу беременную Ольгу Берггольц?

Но нет, время это не настанет, среди жестоковыйного народа, не раскаявшегося до сих пор в истязаниях невинных, не найдется никого, у кого дрогнет рука пристрелить меня по приказу начальства!!!!

Но продолжу теперь об апостоле Павле, о котором я уже написал почти целую книгу, а мне всё нейдет.

В чем сущность христианства? И объяснил ли эту сущность апостол Павел, или написал «нечто неудобопонятное» (как сказал апостол Петр о его писаниях)?

Возможно, о христианстве я еще что-нибудь напишу обстоятельнее, заново перечитывая Новый Завет (если еще раньше меня не пристрелят), но и теперь несколько важных замечаний необходимо сказать в своем Обзоре, в котором я хочу представить некий краткий перечень основных мировоззрений, основных точек зрения на жизнь и на мир.

В проповедях и поучениях Иисуса Христа предстает отчасти гармоничный, отчасти противоречивый взгляд на мир, но это и естественно, мало противоречий, или их совсем нет только у людей с

суженным сознанием или даже у душевнобольных (кстати замечу, я себе противоречу довольно часто, так что, возможно, и я не до конца сошел с ума, и сознание мое не сузилось до эталона, то есть до сознания приверженца подлинного коммунизма и подлинного православия).

Но в чем заключена сама сущность Учения, в поучениях ли, или в Его действиях и в мученической смерти?

Мир необходимо ПЕРЕДЕЛАТЬ! – потом, спустя столетия, воскликнет Маркс.

Нет, корень зла в самом человеке, возражает ему Христос, изменить надо душу человека, да даже и этого мало, она метафизически испорчена, и Покаяние, Праведность, правильный образ мыслей и даже святость эту метафизическую порчу еще не отменяют до конца, продолжал Он.

Становясь монахом, отказываясь от соблазнов и грехов мира, мы еще НЕ восстанавливаем свою душу, какою она была ДО порчи (ну, в связи с этой историей в райском саду..)

Необходима Искупительная Жертва, последняя человеческая жертва, заканчивающая Череду жертв, которую принесет за человека (проклятого Богом) Сам Бог в лице Своего Сына (то есть, Он Сам, ибо Троица нераздельна, и НЕ Он, а Сын, ибо Троица не слиянна. Более того, Жертву эту принесет и не совсем Бог – в своем ли лице или в лице Сына, но принесет Человек, поелику Сын ВОЧЕЛОВЕЧИЛСЯ, стал ЧЕЛОВЕКОМ, и даже РОДИЛСЯ – как и все мы. Будучи в действительности, в ВЕЧНОСТИ, Сыном Божьим, в своей земной жизни он Человек, и на Кресте страдал как обычный человек, и даже уже не был уверен, что он Бог, и не был уверен, что он не оставлен Богом. То есть, вкусил человеческие муки боли и слабости в полной мере.)

Необходимость искупительной жертвы для исправления Порчи Души, для снятия Проклятия – это один важнейший тезис христианства.

Второй состоит в том, что поелику корень зла в Первородном грехе, и Преодоление этого греха не в изменении мира, не в том, что человек вдруг опомнился и покаялся и стал хорошо себя вести (как Раскольников), то Устранение Зла не в БОРЬБЕ с Злом, но именно и только в метафизическом искуплении жертвы (приносимой сыном Божьим), человеку же надлежит и остаётся ВЕРА. По поводу этого тезиса между Петром и Иоанном с одной стороны – и Павлом – с другой разгорелся спор, приведший к разделению церковей. СПАСАЕТ человека ВЕРА (да и только вера) – так у Павла (и затем у Лютера). Нет, ВЕРА без ДЕЛ мертва! – так у Петра и Иоанна и в Православии.

Мир не нужно изменять, ибо он создан Богом надлежащим образом, не нужно революций и политической борьбы и митингов на Болотной площади, но нужно верить, что далее произойдет Преображение души, преодоление метафизической Порчи, и Мир изменится сам собою, ибо он хорош, а только испорчен через порчу нашей души.

Но, поелику Вера без Дел мертва, то...

Вот в это ТО входит громадное множество теорий и практик, вплоть до ненасильственных и насильственных попыток ИЗМЕНИТЬ тот мир, в

котором мы живем. Толстой учил о непротивлении злу насилем, но можно, мне кажется, и оставаясь православным, участвовать в социальной и политической деятельности, являющейся борьбой с злом. Во всяком случае, НАДО участвовать в войнах по защите отечества! А борьба против нового татаро-монгольского ига – это борьба в защиту отечества, и православные обязаны в ней участвовать и идти на Болотную и на баррикады!!!

Я обещал краткий обзор разных взглядов на мир.

Самый естественный взгляд, органически присущий человеку, - представлять в центре мира самого себя, смотреть на мир, как на свою среду обитания, в *человеке* находить, по утверждению Парменида, *меру всех вещей!* Такой взгляд на мир называется *антропоцентрическим*.

И тогда тело человека – эталон красоты, и его логика и его Слово – в начале мира, ибо, как сказано у Иоанна, *Искони бе слово, и слово бе у Бога, и Бог бе слово* – но разве Бог не подобен человеку?!

Однако с победой христианства человек перестал быть венцом мироздания, и даже если и признавался *венцом творения*, то содержание бытия, смысл и содержание мира сосредоточивались в Идее и Образе Бога, Творца неба и земли, человек же стал прахом, из праха произошедшим и в прах долженствующим превратиться.

В центре мира встал Бог, и мир стал *Геоцентрическим*.

И все таки, с течением столетий непосредственное восприятие всеобщей жизни как жизни прежде всего человеческой или прежде всего божественной отступило перед Умозрением, рассуждением, Философией, человек поставил на первое место внешний мир, а не внутренний, среду обитания, Колыбель, в которой взрос не только он, но и природа, поставил на первое место сам Источник жизни, которым оказалась Земля, несмотря на претензии и Солнца быть в центре мироздания.

Такой взгляд на мир естественно был назван *Геоцентрическим*.

Как известно, соперничество Земли и Солнца длилось целых полторы тысячи лет, и в конце концов Земля уступила пальму первенства Солнцу, мир стал *Гелиоцентрическим*.

Будучи *Геоцентрическим* или *Гелиоцентрическим*, одновременно мир был или *Антропоцентрическим*, или *Геоцентрическим*, в зависимости от того, Человек или Бог был в центре мира.

Но, к счастью или к несчастью, детство человечества закончилось, гармоническое бытие в лоне мира – тоже, наука вторглась в мировоззрение, и прежде всего царица наук – астрономия.

Уютный конечный мир Ойкумены, "обитаемой земли", и небесного свода с прикрепленными к нему светилами уступил место представлению о бесконечном Космосе, который занял место всеобщего Мира.

Несмотря на то, что бесконечность как будто бы не может быть в центре чего бы то ни было, тот "Космос", который сегодня заменил собою и Человека, и Землю, и Солнце, и даже самого Создателя, по праву

в представлении о Бытии и Вселенной занял место центра, относительно которого далеко или близко размещается все остальное. Мир стал Космоцентрическим.

Разумеется, в центре *сущего*, бытия и мира, находится не подлинный бесконечный космос, а Образ его, который, вопреки его природе, конечен. И все же духовный мир тускнеет, геометрическое пространство прямых линий, неограниченно продолжающихся куда-то туда... заменяет собою и душу и тело мира. Ибо у космоса нет тела, нет плоти, нет души.

Если мир в целом – это Личность, подобная человеку, то и устройство, и содержание и деятельность мира таковы же, как у человека. И тогда в *Познании* снимается Кантовское противоположение "вещи в себе" и "вещи для нас" – *познавая мир, мы познаем себя, познавая себя, мы познаем мир*.

Образ мира-личности, подобного личности человека, связанного с человеком так, что тело мира – это внешнее «тело» человека, преодолевает образ сущего, заполненного бесконечным пространством. Человек всегда в центре, даже когда он разговаривает с Богом. Он предстоит перед Собою, перед Богом и перед Миром, он наедине: с собою, с миром, с Богом. И он соединен с ними в некое Целое, которое, и только оно, является центром конечного или бесконечного Сущего. Такой образ сущего я бы назвал, пока у меня еще нет более ясного понимания, а только некая каша в голове – Антропо-Тео-Миро-центрическим.

Душа мира – быть может, это Дух святой, оживляющий сущее? А тогда человек – не Сын ли Божий? Ах, после всего, что я о человеке узнал, рука моя замирает. Что в ней: камень ли, который я хочу в него бросить, цветок ли приветствия, хлеб ли примирения или же жест благословения?

Я еще не знаю. Предстоит суровая борьба, творчество и работа.

Серьезный читатель, возможно, скажет: Наконец-то стал излагать нечто похожее на философию, не отвлекаясь на крики, вскрики, обличения и рассказы о девушках! Увы, это случайность. Отвлекаться я буду снова и снова, и необходимость отвлечений объясню в притче.

Шел жених на встречу с невестой, и по дороге увидел немощного, нуждающегося в помощи и сочувствии. И не дошед до невесты (за что удостоился он осуждения ее близких), остановился около страдальца, попытался помочь, утишить боль, утешить в страданиях. Вот так и я в своих философствованиях постоянно останавливаюсь и отвлекаюсь.

Довлеет дневи злоба его! Философия подождет! А страдания людские не подождут!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

3 августа 2012 г. Но почему же в Мире, казалось бы, так гармонично устроенном, одухотворенном, являющемся синтезом души и плоти мира, появились Добро и Зло и устроили такую потасовку, что переломали вокруг всё, что смогли? Миф о грехопадении человека и о порче мироздания в результате этого рокового события на данный вопрос отвечает. Не удовлетворяясь же ветхозаветным ответом, мы принуждены или продолжить поиски, или оставить вопрос открытым.

Таким образом, я вижу, что многое мне еще неясно и, быть может, даже самое главное – так могу ли я объяснить читателю, «что есть Истина»? Может быть, мне еще сначала надо многое узнать, прочитать тех умных, которых я не читал или читал поверхностно, и только тогда, быть может, я смогу на этот вопрос ответить. А скорее всего, и тогда не смогу...

Но время не ждет, *Россия накренилась, и вот-вот упадет.*

Так, может быть, необходимо просто следовать ДОБРУ, не ожидая, пока откроются тайны мироздания. Так вот на огороде я выдираю крапиву, не дожидаясь, пока узнаю тайну ее происхождения. И поэтому крапивы у меня совсем не много, прекрасных цветов и полезных овощей гораздо больше.

Так не поставить ли на этом многоточие в своей книге и не распрощаться ли с читателем, ибо более важное дело нам предстоит: ***борьба за возрождение России, разрушение Вавилонского плена.***

Моя философия подходит к концу, а я возвращаюсь к началу.

Что такое Добро и Зло, существовало ли ***Грехопадение***, что есть Истина, в чем смысл жизни – обо всем этом я говорил лишь отчасти и, возможно, ничего нового не сказал (сравнительно с теми, кто мыслит глубоко). И вот жизнь, может быть, заканчивается, а я ничего существенного не создал, и только женщина, это загадочное и непостижимое существо, вопреки законам матерьяльного мира все еще проявляет ко мне интерес, и я поэтому еще не до конца потерял надежду на будущее. Может быть, еще не конец. Может быть, еще меня ждет нечто удивительное...

13 августа 2012 г. Моя философия подошла к концу, а я все никак не вернусь к началу...

Уже дописав предыдущую страницу, зашел в «присутственное место» в Интернете, может быть, это называется Форум.

В некотором отношении это напомнило мне математические семинары, на которых я когда-то в молодости бывал.

Около десятка человек горячо обсуждали некую общую тему, высказывая подчас противоположные мнения, временами даже переходя на личные оскорбления.

Высказывались все.

В семинарах обычно бывало иначе, докладчик пытался внятно

изложить то новое, что он придумал, читая других, обдумывая прочитанное, и размышляя в продолжение их идей. Если нового сравнительно с ними не было в его скудоумной голове, он не рвался на кафедру, а скромно сидел в задних рядах, не открывая рта.

Итак, докладчик излагал свои свежие мысли. Оппоненты указывали на противоречия и ошибки, докладчик оправдывался, объяснялся и объяснял, исправлял недочеты, наконец Руководитель подводил Итоги, Истина либо была найдена, либо предлагалось на следующем семинаре продолжить ее поиски, в надежде, что автор исправит свои ошибки и разовьет свои разыскания.

Я сидел скромно в заднем ряду, не открывая рта, и тихо восторгался умом обсуждающих, горестно сожалел о собственных недостатках: знания или ума или творчества.

В некоторых отношениях этот интернетский форум напоминал журнальную полемику, развернувшуюся после обнародования некой свежей вещи, Статьи или Повести или Романа.

Проходила неделя после ее публикации, читатели успевали ее прочитать, Критик садился за Разбор, Рецензию, Разгром, Поучение. Как правило, он был умным (иначе зачем было бы журналу срамиться?)

Он Разил! Или воскурял фимиам. Или трезво и взвешенно указывал на достижения и недочеты.

Выходил очередной номер журнала с его статьей, читатели с нею знакомились, и некоторые из них, тоже умные, посылали свои отклики, в которых писали обо всем – о согласии или несогласии с автором и критикой, журналом, правительством, общественным мнением, философией и литературой в целом. Не умных журнал не печатал (иначе зачем бы ему было срамиться?)

Выходил и следующий номер журнала с полемикой, читатели и с нею знакомились, уровень их познаний, образованности и ума возрастал.

Жизнь коротка, много ли успеешь прочесть в своей жизни? Я вот еще не все романы Бальзака прочитал, о чем сожалею, но надеюсь, если правительство, или синод, или отдельные обезумевшие оскорбленные прихожане, или отдельные из «наших», из «ненаших», из монахов, распутников, киллеров или заказчиков меня не «замочат», успеть еще их прочитать. И другое, достойное затрат быстротекущей жизни.

Среди выступавших на Форуме несколько человек обратили на себя моё внимание. Один из них понятно и точно излагал теорему Евклида о бесконечности множества простых чисел, отчасти затрагивая еще особенности голоногих... тьфу, голоформных... ну, что-то в этом роде... (Я уже, увы, стал забывать математику).

Слово взял *платный журналист*. Его тезисы были просты. Так как простые числа проплачены агентами ЦРУ, то они внушены дьяволом...

Затем слово взяла *дама*. Ее доводы были еще проще. Так как голоногие... или голоформные... мешали сосредоточиться на Высоком, то надо содрать с них шкуру, как с Гипатии Александрийской. Нет, возразил *спокойный*, надо просто снять с них штаны и выпороть.

Учитель повторил теорему Евклида, разъяснил ее на примерах, объяснил, чем отличаются числа простые от составных, попутно объяснил разницу между простой непрерывностью и равномерной.

Только один человек по настоящему прост, вскричал *оголтелый*, и он *прост как правда!* Вот почему, когда у власти была жестокость и на месте храма был вертеп, все было так просто!

Но эти – еще хуже! – возразил *фанатик*. – Большевики уничтожали только тела – верующих и неверующих. Голоформные формы уничтожают души. Все проще простого: начальник ворует, и это оправдано, он наш начальник, и его воровство не оскорбляет. Его шестерки лижут ему пятки, которыми он их попирает, и это оправдано, ибо это мы – шестерки, и наше право лизать мы не отдадим никому! Слишком много умников развелось, но мы им покажем!

Вера и неверие определяется не тем, что чувствует человек при встрече с Богом, такие, разговаривающие с Богом, опасны. Есть только одна Истина, которую объясняют нам Его слуги, облеченные властью. Наивные думают, что их Бог на Небе, наш Бог – здесь, на земле. Небесная власть непостижима, вот почему мы веруем власти земной, ее наделяем святостью и ей молимся. И вот почему мы так ненавидим: оскорблены наши властительные святыни, которые и есть наш Бог!

Жаль, думал я, задерживается матрос Железняк, руководитель православного семинара. Он бы навел тут порядок.

Прихожан расстрелять, чтоб не вякали и не ругались, храм взорвать, чтоб не оскверняли! Оставшимся повязать красные галстуки и строем и хором петь песню про бронепоезд!

Ах, какая благодать наступила, как стало легко на душе! – заметила дама, которой голоформные ноги мешали молиться.

Жаль только Учителя, Того, поучения которого Его ученики не сумели прочесть! И этого, который бисер метал перед свиньями.

Я хотел вмешаться в этот спор, попытаться узнать, что движет негодующими и оскорбленными, только ли они негодуют, потому что оскорбили их начальников и задеты их холуйские чувства, или гнев их благороден, они оскорблены за Бога, в которого по-своему верят.

Но, как всегда, я начал размышлять.

Как и во что они верят, понимаю ли я и пойму ли когда-нибудь? Они верили совсем недавно, когда были комсомольцами, в нечто, на мой взгляд противоположное тому, во что верят теперь, но они этого даже не сознают. Их негодование на отщепенцев, выступающих против советской власти, было еще более кликушествующим, они не стыдились призывать на наши головы самые жестокие кары, они готовы были нас растерзать, если бы им дали волю. Мне уже приходилось с иными из них спорить, и очевидно, что они даже не знают, что они защищают сегодня от меня совсем не те устои, что защищали вчера.

Вчера они защищали советскую власть от критики и хулы, сегодня защищают антисоветскую власть от критики и хулы, но не догадываются,

что защищают две противоположные власти: та искореняла православные храмы и шельмовала их прихожан, эта сама приходит в них ставить свечи верховному владыке и воскурять ему фимиам.

А впрочем, разве это разные власти? Обе они одинаково «антинародны», если понимать под народом не покорное большинство, а идеальное меньшинство.

Власть – это «Устои». Они защищают устои от таких как я, вчера они защищали их от меня, сегодня – от Пусси Райот. Вопли почти те же самые, и словесные штампы те же: и «фука Запада», и святотатство, и отщепенчество и растление. Если устои – это в каком то символическом смысле «галера», в которой гребут гребцы, облеченные властью, то российская галера восьмидесятых и девяностых и нынешних лет – та же самая, и та же природа гребцов, только форма ценностей изменна, сегодня это слитки золота, вчера слитки власти и привилегий.

Очевидно, что «галера» тащит российский корабль в пропасть, сегодня и эти и другие, во всяком случае почти большинство хоть слегка рассуждающих согласны в оценках по отношению к недавнему прошлому: коммунистическая галера плыла в тупик, экономика трещала, пропаганда переставала действовать на души, защитников той власти становилось все меньше и энтузиазм их угасал. Завтра то же самое большинство единодушно согласится в оценках нынешнего режима, и признает, что оценки эти очевидны. Они даже будут думать, что они точно это чувствовали и вчера.

И все же, в каждый исторический момент, когда государственная власть еще достаточно крепка, она подменяет собою власть небесную, и воспринимается как УСТОИ. Я и подобные мне враги тлетворной власти – только враги. Враги народа, враги Бога, враги истины, враги всему, что является самою сутью жизни этого верноподданного большинства (которое завтра может превратиться в толпу предателей и потащить недавнюю священную власть на эшафот, как это случилось сначала в семнадцатом, потом в двадцать седьмом, потом в тридцать седьмом, потом в девяносто первом).

Мы посягаем на УСТОИ, а я посягаю на них даже больше других, ибо я не только некоторое частное действие, но и цельный образ мыслей.

Я – мировоззрение, противоположное химическому составу воздуха, наполняющего современное бытие. Даже хуже. Я – способность мыслить самостоятельно, не повторяя мысли других, а только внимая тем, кто мыслит. Я – не человек, нашедший доказательство недоказанной теоремы, формулу счастья или смысла или знания, я – человек духовной свободы.

Иногда заблуждаюсь, чаще всего с отчаянием ничего не понимаю, понимаю гораздо меньше всех, кто уже *всё* понял, нашел понимание *всего* в одной, потом в другой, потом в третьей доктрине.

Только тем и отличаюсь я от остальных, что остальные уже всё нашли, а я продолжаю искать. Я беседую с Аристотелем и Платоном, частично с ними соглашаюсь, и снова ухожу с нишей котомкой в путь.

Беседую с апостолами Петром и Павлом, частично с ними соглашаюсь, и снова ухожу с нищей котомкой в путь.

Беседую с Марксом, потом с Лениным, с этим расхожусь бесповоротно как с учителем зла и злобы, и снова ухожу с нищей котомкой в путь.

Я – ищущий Откровения и Духовной Свободы. С Откровением без Духовной Свободы мне не хватает воздуха. со Свободой без Откровения мне слишком ветрено.

Смогу ли я что-нибудь объяснить с этим, которые даже не понимают, отчего их трясет из-за слишком вольных девиц, и тем, которых трясет от моего «бешенства ума», как они говорят? НЕТ!

Убеждения – это не отдельно взятое мнение по поводу, например, того или иного человека, того или иного высказывания, это способ дышать и жить. Например, один человек похож на березу, другой на осину, и каждый из них живет в своем лесу. Корни, листья, соки, ветви, кора и сережки – все это вместе является УБЕЖДЕНИЕМ, от того, что ветры дуют на него то слева, то справа, береза не может стать осиной. Надо бы этому человеку отмотать назад во времени несколько десятилетий, родиться в другой семье, читать другие книги, с другими общаться, переменить судьбу – вот тогда у него могли бы перемениться убеждения. Большинство людей далеки от культуры. Пушкин и Толстой принимали участие в их жизни такое мимолетное, что они этого даже не заметили. А ведь еще есть десятки других гениев, которых надо бы всех ЧИТАТЬ, иногда плакать над прочитанным. Надо несколько десятилетий ходить в концертные залы и в филармонии. Ездить по городам, слушать органную музыку в Домском соборе, в соборах Германии и Польши. Целоваться на скамейке с ученицей и замирать от блаженства. Разговаривать с умными. Иногда сидеть в тюрьме. Пережить отчаяние и надежду. Пережить состояние, подобное, возможно, смерти, когда не остается ничего кроме ужаса и вдруг возвращает на землю мысль о том, что если бы уже вправду умер, то не испытывал бы, наверное, ужаса...

Да, нужно и жить, и чувствовать, и мыслить, тогда убеждения подобны почве, медленно нарастающей как вторая кожа или даже второе тело на душу человека.

Возможно ли, чтобы береза вдруг стала осиной? Возможно. Но не под влиянием моих или чьих то еще проповедей. Меняется ОБЩЕЕ, в котором существует данное частное, и вдруг на месте, где шумела березовая роща, по непостижимым причинам появляется осинник, и все березы становятся осиновыми.

Это я уже видел не единожды, сначала сталинская эпоха стремительно заменилась на хрущевскую, а эта – в одночасье – на «эпоху застоя». Потом появилась «перестройка». И вдруг колосс коммунизма рухнул. Мгновенно и не торжественно. И даже не грозно. То, что, казалось, обречено на века, рухнуло за мгновение. Не верьте тем, кто нам объясняет, почему это случилось, они врут, они даже не знают, почему они сами перестали быть прежними.

Я надеюсь, что грядут перемены – если Бог еще не отрекся от России. С нынешним режимом мы только сгнием как валежина, все. Даже и я.

Должно случиться чудо. Не прозреет большинство, и не пойдет голосовать против нынешней власти, и тем более не пойдет против нее драться на баррикадах. Но исторические перемены происходят не по воле народного большинства. Если в стомиллионной стране один миллион их твердо захочет... если даже сто тысяч в Москве их неукротимо захочет... если десять тысяч оголтелых решатся умереть во имя перемен – они произойдут. Народ – ПОТОМ – будет о них слагать песни и ставить им памятники, но вначале попытается их всех до одного перебить. Ибо народ защищает только УСТОИ, он защищает гавань, из которой иногда отправляются корабли, мы же – ветер, надувающий паруса.

Культура – это отбор, это возделывание, рыхление, прополка, полив и удобрение, и долгая работа по выращиванию плодов.

В интернетской прозе двести тысяч авторов, движет ими, конечно, страшное самомнение. Слушать их и читать – это то же самое, что поселиться в полной электричке и внимать бесчисленным разговорам пассажиров. Конечно, может и самый случайный человек сказать нечто интересное и глубокое, но оно должно быть выстрадано. Житейские происшествия и мысли сравним сначала с молоком, отбор отделяет из молока сливки, и из сливок в маслобойке сбивается после долгих трудов масло. У всякого человека оно есть, но это не то случайное повседневное, что пролетает в его жизни как пейзаж за окном электрички, а то, что оседает на дне души.

Принадлежат ли к культуре повседневные размышления, хотя бы и выстраданные? Или к литературе относятся преимущественно романы, повести, рассказы и стихи? Я боюсь, что все то, что пишу теперь, и вчера, и позавчера, малое отношение имеют к литературе, что надо было написать роман – но пока душа моя сбивала масло из молока моей повседневной жизни, способность к художественной прозе, которая и прежде не была слишком значительной, иссякла совсем. А ведь жалею я об этом не потому, что мне хотелось бы прославиться, стать кумиром, заработать денег (это все не самое первостепенное в моей жизни, хотя я и не отказался бы от денег), но потому, что я страдаю, ибо моя Россия растлеивается и гибнет, страдаю, ибо мне душно жить и дышать.

Казалось бы, я продолжаю жить даже довольно деятельной жизнью, и огород вскапываю, и с товарищами встречаюсь, и сочиняю стихи, и с девушками разговариваю, но спроси меня, счастлив ли я, состоялась ли моя жизнь?

Нет.

Ничего не удалось мне изменить к лучшему. Даже в душевной стране твердокаменного социализма было много интересных и умных людей, с которыми мне было легко и вдохновенно, а сегодня почти одна только пустыня. Большинство тех умных умерло. Другие устали быть умными.

Как живут другие? Вот это для меня загадка.

Многие кричат, что главное для них – это идеальные ценности, что на дерзких девиц они ополчились и требуют содрать с них шкуру потому, что те поправили идеальные ценности.

Но как они живут в мерзости беззакония и попрания человека, которое повседневно везде и на их глазах?

В тюрьмах люди унижены, бесправны как скот, даже если многие из них преступны, но для того ли только мы их туда сажаем, чтобы только истязать? В Европе о собаках больше заботятся, чем мы о несчастных людях. Вы же это видите? А ведь и из ваших близких туда могут попасть иные, о них то не страдает ваша душа?

Сегодня мне рассказывали, что все должности, на которых можно заработать, продаются за деньги, некоторые стоят по *сто пятьдесят миллионов*, например, на таможне. Вам не противно жить в такой стране?

Почему бóльшая часть моего негодования направлена не против негодяев, а против обывателей, которые защищают правительство, при котором наша страна превращена в продажную шлюху? Да потому что это именно из-за них она и стала такой. Пока они исходят злобой на тех, кто пропел: «Богородица, дева, Путина прогони!», а не исходят злобой на тех, кто государственные должности продает за баснословные суммы, кто убивает подозреваемых, выколачивая из них признания, кто гноит в тюрьмах подсудимых еще до приговора, как будто они уже все непременно должны быть приговорены, кто за деньги приговаривает и за деньги отпускает преступников, страна будет еще хуже. Пока их религия – это любовь к власти, страна будет еще хуже.

Меня упрекают читатели (те, кто хотя бы попытался меня читать), что я пишу только о себе, и уже надоел, и не могу ли я писать о других?

Я им отвечаю, что интересных людей не вижу, а о Боге почти всё, что о нем передумал, я уже написал. Да к тому же, могу ли я без познания себя что-нибудь достойное написать о других? И еллены завещали: *Познай (сначала) самого себя!*, и Блаженный Августин, взглядывающийся в лицо Бога, восклицал: *Господи, как увижу Тебя, если себя не увижу?*

Да кроме того, христиане, возражая на мои обличения мира и требования в нем перемен, заклинают меня неустанно: *Начни с самого себя!*

Я им тоже пытался возразить, что мол, уже и моя жизнь заканчивается, когда же после *себя* очередь перемен дойдет до других? - но они не внемлют!

Итак, одни про меня уже слышать не хотят, другие отправляют меня снова к себе самому, и я уже смиряюсь и с теми и с другими: Буду ли я взор свой все еще вперять в самого себя или нет, но писать о себе я заканчиваю. Я себе уже и сам надоел.

Но поскольку сии строки подытоживают мои писания, то в них я понемногу скажу о разном.

При всех недостатках живых людей, подвигающихся на ниве учительства и преподавания, при их профессиональной (подчас) узости, при их догматизме и консервативности, поддержке Режима, которому они (заблуждаясь в понимании смысла учительства) служат (хотя служить они должны Просвещению, Науке, той Дисциплине, которую преподают), все таки они волей-неволей должны стремиться к расширению, чтобы быть интересными слушателям, чтобы и их предмет не вызывал у тех отвращения. Поэтому, в сравнении с другими, Учителя часто производят впечатление идеалистов, подвижников, людей культурных, мыслителей и романтиков. В целом о них можно сказать, что они ЛЮДИ КУЛЬТУРЫ.

Похожи на них проповедники и ревностные исповедники Веры, но по существу – противоположны, ибо этих лучше назвать людьми одной Книги. За поясом у них хотя не кинжал, но всего одна Книга, которую они превращают в оружие. Это или Капитал, или Библия, или Коран.

Моя литература им не нужна, потому что не нужен им и Толстой, и Бердяев, и Фихте и Гегель, и даже Блаженный Августин, все, что им нужно, они находят в своей единственной Книге.

Я с ними пытался поговорить, но пора уже нам разойтись восвояси, я их, возможно, своими писаниями задену, поэтому заранее прошу у них прощенья.

Сколько читателей было у Аристотеля? Он читал лекции в Лицейском саду, вероятно, и слушателей и читателей у него было не более сотни, правда, немало людей знало его в пересказах и упоминаниях. Во всяком случае, писатель, пишущий не для развлечения, не должен мечтать о популярности.

Не буду много говорить о тех, у кого нет НИ ОДНОЙ книги. Таких немало, и это не только не самые худшие, но часто достойные.

Впрочем, я не разделяю Розановский восторг по отношению к ним: «Пришла баба в храм, поставила свечку, помолилась, и такая благодать разлилась у нее в душе! Кто это сделает? Ни поэт не напишет, ни ученый не откроет...»

Но значит ли это, что теперь достаточно только в храме свечки ставить и молиться, а книг не читать? И зря жили Пушкин, Толстой, изобретатели паровой машины, железной дороги, радио и самолета? Ибо, кажется, большинство из таких проповедует именно это.

Ну, ладно, и я сам на мир еще не повлиял, и этим ревностным боголюбцам тоже, к счастью, на свой лад его пока перекрыть не удалось.

Если автор чувствовал себя то наедине с Миром, то наедине с Собой, то не должен ли бы он рассказать и о чувствах своих наедине с Богом, хотя бы о тех, когда «в небесах торжественно и чудно»?

Но об отношениях с Богом говорил я даже, быть может, чрезмерно, я и восторгался, и негодовал, рассказывал о том и в прозе и в стихах, теперь, претендуя на некую философскую систему, смог бы лишь кое что

из прежнего повторить, и то хуже. К тому же, не выстраивается у меня стройной системы, в таком роде: Человек (то есть мир субъективный); одухотворенный внешний мир (то есть мир объективный); Бог-отец, Создатель и зиждитель, третье и главное лицо в этой Троице. Далее следовало бы написать о *целостном Мире*, синтезе человека, мира и Бога, в котором Бог растворен так, что Он, по католическому определению, есть *всё во всём*.

Но я математик, и то, о чем пишу, должен видеть и понимать ясно. Тот Мир, который я ощущаю как одухотворенную личность, подобную человеку, и тот Человек, которого я уподобляю целому миру, переживаются мною не в духе христианской традиции, не как Прах, страдательное относительно Бога, инертное творение Его всеобъемлющей воли, а как самодостаточная и из себя развивающаяся полнота бытия. Судьба и потенция содержатся внутри мира и внутри человека, их судьбы сопряжены с ними как будущее растение с семенем.

Относительно судьбы мира, его происхождения и развития существует наиболее общая естественно-научная точка зрения, состоящая в том, что, во-первых, мир – это *вещество*, заключенное в пространство и подверженное силам тяготения и силам отталкивания.

В веществе нет ни будущего, ни цели, ни замысла.

Сталкиваясь и разлетаясь на протяжении миллиардов лет, малые и большие частицы вещества соединяются в некие сообщества, по непостижимым причинам в них происходят термоядерные реакции, возникают и растут звезды (все это абсолютно случайно), возникают планеты, вода, растения и животные, а из них – человек.

Физическое вещество, умеющее только притягиваться и отталкиваться, вдруг проявляет способности к химическим реакциям, а затем, через ряд промежуточных состояний, становится способно и к психологии и к философии, и мир вещества разделяется надвое: одна его часть, достигшая самосознания, способности восприятия и рефлексии, *становится* миром субъективным, другая, менее развитая, остановившаяся на физическом уровне развития, оказывается миром внешним, объективным, миром физической реальности.

Это солдафонское представление о бытии мне глубоко неприятно, вот почему столько пафоса вкладываю я в свои еще туманные рассуждения о *душе мира*, о том, что мир внешний подобен человеку и наделен душой.

Разумеется, нет души ни у моря, ни у скалы, но нет души и у любой части человека, ни у руки, ни у ноги. Душой обладает целостный мир, как и целостный человек, и ясно, что душа не находится в каком-то месте пространства, и в каком-то месте человеческого тела.

Но где же тогда место Бога, если и человек и мир одухотворены и наделены душою?

Вот этого-то, весьма важного, я как раз толком еще и не знаю.

Правда, религиозные системы повествуют о роли Бога в Начале, при сотворении мира и человека, затем во времена двух давних драматических событий, случившихся в детстве: при согрешении и изгнании из дома, а затем при попытке исправления, то есть при первом пришествии Христа. Какое участие принимал Бог в судьбе человека и мира после того? Мы не знаем.

Священное Писание останавливает повествование на времени двухтысячелетней давности, далее продолжается только история церкви, то есть земного человеческого института, изобилующая ГРЕХАМИ его руководителей, от преследований отделяющихся раскольников, иконописцев, сожжений ведьм, Варфоломеевской ночи, до наших дней. А у нас от насильственного крещения, искоренения язычества, сожжения протопопа Аввакума, преследований старообрядцев, инаковерцев, подчинения богоборцам и сожительства с ними до симбиоза с воровской властью чекистского государства и осуждения девушек Пусси. (Других несогласных больше нет, наступило кромешное молчание).

Где же Бог?

Ну, многие мне закричат, что он в душах. Может быть, он в душе патриарха или самозваного царя?

Отчасти и я смею судить о душах, как никак был учителем и даже, хотя и непризнанным и не печатаемым, был литератором. Но горько мое суждение. Как много было милых и добрых, независимых от власти, самостоятельных в суждениях в то, казалось бы, кромешное время страха и несвободы! Как много глупости, злобы, вторичности, неумения мыслить, нерассуждающей верноподданности, холуйства, лжи, лицемерия, оправданий бандитизма и воровства – в нынешнее время всеобщей и подлой демократии!

Небо низко, лужи мокры...
Да каким еще быть лужам?
В мир чудес закрыты окна,
Никому никто не нужен.
Тускло, хмуро, где-то ноет...
Дверь скрипит, ребенок плачет.
Крот упорно землю роет,
Будто это что-то значит.
Осень, осень. Непогода,
Нездоровье, невниманье.
Жизнь напрасна, тщетно знанье.
Равнодушная природа
Равнодушно умирает.
И беззвучен крик в тумане.
Слезы в горле... и в стакане...
Где наш Бог? Никто не знает...

Вот почему, после того как предстал я сначала перед миром, затем перед собой, задаю я вопрос, на который не знаю ответа: *В чем же тайна целостного мира?*

14 августа. Тайну эту, по-видимому, я не раскрою. Хотя у меня и есть способности к философскому восприятию, но все же я, кажется, более математик и поэт, нежели философ, сомнительно, чтобы я изобрел идею мира, объяснимого во всех своих частях как единый организм или, еще хуже, механизм. Такой Книги, в которой были бы увязаны концы и начала, мне не написать, и не будут ходить мои ученики (правда, сомнительно, чтобы они у меня появились), засунув мою книгу за пояс вместо оружия.

Следовательно, пора подводить итоги.

Я отстаивал идею одухотворенного мира и достойного человека, которым необходимо сотрудничество для общего блага, для того чтобы человек достигал духовного возвышения, и при этом не унижал и не уничтожал природу, а охранял ее, как охраняем мы свой собственный дом.

Я отстаивал идею человека, стремящегося к идеальным целям, к одухотворению себя и окружающего мира, независимо от того, видит ли он в себе высшее создание Бога или высшее создание Мира (или Природы).

Я отстаивал идею Бога, относящегося к человеку как к Своему сыну, а *не подлой твари* (на чем любят настаивать в большинстве своем христиане), как к своему избранному сотруднику и товарищу.

Уже не уверен, что я еще вполне христианин, но я, без сомнения, не менее религиозен, чем прежде, только религиозность моя, как и философия, *претерпевает*, а что претерпевает, я еще не знаю.

Менее ли я религиозен, чем христиане? Если за образец религиозности взять апостола Павла или Жанну д*Арк, то, конечно, мне до них далеко. И до протопопа Аввакума.

Но если сравню себя с нынешними новохристианами, то... здесь начинается мистика обыденной жизни, в которой непостижимого часто больше, чем в философии. Пусть, например, математик ошибается. Другой указывает ему на его ошибку, они перечитывают текст, смотрят, в крайнем случае, в приличный учебник, и ошибающийся благодарит своего товарища, и исправляет свои ошибки. С христианами же (или с коммунистами) все не так. Хорошо, если указывающий на ошибку вернется домой не с разбитой мордой!

Так хотят ли они уяснить истину? Нет, уясняют истину ищущие, эти уже нашли. Правда, ту ли, которую проповедовал Христос, не важно, у его последователей истин больше, чем было у него, и все они в своей истине уверены.

Даже если бы вдруг фантастическим образом выяснилось, что у Христа не та истина, что у сегодняшних русских православных, то это была бы его печаль, а не их.

Почему им не важно, хорош ли их пастырь и царь, чисты ли они на руку? Потому же, почему не важно, много ли перебил Сталин и революция. Сталин и революция правы, и *всё остальное им не важно*.

Следовательно, и споры и разговоры и обсуждения общих проблем бессмысленны. Да у нас теперь и не может быть общих проблем, мы существуем в разных метафизических пространствах бытия.

Возможно, относительно Культуры я во власти иллюзии, а именно, я думаю, что Культура делает человека лучше. Правда, часто я в этом и сама сомневаюсь.

Но делает ли человека лучше религия? Должна ли делать? Ставила ли, ставит ли она перед собою такую цель? На этот счет в умах у христиан ералаш, и если я скажу, что и Сам Христос не ставил такой цели, и апостолы, то христиане, возможно, удивятся. Впрочем, мне еще надо будет вернуться к анализу христианства (не для ниспровержения, а для Уяснения – хотя бы самому себе.)

Итак, вот о чем предстоит еще написать – позже, вероятно, в другой книге: Для чего приходил Христос, какие Он ставил перед Собою цели, ДЛЯ ЧЕГО христианство, в чем его смысл? Намеревалось ли оно создать нового, лучшего человека? (И вот так же, действительно ли и у Культуры назначение – создать нового, лучшего человека?)

В каком обществе мне комфортнее? Хорошо ли я чувствую себя в православной толпе, среди националистов, коммунистов? Я еще в давние времена задавал себе этот вопрос, бывал я на комсомольских собраниях и в церкви. Как ни странно, комсомольцы шестидесятых голов были терпимее к инакомыслящим, чем православные, среди этих мне было зябко, лица у них были по большей части недобрые. Но, разумеется, качества человека определялись им самим, были хорошие люди везде, даже среди следователей и психиатров. Даже среди воров и проституток.

Какую цель ставили перед собою большевики? Хотели ли они, чтобы их приверженцы были хорошими? Нет, надо было свергнуть царское иго, разгромить Российскую империю, «освободить народы», ИСТРЕБИТЬ до последнего человека представителей чуждых классов (а даже крестьяне попадали к чуждым) – хорошие не могли слишком много убивать, поэтому нужен был человек принципиальный, преданный, верный, нестигаемый, пламенный, решительный... нужен был *боец революции*, поэтому рассуждения о доброте отменялись как вражеские.

Ко времени принятия «Морального кодекса строителя коммунизма» представление о коммунистических идеалах изменилось, на повестку дня встала необходимость ХОРОШЕГО ЧЕЛОВЕКА. Но они семьдесят лет подряд истребляли хороших, и вдруг... не потому ли и потерпел коммунистический режим неожиданный крах?

Ищет ли современное православие хорошего человека, нужен ли он ему? Вот, к примеру, я? Боюсь, что даже те образованные (то есть по крайней мере бывшие образованными до принятия православия), которые прочитают какую-нибудь мою книгу, и те закричат: «Ату его!» А хороший я или нет, им это будет не важно.

А сознают ли они, что и русская литература 19-го века (не выборочно, а именно ВСЯ, в целом) – не только противоречит их нынешнему христианскому настроению, но и в 19-и веке была не христианской, а

сама по себе, и религиозные темы в стихах и романах только оттеняли эту особенность нашей классической литературы?

(Не потому ли и Толстого отлучили от церкви, хотя он написал христианский роман «Воскресение»? Не потому ли, что христианских романов не бывает в природе, как и коммунистических романов?)

Но пора заканчивать, ВРЕМЕНИ У МЕНЯ ОСТАЛОСЬ МАЛО.

Хотя я еще и мечтаю, чтобы Россия переменялась к лучшему, чтобы в результате ЧУДА, или катастрофы, или Революции, или Кризиса, или мирных демонстраций, или Гражданской войны к власти в России пришли приличные люди, честные, культурные, поставившие благо Родины основной целью своей жизни.

В общем движении за спасение России могли бы объединиться (хотя бы и на почве **Народно-социалистической** партии) Социалисты, Националисты (народники), государственные патриоты, умеренные коммунисты, демократы, часть среднего класса, отдельные чиновники и даже служащие карательных органов, не до конца растерявшие стыд, отдельные православные, болеющие за судьбу России больше, чем за церковь и блага иерархов.

Какие Цели для меня Приоритетны?

Наказание ВСЕХ преступников, всех, кто обворовывал народ, глумился над добром, правосудием, свободой.

Возрождение государства, природы, народа.

Возрождение Науки, Культуры, Образования.

Возрождение великой России.

Возвращение соотечественников из бурь эмиграции, ***Возрождение Белой Идеи.***

ПОСЛЕ ПОСЛЕСЛОВИЯ.

Поэт и царь. Поэт, Бог и народ

1.

Скандалы в церкви следуют один за другим, то девушки неправильно поют в храме, и прихожане за храм оскорбились, то дьякон Кураев обличает голубых в этом же храме, и прихожане оскорбились за предстоятелей храма, дескать, это их дело, какого цвета им быть, и мол даже Христос не велел бросать в них камень.

В интернете полемика приобрела даже воистину народный характер, высказываются представители разных слоев общества, разного уровня образования и культуры. Но если Культура – это ОТБОР, то спор интернетской среды далек от отбора, а следовательно и от культуры.

Мнения были высказаны разнообразные, далеко выходящие за рамки вопроса, они были также напечатаны, и напомнили мне ряд соображений, которые я теперь попытаюсь систематизировать, в завершение своей книги, стержнем которой также является СПОР, обличения, возражения – почти всему и вся, что как-то влияет на нашу умственную жизнь.

Я уже сказал, что истина существует, и существуют даже две истины, одна – сакральная, отвечающая запросам религиозного сознания, другая – мирская, отвечающая запросам мирского сознания, запросам жизни, науки, философии, запросам культуры в целом. На эти запросы и отвечают и жизнь, и культура, кто из них раньше, даже затрудняюсь сказать, но даже если жизнь и нащупывает ответы вперед, то прояснить их, придать им форму и ясность призвана культура.

Более того, истина – это не ответ на какой-то частный вопрос, вроде того, круглая земля или плоская, а ответ всеобщий, на некий такой же всеобщий вопрос: в чем смысл жизни, что такое добро и зло, спасает ли вера в Бога, есть ли надежда даже в бессмысленности и в отчаянии.

И поскольку это не формула, не теорема, не отдельное положение, не афоризм и не постулат, то в лучшем случае на вопрос об истине может пытаться ответить цельная мировоззренческая система, некое Учение, излагающее взгляд на жизнь в целом.

Горестная история человечества побудила нас и к учениям относиться с недоверием, сколько было прекраснодушных заверений, и какая тьма охватывала мыслящих людей, когда Учение, нашедшее истину, овладевало умами!

Вот почему (хотя и не только поэтому) я пришел к выводу, что ***ИСТИНА – это культура в целостности.***

Но, возможно, человек двойствен, не только в том смысле, что он состоит из духа и плоти (так что культура как раз и относится к духу), но и в иррациональном смысле, ибо он состоит еще из земного и небесного. Его земная ипостась – это его духовно-душевно-плотская целостность (гранц я не провожу и, по существу, в математическом смысле, их и никто не проводит, а только запутывают дело, особенно, пытаюсь разграничить Дух и Душу), а его небесная – то, что связывает его с Богом, и постигается через Веру и ... (многогочие нас всех и разделяет, рассуждающих о религии, подставляем на место многогочия мы многое, не сообразуясь друг с другом).

Но я чувствую мир и человека так, что его земная и небесная ипостаси не совсем отделены, а переходят друг в друга, пронизывают друг друга (иначе бы и Христос, Сын Божий, не мог бы вочеловечиться), поэтому религиозное сознание и чувство необходимо должны объяснять многое в земном человеке, и точно также Культура, как выражение духа и души (и плоти) человеческой, должна объяснять многое в небесном человеке.

«О любви не говорят, о ней все сказано!» – говорится в известной песне. Кем, когда? И что же, нам остается только молча вздыхать и молча целоваться?

Многие полагают, что и о Боге, Вере, Религии и Церкви уже ВСЁ сказано, в основном в Писании, частично у Святых отцов, частично у подвижников и святых, но Православие еще, к счастью, допускает, что и верующий народ в целом вправе о Вере и церкви высказываться.

Иначе искушается человек, мирянин-философ, или папа Римский

(или патриарх, или профессор богословия) и запрещает мне рассуждать и надеяться, что мои рассуждения не беспочвенны и не бессмысленны.

Ибо я и рассуждать научен, так как математике меня учили, и культуру впитывал в себя целую жизнь, и веру испытывал, и «видения» меня посещали, как и средневековых монахов.

Итак, помимо *веры*, мост к Богу пролагается еще и в духе человеческого, выражающемся в Культуре. Потому и Христос ссылаясь на Книгу, уже известную и иудеям и язычникам, а не просто поучал, не заботясь о преемственности, ВНЕ культурной традиции. Нет, Христос был укоренен в ней, был понятен и близок, не произносил бессмыслиц и непостижимых, темных выражений. Прошло две тысячи лет, а смысл его слов все так же ясен.

2.

Многое обращено к посюстороннему, к богатым и бедным, блудницам и праведникам, ничтожным и сильным мира сего, но многое обращено и к потустороннему, ибо последние станут первыми, а первые последними. Отменил ли Христос сей мир? Нет, Он только возвестил о пришествии Нового неба и новой земли, но не сказал, что они уже настали. Не сказал, что ОТНЫНЕ ВСЁ другое.

Что Он имел в виду, говоря, что именно Он и есть Истина, отменил ли Он тем самым ту истину мира, которую ищет человек?

Впрочем, Он пришел в сакральном пространстве, Он пришел в силу уже данного иудеям обетования, Он пришел его исправить или подтвердить, но не смог отменить ни математики, ни астрономии, ни философии, ни любовных драм, жизнь как текла, с черт его знает какими завихрениями, с добром и злом, так и продолжала течь.

Что изменилось с Его приходом?

Что-то важное, полагают самые мистически настроенные, например, Даниил Андреев, изменилось кардинально... но об этом мы еще поговорим позже, когда вместе начнем перечитывать Евангелие.

Но, всё же, я рассуждаю не столько о сакральной истине, но о мирской, выражением которой является культура, я, утрированно говоря, рассуждаю о математике и астрономии, о «Простых числах» (о которых уже рассуждал в Записках на пальме), и мои рассуждения, опирающиеся на теорему Пифагора, не отменяют текстов Нового Завета.

Правда, «человек веры» оскорблен уже тем, что я – рассуждаю, и хотел бы мне это запретить, но это в нем говорит голос нечистой силы, (как не должны бы его оскорблять религиозно-политические молебны дерзких девушек, но ведь оскорбили! Бесноватый верующий страшнее просто бесноватого, это доказала долгая История Сожжений инакомыслящих и инаковерящих, в которых принимали участие все церкви, от самых кротких до самых воинствующих.)

И что особенного сегодня происходит? То же, что и вчера. Что и всегда. И меня еще сожгут. Если раньше сам не умру, как хитро поступил Лев Толстой: только вознамерились его сжечь, а он взял да и умер!

Итак, сосредоточимся пока на мирском. Когда я возьму в руки снова Новый Завет, тогда я скажу так: *А теперь перечтем Евангелие.*

Пока же перелистаем Учебник математики, или Философии, или Уголовный кодекс. И я сделаю несколько важных пояснений.

И прежде, и теперь, и в будущем я не занимался ниспровержением или критикой Христианства. Я его даже не поправлял, не развивал, не предлагал чего-то взамен.

И теперь и в будущем то же самое.

Я только сам для себя стараюсь уяснить смысл Текста, объясняю себе темные места, и понятное пересказываю вкратце. Такая традиция – комментирования – в христианстве существует уже две тысячи лет, даже в Новом Завете отдельные главы являются комментариями и объяснениями, содержится в посланиях апостолов и нечто критическое в адрес друг друга. Я же ограничусь только разъяснением, что такое равномерная непрерывность, хотя бы в энциклопедии математики уже и было дано исчерпывающее определение ее.

Кто-то из ревностных заявил, что анализ и размышления суть «бешенство ума», что надо верить ПРОСТО, без размышления, даже без понимания, а лучше и совсем *без чтения*: батюшка, что надо, расскажет, а сверх этого – от лукавого. Я полагаю, что такая точка зрения – ЕРЕСЬ, и уже в богословии ниспровергнута, и это тот случай, когда, если станут сжигать придерживающихся ее, я тоже понесу на костер хворост. «Братия, будьте как дети, но по уму будьте совершеннолетни!» – призвал даже апостол Павел, основывающий свое учение по большей части на ВЕРЕ.

3.

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спаленная пожаром, французю отдана?» – воскликнул юноша Лермонтов. Не имея академических степеней в науке, он дал такой ответ на этот вопрос, что его примет всякий русский человек, и с ним сверяет мнения историков.

И так во многом: прозрение и вдохновение Поэта – критерий истины, а не наоборот.

Кто был Александр Первый? «Властитель слабый и лукавый, нечаянно пригретый славой», говорит Пушкин, хотя и «в сердцах», и позже отчасти сам себя поправляет: «Простим (ему) неправое гоненье! Он взял Париж, он основал Лицей». Но интересуется ли нас мнение Александра о Пушкине? Нет!!!

Возможно, прежде, чем меня сжечь, информационные службы справятся о мнении народа, и без всякого сомнения, народ в своем подавляющем большинстве меня присудит к СОЖЖЕНИЮ. Разве не присудил он к расстрелам даже более знаменитых поэтов, философов, ученых? Разве кто-нибудь выступал в их защиту, когда устраивались всенародные голосования? Единицы. Такие же враги народа, как и те, кого народ справедливо заклеймил презрением. Удивительно, что еще у народа хвост не отрос. Видимо, Дарвин, все же, неправ, и не от обезьяны мы произошли, а от чего-то еще более отвратительного. Но без хвоста.

Истина – это культура, но сие не исключает, что одни из нас – Носители истины, а другие – Источники тьмы и подавления. Государственная Власть имеет двоякое происхождение, и поелику «Дьявол – князь мира сего» (См. Евангелие), то источником власти является Дьявол, но Бог сие терпит. Правда, не Он велит народу терпеть, и когда народ возглашает о царе: «На эшафот его!», Пушкин замечает по сему поводу: Глас народа – глас Божий!

Но редко устами народа говорит Бог, не чаще, чем устами царя.

Поэт же – Божий избранник. Поэт почти всегда прав, и даже неправота его НЕ нелепа.

Итак, в противостоянии Царя и Поэта ИСТИНА на стороне поэта, но сила – на стороне царя. Бог же, по непонятной причине, наделяя поэта вдохновением, не дает ему силы.

Пройдет несколько десятилетий. Внуки тех, кто разожжет для меня костер, и принесет в него хворосту, или побьет меня камнями, или привяжет к Лобному месту, чтобы я умер «естественной смертью», кто унизит меня, оплюёт, опозорит, подвергнет избиениям – внуки тех будут мои стихи учить наизусть. Почему это так? Никакое богословие на этот вопрос не дает ответа, кроме того, что согрешила Ева, прабабка нынешних «кошунниц». И я не знаю. Что стихи мои окажутся когда-нибудь нужны – возможно, потому, что стихи не так уж и плохи:

Я ждал тебя – и ты ко мне пришла.
Доверчиво в глаза мои смотрела,
Была нежна, мне сердце отогрела,
И как стихи, на память унесла.

Разве это плохо?

А что сегодня они не нужны – так сегодня и Пушкина никто не читает! Да еще не сгноили ли бы и его, как других, если бы он о нынешнем времени написал:

«И на обломках самовластья
Напишут наши имена!»

Итак, Истина принадлежит Поэзии, но мир, увы, часто принадлежит *Властителям жалким и лукавым*, как иногда им же принадлежат и наложницы: по праву властвования.

Этот порядок вещей мне не нравится, поэтому я не ограничиваюсь тем, что запускаю камень в окно властительского дворца, но я и в окна Храма запускаю камень, и требую ответа у Бога!

(Но не спешите бросать камень в поэта, оскорбившись за Бога «истинно верующих»!)

Течение жизни ускоряется, и мне не вместить ее перемены в свои сочинения. Почти все, что я знаю, что терзало душу, я сказал. Многие упустил нечаянно, кое-что не совсем понимаю, кое-что *знаю* только теперь – но пора, пора ставить точку или, в крайнем случае, писать тогда уж новую Книгу, книгу будущего, например: ПОСЛЕ РАССТРЕЛА. (Записки с того света). Или: «Новые Записки из Мертвого дома».

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ

СБОРЫ В ДОРОГУ

А кто пожалеет обычных, плохо учившихся, не талантливых, коленопреклоненных, усваивающих только точку зрения властителей церкви и мира? Кто, кроме меня? Они меня расстреляют, а я напишу о них книгу, в которой оправдаю их невежество, страх, злобу, несложившуюся жизнь. Справедливо ли обвинять их, если мне слишком много перепало того, чего не перепало им: и привлекательность, и талант, и любовь, и сострадание. *«Я вас чрезмерно обличал. Простите меня!»*

УСЛОВНОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Сегодня мне объявили приговор: в ближайшие дни я буду предан казни. Характер ее не уточнили: или ко мне подошлют наемного убийцу, или убьют в тюремной камере, или «благородно» расстреляют.

Возможно, у меня осталась одна ночь, или несколько ночей, за это время я попытаюсь написать свою Последнюю книгу.

Но в таких условиях писать трудно, это почти как по принуждению доказать какую либо математическую теорему: сверху спускается топор, ты смотришь на него и тебя охватывает вдохновение! Нет, вдохновение меня не охватывает, я совершенно не понимаю, о чем мне надо писать. И надо ли?

ПРЕДИСЛОВИЕ БЕЗУСЛОВНОЕ

17 авг. 12. К счастью, я не дождался объявления приговора. Более того, я даже не дождался, пока меня посадят в тюрьму.

Как только я дописал свои предыдущие книги, необходимость создания которых, возможно, была внушена мне свыше, и как только стало ясно, что тюрьма мне уже светит, я понял, что Последнюю книгу необходимо написать заранее, в нормальных условиях, сидя дома за письменным столом.

Но, читатель, в этом нет лжи! Меня все равно арестуют через неделю или через месяц, меня ПРИГОВОРЯТ, но тогда написать я уже ничего не смогу, даже, возможно, прощальной записки. А если и смогу написать и передать на волю несколько слов, то это будут всего лишь две даты: Дата заключения в тюрьму и дата казни. Только их я пока не знаю.

Все же остальное мне в основном известно, я знаю, что дьявольский режим не замедлит меня уничтожить, я знаю, что никто меня не защитит и никто не вступится и не пожалеет (разве за последние сто лет беспрерывных убийств кого-то из поэтов и романтиков защитили?)

Внешние признаки моей посадки и казни я имею право вообразить, опираясь на собственный опыт и опыт других, надеюсь, ошибка не будет значительной.

Так как книга сия выйдет уже после моей казни (а мало вероятно, что я после нее останусь еще жив), то я мог бы и не сознаваться в своей извинительной предусмотрительности.

Но – Правда, только Правда, и ничего кроме Правды!!!

Начиная писать эту книгу, я совершенно не представляю, о чем она, и удастся ли она мне. Поэт погибает тогда, когда уже все, что поручил ему сказать Бог, он успел написать. Если я в предыдущих книгах написал не все, то Бог не допустит, чтобы я умер, и даже после казни я останусь жив и напишу то, что мне назначено, и это будет хорошо. Если же я уже написал все необходимое, то погибнуть мне предстоит без сомнения, и то, что я теперь пишу, пытаюсь обмануть судьбу, окажется посредственно, ибо я уже все написал, что надо.

Прикорбно. Но... Все равно погибать, так погибну с музыкой!

Глава I

ИСТОКИ ДУХОВНОЙ СВОБОДЫ

1

Раннее детство мое прошло в деревушке Корневище, Тайшетского района Иркутской области (хотя родился я в другой деревушке, в двенадцати километрах, и прожил там до пяти лет, но из тамошней жизни сохранились только отрывочные воспоминания).

В Корневище народ был сборный, из западных мест империи, дед мой, бабушка и мама – уроженцы Восточной Белоруссии, другие были из Украины, Литвы и других западных мест. Но язык был общий, вполне русский, живой, свежий, богатый. Было много песен, сказок, сказаний. Библия в деревне была одна, у моей крёстной, я ее часто листал, она была с цветными иллюстрациями Гюстава Доре.

Потом у меня и у самого была такая Библия, в трех томах, великолепной сохранности, еще была Библия 1812 года, на церковно-славянском, также великолепной сохранности, их я продал в 97-м году в Москве за бесценок, только за то, чтобы прожить два-три дня и доехать из Москвы до Петербурга. Кстати сказать, купил у меня их глава какого-то православного союза, человек очень богатый и влиятельный, близкий к нынешним властителям душ. Но он не сказал мне: Васёк, да ты что?! Да дам я тебе десять рублей, доедешь до Питера, и накормлю! А этих книг ты уже никогда не купишь!

Нет, так он мне не сказал. Но зато сегодня такие православные в первых рядах возрожденной Черной сотни (прочитайте Гамбринус Куприна), и требуют погромов. Но кого и что они громят? Последние ничтожные остатки свободомыслия и русскости в России.

А кто за ними идет? Те, кто не читал ни обоих Заветов, ни Куприна, ни даже Маркса.

Правда, есть среди них и мои товарищи, отчаявшиеся в своих давних поисках, и в тех, прежних, идеалах, и плохо усвоившие идеалы более ранние, русской и европейской культуры девятнадцатого века: образование их совершалось хотя и в благодатную пору шестидесятых годов, но произрастали они на каменистой почве, в их почве не было ни Ницше, ни Шопенгауэра, ни Вагнера, ни Штирнера, ни Бакунина, ни Лаврова, ни

Иванова-Разумника, ни Оскара Уайльда, ни Шалапина, ни русского романа, ни Карамзина, ни... *Дай дух переводу!*

Мне же повезло. И школьными учителями моими были то подруги Есенина, то выпускники Петербургского университета; и в университете окружали меня люди воистину выдающиеся, от преподавателей до студентов (я о них позже еще скажу).

Но – вернусь в деревню...

Деревенская жизнь взрыхла поле, на котором я возрос, да и много на нем посеяла: и песни, и сказки, и *живые* люди.

Поклонниками Сталина были только из начальства (кажется, три семьи), эти и по должности должны были быть таковы; все же остальные были люди здоровые, в меру осторожные, но на глазах их не было бельм.

Правда, несмышленные дети тоже могли поклоняться идолу (жена крестного моего сказала, когда он подох: *Ну, идол в землю ушел!*), поклонялся даже я, и даже верноподданный стих сочинил, и сочинения его прочитал.

Но все же в основном рос я романтиком, и более до идолопоклонства не опускался.

В семилетнем возрасте я познакомился с Богом: Он ко мне явился не то во сне, не то в воображении, не то наяву, и от Него я узнал, что на меня возложена МИССИЯ по спасению России. Правда, жил я как придется, о миссии думал мало, все больше о девушках, много пил, болтал и болтался, отчасти взялся за ум двенадцать лет назад и написал Учебник математики. Думаю, что это превосходный учебник, но слава ему *не светит*... как и мне...

До десяти лет я познакомился с Пушкиным, Пришвиным, протопопом Аввакумом, Джеком Лондоном, Робинзоном Крузо и Джонатаном Свифтом (читал я его в академическом издании, как и Даниэля Дефо). Было и еще несколько книг совершенно недетского чтения, так что я развивался как-то не так... Девяностолетний дед Зеленок подтвердил слова Создателя о том, что во мне – обетование русского народа, но, надо сказать, на русских я теперь все больше нападаю, оставшиеся в живых меня вдохновляют преимущественно на обличения. Впрочем, русские в Сибири и в Европе различаются почти так же, как в старой деревне отличались общинные крестьяне от дворни.

Деревенская интеллигенция ограничивалась нашим учителем (в деревне была четырехклассная школа), он окончил семь классов школы до войны, и у него дома и в школе водилось несколько книг, я их все прочитал. Сначала он меня прогнал из первого класса, потому что я не мог освоить буквы, потом я научился читать сам, на следующий год он снова меня принял, из второго класса в середине зимы перевел в третий, но житья ему от меня не было, потому что в одном классе учились все школьники, а я им подсказывал. Правда, я часто болел, и он меня даже упрасивал: ты не спеша в школу, сначала хорошенько поправься!

Учил он нас читать нараспев, и когда я приехал поступать в пятый класс в поселок Урало-Ключи, где добывали бурый уголь, и где познакомились и жили до войны мои родители, то тамошние учителя удивились, что я *не пою*.

К концу пятьдесят второго года (мне было десять лет) выяснилось, что у меня чахотка, и так как к тому времени я уже считался неким чудоребенком в пределах Гайшетского района, то меня отправили лечиться в сибирскую Швейцарию в Предбайкалье, там текла река Ока, которая разливалась весной, рос орешник, кизил, облепиха и всякие другие удивительные растения и люди.

Там я стал играть в шахматы, мне исполнилось одиннадцать лет, но дружил я со взрослыми, роман пытался закрутить с восемнадцатилетней – она с удовольствием выслушала мои признания в любви, и сказала, что отдаст мне свое сердце, но только надо подождать, чтобы я немного подрос. И все же обещала хранить мне верность.

Играть в шахматы я научился также самостоятельно, как и читать, всего за полчаса, глядя, как играют другие, и первую же партию с треском выиграл, и потом играл лишь с взрослыми.

Там была и замечательная библиотека, и я глотал книги, разумеется, множество ненужных, уже пролетарских писателей (хотя теперь многие пишут гораздо хуже), и Анну Каренину Толстого, и Лермонтова, и Некрасова, и Дерсу Узала и В дебрях Уссурийского края, и Порт Артур и Цусиму, и Вальтер Скотта.

Умер Сталин (*идол в землю ушел!*), я немного поправился, и осенью в поселке Решеты пошел снова в пятый класс.

Хорошо или плохо, что образовательное развитие мое искусственно тормозилось, хорошо или плохо, что я в науках не сделал никакой карьеры, хотя и доказал, как думаю, важную теорему о непрерывности континуума, то есть пространства вещественных чисел, я не знаю. Однако надеюсь, что хотя бы она от меня останется, и если мой учебник так и выкинут на свалку истории, то мою теорему когда-то поместят в чей-то другой учебник.

Но аналогичный вопрос я задаю и по поводу судьбы моих литературных творений. Хорошо или плохо, что ни при советской власти, ни при антисоветской власти никто и никогда, ни одно издательство, ни один журнал, ни один человек не предложил мне НАПЕЧАТАТЬ что-нибудь моё? Все мои книги я печатал сначала на пишущей машинке, потом на принтере, потом в типографии за собственный счет, и раздавал знакомым, которые иногда дочитывали какую-нибудь из них до тридцатой страницы (кроме моих бывших деревенских. Те – читали!)

И все же, как ни странно, но я прихожу к выводу, что всё, что в моей жизни совершалось, необыкновенно хорошо.

И что я болел и бывал на грани смерти и даже за нее переходил. И что меня любили и дети и взрослые, хотя я был не очень послушным. Что я НИЧЕГО НЕ ДОБИЛСЯ в привычном смысле этого слова, ни наград, ни званий, ни положения. Что меня посадили в тюрьму и в сумасшедший

дом при советской власти, затем посадили в тюрьму при антисоветской власти, и вот велено собирать котомку и идти на Голгофу при власти снова Разбойничьей силы, если не худшей, как при почти забытой власти двух ИДОЛОВ.

Но всё, что в моей жизни совершалось, необыкновенно хорошо.

И жена мне досталась красивая и умная, а главное – любящая и преданная, и сын талантливый, и внучка... ну, у нее еще все впереди, но я надеюсь, что она не посрамит тех, от коих произросла.

А какие люди меня окружали!

Когда я увидел Есенинскую Оку с высокого берега, я воскликнул: Ну, не диво, что здесь Есенин, здесь и воробы запоют по-соловьиному!

Вот так же, оглядываясь на ту необыкновенную рошу людей, среди которых я вырос, я восклицаю: То, что они в меня вместили, должно когда-нибудь принести выдающийся урожай! *Не я, но они!*

2

Два слоя, два мировоззрения, две религии: консерваторы (охранители) – верноподанные; сторонники перемен, демократии и прогресса – революционеры, бунтовщики, ниспровергатели.

В деревне моего детства жили добрые, работающие, честные и свободные люди. После смерти идола деревня за два года разбежалась, мы переехали жить в поселок при лагере, колхоза там уже не было, кормились огородами (как и в деревне) и работой в Леспромхозе и на Зоне. Я учился в Средней школе в «столице», в поселке Решеты: там находился Краслаг (Красноярское управление Лагерея, что я поначалу расшифровывал как Красные лагерея) – центр целой империи, в которой проживало за колючей проволокой около полумиллиона человек.

Относительная цельность деревенской общины заменилась смешением рас, социальных слоев и мировоззрений.

От школы до лагерного поселка было двадцать три километра, иногда я проходил их пешком, в субботу, после школы, возвращаясь в отчий дом. Но чаще подвозили меня шофера на лесовозах, хотя и не всегда охотно.

Но постепенно меня стали признавать за своего, и даже когда я уже шел по дороге (а я не любил «стоять над душой на лесной станции, где они разгружались»), догнавший меня шофер останавливался и подсаживал в кабину, а если там уже было занято, то и на мостик за кабиной.

В семнадцать лет я уехал в Питер (как тогда в разговорах называли Ленинград), поступил в университет, а после первого курса поехал на летние каникулы на родину.

Одет я уже был по-городскому, то есть не в сапоги с портянками, а в ботинки с носками, и брюки мои были уже, чем принято было тогда носить в нашей глуши: у нас штанина по ширине соответствовала длине ботинка, а в городе – немного короче (но ширше, чем у «стиляг»).

Пришел я на станцию, шофер оглядел меня критически, и заявил: Стиляг не возжу!

Вот тогда я понял, что русский народ «в глубине своей» (как выразился Солженицын) – консервативен и охранителен.

И несмотря на мою лекцию о том, что до революции именно такие брюки были в моде, а «клёш» пошел от революционных матросов, и в конце двадцатых годов также рассматривался как принадлежность тогдашних стиляг, он меня не повез.

Но в основном в Сибири народ был свободомыслящий, и «за Сталина» никогда глотку не драл, и когда (в начале шестидесятых) в Европе учились говорить «социализм, коммунизм, как «наш Никита Сергеевич», там народ к нему за кукурузу относился отрицательно. Но освобождение крестьян и заключенных ценил и ставил в заслугу.

В страшном сне не могло мне присниться, что поклонники ненавидимого Сибирию Идола осмелятся пойти снова с его портретами по Красной площади. Сначала я думал, что это бывшие начальники лагерей и конвоиры, потом – что это их дети, и наконец я понял, что это «дети народа», сломленного дьявольской властью, у него вырос горб, и он уже не может ходить прямо и без костылей. Идол – это костыли. Как теперь – неожиданно православие. Не то светлое, что в деревне оставалось еще, как угли под пеплом, с своими деревенскими легендами, праздниками, лампадкой в углу, молитвой на ночь – больше, кстати, Богородице, так что нашу деревенскую религию я воспринимал как «женскую» религию Богородицы – а православие казенное, идолопоклонное, черносотенное, ненавидящее всякие отклонения от предписанного начальством. И знаменательно молитвословие феминистской группы, они обратились именно к Богородице, деве, а не к Троице или к одной из ипостасей Троицы. Это знаменует тот неявный раскол, который в христианстве от возникновения существует, ибо это религия сугубо мужская, женоненавистническая, несмотря на Богородицу и Марию Магдалину, ибо умаляет главное в женщине: ДЕТОРОЖДЕНИЕ. «Лучше не касаться женщины», говорит апостол Павел, а уж если невтерпеж, то ладно уж, черт с тобою, коснись одной, но уже ТОЛЬКО с нею, а на других чтоб ни-ни!

Не случайно и то, что Сам Христос не вышел встретиться с матерью и братьями своими, когда они пришли к Нему, а Он разговаривал с учениками.

Зря иконописцы рисуют младенца Иисуса на руках у матери, в Новом Завете об этом – ни слова! Мать-то Его любила, а любил ли Он ее, думал ли о ней, сострадал ли – неясно.

Случайно ли, что вчерашние комсомольцы, ставшие христианами (они может быть, думают, что по примеру Савла? Нет, тот и до обращения был религиозен, а эти и после «обращения» остались атеистами, и сторонниками церкви *воинствующей*, близкой их комсомольским душам) так ополчились именно на девиц? Так ведь «женщина – сосуд Дявола», как учили отцы церкви! О, как обрадовалась православная чернь!

Коммунистическое иго, семьдесят лет уничтожавшее Русь, они так не злословили, бандитскому игу, двадцать лет уничтожающему Русь, они так не протестовали, как протестуют и злословят смелым и дерзким девицам.

Я хотел обратился к молящимся женщинам, послушно идущим за мужскими закланиями и ругательствами (рабство у многих из них в крови), но остановило меня то, что в церковь женщина, как правило, идет, когда типично женское в ней иссякает, и потому они не чувствуют в участницах Панк-группы своих сестер. Пока девушка играет в любовные игры, ей некогда идти в храм, да и храм ее – ее тело. Пока молодая женщина убажает мужа и воспитывает детей, ей некогда идти в храм, да и храм ее – муж и дети. Кто же молится в храме? Обычно те, у коих не сложилась семейная жизнь. Что я скажу им? Что феминистки состоялись как женщины (они родили детей), как поэтессы (стихи их талантливы), как революционерки (дух Жанны Д*Арк пылает в их груди!), как личности? Нет, я не буду противопоставлять одних другим, даже те женщины, верующие или просто несчастные, которые бросают камни в Пусси Райот, неизмеримо лучше злых мужчин, которые ухватились за этот необычный молебен как за предлог, чтобы объединить свое воинство. Предводители у них – те, кто обворовал Россию (да и наши души), товарищи у них – те, которым «не дают» (вот они и злобствуют!), обоснователи их кликушества – те, которым платят.

Содержится ли святотатство и кощунство в этом молебне, я об этом буду писать позже, а пока отступлю от воспоминаний о своей жизни еще немного, раз уж сбился на «кощунниц».

Есть среди пишущих о них мужчин и защитники.

Но какие? В некотором символическом смысле они следуют за Христом. Когда к Нему привели блудницу и велели побить ее камнями, как то предписано в Законе, который Он Сам же (так сказал) пришел НЕ нарушить, а *лишь подтвердить*, Он ответил (не защищая её, не говоря, что теперь будут другие правила жизни): *Кто из вас без греха, пусть первый бросит в нее камень!*

(Так кто же сегодня соединен в этой разнузданной травле Толоконниковой и подруг? Та, прежняя блудница, была блудницей, а кто уличил эту, родившую в браке ребенка? И кто бросает в нее камни? Ветхозаветные старцы! Вглядитесь в картину Кранаха, вы себя не узнаете среди них?)

Что же говорят те, которые следуют за призывами Христа к милосердию? Они именно и говорят, что хотя девицы ДОСТОЙНЫ осуждения, но их надо пожалеть.

Вот к этим я и обращаюсь.

Вы поддерживаете режим рабства в нашей стране? Если нет, то что-нибудь, хотя малое, вы сделали, чтобы его ослабить?

А девушки бросили вызов воинствующему симбиозу лицемерия и воровства, заполонивших церковь, и силы и воровства, ставших сущностью античеловеческого государства. Если вы слепы, или если вы среди сторонников нового татаро-монгольского ига, то не просите о милости к девушкам, они в ней не нуждаются, они не снисхождения ДОСТОЙНЫ, они просто во всех смыслах ДОСТОЙНЫ!

Объяснить это вместо меня, немощного, должны были православные богословы, если у них есть совесть, потому что разнузданная толпа, требующая их побить камнями, просто ветхозаветно дикая, никогда Евангелие не читавшая, и ни хрена не понимает не только в религии, но и в культуре, в политике, в России, они думают, что и русские писатели – такие же придурки, как они сами, и Толстой, и Пушкин, и азъ немощный.

(Довели меня, идиоты, до того, что я даже осмелился перечислить себя в ряду великих!)

3

Что в Сибири люди духовно свободнее, несомненно; что здесь, в Европе, почти все верноподданные и холоуи, власти государственной или церковной, еще несомненнее!

В девятом классе я влюбился. Был сентябрь, нас послали «на картошку», у нее были синие глаза (вот, читатель, почему я защищаю красивых и талантливых девушек! Я и всегда был на их стороне!), длинные волосы, нежные губы...

Я не доверял своему внешнему виду, но так как девушки, в отличие от мужчин, умеют и любят слушать, и даже вдохновляются услышанным, то я обольщал ее, сочиняя стихи, а потом и вовсе сочинил рассказ и отвез его в редакцию районной газеты (это уже в Красноярском крае, где я учился.)

Газета вышла, картошка к тому времени уже закончилась, а я приобрел почти всемирную славу (в масштабах района). Прежняя моя возлюбленная была уже забыта, но я по-прежнему был влюблен – в другую.

Слава обошла мне сначала одним, потом другим боком. Из школы меня исключили, ибо от потребовали, чтобы я признал содержание моего рассказа (о пьянстве) не типичным, я же сначала упирался.

Девушка в меня влюбилась, хотя уже училась в десятом классе и была красавицей.

Но самое удивительное, из-за чего я вспоминаю эту старую историю, состояло в другом.

Был пятьдесят седьмой год, Россия только-только училась свободомыслию и ослаблению запретов, казалось бы, за тридцать лет тирании все

должно было быть вытоптано – но нет, и в школе у меня нашлись сторонники, даже среди учителей, и в районе среди *партийных организаций* мнения разделились, и у меня там нашлись даже почитатели, у пятнадцатилетнего мальчишки.

Да и меня, празднующегося в волнах славы по поселку, вскоре вернули в школу, а вслед за тем и из другого района, Тайшетского, пригласили печататься. Там тоже происходила тогдашняя перестройка и Оттепель, газета меняла название, имя одного идола было заменено другим.

Пять лет прошло после смерти тирана, и как все изменилось в лучшую сторону, и лица посветлели, и речи посвежели, и литература и музыка стали прорастать сквозь булыжник.

Летом 58-го года я поехал в европейскую Россию, побывал в Донцке, Луганске, в Белоруссии, в Москве – и был разочарован «Расеей».

А через год переехал в Ленинград, и разочарование мое усилилось.

Правда, я оказался среди *лучших*, и разочарование касалось преимущественно городских обывателей, мои же *лучшие* меня воспитывали и образовывали даже больше, чем лекции в Университете.

Тридцать лет я ходил на Музыкальные среды к Юрию Борисовичу Перепелкину...

И здесь уместно небольшое отступление. В своих книгах я часто подчеркиваю свою образованность, чуть ли не возвожу себя в ранг универсально образованных личностей. Но это миф. Я нанял себя в прототипы своего литературного «двойника», которого действительно возвышаю, чтобы унижить чернь, чтобы она не слишком злорадствовала, ибо когда у нее нет доводов, она похваляется: «А мы зато вас всех с дерьмом мешали!» И это действительно так! Нет ни одного выдающегося человека в России, который бы не был расстрелян, или не умер в тюрьме, или не был унижен допросами ЧК-НКВД-КГБ, когда скабарь из-под Пскова, жид из-под Жмеринки или Вологодский дурак втаптывал его в пол если не физически, то духовно, ибо каждый знал, что по шевелению мизинца этого негодяя духовные пытки заменятся на физические.

Вот почему я хвалюсь на страницах своих книг, что мы зато, не имея силы и желания унижать и уничтожать даже ничтожного человека, даже негодяя, разговариваем с небесами! С нами говорит Бог, Культура, Музы, человеческое знание и божественное постижение.

А на самом деле я хорошо сознаю свою недостаточность в сравнении с многими воистину светлыми и образованными людьми. Юрий Борисович был одним из них!

Образованные люди не так редки, но не всегда их положение соответствует уровню их личности.

Если Юрию Борисовичу и посчастливилось благодаря своим подвижническим трудам по собиранию наследия русской вокальной культуры внести в нее громадный вклад, и стать известным, и завоевать громадный авторитет в среде любителей и знатоков музыки, то другие бывали известны только в узком кругу, хотя широта их личности была

тоже удивительна. К таким я отношу Алексея Николаевича Хованского, преподавателя Калининградского университета, мистика, йога и универсально образованного человека, последнего в своем роде.

Моя образованность совсем не значительна в сравнении с подлинно образованными, но ведь самонадеянно лезут на амвон проповедничества и культуры невежды, им-то я и кричу: «Побойтесь Бога! Вы хоть хеттские глиняные таблички читали? Египетские папирусы? Собирали античные рукописи? А я ...» – (на ушко сознаюсь, что, конечно, и я не читал их, хотя, в сравнении с невеждами, я почти Сократ).

Но... дитя затерянной в тайге деревушки, писавший прописи на бересте (не всегда была бумага), многое я впитал от тех великих, среди которых разрешила мне произрастать судьба, а это ведь не меньше, чем ученье в Ликее!

Поэтому я и имею право укорять невежд, хотя отчасти и сам невежда.

Тридцать лет ходил я на званые ужины к Михаилу Андреевичу Г---ву, профессору геологии, из древнего Литовского княжеского рода, собирателю рисунков и акварелей русских художников первой трети двадцатого столетия. И эти встречи образовывали меня больше, чем посещения Русского Музея, и сам хозяин, и его супруга, и гости представляли собою осколок исчезающей утонченной культуры.

Да и у меня в восьмидесятых годах проходили литературно-музыкальные вечера, один из участников которых начинает воспоминания о них удивительными словами: «Милый Василий Иванович!» Это ученик Крачковского, выдающийся арабист, переводчик Корана в стихах, поэт и литератор Теодор Адамович Шумовский, умерший в этом году в возрасте 99-ти лет.

Судьба была ко мне благосклонна и друзья удивительны. Дружил я почти полвека с Казимиром Лавриновичем, профессором математики, историком науки и культуры Восточной Пруссии, имя которого увековечено на барельефе в вестибюле Балтийского университета.

Дружил с выдающимся астрономом и «вралём» (такое звание в шутку присуждалось у походного костра) Виталием Герасимовичем Г---им.

Дружил с игуменом Святодухова монастыря в Вильносе архимандритом Авраамием, умершим на сто втором году жизни.

Тридцать лет ходил на застолья, безбрежные как море, к тюзовской актрисе, исполнительнице роли Джульетты, Людмиле Петровне Жуковой, а у нее с какими из великих не приходилось мне выпить хотя бы рюмку водки!? Там бывали и Юрий Борисович, и великий Гейченко, и Странгила Иртлиач, и Казаринова, и Мусатов, и многие из ныне здравствующих, и те встречи не заменяли ли походы в театр? Но никогда среди них я не встречал сильных мира сего, политиков, министров, олигархов, да и просто богатых.

Поэтому и противопоставляю я самонадеянным властителям и богатеям и обласканным ими шоуменам вот это наше культурное содружество, что оно в России постоянно унижено, а наглые проходимцы и самонадеянные дураки постоянно возвышаемы.

Глава 2

А ЧТО ЖЕ НАРОД?

1

Но от меня ожидали защиты народа, а я на него нападаю, не изменил ли я ожиданиям?

Детские мои впечатления относились к народу деревенскому, крестьянскому, их я и хотел «спасти» от ненасытной власти, выжимавшей из них соки, их и теперь я не слишком ругаю, только за пьянство, за распущенность, за неизвестно когда взявшуюся лень, за свалки мусора на околицах деревень. За кого они голосуют и любят ли Путина, я у них уже и не спрашиваю, потому что деревенский народ – народ вымирающий, они живут уже последние десятилетия, если не годы (хотя, впрочем, и не весь ли русский народ живет последние десятилетия?)

Из старых жителей остались кой-где вдовы-бабушки, из последних сил пытающиеся помочь своим внукам, да их беспутные спивающиеся дети, норовящие отобрать мамкину или бабкину пенсию – бабушек ли ругать, за кого бы они ни голосовали?

А пьяных молодых мужиков... не знаю отчего, но не тянет меня с ними разговаривать, здесь не увещевания нужны, а новый административный быт, новая организация жизни, предусматривающая наказания и за «безработицу», но при этом и помогающая переиначить жизнь на селе, чтобы появились в нем и работа, и перспективы, и мечты и их исполнение. Эта новая организация жизни должна охватывать всё государство, всю его «вертикаль», а не только село.

Должны быть возрождены и хозяйственные кооперативы, и торговые, и фермерские хозяйства и коллективные, да при этом они не должны быть предоставлены только собственной силе выживания, а вся государственная система должна их опекать и поддерживать, от министерств и банков до городской торговой сети. Если мы уже не знаем, что и как делать, вспомним опыт дореволюционный, да поедем по европейским странам, разве уже у нас нет ученых людей, знающих, как организуется сельскохозяйственная жизнь?

(Вот, кстати – тунядцы, воры и демагоги любят на всякий праведный гнев, на всякую хулу в адрес власти вскрикивать: А что ты предлагаешь? А ты предложи нам свою собственную ПРОГРАММУ!

После войны во Франции национальное правительство де-Голля столкнулось с прогнившей судебной системой. Какие же меры лечения предложил де-Голль? Нет, он поступил как хирург, опухоль – отрезал! ВСЁ судебное сообщество было отправлено в отставку, а место судей заняли студенты выпускных курсов.

Вот и я не поддаюсь демагогам, я ни по какому поводу ничего конкретного не предлагаю, ибо ни в сельском хозяйстве, ни в промышленности, ни в медицине, ни в науке, ни в образовании я и не должен

ничего предлагать, и никакой честный политик также. Все бесчестные начинают с предложений и обещаний, дескать, мы и пенсии в два раза повысим, и манну начнем рассыпать с небес! А я бы даже и эти пенсии ОТОБРАЛ! – за то, что наше поколение продало за чечевичную похлебку свою страну ворами и бандитам! И не хочет ее отвоевывать, а только пресмыкается! Одни перед прошлыми вождями, обещавшими рай, другие перед теми, кто зовет в прошлое. Кто уже двадцать лет пудрит мозги народу, но ни разу не позвал его на борьбу. Забыли они (и не хотят помнить) слова великого Гете:

Жизни годы

Прошли не даром; ясен предо мной

Конечный вывод мудрости земной:

Лишь тот достоин жизни и свободы,

Кто каждый день за них идёт на бой!

Всю жизнь в борьбе суровой, непрерывной

Дитя, и муж, и старец пусть ведёт,

Чтоб я увидел в блеске силы дивной

Свободный край, свободный мой народ!

Итак, что *конкретно* я предлагаю взамен рабского режима?

Единственное: воры и лихоимцы будут строить железную дорогу Магадан-Воркута, а разумные планы будут предлагать честные и образованные министры и депутаты.

Где же честных взять? – завопят защитники воров и лихоимцев. А там же, где берут их в Турции, во Франции, в Германии, а если русские уже и не знают, что такое честь и как ее заново ввести в России, то поедем, как Петр, в Голландию учиться, а в крайнем случае, придется на первых порах оттуда их привезти, а там уж и свои появятся.

Я обещал защитить народ, но интеллигенцию, обычно раболепную, я защищать не обязывался. Пусть они даже получают гроши за свой труд, но они же и более других виноваты в крепости нынешней власти. Безропотно принимают они все изменения в государстве, предлагаются им новые правила учения и лечения, они не ропщут, бегут талантливые за границу (хотя бы и за длинным рублем), остающиеся только дрожат, как бы их и самих туда не прогнали. Идут ли они на демонстрации протеста? Нет! Они только охотно повторяют чекистские бредни о том, что это жида воду мутят, а пламенный русско-чекистский вождь – наш последний заслон перед их натиском. Да куда уж больше? Разве Абрамович чекист? Или Дерипаска? И разве Нью-Йоркский банк, где хранятся «русские доллары» – отделение Сбербанка? А не наоборот?

Ни защищать нашу «гнилую интеллигенцию» я не буду, ни обличать ее уже нет силы. Интеллигенция – это обширное сословие, в которое входят служащие разных профессий, в том числе и вороватые чиновники (а сегодня даже ректоры университетов, назначаемые, как и губернаторы, указами тиранов, самые заурядные чиновники!)

Творцы в науке и культуре – это единицы в интеллигентском море. И к тому же: где граница, отделяющая интеллигента от других? Батюшка, советующий прихожанке выбросить на помойку книги Даниила Андреева – интеллигент ли? И я сам, работавший грузчиком и сторожем, принадлежу ли к «работникам умственного труда», как определяет интеллигенцию справочник терминов?

Так что бог с ними, я и вправду не интеллигент, а они мне интересны только в частном: или те выдающиеся, которым я внимал, или те доверчивые, которые и меня одаряют своим доверием и дружбой. В общем они мне не интересны, и та бывшая «советская интеллигенция», верой и правдой служившая диктатуре пролетариата, несмотря на убийства своих лучших, и нынешняя «буржуазная» или черт ее знает какая интеллигенция, верой и правдой служащая диктатуре олигархов и бандитов, исправно подтасовывающая результаты опросов и выборов, сажающая в тюрьмы невинных и выпускающая, за деньги или по приказу, воров и бандитов.

2

Если же отвлечься от профессиональных и сословных ярлыков, то можно посмотреть на российский народ несколько иначе.

Существует небольшая горстка владельцев власти и капитала, подавляющая часть России принадлежит им и заложена в западных банках. Они уже давно не русские и даже не «русские евреи», а новая Золотая Орда. Их поддерживает охранительная система: МВД, ФСБ, прокуратура и суд. Эти делятся частью имущества, власти и привилегий с теми, и те «верой и правдой» их защищают. И те и другие – преступники, оккупанты, словно давние татаро-монголы, или недавние немецкие завоеватели и их приспешники полиции.

Кроме них существует народная каша, убывающее население огромной страны, в котором десятки племен и языков, верований и предрассудков, социальных и профессиональных групп, мужчины и женщины, дети, подростки, молодежь, среднее поколение и пенсионеры. Последние боятся за свою пенсию, боятся старости, боятся за расшатавшиеся устои, «как бы не было войны», как бы не стало хуже, и как бы не наступил конец света. Поэтому их я не трогаю, ни обличать, ни просвещать не буду, и отпускаю с миром.

Дети, естественно, тоже ВНЕ моих проповедей, пусть пока подрастут.

Остаются два поколения, молодое и среднее, но и они – все та же каша, вымирающий народ, в столицах и в провинции, кроме динамичного Северного Кавказа, стремящегося подмять под собою страну.

Я пришел спасти *свой народ*, но я не враг ни башкирам, ни чувшам, ни татарам. В свободной и подзаконной стране лучше станет всем (кроме бандитов), и инородцы, если они не враги России и собственного будущего, должны поддержать русское национально-освободительное движение, направленное против *оккупантов*.

Вот почему, исповедуя философию русского национализма, я не поддерживаю ни эклектичный коммунистический патриотизм, в котором они и сами ничего не поймут, ни черносотенный православный византизм, ни национал-шовинизм, направлен ли он против евреев или против инородцев, или против несчастных мигрантов с нищего азиатского юга.

Но *я пришел спасти свой народ*, поэтому обращаюсь к русским прежде всего, обращаюсь к тем, кто принадлежит к русской культуре и языку, независимо от происхождения, для кого Родина – Россия.

Кто же мечтает о другой родине для себя, те обратятся к другим обращающимся.

Итак, мой народ, это жители России, которым она дорога как Россия, основой которой является русская культура, сколько бы национально-разнородных теремов не было настроено на этой основе.

Так же ведь и арабы, живущие во Франции, должны смотреть на нее как на страну, в основе которой французский язык и культура.

Отличие правда, есть: русские не призывают народы России к ассимиляции и слиянию, они, как своеобразный вселенский, или имперский, универсальный народ, являются главным гарантом сохранения всех народов России.

Хотя я пришел спасти *свой* народ, но я не враг никому из жителей России, кроме оккупантов, а у тех нет ни Родины ни национальности.

3

Но я теперь хочу рассуждать не о том «малом народе», составляющем духовную аристократию, в который входят писатели и ученые, мыслители и учителя жизни, и который мне близок по духу, но о так называемом *простом народе*, в который входит и чернь, и придурки, и лентяи, и работяги и земледельцы, и торговцы, и наивные, и бесхитростные, и обманутые... все, кроме обманщиков... и из которого, в определенном смысле, я тоже происхожу, и к которому, помимо «малого народа», я тоже принадлежу.

У меня, возможно, два корня, я родился от красивых и талантливых родителей, умных, честных и работающих, но среди моей многочисленной деревенской родни и в среде, в которой я рос, и от которой не хочу отказываться, были всякие, и пьяные, и легкомысленные, и разгульные, и верноподданные.

Но все в той или иной мере были несчастны и при советской власти, которую в большинстве своем поддерживали, даже те, кого расстреливали, и несчастны при власти антисоветской, которая унижает, растлевает и бесчинствует, хотя они тоже, в большинстве, ее поддерживают.

Изменить мировоззрение народа проповедью невозможно, меняется жизнь, меняется власть, меняется в какой-то степени и мировоззрение. Помимо самой жизни на него влияет культура, школа, театр, кино и телевидение. Следовательно, бессмысленно надеяться сначала народ

просветить, образумить, настроить против власти, а потом с его помощью в результате выборов эту власть изменить. Нет, сначала меняется власть – в результате переворота, революции, катастрофы, в частности, иноземного нашествия, а потом уже меняется мировоззрение народа.

Сегодня в России катастрофа уже происходит, время убывает как шагреновая кожа, и только Революция, к каким бы последствиям она ни привела, способна Россию спасти. Так смертельно больной, стоящий перед выбором: в течение недолгого времени умереть, может быть, даже и мучительно, или решиться на операцию с неясным исходом, конечно, должен пойти ва-банк!

Государственный и народный организм гниёт, запах тления проникает всюду, жить в этом обществе уже невозможно.

Революция – это последняя наша надежда.

Но революция совершается по непостижимым причинам, народ вовлекается в нее уже после того, как она разразилась, это не голосование, это взрыв, и действующие силы в революции – всегда меньшая часть общества, иногда совсем малая.

Помпеи исчезли с лица земли, когда взорвался Везувий – но разве вулкан составлял значительную часть территории, на которой располагались Помпеи? Вот также накрывает взрывом целую страну, когда взрыв происходит только в столице.

Глава 3

НАРОД И РЕВОЛЮЦИЯ

1

19 августа 2012 г. Следовательно, надо взглянуть на народ с несколько иной точки зрения, нежели та, которую я стихийно усвоил от демократической риторики. Политическая история мало зависит от народа, смена царей и режимов – не его ума и рук дело. Не его заслуга, когда к власти приходит хороший царь, и мало вины на нем, когда правят узурпаторы, тираны и негодяи.

При демократии формальная сторона изменений состоит в том, что избиратели приходят к урнам для голосования и опускают бумажки. Но какие бумажки им опустить, еще прежде решают за них, как еще прежде за них решили, кого им любить или ненавидеть.

Когда та часть общества, которая толпится на капитанском мостике, или в каюте капитана, или у паровой турбины, или в охране, или где-то еще, откуда пролегает прямой путь до штурвала, начинает волноваться, испытывает недовольство режимом, она прибегает к подушке для удушения, к картечи для разгона конвента, к революционным матросам для разгона правительства или к китайским схваткам под ковром ... ну, в общем, прибегает к различным действиям, по большей части остающимся под водой зримой истории, и не спрашивает у народа, какой им люб правитель. Потом, после смены, народ полюбит того, кого ему назначат любить.

Хорошо, если изменения произойдут безболезненно, но начнется ли извержение вулкана, сталинские чистки или гражданская война, этого предусмотреть мы не можем.

Часто преступлением является не решительность произвести перемены, а нерешительность. Когда Гитлер заполнил половину России, мы напрыгали все силы для борьбы, неясно было, хватит ли их у нас, и не исчезнем ли мы с геополитической карты, надломив свой хребет, однако никто не хотел сдаваться, не исчерпав решимость сражаться до конца.

Вот так же и сегодня. Спрятавшись за мамкины юбки, трусливо повторяя за предателями или врагами народа (во всеобщем и полном смысле этого слова, от аристократов до смердов), «как бы не стало хуже», мы предаем Россию, ее будущее. Но сопротивление власти является государственным преступлением! – кричат нам защитники Золотой Орды (воистину золотой, ибо золото – ее кровь и дух).

Ну и что же? И партизаны – преступники по отношению к немецкой оккупации, и Тито, и французское Сопротивление, и Гарибальди в австрийской Италии, и революции в Северной Африке (что не помешало им позже стать ЗАКОНОМ), и Ельцин, расстрелявший парламент...

Впрочем, оправдываться нет нужды. Даже татары, завоевавшие Русь, СТАЛИ затем ЗАКОННОЙ ВЛАСТЬЮ (по крайней мере, таковою ее признала русская православная церковь, и даже когда собирал Дмитрий Донской рать на Поле Куликово, церковь была против него, и только авторитет Сергия Радонежского позволил ему сломить сопротивление церкви).

Революция или переворот приносят новую законность, взамен отвергнутой.

Или в России сегодня царство ЗАКОНА? А не власть ВОРОВСКОГО ОБЩАКА.

2

Итак, любит ли народ нынешнюю власть, голосует ли за нее, будет ли ее оплакивать, это философа не должно чрезмерно раздражать, до ненависти к народу. Вероятно, в народе есть что-то женское, он преклоняется даже не перед силой, а перед НАСИЛИЕМ – но ведь и женщину из-за этого мы не перестаем любить?!

Так и народу, живущему отчасти с похмелья, отчасти со страхом, отчасти по инерции, отчасти с надеждой, мы должны ПРОСТИТЬ его НЕВОЛЬНЫЕ вины. Народ ведь отчасти похож и на дитя! Сколько наивного, детского и в его сказках и преданиях (не дети же их сочиняют, хотя и любят их слушать!), и в мечтаниях о Золотой рыбке, и в мечтаниях об Иванушке-дурачке, который стал вдруг царем, да еще и Василису прекрасную нашел себе в жены.

Умеет ли народ решать дифференциальные уравнения? Нет. Но надо ли его за это поносить?

Народ ДОЛЖЕН честно трудиться (и вот ЛЕНЬ точно надо ставить

ему в упрек!), должен рожать детей, любить родину и защищать ее от внешних врагов, даже ценою жизни своих детей, должен быть чистоплотным, милосердным, справедливым, должен быть таким, чтобы им можно было гордиться. И вот то, что сегодня я поношу свой народ, что я его почти ненавижу, это наша общая трагедия, и его и моя, и виновата в этом беззаконная власть, терзающая нас на протяжении ста лет!

Мои обличения народа справедливы, моя ненависть к нему оправдана! – но если я остановлюсь только на этом, то мы оба погибнем.

Народ должен осознать свои слабости и грехи, должен в них покаяться, но ему надо в этом помочь. Неправедная власть растлевает народ, как растлевает пьяница и наркоман свою несчастную жену, как растлевает вор свою полюбовницу, как растлевает беспутный отец своих несчастных детей.

Поэтому не буду я больше обращаться к народу ни с проповедями, ни с призывами, ни с обличениями. Существует у всякого народа его часть зрячих и слышащих, есть они и у нас, не все они растлились.

Вот для них я и буду писать, если их осталось всего даже триста человек, мы победим.

Как мы этого добьемся, я не знаю. Может быть, очнется наконец и наш Бог, и поможет нам в нашем отчаянии? Может быть и мы, совокупно, найдем путь спасения? Боже, пошли мне хотя бы одного, *внемлющего гласу вопиющего в пустыне!*

3

Итак, надо успокоиться, и не обличать безжалостно народную душу.

Разве мало у нас точек соприкосновения? Он не знает Сократа и Достоевского? Да ведь и мама моя их не читала, разве я упрекал ее в этом? Зато она прилежно трудилась, чего не любил болтливый Сократ, в карты никогда не играла, тем паче, на деньги, – как Достоевский, каждую заработанную копейку тащила в дом, не трата их на себя.

Я уж чрезмерно обиделся на народ, надо мне успокоиться. Стоит прийти к власти честным и добродетельным, и народ позабудет идолов, которым, вместо праведных, воскурял фимиам.

В народе зловредные примеси, возможно, лишь ложка дегтя, но они то и пахучи, они-то, может быть, и есть подлинная чернь, а поскольку их запахи на всю околицу, то и кажется, что растлился народ.

Вот так и кулаков раскулачивали, приезжали комиссары, собирали в деревне гольтьбу, дармоедов, лодырей, а с ними уже и начинали содом и Гоморру и вавилонские казни.

Народ – как огород, если к нему не прикладывать культурных усилий, то он зарастает осотом и крапивой, и страдают огурцы и капуста, лук и морковь, можно в сердцах и их обругать – но не надо смешивать крапивное семя и культурные злаки!

Это не значит, что нет в народе слабостей и неправедных чувств и дел

– есть, есть! – но разве и сам я ангел? Разве и во мне нет столько, и такого, что впору в затвор идти?

Вот почему надо мне успокоиться, и продолжить размышлять и писать хладнокровнее (сколько возможно), и осмотреться перед казнью: с чем я на нее пришел? Что надо с собою взять, что людям оставить??

Обо всем, что меня мучает, я уже, кажется, говорил, и нет уже больше ничего нового, но все же: надо осмотреться.

О девушках, возможно, пока лучше промолчать, если только в стихах отчасти изливать свои чувства.

Надо написать о судьбе России, об истоках «русских революций», о большевистских голодоморах, о раскулачивании, о Войне с Германией, об уничтожении русского народа.

Надо еще написать о христианстве, хотя я и развожусь, но и при разводе приличествует Последнее слово, не только перед чтением Приговора или перед Смертной казнью.

Надо еще написать о русской несчастной и преступной любви к власти.

И все же при всех моих обличениях необходимо помнить о двух народах, секира была заострена на мой Малый народ, именно он и уничтожился в первую очередь (только не надо его смешивать с интеллигенцией, с образованным сословием, с правящим классом – царской ли России, России ли советской).

Несколько замечаний уместно еще сказать о культуре и образовании, ибо в возрождении образования – ключ к возрождению России.

Вот, кажется, все главное, все важное, что еще необходимо мне приписать в завершение этой книги, которую я замыслил прежде всего как Книгу философского объяснения мира: и внешнего мира, в котором мы живем (и мучаемся), и внутреннего мира, человеческого, вместе с Культурой и религией, вместе с нашим Богом, который в душе, и царствием Божиим, «...о котором сказано, что **оно внутри нас есть**» (П. Е. Астафьев).

Глава 4

ПРОСТРАНСТВО ЖИЗНИ

1

21 августа 2012 г. Читаю воспоминания Тамары Петкевич «Жизнь – сапожок непарный». Я читал прежде некоторые главы, и так стало тяжело, что отложил чтение, и вот теперь снова читаю.

Она пишет не столько о себе, сколько обо всех, о трагедии народа, о страшном двадцатом веке. Увы, исторический опыт ничему не учит, и если будет сегодня дана команда «Фас!», то и сегодня обрушится на всех нас казалось бы уже забытый кошмар.

Но были ли хуже те, о ком она пишет в своих воспоминаниях, добрые и злые, романтические и циничные, подлые и благородные люди двадцатых, тридцатых, сороковых годов, чем сегодняшние мы?

Нет, во многих отношениях они были лучше, сегодня я чувствую себя словно в современном лесу после безобразной вырубки: иное выпилено и увезено, иное валяется, пни и завалы...

Тогда оставалось много от старой утонченной культуры, мы – невежественные, грубые, НИЖЕ, нам еще надо вновь пережить девятнадцатый век, чтобы достигнуть их уровня!

И разве я сам, противопоставляющий себя окружающей пустыне, тоже не дикарь в сравнении с теми *возвышенными*?

В книге Тамары Петкевич много говорится о *красивых женщинах*, удивительно много их оказывается среди попавших в тюремные жернова. Это – ключ к пониманию происходящего. Система была настроена на уничтожение всего *выдающегося*, красота сильнее бросалась в глаза, чем культура и образованность. Мясорубку словно крутил кто-то извне не только русского народа, но и извне человечности. Совершалось уничтожение всего национально возвышенного, сознательно срезался верхний слой людей, и объяснить это какими-то социальными причинами и противоречиями невозможно. Еврейский заговор? Но сколько евреев, самых талантливых, самых русских, были уничтожены также!

2

Все больше сомневаюсь в нужности и значительности своих книг, они посвящены только мне одному... одинокое дерево, случайно сохранившееся в разоренном лесу. Правда, я не только ведь пишу о своих происшествиях и чувствах, я пытаюсь ПОНЯТЬ русскую историю последнего столетия, я пытаюсь найти выход из ПАДЕНИЯ, именно для этого я пишу! Но со страхом думаю, что пока не нарастет новый лес, ничего не изменится к лучшему. Только будет ли это русский лес? Не новый ли народ посееется и взрастет на месте Третьего Рима, как уже было прежде до нас? Может быть, и европейская культура вот так же иссякает и скоро исчезнет?

Мне иные читатели (из числа трех-четырех моих читателей) советуют писать то одно, то другое, вот, например, говорят: Напиши не о себе, напиши про других, напиши про народ!

Может быть, я слеп? Но я не вижу среди современников тех, о которых нужно писать.

Я уже представил имена и великих, с которыми счастливая судьба меня свела, они принадлежали пространству Тамары Петкевич, они – ПРОШЛОЕ, а я ищу настоящее и будущее. Нельзя сказать, что я совсем забыл про них, по разным поводам отдавал я некоторую дань и своей благодарности, о Юрии Борисовиче поместил несколько страниц в книге, посвященной двум необыкновенным братьям, и Сборник стихов Теодора Адамовича подготовил и собираюсь еще его усовершенствовать, и пишу книгу, посвященную Поискам могилы отца, которая хотя и о современных поисках, но обращена к прошедшей войне и к погибшему поколению.

И все же, необыкновенным людям ушедшего времени уже посвящена великая литература, и о погибших в войне (например, Виктора Астафьева «Прокляты и забыты»), и о перемолотых в мясорубке ЧК (Шаламов, Солженицын, Олег Волков, воспоминания уцелевших), я же нужен своему времени – только оно мне оказывается не нужно...

Правда, я и среди своих современников рос не в пустыне, прекрасные люди меня окружали, увы, они уже умерли!

Умер мой верный друг Казимир, и хотя мы были сверстниками, но выстрегивал из меня человека, как папа Карло.

И о нем я написал всего три странички, в «герои нашего времени» я его не пытался втащить, он принадлежит всеобщему, русско-польско-немецкому, я же – только русская частность.

Умер Сергей Сергеевич Шульц, геолог, поэт, автор книг о Петербурге. Сначала я напечатал его «Храмы Петербурга», и тем прорубил ему дорогу к литературе, после меня его следующие книги издали другие. В альманахе я напечатал несколько его стихов, кажется, кроме меня, стихи его больше никто не печатал.

Он часто приходил ко мне в издательство в девяностые годы, тогда многие авторы даже голодали, и я их кормил. Это был удивительный человек, поэтически странный; если я когда-нибудь обращусь к воспоминаниям, я постараюсь вспомнить и нашу дружбу.

Умер филолог и поэт Саша Михайлов, с которым я подружился чуть позже Казимира, на третьем курсе. Все, что написано обо мне, написал он, другие обо мне не написали ни строчки. Лучшая его вещь «Окрест Вселукской церкви» напечатана в моем журнале Мѣра, после его смерти я напечатал в альманахе несколько его стихов. Но и он принадлежит прошлому, он в Есенине, Клюеве, крестьянской поэзии.

Умер Анатолий Степанов... Наши книги во многом сходны, почти как и у меня у него полуфилософские рассуждения, и герой моих сочинений – это тот Я, который и у него, то есть объективный мир, заключенный в узкое пространство субъективности.

Умер Леонид Измайловский. Он мною, мне кажется, даже восторгался, хотя и в шутку, но называл «великим русским писателем». И он – тоже Я, его последняя повесть, которую я чудом вытащил из сломанного компьютера и напечатал в Альманахе, тоже – поиски могилы отца: «Двенадцать писем» к расстрелянному отцу, которого он даже не видел (как и я своего). Но и он не содержит в себе «всеобщности» и не мог бы стать героем романа о русской жизни.

Дело, возможно, в том, что я воспринимаю русскую жизнь как страшный фантазмагорический ПЛЕН СРЕДНЕВЕКОВЬЯ, писать же о человеке, который ничего не делает и пьет – зачем?

Писать о человеке деятельном? Можете бросить в меня камень, но деятельность в условиях, когда страна оккупирована, я воспринимаю как измену России. Я мог бы сделать своим героем партизана или революционера, но они, возможно, только чуть-чуть стали проявляться в тумане российского НЕБЫТИЯ.

3

Та, сталинская эпоха, в которую жила и мучилась Тамара Петкевич, была еще страшнее, НО... еще не подменила растленная пустыня всю жизнь, еще дьявольская система продолжала уничтожение неординарных людей, но они еще оставались! Поэтому так интересно читать о людях того времени.

А теперь? Я не хочу, чтобы читатель меня понял так, что я недоволен теми, с кем меня столкнула судьба и дружбой с которыми я дорожу, я не буду сравнивать их с людьми ушедшей эпохи.

Сравню с ними самого себя. Прежде всего, бросается в глаза моя недостаточная в сравнении с ними образованность и недостаток культуры, недостаточная духовность и излишний реализм – а я: символ романтического настроения моего поколения. Но те были большими романтиками, чем даже я сам. Многие из них жили во власти глупых иллюзий, иные даже в тюрьме продолжали верить в строительство «самого справедливого общества», а что же мои друзья-комсомольцы? В результате ли тяжелой внутренней борьбы расстались они с «диктатурой пролетариата» и «единственно верным учением»? Нет, проснулись как-то утром, смотрят, а вместо красных знамен все несут иконы... и они пошли за всеми...

Но современники мои несут тяжелую вину внутренней несвободы: после того, как в результате таких трагических жертв, таких горьких усилий страна, кажется, навсегда сбросила с себя гипноз кровавого сталинского изуверства, после хотя и коммунистической, но все же оттепели, после десятилетий ОТНОСИТЕЛЬНОЙ СВОБОДЫ ДУХА – вдруг миллионы понесли, если не в толпе, то в душе, портреты идола, а другие сотворили себе кумира из его ученика! – нет, даже если и есть сегодня выдающиеся люди, я не могу писать так, будто я ПРИНИМАЮ нынешнюю жизнь и даже нахожу в ней героев. Героя можно найти только в тюрьме или на баррикаде!

Да, я и сам пока не в тюрьме... и я тоже не герой... но, по крайней мере, я знаю, где и *каким* я ДОЛЖЕН БЫТЬ. Хотя, все же, пока «довлеет дневи злоба его» – я тоже живу для сиюминутного, как и все, но не для вечности.

4

О чем я писал в своих книгах? Пытаюсь вспомнить, и не могу, возможно, это всё – *ни о чём...* Тему я помню, и эта тема: поиски духовной свободы, поиски понимания в лживом мире, поиски неких констант, на которых должна основываться жизнь, поиски выхода из того тупика, в котором находится Россия.

Об этом я пишу: сегодня, вчера, позавчера... всё об одном и том же. но что-нибудь я нашел? Нет. Вот почему мне и кажется, что *мои книги – ни о чем.*

Так не надо ли хотя бы перечислить несколько главных направлений моего спора с современниками?

5

Ну, во-первых, со всеми ли современниками я спорю? На протестные митинги и демонстрации выходят десятки тысяч человек в Москве, немного меньше в Питере, но это всегда не менее десяти тысяч – а десять тысяч чернорубашечников, прошедших по улицам Рима, привели к власти Муссолини! И у большевиков летом 17-го года было, как пишут, всего пятьдесят тысяч сторонников, а они перевернули полмира!

Нередко протестные акции в Москве собирали и более ста тысяч человек, а если учитывать, что выходят далеко не все, объединенные общей идеей, то видно, что протестанты (или оппозиционеры) – это не жалкая кучка отщепенцев, к которым принадлежал и я сам, бунтующий против коммунистической диктатуры, а значительная часть народа.

Защищать существующий порядок вещей всегда безопаснее и легче, достаточно пойти в пивную и там обругать оппозицию. Но сопротивлению режиму требует мужества и убежденности!

Что, кроме силы, которая на стороне государства и его цепных псов, противопоставляется оппозиции?

Два основных тезиса, один из которых изливается из всех зловонных рупоров, а другой нашептывается тайно, состоят в следующем:

Во-первых, оппозиция – это *пятая колонна Запада*, наймиты империализма, ЦРУ и западных разведок и правительств (с которыми, впрочем, именно у наших хозяев нежнейшая дружба и целованье, и такое сращение интересов, что и деньги и свои и Российского государства они держат в западных банках!). Но все же, конечно, главный наймит, это я сам, который когда-то бунтовал против *родной советской власти*, а теперь продолжает бунтовать против родной *антисоветской власти*. Что чекисты продолжают ту же пропаганду, что и во времена своей юности, хотя социализм заменился своим антиподом, не удивительно, они никогда не отличались умом, но только коварством, злобой и низостью. Но почему им внимают болваны? Очевидно, только потому, что они болваны.

Во-вторых (нашептывается тайно), оппозиция – это *жидомасоны*, которые хотят свергнуть русского царя, болеющего за интересы России и посадить на трон какого-нибудь еврея, или из-за границы, или из своих, например, Ходорковского.

А кто же тогда политики и олигархи, проклинающие оппозицию и сервирующие обед для диктатуры из золотых слитков? Возможно, тогда, что Жириновский – главный русский националист, а Абрамович, Ельцинский Ротшильд – на самом деле тайный Савва Мамонтов? И Единая Россия – не вороватые чиновники и чекисты, а сплошь совесть русской интеллигенции? И, разумеется, евреев в России так притесняет и изводит олигархически-чекистская власть, что им больше некуда деваться, а или с голоду умирать в умирающей русской провинции, или бросаться на баррикады, рискуя потерять и свободу и жизнь.

Так спорю ли я с лживой властью и её «молчаливым большинством», которое не всегда молчит, но и призывает кары на головы несогласных?

Был ли смысл в моем споре с ними пятьдесят лет назад, когда

мне заломили руки за спину, и молчаливое большинство закричало: Ату его! *Народ и партия едины!*

Сторонники правительства – это часто противники России.

Есть среди них и евреи, и инородцы, и русские. Советская пропаганда побуждала Россию презирать, целые поколения выросли с верою об отсталой, тупой и забитой России, *тюрьме народов*. Постсоветская пропаганда Россию выставляет такой же тупой и отсталой, *родиною совков* (что, ведь, увы, и справедливо!).

Но кто Россию презирает и ненавидит? Боюсь, что русские даже в большей степени, чем евреи. Вот уже три миллиона бежало на Запад, за виллами и текилой. Разве это все евреи? Откуда бы их столько? Нет, это русские бежали! И поэтому мне, математику, смешно слушать о том, что русские Россию любят, а евреи мечтают ее погубить. Даже среди тех, кто пытается защитить старинные дома от сноса алчными богатыми – евреев, страдающих за русское культурное наследие, больше русских.

Сторонники правительства (а, следовательно, противники России) это все те, кто наживается на разграблении ее богатств, и прежде всего вороватые чиновники. Они грабят наш народ, потому что, отбирая у «буржуинов» треть, вынуждают их увеличивать цены и уменьшать зарплаты и снижать качество товара. Чиновники – главные враги русского хозяйства, а значит – враги России! А вместе с ними судьи, прокуроры, следователи, толстозадые генералы и толстопузые попы.

Но есть ведь и такие сторонники правительства, которые Россию не грабят, работают за зарплату, и даже не понимают, что Россию они своею покорностью губят? Возможно. Но не будем на них тратить времени. Я бы даже добавил, что на них мне даже жалко веревки, если бы не боялся я шокировать гуманистов.

И в-третьих, у правительства есть и такие сторонники, которые его НЕ ЛЮБЯТ. Но они говорят: «А если не *эти*, то кто?» (подразумевается, что кроме *этих* – *некому*, Они у нас единственные). Или: «Главное, чтоб не было войны (революции)!» Или: «Как бы не было хуже?!» Что ж, если кто-то из них еще не навсегда влез на дерево, то надо им сделать усилие над собой, попытаться смотреть и видеть.

И, наконец, в-четвертых, много и тех, кто не ходит на протесты, но не любит правительство. Одни не ходят – из робости. Другие – из равнодушия. Третьи – по множеству других соображений, одно из которых – православие. Но главное – это быть свободным от оглуляющей пропаганды, а тогда, может быть, мы еще и встретимся на баррикадах... И с робкими, и с равнодушными, и с догматиками. Не меняются только рабы, свободные способны изменяться.

И все же не будем тратить слишком много времени и сил на тех, кто все еще не понял преступность режима и необходимость идти на Поле Куликово. Это они должны волноваться, не плюнут ли дети им вслед, когда Россия станет свободной – без них. А мы должны возвысить наш дух и укрепить тело. Поле Куликово нас ждет!

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ

МИР И ДУША

Глава 1

ПУССИ РАЙОТ

1

«Путин зажигает костры революции!» – теперь уже речь в этой новой песне революционерок идет не о том, что надо требовать справедливых и честных выборов и взывать к совести правящей банды, а о насильственном ее свержении. Хотя, впрочем, это не мы сами зажигаем костры революции, а прогнивший и дьявольский режим.

В отношении к христианству революционная коллизия приобретает более глубокий и важный смысл. В обществе идут споры о революции, о том, не станет ли хуже, не принесет ли она новые беды, не развяжет ли она узлы еще большего насилия, не воспользуются ли ее плодами другие... и так далее. Большинство сходится на том, что лучше просить на коленях правящий строй о реформах, нежели звать народ на баррикады.

Оголтелые (к которым как раз и принадлежат феминистки), напротив, уже не боятся революции, уже к ней готовы, уже видят в ней единственное решение российских проблем.

Но как могут и должны относиться к революции христиане?

Для чего совершаются революции? Чтобы изменить окружающий мир, чтобы *начать изменения с него*, хотя и не обязательно ограничиться такими изменениями, а продолжить их, меняя и человека.

Христианство же учит о том, что Бог создал мир наилучшим образом, и лишь грехопадение человека его погубило, испортило, поэтому изменения нужны, но начать надо с самого себя, с исправления собственных грехов.

Впрочем, центральная мысль, лежащая в основании христианства, состоит в том, что одних усилий человека недостаточно, что преображение мира возможно лишь при метафизическом, сверхъестественном вмешательстве в мир, через *искупительную жертву* самого Сына Божия.

Искупительная жертва была принесена, Христос явился в мир, вочеловечившись в Иисуса, сына Марии, теперь... ну, ждать *второго пришествия*? **Веровать в Христа и ожидать конца света.** По существу, это главный смысл жизни христианина. Иные еще добавляют к сему, что одна только вера без дел мертва. Следовательно, в православии не возбраняются и добрые (точнее сказать, богоугодные) дела.

Мир уже искуплен! Это главный итог явления Христа. Лучше он не стал... ну, наверное, не всё сразу...

Иудаизм и христианство сходятся в том, что ожидают: одни – пришествия Спасителя (для спасения богоизбранного народа), другие (христиане) – второго пришествия Спасителя (для спасения малого остатка праведных).

Закончится история и начнется Метаистория (или уж не знаю что... впрочем, и они не знают...)

А пока продолжается история, но – лучше спать во гробе... Какая уж тут революция!? Ваши эти мирские дразги – думает православный монах, – какая это все *суета сует!*

Иудаизм и христианство расходятся в том, что в язвах и бедах мира ветхозаветные пророки упрекают неправедные людские дела, БЕЗЗАКОНИЯ, призывают к покаянию и исправлению.. Мир хотя и был создан наилучшим образом, но люди продолжают грешить, от этого мир портится, и переполняется чаша терпения Господа и – ужо Он вам!!!

Обличительный пафос ветхозаветных пророков очень похож на мой, их взгляд на мир не противоречит идее его революционного изменения – не оттого ли православный ОХРАНИТЕЛЕН, вступает в Союз русского народа для защиты царя или заходится в праведной истерии против феминистского кощунства для защиты теперешнего царя и патриарха.

Возможно, чекисты и верноподанные правы, и те революции совершили жиды, и эта, четвертая революция, вдохновляется ими (вот почему я еврей, хотя и русский из русских)!

Православные, конечно, не одинаковы, часть из них пытается выставить себя в качестве истинных русских патриотов, пытается дописать на своих знаменах, где может быть только одно: *Отряхнем прах мира сего с обуви своей!* – еще один лозунг: Спасай Россию (иногда с добавлением: Бей жидов!)

Но какая у них русскость, какой Российский патриотизм, если они говорят, что русский без православия – это мерзость? Что главное – вернуться в веру и церковь, все остальное второстепенно?

Так все главное уже совершилось, даже наш царь стал православным, если и идти на баррикады, то уже вместе с ним, в защиту его, против пятой колонны, жидов, интеллигентов, умствующих, свободомыслящих, жаждущих свободы...

2

Но какая революция нам нужна? Большая часть великих революций ставила социальные и политические цели, в них буржуазия свергала монархию и феодалов, заодно ниспровергались и клерикальные мечты духовенства, церковь теряла свою всеильную власть.

Октябрьская революция была на них похожа, но на власть претендовал новый класс – пролетариат (по крайней мере, в лозунгах и в воцарившемся над умами новом Учении об истине объяснялось это так).

Но существует и другой тип революций – национально-освободительные. Или же и в социально-политических присутствуют вместе и национально-освободительные цели. Три так называемые русские революции были АНТИРУССКИМИ, это были революции окраин (по преимуществу) против Российской империи.

России (и мне) нужна *русская национально-освободительная революция*, ибо без нее погибнет Россия, погибнет и русский народ. Он уже теряет свое государство, потерял настоящее, но теряет и будущее.

Народы нынешней России от того, что русский народ сойдет с мировой арены, ничего не выиграют. Превращение ее в безнациональные Соединенные Штаты Америки не удовлетворит их мечты и амбиции (если они мечтают о создании на месте России собственных национальных государств. Впрочем, такие мечты надо квалифицировать как государственную измену!)

Займут ли они сторону правительства в грядущей революции? Они и сегодня уже на его стороне, ибо только оно – гарантия окончательного сокрушения жизненной силы русской нации!

А какова позиция евреев? Часть из них уже уехала за рубеж, остались или те, кому и так хорошо; или те, кому плохо, как и нам, их я называю «русские евреи», и они – верные сторонники возрождения России.

Так ведь и русские разделились, что же тут удивительного?

Будут ли на стороне *русской национально-освободительной революции* православные?

Боюсь, что они будут на стороне силы, они уже и сегодня несут на своих знаменах не лик Христа, а лики двух самодержцев.

На его стороне будет и церковь в целом, она и во времена татаро-монгольского ига защищала власть Золотоордынских ханов, и выступление Сергия Радонежского на стороне Дмитрия Донского было по существу первым русским церковным расколом (еще задолго до этого преподобный Сергий ушел из Московского монастыря в глухую лесную замосковную чащу, где и вырос со временем Сергиев Посад, и даже стал резиденцией русского патриарха).

3

Кто же будет с нами, русскими националистами? Может быть интернационал-патриоты Зюгановской сталинистской партии? И мы вместе начнем стремиться к экспроприации частной собственности, обобществлению женщин, и к мировой революции?

Нет, марксизм-сталинизм, лежащий в генах этих «патриотов», никогда не станет национализмом и жаждой свободы.

Хотя, если кто-то из них и придет к нам, не будем его отталкивать.

С нами могут и должны быть представители левых убеждений, ибо институт частной собственности не исключает ОГРАНИЧЕНИЕ ее эгоистической власти и построение государства, которое будет защищать права ВСЕХ социальных групп.

С нами могут и должны быть сторонники демократии, понимают ли они под этим только свободу слова и политической деятельности, или только всеобщее избирательное право и парламентскую республику.

Но с нами не будут и не должны быть государственные нацисты, платные агенты чекистов, дискредитирующие национализм.

4

Выступление Пусси Райот как в едином узле связало многие проблемы внутри христианского учения и в его отношении к миру.

Что такое женщина? Действительно ли она НЕЧИСТА, действительно ли она – сосуд Дявола?

Мужчине лучше не прикасаться к женщине, истинно – жить отдельно, в монашестве (и ему и ей), это высший уровень человеческого, а уж в крайнем случае – прилепиться к одной и на других не смотреть.

Грех вошел в человека и в мир, и МИР ПОДВЕРГСЯ МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ ПОРЧЕ. Но человек согрешил, и грех вошел в человека – это и одно и не одно, здесь важная, тоже метафизическая, разница, почти противоположность. Грех вошел в Адама через Еву, по существу согрешила именно она, следовательно, вина лежит прежде всего на ней. Да притом, что ужаснее всего, и согрешила она не сама по себе, не по наивности, а совратившись Змием. И, как пишет один христианский философ, Змий знал, что она его будет слушать.

Христианство, таким образом, это учение о грехе, источником которого явилась женщина, и в скрытом виде оно противопоставляет женскую природу мужской. Что-то подлинно греховное содержится именно в женской природе, мужчина виновен косвенно, он СОУЧАСТНИК греха, она – его зачинщик.

Женщина-христианка должна соглашаться с таким взглядом на себя самою, если же она жаждет равноправия, подлинного, метафизического равноправия, то рано или поздно ее или сожгут, как Жанну Д*Арк (которая даже возвысилась над мужчиной), или изгонят из Храма за непокорность, как боярыню Морозову или Пусси Райот.

Ну а мужчине, отказывающемуся признать миф об изначальной порочности женщины за красугольный камень онтологического представления о мире, душе, жизни и спасении, следует из храма уйти самому, не дожидаясь, пока его оттуда изгонят и не искушая верующих своими взглядами. Не вправе я спорить в храме.

Впрочем, не хочу я уже и вне храма спорить с христианами. Не хочу я уже и просто спорить с кем бы то ни было, устал я от споров. Я и сам читаю лишь тех, кто мне интересен. Читатель мой также волен меня не читать (что он и делает, ибо читателей у меня нет). Он может читать Мао, Че Гевару, Нострадамуса, Кремлевские тайны, Рецепты для похудения и Кулинарную книгу. Читатель даже мой Учебник математики не стал читать, тройку ему поставят и так.

Итак, их изгнали, я ухожу сам, возможно, мы даже встретимся, христианские феминистки (которых не смог защитить даже Христос от обвинения в блуде и побоев камнями кремлевскими старцами и дикой толпой), и я, свободомыслящий, пытавшийся быть христианином в казарменной церкви.

Где же мы встретимся? На паперти, в тюремном дворе, на Голгофе? Последнее скорее всего. Если их сожгут до меня, я сложу им стихи. Если меня распнут до них, они помогут меня снять с креста.

5

22 августа, 15-42. Только что в интернете выслушал Последние слова трех подсудимых, участниц акции в Храме Христа Спасителя.

Нет, я не ожидал настолько ума, убедительности и глубины.

Я знал, предчувствовал, что это незаурядные девушки, но насколько они ВЫШЕ нашего интеллигентского сообщества, даже лживо цедащего сквозь зубы слова о том, что они или бляды, или дуры, или стервы, но в любом случае «кошунницы», и если их не стоит судить слишком сурово, то по крайней мере их надо публично высечь.

Те наши известные люди, которые высказывались публично подобным образом, высекли сами себя.

Если бы из сообщества священников и богословов прозвучал голос правды, я бы еще остановился, уходя из церкви. Но даже самые милосердные христиане промолчали, а невежественная толпа черносотенцев вопит все так же визгливо. Неужели я хочу стоять рядом с ними и дышать одним с ними воздухом? Они, возможно, не видели лиц этих девушек, не слышали их песен, не слышали их Последнего Слова, но они и не хотят ни видеть ни слышать. Они – это та советская доярка, которая заявила: Я, конечно, Пастернака не читала, но вместе со всем советским народом я клеймлю его позором.

Я был бы счастлив, если бы кто-то из наших «читателей» сказал нечто подобное про меня, что книг моих он, КОНЕЧНО, не читал, но вместе со всем современным народом он меня тоже клеймит.

Жаль, что перемены в истории хотя и совершаются, но слишком медленно, успевают забыть патриоты, как они оплевывали Шаламова и Солженицына, как они ненавидели дореволюционную Русь.

Пройдут годы, девочки эти будут нашей гордостью, единственным оправданием двух десятилетий *трусливого молчания на коленях*.

Та средневековая истерия, которая поднялась, как ветер, взметая тучи пыли, вынуждает меня вернуться к исследованию моих отношений с церковью и христианством.

Относительно церкви мне всё ясно, в такой церкви, где даже ладан не очищает атмосферу травли *инакомыслия*, мне делать нечего.

Но надо ли совсем закрывать Завет Того, кто еще недавно многое говорил и моему сердцу? Иные разводятся с женами – и часто это расставание цивилизованное, без упреков. Посему, расставаясь с недавнею Истиной, как с долгой иллюзией, я не хочу ее укорять чрезмерно.

Каждый находит в ней столько, какова величина его личности. Праведный находит *оправдание добра*, жестокий – еще один способ умалить человека.

Вот почему поэтов так ненавидят те, кто уже своё всё *нашел*: религиозные фанатики, строители диктатур и казарм, *нищие духом*. Поэт ведь не только гражданин, математик или политик, жизнь его продолжается и после Революции, жизнь его продолжается даже тогда, когда истина уже открыта, возведена и усвоена теми, кто жаждет абсолютной, простой, окончательной истины. Жизнь поэта продолжается даже после смерти.

Глава 2

ХРИСТИАНСКАЯ ТРОИЦА

1

Итак, мы вкратце рассмотрели основополагающие христианские идеи: об изначальной, первородной вине человека (Евы, прежде всего) в метафизической порче мира, о невозможности и нежелательности его исправления чисто человеческими средствами, с помощью культуры, реформ, революции, добрых дел и благих помыслов, об искупительной жертве Христа для такого исправления мира (для чего Он и приходил, и что и было его главной целью).

Все же остальное вытекает из такого миропредставления. *Монашество. Святость государственной власти* (добрую Бог насылает по милосердию, злую попускает по нашим грехам) и *ненужность политической борьбы*, ибо только молитва – путь к смягчению злой власти.

Неравенство мужчины и женщины. Запрещение женщине священства (там, где этот запрет снимается, совершается богословская подмена, ибо не снимается идея их изначального неравенства, и тогда каким же священником может быть жена, которая «да убоится мужа!»)

Это все относится к Онтологии, к происхождению и устройству бытия и жизни. А гносеология? К счастью, христианство мало уделяет внимания Познанию, Постижению, их природе. Оно противопоставляет Веру Познанию, и отчасти мне это самому близко, я не только математик, но и поэт, а в Поэзии на мир смотрит не познающий силлогический ум, а чувство и вдохновение.

Поэт прозревает истину, ученый муж ее добывает кайлом и киркой.

Но есть еще эсхатология, представление о смерти, о посмертном блаженстве или наказании, о судьбе мира и природы, о будущей Послеистории.

Что я об этом думаю.

Думаю, что когда меня поведут на расстрел, я закричу беззвучно: Мама! А потом скажу вслух: Господи, спаси меня!

Моя философия не помогает мне преодолеть страх, Воскресение Христа дает надежду.

Это еще одна, а может быть и важнейшая ипостась христианства: *Чудо Воскресения.* Для чего приходил Христос? Чтобы обличить грехи и зло, утратить Божественным гневом? Чтобы защитить Пусси Райот (в образе ветхозаветной блудницы) и других страдающих? Чтобы учить милосердию? Или, напротив, учить ненависти, «кто не с нами, тот против нас», «женщина – сосуд Дявола», Бог поругаем не бывает и тому подобное, что кладется в основу костров инквизиции и заседаний Хамовнического суда в Москве?

Бог, возможно, приходил не обличить, не защитить, а утешить.

2

Итак, христианство складывается из понятия о *Первородном грехе*, Искупительной жертвы Христа (то есть из Его *Распятия и Искупления*) и из Его *Воскресения*.

Первородный грех, Искупление и Воскресение – вот та онтологическая **Троица**, те три краеугольных камня, на которых зиждется христианство.

В них нет внутреннего противоречия, они представляют собою стройную мировоззренческую и религиозную систему.

Все остальное хотя и существенно, но лишь дополнительно, обогащая дух христианства плотью. Что же остальное?

3

Во-первых, Рождество и Вера Иисуса Христа.

Иисус находится в таком же отношении к Богу-отцу, как Новый Завет – к Ветхому, кроме того, по мужу Марии Иосифу, как говорится в Евангелии от Матфея, Он восходит к роду Давидову и тем самым принадлежит и «семени Авраамову» и иудейской религии. В какой степени Иисус человек, в такой же степени Он еврей (в этническом смысле) и иудей (в смысле религиозном).

Что прибавляет или отнимает миф о Его *непорочном зачатии*? Возвышает ли оно Иисуса или Марию? Правда, понятие о *Первородном грехе*, испорченности мироздания и необходимости искупительной жертвы словно бы требуют *непорочного зачатия* Христа. Если Зачатие – грех, то Иисус и мать Его должны быть выше греха, оба они должны быть *непорочна*. *И грех зачатия преодолевается рожденным без зачатия*.

(Но я, зачатый Марией как ВСЕ, не назову себя сыном греха. Да, русский мир испорчен темными силами, но мы его исправим в пламени революции, не дожидаясь Второго пришествия. Впрочем, Христа не узнали при Первом пришествии, кто может утверждать, что Он сегодня не среди нас, готовых идти на Голгофу в войне с темными силами, распинающими нашу Родину?)

Итак, по Рождеству и Вере христианство неотделимо от иудаизма, как и Христос от народа, который Он пришел спасти. Обоснованию их нераздельности (хотя и неслиянности) и посвящены Послания апостола Павла, то есть, в известном смысле, раннее христианское богословие.

Во-вторых, Проповеди Иисуса Христа. Они так же неотделимы от ветхозаветных текстов, на которые Он ссылается, откуда следует, что богословие апостола Павла имеет опору в Самом Христе.

В проповедях больше диалектики, то есть противоречий, чем в онтологии христианской идеи, но они имеют вполне человеческое содержание. В существенном в христианстве все обосновано, обоснованно и Христос говорит: *Азь есмь истина!*

(Но Мир и жизнь человеческая не укладываются в Явление Христа, и потому по отношению к Миру в целом Истиной может являться только Культура в ее целом, ибо ИНОБЫТИЕ не может являться истиной Бытия, оно может быть истиной только для себя самого. Все, кто полагает, что

европейская культура неотделима от христианства, и называют ее даже *христианской культурой*, умаляют эллинскую культуру. Истоки ВСЕГО в европейской культуре, истоки всех ее разделов, жанров, направлений, предьсторий и целей содержатся в эллинской культуре, а не в Ветхом и Новом Заветах (там не содержится математика, астрономия, география, Право, драма, трагедия, Поэзия, История, Балет и танцы, пение, музыка, декламация, литература, Философия, ... да, а я еще многое не назвал).

В-третьих, Чудеса Иисуса Христа.

В основном все чудеса обоснованы, вписываются в общий контекст Христианского Мифа. Смущали меня лишь чудеса, когда Иисус накормил толпы голодных, следовавших за его проповедями. Зачем? Могли бы и поголодать. Тем более что незадолго и Сам Он сказал, что *не хлебом единым жив человек*.

Или Он решил подшутить над нами, жаждущими «халявы»? Или посмеяться? Не манны ли вы от меня ждете, не легкой ли жизни? Вера вам нужна или хлеб?

Впрочем, пусть это чудо остается неким туманным образцом противоречий Его не только в словах, но и в поступках.

Кстати сказать, меня всю жизнь потрясает эта... странность... человеческого ума, который тщится в непротиворечивую систему связать всё, даже то, источником чего является НЕСВЯЗУЕМОЕ.

«Чудо вочеловечивания принимаю, а непорочность необходимо обосновать!» Но... ?

Все сие не считать ли второю *Троицей*, Троицей его земного Пути и учительства?.

И существует третья Троица, о которой скажу вскользь, она мне еще видится смутно.

«Кто моя семья? Это ученики мои!» – в этом противопоставляются близкие по духу родным по крови. «Несть больше ни еллина, ни иудея!» – противопоставляются общность племенная и духовная. – *Это во-первых*.

Обращение Савла. Призвание благочестивого разбойника. – Не оправдание ли божественного произвола? – *Это во-вторых*.

И, наконец, отрицание мира, плоти, культуры (это ПОТОМ историческая церковь попытается примириться и с миром, и с плотью, и с культурой). Ни слова о семейных отношениях у Христа, у апостола Павла. Ни слова о Работе, Творчестве, Любви (между мужчиной и женщиной), о Театре (Культуре). В Ветхом Завете о работе говорится как о проклятии, у Христа еще пуше: «Не заботьтесь о завтрашнем дне...», «Лилии небесные не жнут и не пашут, а наряжены...» – *Это в третьих*.

Следовательно, **отрицание плоти**, плотской любви, семьи и племени; **отрицание мира**; отрицание работы, культуры и творчества – не считать ли третьей *Троицей* (Троицей отделения Инобытия от Бытия)?.

Глава 3

ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА?

1

23 августа 2012 г. Читаю воспоминания Тамары Петкевич и становится все горше.

Пусси Райот обвинили в *кощунстве*, по существу это то же, что обвинение в *богохульстве*. В богохульстве обвинили Сократа и приговорили к смерти, в *богохульстве обвинили и Христа* и также приговорили к смерти.

Есть люди, жаждущие утешения и милосердия, есть люди, жаждущие осуждения и казни. Жажду подчас и я казней для лютых злодеев, для гонителей всего высокого и необычного, жаждут и они костров Инквизиции и Хамовнических судов для Сократа и Христа, для Гипатии Александрийской и Жанны Д*Арк, для Джордано и Аввакума, а то даже Суда Линча и сталинских судебных троек, а то даже «Приговора и исполнения на месте ...», как было во время войны – о, сколько невинных порублено в этих мясорубках!!

«Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет: сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную.» – писал апостол Павел в Послании к галатам (Гал.6:7).

Являются ли эти слова апостола призывом к расправе над инакомыслящими, как их поясняют инквизиторы? – А ведь и сам апостол отступник от веры отцов, и хорошо знает вкус гонений.

Нет, гений и злодейство несовместны, а поелику апостол – гениальный писатель, то не инакомыслящих и не мыслящих он осуждает, а скорых на расправу людей невежественной и жестокой толпы. *Сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление!* – говорит апостол, и только это меня утешает

«Невозможно осмеять или обмануть Бога, Его Церковь и Его служителей. Каждому в свое время Бог воздаст по его словам и делам», говорит Иеромонах Иов. Эти слова *противоположны* словам апостола!!!

Кто решает, являются ли действия того или иного человека *богохульством*, и кто установил меру наказания за них и исполнение меры? Бог ли сжигал Жанну и протопопа Аввакума, Бог ли распял Иисуса Христа, обвиненного в богохульстве? – или его верные слуги? И были ли то Егó слуги?

Но и кто скажет, что тогдашние иудеи и синедрион, осудившие Христа – это все сплошь богоборцы? Они защищали своего Бога и свою веру, они защищали себя, таких, каковы они есть.

И разбойник, убивающий в подворотне, защищает свое право грабить и убивать, защищает себя, ибо если не он осудит нас и убьет, то мы осудим его (поелику возможно, праведным судом – но – осудим!)

Вот что я подумал: это разбойники чаще всего бросаются на камнебитную защиту Высших ценностей, вековых устоев, устоев православия, Истины, морали и нравственности...

В чем обвинили меня в 70-м году, в чем, как правило, обвиняли диссидентов? В клевете на социализм и советскую власть, и в моем обвинительном заключении сказано, что я клеветнически утверждал, что в СССР нет свободы слова.

Прошло двадцать пять лет, я издал Житие протопопа и принес его в православную Лавку, памятуя о примирении между Новой и Древней церковью (не знаю, как их точнее назвать, ибо они обе называют себя православными).

Служительница бросила в меня эту книгу. Пусть старообрядцы и были ПРОЩЕНЫ (каково, а?!?! Триста лет мучительских гонений, в которых московская церковь до сих пор не покаялась, и это она ПРОЩАЕТ гонимых, а не гонимые ее прощают!), сказала она, но Аввакум изрекал хулы на патриарха Никона (осужденного позже своею же церковью и сосланного в Кирилло-Белозерский монастырь в заточение), и за это прощения ему нет!

Да, действительно, в этом же издании на обложке воспроизвел я слова из Послания протопопа, где он о Никоне пишет: «женоклюб и бабоб!»

Что тут в сравнении невинные сарказмы Пусси Райот?!

А в чем обвиняли Шаламова и Солженицына? Ну конечно же, в клевете! О, с каким восторгом судьи и следователи и их посадили бы на скамью подсудимых с феминистками рядом! Да и Иисуса Христа, ибо он тоже изрекал хулы на тогдашнюю церковь и ее служителей! И вот, видимо, и вправду, «*Бог поругаем не бывает*», как сказал апостол Павел, недавний гонитель христиан. И в подтверждение привожу из Деяний апостолов рассказ о побивании камнями Святого Стефана:

7. 1–29. ...Тогда возвели на него ложные обвинения, и учинили над ним суд. В свое оправдание он пересказывает историю богоизбранного народа...

Но «отцы наши не хотели быть послушными... и сделали в те дни тельца, и принесли жертву идолу.

Бог же отвратился от них.»

«Жестоковыйные люди с необрезанным сердцем и ушами! Вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы.

52. *Кого из пророков не знали отцы ваши?»*

54. А они «скрежетали на него зубами...» и выведши его за город, стали побивать его камнями; «свидетели же положили свои одежды у ног юноши, именем Савла.» [будущего апостола Павла].

Правда, если Бог и вправду ОТМЩАЕТ за богохульства, как отмстил он Сократу, Джордано, Жанне, гугенотам, староверам, миллионам верующих, гонимых в годы советской власти – ТО – я вижу из текста Деяний, что отмстил Он и Святому Стефану, но отмстил ли Он его гонителям, и в частности Павлу?!?

Возможно, кто-то из православных скажет, что евреев Он развезл по свету, и тем отомстил им – но ведь они защищали Бога?!

А тогда и падение беспримерное России, ВЫМИРАНИЕ русского народа и его беспримерное РАСТЛЕНИЕ – это не НАКАЗАНИЕ ли нам за наши истинные «богохульства», то есть за «ЖИЗНЬ ПО ЛЖИ», за помощь сатанинским ханам в их борьбе против русского народа и русской культуры? И кто эти нынешние православные, истерически призывающие к «защите Бога» огнем и мечем? Да ведь это дети следователей, судей, охранников и палачей, которые истребляли русских крестьян и верующий народ в двадцатые годы (и позже)!

Ими движет жажда крови, как и отцами их!

(Может быть, кто-то иначе объяснит их, скажет о них, вздохнув «святая простота»?)

(Кстати, еще одно замечание. Когда призывал я громы и молнии на головы сталинских палачей, наша интеллигенция сплошь на меня ополчилась: *Не судите, да не судимы будете!*)

И вот судят трех девушек, заковали руки их кандалами, тела их поместили в клетки, на двери клеток навесили замки, у дверей три злобных овчарки, в зале и в коридорах бойцы в масках, у врат суда тоже бойцы, и даже площадь окружена батальоном бойцов с автоматами!!!

А что вопит наша интеллигенция, покрывая себя неуязвимым позором?

Естественно, вопит она: *Распни их!!*

Ну, конечно же, сталинские палачи – это овцы, а может и ангелы в сравнении с волчищами, подрывающими ТЫСЯЧЕЛЕТНИЕ УСТОИ ПРАВОСЛАВИЯ!

Окян-море атеистической литературы, заполонившей умы и сердца за семьдесят лет злобной богоборческой власти! Десятки тысяч взорванных храмов! Поруганные дворянские усадьбы (или это не устои?). Миллионы убитых верующих! Атмосфера доноительства, насаждаемая той самой ЧЕКА, тем самым комсомолом, которые выпестовали ваших вождей! – нет, этот вселенский ОГНЬ, пожирающий землю русскую, когда вы боялись даже слово сказать в осуждение пожирающих и в защиту жертв – вами уже забыт? Или ОПРАВДАН?

Христос сказал: Кто из вас без греха... А я скажу и еще: Кто из вас осуждал дьявольскую власть, когда она растлевала Россию (ибо большевистская власть была раслительна!), тот пусть бросит в меня хоть целую гору за то, что я вас осуждаю!

2

23 августа 2012 г. Становится все горше. Буду ли я защищать народ? Правда, думаю иногда: а народ ли – эти толпы, свозимые автобусами в защиту власти, эти «наши», получающие деньги и льготы, эти чиновники, обирающие нас, эти менты и ОМОНЫ, избивающие нас, эти судьи, за деньги и по приказу осуждающие нас, эти киллеры, убивающие нас?

Я всю жизнь мечтал, что защищать народ буду тем, что буду обличать его притеснителей, и горько мне оттого, что этот же самый народ яростнее всего защищает от меня своих притеснителей.

Так какая же у меня миссия? И если она есть, то где сила ее исполнить, где талант, где вдохновение?

Обличает неправду и зло и защищает жертву сильнее всего «художественное творчество». Роман Тамары Петкевич выстраивает перед нами целую эпоху и показывает всех: святых и палачей, праведников и злодеев, сильных и слабых, упивающихся силой и благами жизни, и несчастных, страдающих... В нескольких эпизодах показывает она и такую бездну низости, что меркнет Яго. Вот, например, мужчина, обуреваемый похотью, обещает ей ее стгноить и исполняет свою чудовищную угрозу, преследуя больную, уже почти умирающую прекрасную женщину! А вот мужчина, обуреваемый любовью-похотью, помогающий ей, но за это ТРЕБУЮЩИЙ ее тело... Кто из них хуже?

Воистину, как некоторые монахи, возненавидишь плоть... Только бы они ненавидели свое вожделение, а не женское искушение!

Феминистски находят во мне отклик, потому что уж я ли не знаю, сколь грубы и низки мужчины, как грязно большинство из них относится к женщинам! Странно, как они потом (или одновременно) воспитывают своих детей?

Я – не монах. Женская плоть меня искушает, и я искушаюсь. *Я не пытаюсь себя обуздать, но пытаюсь возвысить.* Что же привлечь себе на помощь?

КУЛЬТУРУ.

Если *вера без дел мертва*, как сказал апостол Петр, то религия без культуры может и растрить.

А как же безграмотные крестьянки?

В детстве своем я их еще застал, остатки той великой крестьянской культуры, которая и христианство приблизило к человеку, но именно тем, что соединило с ним наше русское язычество, наши обряды, праздники, наши предания, сказки, легенды, наших народных святых.

В моей деревне все еще было живо. То, что было в воздухе, на сколько и из чего состояло? Каждый ребенок впитывал в себя Благоую весть непосредственно. Сначала было Рождество (его праздновали вместо Нового года), стояла ёлка с самодельными игрушками, с подарками детям (которых не было в Евангелии и у большевиков), с колядами и песнями. В центре нашего деревенского Рождества была дева Мария, *Богородица* (которая, я только на нее уповаю, ПРОГОНИТ все-таки Путина, как просили о том «кошунницы»). Наша деревенская религия была религией БОГОРОДИЦЫ.

Потом праздновалась Масленица, восторг жизни, мощь ее и сладость, СЛАДОСТЬ ЕЕ ПЛЮТИ (ах, как это противоположно радости апостола Павла от язв на его теле!)

А потом праздновалась Пасха, в которой было тоже немало языческого, возможно, и из-за эклектизма ее, ведь это еврейский праздник, в

канун которого распяли Христа, и даже я не совсем понимаю, как празднует этот праздник богослов – ведь у него на столе в Красном углу лежат две книги, Ветхий Завет и Новый, и в христианстве они друг друга не до конца отменяют?!

А потом Ночь на Ивана Купала (Духов день) – и что праздновалось у нас в деревне, Ночь с мистикой и чертовщиной или День с книжниками и фарисеями?

А потом Троица, а потом Петра и Павла, потом Покров, Вознесение и снова Рождество. От Рождества до Рождества проходил год и, значит, наше христианство было религией Рождества.

Я не пишу про каждый праздник подробно, надо бы написать о них по повести, а так они проходят у меня перед мысленным взором...

Городские интеллигенты, спорящие со мной в том числе на богословские темы, скорее всего гораздо большие христиане, чем я, я это теперь понимаю, только они НЕ РУССКИЕ, а православные, а я русский, потому что крестьянский. И дворяне были русскими, они тоже были из деревни, и их литература примыкала к нашей. Печатались они в городе, а стихи сочиняли в деревне, сидя на берегу Сороти (как Пушкин) или Оки (как Есенин) [в круглых скобках пояснил для неграмотных, ибо сегодня все сплошь неграмотны, не только не знают поэтов, но и того, что *богохульство* вменялось в вину прежде всего Христу, и ни в каком другом контексте в Новом Завете не употреблялось, так что это иудейское обвинение против христиан].

3

Из желудка вырастает дуб. Делает ли он усилия, чтобы вырасти, чтобы стать могучим?

А человек?

Апостол Павел говорит о том, что путь человеку уже предопределен, больше, чем его собственные усилия, значит заданная ему при рождении цель и чудесное вмешательство Божие. И я с ним спорю.

Умирая в лагере от цинги, от голода и непосильной работы, Тамара Петкевич остро ощущает, что Божий промысел в отношении человека существует. Но она показывает такой трагизм борьбы за то, чтобы не пасть, чтобы остаться человеком, не утратить свою душу, что мысль о Божьем промысле кажется умаляющей подвиг и муки человека. Грубая логика предвзятой идеи задевает душу, и я соглашаюсь с Тамарой Петкевич скорее, чем с апостолом христианства, потому что ткань жизни, которую она показывает во всей ее трагичности и глубине, не отвергает понимание собственного подвига человека. Да, по-видимому, Бог и в самом деле имеет некоторые собственные виды на человека (как родители мечтают для дочери о богатом женихе и для сына об удачной карьере), но по какому пути он пойдет, насколько высоко, кем он станет, кажется мне теперь, в большей степени зависит и от самого человека, и от той среды, в которой он растет, чем от первоначального импульса, заданного Создателем.

На роду написано.
Среда заела.
Сделай свою жизнь сам.

Каждое из этих уверений и право и не право, правы они, вероятно, все вместе.

«...у человечества припасены души, готовые помочь со всей безоглядностью. Тем они и подсказывают, каким тебе (надо) стать, чтобы соответствовать Божьему промыслу.» – пишет Тамара Петкевич.

Какая же у меня миссия, если она есть?

Я – пахарь, призванный вспахать поле. Но у меня нет ни лошади ни плуга. Я – каменщик, обязанный построить храм духа. Но у меня нет строительного матерьяла. Я – воин, вышедший на поле сражения. Но у меня нет оружия.

Плохое все неотвратимо!
Неотвратимы долг и боль,
Работа, очередь, квартира
И безответная любовь.

4

Споря по поводу большевистской диктатуры, я иногда думал, что достаточно перечислить всех ею погубленных хороших людей, и защитники ее все поймут и устыдятся.

Нет, не устыдятся.

Николай Палкин (прозванный так не за жестокость, а за суровость и прямолинейность характера) не помиловал участников Декабристского выступления: пятерых зачинщиков он повесил, пятьдесят дворян сослал на каторгу, пятьсот солдат прогнал сквозь строй. За это заслужил нелюбовь современников, забвение потомков.

Сталин – не за выступления против, не за неповиновение, а словно бы предупреждая возможное неповиновение, а по большей части словно бы в состоянии безумия (как и безумный Иоанн) расстрелял пять миллионов, пятьдесят миллионов истребил, прогнав сквозь строй лагерей и войны, – и что же? За это он заслужил Любовь и страх современников, память у нескольких поколений.

Увещевать и обличать этих людей бессмысленно. Многие из них были военными или родились в семьях военных, казарма формировала особый склад личности, в котором люди кажутся только матерьялом для достижения предписанной командиром цели. Изведено на строительство Вавилонской башни пятьдесят миллионов тонн леса и пятьдесят миллионов жизней – это просто арифметика, душевного движения нет в ее восприятии.

Чтобы такой человек хоть что-нибудь начал понимать, ему надо или самому было пройти сквозь ад лагерей и войны, или трепетать за жизнь самого близкого человека, попавшего в молотилку безличного, или прочитать книги, художественно зримо и убедительно показывающие

жизнь и муки бесчисленного множества людей, так что эти муки ощущаются как муки близких.

Такова книга Тамары Петкевич.

К сожалению, фанатики книг не читают, личного опыта страданий у них нет, откуда же им ЗНАТЬ?

Я прочитал немало книг, рабочие и крестьяне и интеллигенты книг не читали, и я с горечью думаю: Значит, они никогда ничего не поймут? Истина не может постучаться в их сердца?

Но разве все то, что я знаю, я знаю только из книг? Немало людей прочитало их больше, чем я, но у меня были родные, учителя, товарищи, наделенные зрением и талантом. Я был деревом, росшим на богатой почве. Я был рыбой, гулявшей в чистой воде.

Нет, мир и истина открыты всем, можно надеяться, что каждый, защищающий жестокость и зло, тот изуверский геноцид, то изуверское неоправданное ИСТРЕБЛЕНИЕ самых лучших и самых талантливых русских людей, которые стали смыслом двадцатого столетия, когда-нибудь *увидит и устыдится*. Он услышит стоны замученных, над которыми он смеется, оправдывая Сталина. И краска стыда зальет его щёки.

Некоторые стремятся быть «объективными», они ставят, как им кажется, весы, и начинают туда-сюда складывать известные им события двадцатого столетия. Если бы хладнокровный грабитель убил его сына или дочь, и они попали на суд, начали ли бы они подробности его жизни так же сортировать? В детстве это был кудрявый мальчик с красными глазами, да, однажды он перебил дюжину зайцев, но в другой раз чаем напоил ходоков, заботился о родных и товарищах по партии, расстреливал не каждый день...

Человек совершает убийство в течение нескольких минут. В остальной его жизни можно найти много хорошего...

Но тот человек совершал убийства со времен своей революционной деятельности в течение *пятидесяти лет!*

4

А как себя чувствует Гете, зная, что его народ пошел не за ним, а за Гитлером, и совершил множество убийств, и многие в этом до сих пор не покаются?

Душу человека формирует культура, но и то – все ли, сидящие в филармоническом зале, отзывчивы, уступчивы, сочувствуют обижаемым и презирают ложь?

Все ли, пришедшие в церковь, чтобы поставить свечку, помогают нуждающимся, сочувствуют страдающим, негодуют на жестокость, обман, лицемерие?

Говорят иногда: *Побойся Бога!* – словно страх перед Богом способен удержать человека от подлости. А удерживает ли человека от подлости вера в Бога? Делает ли человека вера лучше, тоньше, чище? Что сказал бы Христос, тот, который защитил блудницу, придя в

Хамовничский суд? Те люди, которые сегодня верят в бога, а вчера верили в единственно верное учение – изменились ли они к лучшему после переверования?

Я и в церковь ходил, и на собраниях всяких бывал, в том числе на комсомольских (хотя никогда не был комсомольцем), и на так называемых «расширенных партийных собраниях».

Нет, не скажу, что лица прихожанок были светлые, а лица комсомолок были суровые. На моем веку чаще бывало наоборот. И все же в зале филармонии или в Русском музее самые лучшие лица!

Делает ли человека вера лучше? – на этот вопрос однозначного ответа нет. Торквемада или бесноватый Иоанн Грозный, или лютый Сталин, или Каиафа – все они люди веры. Хотели ли бы мы быть такими?

Но есть и другие свидетельства. В прекрасной книге Евгении Гинзбург «Крутой маршрут» показано, как из вчерашней убежденной строительницы коммунизма в лагерных муках рождается христианка, и новорожденная – действительно лучше бывшей воинствующей комсомолки.

23 августа 2012 г., около полуночи. Вижу теперь, что Новой книги не получилось, все, что я думаю, связано с моими предыдущими писаниями, и самыми последними, «на злобу дня», и с постоянными уже давними и надоевшими размышлениями о трагедии России.

Следовательно, эти дополнительные записки только дополняют мою последнюю книгу.

Конспекта по Евангелиям писать не буду, кажется, что существенное в них я и так вижу. Критических высказываний достаточно, и хотя христианство воистину разрушило еллинскую культуру, как марксизм разрушил русскую, но историю уже не переиначишь.

Я ведь был влюблен сначала в марксизм, потом в христианство, в них много прекрасного и убедительного, и нет ничего плохого в том, чтобы ими восхититься и строить или царство духа, или царство справедливости, разве Маркс и Христос виноваты в том, что их последователи стремятся разрушить до основания старый мир и всех людей сделать одинаковыми, обрубая им для этого ноги или головы? Хотя, конечно, в этих учениях и содержится вино тотальной истины, и ученики, напиваясь, начинают безумствовать.

Истина – это Христос! Так Он Сам сказал, так веруют Его ученики. Другой истины нет и не может быть.

Истина – это «единственно верное Учение» о классовой борьбе как единственной причине истории, и о диктатуре пролетариата как единственном способе строительства справедливого общества.

Так думал Маркс, так веруют Его ученики. Другой истины нет и не может быть.

И кто я такой, чтобы усомниться в той или другой истине?

Но ведь если истина только одна, то она или у Христа или у Маркса? И в каждую из них веровало почти все прогрессивное человечество, кроме отдельного отщепенца! Поэтому мои сомнения не беспочвенны,

одни и те же люди убеждают меня в своей правоте (сначала в одной, потом в противоположной), и если они вдруг вооружатся государственной силой, то реки крови польются снова!

Станет государство полностью клерикальным, станет ли оно терпеть не только выходки феминисток, но и разглагольствования возмнившего о себе философа? Да в костер его, вместе с его книгами, а заодно и десятки миллионов человек, неустойчивых в вере!

Станет государство снова коммунистическим, станет ли оно терпеть не только выходки феминисток, но и разглагольствования возмнившего о себе философа?

Лес сибирский выпилен еще не весь, вот и поеду его допиливать (если горяча не расстреляют) вместе с теми, кто хотя меня не читал, но обо мне слышал или слышал о тех, кто обо мне слышал.

А ведь есть еще Ислам, и путинская политика скоро приведет к тому, что русские окажутся не под властью инквизиции, а под властью шариатского суда. Но о них я помолчу, а то и до сибирского леса не доеду. Христианско-Хамовничский суд хотя и дал героиням два года, но не расстрелял ведь!

А есть еще и Буддизм, и очень большая часть прогрессивного человечества истину находит в Будде.

Да, истин оказывается много, да еще и я тут со своей истиной, в которой (не смеяся, читатель!) я как-то странно неуверенно уверен.

Удивительно, что в математике истина одна, и все в ней уверены, и никого не сжигают. А стоит заговорить о жизни, для понимания которой, кажется, не требуется умение решать дифференциальные уравнения, так мало того, что и сам не до конца бываешь уверен в своих словах, но еще и заглушает их гул самоуверенных истин, ссылающихся на священные книги. Видимо, и вправду свободу думать, разговаривать, писать, любить, преобразать мир к лучшему дает только культура. Чем более в нее погружаешься, тем становишься разностороннее, возвышеннее, лучше, внимательнее к другим, меньше заносишься (в культуре сталкиваешься с множеством гениальных людей, не отрицающих друг друга, и понимаешь недостаточность одного себя).

Истина – это культура, творчество, труд и любовь!

Вот этими возвышенными словами я закончу и свои новые записки, и пусть они заканчивают и, казалось, уже законченную книгу «Душа и мир».

5

«Погасите *самосознание и свободу*, – вы погасите дух, и человек стал не человек», говорил св. Феофан Затворник.

Так, следовательно, если и «блаженны *нищие* духом», то в *человеческом* христианский святой им отказывает. Возможно, и птицы небесные блаженны, и лилии речные, возможно им и принадлежит царствие Божие, но к ним ли приходил Спаситель? Может быть, их уже и не надо спасать, они уже спасены – своей нищетой? Подозреваю я, что

именно Дух, жажда духовного Постижения и является подлинной причиной и источником того самого «грехопадения» – но хотим ли мы заслужить царствие Божие ценою духовной нищеты? Я не хочу. И ценою отречения от плотской любви, семьи, своего народа, мира, труда, культуры и творчества.

В заключительных страницах своей книги я, наконец, задам снова те вопросы, которые я задавал себе не раз на протяжении почти пятидесяти лет, чуть ли не с тех самых пор, как впервые прочел Библию и неожиданно уверовал в Бога (и верил в Него горячо и сильно, и глубоко, осознанно, а вовсе не слепо – с самого начала).

Итак, самые важные вопросы:

Зачем приходил Иисус Христос (если Он и вправду Сын Божий и пришел, твердо зная цель Пришествия)?

Что Он обещал?

Что исполнилось?

Пишу я все то, что пишу, не для богословов, которые хотя и образованны в «Законе Божьем», но, боюсь, за привычной, намертво вбитой в них схоластикой уже не в состоянии самостоятельно размышлять, – а для невежественных православных верующих, *тех из них*, которые хотя и совершенно дремучи, но еще «нормальны». (Но если и этим не нужны мои вопросы и ответы, потому что все ответы они уже от *кого надо* получили, а «метафизические» вопросы никогда в жизни не задавали и не знают, что это такое, то буду, как и целую жизнь, писать для себя. Это привычное разочарование, я, возможно, уже тысячи раз пускался в разговоры и споры на религиозные темы, но обычному атеистически и позитивистски образованному человеку все это и непонятно и чуждо и неинтересно (не потому, что он глупый, но советская, а тем более постсоветская система образования в человеке не пробуждала способность философского размышления). А необразованному человеку разговаривать о религии тяжело, ему трудно меня понимать, и возражения его поэтому мне неинтересны.

Верующий и образованный... Это обычно бродячий проповедник с Библией подмышкой, знающий ее почти наизусть, иеговист, адвентист, евангелист или представитель какой-нибудь еще христианской протестантской церкви, но с этими разговаривать еще невозможнее, их я бы сравнил с долгоиграющими пластинками – пластинку можно слушать, но разве с нею возможно беседовать?

Православный верующий тоже похож на такую пластинку, только записи на ней плохо сохранились, там уже ничего нельзя разобрать, какой-то шум, отдельные звуки, редко слова, уж «Богородица, Путина прогони!» на них записаться даже чудом не сможет. А то и вообще на этих пластинках нет ничего, ни звуков, ни слов, а то даже и шума...

Ну, ладно, подобного рода тексты я уже писать перестаю, и если «на то будет божья воля», то буду когда-нибудь потом писать рассказы, на них читатель, быть может, найдется.

Но ведь есть и вполне вменяемые люди, вот, например, феминистки: красивые, умны, образованны, талантливы! Учились на философском факультете!

Да, они могли бы открыть мои книги, но многое их от меня отделяет. Я принадлежу другой эпохе, которая, со своими страстями и мучениями мысли, им уже неинтересна. Они феминистки, они борются за равноправие женщин, их, возможно, даже привычное мужское притязание на женское тело раздражает и отталкивает, а я чуть ли не из самых плохих, я еще притязую и на женскую душу, пристаю к девицам не только с двусмысленными взглядами, но еще и с стихами, проповедями и разговорами. Девушки меня еще слушают, даже и со вниманием, а будут ли слушать феминистки?

Впрочем, они будут правы даже и в том случае, если слушать не будут. В связи со скандалом и судом над ними я прочитал множество статей в газетах и отдельных реплик на форумах – *Боже правый, какое убожество!* Какая бездна умственного и душевного падения! Стыдно было за самых умных и самых благородных мужчин.

Вот, например, Андрей Кураев, профессор богословия, даже отчасти их оправдывающий! Но на меня это производит такое впечатление, как если бы сегодня некто ОТЧАСТИ оправдывал удивительную, непостижимую, величайшую Жанну Д*Арк! Или ОТЧАСТИ оправдывал Коперника! Когда перед величием подвига недостает слов восторга и благоговения, то все остальные слова почти оскорбительны.

Высказался о них и умнейший (и я им восторгаюсь) историк Пастухов, и сказал: Я сначала думал, что дуры-бабы, теперь понимаю – *да, бабы, но не дуры!*

Казалось бы, ничего обидного о них он не сказал, казалось бы, он даже на их стороне, но, читатель, представьте себе, что я по поводу Марины Цветаевой сказал бы то же самое, в связи с ее возвращением в СССР. Надеюсь, она понимала, куда возвращается, и причина была чисто женская, она хотела найти своего мужа, уместно было сказать, что она хотя и не дура, но баба – и все же слова мои прозвучали бы не уместно.

Есть и еще причина, по которой даже у умниц Пусси Райот я не найду (и не буду искать) понимания. В противоположность всей пошлой тупой и ДИКОЙ псевдо-православной толпе, орде, банде, ополчившейся против них, в защиту своего патриарха и своего царя, банде, далекой от православия так же, как царь от России, эти умницы не только умницы, но и ПРАВОСЛАВНЫЕ верующие (хотя их вера близка к вере именно народной, с упованием на Богородицу). Хочу ли я смущать чистые души своим разочарованием? Нет! (Да и хочу ли я смущать верующие души? Не о них ли сказано: Блажен, кто верует, тепло ему на свете!?)

Следовательно, остается искать читателей лишь среди разочарованных, которым уже нечего терять, кроме, быть может, своего разочарования.

6

Итак: Зачем приходил Иисус Христос, Что Он обещал, Что исполнилось из Его обещаний?

Обещал Он Новое небо и новую землю, Второе Пришествие и Страшный Суд. Обещал, что первые станут последними, а последние первыми.

Метафизически смысл Его пришествия состоял в том, что Он должен был Своею жертвой Искупить Первородный грех человечества, и преодолеть последствия греха, порчу человека и мира. Следовательно, Он пришел *исправить мир* в целом.

Когда все это должно было исполниться?

После Его Распятия и Воскресения начали создаваться христианские общины, участники их приносили в общины имущество, приводили домочадцев.

Отныне и семья и нация были незначимы, женщины лучше было не касаться, любовь надо было ограничить любовью к Богу и к ближним.

Чем же тогда было Христианство?

Оно было Религией конца света.

Конец света не наступил, и тогда, соединившись с государством, христианство утвердило себя в этом свете огнем и мечем, оно уничтожило не только старых богов, но и старую культуру и старого человека.

Но ничто обещанное не исполнялось, и когда устал человек от ожидания, началась новая эпоха жизни, при внешнем господстве Христианства, – ВОЗРОЖДЕНИЕ.

Снова идеалом стал не схимник, истребивший мир и в себе и вне, а добродетельный и культурный человек эллинского мира.

Обещанное не сбылось, но сие оказалось для мира благом.

Большевики тоже обещали «царствие Божие», и мы помним, какие неисчислимы беды принесло России господство марксистского учения.

Только уже начали забывать, какие неисчислимы беды принесла Европе государственная власть христианства.

Кто виноват? Виновато ли в этом Учения, объявившие монополию на Истину и изгнавшие духовную свободу?

Или виноваты только те, которые объявили себя единственно знающими учениками этого учения?

7

Если не они, то кто? – или Христос или Сталин, или оба вместе? Или Истины не существует вовсе, она ОТНОСИТЕЛЬНА, или истин столько, сколько мнений, и у каждого своя истина? или все надо решать демократически, голосованием, и как решит большинство, так и будет, а мы будем терпимыми, терпеливыми и толерантными?

Да к тому же, наконец, выскажись внятно, что ты предлагаешь, у тех были и Завет, и Апрельские тезисы, Библия и Капитал, Суд

Инквизиции и сталинские тройки, будет ли у тебя Суд, и кого и за что ты будешь судить?

От таких вопросов мне не уйти, к тому же и в самом деле: если есть у меня собственные пожелания, собственные мечты о будущем России, для правильных, привыкших маршировать умов лучше, если я подытожу свои воззрения в виде некой Таблицы миропонимания.

Начну с Демократии.

Даже самые яростные ее сторонники сегодня постоянно поминают какие-то «элиты» и ведут речь о том, что реально государством управляет элита, внутри нее происходит или не происходит ротация, и власть меняется в связи с изменениями внутри правящих элит.

В определенном смысле можно с этим согласиться, отчасти эти разговоры напоминают Учение Маркса о классовом государстве, и его идеи еще достаточно привычны.

Правда, «Политика» Аристотеля, написанная еще две тысячи триста лет назад, показывает и объясняет государственную и общественную жизнь сложнее и глубже, и читателю, прежде чем воспринимать и понимать мои слова, надо сначала ее прочитать, а потом уже и Маркса.

Если не иметь в виду воображаемое условное государство, а, например, реальную Россию девятнадцатого века, то понятие «элиты» как правящего узкого слоя будет слишком убого для видения архитектуры государственного устройства. Да, вверху был царь и его семья. А еще Синод и высшее духовенство. А еще Государственный Совет и аристократия. А еще дворянство – разве оно в целом не было реальным главенствующим сословием, из которого рекрутировались все органы власти? А офицерское сословие, частично только совпадающее с дворянством? (Из которого, например, происходил всесильный и безродный Аракчеев). А духовенство в целом? А купечество, владевшее дворцами, театрами и музеями? А к началу двадцатого столетия несовпадающее с купечеством сословие предпринимателей, играющее все большую роль в государственной жизни? А интеллигенция, частично совпадающая, частично же не совпадающая с перечисленными сословиями (особенно видна ее отдельная роль в политической жизни страны, в партийной и думской «надстройке», в литературе и журналистике – последняя же во все большей степени становилась выражением не сословных, а НАЦИОНАЛЬНЫХ (не русских) интересов).

Нынешняя машина государства попросту примитивна, убога. Такое впечатление, что в рулевой рубке штурвал государственного корабля сознательно заклинили, днище проржавело донельзя, и этот корабль куда-то несет в полупогруженном состоянии... Куда? Неведомо ни рулевым, ни быдлу, в пьяной полудреме валяющемуся в трюмах.

Это государство, по терминологии Аристотеля, смесь охлократии, олигархии и тирании. Это еще не клерикальное государство, клерикалы – часть толпы, олигархии и околотиранического окружения.

Но внешние признаки демократии налицо, существуют выборы, подсчет голосов, парламент и правящая партия.

Впрочем, демократия и в западных странах в значительной степени – вывеска, не «новгородское же вече», в самом деле, правит в США?

Такая лживая демократия мне не нужна и я о ней не мечтаю. Не мечтаю я и о подлинной и полной демократии, ни как у Временного правительства, ни как при советской власти. Ни даже как в Швеции или Франции. Я не думаю, что как правила арифметики не следует определять голосованием, так и судьбу страны. Волеизъявление народа, если он продолжает любить Путина и надеется на его пожизненное и посмертное правление, мне глубоко отвратительно.

Но при этом, имеющий хотя бы куриные мозги, неужели не понимает, что от простых граждан страны абсолютно ничто не зависит, мы не в состоянии влиять даже на чиновников низшего звена, мы не можем отстаивать наши права, защитить наш дом, нашу улицу, наш лес? И возможность влияния гражданина, ЛЮБОГО, ВСЯКОГО, на страну в целом и окружающую нас жизнь, я хочу восстановить. Каждый должен иметь право и возможность через суд оспаривать действия чиновников ВСЕХ уровней, от домуправа до ЦАРЯ! Каждый должен иметь право создавать любые общественные объединения хотя бы для защиты только СВОИХ ЛИЧНЫХ прав, в том числе, инициировать государственные законы, через Интернет или на улицах вести их пропаганду и агитировать за их принятие. Правительство должно избираться парламентом. Партийная деятельность должна быть свободной. Все партии, если их число голосов достаточно для ОДНОГО кандидата, должны быть представлены в парламенте, все общественные и национальные группы должны быть вправе представлять в парламенте свои интересы, от Объединения школьных советов до Общества защиты прав заключенных.

Нет, такой парламент представит ИНТЕРЕСЫ различных групп и мнений населения, но он не представит машину для всенародного голосования, ибо машина, в результате вращения которой мнения всех и каждого будут слагаться и усредняться, будет охлократией, но не действенным всенародным представительством.

Напряду с парламентом следует восстановить Древнеримский институт народных трибунов, избираемых сроком на один год, имеющих право вето (отклонения) законов и постановлений и открытия плебисцитов и референдумов.

Хочу ли я равного избирательного права для всех?

Сомнительно! Я слишком плохого мнения о той толпе, которая заполонила мою Россию, если она склонится к мнению, что лучше спать и жрать и пропивать будущее своих детей, то лучше ее и вовсе лишит права голоса! Или во время войны мы будем собирать солдат и голосовать, идти ли нам в атаку, остаться в обороне или отступить?

Но разве сегодня не ВОЙНА, и мы уже не на другом берегу Волги?

Продолжу о частной собственности, об имущественном равенстве или неравенстве. Поделить ли имущество ПОРОВНУ между всеми, присвоить ли его государству, чтобы оно через своих агентов-раздатчиков раздавало (по труду ли, по потребности ли, по знакомству), или разделить его не поровну, а кто сколько уворовал, как ныне?

Имущественное неравенство НЕСПРАВЕДЛИВО. Утвердить ли принцип справедливости за основу?

Но НЕСПРАВЕДЛИВО всё на свете. Разве справедливо, что я умный, а Петя Р---в – дурак? Правда, у меня, умного, ни денег, ни власти, а у него, дурака, всё (что отчасти разве не компенсирует исходную несправедливость?) И я всегда был привлекателен, и девицы любили меня слушать и даже со мною целовались (а о прочем умолчу)!

Справедливо ли, что я умею книги писать и Учебники математики, и стихи сочиняю, и теоремы новые доказал?

Если всё между всеми поровну разделить, талант и красоту тоже, то *красавицы* иссякнут (это мне пуще всего не стерпеть), и *памятников архитектуры* (дворцов, храмов, садов и парков, царских капризов и дворянских усадеб) не будет, бриллианты отдельные мужчины не будут дарить отдельным женщинам, из-за красивых женщин не будут кончать самоубийством и стреляться с друзьями, *любить будут только ближних и всех одинаково*, а из-за Настасьи Филипповны не будут сходиться с ума, оригинальные философы исчезнут (на всех ума не хватит) и читателей тоже не станет (то есть, уже абсолютно!)

Так ведь РАВНОЕ участие ВСЕХ в управлении государством, то есть демократия, разве не то же самое, что поровну распределенное имущество?

Если НЕРАВЕНСТВО – как принцип, довлеющий в жизни, оставить, то следует ли вводить демократию? Неравное владение собственностью не должно ли влечь за собою неравное владение властью?

Не буду заигрывать с плербсом и сюсюкать о том, что Бог всех сделал равными. Это очевидно не так, мы уже рождаемся в разных семьях, с разным уровнем любви и достатка, некоторые родились в самой свободной в мире стране, но – за колючей проволокой, мне же повезло больше, я родился рядом с нею, но на воле.

Не хочу ограничивать естественные права людей, поэтому интересы КАЖДОГО человека должны быть представлены в Государственной Думе, только каждый ли должен управлять государством? Сегодня на управление претендует каста юристов и их детей, и наш бестолковый народ уже в этом убежден – с кем ни заговоришь, что все мы имеем ПРАВО влиять на государственные дела, начинаются яростные возражения, дескать, только особо наученные, особо избранные, особо званые. Да я ли за неравенство, или это народу оно мило? Разве не умиляется наш народ тем, что у царя и патриарха бесчисленные богатства? Ну и пусть, говорят, им ПОЛОЖЕНО! А ты в чужой карман нос свой не суй!

Ну, что ж, значит – никакой демократии, и советоваться с народом по этому поводу – только бисер метать где не надо...

Впрочем, не буду изобретать колеса – отдельно от народа или вместе с ним. Частная собственность существует всегда, существует она и в Европе и в США, только давно уже она ограничивается государством в пользу менее богатых слоев населения. С определенного уровня дохода налог на него возрастает прогрессивно и значительно превышает уровень налога на малоимущих. При этом налоговые льготы существуют только на ту часть личного богатства, которая направляется на благотворительные и культурные программы.

Вот это и называется социальным государством!

(Только на холуёв я бы ввел специальный налог: любишь сильную руку, не жалеешь пены у рта для ее защиты – так и живи просто так, за свои, а лучше бы у тебя и пенсию отобрать!)

Революция семнадцатого года не была «ротацией» внутри правящего сословия, она смела все образованные сословия в России: аристократию и высших государственных служащих, дворянство, духовенство, купечество и офицерство, даже обеспеченную часть крестьянства и казачества, причем большую часть из них она уничтожила физически.

Не должна быть «ротацией» внутри грабителей грядущая Русская национально-освободительная Революция. В 91-м году коммунистическая свора сумела заменить уравнилительный коммунизм коммунизмом для себя, сегодня они все должны быть отстранены от государственного штурвала – вместе с народом, который за него никогда и не держался, но исправно защищает власть жуликов и воров.

Так, вот Философия нашей революции!

А о чем я мечтаю?

О Суде над преступниками, хотя бы и посмертном, начиная с 17-го года. Есть Божий Суд, есть Суд Истории – но дождемся ли мы их? А дети наши и внуки должны знать правду. Конечно, уже мы не сможем ВОЗДАТЬ по заслугам ни Ленину, ни Троцкому, ни Свердлову, ни Володарскому с Урицким, ни Сталину, ни его соратникам, и тем, которых он сам расстрелял, и тем, кто «умер в своей постели». Но мой народ, придя к власти, восстановит, наконец, вращение Земли вокруг Солнца!

Писателю и поэту легче быть свободным и честным, чем даже самому честному политику, хотя бы и такому, как Перикл.

Хочешь нам понравиться? – кричит пьяный народ. – А ну-ка пройдишь колесом, да спляши гопака, а то и петухом прокукарекай!

И политик делает то, что велят. Так ухажер для своей возлюбленной лезет на крышу и в воду и сдувает с нее пылинки. Пока... Ну, вы всё и сами знаете, и в этом отношении народ и впрямь напоминает женщину, и журажится, пока себя не предаст.

Поэт не дорожит мнением народа. Нужны ли мне читатели? Нет. Такие, которые предъявляют поэту претензии, мне не нужны.

Поэт должен быть свободен, как соловей. Возможно, соловью тоже нужна слушательница, но ему достаточно одной. Так и мне.

А уж перед этим народом, который гноил своих поэтов в казематах, заискивать я не буду.

Иногда приходится слышать: «Не нравится тебе у нас – так вали на свой Запад, пока мы сами тебя туда не отправили поганой метлой! А то и не удавили!»

О, как это напоминает семейные драмы! Пропивает муж имущество, дети по углам голодные и раздетые (а для кого же в деревню я вожу в мешках барахло, собранное по знакомым?), жена избитая начинает кротко пенять: Может ты, Ванечка, образумишься, пить перестанешь, заживем, как соседи, вон у них и телевизор, и огород, и хлеб каждый день!?

Ах, тебе у соседей лучше? Так забирай своих выблядков и вали к ним, пока я тебя вожжами уму-разуму не поучил!

А почему же *валить туда* надо ей, а не ему, пьяному придурку?

Вот так же и в отношениях с народом. Есть ведь два народа, один талантливый, работающий, честный и гордый. Другой в комбедах и ЧК развратился, напился нашей крови и каяться не хочет.

Не нравится тебе наша история, наша революция, наша правда и наш Сталин? Вали отседова!

И я, конечно, мечтаю (ибо я не демократ, не гуманист, толерантности не научен) – ах, почему бы не применить к ним некоторые методы любимого ими Сталина? И ведь не построена железная дорога Магадан-Воркута, да и Лобное место пустует.

Если правда, что Зло и Добро борются, как сказал Достоевский, то где же эта битва? В потустороннем мире? Нет, здесь, на земле, и не только в сердцах людей.

И чернь, тоскующая о Сталине, олицетворяет Зло.

А мой малый народ, принесший наибольшие жертвы на алтарь Отечества, олицетворяет Добро.

Впрочем, не бесы ли разыгрывают театральное представление для легковерных поэтов? В моей родной Сибири за Сталина, может быть, престарелые надзиратели и их, может быть, дети. Так откуда же набирается половина народа, голосующая за него? Читаю я этих социологов; и этих историков; и этих философов, политологов, шоуменов. Что-то их всех роднит? Органическая нелюбовь к России, неприятие ее. Я не люблю нашу чернь, но люблю тех, кого я называю «малым народом» – а какова его доля? Неужто чернь и впрямь его подавляет? Нет, чернь мобилизована жестокой ханской властью для нашего подавления, и наши политологи-шоумены – идеологи черни.

27 августа 2012 г. Жизнь сталкивает меня с разнообразными людьми, по самым мелким иногда поводам, но общее впечатление такое же, как от похода в лес: душа радуется и отдыхает. Литературный и публицистический гул голосов, гудящих в том числе за народ и от имени народа,

действует так, что этот народ становится ненавистен, и хочется его расстрелять, а самому повеситься.

Прихожу я в магазин спорт-товаров, чтобы купить компас в поход, компасы дорогие, и продавец посылает меня в «Охоту и рыболовство», и дает точный адрес. Тут рядом покупатель встречается в разговор, и замечает, что покупать дешёвле бывает себе дороже. Ну, если в правительстве одни дураки, то и дороже покупать так же опасно, парирует продавец.

При чем тут правительство, я не понял, но продавец добавил, что оно всегда при чем.

В Охотничьем магазине я хотел купить гамаша на походные ботинки (ибо завтра я еду на Ладогу, буду ночевать на ладожском берегу, закусывать жареными маслятами и собирать бруснику), и они оказались дороже ботинок, которые я обычно ношу, в два раза. Две продавщицы приняли мои заботы близко к сердцу, общими усилиями мы отвергли и гамаша и походные ботинки, и купили мне резиновые сапоги ослепительной красоты всего за 370 рублей. Шел я к кассирше как жених. Она вышла из-за кассы, встречая меня, и меня ослепила, так что я и сказал ей, что уже не помню, зачем приходил.

Бывает, философски она заметила. Утром один покупатель тоже про все забыл, и стал меня спрашивать, далеко ли отсюда ЗАГС. Так вам ЗАГС нужен или магазин, спрашиваю я его. Ну, пока я на вас не посмотрел, нужен был магазин. А теперь я отсюда без ЗАГСА никуда уйти не могу.

После магазина пошел я в фирму, устанавливавшую летом у меня европейское окно. Оно, оказывается, открывается или справа налево, или сверху вниз, а у меня вдруг открылось сразу и так и этак, и повисло на одном углу, и ни взад ни вперед.

Менеджер Машенька приняла мои заботы близко к сердцу. Она объяснила мне, как его поставить на место собственными силами, и хотела мне продемонстрировать метод. Для этого она попыталась сначала «сломать» окно, поставленное у них в фирме для образца. Но как она ни билась, у нее оно не ломалось. Это случается очень редко, пояснила она, при открывании надо ручку повернуть в таком положении, что обычно продемонстрировать это не удастся, «и только чукча, добавил я, в состоянии из европейского окна сделать русское».

Мы посмеялись, и нам обоим стало тепло на душе. Но не только для того, чтобы похвастаться, что она со мною мило говорила и даже пыталась сломать фирменное окно, рассказываю я про нее, а чтобы еще похвастаться, что она просмотрела свой гардероб и собрала целый мешок вещей, которые уже ей не нужны, для моей деревни. Жаль только, что мы никого не спасем. Не спасут и те тысячи людей, которые спасают город, пострадавший от наводнения. Днище у нашего корабля проржавело, и его уже частными усилиями не залатать, вода будет прорываться то в одном, то в другом месте, и если мы всю свою энергию истратим на частную помощь страдающим, а не пойдем в капитанскую рубку потребовать у капитана ответа, корабль рано или поздно потонет.

Но нет, не похож наш народ на ту чернь, которую показывают по телевизору, которая голосует за кесаря, который требует содрать шкуру с Пусси Райот.

Видимо, тот русский народ, которым пугают меня публицисты, это не большинство, а «агрессивно послушное меньшинство», но именно потому, что оно агрессивно, оно нами повелевает.

Если бы среди моих собственных окружающих не было сталинистов и путинистов, я бы давно плюнул на всё это бесовство, и не рассыпал бы бисер, не тщился пробудить совесть в камне.

О войне, которую выиграл Сталин, истребив пятьдесят миллионов лучших русских людей, мне уже говорить больно, в статье у Латыниной приводятся ужасающие подробности просто бессмысленного массового уничтожения народа.

Камни вопиют и плачут...

Но остановлюсь еще на одном достижении Сталина: Он, как утверждают его клеветы, создал великую империю!

Российская империя в семнадцатом году включала в свой состав в качестве протекторатов еще и Польшу и Финляндию, и только благодаря большевикам (одним из руководителей которых являлся Сталин), мы потеряли после их революции почти все окраины. В результате кровавой гражданской войны войска большевистского правительства их вновь оккупировали (кроме Финляндии, Прибалтики, Польши и западных областей Белоруссии и Украины), империя была почти восстановлена, но никакой личной заслуги Сталина здесь нет.

В результате войны с Германией, оплаченной пятьюдесятью миллионами жизней, Советский Союз (а не Российская империя) расширил почти до пределов бывшей империи – и что же, разбойник, *разрушивший прежний великий дом, почти истребивший его домочадцев*, но волею судеб вступивший в чужое наследство – это русский император? Строитель России? Где теперь эта Россия? А ее промотали не Горбачев с Ельциным, ее промотал корявый тиран, он ее распял на плахе. Империю должен заселять и удерживать коренной народ. А он истлевает у безымянных высот от Волги до Берлина, у зарастающих лагерей от Сахалина до Бреста, и только немногие дети павших ищут и находят место гибели их отцов.

Я твердо знаю, что моего отца убил Сталин со своими бездарными и безжалостными тупыми генералами-людоедами.

Моего отца убила и тупая и покорная чернь. Именно потому, что он был талантлив и красив, он и погиб.

Стоят на площадях городов обезличенные помпезные памятники «победителям». Но где их подлинные могилы? Они в полях, тысячу уже раз перепаханых, или они заросли бурьяном и поросли лесом и никому не известны. Если же они найдены, можем ли мы у правящего клана истребовать толику денег на могильные кресты, мы, их нищие дети в богатейшей стране мире?

ЕЩЕ РАЗРОЗНЕННЫЕ ЛИСТКИ

31 августа 2012 г. Ночевали с женой на берегу Ладоги две ночи, мерзли, ссаживали бока на твердой земле, ссаживали коленки, ползая за брусникой, пытались влезть в холодные ладожские волны, падали при переходе через болото, возвращаясь с двадцатью пятью литрами солнечных ягод (да еще палатка и спальные мешки и котелки), опоздали на автобус, шли пешком от деревни, падая от усталости – но тут Богородица сжалилась, и сначала догнал грузовик и захватил до шоссе, а потом проезжающий коммивояжер по сходной цене захватил до Питера.

Как прекрасна жизнь! – восклицаю я нередко, когда не ранит меня стальная арматура прямолинейных или грубых или жестоких душ.

Жаль только, что:

Вот и август подходит к концу,
Вот и лето! Мне грустно неволью.
Что прикольно, быть может, юнцу,
Мне совсем не забавно, а больно.

Август, месяц надежд. Лишь вчера
Сердце билось легко и привольно,
Рифмы сами сбегали с пера,
Я кричал им: Ну, ладно, довольно!

А сегодня и август к концу,
И на улице зябко и сыро.
То ли струи дождя по лицу,
То ли брызги вчерашнего пира...

Выплеснуть все, что во мне болит, я никогда до конца не смогу, беспутное и жестокое, а то просто глупо-дикое или безобразное или неряшливое окружающее как пикой в ребро напоминает о себе.

Прекрасный берег Ладоги, безлюдье, но добираться от деревни около семи километров, сначала дорога в глинистых лужах, потом разбитая тропа-дорога от увала к увалу, идущих вдоль берега, и вдруг, с последней песчаной гряды, измученным, в лучах садящегося солнца сверкнула морская гладь!

А в этот раз поворот от основной дороги, идущей вдоль канала, который идет вдоль Ладоги, мы не разглядели, пошли прямо через лес (да, правда, почти то же, только болясь, только боялись, что где-то завязнем в болоте и не успеем дойти до темноты!)

Сначала милка грохнулась с валежины в воду, я стал ее вытаскивать, и грохнулся сам, и встать не могу, и снять рюкзак тоже, хорошо, палка была в руке, опираясь на нее, кое-как вытащил себя наверх.

Наконец, уже не чая, вышли!

Море сияет, солнце, спускаясь, красит облака ярко-розовым, бирюзовым, малиновым! Скорее расставить палатку и зажечь костер!

Но – а где же складные обручи-ребра, скрепляющие палатку? А где же колья, прикрепляющие ее к земле?

Кольшки из валяющихся сучьев, а вместо обручей тонкие сосенки, растущие слишком часто (выбирал те, которые только мешали расти соседям), связал четыре шнурками от ботинок, сверху на них надели полотенец, на них одели палатку и ноги-ребра расставили по ширине.

Погода чудная, костер запылал мгновенно, развесили сушить мокрое, вскипел чай, сварилась картошка, да еще по пятьдесят грамм...

И закат... Ах!!!

Почему бы просто не радоваться жизни?

А я ночью просыпался и продолжал гневные филиппики в адрес диких националистов и «наших» псевдомонархистов.

Русский народ – грязнуля! Прежде чем восхвалять его, надо его выпороть и воспитать. Националисты обличают инородцев, но те мусорных свалок там, где живут, не устраивают. И хотя я против того, что и в Европу и в Россию хлынули азиатские окраины, но цивилизованный заслон этому гуннскому приливу должно положить национальное правительство, а не пьяные неумытые граждане с дреколем!

Нашисты похваляются тем, что они, якобы, русские. А очистили они хоть пядь русской земли от мусора? Вдоль прекрасного Ладожского берега горы пластиковых бутылок, консервных банок, полиэтиленовых мешков и черт-те знает чего, конечно, я очистить русскую землю за два дня смог только вблизи палатки. Если мне укажут патриота или православного, которые не кровь нашу тщатся очистить, а ЗЕМЛЮ РУССКУЮ, я поклонюсь им поясно – но где они, чистильщики?

Я ненавижу и обличаю грязь на теле России, они ненавидят и обличают меня, обличителя!

Я говорю им: умерьте сквернословие, выучите несколько русских стихов и песен, прочитайте хотя бы одну книгу кроме молитвенника, остановите хоть одну секиру, вырубавшую леса вблизи городов, даже в парках и заповедниках, сохраните хоть одно здание из девятнадцатого века, в коих хранится наша память о культурном прошлом, схватите за руку хоть одного вымогателя из чиновников, судей, ментов и *единороссов* (из новой "исторической общности", вместо русских), заставьте хотя бы одного богатого часть уворованного вернуть беспризорным детям и беспризорному образованию, переведите дух в своей усердной любви к власти земной, которую вы отождествляете с Россией!..

А они в ответ мне: *Если тебе не нравится наша грязь, вали на запад!*

Засыпаю, просыпаюсь снова и продолжаю свой бесконечный спор с людьми, к несчастью, родившимися вроде бы от русских родителей, которые отвоевали Россию у прежнего культурного и аристократического сословия и у работающих крестьян («кулаков»), и претендующими поэтому на то, что они и представляют собою русский народ.

Ах, Россия, уже и не знаю, в каких

Отношениях мы, сыновья, с загулявшей налево страной.

Началось не вчера – начиная с десятых, двадцатого века, лихих,
До сегодня ведомы мы властью дурною.

Каждый раз, попадая в стремнины, корабль наш садится на риф.
Революций – воспетых и проклятых – мы объяснить не сумели.
Что сегодня нас ждет? Дети новых десятых, больных,
Начинают играть на пастушьей свирели.

Я родился давно, но душою я в дне не бывалом.
Я ведь тоже наследник, быть может, из самых прямых!
Я иду – не с девятым – с последним, тринадцатым валом!
Я – судья беспотопных, упрямых, незрячих, глухих!

Что объединяет наше время, утвердившее диктатуру денег и
истребившее в хозяйственной жизни всякие намеки на социализм, с
эпохой диктатуры пролетариата?

Отношение к человеку.

Начиная с первых революционных выступлений, когда человеческая
жизнь уже была обесценена, продолжая десятилетиями революционного
террора, человек был превращен или в средство для достижения
революционных и государственных целей, или в *расходный материал*, в
строительный мусор, в управляемую толпу. Но одинаково втоптывался
коваными сапогами властителей дум или властителей жизни в грязь
дорог и полей, в бетон новостроек, в безличную массу бездушной
материи.

Избиения, унижения, пытки, безвинная смерть витали над каждым.
С первого утра новой власти начали брать заложников из числа образован-
ных людей, женщин избивали и насиловали, мужчин истязали, и тех и
других расстреливали. В восемнадцатом году в Петрограде был убит
(возможно, своими же) видный деятель правящей банды Володарский,
Убийцу не искали, но тысячи безвинных людей были расстреляны.
Вскоре мститель застрелил главаря чекистов Урицкого, расстрелы
вспыхнули с новой силой, но, по мнению вождя, недостаточной.

«Рабочие хотели ответить массовым террором, а Питерские чекисты
удержали. Безобразие! **Надо поощрять энергию и массовидность
террора!**» – гневно обращался к нерешительным расстрельщикам новый
русский царь Ульянов-Ленин.

У Владимира Солоухина есть о нем замечательная книга, в которой
этот вождь пролетариата, главный святой коммунистического пантеона,
показан со всеми своими характерными особенностями, главной из
которых была страсть к убийствам, страсть к крови.

Я надеюсь, что книга эта будет вновь издана массовым тиражом с
приложением, в котором будут приведены и те факты, которые еще не
привел Солоухин.

Ленин был не жесток, он был помешан на убийствах.

Его наследник, следующий вождь прогрессивного человечества, был
и при Ленине важным деятелем пролетарской власти, занимая, в
частности, министерский пост.

Необходимо и о нем написать такую же книгу, лучше бы, чтобы эту миссию осуществил грамотный историк.

Я же, преимущественно, пытаюсь понять не дела и мысли убийц, а побуждения и чаяния тех, кто их пытается оправдать. И не из праздного любопытства, нет, а потому что и они и я принадлежим к одному народу. Легко ли мне от них отрезаться, как от части своей плоти? Они, несомненно, принадлежат к Большому народу, в составе которого городская чернь, деревенские лентяи, просто невежды из города и деревни – но и этот народ *нищих духом* входит в состав моего великого и вместе ничтожного и в целом несчастного народа.

Сталин создал могущественную страну! – утверждают они. Вот та духовная нить, которой защитники тирана связали себя с убийцами.

В Северной Корее из тридцатимиллионного населения пять миллионов умерли от голода, но зато у них есть теперь Бомба. Только народных ресурсов меньше, чем было у России, поэтому они не в состоянии завоевать Южную Корею и какие либо еще земли.

А Сталин, истребив пятьдесят миллионов собственного народа, оккупировал Восточную Европу. Но стала ли Россия могущественной страной? И стал ли Сталин великим полководцем?

Не хотелось бы говорить хорошо о Гитлере, но, не распыляя свой народ, имея против себя полмира, он оккупировал Европу от Атлантики до Волги. И только пытаясь проглотить славян, подавился. Славяне не были столь покорны, как французы, а русские заслуги в разгроме Германии тем более неоспоримы! И все же немецкая мощь была сокрушена совместными усилиями грандиозной антигитлеровской коалиции.

Какова же заслуга Сталина? Новый Чингиз-хан, которому случайно попала в руки великая страна, павшая в результате внутренней болезни, невиданной в истории Смуты, превратил ее в сырье для своих личных планов мирового господства. Планам этим, как и планам Гитлера, не суждено было сбыться. Немецкий народ, поддавшись рабовладельческой жажде, стал соучастником гитлеровских преступлений, но сам не был у него в рабстве. Русский же «народ», к несчастью, покорившись и помогая Сталину в терроре, виноват прежде всего перед собственным народом.

Что мы видим в итоге? Процветающая Германия (недавно побежденная) – и нищая бесправная грязная Россия (посмотрите на наши поля и доли!), недавняя победительница, где худшие истребили лучших.

Иллюзия силы, иллюзия могущества – не этот ли тлетворный наркотик меняет умы и сердца?

Мамай сжег Москву, Тохтамыш сжег Москву. Остались ли они в истории как великие полководцы? Нет, они только усугубили гниение собственной Золотой орды.

Величие достигается лишь с помощью духовных сил, таково величие Древнего Рима. Какие духовные силы были в государстве эзков? Какие духовные силы у униженного и бесправного и безграмотного русского народа сегодня? Наше время неотличимо от сталинского в главном – ***в тотальном унижении человека!***

По любому обвинению в преступлении, даже в самом вздорном, даже в таком, невиновность в котором подтверждается ПОТОМ даже нашим преступным продажным судом, обвиняемого СНАЧАЛА сажают в тюрьму, невинного – истязают (а даже просто заключение ни за что – разве не истязание?).

Если бы наш царь был из золота, гений всех времен и народов, экономика бы возрастала пуще всего мира, матери бы рожали счастливых детей, ученость и культура бы процветали на зависть другим, и то из-за одного только, что подозреваемого сначала сажают в тюрьму, а потом выясняют, виновен он или нет, честный человек должен бы был ненавидеть этот режим и считать его омерзительным! А в нашей стране НИКТО не поднимает голос протеста в защиту ПРАВА НА СВОБОДУ!

Гражданин может быть заключен в тюрьму лишь по решению Суда, и то только в чрезвычайных случаях, когда есть основания подозревать его в тягчайших преступлениях, подозревать, что он может стать источником опасности для других – только в чрезвычайных случаях гражданин может быть арестован на обусловленный срок, и правоохранительные органы обязаны будут давать отчет о причинах заключения надзирающему за правосудием обществу.

Гражданин обжалует в суде неправомерные действия государства – это должно стать нормой, обуздывающей государственный произвол! Чиновники, уличенные в нарушении Закона, должны быть наказаны! Чиновники, покрывающие неправомерные действия сослуживцев, должны быть наказаны!

Почему русский человек чувствует себя в собственной стране как в оккупированной зоне? Почему в темное время суток я боюсь не встречи с грабителем, а встречи с ментом? Почему я боюсь отстаивать свои права и уступаю силе? Потому что этот русский народ, который завоевал мою страну, узурпирует право ее представлять! Именем Пушкина и Толстого, Суворова и Кутузова он оправдывает своё право любить дьявольскую власть, которую он утвердил во времена большевистской смуты, ссылками на русский гений он оправдывает свое право любить тиранию. *Мы – великий народ!* – вопит он, потрясая дубиной, хотя сам не умеет писать стихов, даже леть не умеет уже и по пьянке, не доказывает теорем, не изобретает машин, не любит природу, не любит человека, не любит подчас жену и детей! Этот народ, который сегодня сильнее всех кричит о своем величии и о величии Сталина, ПРАВО СИЛЫ поставил на место СИЛЫ ПРАВА, молится сталину он лишь потому, что сталин сумел унижить гениев, расстрелял или заключил в темницу ВСЕХ свободомыслящих писателей и философов, ВСЕХ талантливых ученых и изобретателей, ВСЕХ хоть в какой-либо сфере талантливых и красивых людей. А кто же тогда делал полезное? Только ЗЭКИ или вчерашние эки!!! Хотите по именам? Припомните сами хоть одно имя русского человека, которым вы гордитесь, и спросите, где он окончил свои дни или где проводил свои лучшие годы!!!

За что любят Путина? Только за это же, за право силы! Кто его любит? Только те же, кто втайне или явно любит и Сталина.

Вот почему нужна революция! В бесправной стране, где уже растлен и народ, где не стыдятся восхвалять русского Гитлера, палача моего богатого духом народа, гангрену остановить можно лишь прижигая ее раскаленным железом.

Засыпаю, просыпаюсь снова и продолжаю все тот же бесконечный спор с теми, кто преклонился перед силой, возвысив ее до правды. «Не в силе правда, но в правде сила!» – говорит русская пословица, и Бог христиан на кресте возвестил то же самое.

Если ты Сын Божий, то сойди с креста! – вопила разъяренная толпа.

Почему Он не сошел, почему Он умер, когда многие жаждали, что Он посрамит гонителей?

Разве не мог Он словом одним уничтожить и судей, и стражников, и проклинающую толпу, Он, имеющий силу оживлять мертвых, камни превращать в хлебы и из трех коробов насытить три тыщи народу?

Не это ли главная загадка христианства, бóльшая, нежели искупление неведомого первородного греха (неведомого даже для верующих и богословов – или кто-нибудь из них выгнал бы из дому своих детей за послушание не трогать запретное яблоко?)

Итак, почему же не сошел Он с креста?

Ну, одно объяснение очевидно, Он и вочеловечился с намерением пострадать за человека, искупить его грех, и для этого принес Себя в жертву, и должен был миссию Свою довести до конца.

Но всё же ждали торжества Бога те, кто верил в Него. Они ожидали торжества правды над силой, но восторжествовала сила над правдой, восторжествовали судьи и стражники, а Бог умер.

Так почему же не восторжествовал Он над силой неправедных? И тогда, и потом, и всегда? Как не восторжествовала его правда, когда разрушали храмы в России, убивали священников и прихожан?

Значит, торжество Правды совершается НЕ через силу, а через слабость, ибо и любовь слабее ненависти, и дух слабее плоти, и невинность ребенка слабее отягощенной грехами зрелости.

Спаситель противопоставил силе – слабость, твердости камня – хрупкость цветка. Он не воздал Своим гонителям ни тогда, ни потом.

Кто не понимает этого и утверждает власть свою силой, – те антихристиане, как и европейская инквизиция, сжигавшая Жанну Д*Арк и инакомыслящих, как и русская «инквизиция», сжигавшая староверов.

А теперь кликушествующие повторяют слова апостола Павла «Бог поругаем не бывает», кощунственно свой человеческий суд выдавая за суд Бога – или они непогрешимы как папа Римский? Или они, вчерашние комсомольцы, ближе всех к Богу?

Да, и апостол Павел сначала был комсомольцем, но он в этом *покаялся*. Покаялись ли в своем прошлом наши нынешние ревнители Христа?

Апостол Павел говорит о верующих: «Итак, что же? имеем ли мы преимущество? Нисколько. Ибо мы уже доказали, что как Иудеи, так и Еллины, *все под грехом*, как написано: нет праведного ни одного; нет разумевающего; никто не ищет Бога; все совратились с пути, до одного негодны; нет делающего добро, нет ни одного.»

«Гортань их – открытый гроб; языком своим обманывают; яд аспидов на губах их.»

«Уста их полны злословия и горечи. Ноги их быстры на пролитие крови; разрушение и пагуба на путях их; они не знают пути мира. Нет страха Божия перед глазами их.»

Услышав всеобщий вопль: *Распни их!*, который объединил новых православных словно бы в новую черную сотню, невольно вспоминаю слова апостола, обращенные к своим же.

Засыпаю, просыпаюсь снова и продолжаю свой бесконечный спор...

Я верен русской истории. Осуждая неправедных царей, о других повторяю слова Пушкина «Простим ему неправые гоненья, он взял Париж, он основал Лицей!» Пытаясь понять революционеров (были ведь и люди среди них!), могу ли оправдать злонамеренное усилие России уничтожить вместе с лучшей частью ее народа, вакханалию жестокости, переживаемую революционными вождями? Надо быть слепым, чтобы и сегодня пытаться оправдать реки крови, проливаемые Лениным с его бандой. Дело же шло не о защите революции, Гражданская война была организована намеренно, чтобы под ее предлогом уничтожить лучшую часть народа. Голод был организован, чтобы сначала физически уничтожить церковь, затем – физически уничтожить крестьянство. И ведь это все происходило почти на наших глазах, видели наши родители, переживали наши дедушки и бабушки, мы же слышали в детстве их рассказы и ходили по руинам храмов и поместий, дворцов и парков.

А миллионы моих сверстников, у которых не вернулись с войны отцы? Как они могут восхвалять полководца, посылавшего их на бездумный убой? А ведь имеются многие свидетельства (даже Рокоссовский говорил о том же), что прославленный *Маршал Победы* был даже более жесток, чем Сталин! Это его циничные слова (бабы еще нарожают!) тиражируются сегодня в газетах.

31 августа 2012 г. Известно, что христианство соткано из противоречий. Но это не так. В главном архитектурный план безупречен и оправдан. И первородный грех, и порча мира, и необходимость сверхъестественной жертвы, и чудеса Христа, и уверование Савла по чуду явления Христа, и вера тех, кои «не видели, но уверовали» – все складывается в стройную систему.

Противоречия лишь в проповеди. Сначала: «Подставь и вторую щеку», а затем «не мир я принес, но меч». Не хлебом единым жив человек, а затем насыщение трех тысяч. «Не судите», а затем «скрежет зубный». Проповедь бесстрастия и огонь страсти, зажигающий сердца... Но и эти противоречия оправданы, как и противоречия нашей жизни.

Но оправдано ли пришествие Христа, Его искупительная жертва и смерть на Кресте? Есть ли смысл у нашей жизни и в чем он?

Ответ перенесен в будущее, в настоящем лишь ожидание ответа!
«*Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века!*» Но знаю ли?
И только второе Пришествие Христа положит конец сомнениям!

Почти всю ночь в интернете читал богословские статьи и речи, и вижу, необходимо еще кое что добавить к моим замечаниям. Во-первых, еще пояснить православным невеждам, что имел в виду апостол Павел, говоря, что «*Бог поругаем не бывает*».

Они, конечно, *дети умом*, поэтому склонны думать, наследники эпохи, в которой за каждое высказывание, задевающее большевицкую власть или ее вождей, КАРАЛИ вплоть до смертной казни, что и Бог *карает* за слова и поступки так же, а особенно за те, что задевают Его «честь и достоинство» (или *честь и достоинство* Его церкви – только Его ли? – или *честь и достоинство* Его иерархов – и тоже необходимо спросить, точно ли иерархи – Его? Не только потому, что они могут быть в чём-то плохи, но и совсем хорошие и безукоризненные – даже о них то справедливо ли говорить, что они – Его?)

Цитирую богословские статьи. Сначала об иерархах «плохих».

Духовно опытный протоиерей, страдающий о ранах Церкви, сказал: «Трагедия Церкви в том, что власть в ней захватили монахи.»

В том, что истинное благочестие и высота духа была свойственна епископату всегда именно как исключение, убедится любой, прочитавший подробную и не лакированную историю Церкви.

И ещё скажем: можно ли игнорировать тот факт, что подавляющее большинство нашего старшего епископата вышло в той или иной мере «из шинели Андропова»?

А отождествлять ли «церковь небесную», *невидимую*, тело Христово; и церковь земную, мирскую организацию, союз прихожан? И поелику отождествляется мирская церковная организация с небесной церковью, то и царь и папа римский (или патриарх) ошибочно отождествляются с самим Богом. Но «Царь земной пусть земными делами, касающимися лишь тела нашего, и управляет, но что касается нашей души, нашего спасения и Славы Божией, то на сие мы имеем иного Царя и Господа нашего – Бога.»

Впрочем, поговоришь с православными, и кажется, что присутствуешь на семинаре по научному атеизму, где и студенты ничего не читали, и преподаватель неуч.

О чем тогда с ними говорить? Принимать ли их всерьез? Тем более, спорить ли с ними? Почему я свои замечания высказываю скорее сам для себя, чтобы подвести черту под собственными отношениями с церковью.

Если в результате русской национальной революции больное государство поправится, то церковь снова будет отделена от государства, и тогда она озаботится и собственным благосостоянием, тогда услышится голос и нестяжателей. Или она упокоится, как упокоился Комсомол.

Итак, поругаем ли Бог, церковь, иерархи? Наказывает ли Бог за дела земные грешников? Православные чекисты полагают, что если кто сказал или сделал что-нибудь в отношении церкви не то, что они считают правильным, то *Бог сразу накажет!* Вот это ожидание (а скорее *требование расправ над неудобными*), они и оправдывают словами апостола Павла. Но ни стражников римских, распявших Христа, ни судей, осудивших Его на распятие, Бог наказать не спешил! И большевистскую власть, распинавшую церковь и христиан, Бог не наказывал, а лежит в мавзолее вождь всех вождей, и дети и внуки большевистских начальников живут в благоденствии, как видно и из печатаемых воспоминаний их.

Что же до сегодняшних ревнителей православной церкви, то не следует им забывать, что она происходит из церкви советской. А о плодах надо судить по дереву.

Митрополит Антоний писал Митрополиту Сергию в 1933 г.:

"... с нами разделяет Вас то, что Вы в желании обеспечить безопасное существование церковному центру постарались соединить свет с тьмою. Вы впали в искушение, сущность которого раскрыта в Св. Евангелии. Некогда дух зла пытался и Самого Сына Божия увлечь картиной внешнего легкого успеха, поставив условием поклонение ему, сыну погибели. Вы не взяли пример со Христа, св. мучеников и исповедников, отвергших такой компромисс, а поклонились исконному врагу нашего спасения, когда, ради призрачного успеха, ради сохранения *внешней организации* заявили, что радости безбожной власти – Ваши радости, и что враги ее – Ваши враги. Вы даже постарались развенчать мучеников и исповедников последних лет ... утверждая, будто бы они терпят темничное заключение, изгнание и пытки не за имя Христово, а как контрреволюционеры. Вы этим возвели на них хулу. Вы унизили их подвиг, расколодили тех, кто, может быть, приобщился бы к лику мучеников за веру. Вы отлучили себя от цвета и украшения Русской Церкви. В этом ни я, ни мои заграничные собратья никогда не последуем за Вами".

Кажется, уже достаточно полемики, свеча догорела, я теперь, скорее всего, разговариваю сам с собою.

И для себя записываю разные соображения, никак не служащие ни утверждению христианского учения, ни его ниспровержению.

Итак, как в художественном романе есть центральная идея, есть и в Новом Завете онтологическая ось: *Первородный грех* (искушение неопытной Евы Змием, злополучное яблоко и легковерный Адам, искушенный уже Евою); *Искушение греха* жертвою Иисуса Христа, Сына Божия (то есть Его *Распятие*); *смерть и Воскресение*. Вот онтологическая Троица, которая объясняет, почему пришел Христос и зачем, и на чем должно успокоиться наше сердце.

Но последнее, то есть наше человеческое чаяние, связано с ожиданием будущего века, с ожиданием Второго Пришествия Христа, Воскресения мертвых и Страшного Суда.

И это последнее вынесено за границы нашей жизни и нашей истории, вынесено за границы земного времени, можно сказать, что и за границы Бытия.

В личности Христа, в Его делах и проповедях для многих верующих воплощен идеальный образ непосредственной жизни, ее смысла. Но эсхатологический смысл вступает в противоречие с жизнью и миром, он не содержится в них, он за их гранью.

(Не так ли в идее коммунизма предстает жизнь грядущая, для которой мы оказываемся только СРЕДСТВОМ? Человек вместить это не может, и коммунизм оказался не состоятелен.)

Совсем напротив Семья и Родина. Даже жертвывая собою во имя них, мы жертвуем для настоящего, для того, что уже является содержанием нашей жизни, что ее непосредственно продолжает.

Вера во Христа Спасителя и вера в жизнь будущего века принципиально различны. Вера во Христа открывает нашу душу для приятия духовного света, она меняет нашу жизнь здесь и теперь; вера в будущее Преображение – утверждение теоремы без доказательства.

Или иначе: подражание Христу не разрывает время, не противопоставляет время вечности, не противопоставляет настоящее будущему. Вера в будущее Преображение обесценивает настоящее, посему и надобно (они полагают) отряхнуть мир, спать во гробе и жить аки умереть... Это главное и неустранимое противоречие христианства.

Принятие идеи о Первородном грехе умаляет человека, подавляет его виной, а женщину и вовсе превращает в «сосуд Дявола»; отнесение смысла бытия в будущее, после Второго Пришествия, умаляет жизнь.

Спасение наступит ПОТОМ. Протестантские сектанты утверждают, что Спасение УЖЕ наступило – но что-то не очень им верится.

Критики Евангелий обращают внимание на противоречия в проповедях и поступках Христа, то есть в самом *жизненном*, что содержится в христианстве – но жизненное не может не быть противоречиво. Так устойчиво здание или мост, части которых подвижны относительно друг друга, и рухнет сооружение, слитное абсолютно.

Так может быть, следует говорить о двух Христианствах: одно – это учение, в основе которого жизнь и поучения Христа, а другое – это дополнение ветхозаветной конструкции, вывод из его Онтологии?

Там, за пределами исторического бытия – одна истина, здесь, внутри истории – другая. Содержится ли одна в другой, и Новый Завет в Ветхом, как доказывал (и словно бы доказал, даже мне) апостол Павел?

Читатель, прости мне, что и я соткан из противоречий, дитя земных родителей. Что во мне и слезы, и смех, и отчаянье и вера... Любовь моя как хлеб, в ней и плоть и дух вместе. Ненависть моя, как опьянение, оно проходит. Какова моя вера, чему я учу? Если бы я это мог объяснить в немногих словах, я не написал бы свои книги.

Правда, я еще не узнал до конца, что есть истина. Но другие, *знающие*, знают еще меньше моего, следовательно, вы, те, кто еще ищет, слушайте не тех, а то, что говорю я, *незнающий*.

О чем я мечтаю? Я мечтаю умереть в свободной России, но для этого ее надо освободить от власти тирании. Вас страшат жертвы, которые мы понесем в этой битве? Или вы боитесь за себя, за свою «стабильность»?

Или надеяться на освобождение России уже невозможно?

Но страшно умирать, не пытаясь бороться!

И поэтому я мечтаю умереть в бою, даже безнадежном, мечтаю быть расстрелянным или замученным в тюрьме вместе со свободными, ибо дышать одним воздухом с рабами мне все горше. Я знаю, что чернь плонет на наши могилы, проклянет наши книги, клеветой и ложью испачкает наши имена. Но даже в каменной пустыне, в которую превращается моя Россия, русское слово взойдет новыми прекрасными стихами. Николай Гумилев был расстрелян в двадцатом году, тридцатисемилетним, семьдесят лет пребывал в забвении, но его стихи вновь вспоминают влюбленные и любимые – а помним ли мы имена его палачей?

И мои стихи вспомнят тоже!

На дорогах лужи, облака на небе.

Я маковое зернышко в жертве или в требе.

Да, плохо все, хуже некуда...

И все же, на такой ноте

Мне уходить негоже!

Я зимняя пчела в соте... –

Помоги выбраться, Боже!

Но пора прощаться с читателем. Все, что я знаю, я ему уже рассказал. И моя собственная судьба переводит дух, прежде чем предложить мне новую главу судебного повествования.

Любовь и нелюбовь, игра, измена,
От тяжелого труда до дня обмена
Затраченного времени на хлеб и соль,
От утреннего взгляда до колена...
Но, может быть, совсем уйти из плена,
Меня вместе с пьесой цель и роль?

Вновь чувственный пожар! Но дней остаток
Велит мне избегать любовных схваток,
Вглядеться на бегу в иную даль.
Ах, как я был удачлив, смел и хваток,
Любимец муз и дев, обманов, прятков,
Неужто мне осталось только: *Жаль!*?

Нет времени, нет счастья, нет удачи,
Машины, мотоцикла, близкой дачи...
Подруга меня тащит в интернет!
Но где найти минутку на подругу?
Бежать я успеваю лишь по кругу!
...Хотя подруги тоже, в общем, нет.

Нет счастья, нет удачи, нет свободы,
 Ни власти, ни богатства, ни природы,
 А вышел я задолго до зари!
 Нет слышащих – да и невнятные речи.
 Кидаются мне бедствия на плечи...
 И кто-то вдруг вздохнул: Не говори!..

Казалось бы, все то же: воздух синий,
 И утром на траве холодный иней,
 Черемуха опять готова цвести!
 Я – встреча параллельных линий,
 Сны музыки: Дюка, Масснэ, Беллини...
 Жизнь кончилась? Нет! – длится, будет, есть!

Девушки. Стихи. Культура. Природа. Россия. Если Бог нам поможет, то нечистую силу мы одолеем, ибо и я уже теперь не один.

Заходил к *очаровательной* на службу, она притащила мешок вещей для бедных подростков в деревне. Я дома посмотрел, и не знаю, что и сказать – словно бы весь свой гардероб собрала она, блузки и жакеты, пальто и сарафаны, и всё так изысканно и красиво, и как будто совсем и не ношено! А я ее мучил целый час, рассказывая онтологию и эсхатологию.

Ах, женщины! Вы ли не цветник для души? И что же это за истина, во имя которой надо вас не касаться? Что же это за истина, во имя которой надо верить, что вы – причина метафизической порчи мира, что Дьявол вас искусил, пропитал ядом, сделал своим орудием?! Нет, вы – лучшее, что сотворил Господь! ***Россия – тоже женщина, и она прекрасна!***

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

В нашем государстве, где каждый четвертый сидит или сидел, ни за что нельзя ручаться. Наш *автор*, по слухам, тоже *сидит*, если еще не расстрелян. Не ручается за свою свободу (и жизнь) и *издатель*.

Но если... если звезды нам будут благоприятствовать, я надеюсь издать еще одну небольшую книжку В. И., посвященную теперь уже математике, в таком, например, роде: «Простые числа!» А теперь и я прощаюсь с вами, читатель, надо, все же, засушить сухарей, ибо ни за что ручаться и в самом деле нельзя.

31 сентября 2012 г., воскресенье.

Последнее послесловие редактора

17 ноября 2017г. Итак, Книга закончена. Можно было бы ее зачеркнуть одним словом, определив ее как *претенциозную*, если бы она состояла только из поучений и обличений, писалась с апломбом человека, знающего истину и непоколебимо уверенного в ней, тем паче что в дополнение к этой книге была написана мною и следующая «Что есть истина?», и самоуверенность мне была действительно свойственна.

Но теперь эти две книги я соединил в одну, существенно изменив, ярость обличений приглушил, угрозы наказаний отставил, ни в ад не обещаю послать, ни даже на Колыму (ну, если только на строительство Северной железной дороги особенно дерзких грешников), и хотя, разочаровавшись в действительности проповедей, книги свои я не сжег, подобно Гоголю, но глубоко задумался: о чем и как мне писать далее? Надо писать по другому... все думают не так как я, все уверены в своей правде, даже уверены больше меня, моих доводов и доказательств не слушают... Написал бы я, разочаровавшись в мире: «Паситесь, мирные народы, вас не разбудит чести клич!» – но даже эти слова уже написаны другим поэтом, разочаровавшимся раньше меня... Правда, он отчасти утешил себя, говоря, что хотя «На свете счастья нет, но есть покой и воля», но после него другой замечательный поэт, Александр Блок, горестно заметил, что и «покоя нет, покой нам только снится...»

Увы, «никому ничего нельзя доказать, – говорил Достоевский устами старца Зосимы, – но можно проверить» – но по логике Александра Блока я теперь думаю, что и проверить нельзя ничего тоже! Не сможем мы вложить персты в язвы Распятого, не сможем воскреснуть, не явится нам на перепутьи от сомнения к отчаянию шестикрылый серафим и сердце не заменит на пылающий уголь, а праздный и лукавый язык не заменит *на жало мудрыя змеи*.

Волхвы не приходят. Музы не являются даже во сне. Но и все то, что я написал, пока они приходили, не интересно читателю...

Не будет большой натяжкой сказать, что в семь лет я отправился на поиски *духовной свободы, художественного таланта и дара убеждения*, шестьдесят с лишним лет проискал их, вернулся к себе – вернулся ли? К тому ли, каким я когда-то был? – то есть справедливо, что я назвал свою книгу именно так – *«Поиски длиною в жизнь»* – но сознаться ли, что я стою у порога своего дома с пустыми руками?

Книга не бесполезна. Я ее еще не перечитывал всю, но некоторые страницы, которые мне случайно попадались на глаза, меня задевали. Возможно, кто-нибудь ее прочитает всю, возможно, она его заденет... Но я утешаю себя иначе: «Надо теперь написать по другому. Возможно, даже писать о другом.» Я пытался соединить свои взгляды на мир в связную систему – но в системе нет истины, мир не целен, он не един в своих частях, моя деревня, в которой я живу, не является продолжением леса, они различны и не могут стать единством. Вот так же и я не един с теми, кто жил по другому, по другому учился, другие книги читал. Они видят мир иначе, чем я, но ведь никто из них не начнет свою жизнь сначала, не перечитает те книги, которые читал я, не расположит пророков и учителей в другом порядке. Уже тому, кто не слушает музыку, я всегда буду чужд, но так же буду я чужд и тому, кто не пережил восторга при доказательстве теоремы о бесконечности ряда простых чисел. Я скорблю о сожжении Александрийской библиотеки – большинство о ней даже не слышало... Значит, мы не соединимы? Или надо отправиться в новые поиски? Но успею ли я дойти и вернуться?!

ДОПОЛНЕНИЯ и ПРИМЕЧАНИЯ

(*) Стр 74. Возражения Канту.

Анализируя процесс восприятия объекта, мы приходим к выводу, что "и форма и цвет не содержатся в *прообразе*, а созидаются сознанием. В прообразе содержатся атомы и отражаемые ими световые лучи. Но не содержится теорема о пропорциональных отрезках."

Восприятие – это отношение двух миров, объективного и субъективного. Не только форма и цвет не содержатся в объективном мире, но и ощущение *удаленности*, то есть близости и дальности, соседства и раздельности, взаимного порядка нескольких предметов; не содержится в объективном и представление о единичности и множественности. Мы воспринимаем предметы, переводя взгляд с одного из них на другой, к образу предмета добавляем идею о его единичности или множественности, которая, конечно, не содержится в самом предмете. Даже ощущение (или оценка) горячего и холодного не содержится в предмете, в нем имеется определенное состояние его атомов и количество тепловой энергии, но не свойство вызывать в нас ощущение холода или жара. Но также и вся математика, физика и химия не содержатся в объективном мире предметов, но только в сознании, и человеческое общество в своем развитии их создало, а не содержались они с начала мира вне.

Однако, разве "действительность бытия [не] включает в себя и синее и красное, и плотное и протяженное, и красивое и безобразное, словом, всё, что мы чувствуем, переживаем и мыслим, и логические, этические и эстетические категории бытия, как и количественные отношения в нем, ... [а] в восприятии происходит формирование целостного бытийного образа, вполне адекватного *прообразу*? Если ограничивать объективный мир совокупностью вещей в себе, то с одной стороны, она предстанет невероятно убогой, почти пустой, ибо даже и понятие *прообраза* и *вещи в себе* существуют в субъективном мире, а с другой, окажется непознаваемой, так что человек не только познает только мир образов, но и живет в субъективном мире, а не в объективном.

Что внешний мир не совсем таков, как его образ в восприятии, показывает то, что рыбы и насекомые воспринимают его не так, как человек, что заставляет предположить, что и наше восприятие не тождественно этому внешнему миру, но сама пропасть, разверзающаяся в воображении Канта между объективным миром *вещей в себе* и субъективным миром *вещей для нас* (миром иллюзорным, ибо он состоит только из мысленных и чувственных впечатков в нашем сознании непостижимой действительности) – иллюзорна, так как исходное разделение полноты действительности на миры *вещей в себе* и *вещей для нас* существует только в нашем сознании и, следовательно, является иллюзией, всего лишь мыслью и связанным с ней ощущением.

Таким образом, или синее и горячее существуют только в нашем восприятии, но не в мире (да и Сам Бог существует только в нашем уме, даже не в восприятии, ибо и в Священном Писании говорится, что *Бога никто никогда не видел*, следовательно, не могло формироваться в нашем сознании даже образа Его), или отношения объективного и субъективного богаче и шире, чем это предстает из кабинета или библиотеки. Заслуга Канта состоит в том, что он обратил внимание на наше мышление и восприятие, заставил задуматься, правильно ли мы мыслим, вот даже и я начал писать «Письма о заблуждениях ума», но сам мыслитель часто в плену ложных схем. В этом отношении интересна одна его брошюра о необходимости всегда говорить правду. Представим себе (говорит мыслитель), что через развилку дорог пробегает наш товарищ и сворачивает налево, а через некоторое время прибегают разбойники и спрашивают, куда побежал тот, за которым они гонятся. Надо ли пытаться разбойников ввести в заблуждение (ибо ведь может оказаться, что наш товарищ уже передумал и свернул, чего мы не заметили, как раз на правую дорогу)? Надо ли следовательно говорить всю правду, особенно о наших близких (Римское право оказывается умнее Канта, оно давно сообразило, что самых близких надо освободить от необходимости давать показания, и жена НЕ обязана свидетельствовать против мужа, и дети против родителей, и для них снимается вопрос о том, надо ли всегда говорить правду. Следовательно, и Стив Облонский правильно поступал, что скрывал, сколько мог, свои похождения от Долли, как потом и сама Анна Каренина тоже свои похождения скрывала от Каренина... Вот также, надо ли размышлять о том, *может ли Бог, если Он всемогущ, создать камень, который не сможет поднять*, а не продуктивнее ли подвергнуть критике Священное Писание, навешанное Палестинской пустыней и навязанное Античному миру иудейскими отщепенцами, – отвергнуть вместе с богословием, «отцами пустынножителями и непорочными женами»?)

Антиномии Канта разрешаются идеей Беркли о более сложном единстве объективного и субъективного миров. Мир создан Богом и находится в его уме, вместе с запахами и цветами, ибо и запахи и цветы созданы Богом, и сам человек, притом творчество и созидание были подобны тому, как творит человек дом или книгу, следовательно, в начале сотворения мира должна уже была существовать и воплощаться инженерная мысль, и не только следовало предусмотреть онтологические предпосылки мироздания и бытия, но и куда все это должно будет двигаться и развиваться, то есть эсхатологию, а посему и этика, и эстетика, и логика, и математика и физика и химия уже должны были существовать в уме человека. Представление о том, что если бы Пифагор не сформулировал свою знаменитую теорему о соотношении катетов и гипотенузы, то мир так бы и не узнал об этом, превращает историю мира в непредсказуемый хаос, в набор случайностей (хотя, правда, известное заклинание «все по воле божий» – еще ужаснее). Все дело в одно-

сторонности и узости ума: либо все идет абы как, без плана и направления, либо наперед можно рассчитать положение каждого атома во вселенной (будто вселенная исчерпывается только атомами, а тепло и холод, запах и цвет только в сознании, как я уже говорил). Но хватит мне заниматься *уроками для первого класса в косую линейку*, более я уже не буду спорить ни с верующими ни с неверующими, ни с материалистами, ни с солисистами, ни с анархистами, пусть каждый думает как может, я буду писать для тех, кто уже умеет мыслить, следовательно где-то чему-то уже учился (и, возможно, вся проблема только в образовании и развитии ума и личности. Если бы некий богатый дал мне достаточно денег, на которые я смог бы создать Русский университет – помимо русского журнала – и не тиражом в три с половиною экземпляра и полтора учащихся, а полноценный журнал и полноценный университет, хотя бы величиною с Александровский Лицей, то без войн и революций Россия сегодня бы процветала. Но Бог не подсылает ко мне богатого да и сам ко мне не приходит, видимо, его задача ДОМУЧИТЬ меня до последнего предела, возможно, он думает, что так я скорее поумнею... да уже времени нет, Господи! Да уже силы иссякают, Господи! Да долго ли я еще буду в состоянии топор в руках держать, чтобы им расколоть дрова и построить баню? И напечатать с его помощью сей злополучный никчемный бессильный журнал? Ибо властная мышка мизинчиком шевельнет, и меня вместе с журналом даже на Колыме не найдут, даже под слоем вечной мерзлоты не отыщут! А я вещаю о сотворении мира...)

Итак, Бог сотворил плоть (вещество) и соединил её с тем, что уже существовало в его уме и что, быть может, уместно назвать «прообразом» того, что существует и продолжает накапливаться в уме человека, то есть и с математикой, и с физикой, и с химией., и с этикой, и с логикой, и с эстетикой, с представлением, ощущением, временем и пространством, "цветом и запахом" – сие и было сотворением мира. Каким образом был сотворен человек, я (пока) не знаю, но творение это могло быть и кратко-временным, могло привлечь и длительный процесс эволюции (если только Богу не надо было торопиться). Возможно, сотворение мира было одновременно и сотворением субъективности и объективности, то есть разделением целого на противостоящие части, следовательно, сотворением *восприятия, понимания, размышления* (уместно допустить, что в Боге сие протекает иначе, иначе существуют и пространство и время), ... да и многое, возможно, иначе, хотя несомненно, что многое и *подобно* (как и сказано в Библии – не глупым, надо сказать, философом).

Но мир не только разделен (перед каковой разделенностью и остановился Кант), но и соединен; вещи и сущности, тела и идеи, пространство и время находятся в неразрывном единстве. Я сижу в комнате в Петербургском доме, окруженный книгами – где проходит граница, отделяющая мое Я от внешнего мира? Эта комната – тоже тело мое, как и мир в целом (отчасти), как и вода и воздух. Я не Дух, созерцающий все то, что не есть Дух и не есть Я, воздух дышит мною

(без него меня бы не было, и он уже изначально создан для моего дыхания или мы созидались вместе), и вода мною пьёт, и книги мною читают). Итак, мы есть вместе, мы уже прилажены друг к другу, все цвета и запахи, атомы и электроны соответствуют движениям и ощущениям моего тела и моего сознания. Все то, что не было прилажено ранее, требует для своего восприятия и начала взаимодействия со мною некоторых дополнительных усилий моего Я или общего Я народа (человечества) в целом, таким образом появляются микроскоп и телескоп и, наконец, телеграф и телефон, а далее появляется восприятие звуков и даже изображений, восприятие, в котором нет ни образа ни прообраза, что даже меня самого ставит в тупик, ибо я ясно сознаю, что синее небо уже ДО восприятия существует как синее небо, ибо оно существует изначально в уме у Бога так, как мы его потом видим – но то, что я слышу по телефону, существует сначала НЕ в виде звуков, а только затем преобразуется в них... Но пока хватит.

Диалектика, софистика, переход количества в качество и прочая чепуха

Если всё по воле Божией, то и камни превратятся в хлебы, и тремя корзинами объедков можно насытить три тыщи народу. Я допускаю, что кое что, как исключение, совершается не обыденным образом, и даже умершая девица может вдруг встать. Но в мире, в котором это происходило бы повсеместно и ежечасно, было бы невозможно жить. Мне приходилось редактировать фантастические романы, в которых по воле магов близкое становилось далеким и наоборот, возникали и исчезали горы, открывались туннели для перехода в иные миры – и я почувствовал, что лучше не спешить попадать в эту жизнь, в нашей, где властвуют казнокрады и всеильные правители, все же жить сравнительно безопаснее, есть надежда спрятаться даже от чекистов, уехать на Ласточке в деревню, затопить баню... в общем, кое какие надежды даже в моем отчаянном положении еще есть. Но с магами будет хуже!

Итак, *причинно-следственные отношения, случайности, человеческая воля и чудо* соединяются в некое единство, формирующее жизнь и Историю мира и человека. Научное познание и мышление подвело под понимание движения естественной истории (то есть изменений в неживой и живой природе) прочный логический фундамент – но все ли в нем прочно и все ли верно? Существуют философские положения, которые не имеют ни строго физического, ни строго математического содержания, однако якобы определяют жизнь во вселенной, это так называемые «законы диалектики», сформулированные Гегелем и всемерно распропагандированные Марксом и его последователями (большевиками), имевшими, кстати сказать, такое же отношение к философии, какое счетовод или землемер (или продавщица цветов) имеют к математике, это софистические афоризмы: «единство и борьба противоположностей, отрицание отрицания и переход количества в качество».

В данной статье я остановлюсь на последнем афоризме.

Ломоносов когда-то сформулировал закон сохранения массы вещества, актуальный для физики и химии и гласящий, что «сколько в одном месте убудет, столько прибудет в другом», что, конечно, было не очевидно (особенно при химических превращениях) и важно, при этом сами физические и химические превращения были разнообразны и влекли за собою множество изменений состояния и качества веществ и предметов, зимою вода замерзала, весною снег превращался в воду, при горении дерево превращалось в угли, золу и дым (обратного превращения не происходило), при добавлении воды в спирт смесь нагревалась и объем ее оказывался меньше суммарного объема воды и спирта, некоторые вещества взрывались или загорались при тряске или их способность взрываться увеличивалась при увеличении объема... Из всего множества разнообразных превращений веществ диалектика, которая при своем зарождении была софистикой, выделила кипение воды при нагревании и назвала это превращением количества (то есть добавочного тепла) в качество (превращение воды в пар при кипении).

Однако свойство теплопроводности показывает, что *как правило* тепло и накапливается, и поглощается и рассеивается безо всякого изменения качества, примером чего служат все обогревательные бытовые приборы, например простая деревенская печь. В школе мы узнали, что при нагревании газы расширяются – считать ли расширение переходом количества в качество? К чему отнести сложные биохимические процессы, когда при работе согревается работник (или когда он одевает шубу)? Не естественнее ли для физика и химика (и даже для философствующего обывателя) говорить о движении и превращении энергии из одного вида в другой, кинетической в тепловую и наоборот, а вовсе не о *превращении количества в качество*, тем более если иметь в виду закон Ломоносова о сохранении количества вещества – количество не убывает и не возрастает, тем более ни во что другое *не превращается*, а остается неизменным (за редким исключением, например, в нашем студенческом общежитии вдруг в шкафу исчезла половина бутылки водки, хотя качество ее при этом НЕ изменилось). (Подобные гегелевским законы мироздания часто формулируют писатели, особенно фантасты, но они не овладевают умами человечества). [Кстати сказать, такого же рода теория Маркса о создании рабочими и незаконном присвоении капиталистами прибавочной стоимости.] К сему еще надо добавить, что **количество** – это **мера** пространства, энергии и массы вещества, мера даже времени, и как всякая МЕРА, она ничего не добавляет и не убавляет ни к пространству, ни к времени, ни к веществу, мера того, что существует, НЕ МОЖЕТ ни во что превращаться, ни убывать ни возрастать, но только горы растут или становятся ниже, реки и моря мелеют или становятся полноводнее, китайские бабы рожают и население Китая растет, а русские бабы перестали рождать (хотя виноваты в этом русские долба...бы), и русский народ вырождается, при этом вырождение не является следствием уменьшения численности, а происходит по другим причинам.

20 ноября 17. Философ стремится создать цельную систему мира (или бытия) [и у Страхова его книга так и называется «Мир как целое»], того же требует от него читатель. Нет ничего общего ни у меня, философа, ни у читателя с далекой звездой Альдебаран, но непременно надо, чтобы мои философские рассуждения обнимали собою и человека и звезду, не только в отношении тела (которое у нас, как мне кажется, ну совсем ничего общего не имеет, но и в отношении души (словно у звезд есть души?) Рассуждения об общем и общие рассуждения бессодержательны, я от них сторонюсь, поэтому дети, ощущающие и мыслящие жизнь в частностях, со мною умеют говорить, взрослые думают, что я не пишу ничего важного. Системы представлений о мире нет. Нет даже мира как аксиоматического понятия, мы живем в пространстве, которое не только наполнено предметами, но и событиями, протекающими во времени, но события исчезают и в мире не остаются, поэтому понятие Мира мало относится к жизни. Вот почему роман о частной жизни какой-нибудь Анны Карениной содержательнее, чем общие рассуждения, и в возражении Канту о необходимости говорить правду я не начинаю философствовать, а ссылаюсь на Анну Каренину, которая утаивала от своего мужа свои похождения – или их надо было ему открывать с самого начала? Таким образом, философия содержательна лишь в той мере, в которой ее рассуждения опираются на **действительность** – житейскую, научную, историческую или на действительность литературы и поэзии. Таким образом, читатель, перед тобою не поток сознания, не набор не связанных друг с другом рассуждений, а стройная философская система представлений о жизни, причем каждое следующее рассуждение или событие словно бы логически вытекает из предыдущего. Если я пишу: «так как медианы пересекаются в одной точке, ТО...» – или «вчера мы увидели, что медианы пересеклись, а сегодня произошло вот что...», то это равносильные теоремы. То что произошло сегодня в моих поисках, это теорема или следствие в закономерном ряду учебника жизни (или Путешествия на Северный полюс), которые я тебе представляю на этих страницах...

На этом странном замечании я тебя пока и покину, мой читатель, мне надо еще купить гвозди, и следующую книгу я начну писать после того как ... в общем, нескоро... многое вопиет, и я не успеваю на всё ответить...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к Книге	3
Часть первая. Письма о заблуждениях ума	
Предисловие к самодельной философии	5
Письмо первое – О происхождении жизни	7
Письмо второе – Апории Зенона	19
Письмо третье – Неустрашимые противоречия	35
Письмо четвертое – Метафизика существования	48
Письмо пятое – Заметки об эволюции	62
Письмо шестое – Возражения Канту	74
Письмо седьмое - Прибавочная стоимость	81
Письмо восьмое – Возвращаясь к Канту	90
Письмо девятое. Продолжая и возражая Канту	92
Часть вторая. Поиски философии	
Предисловие	99
Глава первая. Импульсы к моему философствованию	100
Глава вторая. Отвязываясь от заблуждений	107
Глава третья. Мир и душа. Бытие	111
Глава четвертая. Так что же делать?	113
Глава пятая. Россия и Европа	117
Глава шестая. Замыслы.	119
Глава седьмая. Новые мысли о заблуждениях ума	122
Часть третья. Поиски могилы отца	
Глава первая	125
Глава вторая	134
Глава третья. Безымянная высота	140
Глава четвертая. Кто виноват	146
Глава пятая	153
Часть четвертая. Язык и народ	
Путь домой	160
Когда мы были молоды	171
Комментарии к реформе русского языка	173
О том и сём	181
Часть пятая. Письма русского человека	
Глава первая. Ничто человеческое и мне не чуждо	186
Глава вторая. Два народа	196
Глава третья. Две противостоящие части народа	205
Глава четвертая. Низость и величие	208
Глава пятая. За Россию обидно	216

Часть шестая. Редактирование мира

Заметки редактора	228
Новые заметки редактора	233
Я подошел к обрыву...	238

Часть седьмая. Последние дни или ночь над Россией

Новое предисловие	244
Глава первая. Что и для чего я пишу?	250
Глава вторая. Философия национализма	256
Глава третья. Народ	259
Глава четвертая. Что есть Истина?	262
Глава пятая. Сомнения	264
Глава шестая. Обвинение	266
Глава седьмая. Механизмы одурения	270

Часть 8. Основания Российской государственности

Глава первая. Национализм	275
Глава вторая. Социализм	284
Глава третья. Право	285
Глава четвертая. Национализм, христианство, социализм	286

Часть 9. МИР И ЧЕЛОВЕК

Глава первая. Друзья и враги	291
Глава вторая. Какую философию я тщусь предложить?	297
Глава третья. Разрушение мира	304
Глава четвертая. Пространство и мир. Душа и мир.	308
Последняя глава: Обзор своего и чужого.	310
Послесловие	316
После Послесловия. Поэт и царь. Поэт, Бог и народ	328

Часть 10. СБОРЫ В ДОРОГУ

Условное и безусловное предисловия	334
Глава 1. Истоки духовной свободы	335
Глава 2. А что же народ?	344
Глава 3. Народ и революция	348
Глава 4. Пространство жизни	351

Часть 11. МИР И ДУША

Глава 1. Пусси Райот	358
Глава 2. Христианская Троица	363
Глава 3. Что есть Истина?	366
Еще разрозненные листки	385
Дополнения и Примечания	398

Василий Иванович Чернышев

Металогика Откровения

Книга вторая

ПОИСКИ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Рисунки из собрания автора

Текст книги размещен на сайте
spb-pisateli.ru

Подписано в печать 4 мая 2018
Формат 60x90 1/16 25, 5 п.л., **408** стр.
17 x 24 = 408

Печать по требованию

Санкт-Петербург
2018

ДЛЯ ЗАМЕТОК и ВОЗРАЖЕНИЙ
